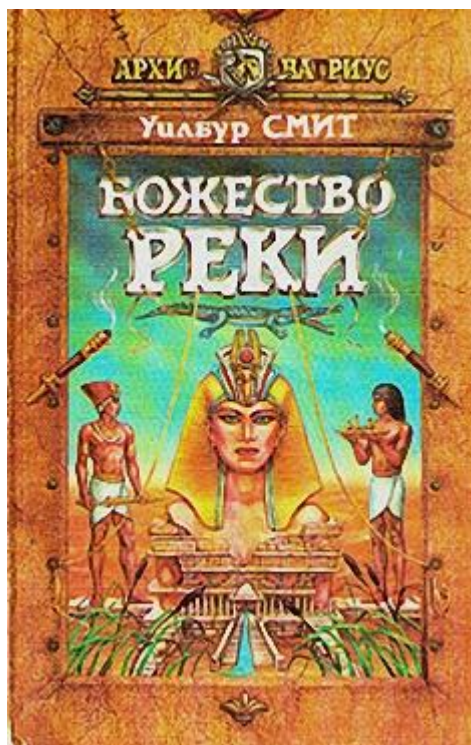

Уилбур Смит Божество реки

В основу увлекательного романа легла подлинная история пылкой и преданной любви, изложенная на папирусах, обнаруженных в гробнице неизвестной древнеегипетской царицы.

Это рассказ раба-евнуха по имени Таита — врача, философа, поэта, инженера и астронома, ментора царицы с младенчества и до её смерти.

Эта книга, как и многие предшествующие, посвящается моей жене Даниэлле Антуанетте.

Нил, несущий свои воды на страницах романа, пленил нас обоих. Мы провели много счастливых дней, путешествуя по этой реке и гуляя по его берегам. Как и наша жизнь, книга моя рождена той Африкой, где мы с тобой были вместе.

Однако любовь моя к тебе, дорогая, глубже и сильнее великой реки.

РЕКА пролежала посреди пустыни тяжелой и блестящей полосой расплавленного металла, вытекающей из горна. Небо было затянуто жаркой дымкой, и солнечные лучи опускались на землю как удары кузнечного молота. Высокие холмы по краям долины Нила, казалось, дрожали под этими ударами.

Наша ладья быстро скользила у островков папируса. Берег находился так близко, что слышался скрип «журавлей», подававших воду на поля. Их мелодичное поскрипывание гармонично сливалось с пением девушки на носу ладьи.

Лостре было четырнадцать. Последнее половодье Нила началось в тот самый день, когда ее первые месячные расцвели красным цветком, и жрецы Хапи сочли это совпадение крайне знаменательным. Имя это — Лостра — имя женщины, которое заменило ее детское имя, означавшее «Дочь воды».

Память об этом дне жива во мне. С годами Лостра станет еще более красивой, еще более гордой и величественной, но никогда больше не будет сиять она тем ошеломляющим светом девственности, который излучала в тот день. Каждый мужчина на борту ладьи, даже воины на скамейках гребцов, ощущал это сияние. Ни я, ни кто-либо другой не могли отвести от нее глаз. Ее вид наполнял мое сердце чувством собственного убожества и глубокой острой тоской. Хотя я и евнух, но оскостили меня после того, как я познал радость женского тела.

— Таита, — позвала она меня, — пой со мной! — Я повиновался, и она заулыбалась от удовольствия. Мой голос был одной из причин, по которой она всегда, когда это было возможно, старалась держать меня поблизости: мой тенор великолепно, до совершенства дополнял ее нежное сопрано. Мы пели одну из старых крестьянских песен о любви. Она выучила ее в детстве и до сих пор любила.

Встречу я милого, раненой птицей
Сердце трепещет, к небу взлетая.
Он улыбнется — щеки зардеются,
Словно согретые утренним солнцем.

С кормы ладьи послышался другой голос и присоединился к нам. Это был голос мужчины, глубокий и сильный, хотя и не столь чистый и звонкий, как мой. Если мой голос можно было бы сравнить с песней дрозда на рассвете, то этот голос походил на рык молодого льва.

Лостра обернулась, и улыбка заиграла на ее лице, как лучи солнца на поверхности Нила. Мне пришлось проглотить жгучий комок зависти, когда я увидел эту улыбку, хотя предназначалась она моему другу. Я заставил себя с любовью улыбнуться Тану, так же, как и Лостра.

Отец Тана, Пианки, вельможа Харраб, был одним из величайших и знатнейших людей Египта, но матерью его стала дочь вольноотпущенного раба из племени Техену. Как и у многих из ее народа, у нее были светлые волосы и голубые глаза. Она умерла от болотной лихорадки, когда Тан был еще ребенком, и поэтому я плохо помню ее. Однако старые женщины говорят, что такая красота редко встречается в обоих царствах на берегах Нила.

Однако отца Тана я знал хорошо и задолго до того, как он потерял свое огромное состояние и обширные владения, которые одно время могли сравниться с владениями самого фараона. Это был смуглый человек с большими египетскими глазами полированного обсидиана. Его можно было назвать скорее сильным, чем красивым человеком, с сердцем щедрым и благородным. Некоторые даже считали, что у него было слишком щедрое и доверчивое сердце, поэтому он и умер в нищете, а сердце его разбили те самые люди, кого он считал своими друзьями. Он умер в забвении, вдали от ярких лучей благосклонности фараона.

Казалось, что Тан унаследовал все самые лучшие черты своих родителей, за исключением несметного богатства. По характеру и по силе своей пошел в отца, по красоте — в мать. Так почему же любовь моей госпожи должна меня огорчать?

Я тоже любил его, а кроме того, я, бедное бесполое существо, никогда не мог бы обладать ею, даже если бы боги смогли поднять меня над моим теперешним положением раба. Однако такова ненормальность человеческой природы: я жаждал иметь то, что не мог иметь, и мечтал о невозможном.

Лостра сидела на подушке на носу ладьи, а у ее ног лежали ее рабыни, две маленькие черные девушки из Куша, гибкие, как пантеры, и совершенно нагие, если не считать золотых колец на шее. Сегодня Лостра надела только юбку из белого льна, белую и сверкающую, как крыло цапли. Обласканная солнцем кожа ее напоминала смазанную маслом древесину кедра с гор Ливана. Грудь, увенчанная гранатовыми острями сосков, были размером со спелый инжир.

Она сняла парадный парик и заплела волосы в одну большую косу, которая толстой

веревкой висела у нее на груди. Очертания раскосых глаз подчеркивали легкие мазки серебристо-зеленой малахитовой пудры, искусно нанесенной на веки. Глаза тоже были зеленые — того самого ярко-зеленого цвета нильской воды, когда половодье кончается и река снова возвращаются в свое русло, оставив на берегах драгоценный ил. На золотой цепочке между ее грудей висела фигурка Хапи, богини Нила, сделанная из золота и драгоценного лазурита. Разумеется, фигурка была великолепна, так как я собственными руками создал ее.

Внезапно Тан поднял правую руку со сжатым кулаком. Гребцы как один перестали грести и подняли весла, концы которых заблестели на солнце. Затем Тан налег на рулевое весло, и одновременно гребцы по левому борту стали грести назад, глубоко опуская весла в воду и оставляя цепочку маленьких водоворотов на зеленой воде реки. Гребцы по правому борту начали быстро грести вперед. Ладья повернулась так резко, что палуба угрожающе накренилась. Затем гребцы с обоих бортов налегли на весла, и ладья рванулась вперед. Острый нос, украшенный синими глазами Гора, раздвинул густые заросли папируса, и она выскользнула со стремнины реки и пошла по спокойным водам лагуны за зарослями тростника.

Лостра перестала петь и, прикрыв глаза от солнца, посмотрела вперед.

— Вон они! — закричала она и протянула вперед изящную маленькую ручку. Остальные ладьи флотилии Тана перегородили южный край лагуны, словно огромной сетью закрыв выход из залива в реку.

Разумеется, Тан выбрал себе место на северном фланге. Он знал, что охота там будет самая яростная. Я пожалел об этом. Не потому, что я трус, а потому, что мне нужно было позаботиться о безопасности моей госпожи. Она всеми правдами и неправдами старалась попасть на охоту на борту ладьи «Дыхание Гора» и, конечно, заставила меня по mogul ей. Когда отец, узнает, а узнает он непременно, о ее присутствии в самом горячем месте охоты на гиппопотамов, мне не поздоровится. Но если ему также доложат, что она оставалась с Таном целый день, даже мое привилегированное положение не сможет защитить меня от его гнева. Указания относительно этого молодого человека были однозначны.

Однако, судя по всему, волновало это только меня. На борту «Дыхания Гора» все были охвачены возбуждением. Тан властным жестом остановил гребцов, и ладья медленно заскользила по поверхности реки и тихо остановилась, покачиваясь. Зеленая вода была спокойна, и когда я поглядел за борт, на меня уставилось мое собственное отражение. В который раз меня поразило, как хорошо сохранилась моя красота несмотря на минувшие годы. Мне казалось, будто лицо мое было красивее ожерелья небесноглубых лотосов, которое обрамляло его. Однако времени любоваться собственным отражением не было. На борту поднялась суета.

Один из ближайших помощников Тана поднял на мачте его личный вымпел. На нем красовалось изображение Синего Крокодила с большим застывшим хвостом и разинутой пастью. Только военачальник такого ранга, как лучший из десяти тысяч, имел право на собственный вымпел. Тан достиг столь высокого ранга и стал командиром отряда 2Синего Крокодила», личной, отборной охраны фараона, когда ему еще не исполнилось и двадцати лет.

Вымпел на верху мачты стал сигналом к началу охоты. Далеко, почти на горизонте, суда флотилии пришли в движение. Крошечные на расстоянии, блестящие на солнце весла стали ритмично бить по воде, поднимаясь и опускаясь, как крылья летящих гусей. За кормой судов оставались многочисленные ряды неподвижных волн, которые возникали на поверхности спокойных вод и долго не исчезали, будто вылепленные из плотной глины.

Тан опустил за корму гонг. Он представлял собой длинную бронзовую трубу. Ее конец находился под водой. Если ударить бронзовым молоточком по этой трубе, пронзительные вибрирующие звуки разнесутся по воде, заставляя нашу добычу замирать от страха. К несчастью, я знал, как легко этот страх переходит в смертельную злобу и ярость.

Тан рассмеялся, глядя на меня. Несмотря на возбуждение почувствовал мое

беспокойство. Для грубого солдата он был необычайно чутким человеком.

— Иди сюда, Таита. Поднимись на кормовой мостик! Ты будешь бить в гонг. Это отвлечет тебя от забот о твоей прекрасной шкуре.

Его легкомыслие оскорбило меня. Однако предложение подняться на мостик принял с облегчением, так как тот находился высоко над водой.

Я выполнил его приказ не спеша, достоинством. Проходя мимо Тана, задержался на мгновение и упрекнул его:

— Позаботься хоть немного о безопасности моей госпожи. Слышишь, парень? Не толкай ее на безрассудство, она такая же сумасшедшая, как и ты. — Я мог говорить так со знаменитым начальником десяти тысяч, потому что он был моим учеником и не раз моя трость гуляла по его воинственным ягодицам. И теперь он усмехнулся в ответ, как и тогда, с таким же вызывающим и дерзким выражением лица.

— Предоставь даму мне, умоляю тебя, дружище. Поверь, ничто не доставит мне большего удовольствия.

Я не стал упрекать его за подобные слова и невежливый тон, потому что спешил на свое место на корме. Оттуда я видел, как он поднял свой лук.

Его лук был известен во всем войске, и не только в войске, но и на всем протяжении реки от моря до порогов. Я сам сделал для него этот лук, когда ему перестали нравиться те маленькие луки и стрелы, с которыми ему приходилось иметь дело. Я предложил тогда сделать лук не из тонких деревьев, растущих по берегам реки, а из какого-либо другого материала, хотя бы из такого редкого, как сердцевина оливы, растущей на земле хеттов, или черного дерева, растущего в Куше, или таких необычных материалов, как рог носорога или бивень слона.

Однако первая попытка поставила перед нами множество проблем. Главной из них оказалась хрупкость всех этих экзотических материалов. В первозданном состоянии слоновая кость трескалась при сгибании, и только из самого большого и дорого бивня мог получиться лук. Я решил эту проблему, расщепив бивень меньшего размера на длинные полосы и склеив из них прут достаточной длины и толщины, чтобы сделать большой лук. К сожалению, он оказался слишком тугим — никто не мог его натянуть.

Следующим естественным шагом было склеить в одном пруте все четыре названных материала — дерево оливы, черное дерево, рог носорога и слоновую кость. На пробы различных сочетаний этих материалов и различных типов клея ушли многие месяцы. И все же нам так и не удалось приготовить достаточно хороший клей. В конце концов я решил и эту проблему, надумав обмотать прут тонкой проволокой из сплава золота и серебра, чтобы отдельные полосы различного материала не расходились. Я приказал двум крепким мужчинам помочь Тану, и только совместными усилиями они смогли согнуть и обмотать прут лука, пока клей еще был горячий. Клей остыл, и мы получили почти совершенное сочетание силы и упругости.

Затем я разрезал на полосы кишку огромного черногривого льва, которого Тан убил боевым копьём с бронзовым наконечником во время охоты в пустыне. Продубил эти полосы и скрутил из них тетиву. В результате у меня получился сверкающий лук такой мощи, что только один человек из всех, кто пробовал его натянуть, смог сделать это.

Обычно в войске учат стрелять так: воин встает лицом к мишени и натягивает лук, пока стрела с тетивой не упрется в середину груди; лучник держит ее, целясь, и выпускает стрелу по команде. Однако даже у Тана не хватало силы удерживать стрелу у груди. Ему пришлось разработать совершенно новый стиль стрельбы: встав боком к мишени и глядя на нее через левое плечо, он резко вскидывал левую руку и одним движением правой натягивал тетиву со стрелой, пока оперение не касалось его губ. Мышцы груди и рук гордо вздувались. В тот самый момент, когда лук был натянут полностью, он выпускал стрелу, казалось, почти не целясь.

Сначала стрелы летели наобум, как дикие пчелы из улья, но он тренировался изо дня в день, из месяца в месяц. Стер пальцы правой руки в кровь о тетиву лука, но потом они

зажили и загубели. Внутренняя часть левого предплечья покрылась синяками и ссадинами там, где тетива билась о руку. Чтобы защитить ее, я сделал кожаный щиток, а Тан непрестанно тренировался стрелять из этого лука по мишеням.

Даже я успел разувериться в способности стрелка овладеть таким оружием, но Тан не сдавался. Медленно, мучительно медленно он все-таки овладел оружием и даже научился выпускать подряд три стрелы быстрее, чем первая долетит до цели. И по крайней мере две из трех попадали в мишень — медный диск размером с голову человека, стоящий в пятидесяти шагах от Тана, — а летели они с такой силой, что легко пробивали диск толщиной с мой мизинец.

Тан назвал свое мощное оружие Ланатой, и имя это не случайно совпало с детским именем моей госпожи. Теперь он стоял на носу корабля с самой женщиной и держал ее теску в руке. Парочка получалась чудесная, но вели они себя слишком открыто, и я не мог не беспокоиться.

— Госпожа, немедленно идите сюда на корму! — резко позвал я. — Там находится небезопасно.

Она даже не обернулась в мою сторону и только молча показала мне кукиш. Вся команда видела это, и самые смелые заржали. Наверное, черная служанка научила Лостру этому жесту, который больше подходит «дамам» из портовых таверн, чем дочери дома Интефа. Я собирался было упрекнуть ее, но тут же оставил мысль об этом — госпожа моя воспринимает укоры только в определенном настроении. Вместо этого я начал достаточно энергично бить в бронзовый гонг, скрывая огорчение и тревогу.

Пронзительный вибрирующий звук разнесся над зеркальными водами лагуны, и в то же мгновение воздух наполнил шелест крыльев. Тень закрыла солнце, когда с островов папируса, небольших озер и открытой воды между зарослями тростника в воздух поднялась туча водоплавающих птиц самых различных пород: черно-белые ибисы с хищными клювами, священные птицы долины реки; стаи издающих звуки гусей в живописном плюмаже, каждый с рубиновой капелькой в середине шеи; зеленовато-голубые или черно-белые цапли с мечеобразными клювами и огромными крыльями; уток было столько, что рябило в глазах.

Охота на диких птиц — одно из страстных увлечений египетской знати, но сегодня мы охотились на другую дичь. В тот же момент я заметил далеко впереди волнение на зеркальной поверхности воды. Оно было сильным, и сердце мое тревожно забилося: я знал, какой ужасный зверь движется под водой. Тан тоже заметил его, но реакция была противоположной. Он издал вопль гончей, почуявшей след, и команда ладьи заорала вместе с ним, налегая на весла. «Дыхание Гора» понеслась вперед, подобно одной из птиц, которые закрыли солнце над нашими головами, а госпожа моя завизжала от возбуждения и ударила кулачком по мускулистому плечу Тана.

Впереди снова появилась мутная волна, и Тан дал сигнал рулевому следовать за ней. Я продолжал колотить в гонг, чтобы укрепить свой дух и поддержать в себе храбрость. Когда мы достигли места, где видели движение под водой в последний раз, корабль медленно заскользил по воде и остановился. Все люди на борту стали внимательно глядеть в воду вокруг ладьи.

Так уж случилось, что я один посмотрел под корму. Здесь было мелко, и вода была почти прозрачной, как воздух. Я издал пронзительный звук почти так же громко и резко, как и моя госпожа, и отскочил от поручней, потому что чудовище находилось прямо под нами.

Гиппопотам — ближайший друг Хапи, богини Нила. Мы могли охотиться на него только с ее позволения. Ради этого Тан молился и приносил жертвы в храме в то утро, а моя госпожа стояла рядом с ним. Правда, Хапи ее покровитель, но я сомневаюсь, что она стала бы с таким желанием участвовать в церемонии только по этой причине.

Животное, которое я увидел под нами, оказалось огромным старым самцом. Мне почудилось, что величиной он был с нашу ладью. Гигантское тело грузно перемещалось по дну лагуны. Вода замедляла его движения, и он казался чудовищем из кошмарного сна.

Копыта поднимали ил со дна, похожий на облачка пыли от копыт диких антилоп, несущихся по пустыне.

С помощью рулевого весла Тан развернул ладью, и мы помчались за ним. Хотя его галоп казался медленным и церемонным, гиппопотам быстро удалялся от нас. Темный силуэт исчез в зеленых глубинах лагуны впереди.

— Навались! Вонючее дыхание Сета на ваши головы! Навались! — зарычал Тан на своих людей, но стоило только одному из его подчиненных тряхнуть узловатым кнутом, как он нахмурился и покачал головой. Я ни разу не видел, чтобы Тан пустил в ход кнут без особой необходимости.

Внезапно животное выскочило на поверхность и выпустило из легких облако зловонного пара. Вонь окутала нас, хотя мы находились на расстоянии более полета стрелы. На какое-то мгновение спина гиппопотама образовала блестящий гранитный остров посреди лагуны, затем он быстро вдохнул и опять исчез под водой.

— За ним! — зарычал Тан.

— Вот он! — закричал я и, повернувшись, показал за борт. — Он возвращается!

— Отлично, дружище, — со смехом похвалил меня Тан. — Из тебя еще можно сделать воина.

Предложение было смехотворным, потому что я писец, мудрец и художник. Мой героизм — героизм ума. Однако похвала Тана наполнила меня радостью. На мгновение мои страхи растворились в азарте погони.

К югу от нас остальные ладьи тоже присоединились к охоте. Жрецы Хапи вели строгий учет количества животных в лагуне и разрешили убить пятьдесят гиппопотамов для приближающегося праздника Осириса.

После этого в лагуне останется стадо в триста голов священных животных. Именно такое количество жрецы считали идеальным для того, чтобы водные пути к храму не зарастали, заросли папируса не наступали на орошаемые поля, а храм, в свою очередь, получал необходимое количество мяса. Жрецы храма имели право есть мясо гиппопотама круглый год, а не только в течение десяти дней праздника Осириса.

Тем временем охота распространилась по водам лагуны. Словно в изящном танце, суда флотилии вертелись и делали пируэты, преследуя перепуганных животных, которые ныряли, выпускали воздух и хрипели, выныривали снова за воздухом, скрывались под водой. Каждое следующее погружение становилось короче предыдущего, а водовороты на поверхности воды появлялись все чаще и чаще, поскольку легкие не успевали наполниться до того, как преследующая ладья заставляла нырнуть. Бронзовые гонги на кормовых мостиках непрерывно звенели, и звон смешивался с возбужденными криками гребцов и командами кормчих. В этом диком шуме я тоже начал кричать и подбадривать гребцов вместе с самыми кровожадными охотниками.

Тан гнался за самым первым и самым большим животным. Он не обращал внимания на самок и молодняк, которые появлялись на расстоянии полета стрелы, и преследовал огромного самца несмотря на все его хитрости и резкие повороты. Постепенно ладья настигала гиппопотама. Даже в азарте охоты я не мог не восхищаться той ловкостью, с какой Тан управлял «Дыханием Гора», а остальные подчинялись его командам-сигналам. Ему всегда удавалось без кнута добиваться наилучших результатов от своих подчиненных. А что еще помогло бы так стремительно подняться до столь высокого звания, не имея состояния, без поддержки богатого покровителя? Он добился всего только благодаря собственным заслугам, несмотря на козни тайных врагов, создававших препятствия на его пути.

Внезапно гиппопотам вынырнул в тридцати шагах от носа корабля. Огромная черная спина заблестела на солнце, и тучи пара вырвались из ноздрей, словно это было существо подземного мира, пожирающее тех, на кого обращается гнев богов.

Тан поставил на тетиву стрелу, вскинул лук и почти мгновенно пустил стрелу. Ланата пропела свою звонкую смертоносную песню, и стрела обманчивой искрой исчезла с глаз. Еще не затих свист первой, а за ней одна за другой последовали еще две.

Тетива пела, как лютня, и стрелы впились в гиппопотама, погружаясь в его тело на всю длину. Он заревел и скрылся под водой.

Эти стрелы я специально приготовил для такой охоты. Вместо оперения на древках были маленькие поплавки из древесины баобаба, какие рыбаки ставят на сети для того, чтобы держать их на плаву. Поплавки удерживались на стрелах во время полета и срывались с древка, как только животное начинало тащить их в толще воды. Тонкая льняная нить прикреплялась к бронзовым наконечникам. Намотанная на древко, она освобождалась, как только поплавок отделялся. Теперь, когда гиппопотам помчался от нас под водой, три маленьких поплавка выскочили на поверхность и запрыгали за ним следом. Я покрасил их в бросающийся в глаза ярко-желтый цвет. Мы видели, где находится гиппопотам, даже если он уходил в глубину лагуны.

Теперь Тан контролировал каждое движение мечущегося гиппопотама и мог либо загородить ему дорогу ладьей, либо всадить в него еще несколько стрел, как только блестящая спина показывалась на поверхности. Скоро гиппопотам тащил за собой целую гирлянду красивых желтых пробок, а в воде за его спиной растекалось кровавое пятно.

Даже в горячке погони я не мог не пожалеть раненое животное. Всякий раз, когда оно выскакивало на поверхность, град свистящих смертоносных стрел обрушивался на него. Молодая госпожа не разделяла моих чувств. Она была возбуждена до предела и верещала от захватывающего ужаса и восторга погони.

Гиппопотам снова появился впереди ладьи. В этот раз он повернулся мордой к «Дыханию Гора» и бросился прямо на нас. Пасть его распахнулась, и горло открылось, словно туннель ярко-красной плоти, который без труда поглотил бы человека целиком. По бокам челюстей торчали такие страшные зубы, что у меня перехватило дыхание и по коже побежали мурашки. Из нижней челюсти торчали огромные серпообразные клыки, которыми зверь расправлялся с тугими стволами папируса, а в верхней — белели мощные прямоугольные зубы, каждый размером с мой кулак, способные прокусить корпус «Дыхания Гора», как пшеничную лепешку. Недавно мне представилась возможность осмотреть труп крестьянки. Она потревожила самку гиппопотама с новорожденным детенышем, когда резала папирус на берегу реки. Женщину рассекло пополам так чисто, как будто ее ударили острейшим бронзовым клинком.

И вот теперь рассвирепевшее чудовище, разинув пасть с торчащими клыками, надвигалось прямо на нас. Хотя я стоял высоко на кормовом мостике, но онемел от ужаса и не мог ни двинуться с места, ни произнести слово. Я застыл, как храмовая статуя.

Тан пустил стрелу прямо в разинутую пасть. Но агония животного была столь ужасна, что оно, казалось, не почувствовало боли от новой раны, хотя та, возможно, и оказалась смертельной. Гиппопотам неся на «Дыхание Гора». Он издал страшный рев злобы и смертельной боли, где-то в глубине изуродованного горла лопнула артерия, и теперь сгустки крови разлетались из его открытой пасти. В ярких лучах солнца кровь падала в воду и превращалась в облачка красного тумана, одновременно красивого и ужасного. Затем гиппопотам врезался в ладью.

«Дыхание Гора» рассекала воду со скоростью бегущей газели, а разъяренный гиппопотам мчался еще стремительней. Туша его была столь велика, что в момент столкновения показалось, будто мы налетели на скалу. Гребцы попадали со скамеек, а меня с такой силой бросило вперед, на поручни мостика, что выбило воздух из легких и грудь охватила тяжелая, как скала, боль.

И все же, несмотря на страдания, я тревожился только о моей госпоже. Сквозь слезы я видел, как ее от толчка швырнуло вперед. Тан протянул было руки, чтобы спасти ее, но тоже потерял равновесие, и лук помешал. Ему удалось лишь на мгновение задержать ее. Потом она наткнулась на поручни и, изогнувшись над водой, отчаянно замахала руками в воздухе.

— Тан! — закричала она и протянула к нему руку. С ловкостью акробата он удержался на ногах и попытался поймать ее. На какое-то мгновение их пальцы коснулись, а потом ее руку будто вырвало из его ладони, и она упала за борт.

С высоты мостика я видел, как она падала. Перевернулась в воздухе, как кошка, и белая юбка поднялась вверх, обнажив длинные изящные бедра. Мне почудилось, будто падение продолжалось вечность, и мой крик боли слился с ее отчаянным воплем.

— Девочка моя! — закричал я. — Маленькая моя! — Я был уверен, что потерял Лостру. Вся ее жизнь пронеслась перед моими глазами: я снова увидел младенца, едва научившегося ходить; услышал ласковые ребячьи прозвища, которыми она награждала меня, свою любящую няньку. Увидел, как она росла и превратилась в женщину, и вспомнил каждую нашу радость и каждое огорчение. В тот момент я любил ее больше, чем когда бы то ни было за все предшествующие четырнадцать лет.

Она упала на широкую, забрызганную кровью спину разъяренного гиппопотама и на какое-то мгновение застыла на ней, словно жертва на алтаре какого-то чудовищного бога. Гиппопотам поднялся высоко над водой и повернул свою огромную, бесформенную голову назад, пытаясь дотянуться до нее. Его налитые кровью пороссячьи глазки горели безумной яростью, а огромные челюсти щелкали рядом с ней.

Каким-то чудом Лостра сумела удержаться на его спине и вцепилась в пару стрел, торчавших, как ручки. Она лежала, широко раскинув руки и ноги, и больше не кричала — все силы и вся ловкость понадобились ей, чтобы выжить. Огромные клыки со звоном щелкали в воздухе, как мечи сражающихся, когда гиппопотам пытался схватить ее, и всякий раз мне казалось, будто челюсти не дотягивались на какой-то палец до плоти. Каждое мгновение я ждал, что ее милые руки и ноги будут отхвачены, как побеги виноградной лозы, а молодая алая кровь смешается с багровой кровью гиппопотама.

Тан быстро пришел в себя. Я успел заметить его лицо. Оно было ужасно. Он отбросил в сторону уже бесполезный лук и выхватил меч из ножен, сделанных из крокодиловой кожи. Блестящий бронзовый клинок был так остр, что им можно сбивать волосы на руке.

Он вскочил на борт и замер, наблюдая за бешеными прыжками смертельно раненного зверя. Потом ринулся вперед и упал, как атакующий сокол, сжимая в руках направленный вниз меч.

Тан упал прямо на толстую шею гиппопотама, оседлав его, будто собирался въехать на нем в подземное царство. Весь вес своего тела и всю энергию прыжка он вложил в один удар меча. Клинок наполовину вошел в шею чудовища у основания черепа, и Тан, сидя, как наездник, начал ворочать им, стараясь вогнать поглубже. Гиппопотам обезумел. Новая вспышка ярости превзошла все, что было до этого. Он встал на дыбы и почти полностью высунулся из воды, мотал головой из стороны в сторону, поднимая столбы брызг, которые обрушивались на палубу и то и дело, как занавес, скрывали происходящее от моего объятых ужасом взора.

Все это время пару на спине раненого чудовища немилосердно швыряло из стороны в сторону. Сломалась одна из стрел, за которую держалась Лостра, и ее чуть было не сбросило в воду. Если бы она упала, клыки гиппопотама мгновенно превратили бы ее в окровавленные лохмотья. Тан протянул руку и помог удержаться, не переставая другой загонять меч все глубже и глубже в шею чудовища.

Гиппопотам не мог дотянуться до них и начал наносить раны в собственные бока. Вода стала красно-кровавой на пятьдесят шагов вокруг. Лостра и Тан с ног до головы были забрызганы темной кровью гиппопотама. Их лица превратились в чудовищные маски, на которых сверкали белые зрачки.

Бьющийся в смертельной схватке зверь удалялся от ладьи. Я опомнился первым и заорал гребцам:

— За ними, вперед! Не упустите их! — Гребцы бросились на свои места, и «Дыхание Гора» рванулась в погоню.

В тот самый момент меч Тана вошел между позвонками животного. Огромная туша замерла и словно окаменела. Гиппопотам перевернулся на спину и вытянул все четыре ноги. Не сгибая их, погрузился в воду и унес в глубину лагуны Лостру и Тана.

Я сдержал вопль отчаяния, застрявший у меня в горле, и заорал:

— Табань! Не раздавите их! Пловцы, на нос!

Меня самого испугало, какая сила и власть прозвучали в моем голосе. Ладья остановилась. И прежде, чем я успел подумать о благопристойности своего поступка, я увидел себя во главе толпы встревоженных воинов, прибежавших на нос. Они порадовались бы смерти любого из своих начальников, но только не Тана.

Я уже сбросил юбку и был абсолютно голым, хотя в других обстоятельствах даже угроза получить сотню ударов кнутом не заставила бы меня сделать это. Я позволял смотреть на следы ран, нанесенных мне палачом много лет назад, только одному человеку — тому самому, между прочим, который приказал кастрировать меня. Но теперь, единственный раз в жизни, я забыл о своем отвратительном увечье.

Пловец я хороший и все же, вспоминая те мгновения, не могу не ужаснуться глупости своего поступка: я искренне верю, что прыгнул бы за борт в красную от крови воду ради спасения моей госпожи. Однако, как только я собрался прыгнуть за борт, вода подо мной разошлась и из нее, словно совокупающиеся выдры, появились две головы. Одна была черноволосой, другая — светлой. И тут я услышал нечто совершенно невероятное: они смеялись. Они пронзительно кричали, выли, захлебывались от смеха, барахтаясь у борта и вцепившись друг в друга так, что вполне могли бы утопить друг друга.

Вся моя тревога мгновенно сменилась негодованием. Ведь благодаря своему легкомыслию я чуть было не совершил такой грех? Как матери инстинктивно хочется выпороть потерявшегося ребенка, когда она находит его, так и я вдруг услышал, что мой голос потерял властность и стал визгливым и бранчливым. Со всем свойственным мне красноречием я уже укорял госпожу и Тана, пока десятки добровольных помощников вытаскивали их на палубу.

— Безрассудная, необузданная дикарка, — бушевал я, — бездумная, эгоистичная, непослушная девчонка! Ты же обещала мне! Ты поклялась девственностью богини...

Лостра подбежала ко мне и повисла у меня на шее.

— О, Таита! — закричала она, все еще захлебываясь от смеха. — Ты видел его? Ты видел, как Тан бросился спасать меня? Видел ты когда-нибудь более благородный поступок? Он похож на героя твоих лучших сказок!

То, что я сам собирался совершить такой же героический поступок, прошло мимо ее внимания. Это только усилило мое раздражение. К тому же я вдруг осознал, что Лостра потеряла юбку, и ее холодное, мокрое тело, прижавшееся ко мне, совершенно голое. Она продемонстрировала грубым взорам воинов и их начальников самую упругую пару ягодич в Египте.

Я схватил ближайший щит и закрыл им наши тела, одновременно приказав рабыням раздобыть юбку. Смешки рабынь только усилили мою ярость. И когда Лостра и я подобающим образом прикрыли свои тела, я обрушился на Тана.

— А ты, беззаботный негодяй! Я доложу о твоём поступке моему хозяину Интефу! Он прикажет спустить с тебя шкуру.

— Ничего подобного ты не сделаешь, — засмеялся в ответ Тан и, обхватив мокрой мускулистой рукой мои плечи, сжал меня так сильно, что ноги мои оторвались от палубы. — Потому что он с не меньшей радостью прикажет выпороть тебя. Однако я благодарен тебе за заботу, старый друг.

Он быстро огляделся, не снимая руки с моих плеч, и нахмурился. «Дыхание Гора» стояла в стороне от остальных кораблей флотилии. Охота уже закончилась. Каждая ладья, за исключением нашей, получила свою долю добычи, разрешенной жрецами.

Тан покачал головой.

— Мы, по-моему, не слишком хорошо поохотились, правда? — пробурчал он и приказал одному из своих подчиненных поднять сигнал сбора флотилии. Потом натянуто улыбнулся.

— Давайте разопьем кувшин с пивом. Теперь нам придется подождать, а денек был жарким.

Он пошел на нос, где рабыни хлопотали вокруг Лостры. Сначала я был еще так зол, что решил не участвовать в их импровизированной пирушке. Вместо этого я с достоинством поглядывал на них с высоты кормового мостика.

— Ах, пусть немного подуется, — театральным шепотом сказала Лостра Тану, снова наполняя его чашу пенящимся пивом. — Милый старик сильно перепугался, но он оправится от страха, как только проголодается. Он так любит покушать.

Моя госпожа была воплощением несправедливости. Я никогда не дуюсь. Я не обжора, а в то время мне только что исполнилось тридцать лет. Хотя, конечно, для четырнадцатилетней девушки каждый, кто старше двадцати, кажется стариком. И, должен признаться, во всем, что касается еды, у меня утонченный вкус знатока. А жареный дикий гусь с инжиром, которого она поставила на самое видное место, как нарочно, был одним из моих любимых блюд, и Лостра очень хорошо знала об этом.

Я заставил их еще немного помучиться. Только когда Тан сам принес мне чашу пива и стал со свойственной ему обходительностью уговаривать меня, я счел возможным присоединиться к ним и позволил ему отвести меня на нос ладьи. И все же я вел себя немного напыщенно до тех пор, пока Лостра не поцеловала меня в щеку и не сказала:

— Мои девочки говорят, что ты взял командование кораблем на себя, как настоящий ветеран, и уже собирался броситься в воду спасать меня. Ах, Таита, что бы я делала без тебя. — Она произнесла свою похвалу достаточно громко, чтобы все услышали. Только после этого я улыбнулся ей и принял ломтик жареного гуся, который она настойчиво мне предлагала. Гусь был великолепен, и пиво тоже было превосходное. И все же я ел мало: нужно следить за своей фигурой, да и шутка по поводу аппетита слегка задела меня.

Во время охоты корабли флотилии Тана разбросало по всей лагуне, и теперь они стали перестраиваться. Я увидел, что некоторые ладьи пострадали так же, как и мы. Две из них столкнулись в горячке охоты, а четыре подверглись нападению раненых животных. Тем не менее они быстро заняли места в боевом строю. Затем пронеслись мимо нас с весело развевающимися вымпелами на мачтах по количеству убитых ими животных. Поравнявшись с «Дыханием Гора», команды выкрикивали приветствия, а Тан отвечал им, подняв сжатый кулак, и его вымпел с изображением Синего Крокодила приспускали на мачте, как будто наша флотилия только что одержала великую победу над превосходящими силами противника. Пожалуй, это ребячество, но я могу, как мальчишка, наслаждаться военным церемониалом.

Как только парад закончился, ладьи флотилии заняли места в боевом порядке и удерживали его умелыми действиями гребцов, несмотря на легкий ветерок. Убитых гиппопотамов, конечно, не было видно. Хотя каждая ладья убила хотя бы одно животное, а некоторые — по два и три, — туши их утонули в зеленой глубине лагуны. Я знал: Тан в тайне переживает о том, что «Дыхание Гора» была не столь удачлива в этой охоте. Затянувшаяся схватка с огромным гиппопотамом ограничила нашу добычу одним животным. Он уже привык во всем быть первым. Во всяком случае, он был не так весел, как обычно, и скоро оставил нас и пошел наблюдать за починкой корпуса.

Удар гиппопотама проломил подводную часть обшивки, и теперь со дна ладьи приходилось постоянно вычерпывать воду кожаными ведрами. Это требовало усилий множества людей и отрывало гребцов и воинов от своих обязанностей. Разумеется, можно придумать что-нибудь более подходящее, решил я про себя.

И вот, ожидая, пока всплывут туши убитых животных, я послал рабыню за корзиной с письменными принадлежностями. Затем, немного поразмыслив, начал набрасывать проект устройства механического удаления воды из трюма боевой ладьи. Такое устройство не требовало усилий половины команды. Оно действовало по тому же принципу, что и оросительный «журавль». С ним вполне могли справиться два человека вместо той дюжины, которая вычерпывала воду кожаными ведрами.

Когда я закончил набросок, то задумался о столкновении с гиппопотамом, что явилось главной причиной повреждения. Исторически тактика боя речных флотилий была той же,

что и тактика сухопутного боя. Ладьи располагались бортами друг к другу, обменивались залпами стрел, а затем сближались, сцеплялись, и во время abordage меч решал исход боя. Кормчие всегда действовали осторожно, стараясь избежать столкновения, так как это считалось признаком недостаточного мастерства.

«А что, если...» — внезапно подумал я и начал делать набросок ладьи с усиленным носом. Когда мысль укрепилась в моем сознании, добавил к чертежу носа рог, подобный рогу носорога, расположенный у ватерлинии. Этот рог можно вырезать из твердого дерева и обить бронзой. Если наклонить его чуть вниз, он пронзит корпус ладьи противника и вспорет ей брюхо. Я был настолько поглощен своим занятием, что не услышал, как Тан подошел и встал у меня за спиной. Он выхватил свиток папируса из моих рук и стал жадно изучать его.

Конечно, он сразу понял, что к чему. Когда его отец разорился, я попытался найти ему богатого покровителя, который помог бы поступить в какой-нибудь храм и продолжить там свое обучение. Я искренне верил, что в будущем под моим руководством он стал бы одним из величайших умов Египта. Возможно, со временем его имя оказалось бы в одном ряду с Имхотепом, который тысячу лет назад задумал и построил первые великолепные пирамиды в Саккаре.

Но я, естественно, потерпел неудачу, так как тот же враг, чьи ненависть и хитрость погубили отца, теперь стоял на дороге у самого Тана. Никто в нашей стране не мог противостоять его злой силе. Тогда я помог Тану поступить в войско. Несмотря на мое разочарование и дурные предчувствия, оказалось, что именно этот путь он сам избрал для себя с тех пор, как научился твердо держаться на ногах и впервые скрестил деревянный меч с другими детишками во дворе.

— Клянусь чирьями на задку Сета! — воскликнул он, изучив мои чертежи. — Ты и твоя кисть стоят десяти флотилий!

Тан постоянно богохульствует, упоминая великого Сета, и это всегда тревожит меня. Хотя и я и Тан — люди Гора, никто не может безнаказанно оскорблять члена египетского пантеона богов. Лично я не могу пройти мимо святилища без молитвы или небольшого жертвоприношения, как бы скромно и незначителен ни был бог, которому оно посвящено. По-моему, этого требует здравый смысл, да и вообще неплохо подстраховаться на всякий случай. Врагов хватает и среди людей, так что не стоит искать себе недругов среди богов. Я подозреваю, что Тан знает об этом и намеренно дразнит меня своими богохульствами. Однако страхи мои растаяли в теплых лучах его похвал.

— Как тебе это удастся? Сегодня я видел то же, что и ты. Почему те же мысли не пришли мне в голову?

Мы тут же погрузились в обсуждение моих чертежей. Разумеется, Лостра не могла долго находиться одна и присоединилась к нам. Служанки просушили и причесали ее волосы и подправили грим. Ее красота отвлекала меня, особенно после того, как она встала рядом со мной и небрежно положила руку на мое плечо. Она бы не прикоснулась к мужчине при посторонних, потому что это было бы нарушением обычаев и оскорблением скромности. Но я не мужчина, и, даже прислонившись ко мне, она не сводила глаз с лица Тана.

Лостра обожала Тана с тех самых пор, как научилась ходить. Спотыкаясь, она повсюду топала за ним и повторяла каждое слово и жест величественного десятилетнего Тана. Когда он плевался, она тоже плевалась, когда он ругался, она лепетала то же самое ругательство, пока Тан не взмолился однажды:

— Сделай так, чтобы она оставила меня в покое, Таита! Она же еще ребенок! — Он больше не жаловался на ее присутствие, как я заметил.

Наконец наш разговор прервал крик наблюдателя с носа ладьи. Мы все поспешили туда и уставились в даль. Первая туша гиппопотама поднялась на поверхность. Она всплыла брюхом вверх, так как газы в кишках расширились и брюхо раздулось, как детский шарик из козьего мочевого пузыря. Гиппопотам качался на поверхности, задрав вверх ноги. Одна из ладей поспешила к туше. Матрос забрался на нее и закрепил конец на ноге гиппопотама. После этого ладья начала буксировать добычу к далекому берегу.

Затем огромные туши стали повсюду всплывать на поверхность. Ладьи собирали их и тащили к берегу. Тан подцепил двух мертвых гиппопотамов к нашим кормовым буксирам, и гребцы, тяжело налегая на весла, потащили их по воде.

Когда мы приблизились к берегу, я прикрыл глаза от косых лучей заходящего солнца и посмотрел вперед. Казалось, все население Верхнего Египта, все мужчины, женщины и дети ждали нас на берегу. Их было великое множество. Они плясали, пели и махали пальмовыми ветвями, приветствуя приближающуюся флотилию. Движение белых одежд напоминало пену прибоя на коралловом рифе по краю спокойной лагуны.

Как только ладьи подходили к берегу, группы мужчин в коротких набедренных повязках заходили по плечи в воду и закрепляли веревки на раздутых тушах. От восторга они забывали о вездесущих крокодилах, скрывающихся в мутно-зеленых водах лагуны. Каждый год эти свирепые драконы пожирали сотни людей. Иногда они нагнали настолько, что хватали детей, играющих у воды, или женщин-крестьянок, пришедших за водой или постирать одежду.

Теперь, изголодавшись по мясу, люди обо всем забыли. Они хватали веревки и тащили туши на берег. Когда туши вползали на скользкий пляж, десятки серебристых рыбок, вцепившись в раны на теле животных, не успевали отпустить свою добычу и оказывались на суше. Они прыгали по берегу, сверкая, как упавшие звезды.

Мужчины и женщины, вооружившись ножами и топорами, набрасывались на туши, как муравьи. Обезумев от жадности, они выли и рычали друг на друга, словно грифы или гиены над добычей льва, ругались из-за каждого кусочка мяса гигантского зверя. Кровь и осколки костей полотнищами взлетали в воздух от ударов клинков. Вечером у ворот храма выстроятся длинные очереди людей с глубокими ранами и отрезанными пальцами и будут просить помощи у жрецов.

И мне тоже хватит работы на половину ночи, потому что моя слава врача превосходит даже славу жрецов Осириса. При всей своей скромности я должен признаться, что заслужил ее, и Гор знает: за свои услуги я прошу более разумное вознаграждение, чем эти святоши. Мой господин Интеф позволяет мне оставлять треть всего заработка себе. Так что я человек довольно состоятельный, несмотря на положение раба.

Стоя на кормовом мостике «Дыхания Гора», я смотрел, как передо мной разворачивается пантомима человеческого ничтожества. По обычаю населению разрешалось наедаться мясом до отвала на берегу, но уносить добычу не позволялось. Мы живем в плодородной стране, земли которой удобрены и орошены Великой рекой, и народ наш хорошо питается. Однако основной продукт питания многочисленных бедняков — зерно, и они иногда месяцами не пробуют мяса. Кроме того, во время праздника отменялись обычные ограничения повседневной жизни. Излишества разрешались во всем телесном: пище, питье и плотских страстях. Завтра у многих будут болеть животы и головы, и многие супруги станут обвинять друг друга в измене. Но это будет завтра, а сейчас первый день праздника, и аппетиты ничто не сдерживало.

Я улыбнулся, увидев, как мать многочисленных детей, обнаженная до пояса и вся измазанная кровью и жиром, вынырнула из брюшной полости гиппопотама, сжимая в руках огромную печень животного, и бросила ее мальчишке из своего выводка в толкавшейся, визжавшей толпе детишек вокруг туши. Женщина снова нырнула внутрь зверя, а ребенок, схватив добычу, помчался к одному из сотен костров, разложенных вдоль берега. Там его старший брат выхватил у него печень и бросил ее на угли, а стайка детишек помладше нетерпеливо столпилась вокруг огня, пуская слюни, как щенки.

Старший подцепил зеленым прутиком едва обжаренную печень, а его братья и сестра набросились на нее и сожрали. Как только печень была съедена, они тут же с воплем потребовали еще. Жир и сок полупрожаренного мяса текли по их лицам и капали с подбородков. Многие из детишек поменьше первый раз пробовали мясо речной коровы. Мясо это нежное и сладкое, с мелкими волокнами, но, главное, в нем много жира, так как оно жирнее говядины или мяса полосатого дикого осла. А мозговые кости гиппопотама —

настоящий деликатес, которым не побрезговал бы сам Осирис. Народ Египта изголодался по животному жиру, и вкус его сводит всех с ума. Все набивают животы, на что имеют полное право в этот день.

Я мог себе позволить смотреть свысока на буйствующую толпу, зная, что приказчики моего господина Интефа добудут лучшие куски туши и мозговые кости для кухни дворца, где повара доведут мой ужин до совершенства. Мое влияние в доме вельможи превосходит влияние всех его слуг, даже управляющего домом или начальника охраны, хотя они свободнорожденные. Конечно, об этом никогда не говорится открыто, но все молча признают мое привилегированное положение и мало кто осмеливается оспаривать его.

На берегу приказчики моего господина, правителя и великого визиря всех двадцати двух номов Верхнего Египта, требовали положенной ему доли. С привычной ловкостью они размахивали кнутами, охаживая голые спины и задницы, и выкрикивали свои приказы.

Зубы зверя, похожие на чистую слоновую кость, также принадлежат визирю, и приказчики собирают каждый зуб. Они ценятся так же высоко, как и бивни слонов, которые торговцы привозят из Куша — страны за порогами Нила.

Последний слон был убит в Египте почти тысячу лет назад, во время правления одного из фараонов четвертой династии, — по крайней мере, так гласит надпись на стелле в его храме. Разумеется, мой господин обязан десятую долю всех доходов отдавать жрецам Хапи, которые по обычаю называют себя пастухами стада речных коров, принадлежащих богине. Однако величина этой десятой доли устанавливается по воле моего господина. И я, как человек, который приводит в порядок счета дворца, знаю, куда попадает львиная доля сокровищ. Мой господин Интеф не проявляет ненужной щедрости даже по отношению к богине.

Что же касается шкуры гиппопотама, она принадлежит войску: из нее сделают щиты для начальников стражи. Квартирмейстеры войска наблюдают за снятием и укладкой шкур, каждая из которых размером с шатер бедуина.

Мясо, которое не будет съедено на берегу, заготовят впрок — его либо засолят, либо закоптят, либо высушат. Все считают, что оно пойдет на прокорм войска, членов суда и обитателей храмов, а также других государственных чиновников. Однако на самом деле большая его часть будет тайно продана, а средства от продажи окажутся в сундуках моего господина. Как я уже говорил, мой господин — самый богатый человек Верхнего Царства после фараона, и состояние его растет с каждым годом.

За моей спиной раздался шум, и я быстро обернулся. Флотилия Тана все еще действовала. Ладьи выстроились в одну линию, нос к корме, параллельно берегу, в пятидесяти шагах от кромки воды. На каждой ладье со стороны берега у борта с копьями наготове стояли копейщики.

Запах крови и отбросов в воде привлек крокодилов. Они собрались сюда не только со всей лагуны, но даже из основного русла Нила. Копейщики ждали их. У каждого из них на длинном древке был насажен сравнительно небольшой бронзовый наконечник со страшными шипами по краям. К ушку наконечника прикреплялся крепкий и тонкий пеньковый канат.

Ловкость копейщиков поражала воображение. Стоило одному из крокодилов выскользнуть из зеленой глубины лагуны и, ударяя гребенчатым хвостом, длинной черной тенью двинуться под водой к берегу, они тут же замечали его. Крокодила пропускали под днищем, а затем, когда он появится с другой стороны и движения копейщиков будут скрыты от него корпусом ладьи, воин наклонится и ударит зверя копьём сверху.

Удар этот несильный и скорее похож на легкое касание длинного шеста. Бронзовый наконечник, острый, как игла хирурга, на всю длину входит в толстую чешуйчатую кожу и застревает там. Копейщики целились в затылок, и удары их были настолько точны, что многие из них попадали в позвоночник и мгновенно убивали животное.

Если же удар проходил мимо цели, вода у борта взрывалась от метаний бьющегося в судорогах крокодила. Тогда копейщик поворотом древка высвобождал наконечник, и тот оставался в спине под бронированной кожей чудовища. Затем четверо воинов хватались за

канат, привязанный к наконечнику, чтобы не упустить крокодила. Если зверь оказывался крупным, а некоторые из них достигали длины в четыре человеческих роста, мотки каната уносились за борт, обжигая дерево и руки людей, пытающихся задержать его.

Когда начиналась борьба с раненым хищником, даже голодная толпа на пляже замирала и криками подбадривала охотников, борющихся с крокодилом, который в конце концов либо сдавался, либо обрывал канат. С резким шелчком ударив по воде, канат уходил в глубину лагуны, а моряки валились на палубу. Однако такое случалось редко. Как только команде удавалось повернуть голову зверя к ладье, он уже не мог уплыть в глубину, и тогда судорожно бьющегося в белой пене крокодила подтаскивали к борту, где другие моряки ожидали его с дубинками, чтобы проломить крепчайший череп.

Туши крокодилов вытащили на берег, и я пошел осмотреть их. Кожевники из отряда Тана уже начали работу.

Дед теперешнего фараона наградил его отряд именем «Стражи Синего Крокодила» и подарил флаг с изображением Синего Крокодила. Боевые доспехи этого отряда изготовлены из крепкой кожи речных драконов. Если шкуру обработать и продубить соответствующим образом, она становится достаточно прочной и может выдержать удар стрелы или остановить клинок. Крокодиловая кожа гораздо легче металла, и под солнцем пустыни в этих доспехах гораздо прохладнее. Когда Тан надевал свой шлем из крокодиловой кожи, украшенный бронзовыми бляхами, его вид вселял ужас в сердца врагов и рождал сладостные смерчи в животах девушек, попадавших к нему на пути.

Измеряя длину и обхват каждой туши, я наблюдал за работой кожевников. В отличие от речных коров, я не испытывал ни малейшего сочувствия к этим ужасным чудовищам. На мой взгляд, в природе нет более отвратительного зверя, чем крокодил, за исключением, пожалуй, ядовитой гадюки.

Мое отвращение усилилось в сотни раз, когда кожевник распорол брюхо одной из мерзких тварей и на прибрежную грязь выскользнули останки маленькой девочки. Крокодил проглотил целиком часть ее тела выше пояса. Хотя кожа выцвела и размякла до тестообразного состояния под действием пищеварительных соков и уже начала слезать с черепа, узел волос на макушке девочки сохранился, и аккуратно уложенные косички, как змеи, вились над полупереваренным лицом. И, что еще страшнее, шею девочки и переваренные до костей запястья украшали красивые браслеты из красных и синих бус.

Как только останки несчастной оказались на берегу, в толпе раздался вопль, такой громкий и душераздирающий, что он перекрыл даже гомон веселящейся толпы. Женщина растолкала воинов и, подбежав к крокодилу, упала на колени перед жалким тельцем ребенка. Она рвала на себе одежду и причитала.

— Моя дочь! Моя маленькая девочка! — Это была та самая женщина, которая приходила вчера во дворец, чтобы заявить о пропаже дочери. Чиновники заявили ей, что ребенка скорее всего похитили и продали в рабство разбойники одной из шаяк, наводивших ужас на всю округу. Эти шайки стали очень сильны в нашей стране и среди бела дня нагло взимали свою незаконную дань у самых ворот города. Чиновники дворца предупредили женщину, что они ничем не могут помочь. Шайки разбойников находились вне зоны действия законов государства, и оно не могло справиться с ними.

Однако на этот раз ужасное предсказание не сбылось. Женщина узнала украшения на маленьком трупике. Сердце мое наполнилось жалостью к охваченной горем женщине, и я послал раба за пустым кувшином из-под вина. Хотя женщина и ребенок были мне совершенно чужими, я едва сдерживал слезы, помогая собирать останки ребенка в кувшин для последующего обряда захоронения.

Когда женщина, спотыкаясь и прижимая к груди кувшин с останками дочери, пошла прочь через равнодушную к ее несчастью, веселящуюся толпу, я подумал, что никакие обряды и молитвы не смогут помочь бедной матери. Даже если она сможет оплатить хотя бы малую часть обряда бальзамирования, тень ее ребенка никогда не обретет бессмертия в потусторонней жизни. Чтобы это было возможно, труп должен быть целым и

неповрежденным до начала бальзамирования. Мне было очень жаль несчастную мать. Это моя слабость, я часто сожалею о ней: я принимаю близко к сердцу заботы и печали каждого встречного. Мне было бы легче жить, будь мое сердце тверже, а ум — циничнее.

Как всегда, когда печаль или горе овладевают мной, я достал свиток папируса и начал записывать все то, что происходило вокруг меня: от действий копейщиков, матери, оплакивающей ребенка, труда кожевников, снимавших шкуры и разделяющих гиппопотамов и крокодилов на прибрежном пляже, до безумного поведения пирующего и веселящегося народа.

Кто успел набить живот мясом и пивом, уже храпел там, где упал, не чувствуя, как на него наступают те, кто еще может держаться на ногах. В сгущающейся темноте люди помоложе и побесстыднее танцевали и обнимались вокруг костров и совокуплялись, не обращая внимания на окружающих, под прикрытием редких кустов и истоптанных зарослей папируса. Такое распутное поведение является симптомом болезни, поразившей всю страну. Все было бы иначе, будь у нас сильный фараон, а честные высоконравственные чиновники управляли бы номом великих Фив. Простые люди всегда берут пример с тех, кто выше них.

Хотя относился я к происходящему неодобрительно, моя кисть запечатлевала все. Так просидел я около часа на полукате «Дыхания Гора», скрестив ноги и целиком отдавшись рисованию. Солнце опустилось и погасло в Великой реке, словно факел. Лишь на воде остался медный отблеск заката, да на западе виднелось багровое сияние, как будто загорелись заросли папируса.

Поведение людей на пляже становилось все более необузданным. Блудницы быстро срывали куш. Я увидел, как пухлая и основательная жрица любви с ярко-синим значком своей профессии на лбу повела от костра худого моряка, вдвое меньше ее ростом. Там, в темноте, она сбросила юбки и опустилась в пыли на колени, подставив ему монументальные дрожащие ягодицы. С веселым воплем он набросился на нее, как кобель на суку, и скоро она тоже завопила, как он. Я начал зарисовывать их игры, но света уже не хватало, и мне пришлось оставить рисование.

Отложив в сторону свиток, я вдруг с испугом вспомнил, что не видел госпожу с тех пор, как был найден мертвый ребенок. Я вскочил на ноги. Как я мог допустить такую оплошность? Моя госпожа воспитывалась в строгих правилах, об этом я позаботился. Она была хорошим и воспитанным ребенком и полностью сознавала обязанности, налагаемые на нее законом и обычаем. Она высоко ставила честь своей знатной семьи и свое место в обществе. Более того, она, как и я, боялась рассердить своего всемогущего отца. Разумеется, я доверял ей.

Я доверял ей ровно настолько, насколько доверился бы в такую ночь любой упрямой молодой девушке, оставшейся в темноте наедине с красивым и столь же страстным молодым воином, от которого она к тому же была без ума.

Я боялся не столько за хрупкое девичество моей госпожи — этот эфемерный талисман, потерю которого недолго оплакивают, сколько за собственную шкуру: ей угрожала серьезная опасность. Утром мы вернемся в Карнак, а во дворце моего господина Интефа достаточно болтливых языков. Ему передадут и приукрасят любой мой проступок или просто необдуманное слово.

Шпионы моего господина проникли во все слои общества и в каждый уголок нашей страны, от верфей и полей до дворца самого фараона. Они были более многочисленными, чем мои собственные шпионы, поскольку у него было больше денег на оплату их услуг. Правда, многие из них служили нам обоим, и наши шпионские сети пересекались на многих уровнях. Если Лостра опозорила отца, семью и меня, ее учителя и попечителя, вельможа Интеф узнает об этом к утру. Впрочем, как и я.

Я бежал ладью с носа до кормы в поисках Лостры. Потом забрался на кормовой мостик и стал осматривать пляж. Там не было ни Лостры, ни Тана. Похоже, подтверждались худшие из моих опасений.

Мой ум отказывался служить мне. Я не знал, где искать их в такую сумасшедшую ночь.

Я вдруг заметил, что ломаю руки в отчаянии, и тут же заставил себя остановиться. Я всегда стараюсь избегать малейших признаков женоподобия. Мне внушали глубочайшее отвращение толстые фигуры и мелкие, наигранные жесты людей, которым нанесли такое же увечье, как и мне. Я стараюсь вести себя как мужчина, а не как евнух.

С усилием я взял себя в руки и постарался придать своему лицу упрямое выражение, какое видел у Тана в горячке боя. Мысли мои наконец пришли в порядок, и я снова стал разумным человеком. Подумал о том, как бы повела себя моя госпожа. Я, разумеется, хорошо знал ее. Изучал ее четырнадцать лет. И понимал, что она слишком привередлива и слишком глубоко сознает свое знатное происхождение и не позволит себе открыто смеяться с пьяной толпой на пляже или заползти в кусты и изображать там зверя с двумя спинами, как моряк и старая блудница. Я знал также, что не могу обратиться к кому-нибудь за помощью. Вельможа Интеф наверняка узнает об этом. Мне придется все делать самому.

В какое же тайное место Лостра позволила бы себя отвести? Как и большинство девушек ее возраста, она восторженно мечтала о романтической любви. Я сомневаюсь, что она всерьез задумывалась о земных аспектах физического акта любви, несмотря на все старания черных шлюшек просветить ее. Она даже не проявила никакого интереса к механике этого акта, когда я попытался, как того требовал мой долг, предупредить и защитить от нее самой.

Я понял: мне нужно найти такое место, которое соответствовало бы сентиментальным представлениям о любви. Если бы на борту «Дыхания Гора» была каюта, мне следовало бы отправиться туда. Но наши речные ладьи — маленькие боевые суда, с которых ради скорости и маневренности снято все лишнее. Команда спит на голой палубе. Только ближайшие помощники командира могут спрятаться на ночь под плетеный навес. Этот навес еще не поставили, и на борту не было места, куда влюбленные могли бы скрыться.

До Карнака и дворца было полдня пути. Рабы только начали ставить наши шатры на небольшом островке неподалеку от берега. Мы специально выбрали место подальше от простого люда. Разумеется, это оплошность — так опоздать с постановкой палаток, но рабов тоже захватило празднество. В свете факелов я увидел, что многие из них едва держатся на ногах, пытаясь натянуть веревки палаток. Личную палатку Лостры с удобными коврами, вышитыми занавесками, пуховыми перинами и полотняными простынями еще не поставили. Где же они?

Желтый огонек факела над водой далеко от берега привлек мое внимание, и чутье мое тут же пробудилось ото сна. Госпожа моя связана с богиней Хапи, и храм этой богини на маленьком пустынном островке посреди лагуны будет притягивать Лостру. Я оглядел пляж в поисках какого-нибудь средства переправы. Хотя на берегу валялось множество маленьких лодок, перевозчики были большей частью пьяны и валялись с ног.

Я заметил на берегу Крата. Страусиные перья шлема высоко торчали над веселящимися, и гордая осанка выделяла его в толпе.

— Крат! — заорал я. Он поглядел на меня через головы пирующих и махнул рукой. Крат был старшим помощником Тана и, не считая меня, самым верным его другом. Я мог довериться Крату, как никому.

— Достань мне лодку! — крикнул я ему. — Любую лодку! — Голос мой стал резким и высоким, и он быстро понял, как я расстроен. Как обычно, этот человек не тратил времени даром. Он подошел к ближайшему челноку. Пьяный перевозчик лежал, как бревно, на дне лодки. Крат схватил его за загривок и поднял. Потом бросил на песок рядом с лодкой, и перевозчик, перебравший дешевого вина, остался лежать в той же позе. Крат толкнул лодку в воду и несколькими ударами шеста подогнал ее к борту «Дыхания Гора». В спешке я потерял равновесие и свалился с мостика прямо на нос маленького суденышка.

— К храму, Крат, — взмолился я, кое-как усевшись на дне, — и пусть добрая богиня Хапи не даст нам опоздать!

Мы поставили косой парус, и легкий речной бриз быстро погнал нас по темной воде к каменной пристани у храма. Крат закрепил конец на швартовочном кольце и хотел было

последовать за мной на берег, но я остановил его.

— Ради Тана, не ради меня, — сказал я ему, — пожалуйста, не ходи за мной.

Он заколебался, потом кивнул.

— Я буду ждать. Позовешь, если что. — Он вынул свой меч и протянул его мне рукояткой. — Тебе это понадобится?

Я покачал головой.

— Нет, до схватки не дойдет. Кроме того, со мной мой кинжал. Но все равно спасибо тебе за доверие.

Я оставил его в лодке и поспешил вверх по гранитным ступеням к входу в храм богини Хапи.

Камышовые факелы, закрепленные в отверстиях на высоких колоннах ворот, отбрасывали багровый мерцающий свет на резной рельеф стен, и фигуры на них, казалось, начинали танцевать. Богиня Хапи — одна из моих любимых богинь. Строго говоря, она не бог и не богиня, а странное бородатое двуполое существо, которое одновременно имеет и громадный мужской член, и столь же внушительное пещерообразное влагалище, и щедрые груди, чье молоко кормит всех. Хапи — это обожествленный образ мира и богиня урожая. Жизнь обоих царств Египта и всего их народа зависит от нее и от сезонного половодья Великой реки — ее второго я. Она способна менять свой пол и, как многие другие боги Египта, может принимать обличье любого животного. Ее любимый наряд — образ гиппопотама. Несмотря на двусмысленную половую принадлежность божества, моя госпожа Лостра всегда считала ее женщиной, и я также считаю ее таковой. Хотя жрецы Хапи имеют на этот счет свое мнение.

Изображения Хапи на каменных стенах храма — огромные воплощения материнства. Они раскрашены в яркие, кричащие тона красного, желтого и синего. Богиня смотрит на людей сверху вниз с добродушием речной коровы и, кажется, призывает всю природу плодоносить и размножаться. Призыв этот никак не мог унять мои тревоги. Я боялся, что именно сейчас моя драгоценная подопечная пользуется добродушием богини Хапи.

У бокового алтаря на коленях сидела жрица. Я подбежал к ней и тревожно потянул ее за край капюшона:

— Святая сестра, скажи мне, не видела ли ты госпожу Лостру, дочь великого визиря?

Очень немногие жители Верхнего Египта не знали мою госпожу. Ее все любили за красоту, веселый и добродушный нрав. На улицах и базарных площадях вокруг нее всегда собирались толпы людей и приветствовали криками.

Жрица ухмыльнулась мне сморщенным беззубым ртом и с таким хитрым и понимающим выражением лица приложила палец к носу, что худшие из моих страхов оправдались.

Я снова потряс ее, но на этот раз грубее.

— Где она, почтенная мать? Умоляю тебя, скажи мне! — Вместо ответа она помотала головой и показала глазами на ворота внутреннего святилища.

Я помчался к ним по гранитным плитам двора, а сердце мое бежало впереди меня. Даже в горе я удивился смелости моей госпожи. Хотя она как член знатной семьи имела доступ в святая святых всей страны, кто еще в Египте осмелился бы назначить свидание любовнику в таком месте?

У входа в святилище я остановился. Чутье не обмануло меня: они были здесь оба, как я и опасался. Страх овладел мною; я не сомневался, чем они занимаются, и хотел было ворваться и криком остановить их, но потом сдержался.

Моя госпожа была одета, и даже более полно, чем обычно, так как груди ее были прикрыты, а голову она покрыла синей шерстяной шалью. Она стояла на коленях перед гигантской статуей Хапи. Богиня добродушно глядела на нее сверху вниз из-под венков голубых водяных лилий.

Тан стоял на коленях рядом с ней. Он снял оружие и доспехи — они лежали у дверей святилища. На нем были только льняная рубашка и короткая туника, на ногах — сандалии.

Молодая парочка держалась за руки и шепталась, и их лица почти касались друг друга.

Мои грязные подозрения оказались неверными, и меня тут же охватил приступ раскаяния и стыда. Как мог я сомневаться в своей госпоже? Я начал медленно отступать назад, чтобы не помешать им, хотя вряд ли отправился бы дальше бокового алтаря, где можно было вознести благодарение богине за защиту моей подопечной, а потом потихоньку следить за всем происходящим.

Однако в тот самый момент Лостра поднялась на ноги и робко приблизилась к статуе богини. Ее девичья грация настолько очаровала меня, что я задержался на мгновение.

Лостра сняла с шеи изображение богини, вырезанное из лазурита, которое я сам сделал для нее. Мне стало больно: она собиралась принести фигурку в жертву. Я вложил в драгоценную статуэтку всю свою любовь к госпоже, и теперь мне было невыносимо смотреть, как она снимает ее. Лостра встала на цыпочки и повесила фигурку на шею кумира. Затем она опустилась на колени и поцеловала каменную ступню богини. Тан глядел на нее, не поднимаясь со своего места.

Потом Лостра встала и повернулась к Тану, но тут она увидела у входа меня. Я растерянно попытался спрятаться в тени, чтобы не помешать им в столь интимный момент.

Однако ее лицо засияло от радости, и, прежде чем я успел скрыться, она подбежала ко мне и схватила за руку.

— Ах, Таита, я так рада, что ты здесь. Именно ты. Так и должно быть. Это прекрасно. — Она повела меня в святилище, а Тан поднялся и с улыбкой взял меня за другую руку.

— Спасибо тебе за то, что пришел. Я знаю: мы во всем можем рассчитывать на тебя.

Мне хотелось скрыть от двух чистых сердец истинную причину своего появления, и любящая улыбка на моем лице скрыла чувство вины.

— Встань на колени с нами рядом! — приказала Лостра. — Здесь ты услышишь каждое слово, которое мы скажем друг другу. Ты будешь нашим свидетелем перед Хапи и всеми богами Египта! — Она заставила меня опуститься на пол, а затем они с Таном снова встали на колени перед богиней и взялись за руки, глядя друг другу в глаза.

Лостра заговорила первой.

— Ты мое солнце, — прошептала она. — Мир мой темен без тебя.

— Ты — Нил моего сердца, — тихо произнес Тан. — Воды твоей любви питают мою душу.

— Ты муж мой в этом мире и во всех последующих мирах.

— Ты жена моя, и я обещаю тебе свою любовь. Я клянусь тебе в этом дыханием Гора, — четко и ясно проговорил Тан. Его голос эхом прокатился по каменному залу.

— Я принимаю твое обещание и возвращаю его тебе стократно! — воскликнула Лостра. — Никто не сможет встать между нами, ничто не сможет разлучить нас. Мы соединились навеки.

Она подставила ему свое лицо, и он поцеловал ее долгим и глубоким поцелуем. Как я понял, это был первый поцелуй влюбленной парочки. Они оказали мне честь, позволив присутствовать при столь сокровенном событии.

Когда они обнялись, легкий порыв ветра с лагуны промчался по залу храма, и огоньки пламени замигали на факелах. На мгновение лица двух влюбленных расплылись перед моими глазами, а изображение богини задрожало и зашевелилось. Ветер прекратился так же быстро, как и возник, и только шорох между огромными каменными колоннами прозвучал далеким язвительным смехом богов, и я содрогнулся в суеверном страхе.

Опасно дразнить богов чрезмерными просьбами, а Лостра просила о невозможном. Многие годы я ожидал этого момента. Я боялся его, как дня своей смерти. Обет, данный Таном и Лострой, нельзя будет выполнить. Как бы серьезно они ни отнеслись к нему, они не смогут выполнить его. Сердце мое разрывалось от боли, когда они наконец прервали поцелуй и повернулись ко мне.

— Почему ты так печален, Таита? — спросила Лостра с сияющим от счастья лицом. —

Радуйся вместе со мной, ведь это самый счастливый день в моей жизни!

Я заставил себя улыбнуться, но не смог произнести ни слова сочувствия или радости, хотя любил этих двух людей больше всего на свете. Я застыл на коленях с идиотской улыбкой на лице и отчаянием в сердце.

Потом Тан поднял меня на ноги и обнял.

— Ты поговоришь с вельможей Интефом от моего имени, правда? — спросил он, сжимая меня в объятиях.

— Поговоришь, Таита? — присоединилась к его просьбе Лостра. — Отец послушает тебя. Только ты можешь сделать это для нас. Ты ведь не подведешь нас, Таита? Ты еще ни разу не подвел меня. Ты сделаешь это, правда?

Что я мог сказать им? Правды я сказать не мог — это было бы слишком жестоко. Я был не в силах произнести слова, которые отравили бы эту милую, только что расцветшую любовь. Они ждали ответа, думали, что я порадуюсь за них и пообещаю им помощь и поддержку, но я онемел, и рот мой скривился, будто я попробовал незрелого граната.

— Что с тобой, Таита? — Счастье погасло на лице моей госпожи. — Почему ты не радуешься вместе с нами?

— Вы знаете, как я люблю вас обоих, но...

— «Но»?.. Какое «но», Таита? — Лостра потребовала объяснений. — Почему ты говоришь мне «но» и делаешь ужасное лицо в самый счастливый день моей жизни? — Она начинала злиться, губки ее надулись, и слезы появились в уголках ее глаз. — Разве ты не хочешь помочь нам? Так вот чего стоят обещания, которыми ты осыпал меня все эти годы? — Она подошла и посмотрела на меня снизу вверх.

— Госпожа, пожалуйста, не говори так, я не заслуживаю такого обращения. Послушайте меня! — Я положил палец на ее ротик, чтобы остановить новый взрыв возмущения. — Я тут ни при чем, это твой отец, вельможа Интеф...

— Вот именно! — Лостра нетерпеливо отбросила мою руку. — Мой отец! Ты пойдешь и поговоришь с ним, и все, как обычно, будет в порядке.

— Лостра, — начал я, и мое фамильярное обращение выдавало, как я расстроен. — Ты уже не ребенок, ты не должна обольщать себя детскими фантазиями. Ты же знаешь, твой отец не согласится. Он даже не станет слушать меня.

Она не желала слышать правду, и поток ее слов утопил мои предостережения.

— Да, я знаю, у Тана нет состояния. Но у него блестящее будущее. В один прекрасный день он будет командовать всеми войсками Египта. Однажды победит в сражении, которое объединит оба царства, и я буду с ним рядом.

— Госпожа, пожалуйста, выслушай меня. Дело не в состоянии. Все гораздо серьезнее.

— Ты имеешь в виду происхождение и воспитание, так? Это тебя беспокоит? Ты прекрасно знаешь, что его семья так же знатна, как и наша. Пианки, вельможа Харраб, был ровней моему отцу и лучшим его другом! — Ее уши закрылись для моих слов. Она не признавала глубины трагедии. Ни Лостра, ни Тан ничего не знали. Впрочем, во всем нашем царстве только я понимал это.

Долгие годы я защищал ее от правды и, разумеется, ничего не говорил Тану. Как мог я объяснить ей все теперь! Как мог открыть всю глубину ненависти, которую отец питал к ее возлюбленному? Ненависть его была рождена чувством вины и зависти и стала от этого еще безжалостнее.

Мой господин Интеф был ловким и хитрым человеком. Он умел скрывать свои чувства от окружающих. Мог спрятать свою ненависть и злобу, целуя того, кого хотел погубить, давая ему богатейшие подарки и осыпая его лестью. Вельможа Интеф обладал терпением крокодила, затаившегося у водопоя и поджидающего ничего не подозревающую газель. Он мог ждать годы и даже десятилетия, пока не представится возможность нанести удар, и расправлялся с добычей так же быстро, как и этот речной хищник.

Лостра находилась в благословенном неведении относительно ненависти отца. Она даже верила, что тот любил Пианки, вельможу Харраба, так же, как и Пианки любил ее отца.

Но откуда Лостре было знать правду, если я скрывал ее? В своей нежной невинности она верила, что у отца могут вызвать возражения только состояние и происхождение ее возлюбленного.

— Ты же знаешь это, Таита? Тан мне ровня по спискам знати. Так гласят храмовые записи, и все могут убедиться в этом. Как может мой отец отрицать это? Как можешь ты отрицать это?

— Не мне отрицать или утверждать что-либо, госпожа...

— Тогда ты пойдешь к отцу и вступишься за нас. Правда, милый Таита? Скажи, что пойдешь, пожалуйста, скажи.

Мне оставалось лишь склонить голову и скрыть безнадежное выражение глаз.

ФЛОТИЛИЯ возвращалась в Карнак. Ладьи сидели низко под грузом шкур и солонины. Путешествие вверх по течению Нила занимало больше времени, однако, на мой взгляд, ладьи шли слишком быстро, с каждой минутой на сердце у меня становилось все тяжелее, и страхи мои росли. Влюбленные веселились, опьяненные недавним объяснением в любви, они верили в мою способность убрать все препятствия с пути. Я не мог лишиться их целого дня счастья, ведь этот день будет последним перед разлукой. Если бы у меня хватило мужества и красноречия, я бы тогда же заставил их скрепить клятву естественным союзом и сделать то, что так пугало меня прошлой ночью. Другого случая им уже не представится. Моя попытка вступить за них перед вельможей Интефом обречена — она только предостережет его. Как только он узнает все, тут же встанет между ними и разлучит навеки.

А тем временем я смеялся вместе с ними и пытался скрыть свои опасения. Любовь настолько ослепила их, что мне это удалось, иначе госпожа моя наверняка бы заметила фальшь. Она ведь знает меня так же хорошо, как и я ее.

Втроем мы сидели на носу ладьи и обсуждали мистерию Осириса, которая станет кульминацией празднества. Мой господин Интеф поручил мне постановку спектакля, и я отдал Тану и Лостре главные роли.

Праздник этот проводился раз в два года на восходе полной луны Осириса. В былые времена — ежегодно. Однако расходы и хлопоты, связанные с переездом царского двора из Элефантины в Фивы, стали слишком обременительными, поэтому фараон издал указ об увеличении промежутка между праздниками. Наш правитель всегда осторожно тратил свое золотишко.

Разговоры о мистерии отвлекли меня от мыслей о скорой беседе с вельможей Интефом, и я начал репетировать роли с двумя влюбленными. Лостра должна была играть Исиду, жену Осириса, а Тан играл главную роль — роль Гора. Тан будет играть сына Лостры, и мне пришлось объяснить им, что у богов нет возраста и богиня может выглядеть моложе своего отпрыска. Их это очень позабавило.

Я написал новый сценарий мистерии, который должен сменить старый, остававшийся без изменений почти тысячу лет. Архаичный язык древнего сценария непонятен нашим современникам, и они не осознают величия происходящего на сцене. Фараон будет почетным гостем на представлении в храме Осириса в последний вечер праздника, поэтому мне очень хотелось, чтобы спектакль удался. Консервативные знать и жрецы выступили против моей версии, и только вмешательство вельможи Интефа позволило мне преодолеть их сопротивление и поставить мистерию по новому сценарию.

Вельможа — не слишком религиозный человек, и обычно он не интересуется теологическими спорами. Однако я решил позабавить его и включил в текст мистерии несколько лестных для него строчек. Я прочел ему эти строчки отдельно, а потом тактично напомнил, что главное противодействие моей версии исходило от верховного жреца Осириса, сварливого старика, который однажды не дал вельможе Интефу поиграть с симпатичным молодым послушником. Этого проступка мой господин верховному жрецу простить не мог.

В результате мой вариант мистерии был принят и должен был исполняться впервые.

Теперь для меня особенно важно, чтобы актеры представили мои стихи во всем великолепии — в противном случае их никто больше не услышит.

И Тан и Лостра обладали прекрасными сценическими голосами и решили вознаградить меня за помощь. Они старались изо всех сил и декламировали настолько выразительно, что репетиция увлекла меня, и я смог забыть на некоторое время.

Потом возглас впередсмотрящего оторвал меня от страстей богов и вернул к земным заботам. Флотилия прошла последний поворот реки, и впереди, на обоих берегах Нила, как два жемчужных ожерелья, блистали города-близнецы Луксор и Карнак, составлявшие великие Фивы. Сказочное путешествие закончилось, пора было возвращаться к реальности. Веселье покинуло меня. Я поднялся.

— Тан, ты должен перевести Лостру и меня на ладью Крата прежде, чем мы подойдем к городу. Люди вельможи будут следить за нами с берега. Они не должны видеть нас в твоём обществе.

— Не поздно ли? — улыбнулся Тан в ответ. — Раньше надо было об этом думать.

— Отец довольно скоро все узнает, — поддержала его Лостра. — Если наше поведение предупредит его, тебе наверняка будет легче уговорить.

— Если вы лучше меня разбираетесь в этом, делайте как знаете, а я в ваших безумствах участвовать не буду, — сказал я с видом оскорбленного достоинства, и они мгновенно сдались.

Тан сигналом позвал к борту ладью Крата, и влюбленные быстро попрощались. Они не смели обниматься на глазах половины флотилии, но взгляды и теплые слова говорили не менее красноречиво.

С кормового мостика ладьи Крата мы помахали рукой «Дыханию Гора». Ладья Тана повернула, сверкая веслами на солнце, как летящая стрекоза, и направилась к пристани у города Луксор. А мы пошли дальше вверх по реке к дворцу великого визиря.

КАК ТОЛЬКО мы причалили к дворцовой пристани, я навел справки о местонахождении моего господина и с облегчением узнал, что он отправился на западный берег реки в последний раз проверить состояние гробницы фараона и погребального храма. Храм царя и его гробница строились двенадцать лет, с того самого дня, когда он надел двухцветную бело-красную корону двух царств. Теперь строительство приближалось к завершению, и царю наверняка захочется посетить его, как только праздник закончится и появится свободное время. Вельможа Интеф всячески старался не огорчать царя и не подрывать доверия к себе. Помимо множества званий и титулов вельможа занимал также должность Стража царских гробниц, а она возлагала на него серьезные обязательства.

Отсутствие господина дарило мне целый день на подготовку к разговору и планирование своих действий. Влюбленные вырвали у меня торжественное обещание поговорить с отцом Лостры при первой же возможности, а таковая, как я понимал, представится утром, когда вельможа будет проводить аудиенцию.

Убедившись, что моя госпожа благополучно добралась до гарема и устроилась в своих покоях, я поспешил к себе, в комнаты близких друзей великого визиря.

В жизни дома моего господина Интефа было столько же обмана, сколько во всем остальном. У него было восемь жен, и все они принесли ему либо богатое приданое, либо политическое влияние. Но только три жены родили ему детей: не считая Лостры, у него было два сына.

Насколько мне было известно — а мне было известно все, что творилось во дворце, и почти все, происходившее за его стенами, — мой господин не посещал гарема в течение 15 лет. Зачатие Лостры стало последним случаем, когда он выполнил свои брачные обязательства. Его вкусы в этой области были несколько иными. Близкими друзьями великого визиря, которые жили в другом крыле дворца, были самые красивые мальчишки-рабы во всем Верхнем царстве. Мальчишки пришли на смену охоте на птиц и диких зверей пустыни — излюбленным забавам египетской знати. Это еще один симптом болезни,

поразившей нашу прекрасную страну.

Я был старшим в этой избранной компании рабов. Я остался здесь, в отличие от других мальчиков, чья красота за многие годы увяла или поблекла и кого вельможа послал на невольничий рынок. Он научился ценить во мне другие достоинства помимо красоты. Хотя и она не увяла: наоборот, с годами она стала еще более поразительной. Не считайте меня тщеславным только потому, что я так говорю. Я решил записывать здесь только правду, и даже ложная скромность не может сделать эти записи более интересными.

Да, теперь мой господин редко развлекался со мной, и я был поистине благодарен ему за такую забывчивость. Когда вельможа Интеф звал меня, то наказывал меня близостью с собой. Он прекрасно знал о физической боли и унижении, которые я испытываю. Хотя еще ребенком я научился скрывать свое отвращение и изображать радость в моменты извращенной любви, мне не удавалось обмануть его.

Как это ни странно, мое чувство отвращения и ненависти не могло лишить его самого наслаждения, скорее даже усиливало его. Вельможу Интефа нельзя назвать ни добрым, ни чутким человеком. За все эти годы сотни мальчиков-рабов попали ко мне избитыми и в слезах после первой ночи с моим господином. Я лечил их и всячески старался успокоить. Вот почему мальчики-рабы прозвали меня Ак— Кер, что означает «старший брат».

Хотя я больше не мог назвать себя любимой игрушкой моего господина, он стал ценить меня гораздо выше игрушки. Я стал очень многим для него: врачом и художником, музыкантом и писцом, архитектором и счетоводом, советником и доверенным лицом, инженером и нянькой его дочери. Я не настолько наивен, чтобы поверить, будто он любил меня или доверял мне, но иногда его отношение настолько походило на любовь и доверие, насколько он вообще мог любить и доверять. Вот почему Лостра заставила меня вступить за Тана.

Моего господина Интефа мало интересовала дочь. Он видел в ней лишь товар, который нужно содержать в наилучшем состоянии и который можно продать, то есть выдать замуж. Иногда он целый год, от одного половодья до другого, не обменивался с ней ни единым словом. Я не мог различить какого-либо интереса в его глазах, когда докладывал ему о воспитании и обучении дочери.

Разумеется, я старался скрыть от него свои истинные чувства к Лостре, так как он наверняка при первой же возможности использовал бы их против меня самого. Я пытался создать впечатление, будто считаю ее воспитание нудной и досадной обузой, и старался убедить его, что разделяю презрение и отвращение к женщинам. По-моему, он так и не понял, что, несмотря на кастрацию, мои чувства по отношению к противоположному полу были такими же, как и у обычных мужчин.

Именно из-за равнодушия моего господина к своей дочери я периодически поддавался соблазну и после долгих просьб Лостры шел на безумный риск, устраивая что-нибудь вроде последней проделки с поездкой на охоту на борту «Дыхания Гора». Обычно у нас был шанс выйти сухими из воды.

В тот вечер я рано ушел к себе и прежде всего накормил и приласкал моих любимцев. Я очень люблю птиц и животных и так хорошо лажу с ними, что даже сам удивляюсь этому. Я дружил почти с дюжиной кошек, поскольку подчинить кошку не может никто. Кроме того, мне принадлежала стая прекрасных собак. Мы с Таном охотились с ними на антилоп и львов в пустыне.

Дикие птицы слетались на мою террасу и наслаждались моим гостеприимством. Они зло дрались между собой за право посидеть на моей руке или плече. Самые храбрые брали пищу из моих губ. Ручная газель терлась о мои колени, как кошка, а два сокола клекотом звали меня со своих насестов на террасе. Они были редкой породы, красивой и злобной. Как только у нас с Таном появлялась возможность, мы брали их в пустыню и выпускали на гигантских дроф. Я с истинным восхищением смотрел, как быстро и грациозно они пикировали на добычу. Всякий, кто попытался бы приласкать их, познакомился бы с их острыми загнутыми клювами, но со мной они были нежными, как ласточки.

Только позаботившись о своем домашнем хозяйстве, я позвал мальчика-раба и потребовал ужин. Я уселся на террасе с видом на широкую долину Нила и наслаждался тонким вкусом дикой куропатки, сваренной в меде с козьим молоком, которую повар дворца приготовил специально в честь моего возвращения. Со своего места на террасе я следил за баркой моего господина, возвращающейся с противоположного берега. Она медленно шла под квадратным парусом в алых лучах заходящего солнца, и я почувствовал, как сердце мое уходит в пятки. Вельможа Интеф мог послать за мной уже вечером, а я не был готов к разговору с ним.

Потом я с облегчением услышал, как Расфер, начальник дворцовой стражи, зовет мальчика, сегодняшнего любимчика вельможи, бедуина с миндалевидными глазами, которому едва исполнилось десять лет. Немного позже я услышал жалобные крики ребенка, когда Расфер протащил его мимо моей двери к занавешенному входу в покои великого визиря. Хотя за много лет я привык к подобным крикам, но не мог без содрогания слышать плач детей, и жалость снова охватила меня. И все же я с облегчением подумал, что сегодня вечером за мной не пошлют. Нужно было выспаться как следует, чтобы прекрасно выглядеть утром.

Я проснулся до рассвета, но чувство страха еще сжимало мое сердце. Привычное купание в холодных водах Нила не смогло прогнать его. Я поспешил обратно в свою комнату, где два мальчика-раба смазали мое тело маслом и расчесали волосы. Я терпеть не мог новомодного обычая наносить грим на лицо, который распространился среди знати. Моя кожа была достаточно чиста, а цвет ее достаточно красив и без грима, но мой господин любил, когда его мальчики пользуются гримом, а сегодня мне больше чем когда бы то ни было хотелось доставить ему удовольствие.

Хотя отражение в бронзовом зеркале вселяло уверенность, позавтракал я без всякого аппетита. Первым из окружения вельможи пришел в водный сад, где он каждое утро проводил аудиенции.

Ожидая, пока соберутся все, я смотрел, как охотятся зимородки. Я сам распланировал водный сад и наблюдал за его строительством. Он представлял собой сеть каналов и маленьких прудочков с проточной водой. Здесь были собраны цветущие растения со всего Египетского царства и из-за его пределов. От разнообразия цветов слепило в глазах и кружилась голова. В прудах жили сотни разнообразнейших рыб, какие только попадаются в сети рыбаков на Ниле, но из-за зимородков запасы рыб в прудах приходилось пополнять каждый день.

Вельможа Интеф любил наблюдать, как эти птицы зависали в воздухе, словно маленькие кусочки лазурита, а потом бросались вниз и, поднимая фонтанчики брызг, взлетали с серебряной искоркой в клюве. Мне кажется, он видел себя таким же хищником, ловцом людей, и ощущал сородичем. Не разрешал садовникам пугать их.

Постепенно в саду собрался весь двор великого визиря. Многие еще зевали и не успели расчесать свои волосы. Вельможа Интеф вставал рано и любил заканчивать дневную работу до наступления жары. Освещенные первыми лучами солнца, мы ожидали его появления.

— Он сегодня в хорошем настроении, — прошептал постельничий, усаживаясь рядом со мной. Может быть, мне еще удастся избежать серьезных последствий глупого обещания помочь Лостре.

Среди присутствующих вдруг пронесся шорох, и все пришли в движение, как папирус на ветру. Вельможа Интеф вышел к нам.

Походка у него была величественная, выглядел он внушительно, так как почести и звания давали ему великую власть над людьми. На шее у него висело «Золото похвалы». Это ожерелье из красного золота, добытого в рудниках Лота, фараон возложил на него своей собственной рукой. Глашатаи великого визиря шествовали впереди. Этого коротконового карлика назначили глашатаем благодаря зычному голосу и уродливому телу. Вельможе нравилось окружать себя редкостями всякого рода. Гордо подсакивая впереди вельможи на своих коротеньких ножках, карлик провозглашал почести и звания своего господина.

— Смотрите на опору Египта! Приветствуйте стража вод Нила! Кланяйтесь товарищу фараона! — Этими титулами вельможу наградила сам фараон, и многие из них предполагали вполне конкретные обязанности. Как страж вод он отвечал за наблюдения над уровнем реки во время сезонного половодья, и работа эта, естественно, ложилась на плечи верного и неутомимого раба Таиты.

Я проработал полгода с отрядом строителей и математиков. Мы проводили измерения и делали зарубки на скалах Асуана, которые позволяли точно определять высоту подъема воды и объем потока во время половодья. Благодаря этим измерениям можно было вычислить размеры урожая на несколько месяцев вперед. Чиновники фараона могли предвидеть голод и изобилие и предпринимать соответствующие шаги. Фараону понравилась моя работа, и он осыпал вельможу Интефа новыми почестями и наградами.

— Преклоните колена пред номархом Карнака и правителем всех двадцати двух номов Верхнего Египта! Приветствуйте владыку Города Мертвых и хранителя царских могил!

Эти звания возлагали на вельможу Интефа ответственность за проектирование, строительство и содержание гробниц всех фараонов, как умерших, так и ныне здравствующего, и снова рабу приходилось подставлять свои выносливые плечи. Вчера вельможа посетил строительство гробницы фараона в первый раз после предыдущего праздника Осириса. Мне, а не ему приходилось отправляться туда, несмотря на жару и пыль, чтобы уговаривать лживых подрядчиков и ругаться с мошенниками каменщиками. Я часто сожалею о том, что не скрыл от своего господина, насколько широки мои познания.

И теперь он выделил меня из толпы людей. Его желтые глаза безжалостно, как глаза леопарда, скользнули по моим, и он чуть наклонил голову. Я вышел из толпы и шагнул вслед за ним, когда он проходил мимо, и, как обычно, меня поразила ширина его мощных плеч. Он был невероятно красивым и стройным мужчиной. Голова его, с густой и блестящей шевелюрой, походила на голову льва. В то время ему было сорок, и я был его рабом уже почти двадцать лет.

Вельможа Интеф повел нас к беседке в центре сада. Там, под соломенной крышей, прохладный ветер с реки смягчал жару. Скрестив ноги, он уселся на каменном полу перед маленьким столиком со свитками государственных законов, а я занял свое обычное место за его спиной. Началась каждодневная работа.

Дважды на протяжении заседания вельможа едва заметно склонялся ко мне. Он не поворачивал головы и не произносил ни слова, но я понимал, что он просит моего совета. Едва шевеля губами, я говорил почти неслышным шепотом, и немногие замечали, как мы обмениваемся мнениями.

В первый раз я прошептал: «Он лжет», а во второй: «Ретик больше подходит для этой должности. И он предложил пожертвовать пять золотых колец в личную казну моего господина». Ретик и мне обещал золотое кольцо, если получит этот пост, хотя об этом я не упомянул.

В полдень вельможа отпустил сановников и просителей приказал принести обед. В первый раз за это время мы остались с ним наедине, если не считать Расфера, который был одновременно начальником дворцовой стражи и палачом. Теперь он встал у ворот сада, чтобы видеть, что происходит в беседке, но не слышать слов.

Вельможа жестом подозвал меня к себе и предложил попробовать нежные сласти и плоды, разложенные перед ним. Пока мы оба ждали, не почувствую ли я действия яда, подробно обсудили утреннюю аудиенцию.

Затем он расспросил меня о походе в лагуну Хапи и большой охоте на гиппопотамов. Я описал ему охоту и назвал примерные размеры прибыли, которую он получит от продажи мяса, шкур и зубов речных коров. Я чуть преувеличил ее размеры, и он улыбнулся. Улыбка его была искренней и чарующей. Кому довелось увидеть эту улыбку, тот понимал, почему вельможа Интеф так легко водит людей за нос. Даже меня эта улыбка успокоила, хотя мне следовало бы знать ей цену.

Когда он откусил от сочного куска холодного филе гиппопотама, я перевел дыхание и

начал свою речь.

— Я должен сообщить моему господину, что разрешил его дочери сопровождать меня на охоту. — Он уже все знал и ждал, попытаюсь ли я скрыть это от него. Я видел это по глазам.

— Тебе не пришло в голову, что на это нужно получить мое разрешение? — мягко спросил он. Я отвел глаза и начал сосредоточенно очищать для него виноградину, а потом ответил:

— Лостра попросила меня об этом перед самым отплытием. Как вы знаете, богиня Хапи — ее покровительница, и вашей дочери хотелось поклониться богине и принести ей жертву в храме лагуны.

— Однако ты не спросил моего разрешения? — повторил он, и я протянул ему виноградину. Он раздвинул губы и разрешил мне положить ее себе в рот. Это могло означать только одно: он еще благосклонен ко мне и еще не знает всей правды о Тане и Лостре.

— Мой господин держал совет с номархом Асуана. Я бы не посмел беспокоить его. Кроме того, я не видел в этом особого вреда. Как мне показалось, моего господина не стоит беспокоить ради такого обычного домашнего решения.

— У тебя сегодня на все есть ответ, не так ли, мой дорогой? — усмехнулся он. — А ты сегодня красив. Мне нравится, как ты покрасил веки. Какими благовониями ты пользуешься?

— Они добываются из лепестков дикой фиалки, — ответил я. — Я счастлив доставить вам радость. Я приготовил маленький флакончик и хочу подарить его вам, мой господин. — Я достал благовония из кошелька и встал на колени, протянув его вельможе. Он взял меня пальцем за подбородок, поднял мое лицо и поцеловал в губы. Я послушно отвечал на поцелуй, пока он сам не остановил меня, погладив по щеке.

— Что бы ты ни замышлял, Таита, ты все еще очень красив. После стольких лет жизни во дворце ты по-прежнему можешь заставить меня улыбнуться. Скажи, ты хорошо следил за госпожой Лострой, не так ли? Ты ведь не выпускал ее из виду ни на мгновение?

— Как обычно, мой господин, — горячо подтвердил я.

— И ты не хочешь сообщить мне ничего необычного?

Я все еще стоял перед ним на коленях. Слова вдруг застряли у меня в горле, а язык присох к небу.

— Не квакай, старина, — засмеялся он. — Говори как мужчина, хотя ты таковым и не являешься.

Жестокая шутка помогла мне взять себя в руки.

— Действительно, я хотел бы смиренно привлечь внимание моего господина к одному событию, — сказал я. — И оно действительно касается госпожи Лостры. Как я уже сообщал вам, красный цветок месячных вашей дочери расцвел первый раз во время последнего половодья Великой реки. С тех пор ее месячные расцветают с той же силой каждую луну.

Вельможа скорчил гримасу, так как физиология женского организма внушала ему отвращение. Мне это казалось забавным, ведь подобные подробности мужской физиологии вызывали у него глубочайший интерес.

Я торопливо продолжил:

— Госпожа Лостра достигла брачного возраста. Она женщина страстная и любвеобильная. Разумно было бы поскорее подыскать ей мужа.

— Без сомнения. Ты можешь предложить кого-нибудь? — сухо спросил он. Я кивнул.

— Да, один человек действительно добивается ее руки.

— Человек, Таита? Ты, наверное, хотел сказать, еще один человек, не так ли? Я знаю по крайней мере шестерых, включая номарха Асуана и правителя Лота, которые также обращались ко мне с подобными предложениями.

— Я действительно хотел сказать: еще один. Но на этот раз он нравится госпоже Лостре. Если помните, номарха Асуана она обозвала жирной жабой, а правителя Лота — старым сварливым козлом.

— Мне все равно, понравится он моей дочери или нет. — Вельможа Интеф потряс

головой, улыбнулся и погладил меня по щеке, чтобы подбодрить. — Ну, продолжай, Таита, каково же имя сохнувшего от любви молодца, который окажет мне честь, став моим зятем, и получит самое богатое приданое в Египте? — Я уже собрался с духом, чтобы назвать его, но вельможа Интеф остановил меня. — Нет, подожди, я сам отгадаю.

Его улыбка превратилась в хитрую лисью усмешку, которую я знал слишком хорошо. Я понял, что он просто играет со мной.

— Чтобы понравиться Лостре, он должен быть молодым и красивым. — Он притворился, будто раздумывает, кто бы это мог быть. — А чтобы ты вступился за него, он должен быть твоим другом или подопечным. Кроме того, этому страстному влюбленному, наверное, представилась возможность признаться Лостре в своей любви и уговорить тебя вступить за него. У кого нашлось для этого место и время, как ты думаешь? А может, это произошло в полночь, в храме Хапи?! Я на правильном пути, а, Таита? Я почувствовал, что бледнею. Откуда ему известно так много? Его рука скользнула вокруг моей шеи и погладила затылок — так часто начинались любовные ласки, и он снова поцеловал меня.

— Я вижу по твоему лицу, что мои догадки близки к цели. — Он взял локон моих волос и слегка потянул. — Теперь остается только отгадать имя смелого влюбленного. Может, это Дакка? Нет, нет. Нет, Дакка не настолько глуп. Он не станет будить мой гнев. — Потянул за волосы сильнее, пока не увидел слезы в моих глазах. — Может, это Крат? Он красив и глуп и способен на риск. — Потянул еще сильнее, и я почувствовал, как локон с треском оторвался и остался в его руке. Я проглотил стон.

— Отвечай, мой дорогой, это Крат? — Он сунул мое лицо в колени.

— Нет, мой господин, — с болью прошептал я. Без всякого удивления я увидел, что он готов к любви. Он прижал мое лицо сильнее, не выпуская волос.

— Это не Крат? — Он прикинулся озадаченным. — Если это не Крат, тогда я ума не приложу, у кого хватило наглости так оскорбить меня. Какой глупец посмел приставать к девственной дочери великого визиря Верхнего Египта?

Вдруг он резко повысил голос.

— Расфер! — Голова моя лежала у него на коленях, и сквозь слезы я увидел, как Расфер приближается к нам. В зверинце фараона на острове Элефантина у Асуана есть огромный черный медведь, который был доставлен торговым караваном с востока много лет назад. Этот злобный, покрытый шрамами зверь напоминал мне начальника охраны вельможи Интефа. Оба имели одинаковые огромные бесформенные тела и могли раздавить человека в своих лапах. Однако морда у зверя была намного приятнее, и вел он себя гораздо дружелюбнее Расфера.

Я увидел, как Расфер рысью приближается к нам с удивительной для такого грузного человека быстротой. Его огромный живот мерно раскачивался над толстыми ногами. Мне почудилось будто я перенесся в те далекие года, когда меня лишили мужского достоинства.

Все казалось настолько знакомым, словно мне опять нужно было пережить тот ужасный день. Каждая мелочь происшедшего до сих пор настолько ясно стояла в моей памяти, что я чуть не закричал. Действующие лица той давнишней трагедии были те же: вельможа Интеф, это животное, Расфер, и я. Только девушки не было.

Ее звали Алида. Ей было столько же лет, сколько и мне. Шестнадцать — нежный возраст невинности. Она была рабыней, как и я. Теперь я вспоминаю ее красавицей, но, вероятно, память обманывает меня. Если бы она действительно была красива, ее не послали бы работать на кухню — она оказалась бы в гареме какого-нибудь вельможи. Одно я помню точно: кожа ее, теплая и мягкая, напоминала полированный янтарь. Я никогда не смогу испытать что-либо подобное. В нашем несчастье мы нашли покой и глубокое умиротворение друг в друге. Я так и не узнал, кто предал нас. Обычно я не мстителен, но до сих пор мне снится иногда, как я нахожу того, кто выдал нас вельможе Интефу.

В то время я был фаворитом вельможи Интефа, его любимчиком. Когда моя неверность обнаружилась, это нанесло такой удар его самолюбию, что он был на грани безумия.

Расфер пришел за нами. Он приволок нас в покои вельможи за шиворот, как котят. Он

раздел нас донага перед вельможей Интефом, который, как и сейчас, сидел, скрестив ноги на полу. Расфер связал руки и ноги Алиды грубым ремнем. Она побледнела и вся дрожала, но еще не плакала. В тот момент я любил ее и восхищался ее мужеством сильнее, чем когда бы то ни было.

Вельможа Интеф кивком подозвал меня и приказал сесть перед ним на колени. Потом взял меня за волосы и влюбленно прошептал:

— Ты любишь меня, Таита? — спросил он. И я ответил ему то ли от страха, то ли пытаюсь спасти Алиду от мучений:

— Да, мой господин, я люблю вас.

— А ты еще кого-нибудь любишь, Таита? — спросил он мягким, шелковым голосом. И я — трус и предатель — сказал:

— Нет, мой господин, я люблю только вас. — И тогда Алида заплакала.

Это были самые страшные звуки, какие мне когда-либо доводилось слышать. Вельможа Интеф приказал Расферу:

— Тащи шлюху сюда. Положи ее так, чтобы они хорошо видели друг друга. Таита должен увидеть все, что ты с ней сделаешь.

Расфер, ухмыляясь, бросил девушку передо мной. Господин чуть повысил голос:

— Хорошо, Расфер, можешь начинать.

Расфер набросил петлю из плетеного ремня на лоб Алиды. Петля легла на ее волосы, подобно головной повязке женщин бедуинов. Встав позади девушки, Расфер просунул в петлю толстую дубинку из древесины оливы и повернул ее. Ремень крепко прижался к гладкой, чистой коже. Потом узелки грубого ремня впились в кожу Алиды, и лицо ее скривилось от боли.

— Помедленнее, Расфер, — попросил вельможа. — У нас еще все впереди.

Дубинка казалась детской игрушкой в огромных волосатых лапах Расфера. Он медленно и осторожно, по четверти оборота, поворачивал ее. Узелки впились все глубже. Рот Алиды открылся, и она вдруг резко выдохнула из себя воздух. Она посерела, кожа стала цвета золы. Судорожно наполнила легкие воздухом и выдохнула его в долгом пронзительном вопле.

По-прежнему ухмыляясь, Расфер поворачивал дубинку, и цепочка кожаных узелков погружалась в лоб Алиды. Череп начал менять форму. Сначала мне показалось, что зрение сыграло со мной злую шутку от напряжения, а потом я понял: ее голова действительно сжимается и вытягивается в петле. Крики уже не прекращались, бронзовым клинком пронзая мое сердце. Казалось, это будет продолжаться вечно.

Потом череп раскололся. Я слышал, как кости его затрещали, будто раздавили орех, и ужасный вопль оборвался. Тело Алиды обмякло в руках Расфера, и сердце мое переполнилось горем и отчаянием.

После паузы, которая показалась мне вечной, вельможа поднял мою голову и посмотрел в глаза. С печалью и сожалением он сказал:

— Ее больше нет, Таита. Она была дурной девочкой и сбила тебя с пути истинного. Мы должны сделать так, чтобы это никогда больше не повторилось. Нужно защитить тебя от будущих соблазнов.

Он снова дал знак Расферу, и тот, схватив обнаженное тело Алиды за ноги, потащил его на прибрежную террасу. Ее раздавленный череп со стуком бился о каменные ступени, а волосы потоком текли за ней. Одним движением мощных плеч Расфер выбросил ее далеко в реку. Бессильные конечности взметнулись в воздухе, и она, перекувырнувшись, упала в воду и быстро утонула. Веер волос ушел в глубину, словно опускающиеся под воду плети водорослей.

Расфер отвернулся и пошел в противоположный конец террасы, где двое его людей раздували огонь под жаровней с раскаленными углями. Рядом с жаровней на деревянном подносе лежал полный набор хирургических инструментов. Он осмотрел их и удовлетворенно кивнул. Затем вернулся и сказал, поклонившись, вельможе:

— Все готово.

Господин отер слезы с моего лица, а потом поднес палец к губам, словно хотел вкусить мою печаль.

— Пойдем, милый красавчик, — прошептал он, поднимая меня на ноги и выводя на террасу. Я был настолько убит горем и ослеплен слезами, что не почувствовал опасности до тех пор, пока стражи не схватили меня. Они бросили меня на землю и прижали мои руки и ноги, расставив их в стороны. Только голова оставалась свободной.

Господин встал на колени у моей головы, а Расфер опустил между раздвинутых ног.

— Ты больше никогда не сможешь совершать дурных поступков, Таита, — сказал мой господин. Только тогда я заметил крошечный бронзовый скальпель в огромной лапе Расфера. Вельможа Интеф кивнул ему, и он схватил меня и тянул до тех пор, пока мне не почудилось, что он вытаскивает из меня внутренности через пах.

— Какая хорошенькая парочка яичек! — ухмыльнулся Расфер и показал мне скальпель, поднеся его к моим глазам. — Скоро я скормлю их крокодилам, так же как и твою подружку. — И поцеловал лезвие.

— Пожалуйста, мой господин, смилуйтесь... — Мои мольбы перешли в резкий вопль, когда Расфер резанул клинком. Мне почудилось, будто раскаленный вертел вонзился в живот.

— Попрощайся с ними, красавчик. — Расфер поднял мешочек бледной сморщенной кожи с жалким содержимым. Он уже собирался встать и выбросить его в реку, но вельможа остановил.

— Ты не закончил, — тихо сказал он Расферу. — Я хочу, чтобы ты сделал все.

Расфер уставился на него, не понимая приказа, а затем начал смеяться, да так, что его огромное брюхо затряслось.

— Клянусь кровью Гора, — орал он сквозь смех, — теперь нашему красавчику придется писать на корточках, как девчонке! — Снова резанул скальпелем и заржал, поднимая в руке маленький гибкий пальчик, который когда-то был самой интимной частью моего тела.

— Брось, парень, тебе будет легче ходить без такой тяжести промеж ног. — Спотыкаясь от смеха, он отправился было к террасе, чтобы выбросить в реку, но вельможа снова резко остановил его.

— Отдай мне, — потребовал он, и Расфер послушно положил кровавые останки моего мужского достоинства в его ладони. Несколько мгновений тот с любопытством разглядывал их, а потом обратился ко мне:

— Я не настолько жесток, чтобы лишить тебя столь прекрасных украшений, мой милый. Я прикажу забальзамировать их, и, когда они будут готовы, их прикрепят на ожерелье из жемчуга и лазурита. Это будет мой подарок тебе к празднику Осириса. В день твоих похорон можно будет положить их в могилу вместе с тобой, и, если боги будут добры к тебе, ты сможешь воспользоваться ими в загробной жизни.

Ужасные воспоминания прекратились в тот момент, когда Расфер остановил кровотечение, облив рану кипящим лаком для бальзамирования, и от невыносимой боли я погрузился в благословенное забытие. Но теперь Алиды не было, и вместо кастрационного ножа Расфер размахивал кнутом из гиппопотамовой кожи.

Бич этот, длиной в сажень, у основания был шириной с руку Расфера, а на конце сужался до толщины мизинца. Я сам видел, как он плел его, срезая грубую подложку с внутренней стороны, пока кожа не заблестела. Время от времени взмахивал им в воздухе, чтобы проверить ухватистость и гибкость, и не остановился до тех пор, пока кнут не начал разрезать воздух с визгом и воем ветра пустыни, зажатою холмами Лота. Кнут этот был цвета янтаря — Расфер любовно отполировал кожу так, чтобы она блестела как стекло. Гибок он был настолько, что сгибался в круг в медведеподобных лапах палача. Он специально позволил крови сотен жертв высохнуть на его кончике, чтобы тот покрылся матовым блеском, не лишенным определенной красоты.

Расфер владел этим инструментом, как художник. Резким и легким ударом оставлял яркую красную полосу на нежной молоденькой коже, не повреждая ее, но удар этот обжигал, как укус скорпиона, и жертва начинала выть и извиваться от боли. Но мог также дюжиной свистящих ударов содрать кожу и мясо со спины человека, обнажив его ребра и хребет.

И вот теперь он стоял надо мной и, ухмыляясь, гнул в руках длинный бич. Расфер любил свою работу и ненавидел меня со всей силой, какую только могли породить зависть и ощущение моего превосходства, основанного на уме и красоте.

Вельможа Интеф погладил мою обнаженную спину и вздохнул.

— Ты иногда так коварен, мой милый. Пытаешься обмануть того, кому обязан быть верным до гроба. Кому ты обязан самым своим существованием. — Он снова вздохнул. — Почему ты заставляешь меня заниматься такими неприятными вещами? Тебе следовало бы знать, что бесполезно обращаться ко мне с такой просьбой и вступаться за двух молодых глупцов. Это смехотворная попытка, но мне кажется, я понимаю, почему ты сделал это. Ребяческое сочувствие — одна из многих твоих слабостей, и в один прекрасный день оно может стать причиной твоей гибели. Однако временами это несколько забавляет и даже умиляет меня, и я был бы готов простить тебя, если бы мог посмотреть сквозь пальцы на то, что ты чуть было не обесценил порученный тебе товар. — Он повернул мою голову так, чтобы я мог ответить ему. — За это ты будешь наказан. Ты понимаешь меня?

— Да, мой господин, — прошептал я и попытался разглядеть кнут в руках Расфера. Однако вельможа Интеф снова повернул меня к себе и обратился к палачу:

— Половчее, Расфер, не порань кожу. Я не хочу испортить такую великолепную чистую спину. Для начала хватит и десяти ударов. Считай вслух.

Я был свидетелем того, как сотни несчастных подвергались такому наказанию, и некоторые из них были воинами и даже прославились героизмом в сражениях. Никто из них не мог сдержать крика под кнутом Расфера. Во всяком случае лучше было и не пытаться. По его мнению, молчание жертвы бросало вызов его ловкости. Я хорошо знал это, потому что не раз проходил этой дорогой горя. Нужно было проглотить свою гордость и как можно громче воздать должное искусству Расфера. Я набрал в легкие воздуха и приготовился.

— Один, — прохрипел Расфер, и бич просвистел в воздухе. Как женщина со временем забывает о родовых болях, так и я забыл острую боль от удара кнута и закричал даже громче, чем рассчитывал.

— Тебе повезло, Таита, — прошептал Интеф мне в ухо. — Я приказал жрецам Осириса осмотреть товар прошлой ночью. Все в порядке.

Мое лицо скривилось, но дело было не только в боли — я с отвращением подумал о том, как эти похотливые козлы шупали своими пальцами мою маленькую девочку.

Расфер придумал свой собственный ритуал наказания для того, чтобы и он, и его жертва могли полностью насладиться происходящим. После каждого удара он неторопливо обегал вокруг беседки и хриплым голосом выкрикивал приветствия и похвалы самому себе, высоко поднимая бич, как во время военной церемонии. Описав круг, снова вставал возле жертвы и заносил кнут.

— Два! — И я снова завопил.

ОДНА из служанок Лостры ждала меня на террасе перед моим жилищем, когда я, выйдя из сада и хромя от боли, поднялся по лестнице.

— Моя госпожа требует тебя к себе немедленно, — сказала она вместо приветствия.

— Передай ей, что я не расположен к беседе. — Я попытался избежать разговора с ней, крикнул мальчику-рабу, чтобы тот перевязал мне раны, и поспешил к себе. Я был не в состоянии предстать перед Лострой. Меня приводила в ужас мысль о провале моей миссии: теперь мне придется заставить ее посмотреть в лицо реальности и убедить в невозможности любви с Таном. Черная рабыня последовала за мной и наслаждалась собственным ужасом, разглядывая алые рубцы.

— Иди и скажи госпоже, что я изранен и не могу прийти к ней сейчас, — резко бросил

я через плечо.

— Она предупреждала, что ты постарайся увильнуть, и приказала оставаться с тобой, пока ты не придешь.

— Ты — наглая рабыня, — строго укорил я ее, пока мальчик обрабатывал мне спину мазью моего собственного изобретения.

— Да, — с усмешкой согласилась нахальная девчонка. — Но и ты такой же. — Она легко увернулась, когда я вяло попытался шлепнуть ее. Лостра слишком мягко обращается со своими служанками.

— Иди, скажи госпоже, что я приду к ней, — сдался я.

— Она приказала мне подождать и убедиться в этом.

И вот через некоторое время мы с ней прошли мимо охранников внутрь гарема. Охранники были евнухами, как и я, но, в отличие от меня, эти крупные бесполое существа прославились своей силой и свирепостью, несмотря на большой вес, а может быть, именно из-за него. Однажды я воспользовался своим влиянием на господина, чтобы обеспечить им тепленькое местечко, поэтому они уважительно приветствовали меня.

Женская половина дворца была далеко не так роскошна и удобна, как покои мальчиков-рабов, и всякому, кто оказывался там, становилось ясно, что в действительности интересовало вельможу Интефа. Гарем представлял собой группу зданий из саманного кирпича, окруженную высокой глинобитной стеной. Единственным украшением его служили сады и росписи, сделанные Лострой и ее служанками с моей помощью. Жены визиря были слишком толсты и ленивы и слишком увлечены скандалами и интригами между собой, чтобы тратить силы на другие занятия.

Покои Лостры располагались у главных ворот. Их окружал небольшой красивый садик, где в пруду плавали лилии, а в клетках, сплетенных из расщепленного бамбука, пересвистывались певчие птицы. Глинобитные стены домика украшали яркие росписи с видами Нила, изображениями птиц, рыб и богинь, которые она сделала с моей помощью.

Ее рабыни молча толпились в дверях домика. Многие из них перед этим плакали. На лицах виднелись следы слез. Я протолкался через толпу в сумрачную прохладу передней и услышал всхлипывания госпожи во внутренней комнате. Я поспешил к ней, устыдившись своей низости: ведь я пытался избежать того, чего требовал мой долг.

Она лежала на кровати лицом вниз, и все ее тело содрогалось от горестных рыданий. Она услышала, как я вошел, скатилась с кровати и бросилась ко мне.

— О, Таита! Тана отсылают прочь из города. Фараон прибывает к нам завтра, и отец добьется, чтобы он приказал Тану отправить свою флотилию вверх по реке к Элефантине и порогам. Я больше никогда не увижу его. Лучше умереть. Брошусь в Нил, пусть крокодилы сожрут меня. Я не хочу жить без Тана... — выпалила она в одном долгом вопле отчаяния.

— Тише, тише, малютка, — говорил я, словно укачивая ее. — Откуда тебе известны такие страсти? Может, ничего страшного не случится.

— О, случится, Тан прислал мне письмо. Брат Крата служит в личной охране отца. Отец каким-то образом узнал обо мне и Тане. Он знает, что мы были в храме Хапи одни. О, Таита, отец присылал жрецов осмотреть меня. Эти грязные старики делали со мной ужасные вещи. Мне было так больно, Таита...

Я нежно обнял ее. Мне не часто представляется такая возможность. Она забыла о своих ранах, и ее мысли снова обратились к любимому.

— Я больше никогда не увижу Тана, — заплакала она. Я снова вспомнил, как она молода. Еще почти ребенок, такой ранимый и совершенно раздавленный собственным горем. — Отец погубит его.

— Даже твой отец не может повредить Тану. — Я попытался успокоить ее. — Тан командует отрядом личной, избранной стражи фараона. Он человек царя. Тан подчиняется только приказам самого фараона, он под защитой двойной короны Египта. — Я не стал говорить, что, возможно, только по этой причине ее отец еще не погубил Тана. Вместо этого мягко продолжил: — Почему ты говоришь, что никогда не увидишь Тана? Ты будешь играть

с ним в моем спектакле. Я постараюсь дать вам возможность поговорить наедине в перерыве.

— Теперь отец не допустит, чтобы спектакль состоялся.

— У него нет выбора. Если сорвет представление, то может вызвать недовольствие фараона, а этим наверняка рисковать не будет.

— Он отошлет Тана из города и прикажет другому актеру сыграть роль Гора, — всхлипывала она.

— Уже нет времени на репетиции с другим актером. Роль Гора будет играть Тан. Я доведу это до сведения вельможи Интефа. У тебя с Таном будет возможность поговорить. Мы найдем выход.

Она проглотила слезы и доверчиво посмотрела мне в глаза.

— О, Таита, я знаю, ты выручишь нас. Ты всегда выручаешь... — Она вдруг замолчала, и выражение лица изменилось. Ее руки тихо прошли по моей спине, ощупывая вздувшиеся рубцы от кнута Расфера.

— Простите меня, госпожа. Я попытался вступить за Тана, как и обещал, и вот последствия моей глупости.

Она обошла меня, встала со спины и вскрикнула от ужаса, подняв легкий льняной плащ, которым я прикрыл раны.

— Это работа Расфера! О, мой бедный, милый Таита, почему ты не предупредил меня? Почему ты не сказал мне, что отец так ненавидит саму мысль о браке Тана со мной?

Я чудом сдержался — какое безыскусное нахальство! Я просил и умолял их не делать этого, и вот теперь меня же обвиняют в неверности. Однако я все же сдержался, хотя спина моя ужасно болела.

Слава богу, госпожа моя забыла о своих несчастьях и решила позаботиться о моих поверхностных ранах. Она приказала мне сесть на кровать, снять плащ и принялась обрабатывать мои раны. Искренние любовь и сочувствие восполняли недостатки врачебного искусства. Это развлечение вывело ее из отчаяния. Скоро она уже весело и страстно болтала и строила планы, как умиротворить отца и вновь соединиться с Таном.

Некоторые из ее рассуждений показывали, что она способна здраво мыслить, другие же были надуманны и говорили о том, как доверчива она и молода и как недостает ей знаний о низости земного мира.

— Я прекрасно сыграю свою роль в спектакле, — заявила она вдруг. — Я понравлюсь фараону, и он пообещает исполнить любое мое желание. Тогда я попрошу его выдать меня за Тана, и он скажет... — Она так ловко передразнила напыщенный и церемонный тон царя, что я не смог удержаться от улыбки. — Я объявляю помолвку Тана, вельможи Харраба, сына Пианки, и госпожи Лостры, дочери Интефа, и дарю моему доброму слуге Тану звание Великого Льва Египта и отдаю под его командование все мои войска. Я также приказываю вернуть ему все владения его отца, благородного Пианки, вельможи Харраба! — Тут она вдруг обвила мою шею руками.

— Ведь может же такое случиться, может, милый Таита? Ну скажи, что такое может случиться!

— Никакой мужчина не устоит перед вашим очарованием, госпожа, — улыбнулся я ее глупым выдумкам. — Даже сам великий фараон.

Если бы я только знал, насколько мои слова окажутся близки к истине. Я бы скорее проглотил раскаленные угли, чем согласился произнести их.

На ее лице снова засияла надежда. Одно это уже было наградой для меня. Я снова накинул плащ, чтобы остановить ее слишком энергичные попытки вылечить мои раны.

— Но теперь, госпожа, если вы хотите сыграть роль красивой и неотразимой Исиды, вам нужно отдохнуть. — Я принес с собой порошок, сделанный из высушенного и толченого сока сонного цветка, который называется красный шепен. Семена этого драгоценного цветка были завезены к нам в Египет торговыми караванами с гор, расположенных где-то на востоке. Я выращивал красный цветок в своем саду. Когда лепестки опадали, я царапал семенную коробочку золотой вилкой с тремя зубчиками, и густой молокообразный сок тек из

надрезов. Я собирал его, сушил и затем обрабатывал по формуле собственного изобретения. Этот порошок мог вызвать сон, странные видения или ослабить боль.

— Побудь со мной немного, Таита, — пробормотала она, укладываясь на кровати и потягиваясь, как сонный котенок. — Укачай меня, как раньше, когда я была еще совсем ребенком.

«А ты и теперь еще совсем ребенок», — подумал я, поднимая ее на руки.

— Все кончится хорошо, правда? И мы проживем счастливо, как герои твоих сказок. Правда, Таита?

Она уснула. Перед тем, как выйти из комнаты, я нежно поцеловал ее в лоб и накрыл меховым одеялом.

НА ПЯТЫЙ день праздника Осириса фараон спустился вниз по течению из своего дворца на острове Элефантина, который находился в десяти днях пути на быстрой ладье. Он прибыл в Карнак со всей своей свитой, чтобы участвовать в празднике.

Флотилия Тана покинула Карнак за три дня до этого, поспешив вверх по течению навстречу большому флоту. Она будет сопровождать его в конце путешествия. Ни Лостра, ни я не видели нашего воина с тех пор, как вернулись с большой охоты на гиппопотамов, поэтому оба с особой радостью увидели, как ладья Тана стремительно вылетела из-за поворота реки на сильном попутном ветре. «Дыхание Гора» возглавляло флот фараона, спускавшийся с юга вниз по реке.

Лостра находилась в свите великого визиря и стояла позади своих братьев Менсета и Собека. Оба мальчика были приятной наружности и очень ухожены. Но они унаследовали слишком много от своего отца. Менсету, старшему из них, я особенно не был расположен доверять, а младший брат полностью следовал его примеру.

Я стоял позади них в толпе приближенных визиря и младших чиновников, откуда мог следить и за Лострой, и за вельможей Интефом. Я видел, как покраснелась ее шея от удовольствия и волнения, когда она заметила высокую фигуру Тана на кормовом мостике «Дыхания Гора». Чешуя его нагрудника из крокодиловой кожи сияла на солнце, а страусиные перья развевались по ветру.

Лостра прыгала от возбуждения и махала стройными руками над головой, но ее визг и прыжки терялись в реве огромной толпы — по моим оценкам, около четверти миллиона египтян собралось по обоим берегам Нила приветствовать своего фараона. Фивы — самый населенный город мира.

Тан стоял на мостике неподвижно, глядя прямо вперед. Он держал перед собой обнаженный меч — жест воинского приветствия. Остальные ладьи флотилии следовали за «Дыханием Гора» клином, как цапли летят на ночлег перед закатом солнца. Их вымпелы и знаки отличия развевались по ветру, сверкая всеми цветами радуги. При виде такого благородного зрелища толпа восторженно закричала и стала бешено размахивать пальмовыми ветками.

Прошло некоторое время, прежде чем первое судно большого каравана тяжело вышло из-за поворота реки. На нем плыли знатные дамы и вельможи из окружения царя. За ним шло еще одно большое судно, за которым следовало огромное беспорядочное стадо больших и малых лодок. Они шли по течению гигантским роем. Там были транспортные ладьи, переполненные слугами и рабами, всевозможными дворцовыми принадлежностями и регалиями; громадные барки, груженные быками, козами и курами для кухонь фараона. Позолоченные и ярко раскрашенные суда везли мебель, сокровищницу, знатных вельмож и менее значительных персон. Ладьи беспорядочно сновали в этом рое, как будто их кормчие впервые взяли за рулевые весла. Какой контраст прохождению флотилии Тана, которая спустилась ниже по реке и развернулась, сохраняя свой строй, несмотря на течение Нила!

Наконец огромная барка фараона грузно обогнула отмель и вышла из-за поворота. Приветственные крики толпы достигли предела. Громадное судно, величайшее из всех когда-либо построенных человеком, тяжело шло по реке к пристани, где у дворца великого

визиря знать города собиралась, чтобы встретить фараона.

Пока флот шел по реке, я успел хорошо разглядеть судно государства. Меня изумило, насколько точно размеры и конструкция и то, как оно управлялось, отражали современное положение нашей страны, Египта, на двенадцатом году правления фараона Мамоса, восьмого фараона восьмой династии, самого слабого представителя вечно колеблющегося и сомневающегося рода. Судно государства было длиной в пять боевых лодок, поставленных носом к корме, но высота и ширина его соотносились настолько непропорционально, что это оскорбляло мое художественное чутье. Тяжелый корпус раскрасили в кричащие цвета по моде того времени, а фигуру Осириса на носу покрыли настоящим золотым листом. Однако, когда судно приблизилось к пристани, на которой мы ожидали фараона, я увидел, что яркие краски кое-где выцвели, а борта, как бока зебры, покрывали темные полосы засохшего кала там, где команда испражнялась за борт.

Посередине корабля стояла высокая палубная надстройка — личные покои фараона. Их построили из тяжелых досок драгоценного кедра и так перегрузили обстановкой, что это серьезно ухудшило управляемость барки. На верхней площадке аляповатой надстройки, под навесом из тщательно обработанных мягких шкур газелей, аккуратно сшитых и украшенных изображениями старших богов и богинь, за витиеватой загородкой из живых лилий в величественном одиночестве сидел фараон. Ноги его украшали золотые сандалии филигранной работы, а одежда была из та— кого белого полотна, что оно сияло, как высокие кучевые облака летом. На голове у фараона возвышалась двойная корона, сочетавшая белую корону Верхнего Египта с головой ястреба, символом богини Нехбет, и красную корону Нижнего Египта с головой кобры, символом богини Буто, божества Дельты.

Хотя корона и была двойной, по иронии судьбы наш возлюбленный государь потерял Дельту около десяти лет назад. В наши смутные времена другой фараон правил Нижним Египтом, и он тоже носил двойную корону или, по крайней мере, свой собственный вариант двойной короны Египта. Этот самозванец был смертельным врагом нашего государя, и постоянные войны между двумя царствами истощили казну обоих государств и пролили много крови молодых мужчин. Египет был разорен и измучен. Истории нашей страны более тысячи лет, и такое случалось всякий раз, когда слабый правитель надевал мантию фараона. Только сильный, смелый, умный человек мог удержать в своих руках оба царства.

Чтобы развернуть тяжелое судно против течения и подвести к пристани дворца, его кормчий должен был отойти к противоположному берегу реки. Если бы он шел так, ему хватило бы ширины Нила на завершение поворота. Очевидно, он недооценил силы ветра и течения и начал разворачивать судно с середины реки. Сначала барка, сильно накренившись, повернулась поперек течения, и высокая надстройка, как парус, приняла на себя удар ветра пустыни. С полдюжины надсмотрщиков свирепо захлестали кнутами по спинам гребцов, и звуки ударов отчетливо донеслись до нас по воде.

Под ударами кнутов гребцы лихорадочно налегли на весла, вода у борта корабля вспенилась: по сотне весел с каждой стороны забили по воде, и никто не попытался хоть как-то заставить их работать в лад. Тем временем на палубе корабля Нембет, престарелый флотоводец и командир барки фараона, то отчаянно чесал длинную всклокоченную бороду, то беспомощно всплескивал руками.

И над всем этим адом неподвижно и отрешенно, как статуя, сидел фараон. Да, действительно, вот он, Египет.

Затем скорость разворота барки упала, она перестала поворачивать и направилась прямо к пристани в тисках течения и ветра. И кормчий судна, и команда, несмотря на бешеные и беспорядочные усилия, были, казалось, бессильны завершить маневр и либо развернуть корабль против течения, либо остановить его и не разбить золоченый нос о гранитные глыбы пристани.

Когда все присутствующие поняли, что сейчас произойдет, крики приветствий замерли. На берегу и на воде установилась страшная тишина. Народ на обоих берегах Нила молчал, крики и беспорядочный шум с палубы корабля еще отчетливее доносились до нас.

Внезапно глаза собравшихся обратились к «Дыханию Гора». Ладья покинула свое место в строю флотилии и понеслась вверх по реке на быстрых, как крылья, веслах. Весла «Дыхания Гора» ритмично опускались и поднимались. Ладья подошла так близко к носу барки фараона, что толпа затаила дыхание от ужаса. По ней пронесся шорох, похожий на шум ветра в камышах. Столкновение казалось неизбежным, но в самый последний момент Тан поднял над головой сжатый кулак. Одновременно гребцы по обоим бортам ладьи затабанили и рулевой резко повернул весло.

»Дыхание Гора« замедлила движение и остановилась перед грузным судном фараона. Два корабля нежно коснулись друг друга, и прикосновение это походило на поцелуй девственницы. На какое-то мгновение кормовой мостик «Дыхания Гора» почти сравнялся с основной палубой большого корабля.

В тот же момент Тан встал на борт мостика. Он успел сбросить с себя сандалии, снял оружие и доспехи. Вокруг пояса завязал легкий пеньковый канат. Затем прыгнул с одного корабля на другой, и легкий канат полетел за ним в воздухе.

Как будто очнувшись от оцепенения, толпа на берегу пришла в движение. Если кто-то из присутствующих еще не знал Тана, то к концу дня точно узнает его имя. Правда, Тан уже прославился в войнах с войсками узурпатора из Нижнего царства. Однако в деле его видели только собственные войска, а рассказы о подвигах всегда действуют слабее, чем увиденное своими глазами.

И вот перед глазами фараона, всего царского флота и населения Карнака Тан перескочил с одного корабля на другой и с ловкостью леопарда опустился на палубу барки.

— Тан! — Я уверен, что моя госпожа Лостра первая выкрикнула это имя. Вторым был я.

— Тан! — заорал я, и все люди вокруг меня подхватили имя. — Тан! Тан! Тан! — Они скандировали его, как хвалебный гимн только что явившемуся богу.

Очутившись на палубе огромного судна, Тан быстро повернулся и побежал на нос корабля, таща за собой тонкий длинный канат. Команда «Дыхания Гора» привязала к его канату тяжелый трос толщиной с руку. Теперь они пустили его за борт, и Тан, наклонившись назад, потянул трос на себя. Его руки и спина покрылись потом, но он втянул трос на палубу.

К этому времени горстка людей из команды царского судна поняла, что происходит, и бросилась помогать. Под руководством Тана они три раза обернули трос вокруг бушприта царского судна, и как только трос был закреплен, Тан дал знак своей ладье отойти.

»Дыхание Гора« рванулась вверх по течению, быстро набирая скорость. Затем канат вдруг кончился, и огромный вес царского судна потянул ладью назад. В какой-то момент я подумал, что ладья перевернется и утонет, но Тан предвидел силу удара и жестом приказал команде смягчить его, затормозив веслами.

Хотя ладья сильно накренилась и зачерпнула зеленой нильской воды, она все-таки устояла и туго натянула канат. Довольно долго все оставалось по-прежнему. Легкая ладья не могла повлиять на движение грузного судна. Два корабля сцепились, как крокодил и старый бык: бык не может вырваться, а крокодил не в силах затащить его в воду. Тогда Тан, стоя на носу царской барки, повернулся лицом к ее команде. Одним властным жестом он привлек к себе внимание, и тут же положение на борту резко изменилось. Гребцы были готовы подчиниться ему.

Флотоводец Нембет командовал всеми флотами фараона и имел звание Великого Льва Египта. Многие годы назад он был одним из сильнейших бойцов, но теперь стал старым и дряхлым. Тан принял командование из его рук без всякого усилия, так же естественно, как течение реки подхватывает щепку. Команда барки ждала его приказов.

— Вперед! — знаком приказал он гребцам по левому борту, и они с силой налегли на весла.

— Назад! — Он выбросил вперед сжатый кулак, скомандовав гребцам по правому борту, и те глубоко погрузили заостренные весла в воду. Тан отступил к левому борту и знаками отдавал приказы рулевому «Дыхания Гора», умело сочетая действия обеих команд.

Однако барка продолжала двигаться к пристани, и теперь только узкая полоска воды отделяла корабль от гранитных глыб.

Наконец медленно, слишком медленно судно начало поворачиваться против течения, поддаваясь усилиям легкой гребной ладьи. Однако крики на берегу снова замерли, когда люди увидели, что полоска воды становится все уже и уже и вот-вот произойдет роковое несчастье: огромное судно врежется в камни пристани и распорет себе брюхо. Случись это — нет сомнений, каковы были бы последствия для Тана. Он захватил командование, отстранив престарелого флотоводца, и теперь должен нести полную ответственность за ошибки старика. Если фараона силой толчка выбросит с трона и двойная корона, а с ней и его достоинство покатаются по палубе, как глиняный горшок, если судно государства под его ногами пойдет ко дну и на глазах у подданных царя придется вытаскивать из реки, как мокрого щенка, у флотоводца Нембета и у вельможи Интефа будет повод обратить все недовольство фараона на нахального выскочку.

Я беспомощно стоял на берегу и дрожал от страха за своего друга. И тогда случилось чудо. Огромное судно уже почти налетело на мель, и Тан стоял так близко к берегу, что голос его ясно донесся до меня.

— Помоги мне, великий Гор! — воскликнул он.

Я никогда не сомневался, что боги часто принимают участие в делах людей. Тан — человек Гора, а Гор — бог ветра.

Ветер дул три дня и три ночи из бескрайних просторов Сахары. Сила его достигала половины силы урагана, и все это время он дул ровно, но теперь вдруг прекратился. Он не затих постепенно, как это часто бывает, а просто перестал дуть. Рябь, которая пестрила поверхность реки, исчезла, вода стала гладкой, и ветви пальм на берегу, мелко дрожавшие на ветру, вдруг затихли, словно скованные внезапным морозом.

Освободившись из когтей ветра, царская барка выпрямилась и поддалась усилиям «Дыхания Гора». Ее слоноподобный корпус повернулся против течения, и она встала параллельно пристани в тот самый момент, когда борт ее коснулся причала. Течение Нила остановило движение судна и поставило его неподвижно у берега.

Прежде чем судно понесло назад, Тан отдал последнюю команду. На берег полетели швартовочные канаты, руки людей быстро подобрали их и закрепили на швартовочных глыбах. Легко, как гусиное перышко, гигантская царская барка надежно встала у пристани, и ни трон, на котором сидел фараон, ни высокая корона на его голове не были побеспокоены швартовкой.

Мы, свидетели этого подвига, взорвались ревом похвал, выкрикивая скорее имя Тана, чем фараона Скромно, как и следовало, Тан даже не попытался ответить на наши крики. Если бы внимание людей, собравшихся приветствовать царя, снова обратилось на него, это было бы серьезным грехом и, разумеется, после этого ни на какую благосклонность фараона он бы рассчитывать не мог. Фараон очень ревниво относился к собственной особе. Поэтому Тан тайком приказал «Дыханию Гора» подойти к борту царского судна. Когда огромный парус барки скрыл ее, он спрыгнул за борт на палубу своей ладьи, предоставив сцену, на которой завоевал признание, царю, прибывшему на праздник Осириса.

Однако я успел заметить злобу и недовольство на лице Нембета, нашего древнего флотоводца, Великого Льва Египта, когда тот сходил на берег позади фараона. Я понял, что Тан заработал себе еще одного влиятельного врага.

Я СДЕРЖАЛ слово и выполнил обещание, данное Лостре, в тот же день, когда проводил генеральную репетицию. Перед началом представления мне удалось на целый час оставить влюбленных наедине.

На территории храма Осириса, где и должен был состояться спектакль, в палатках переодевались актеры, занятые в главных ролях. Я намеренно поставил шатер Лостры в некотором отдалении от других, за одной из огромных колонн, поддерживающих крышу храма. Я стоял на страже у входа в шатер, а Тан приподнял противоположную стенку и

проскользнул внутрь.

Я старался не подслушивать и не обращать внимания на восторженный вскрик, когда они обнялись, на их тихое воркование и приглушенный смех, нежные стоны и вздохи, сопровождавшие благопристойные ласки. В тот момент я уже не стал бы им мешать. Я был уверен: их страсть не найдет своего логического завершения. Спустя много лет и Лостра и Тан подтвердили мне это. Моя госпожа была девственницей в день своей свадьбы. Если бы кто-нибудь из нас троих знал, как близок этот день, мы вели бы себя совсем по-другому.

Хотя я остро ощущал опасность, угрожавшую нам, пока влюбленные оставались наедине, не мог ни словом, ни действием разлучить их. Рубцы от кнута Расфера еще жгли мне спину, а в глубине души, где прячутся грехи, недостойные мысли и влечения, таилась жгучая зависть к влюбленным, но я все равно позволил им оставаться наедине гораздо дольше, чем следовало.

Я не слышал приближения вельможи Интефа. Он подбивал свои сандалии мягкой лайковой кожей, чтобы заглушить шаги, и двигался бесшумно, как призрак. Многие придворные и рабы испытали на себе кнут или удавку Расфера, обронив неосторожное слово, случайно подслушанное вельможей во время его беззвучных странствий по залам и коридорам дворца. Однако за многие годы жизни во дворце у меня развилось чувство, позволявшее ощутить его присутствие прежде, чем он появится откуда-нибудь из темного угла. Это чутье иногда подводит меня, но в тот вечер оно сослужило хорошую службу. Подняв глаза, я вдруг увидел его прямо перед собой: он выскользнул между колоннами гипостильного зала и пошел прямо ко мне, высокий и стройный, как поднявшаяся кобра.

— Вельможа Интеф! — воскликнул я так громко, что даже сам испугался. — Какая честь для меня видеть вас на репетиции. Я буду благодарен вам за любой совет или предложение... — Слова струей хлынули из моих уст. Я изо всех сил старался скрыть смущение и предупредить влюбленных об опасности.

Я преуспел в этом даже больше, чем ожидал. Я услышал испуганный шорох в шатре, где одевалась Лостра. Затем раздался легкий шелест задней стенки шатра, и Тан ушел той же дорогой, какой пришел.

В другое время мне бы не удалось так легко обмануть вельможу Интефа. Он сумел бы прочесть вину на моем лице так же легко, как иероглифы на стенах храма или мои собственные письма на свитках. Однако в тот вечер он был ослеплен собственной яростью и намеревался наказать меня за мой последний проступок. Он не буйствовал, не кричал. Вельможа наиболее опасен тогда, когда говорит мягким, шелковым голосом и ласково улыбается.

— Милый Таита, — произнес он почти шепотом. — Я узнал, что ты внес кое-какие изменения в начальное действие спектакля, хотя я лично утвердил сценарий. Я не могу поверить в подобное своеволие с твоей стороны. Я пришел сюда по такой жаре, дабы самому убедиться в этом.

Разыгрывать невинность или неведение было уже бесполезно, поэтому я склонил голову и постарался придать своему лицу огорченное выражение.

— О, мой господин, это не я приказал внести изменения. Это его святейшество, настоятель храма Осириса...

Однако вельможа нетерпеливо оборвал меня:

— Разумеется, он, но только после твоих уговоров. Мы же оба прекрасно знаем старика. В его голове с рождения не появлялось ни одной собственной мысли, а в твоей их более чем достаточно.

— Но мой господин! — возразил я.

— Что ты придумал на этот раз? Опять сон, ниспосланный тебе богами? — спросил вельможа Интеф, и голос его зазвучал тихо и ласково, как шипение священных кобр, которые кишели на каменном полу храма.

— Но мой господин! — Я изо всех сил старался изобразить благородное негодование. Я в самом деле красочно описал настоятелю, как Осирис явился мне во сне в образе черного

барана и пожаловался, что на его празднике в храме должна пролиться кровь.

До этого жрец не возражал против реалистического представления, которым вельможа Интеф собирался развлечь фараона. Я прибегал к помощи снов, только когда был не в силах убедить вельможу иными способами. Сама мысль об участии в столь низком зрелище, запланированном вельможей на первое действие спектакля, внушала мне глубокое отвращение. Конечно, мне известно, что некоторые дикие народы Востока приносят людей в жертву своим богам. Касситы, живущие на востоке за реками-близнецами Тигром и Евфратом, бросают новорожденных в горящую печь. Караванщики, которые бывали в тех далеких странах, рассказывают и о других жестокостях, творящихся там во имя религии, например об убийствах девственниц ради хорошего урожая или обезглавливании пленных перед статуей трехголового бога.

Мы же, египтяне, люди цивилизованные, поклоняемся мудрым и справедливым богам, а не кровожадным чудовищам. Я попытался убедить своего господина в этом. Я объяснял ему, что только один раз за всю историю Египта фараон принес в жертву людей в храме Сета, а затем четвертовал их трупы и разослал забальзамированные части тел правителям каждого нома вместо предупреждения. В истории это и сегодня вспоминают с отвращением. Менотепа и по сей день называют кровавым царем.

— Это не человеческое жертвоприношение, — возражал вельможа. — Это заслуженная кара, которая будет приведена в исполнение новым способом. Ты же не будешь отрицать, милый Таита, что смертный приговор всегда был важной частью нашей системы законодательства? Тод — вор, он крал царские сокровища и должен умереть, хотя бы и для того, чтобы другим неповадно было.

Рассуждение казалось разумным, но я-то знал, что справедливость его несколько не волнует, — он просто защищал свои сокровища и хотел произвести благоприятное впечатление на фараона, который так любил пышные зрелища. Так что выбора у меня не было. Пришлось отправиться спать, а утром рассказать свой сон настоятелю храма. А теперь вельможа Интеф улыбался мне, обнажая ряд безупречно белых зубов, и от этой улыбки кровь стыла у меня в жилах и волосы вставали дыбом.

— Послушайся моего совета, — прошептал он мне прямо в лицо. — Пусть тебе сегодня приснится другой сон. И какой бы бог ни явился тебе в прошлый раз, пусть сегодняшний отменит предыдущее повеление настоятелю и одобрит мой сценарий. Если этого не произойдет, у Расфера снова найдется работа. Это я тебе обещаю. — Он повернулся и пошел прочь, оставив меня у шатра. Меня переполняло двойственное чувство: с одной стороны, он не обнаружил влюбленных, а с другой стороны, к моему огорчению, мне теперь придется выполнить его ужасное повеление.

Однако после ухода вельможи репетиция прошла с таким успехом, что настроение мое снова улучшилось. Лостра сияла от счастья после свидания с Таном, и ее красота казалась божественной, а молодой и могучий Тан походил на воплощение молодого Гора.

Разумеется, меня не могло не расстроить появление на сцене моего Осириса, потому что теперь я знал, какую судьбу уготовил ему вельможа Интеф. Осириса играл красивый мужчина средних лет по имени Тод, который был судебным приставом, пока его не поймали на воровстве сокровищ из казны вельможи Интефа: ему понадобились деньги на содержание молодой и дорогостоящей куртизанки. Я не чувствовал особого удовлетворения от того, что мой анализ счетов выявил несоответствие доходов и расходов.

Вельможа освободил Тода из-под стражи до вынесения приговора, чтобы он сыграл роль бога подземного царства в моей мистерии. Вельможа обещал не судить его, если он хорошо сыграет роль Осириса. Несчастный Тод не подозревал, какая опасность скрывается за словами Интефа, и с рвением, достойным сочувствия, принялся играть бога, поверив, будто сможет заработать себе прощение. Он не знал, что вельможа тайно подписал смертный приговор и вручил свиток Расферу, который был не только государственным палачом, но и по моему выбору должен был сыграть Сета в нашем маленьком спектакле. Мой господин решил, что Расфер может совместить обе обязанности в тот вечер, когда мистерия будет

представлена фараону. Хотя Расфер был единственным кандидатом на роль Сета, теперь, глядя, как он репетирует первое действие спектакля с Тодом, я сожалел о своем выборе. Я содрогнулся при одной мысли о том, насколько настоящее представление будет отличаться от репетиции.

После репетиции я исполнил свой приятный долг, проводив госпожу обратно на женскую половину дворца. Она не позволила мне уйти, оставив сидеть с ней и слушать восторженный пересказ событий дня и той роли, которую Тан в них сыграл.

— Ты видел, как он воззвал к великому богу Гору и как бог немедленно пришел к нему на помощь. Конечно же, он пользуется полным покровительством и защитой Гора, правда? Гор не позволит никакому злу случиться с ним — в этом я совершенно уверена.

Мне пришлось выслушать множество подобных мыслей, и она ни разу не вспомнила о разлуке и самоубийстве. Как легко меняется ветер молодой любви!

— После сегодняшнего подвига Тана — спасения барки государства от крушения — он, конечно же, должен завоевать высокое расположение фараона, правда, Таита? Пользуясь благосклонностью и бога, и фараона, он сможет остаться здесь, а мой отец не посмеет послать его прочь. Ты согласен, Таита?

Лостра как будто предлагала мне подтвердить и одобрить каждую счастливую мысль, которая приходила ей в голову, и она не разрешила мне покинуть женскую половину, пока я не запомнил по меньшей мере дюжину посланий бессмертной любви и не поклялся лично передать их Тану.

Когда же, измученный, я наконец добрался до своих комнат, мне не пришлось отдохнуть и там. Почти все мальчики-рабы ждали меня, такие же веселые и возбужденные, как и госпожа. Им не терпелось узнать мое мнение о событиях того дня, и особенно о том, как Тан спас барку фараона и о значении этого происшествия. Они толпились вокруг меня на террасе у реки, пока я кормил своих зверюшек, и изо всех сил старались привлечь мое внимание.

— Старший брат, правда, что Тан воззвал к богу о помощи и бог немедленно вмешался? Ты видел, как это случилось? Говорят, что бог повис над головой Тана в образе сокола, простирая крылья над его головой. Это правда?

— А правда, что фараон наградил Тана титулом Товарища фараона и подарил ему поместье в пятьсот федданов плодородной земли на берегу реки?

— Старший брат, говорят, что оракул святилища Тота, бога мудрости, в пустыне составил гороскоп Тана. Оракул предсказывает, что Тан будет величайшим воином в истории Египта и фараон будет почитать его выше всех своих людей.

Сейчас забавно вспоминать их детские возгласы и вопросы, понимая, сколько истины прозвучало в них. Однако в то время я отогнал от себя эти мысли, а заодно и мальчишек, придав своему лицу суровое выражение.

Я укладывался спать с мыслью о том, что население городов-близнецов Луксора и Карнака полюбило Тана всей душой, а это обременительная, если не сомнительная, честь. Слава в народе возбуждает зависть высоких сановников, а восхищение толпы переменчиво. Люди с равным удовольствием и разрушают кумиров, от которых устают, и ставят себе новых.

Гораздо безопаснее жить невидимым и незаметным, к чему я всегда и стремился.

ПОСЛЕ полудня шестого дня праздника торжественная процессия оставила виллу фараона в середине царских владений между Карнаком и Луксором и отправилась к храму Осириса по церемониальной аллее, окаймленной двумя рядами гранитных львов.

Огромная волокуша, на которой возвышался золоченый трон фараона, была столь велика, что людям, тесной толпой стоявшим по краям аллеи, приходилось высоко задираТЬ головы, чтобы разглядеть царя. Волокуша двигалась по аллее, влекомая упряжкой из двадцати могучих быков с венками цветов на рогатых головах. Ее полозья с громким скрежетом царапали каменные плиты аллеи.

Во главе процессии шли сто музыкантов, которые играли на лирах и арфах, били в бубны и барабаны, гремели трещотками и систрами, дули в длинные прямые трубы из рогов сернобыков или витых рогов диких баранов. За ними следовал хор из ста лучших певцов Египта, исполнявший хвалебные гимны фараону и богу праздника Осирису. Хором, разумеется, управлял я. За нами следовала почетная стража из отряда Синего Крокодила с Таном во главе. Толпа приветствовала его криками. Когда он проходил мимо в своих блестящих доспехах и шлеме, украшенном страусиными перьями, многие девушки визжали от восторга и падали в обморок, не выдерживая прилива чувств, которые охватывали их при виде нового героя.

За почетной стражей шел великий визирь со своими знаменосцами, потом шествовала знать, а также часть отряда Сокола, и только за ними следовала огромная волокуша фараона. Всего же здесь собралось несколько тысяч самых богатых и влиятельных людей Верхнего царства.

Когда мы приблизились к храму Осириса, настоятель и все жрецы выстроились на лестнице, заняв места между высокими пилонами, чтобы встретить фараона Мамоса. Храм блестел свежей краской, и в теплых, светло-желтых лучах заходящего солнца барельефы на внешних стенах сверкали разнообразием цветов. Веселое облако знамен и флагов колыхалось на шестах, закрепленных в отверстиях стен.

У основания лестницы фараон спустился со своего трона и стал величественно подниматься по лестнице из ста одной ступени. Хор занял места по обеим сторонам лестницы. Я стоял на пятидесятой ступени и успел разглядеть царя за те несколько секунд, пока он поднимался по лестнице мимо меня.

Я уже видел фараона, поскольку он был моим пациентом, но забыл, как мал его рост для бога. Он едва доставал мне до плеча, однако высокая корона Египта придавала ему величие. В руках, сложенных по обычаю на груди, он держал плетъ и посох — знаки царской власти и божественного происхождения. Я вновь отметил, как гладки и безволосы, почти женственны, его руки и как малы и стройны ноги. Пальцы рук и ног украшали кольца. На предплечьях были амулеты, а на запястьях — браслеты. Грудь украшала пластина красного золота, инкрустированная многоцветным фаянсом с изображением бога Тота, несущего перо истины. Эта драгоценность была настоящим сокровищем, и за пятьсот лет своего существования она украшала грудь семидесяти царей до нашего фараона.

Лицо его под высокой двойной короной покрывала пудра белого, как у покойника, цвета. Глаза были очерчены угольно-черной краской, а губы — ярко-алой. И все же, несмотря на толстый слой грима, лицо казалось вздорным, губы, тонкие и прямые, выглядели бессильными. Глаза, как и следовало ожидать, беспокойно скользили по окружающим.

Фундамент великого дома Египта дал трещину, и царство раздирали междоусобицы. Даже у бога есть свои тревоги. Когда-то царство простиралось от моря за семью рукавами дельты на севере до первых порогов к югу от Асуана и было величайшей империей на земле. Но он и его предки выпустили из рук царство, и теперь враги стаями кружили вокруг границ и поднимали вой, как гиены, шакалы и стервятники, пирующие на трупЕ Египта.

На юге угрожали черные племена Африки, на севере, по берегам великого моря, свирепствовали морские пираты, а в дельте Нила засели войска лжефараона. На западе, в пустыне, жили коварные бедуины и хитрые ливийцы, а на востоке, что ни день, появлялись новые огромные племена, и все они наводили ужас на нашу страну, которую многочисленные поражения научили робости и лишили уверенности в своих силах. Ассирийцы и мидийцы, касситы, хурриты, хетты — им, казалось, не было числа.

Каково же преимущество нашей древней цивилизации, если она дряхлеет и слабеет с течением времени? Как сможем мы сопротивляться варварам с их дикой яростью, жестокостью, наглостью и страстью к насилию и грабежу? Я был убежден, что этот фараон, как и те, которые предшествовали ему, не способен вернуть стране былую славу. Он даже не мог родить себе наследника. Отсутствие наследника короны Египта, казалось, беспокоило

его даже больше возможной потери трона. Он уже возвел на брачное ложе двадцать жен. Все они рожали ему дочерей. У него было целое племя дочерей и ни одного сына. Фараон не желал признавать, что в этом виноват скорее всего он, их отец. Он советовался с каждым известным врачом Верхнего царства и посетил каждого предсказателя и каждое важное святилище.

Я знал об этом, потому что сам был одним из тех ученых лекарей, к которым он обращался. Признаться, не без трепета думал я, какой рецепт выписать богу, и даже удивлялся, зачем ему советоваться с простым смертным по такому деликатному вопросу. Тем не менее я прописал ему бычьи яйца, жаренные в меду, и посоветовал найти самую красивую девственницу в Египте и возвести ее на брачное ложе не позже чем через год после ее первых месячных.

Я не очень доверял своему собственному средству, однако яйца быка, приготовленные по моему рецепту, — блюдо вкуснейшее, а поиск самой красивой девственницы в стране развлечет фараона и позволит сочетать приятное с полезным. Да и с чисто практической точки зрения, если фараон будет спать с достаточно большим количеством молодых женщин, какая-нибудь из них наверняка родит ему сына.

Во всяком случае, я утешал себя тем, что мои лекарства не были столь суровыми, как средства, предлагаемые моими старшими собратьями. В особенности это касается отвратительных снадобий, выдуманных сумасшедшими знахарями из храма Осириса, которые называют себя врачами. Если мое лекарство не принесет никакой пользы, оно наверняка не повредит — в этом я был абсолютно уверен. Если бы я только знал, каковы будут последствия моего легкомысленного совета и как судьба накажет меня за него! Я бы скорее сам сыграл роль Тода в своей мистерии, чем вымолвил хоть слово фараону.

Я был польщен и несколько удивлен, когда услышал, что фараон принял мой совет всерьез и приказал своим номархам и правителям прочесать всю страну от Эль-Амарны до порогов в поисках быков с сочными яйцами и девственниц, которые могли соответствовать требованиям моего рецепта. Мои осведомители при царском дворе сообщали мне, что он уже отверг сотни претенденток на титул самой красивой девственницы в стране.

Но вот царь быстро прошел мимо меня и вошел в храм под подобострастные завывания жрецов и раболепные поклоны настоятеля. Великий визирь и его свита последовали за фараоном, а за ними беспорядочной толпой ринулись менее знатные подданные, которым хотелось занять места перед сценой. Места в храме было мало. Только могущественные и очень знатные люди могли купить себе место у вороватых жрецов и пройти во внутренний двор. Остальным пришлось смотреть мистерию через ворота во внешнем дворе. Многие тысячи придворных будут разочарованы, так как им придется довольствоваться чужими рассказами о представлении. Даже мне, устроителю спектакля, удалось пробиться через толпу только после того, как Тан увидел, в какую переделку я попал, и послал мне на помощь двух своих людей, которые проложили мне дорогу в помещение, отведенное актерам.

Перед началом спектакля нам пришлось вытерпеть несколько витиеватых речей. Их произносили все, начиная с местных чиновников и правителей и кончая самым великим визирем. Во время прелюдии я проверил еще раз, все ли готово к представлению. Я переходил от шатра к шатру, проверял костюмы и грим актеров, успокаивал некоторых из них, помогая преодолеть приступы страха перед сценой, или удовлетворял простые капризы.

Несчастный Тод с испугом думал, что его игра может не понравиться Интефу. Мне удалось успокоить его. Я заставил его выпить немного порошка красного шепена, чтобы ослабить боль, которую ему предстояло испытать.

Когда я подошел к шатру Расфера, тот пил вино с двумя друзьями из дворцовой стражи и точил камнем клинок короткого бронзового меча. Я сам придумал для него грим, чтобы сделать его еще более отвратительным, чем в жизни, а это было совсем нелегкой задачей. И сразу понял, насколько удачен мой грим, когда он осклабился, обнажив свои черные страшные зубы, и предложил мне вина.

— Как твоя спина, красавчик? На, попробуй мужского питья! Может, оно вернет тебе яйца.

Я уже привык к его издевкам и сумел сохранить достоинство, сказав ему, что вельможа Интеф отменил приказ настоятеля и что первое действие будет разыгрываться в своем первоначальном виде.

— Я уже говорил с вельможей Интефом. — Он поднял меч. — Потрогай клинок, евнух. Я хочу, чтобы ты был доволен его работой.

Меня подташнивало, когда я выходил из его шатра.

Хотя Тан не появится на сцене до второго действия, он уже надел свой костюм. Спокойно улыбаясь, взял меня за плечо.

— Ну, дружище, сегодня твой день. После сегодняшнего представления твоя слава драматурга разнесется по всему Египту.

— Как и твоя. Впрочем, она уже успела разнестись. Твое имя у всех на устах, — сказал я ему. Но он отмахнулся от моих слов со скромным и беззаботным смешком, а я продолжил: — Ты приготовил свою заключительную речь, Тан? Ты не хочешь прочесть ее сейчас?

По традиции актер, игравший Гора, в заключительной сцене спектакля обращался к фараону с посланием, которое якобы исходило от богов, а на деле — от его подданных. В старые времена это давало населению страны единственную возможность устами актера привлечь внимание царя к тому, что тревожило и о чем невозможно было говорить ему в другой ситуации. Однако в период правления последней династии эта традиция стала отмирать, и заключительная речь превратилась в простое восхваление божественного фараона.

Вот уже несколько дней я просил Тана отрепетировать его речь со мной, но каждый раз он уваливал от этого под такими пустяковыми предложениями, что теперь я даже начал подозревать, что он задумал глупость.

— Больше такой возможности не представится, — настаивал я, а он только смеялся в ответ.

— Я решил устроить сюрприз и тебе, и фараону. Я думаю, так будет интереснее вам обоим.

Я не смог убедить его отрепетировать речь. Временами он превращался в такого своевольного мальчишку, какого во всем Египте не сыщешь. Я ушел от него с обидой на сердце и отправился искать утешения в другом месте.

Я наклонился и вошел в шатер Лостры, и тут же застыл от изумления. Хотя я сам придумал ее костюм и давал указания служанкам, как именно наносить пудру, румяна и глазную тушь, но не был готов к такому неземному эффекту. На мгновение мне даже показалось, что свершилось чудо и богиня сама поднялась из подземного мира, чтобы занять место моей госпожи. У меня перехватило дыхание, а ноги сами начали сгибаться в коленях от суеверного ужаса, но хихиканье госпожи вывело меня из оцепенения.

— Весело, правда? Мне не терпится посмотреть на Тана в полном костюме Гора. Он будет выглядеть настоящим богом.

Она медленно повернулась, чтобы я смог оценить ее костюм, и улыбнулась мне через плечо.

— Вы, госпожа моя, не меньше похожи на богиню, — прошептал я.

— Когда же начнется представление? — нетерпеливо спросила она. — Я так взволнована, что не могу больше ждать.

Я прижался ухом к стенке шатра и прислушался к гудению голосов в огромном зале. Понял, что подошел черед последней речи и в любой момент вельможа Интеф может вызвать на сцену актеров.

Я схватил руку Лостры и сжал ее.

— Не забудь сделать долгую паузу и принять надменный вид перед тем, как произнести первые слова, — предупредил я ее. Она игриво хлопнула меня по плечу.

— Ступай прочь, старый ворчун, все будет великолепно, вот увидишь.

В тот самый момент вельможа Интеф заговорил громче.

— Божественный фараон Мамос, Великий дом Египта, Опора царства, справедливый, великий, всевидящий, всемилостивейший... — читал он титулы и почетные звания, а я заторопился из шатра Лостры и отправился к месту на сцене, где должен был начинать представление. Я спрятался за центральной колонной. Выглянув из-за нее, увидел, что весь внутренний двор храма забит битком; фараон и старшие из его жен сидели в переднем ряду на низких кедровых скамейках и потягивали из чаш прохладный шербет или вкушали финики и другие сласти.

Вельможа Интеф говорил с передней части алтарного возвышения, которое служило сценой. Большую ее часть от зрителей скрывал полотняный занавес. Я осмотрел все в последний раз, хотя исправлять что-либо было поздно.

Сцену позади занавеса украшали пальмы и акации, посаженные по моему указанию дворцовыми садовниками в кадки. Мои каменщики оторвались от работ в Городе Мертвых, чтобы построить каменную емкость в задней части храма, откуда поток воды потечет через сцену, изображая реку Нил.

Позади сцены от пола до потолка были натянуты полосы холста, на которых художники из Некрополя изобразили чудесные пейзажи. В вечерних сумерках при свете факелов, закрепленных в специальных отверстиях по краям сцены, декорации производили настолько реалистическое впечатление, что, казалось, переносили в другой мир и в другое время.

Кроме того, я решил позабавить фараона разными развлечениями и с этой целью поставил за сценой клетки с животными, птицами и бабочками. Их выпустят на волю, чтобы изобразить сотворение мира великим богом Амоном— Ра. В горючий состав факелов я внес специальные добавки, от которых пламя будет ярко вспыхивать малиновым и зеленым, заливая сцену потусторонним светом и выпуская клубы дыма, будто перед нами подземное царство, где живут боги.

— Мамос, сын Ра, да живешь ты вечно! Мы, твои верные подданные, граждане Фив, просим тебя уделить свое высокое внимание низкому зрелищу, которое мы посвящаем твоему величеству.

Вельможа Интеф закончил приветственную речь и вернулся на место. Под звуки рога, раздавшиеся за сценой, я вышел из-за колонны и встал лицом к зрителям. Им пришлось долго скучать, сидя в неудобных позах на каменном полу, и теперь они жаждали развлечений. Публика хриплыми возгласами приветствовала мое появление, даже фараон улыбнулся в предвкушении.

Я поднял обе руки, призывая к тишине, и заговорил только тогда, когда наступила полная тишина.

— Я гулял по берегу реки под яркими лучами солнца. Я был молод, и силы молодости переполняли меня. Потом я услышал необычную, можно сказать — роковую, губительную музыку в камышах на берегу Нила. Я не узнал звуков арфы, и во мне не было страха, так как находился в расцвете мужских сил, и любовь близких поддерживала меня.

Музыка эта была непревзойденной красоты. Весело отправился я на поиски музыканта, не подозревая о том, что играла сама смерть, и музыкой этой она хотела привлечь меня одного. Мы, египтяне, зачарованы мыслями о смерти, поэтому я сразу глубоко взволновал своих зрителей. Послышались вздохи, некоторые из присутствующих содрогнулись.

— Смерть схватила меня и потащила в своих костлявых руках к Амону-Ра, богу солнца. Я слился с белым сиянием его плоти. Где-то далеко внизу рыдали любимые мной, но я не мог разглядеть их, и дни моей жизни, казалось, перестали существовать для меня.

Я впервые прочел свою прозу на публике и сразу понял, что мне удалось увлечь всех. Они слушали меня как зачарованные, затаив дыхание. В храме стояла полная тишина.

— Потом смерть отнесла меня высоко, откуда весь мир открывался моим взорам, словно круглый щит, сверкающий в синем море небес. Я видел всех людей из всех стран, которые когда-либо жили на Земле. Могучей рекой время потекло вспять передо мной. Люди

вставали со смертного одра, молодели, уменьшались и исчезали в утробе матери. Время уходило все дальше назад, пока не появились первые мужчина и женщина. Я увидел их рождение и то, что было до него. Наконец, на Земле не осталось больше людей. На ней жили только боги.

Но река времён по-прежнему текла вспять: через эпоху богов к темноте и первобытному хаосу. Затем ей некуда стало течь, и она повернула обратно. Время опять пошло в направлении, к которому я привык в дни моей жизни на земле. Я увидел, как страсти богов и их мучения разворачиваются перед моими взорами.

Мои слушатели прекрасно знали богов нашего пантеона, но никто из них не слышал, чтобы их жития представлялись таким новомодным образом. Они сидели молча, как околдованные.

— Из хаоса и тьмы поднялся Амон-Ра, тот, кто создал себя сам. Я увидел, как Амон-Ра погладил свой детородный член, и тот испустил струю семени, которая могучей волной прокатилась по небу и оставила серебряный след, известный нам под названием Млечного Пути, пересекающего небо от края до края. Из его семени родились Геб и Нут, земля и небо.

— Бак-хер! — чей-то дрожащий голос прервал тишину во дворе храма. — Бак-хер! — Старик настоятель не выдержал и благословил мое видение, сотворения мира. Я был настолько поражен этим, что чуть не забыл следующую строчку. Ведь это самый суровый критик моего спектакля. Теперь он целиком встал на мою сторону, и голос мой торжественно зазвенел.

— Геб и Нут сошлись как мужчина и женщина, и от их соития, их страшного брака появились боги Осирис и Сет и богини Исида и Нефтида.

Я широко повел рукой в сторону сцены, и полотняный занавес медленно разошелся, открывая фантастический мир, сотворенный моим воображением. В Египте еще никто ничего подобного не видел, у зрителей захватило дух от удивления. Медленным торжественным шагом я ушел со сцены, и мое место занял бог Осирис. Зрители сразу узнали его по высокому бутылкообразному головному убору и по тому, как он скрестил на груди руки с посохом и плетью. В каждом семейном святилище стояла его статуэтка.

Монотонный почтительный гул исторгся из каждого горла. Успокоительное, которое я дал Тоду, придавало странный блеск его глазам, он убедительно играл божество из потустороннего мира. Он сделал магические движения посохом и плетью Осириса и объявил звучным голосом:

— Да будет река Атур!

И снова по рядам собравшихся прошел шорох, когда все поняли, что речь идет о Ниле, а Нил — это Египет и центр мира.

— Бак-хер! — воскликнул другой голос, и теперь, выглянув из своего укрытия за колонной, я удивился и обрадовался: это был сам фараон. Теперь моя мистерия получила благословение и духовных и мирских властей. Я был уверен, что она будет признана официальной и заменит старую, просуществовавшую тысячу лет. Мне нашлось место среди бессмертных. Мое имя проживет тысячелетия.

Я весело приказал рабам открыть емкость с водой. Сначала зрители ничего не поняли. Когда они осознали, что стали свидетелями рождения Великой реки, тысячи глоток подхватили:

— Бак-хер! Бак-хер!

— Да поднимутся воды! — воскликнул Осирис. И воды Нила послушно поднялись.

— Да опустятся воды! — вскричал бог, и по его приказу воды снова вернулись в русло. — А теперь да поднимутся воды снова!

Я приказал ведрами лить краску в воду, вытекающую из емкости в задней части храма. Сначала лили зеленую краску, чтобы имитировать цвет воды перед половодьем, а затем, когда вода поднялась, добавили темную, которая хорошо передавала цвет Нила во время сезонного наводнения.

— Да будут насекомые и птицы на Земле! — приказал Осирис, и в задней части храма

открыли клетки, откуда с визгом, чириканьем, писком вылетело облако диких птиц и ярко окрашенных бабочек и заполнило весь храм.

Зрители, как маленькие дети, зачарованно протягивали руки к бабочкам, хватая и снова выпуская их в воздух в пространстве между высокими колоннами. Одна дикая птица — длинноклювый угод с яркими белыми, коричневыми и черными узорами на крыльях — бесстрашно подлетела к фараону и уселась прямо на его короне.

Толпа пришла в восторг.

— Знамение! — закричали все. — Благословен наш царь! Да живет он вечно! — И фараон улыбнулся.

Это, конечно, низко с моей стороны, но позже я намекнул вельможе Интефу, что специально обучил птицу выбрать из всех людей фараона, хотя, разумеется, это было невозможно. Но он поверил мне. Такая уж слава идет о моем умении обращаться с животными и птицами.

Осирис бродил в созданном им раю, и настроение зрителей было самым подходящим для начала трагедии, когда на сцену с воплем, от которого стынет в жилах кровь, выскочил Сет. Хотя все ждали этого появления, его мощь и отвратительный вид потрясли присутствующих. Женщины завизжали и закрыли лица руками, выглядывая на сцену из-за дрожащих пальцев.

— Что же ты наделал, брат? — зарычал Сет, придя в ярость от зависти. — Ты поставил себя надо мной? Разве я не бог, как ты? Что же ты, сотворил мир только для себя? Как же мне, твоему брату, разделить его с тобой?

Осирис ответил ему с достоинством — красный шепен держал его в своих оковах, и голос бога звучал холодно и отрешенно.

— Наш отец, Амон-Ра, отдал мир нам обоим. Однако он также дал нам право выбирать, как распорядиться им: во зло или в добро...

Я вложил эти слова в уста Осириса, и они зазвенели в храме. Это лучшее из когда-либо написанного мною, и зрители замерли от восхищения. Я один знал, что произойдет через мгновение, красота и сила моих слов не радовали меня. Я взял себя в руки и стал ждать.

Осирис заканчивал свою речь.

— Вот мир, каким я сотворил его. Если хочешь разделить его со мной в покое и братской любви, добро пожаловать, брат мой. Но если ты пришел с войной и гневом в душе, если зло и ненависть сжигают твое сердце, я приказываю тебе уйти.

Он поднял правую руку в блестящих прозрачных одеждах и указал путь Сету, по которому тот должен был покинуть рай земной.

Сет повел огромными и волосатыми, как у быка, плечами и зарычал так, что брызги слюны облаком вылетели из его рта, распространяя вокруг вонь гниющих зубов. Я почувствовал запах из-за своего укрытия. Сет высоко поднял широкий бронзовый меч и бросился на брата. Этой сцены мы не репетировали, и Осирис был застигнут врасплох. Он стоял, вытянув вперед правую руку. Клинок со свистом опустился вниз. Сет отрубил его кисть у сустава так же легко, как я бы обрезал побег виноградной лозы в саду. Она упала к ногам Осириса. Пальцы отрубленной кисти чуть дрожали.

Бронза была острой, а Осирис настолько не ожидал нападения, что какое-то время оставался без движения. Он только чуть качнулся. Зрители решили, что отрубленная рука — очередная театральная уловка, и быстро успокоились. Кисть, наверное, бутафорская, подумали они. Крови не было. Им стало очень интересно, но бояться пока было нечего. Вдруг Осирис с ужасным воплем отскочил в сторону и ухватился за обрубок. В этот момент кровь хлынула красной винной струей и забрызгала его белые одежды. Держась за обрубок и шатаясь, Осирис заковылял со сцены. Его крик, высокий непрерывный крик смертельной боли, взорвал самодовольство зрителей. Только сейчас они поняли, что стали свидетелями настоящего убийства. Страшная тишина сковала их своими цепями.

Не успел Осирис дойти до края сцены, как Сет поскакал за ним следом на своих коротких ножищах и догнал его. Он схватил Осириса за обрубок руки и потащил, как за

рукою, на середину сцены, где бросил несчастного на каменные плиты. Разукрашенная мишурой корона свалилась с головы Осириса, и косички черных волос рассыпались по плечам. Он лежал на каменном полу в увеличивающейся луже собственной крови.

— Пожалуйста, пощади меня, — завопил Осирис, но Сет вдруг расхохотался, стоя над ним. Он издал оглушительный гогот веселящегося мужчины. Расфер стал Сетом, и Сету было очень весело.

Этот дикий хохот вывел зрителей из оцепенения. Однако иллюзия была полной — они позабыли о том, что смотрят спектакль. Это ужасное зрелище стало для них реальностью. Женщины завизжали, а мужчины заорали в возмущении: ведь у них на глазах убивали их бога.

— Пощади его! Пощади великого бога Осириса! — завопили они, но никто не встал со своего места и не попытался выскочить на сцену и предотвратить трагедию. Они знали, что борьба и страсти богов не поддаются влиянию смертных.

Осирис шарил уцелевшей рукой по ноге Сета. Все еще смеясь, Сет схватил кисть этой руки, поднял ее и оглядел, как мясник осматривает ногу барана перед тем, как расчленить ее.

— Отруби ее! — раздался вопль, хриплый от жажды крови. Настроение толпы опять переменялось.

— Убей его! — закричал другой. Меня всегда тревожило, как вид крови и насильственная смерть действуют на самых тихих людей. Даже меня взволновала эта ужасная сцена. Подташнивало от ужаса, это правда, но тем не менее где-то в глубине моего существа возник какой-то отвратительный восторг.

Одним небрежным взмахом клинка Сет отрубил руку, и Осирис упал. Рука осталась в окровавленных лапах Сета. Осирис пытался подняться, но не мог опереться на руки, и ноги его судорожно били по земле, а голова моталась из стороны в сторону. Он продолжал кричать. Я попытался заставить себя отвернуться, но, хотя желчь обожгла мне горло, не мог отвести глаз.

Сет разрубил руку на три части там, где она соединялась в суставах, и по очереди бросил ее куски в зал. В полете они роняли на зрителей рубиновые брызги крови. Зрители рычали, как львы во время кормежки в зоопарке фараона, и тянули руки, чтобы поймать священные мощи своего бога.

Работал Сет с религиозным рвением. Он отрубил ступни Осирису, затем икры и бедренный сустав. И бросал их кусок за куском, а толпа криками просила еще и еще.

— Талисман Сета, — взвыл вдруг какой-то голос. — Дай нам талисман Сета! — И зрители подхватили этот крик. Как гласит миф о смерти Осириса, талисман этот — самое мощное из колдовских средств. Человек, который владеет им, управляет всеми темными силами подземного царства. Это единственный из четырнадцати кусков тела Осириса, который не смогли обнаружить Исида и ее сестра Нефтида, когда разыскивали части его тела по дальним уголкам земли, куда Сет разбросал их. Талисман Сета — это та самая часть тела, которой Расфер лишил меня и которая сейчас лежит в середине ожерелья, украшающего мою шею, циничного подарка моего господина Интефа.

— Дай нам талисман Сета! — выла толпа. Сет протянул руку и поднял нижний край одежды безногого существа. Он по-прежнему хохотал. Я содрогнулся, узнав безжалостные нотки, такие знакомые мне по наказаниям, которые я терпел от его рук. В какое-то мгновение я снова испытал жгучую боль в паху, когда короткий меч блеснул в окровавленных руках Сета, и он поднял над сценой жалкие останки.

— Отдай нам, — молила толпа. — Отдай нам силу талисмана. — Спектакль превратил зрителей в стадо буйных зверей.

Сет будто не слышал их мольбы.

— Подарок! — закричал он. — Подарок одного бога другому богу. Я, Сет, бог Тьмы, посвящаю этот талисман божественному фараону Мамосу.

Он поскакал на кривых мощных ногах со сцены и положил свой сувенир у ног фараона. К моему удивлению, царь нагнулся и поднял. Несмотря на толстый слой пудры и грима,

казалось, будто он потерял дар речи, будто эти жалкие останки действительно были реликвией бога. Я уверен: тогда он верил в это. Фараон держал их в правой руке в течение всего представления.

Увидев, что подарок принят, Сет поспешил на сцену, чтобы закончить бойню. Меня до сих пор преследует мысль о том, что это бедное существо с отрубленными руками и ногами было живо и чувствовало все до последней минуты. Я понял, что лекарство, которое дал, не смягчило боли. Я видел страшное мучение в его глазах, когда он лежал на сцене в озере собственной крови и мотал головой из стороны в сторону. Это была единственная часть тела, сохранившая способность двигаться.

Я испытал огромное облегчение, когда Сет наконец отрубил голову и поднял ее над толпой за черные косицы. Даже тогда это существо еще в ужасе смотрело вокруг себя, вращая глазами. Потом зрачки погасли и остекленели, и Сет бросил голову зрителям.

Так закончилось первое действие спектакля, и публика взорвалась такими оглушительными и восторженными аплодисментами, что чуть не расшатала колонны храма.

ВО ВРЕМЯ перерыва рабы, мои помощники, убрали со сцены следы ужасной бойни. Меня больше всего беспокоило, как бы госпожа Лостра не узнала того, что в действительности произошло во время первого действия. Я хотел, чтобы она верила, будто все шло так же, как и на репетиции. Поэтому она все это время оставалась в палатке, а один из воинов Тана сторожил вход. Я позаботился также, чтобы ее черные служанки не смогли выскочить и подсмотреть бойню, а позже вернуться и доложить Лостре. Уверен, знай она истину, это слишком расстроило бы ее, и она не смогла бы сыграть свою роль. Пока мои помощники ведрами черпали воду из нашего Нила и смывали следы убийства, я поспешил подбодрить мою госпожу и убедиться в том, что мои предосторожности не оказались тщетными. Мне удалось скрыть от нее трагедию.

— О, Таита, я слышала аплодисменты, — радостно приветствовала она меня. — Все без ума от твоей мистерии. Я так рада за тебя! Ты заслужил этот успех. — Она заговорщицки усмехнулась. — Они, кажется, поверили, что Осириса убили по-настоящему, а бычья кровь, которую ты ведрами лил на Тода, были кровью бога.

— В самом деле, госпожа, их, по-моему, обманули наши маленькие хитрости, — согласился я с ней. Правда, меня все еще подташнивало и голова шла кругом от того, что я видел.

Госпожа Лостра ничего не подозревала, когда мы прошли на сцену, и только скользнула взглядом по темным пятнам на камнях. Я подвел ее к нужному месту и подсказал, как лучше встать, поправил факелы, чтобы они выгодно освещали героиню. Несмотря на привычку, от этой красоты у меня перехватило дыхание, и слезы потекли из глаз.

Я оставил Лостру за полотняным занавесом и вышел на середину сцены, чтобы снова обратиться к зрителям. На этот раз публика приветствовала меня без смеха. Каждый зритель, от фараона до самого низкого вассала, упивался моим голосом, пока я блистательной прозой описывал плач Исиды и ее сестры Нефтиды по умершему брату.

Когда я сошел со сцены, невидимые рабы раздвинули занавес, открыв печальную фигуру Исиды, и у публики захватило дух от красоты богини. После кровавого зрелища, завершившего первое действие, ее очарование казалось еще более волнующим.

Исида начала печальную песню об умершем, и голос ее зазвенел по темным залам храма. Она покачивала головой в такт песне, и маленькое изображение луны, увенчивавшее ее головной убор, украшенный рогами, бросало в публику яркие стрелы в отраженном свете факелов.

Я внимательно следил за лицом фараона. Он, не отрываясь, глядел на Лостру, и губы его беззвучно шевелились, сочувственно повторяя слова, исполненные горем:

Сердце мое — газель

В львиных когтях печали...

Она оплакивала брата, и царь со всей своей свитой горевал вместе с ней.

Мед мне больше не сладок,
Цветы пустыни не пахнут.
Душа — опустевший храм,
Покинутый богом любви.

В переднем ряду несколько царских жен начали всхлипывать и что-то жалобно бормотать, но никто даже не поглядел на них.

С улыбкой я встречу смерть.
Я с радостью дам ей руку.
Если она ответит
Меня к моему властелину.

Теперь уже не только царские жены, а все женщины и большая часть мужчин плакали. Слова Исида и ее красота были неотразимы. Казалось невозможным, что боги могут испытывать такие же чувства, как и смертные, но слезы медленно стекали по щекам фараона, оставляя следы черной туши, и он, моргая, как сова, глядел на госпожу Лостру.

Нефтида вышла на сцену и спела дуэтом с сестрой, а затем они, взявшись за руки, пошли искать разбросанные куски тела Осириса.

Конечно же, я не стал подкладывать им настоящие куски тела Тода. Во время перерыва я приказал моим помощникам собрать его тело и отнести бальзамировщикам. Я сам оплатил расходы на похороны Тода. Мне хотелось как-то искупить свою вину за участие в убийстве несчастного. Там не было той части тела, которую фараон все еще держал в руке, но я надеялся, что боги сделают исключение и позволят Тоду войти в подземное царство и он не будет думать обо мне слишком плохо. Я считаю, что мудро иметь друзей везде, где только возможно, — и в этом мире, и в том, где мы можем оказаться после смерти.

Чтобы предоставить зрителям тело бога, я приказал художникам Некрополя изготовить великолепную картонную мумию, изображавшую Осириса в гробу в торжественном одеянии, со скрещенными на груди руками. Я разделил эту мумию на тринадцать частей, которые собирались как детские кирпичики.

Когда сестры находили каждую часть тела бога, то пели ей хвалебный гимн. Воспевали его руки, ноги, тело, божественную голову.

Такие глаза, как звезды в ночи.
Вечно должны светить.
Смерти туману их красоты
Саваном не укрыть.

Потом, когда они собрали тело Осириса, не считая недостающего талисмана, стали вслух рассуждать о том, как вернуть его к жизни.

Вот здесь-то мне и представилась возможность ввести в спектакль один существенный элемент, чтобы удовлетворить вкусы простого народа. В каждом из нас живет сильная склонность к похоти, и драматург или поэт всегда должен помнить об этом, если он хочет нравиться зрителю.

— Есть только один верный способ вернуть к жизни нашего дорогого господина и брата. — Я вложил эти слова в уста богини Нефтиды. — Одна из нас должна совершить акт деторождения с его разрушенным телом, чтобы оно соединилось воедино и в нем опять загорелась искра жизни.

Зрители заволновались и наклонились вперед в предвкушении нового зрелища. Это предложение пришлось по вкусу даже самым похотливым из них, склонным к кровосмесительству и некрофилии.

Меня долго мучило, как представить этот эпизод из мифа о воскрешении Осириса. Госпожа моя потрясла меня, когда заявила однажды, будто сама хочет сыграть роль до конца. У нее даже хватило наглости указать мне с обычной дерзкой улыбочкой, что она приобретет ценные знания и опыт, исполняя эту роль. Я не уверен, шутила она или действительно хотела сыграть все сама, но не согласился, и у нее не было возможности доказать свою верность роли или отсутствие таковой. С ее репутацией и честью семьи шутить нельзя, это слишком ценный товар.

И вот по моему сигналу, когда полотняный занавес снова задернули и госпожа Лостра быстро покинула сцену, на ее место пришла одна из дорогих куртизанок, которая занималась своим ремеслом во дворце любви около порта. Я нанял эту девку, переговорив с несколькими представительницами ее профессии, отчасти из-за того, что ее красивое молодое тело очень походило на тело моей госпожи. Конечно, лицом своим она никак не могла сравниться с госпожой Лострой. Да я и не знаю, кто мог бы с ней сравниться.

Как только двойник богини занял свое место, позади сцены зажглись факелы, и ее тень появилась на занавесе. Она начала раздеваться самым соблазнительным образом.

Мужчины приветствовали ее телодвижения веселыми воплями, решив, что раздевается Лостра. Под их скабрёзные шутки блудница двигалась все похотливее, и публика приняла это зрелище еще более одобрительно, чем убийство Осириса в первом действии.

Это место в спектакле долго мучило меня: как изобразить акт оплодотворения, если его просто некуда повесить? Мы только что видели, как Осириса насильственным путем лишили нужного штырька. В конце концов, пришлось прибегнуть к старому театральному фокусу, который так раздражает меня в работах других драматургов. Я имею в виду вмешательство богов и их сверхъестественную власть.

Госпожа Лостра говорила из-за кулис, а ее второе «я», представленное в виде тени на занавесе, встало над мумией Осириса и выполнило магические движения.

— Мой дорогой брат, редчайшей и чудеснейшей властью, данной мне нашим прародителем Амоном-Ра, я возвращаю тебе те мужские части твоего тела, которых жестокий Сет лишил тебя, — пропела госпожа. Я снабдил мумию небольшим устройством, благодаря которому за веревочку, протянутую через блок под крышей храма над самим Осирисом, можно было поднять необходимый предмет. При последних словах Исиды деревянный фаллос почти с руку длиной, прикрепленный к паху бога, поднялся во всем своем царственном великолепии. Зрители ахнули от восхищения.

Когда Исида ласкала его, я дергал за веревочку, и он тоже дергался и как бы изгибался. Зрителям это нравилось, но больше всего им понравилось, когда богиня оседлала простертую мумию божества. Судя по тому, насколько умело изображала она экстатические движения гибкого тела, блудница, которую я выбрал, действительно была одной из величайших представительниц своей профессии. Зрители признали великолепие игры и все время подбадривали ее неистовыми воплями и похабными советами.

Во время кульминации этого эпизода факелы погасли, и храм погрузился в темноту. В темноте произвели замену актеров, и когда факелы зажглись снова, госпожа Лостра стояла посреди сцены с новорожденным младенцем на руках. Одна из рабынь на кухне предусмотрительно родила за несколько дней до этого, и я одолжил у нее ребенка на спектакль.

— Я дарю вам новорожденного сына Осириса, бога подземного царства, и Исиды, богини Луны и звезд. — Госпожа Лостра подняла младенца над своей головой, и он, пораженный видом толпы чужих людей, скорчился, покраснел и заорал.

Исида заговорила громче, перекрывая его крик:

— Приветствуйте молодого владыку Гора, бога ветра и неба, сокола небес! — Люди Гора составляли половину аудитории, и их восторгам по поводу рождения покровителя не

было границ. С громкими криками они вскочили на ноги, и второе действие закончилось таким же триумфом, как и первое, а позже выяснилось, что наш новорожденный бог смертельно опозорился — с перепугу он основательно испачкал свои пеленки.

Я НАЧАЛ последнее действие декламацией, описывающей детство и взросление Гора. Я говорил о священном долге, возложенном на него Исидой, и едва произнес эти слова, как занавес раздвинулся и посередине сцены зрителям предстала богиня.

Исида купалась в Ниле в сопровождении своих служанок. Влажная одежда липла к телу, и великолепная бледная кожа просвечивала через мокрое полотно. Неясные очертания груди увенчивали розовые бутончики девственных сосков.

Тан в наряде Гора вышел из-за кулис, и его фигура тут же заполнила всю сцену. Блестящие доспехи и гордая осанка воина прекрасно оттеняли красоту богини. Многочисленные победы в сражениях на реке и его последний подвиг — спасение царской барки — привлекли к нему внимание зрителей. Тан стал любимцем толпы. Не успел он начать свою речь, как все стали приветствовать его, и аплодисменты продолжались так долго, что актеры, казалось, окаменели на своих местах.

Пока бушевала буря приветствий, я нашел в толпе несколько лиц и проследил за их выражением. Нембет, Великий Лев Египта, зло осклабился и что-то бормотал себе в бороду, не скрывая раздражения. Фараон великодушно улыбнулся и кивнул головой, чтобы сидевшие за ним заметили его расположение и их восторги разгорелись еще жарче. Вельможа Интеф, который никогда не плыл против течения, улыбнулся самой своей шелковой улыбкой и кивнул вместе с царем. В глазах же его, как я успел разглядеть из своего укрытия, сверкнула смертельная ненависть.

Наконец аплодисменты затихли, и Тан мог начинать, хотя и не без труда: стоило ему остановиться, чтобы перевести дух, как зрители снова принимались радостно приветствовать его. Только когда Исида запела свою песню, зрители смолкли.

Страдания отца вызывают к мщенью;
Влиянье злой судьбы, преследующей нас,
Ты должен изменить.

Стихами Исида предупредила своего благородного сына об опасности и протянула к нему руки, одновременно и умоляя, и приказывая.

Проклятье Сета на твоей семье,
И снять его один лишь ты сумеешь.
Найди родного дядю, бога тьмы.
Свирепый вид и дерзкие манеры
Надменное чудовище покажут.
Когда найдешь его, начните бой.
Ты повали врага и крепкой цепью
Заставь его твоей отдаться воле,
Чтоб смертные и боги навсегда
Забыли о его поганой власти.

Не переставая петь, богиня ушла со сцены и оставила сына выполнять свой наказ. Зрители, не отрываясь, следили за всем происходящим, как дети слушают любимую, хорошо знакомую песенку, и уже начинали волноваться, так как знали, что сейчас произойдет.

Когда Сет наконец выскочил на сцену для решительного боя, вечного боя между добром и злом, красотой и уродством, долгом и бесчестьем, зрители уже были готовы к этому. Они приветствовали его криками неподдельной ненависти. Расфер вызывающе осклабился и стал плевать в публику, гордо расхаживая по сцене. Потом он сложил руки на

половых органах и стал двигать бедрами взад и вперед, чтобы похабным жестом привести зрителей в ярость.

— Убей его, Гор! — завопили они. — Размозжи его уродливую морду! — Сет расхаживал перед ними, разжигая в них злобу.

— Размозжи ему морду!

— Убей убийцу великого бога Осириса! — ревела публика.

— Вырви ему потроха!

В глубине души зрители знали: это Расфер, а не Сет, но ненависть их от этого нисколько не слабела.

— Отруби ему голову! — орали они.

— Убей его, убей!

Наконец Сет сделал вид, будто в первый раз заметил своего племянника, и нахально заковылял к нему, высовывая язык и болтая им перед черными зубами; он пускал слюну, как слабоумный, и она серебристой пленкой ложилась на его грудь. Мне трудно было поверить, что Расфер может заставить себя выглядеть еще более уродливо, чем обычно, но теперь он доказал, что это так.

— Кто это дитя? — спросил он и рыгнул прямо в лицо Гору. Тан не ожидал этого и невольно отступил назад с неподдельным выражением отвращения на лице, когда в нос ему ударил смрад прокисшего вина, все еще бродившего у Расфера в желудке.

Тан быстро пришел в себя и произнес свою реплику:

— Я Гор, сын Осириса.

Сет издевательски захохотал:

— Что ты ищешь, маленький сынок мертвого бога?

— Я ищу отмщения за убийство своего благородного отца. Я ищу убийцу Осириса.

— Тогда тебе больше не нужно его искать, — выкрикнул Сет, — потому что это я, Сет, победитель слабых богов. Я, Сет, пожиратель звезд и разрушитель миров.

Боги обнажили мечи и бросились друг на друга, столкнувшись посередине сцены. Клинок ударился о клинок, и бронза зазвенела. Чтобы уменьшить опасность случайного ранения, я попытался заставить их сменить бронзовые мечи на деревянные, но мои актеры не потерпели этого. Расфер обратился к вельможе Интефу, и тот приказал им пользоваться боевым оружием — мне пришлось подчиниться его власти. По крайней мере, это придаст сцене более реалистический характер, решил я. И вот теперь они стояли друг перед другом, грудь в грудь, скрестив клинки, и свирепо глядели друг другу в лицо.

Эта необычная пара совершенно несхожих людей, казалось, воплощала вековечный конфликт между добром и злом — основную мысль мистерии. Красавец Тан был высок и светловолос. Сет был черен и крив, с кривыми ногами и омерзительным лицом. Контраст их внешности буквально вызывал тошноту. Зрители пылали яростью, как и главные герои, сражавшиеся на сцене.

Они одновременно толкнули друг друга и отступили назад, а затем снова бросились вперед, нанося колющие и режущие удары, парируя удары и уклоняясь от них. Оба были прекрасно тренированными и умелыми фехтовальщиками, одними из лучших в войсках фараона. Клинки их мелькали, кружились и сверкали в лучах факелов так, что казались совершенно невесомыми, как солнечные лучи, отраженные рекой. Шум поединка походил на хлопки и шелест крыльев птиц, поднятых со своих гнезд. Когда мечи сходились, они гремели, как кузнечные молоты по меди.

То, что сторонний наблюдатель принял бы за хаос реального сражения, было на самом деле тщательно отрепетированным танцем. Оба прекрасно знали, как наносить каждый удар и как отражать удар противника. Два превосходных бойца занимались тем, к чему готовились всю свою воинскую жизнь, и движения их, казалось, не требовали никаких усилий.

Когда Сет наносил удар, Гор отражал его с таким опозданием, что конец клинка задевал его нагрудник и оставлял на нем яркий след. Затем Гор наносил ответный удар, и его

меч пронёсился так близко к голове Сета, что срезал локон спутанных жестких волос, будто бритва цирюльника. Ноги их переступали грациозно и точно, как у храмовых танцоров, а движения были стремительны, как полет сокола или бег гепарда.

Толпа была загипнотизирована зрелищем. Потом какое-то внутреннее чутье предостерегло меня. Может быть, какой-нибудь бог тронул за локоть, кто знает? Во всяком случае, что-то находящееся вне меня заставило оторваться от созерцания боя и взглянуть на вельможу Интефа, который сидел в переднем ряду.

То ли глубокое знание вельможи Интефа, то ли чутье, то ли вмешательство богов, покровительствовавших Тану, вложили мне в голову страшную мысль. А может быть, действовали все три из вышеназванных сил. Однако я вдруг понял, почему на лице вельможи Интефа застыла уродливая волчья усмешка. Я понял, почему он выбрал Расфера на роль Сета. Я понял, почему он не пытался лишить Тана роли Гора в спектакле даже после того, как обнаружил его связь с госпожой Лострой. Я понял, почему он приказал воспользоваться настоящими мечами на сцене и почему сейчас ухмыляется. Убийство Осириса не было последним кровопролитием. Расфер снова найдет применение своим талантам.

— Тан! — закричал я и бросился вперед. — Осторожно! Это ловушка, он хочет... — Мой крик утонул в реве толпы. Не успел я сделать второй шаг в сторону сцены, как сзади меня схватили за руки. Я попытался вырваться, но два негодяя, дружки Расфера, держали меня крепко и потащили со сцены. Их поставили специально на тот случай, если я попытаюсь вмешаться и предупредить друга.

— Гор, дай мне силы! — вознес я краткую молчаливую мольбу и вместо того, чтобы сопротивляться, бросился в ту же сторону, куда меня тащили. На какое-то мгновение люди Расфера потеряли равновесие, и мне удалось вырваться из их рук. Я сумел добраться до края сцены прежде, чем они снова схватили меня.

— Гор, дай мне голос! — взмолился я и завопил изо всех сил: — Тан, осторожно! Он хочет убить тебя!

На этот раз мой голос перекрыл рев толпы, и Тан услышал. Я видел, как его голова дрогнула и глаза прищурились. Однако Расфер тоже услышал меня. Он отреагировал мгновенно, нарушив отрететированный бой. Вместо того, чтобы отступить назад под градом ударов Тана, нацеленных на его голову, он ступил вперед и быстрым ударом снизу отбил меч Тана вверх.

Если бы не неожиданность, ему не удалось бы пробить оборону Тана, он не смог бы нанести тот удар, в который вложил всю мощь своих плеч и тела. Острие его клинка нацелилось на два пальца ниже края шлема, прямо в правый глаз Тану. Он мог проткнуть глаз и череп насквозь.

Однако своим криком я предупредил Тана, и это дало ему время собраться. Он сумел вовремя закрыться. Рукояткой меча нанес косой удар по кисти Расфера. Это отклонило острие меча на один палец. Одновременно Тан втянул подбородок и мотнул головой в сторону. Однако отклонился поздно и не смог полностью уйти от удара, и теперь клинок, который должен был проткнуть его глаз и череп насквозь, как гнилую дыню, рассек бровь до крови и скользнул по плечу.

Тут же полоска крови брызнула из мелкой раны и залила лицо, ослепив правый глаз Тана. Он вынужден был отступить перед бешеной атакой Расфера. Отступал, отчаянно отбиваясь и моргая, пытаясь смахнуть кровь с правого глаза. Казалось, он больше не сможет защищаться, и если бы меня не держали стражи дворца, я бы выхватил свой маленький, украшенный драгоценными камнями кинжал и бросился к нему на помощь.

Однако и без моей помощи Тан выдержал первую смертоносную атаку. Хотя Расфер нанес ему еще две раны — неглубокие порезы на левом бедре и на бицепсах правой руки, он продолжал уворачиваться, отбивать удары и уклоняться от них. Расфер продолжал наступать на него, не давая ему отдохнуть, собраться с силами и протереть глаза. Через несколько минут Расфер начал пыхтеть и хрипеть, как огромный лесной вепрь, и весь покрылся потом. Его бесформенный торс заблестел в свете факелов. Но от этого удары его не стали слабее

или медлительнее.

Хотя сам я и не великий фехтовальщик, я занимался этим искусством. Поэтому часто смотрел, как Расфер тренируется на оружейном дворе, и очень хорошо знал его стиль фехтования. Он великолепно владеет атакой самум («подобно ветру пустыни»). Этот прием прекрасно соответствовал звериной мощи его тела. Я сотни раз видел, как он отработывал этот удар, и теперь по положению его ног понял, что он готовится к нему. Это последнее усилие, которое завершит бой.

Вырываясь из рук стражников, я снова заорал Тану:

— Самум! Приготовься! — Мне показалось, что мои слова утонули в реве толпы, переполнявшей храм, потому что Тан никак не отреагировал на них. Позже он сказал мне, что слышал меня и что второе мое предупреждение действительно спасло ему жизнь — ведь его правый глаз был залит кровью.

Расфер отступил назад на полшага — классическое начало самума, на мгновение ослабив давление на противника, чтобы тот занял нужную позицию. Потом он перенес вес на правую ногу, выставил вперед левую и после этого, оттолкнувшись правой ногой, оторвавшись от пола и выставив клинок перед собой, прыгнул вперед и понесся на врага, как чудовищный стервятник, взлетающий с трупа. Когда ноги его оторвались, а конец клинка нацелился на горло Тана, мне показалось, что удар неотразим. Ничто не сможет остановить смертоносный клинок. Он найдет свою цель. Существует только одна классическая защита от самума — это удар с остановкой.

В тот самый момент, когда Расфер уже не мог остановиться, Тан тоже бросился вперед с равной силой, но превосходящей грацией. Как стрела, выпущенная из лука, он рванулся на своего врага. Когда противники столкнулись в воздухе, меч Тана встретил клинок Расфера и скользнул вдоль него до самой рукоятки, жестко остановив его полет. Тан великолепно выполнил удар с остановкой.

Вся мощь и скорость столкнувшихся мужчин пришлась на клинок Расфера, тот не выдержал и треснул, оставив Расферу рукоять с коротким обломком. Затем противники сцепились, обхватив друг друга руками. Хотя клинок Тана остался целым, Расфер сумел зажать его руку, и Тан не мог воспользоваться им. Обе руки Тана и его меч оказались за спиной Расфера. Бойцы начали бороться, обхватив друг друга.

Борьба — одна из обязательных военных дисциплин, которой обязан владеть каждый воин египетского войска.

И вот теперь, сжимая друг друга в сокрушительных объятиях, противники кружили по сцене и старались повалить друг друга. Они рычали, пытались сделать подножку, ударить друг друга забралами шлемов, но силы и решимость были равны.

Зрители давно уже поняли, что перед их глазами разыгрывается настоящий поединок не на жизнь, а на смерть. Я подумал было, что их аппетиты поугасли после первого акта мистерии, но ошибся. Они были неутолимы и снова, и снова жаждали крови...

Наконец Расфер вырвал правую руку из объятий Тана. Он все еще сжимал в кулаке рукоять с коротким обломком клинка. И начал махать обломком, стараясь ударить в лицо Тана и попасть ему по глазам и по ране на лбу, чтобы усилить кровотечение и ослепить врага. Тан уклонялся от ударов, принимая их краем бронзового шлема. Как питон, извивающийся вокруг своей жертвы, он воспользовался моментом и обхватил покрепче грудь Расфера. И так сильно сжал своего противника, что лицо Расфера стало распухать и наливаясь кровью. Тан выжимал из него воздух, и тому приходилось бороться с удушьем. Он начинал слабеть. Тан сжимал до тех пор, пока фурункул на спине Расфера не лопнул и желтый гной не потек до самого пояса.

Расфер задыхался, лицо его скривилось от боли, когда нарыв прорвался, и на какое-то мгновение он дрогнул. Тан заметил это, собравшись с силами, и начал теснить противника, опустив плечи и чуть поднимая его назад и вверх. Расфер терял равновесие, а Тан жал сильнее и сильнее, заставляя сделать шаг назад. Как только Расфер поддался, он пошел назад не останавливаясь, а Тан толкал его все дальше и дальше через сцену, направляясь к одной

из гигантских каменных колонн. Сначала никто из присутствующих не понимал, что Тан задумал, а затем мы увидели, как он опустил меч горизонтально и прижал рукоять к хребту Расфера.

Клинок Тана с разгона ударился о каменную колонну. Металл заскрежетал по граниту, и вся сила удара пришлась на рукоять меча. Она остановила обоих мужчин, и вся мощь двух тяжелых тел загнала рукоять меча в хребет Расфера. Человека послабее это могло бы убить, и даже Расфера удар парализовал. Он вскрикнул от острой боли, выдохнув остатки вонючего воздуха из легких, и вскинул руки. Сломанная рукоять меча вылетела из его пальцев и покатилась по каменному полу.

Колени Расфера подогнулись, он повис в руках Тана. Тан подставил под его тело бедро, а затем мощным движением корпуса бросил Расфера через себя. Тот рухнул на каменные плиты с такой силой, что я услышал, как ребра его затрещали, словно прутья в костре. Затылок запрыгал по каменным плитам, как тыква, сброшенная со скалы, и воздух со свистом вырвался из глотки.

Он застонал от боли. У него едва хватило сил, чтобы поднять руки и признать свое поражение. Однако Тан был настолько захвачен яростью боя и разгорячен ревом толпы, что просто обезумел. Он встал над телом Расфера и высоко поднял меч клинком вниз, схватившись за рукоять двумя руками. Зрелище это было ужасное. Кровь из раны на лбу превратила его лицо в блестящую дьявольскую маску, волосы на груди пропитались потом и кровью, и красные полосы проступили на одежде.

— Убей его! — ревела толпа. — Убей негодяя!

Острие меча Тана нацелилось в середину груди Расфера, и я приготовился увидеть, как его удар пронзит насквозь огромное тело. Я хотел, чтобы Тан сделал это, поскольку ненавидел Расфера больше, чем кого бы то ни было. Боги знают, у меня были на то причины: именно он оскотил меня, и я жаждал отомстить этому чудовищу.

Но желание мое было тщетным. Мне следовало бы лучше знать Тана: он никогда не убьет сдавшегося врага. Я увидел, как безумный огонь начал гаснуть в его глазах. Он чуть тряхнул головой, словно беря себя в руки, а затем, вместо того чтобы проткнуть поверженного врага, медленно опустил клинок, пока острие не укололо грудь Расфера, где среди спутанных грубых волос появилась гранатовая капля крови. И Тан снова принялся играть свою роль.

— Так я подчиняю тебя своей воле и изгоняю тебя со света. Да будешь ты отныне властвовать мраком и да не будет у тебя власти над благородными и добрыми людьми. Я даю тебе власть только над вором и трусом, наглецом и обманщиком, лжецом и убийцей, над грабителем могил и соблазнителем добродетельных женщин, над богохульником и предателем. Отныне ты становишься богом зла. Убирайся, и да скроется с тобой проклятие, нависшее над Гором и его воскресшим отцом Осирисом.

Тан поднял клинок меча над грудью Расфера и отбросил его в сторону, намеренно обезоружив себя перед противником, чтобы показать всю мощь своего презрения. Клинок загремел по каменным плитам, Тан отошел к нашему театральному Нилу и, опустившись на колени, набрал воды в ладони и плеснул на лицо, чтобы смыть кровь. Затем оторвал полоску материи от своего плаща и быстро завязал рану на лбу.

Две гориллы, дружки Расфера, отпустили меня и бросились на сцену спасать своего побежденного командира. Они подняли его на ноги, и он, шатаясь и спотыкаясь, хрипя и пыхтя, как чудовищная, поганая жаба, пошел со сцены. Я видел, что он серьезно ранен. Его потащили со сцены, а толпа кричала вслед издевательству и грубые шутки.

Я посмотрел на вельможу Интефа и на какое-то мгновение застал его врасплох. Все мои подозрения подтвердились. Именно так он хотел отомстить Тану. Хотел убить его на глазах у всего населения города, убить любимого на глазах собственной дочери, которой тоже хотел отомстить. Это было бы наказанием за то, что Лостра пренебрегла волей отца.

Злоба и разочарование, отразившиеся на лице моего господина Интефа, заставили меня самодовольно ухмыльнуться. Представить только, чем это грозит Расферу! Он наверняка

скорее предпочел бы еще раз сразиться с Таном, чем подвергаться тому наказанию, которое выберет вельможа Интеф. Господин мой сурово обходился с теми, кто не оправдывал его доверия.

Тан еще тяжело дышал после поединка. Теперь, быстро переводя дыхание, он вышел на переднюю часть сцены и стал готовиться к декламации, которая завершит представление. Как только он встал лицом к собравшимся, все замолчали. Его гневное окровавленное лицо вызывало благоговейный страх.

Тан поднял обе руки к крыше храма и громко воскликнул:

— Амон-Ра, дай мне голос! Осирис, дай мне красноречие! — Это было традиционной мольбой оратора.

— Дай ему голос! Дай ему красноречие! — подхватила толпа. И хотя по лицам зрителей было видно, что они еще не опомнились от кровавой бойни, развернувшейся на их глазах, но уже жаждали новых развлечений.

Тан — существо необычное. Это человек действия, но также человек слов и мыслей. Я уверен, он был достаточно великодушен и мог бы признаться, что многие мысли, появившиеся в его голове, попали туда усилиями нижайшего раба Таиты. Однако там они находили плодородную почву.

Что же касается его ораторских способностей, речи Тана, обращенные к войскам перед боем, прославились на всю страну. Естественно, я участвовал не во всех сражениях, но речи были переданы мне Кратом, его верным другом и помощником. Я записывал многие из них на свитках папируса, поскольку они стоили того, чтобы их сохранить.

Тан говорил просто и умел увлечь народ. Я часто думаю, что именно честность и прямодушные придавали особую силу его красноречию. Люди доверяли ему и охотно шли за ним, куда бы он ни вел их, даже на смерть.

Я все еще переживал предшествующую сцену. Меня мучила мысль о том, насколько близок был Тан к гибели в ловушке, подстроенной ему вельможей Интефом. И очень интересовала речь, которую он приготовил без моего совета. Признаться, меня обидел отказ от помощи, да и последствия немало беспокоили. Тан не мог похвастаться такими добродетелями, как такт и вежливость.

Теперь фараон жестом предложил ему начинать. Он развел и снова скрестил руки с посохом и плетью на своей груди и милостиво кивнул головой. Собравшиеся молчали, напряженно вслушиваясь в то, что скажет им этот человек, и боялись пропустить слово.

— Это я, Гор, сокологоловый, говорю вам, — начал Тан, и они подбодрили криками.

— И правда — сокологоловый, слушайте его!

— Ха-Ка Птах! — Тан произнес архаичное слово, от которого произошло современное название Египта. Очень немногие осознавали, что начальное значение этого слова было «храм бога Птаха». — Я говорю с вами о древней земле, данной нам десять тысяч лет назад в те времена, когда боги были молоды. Я говорю вам о двух царствах, которые по природе своей едины и неделимы.

Фараон кивнул. Тан произносил обычные догмы, одобренные и светскими, и духовными властями, так как ни те, ни другие не признавали лжефараона Нижнего царства и не желали слышать о его существовании.

— О, Кемит! — Тан воспользовался еще одним названием Египта, которое означает «черная почва» — по цвету ила, приносимого ежегодно половодьем Нила. — Я говорю вам о нашей земле, разоренной и разделенной, разрушенной войной, обескровленной и лишенной сокровищ.

Мое собственное потрясение отразилось на лицах всех, кто слушал его. Тан заговорил о том, о чем никто не смел говорить. Мне захотелось выскочить на сцену и зажать ему рот, чтобы он не мог продолжать свою речь, но я словно прирос к полу.

— О, Та-Мери! — это было еще одно древнее название — «любимая земля». Тан хорошо усвоил историю, которой я учил его. — Я говорю вам о старых и дряхлых военачальниках и флотоводцах, которые слишком слабы и нерешительны, чтобы в бою

отобрать царство у узурпатора короны. Я говорю вам о выживших из ума стариках, которые тратят наши сокровища и проливают кровь лучших молодых воинов, словно кислое вино.

Я увидел, как во втором ряду Нембет, Великий Лев Египта, покраснел от злости и свирепо запустил руку в бороду. Остальные старые военачальники, сидевшие за ним, нахмурились и беспокойно задвигались на своих скамейках, неодобрительно гремя мечами в ножнах. Только вельможа Интеф улыбался, увидев, как Тан, избежав одной смертельной ловушки, сам полез в другую.

— Нашу любимую землю окружает стая врагов. Однако сыновья знати предпочитают отрубать большие пальцы рук, чтобы не защищать ее с мечом в руках. — Сказав это, Тан прямо уставился на Менсета и Собека, старших братьев Лостры, которые сидели за своим отцом во втором ряду. По царскому указу от военной службы освобождались те, кто из-за какого-либо физического недостатка не мог держать в руках оружие. Жрецы Осириса довели до совершенства искусство удаления первой фаланги большого пальца. Они делали это почти безболезненно, и опасности заражения не было. После операции человек уже не мог держать в руке меч или натягивать тетиву лука. Два лжеца хвастливо демонстрировали изуродованные кисти левых рук, когда играли в кости и веселились в прибрежном кабаке. Они считали, что отсутствие большого пальца свидетельствовало об особом уме и независимости духа, а не о трусости.

— Война — это игра, в которой старики играют жизнями молодых, — доказывали братья Лостры. — Патриотизм — это сказка, выдуманная старыми мошенниками, чтобы втянуть нас в адскую игру. Пусть они сами дерутся, если им хочется, а мы в этом не будем участвовать.

Я тщетно упрекал их, говоря о высокой чести быть подданным Египта. Чести, которая подразумевает определенные долг и обязанности. Они отмахивались от меня со всем высокомерием юности и невежества.

Теперь под пристальным взглядом Тана они заерзали на скамейках и спрятали кисти левых рук в складках одежд. Они были правшами, однако употребили все свое красноречие и даже золото, чтобы убедить чиновников, набирающих людей на военную службу, будто они левши.

Простой народ в конце огромного зала загудел и затопал ногами, выражая согласие с Таном. Это их сыновья заполняли скамейки гребцов на боевых ладьях или ходили в доспехах с оружием в руках по пескам пустыни.

Я в отчаянии ломал руки за кулисами. Короткой речью Тан сделал своими врагами по крайней мере пятьдесят молодых людей из знатных семей. А именно они однажды унаследуют власть и богатства Верхнего царства. Их вражда в сотни раз сильнее поклонения толпы. Я молил богов остановить Тана. За несколько минут он так навредил себе, что и за сто лет не исправишь. Но он продолжал:

— О, Та-Нутри! — Тан воспользовался еще одним древним названием нашей страны — «земля богов». — Я говорю о преступниках и грабителях, которые засели за каждым холмом и за каждым кустом. Крестьянин вынужден пахать со щитом на плече, а путешественник отправляться в путь с обнаженным мечом.

И снова простой народ заплодировал ему. Шайки грабителей обложили всех тяжелой данью. Никто не мог чувствовать себя в безопасности за пределами глинобитных стен городов. А вожди грабителей, называвших себя сорокопутами, стали наглыми и бесстрашными. Они не уважали никаких законов, кроме своих собственных, и ни один человек не мог найти защиты от них.

Тан очень точно угадал настроение людей, и у меня вдруг появилось ощущение, что он метит гораздо дальше, чем кажется на первый взгляд. С подобных обращений к народу часто начинались перевороты, в которых свергались целые династии фараонов. Следующие слова Тана укрепили мои подозрения.

— Пока бедняк кричит от боли под кнутом сборщика податей, звать может ягодицы своих мальчиков-красавчиков самыми драгоценными маслами востока... — В задних рядах

поднялся рев, и мои страхи сменились трепетным волнением. Неужели все это тщательно продумано? Неужели Тан более хитер и скрытен, чем я думал?

«Клянусь Гором! — воскликнул я про себя. — Наша страна созрела для переворота, и кому, как ни Тану, возглавить его! » Меня огорчало только, что он не доверился мне и не дал мне возможности участвовать в его замыслах. Я бы задумал и провел переворот так же умело и ловко, как устраивал сады или писал мистерии.

Я вытянул шею, изо всех сил пытаюсь заглянуть за головы зрителей и ожидая каждое мгновение увидеть Крата, врывающегося в храм во главе отряда воинов флотилии. Волосы у меня на голове и на руках встали дыбом от возбуждения, когда я представил себе, как они сорвут двойную корону Египта с головы фараона и поставят ее над окровавленным лбом Тана. С какой радостью закричал бы я вместе с ними: «Да здравствует фараон! Да здравствует фараон Тан! »

Тан продолжал, а перед глазами у меня понеслись странные, фантастические образы. Я увидел, как сбывается пророчество оракула из пустыни. Я представил себе Тана с госпожой Лострой рядом на белом троне Египта и себя самого за их спинами, в блистающем наряде великого визиря Верхнего царства. Но почему он не посоветовался со мной, перед тем как пуститься на такое опасное предприятие?

Следующая фраза все объяснила. Я неправильно понял Тана, моего честного, простого и доброго Тана, моего благородного, прямодушного и надежного Тана, которому не хватало только одного: хитрости, умения скрывать свои мысли и обманывать.

Заговора не было. Просто Тан решил сказать все, что было у него на уме, никого не страшась и не ожидая похвалы. Простой народ, который за несколько мгновений до этого в восторге ловил каждое его слово, теперь почувствовал, насколько острым может быть клинок его языка, когда он обрушился на них.

— Выслушай меня, о Египет! Что будет со страной, где злобные и низкие люди губят тех, кто сильнее их, где патриотов поливают грязью, где ни одного человека из прошлого не почитают за мудрость и где мелкие и завистливые душонки стараются повалить достойных людей и сровнять их с землей!

Приветственные крики в задних рядах смолкли, когда простой народ начал узнавать себя в этих негодях. Без всякого усилия Тану удалось восстановить против себя каждого из них — великого и малого, богатого и бедного. О, почему же он не посоветовался со мной, горевал я, а ответ был прост. Он не стал советоваться со мной, потому что знал: я бы постарался переубедить его.

— Разве можно говорить, что в обществе царит порядок, если раб свободно поносит и считает равным себе человека благородного происхождения — обрушился он на них. — Разве должен сын поливать грязью отца и презирать мудрость, за которую тот заплатил сединой и морщинами? Как может прибрежная блудница носить кольца из драгоценного лазурита и считать себя выше добродетельной жены?

«Клянусь Гором, он никого из них не хочет пощадить, он будет бичевать всех», — горько подумал я. Как обычно, он совершенно забыл о собственной безопасности и стремился достичь цели самым простым и открытым путем.

Только один человек во всем храме был в восторге от его речи. Лостра появилась рядом со мной и схватила меня за руку.

— Разве он не прекрасен, Таита? — Она задыхалась от восхищения. — Каждое его слово — правда! Сегодня он в самом деле стал молодым богом.

У меня не хватило мужества даже согласиться с ней, и я печально склонил голову. Тан безжалостно продолжал:

— Фараон, ты — отец народа. Мы вопием к тебе о защите и спасении. Отдай дела государства и войны в руки честных и умных людей. Пусть негодяи и глупцы гниют в своих поместьях. Отзови неверных жрецов и скупых слуг царских, паразитирующих на теле нашей Та-Мери.

Гор ведает, что я ненавижу жрецов не меньше любого из присутствующих, однако

только дурак или очень храбрый человек осмелится обратить на свою голову злобу каждого из этих болтающих с богом в Египте, так как власть их беспредельна, а ненависть безжалостна. Что же касается царских чиновников, то их влияние и продажность воспитывались сотни лет, а возглавлял их вельможа Интеф. Я содрогнулся от жалости к своему дорогому глупому другу, а тот продолжал учить фараона, как перестроить египетское общество.

— Прислушивайся к словам мудреца! О царь, почитай художника и писца. Вознаграждай храброго воина и верного слугу. Искорени разбойников и грабителей, засевших в своих крепостях в пустыне. Дай народу пример правильной жизни, и тогда наша страна, наш Египет, снова расцветет и обретет величие.

Тан упал на колени в середине сцены и широко простер руки.

— О фараон, ты отец наш, мы вопием о любви нашей к тебе и просим только ответить нам отеческой любовью. Выслушай наши мольбы, просим тебя мы.

До этого момента я стоял в оцепенении, сознавая всю серьезность проступка моего друга, но теперь, хотя и поздно, я наконец очнулся и, словно в лихорадке, отдал приказ своим помощникам опустить занавес до того, как Тан навредит себе еще больше. Сияющие складки полотна слетели с потолка храма и скрыли Тана от зрителей, которые ошеломленно молчали, будто не могли поверить в то, что они увидели и услышали.

Фараон первым пришел в себя. Он встал на ноги, и лицо его под толстым слоем грима казалось абсолютно равнодушным. Когда он быстро пошел прочь из храма, собравшиеся простерлись перед ним. Перед тем, как раболепно пасть ниц, я успел заметить выражение лица вельможи Интефа. Он торжествовал.

Я ПРОВОДИЛ Тана от храма к его скудно обставленному дому у пристани, где пришвартовались корабли флотилии. Я шел рядом с ним, не убирая руки с кинжала, в ожидании последствий его глупой честности, но Тан нисколько не раскаивался в своих действиях. Он, казалось, не замечал всей глубины своего грехопадения и был необычайно доволен собой. Я часто наблюдал, как человек, только что переживший страшное напряжение и смертельную опасность, становится болтливым и восторженным. Даже Тан, суровый воин, не был исключением.

— Давно пора было кому-нибудь подняться и сказать все это, ты согласен со мной, Таита? — Его громкий голос далеко разносился по темному переулку, как будто он специально зазывал наемного убийцу к себе. Я предпочитал молчать и не спорить с ним.

— Ты не ожидал от меня такого, верно? Будь честным, Таита. Это было для тебя неожиданностью, не так ли?

— Это было неожиданностью для всех. — На этот раз я мог согласиться с ним, хотя и не без некоторого раздражения. — Даже фараона это ошеломило. Как и следовало ожидать.

— Но он слушал, Таита. Он выслушал все, я видел это. Я хорошо поработал сегодня вечером. Разве ты со мной не согласен?

Когда я попытался заговорить с ним о предательском нападении Расфера и намекнул на возможность подстрекательства со стороны вельможи Интефа, Тан даже слушать меня не хотел.

— Это невозможно, Таита, тебе это приснилось. Вельможа Интеф — лучший друг моего отца. Как может он желать мне зла? Кроме того, я скоро стану его зятем, правда? — И, не обращая внимания на свои раны, так громко захохотал, что разбудил людей в темных хижинах у дороги, и они начали ворчливо ругать его, требуя, чтобы он замолчал. Тан не обращал на них внимания.

— Нет, нет, я уверен, ты ошибаешься! — воскликнул он. — Просто наш очаровательный Расфер решил сорвать на мне злобу. Но в следующий раз этого уже делать не будет. — Он обнял меня за плечи и сжал так сильно, что мне стало больно. — Ты дважды спас меня сегодня. Без твоего предостережения Расфер оба раза мог меня убить. Как тебе это удастся, Таита? Клянусь, ты — тайный колдун и обладаешь даром видеть всех насквозь. —

Он снова рассмеялся.

Как я мог погасить его радость? Тан торжествовал, как мальчишка. От этого я любил его еще больше. Не время было указывать ему на опасность, которую он сам навлек и на себя, и на всех нас, его друзей.

Ладно, пусть порадует, а завтра я заставлю его услышать голос разума и осторожности. Поэтому я отвел его домой, заштопал раны на лбу, промыл порезы своей собственной смесью травяных настоев, чтобы предотвратить заражение. Затем заставил выпить настоя порошка красного шепена и оставил доброго Крата охранять его сон.

Когда я вернулся к себе, было уже за полночь, но меня ждали посланцы из двух мест: один был от госпожи Лостры, а двое других от побежденного Расфера. Нет сомнения, куда бы я предпочел пойти в первую очередь, если бы мог выбирать. Но выбора не было. Два разбойника Расфера схватили меня и потащили туда, где он лежал на пропотевшем матрасе, изрыгая проклятья и стоны и взывая к Сету и всем богам засвидетельствовать его боль и его терпение.

— Добрый Таита! — прорычал он, с болезненным стоном приподнявшись на локте. — Ты не можешь себе представить, как мне больно. Грудь у меня горит. Клянусь, каждая косточка в ней раздроблена, и голова болит так, словно сжата ременной петлей.

Без особых усилий я подавил приступ жалости. Странное дело, но мы, врачи и лекари, не можем отказать в своих услугах даже самым отвратительным существам. Я смиренно вздохнул, раскрыл свою сумку и начал раскладывать хирургические инструменты и перевязочные материалы.

Меня очень обрадовало, что самодиагноз Расфера был абсолютно правильным. Помимо множества мелких царапин и синяков, по крайней мере три ребра у него были сломаны, а на затылке торчала шишка размером с кулак. Так что у меня был законный повод усугубить его страдания. Одно из сломанных ребер сместилось и грозило проткнуть легкое. Пока два здоровяка держали Расфера, а тот визжал и выл самым приятным образом, я вставил ребро на место и завязал ему грудь полотняными бинтами, пропитанными уксусом. Бинты сядут и сожмут грудь, когда уксус высохнет.

Затем занялся шишкой на затылке, на том месте, где он ударился головой о каменный пол. Боги часто проявляют щедрость. Когда я поднес к глазам Расфера светильник, зрачки его не расширились. У меня не было ни малейшего сомнения по поводу того, как нужно лечить. Кровавая жидкость капливалась внутри уродливого черепа. Без моей помощи Расфер наверняка умрет до следующего заката. Я отбросил в сторону очевидное искушение и напомнил себе о долге хирурга перед своим пациентом.

В Египте, наверное, найдутся только три хирурга, способных трепанировать череп и при этом надеяться на успех, и лично я, пожалуй, не стал бы доверять двум другим. Я снова приказал двум здоровякам Расфера подержать его как следует лицом вниз, чтобы он не дергался на матрасе. Судя по тому, как грубо они с ним обращались, забыв о его поврежденных ребрах, я решил, что особой любви к хозяину они не испытывают.

И снова вопли и визг наполнили ночь, делая мою работу радостнее. Я сделал полукруглый надрез вокруг шишки, а затем снял с кости широкий полукруг кожи. Теперь даже два крепких негодяя не могли удержать его на матрасе. Он бился в их руках и брызгал кровью во все стороны до самого потолка. Брызги эти покрыли нас красными пятнами, будто мы заболели красной оспой. В конце концов, отчаявшись справиться с ним, я приказал кожаными ремнями привязать его за ноги и за руки к углам кровати.

— О милый, добрый Таита, ты не представляешь, как мне больно. Дай мне хоть капельку сока твоего цветка. Умоляю тебя, друг мой, — скулил он.

Теперь, когда его надежно привязали к кровати, я мог откровенно разговаривать с ним.

— Я понимаю, мой добрый Расфер, как тебе плохо и какую боль ты испытываешь. Я тоже с благодарностью принял бы порошка этого цветка, когда ты резал меня. Но, старый друг мой, запас порошка иссяк, а следующий караван с востока, который доставит этот порошок, прибудет не раньше чем через месяц. — Я весело лгал ему, так как очень немногие

знали, что я выращивал красный шепен в своем саду. Зная, что наибольшая радость еще впереди, я достал свое сверло.

Голова человека — это единственная часть тела, которая озадачивала меня как врача. По приказу вельможи Интефа все трупы казненных преступников передаются мне. Вдобавок Тан смог привести множество превосходных образцов с поля боя в кадках с рассолом. Я рассек на части все эти трупы и образцы и теперь знаю каждую косточку в теле человека и ее место в скелете. Я проследил путь, по которому пища входит в рот и проходит через тело. Я обнаружил огромный чудесный орган — наше сердце, укоренившееся между бледными пузырьками легких. Я изучал реки тела, по которым течет кровь, и обнаружил два вида крови, определяющие настроение и чувства человека.

Первая, разумеется, это яркая и веселая кровь, которая, если разрезать сосуд ножом хирурга или топором палача, бьет через правильные промежутки времени. Это кровь счастливых мыслей и красивых чувств. Это кровь любви и доброты. Кроме того, есть также темная, угрюмая кровь, которая течет слабо и не скачет от радости, как первая. Это кровь злобы и печали, горестных мыслей и дурных дел.

Я изучил все это и заполнил сотни папирусных свитков своими наблюдениями. Я еще не знаю человека, жившего в этом мире, кто знал бы столько, сколько знаю я, а об этих лекаришках из храмов с их амулетами и заклинаниями и не говорю. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них был в состоянии отличить печень от заднепроходного отверстия, не обратившись предварительно с мольбой к Осирису, не бросив кости и не получив, разумеется, кругленькую сумму за свои услуги.

При всей своей скромности могу сказать, что ни разу не встречал человека, который бы понимал человеческое тело лучше меня, и все же голова до сих пор остается для меня загадкой. Разумеется, я понимал, что глаза видят, нос чувствует запахи, рот ощущает вкус, а уши слышат, но для чего существует бледная каша, заполняющая костяную тыкву черепа?

Я не в состоянии понять это, и никто из живших на земле людей не смог предложить мне удовлетворительное объяснение, кроме, пожалуй, Тана, который подошел к нему очень близко. Однажды мы провели с ним ночь, пробуя красное вино нового урожая, а на рассвете он проснулся и со стоном сказал:

— Сет специально поместил эту штуку в наши головы, чтобы отомстить человечеству.

Однажды я встретил человека, путешествовавшего с караваном, пришедшим из-за легендарных рек Тигр и Евфрат. Он тоже заявил, что исследовал человеческое тело. Он был мудрецом, и мы обсудили множество тайн природы за полгода, проведенные вместе. Однажды он предположил, что человеческие чувства и мысли происходят не из сердца, а из этой мягкой, аморфной сыворотки — нашего мозга. Я специально упомянул это предположение, чтобы показать, как глубоко может заблуждаться мудрый и ученый человек.

Никто из тех, кому приходилось изучать сердце, этот могучий орган, бьющийся собственной жизнью в середине нашего тела и питаемый двумя великими реками крови под защитой крепких костяных стен, не усомнится, что это и есть источник всех наших мыслей и чувств. С помощью крови сердце распространяет чувства по телу. Вы же наверняка чувствовали, как сердце ваше начинало волноваться и билось быстрее при звуках удивительной музыки, при виде красивого лица или от прекрасных слов тонкой речи? А разве в голове у вас когда-нибудь что-нибудь билось? Даже мудрец Востока вынужден был сдаться перед моей неумолимой логикой.

Ни один разумный человек не сможет поверить, что эта бескровная куча свернувшегося молока, неподвижно лежащая в костяном кувшине, может породить стихи или построить пирамиду, заставить человека полюбить или пойти войной. Даже те, кто бальзамирует трупы, вычерпывают ее, когда готовят труп для долгого путешествия в мир иной.

Однако существует один парадокс: если эту клейкую массу повредить или задеть и если жидкость, скопившаяся в теле, начинает давить на нее, пациент обречен на смерть. Требуется очень хорошее знание строения головы человека и удивительная ловкость, чтобы суметь просверлить череп и не повредить мешочек с этой кашей. Я обладаю обоими этими

качествами.

Я начал неторопливо сверлить кость черепа под непрерывные вопли Расфера, то и дело брызгая на рану уксуса, чтобы смыть осколки кости и свернувшуюся кровь. Эта едкая жидкость не улучшала состояния пациента, но усиливала громкость его голоса.

Внезапно острое бронзовое сверло прошло через череп, маленький точеный кружочек кости начал вылезать из раны под давлением крови внутри головы. Затем прямо мне в лицо ударила струя свернувшейся темной крови. Расфер обмяк. Я понял, не без тайной искорки сожаления, что он выживет. Когда же пришел кожу обратно, накрыв грозно пульсирующее отверстие, то подумал: не сослужил ли я дурную службу человечеству, сохранив жизнь этому его представителю.

Когда я уходил от Расфера, забинтовав ему голову, он уже храпел и бормотал что-то во сне в свиноподобной жалости к самому себе. Я вдруг почувствовал, что силы мои на исходе. Волнение и тревоги этого дня израсходовали даже мой огромный запас сил.

Однако отдохнуть мне не пришлось, так как посланец госпожи Лостры все еще торчал у меня на террасе и набросился на меня, стоило мне появиться там. Мне только позволили смыть кровь Расфера и сменить испачканную одежду.

Потом я заковылял к ней в комнаты, с трудом переставляя ноги. Лостра встретила меня гневным взглядом горящих глаз и грозно топнула ножкой.

— Ну и где же ты прятался, господин Таита? — тут же набросилась она на меня. — Я послала за тобой перед второй стражей, а теперь уже скоро восход. Как смеешь ты заставлять меня ждать? Ты иногда забываешь о своем положении. Ты прекрасно знаешь, как наказывают наглых рабов... — Она разошлась во всю, так как яд нетерпения не находил выхода уже несколько часов. Ее гневная красота поражала, а когда она столь восхитительно топнула ножкой, я почувствовал, что сердце мое готово разорваться от любви.

— Что ты стоишь ухмыляясь? — бушевала она. — Я и в самом деле так разгневана, что готова выпороть тебя. — И снова топнула ногой. Я почувствовал, как усталость пала с моих плеч, словно тяжелая ноша. Одно ее присутствие могло вернуть меня к жизни.

— Госпожа моя, как прекрасно сыграла ты свою роль сегодня вечером. По-моему, все, кто видел тебя, решили, что настоящая богиня ходила среди нас...

— И не пытайся увилить. — Она топнула ногой в третий раз, но уже не так уверенно. — На этот раз тебе так просто не отделаться.

— Правда, госпожа. Когда я шел из храма через толпу людей, твое имя звучало у всех на устах. Все говорили, что пела ты прекрасно и голос у тебя чистейший из тех, которые они когда-либо слышали. Ты похитила сердца всех зрителей.

— Я не верю ни одному твоему слову, — заявила она, но я заметил, что ей уже трудно сердиться. — По-моему, голос у меня сегодня был ужасным. Один раз, по крайней мере, я дала петуха и много раз спела не ту ноту.

— Мне придется возразить тебе, госпожа. Ты никогда не пела лучше, чем сегодня, а как ты прекрасна! Твоя красота освещала храм. — Моя госпожа Лостра совсем не тщеславна, но она женщина.

— Ты ужасный человек. Я в самом деле собиралась выпороть тебя. Правда собиралась. Ну ладно, иди сюда, садись рядом со мной на кровать и рассказывай. Я так взволнована, что, наверное, не буду спать целую неделю.

Она взяла меня за руку и подвела к постели, ласково щебеча о Тане и о том, как он своей прекрасной игрой и бесстрашной речью завоевал сердца всех зрителей, включая фараона; о том, как младенец Гор испачкал ее платье. Да неужели я в самом деле считаю, что пела она сегодня не так уж плохо? Может, я просто успокаивал ее? Наконец мне пришлось остановить Лостру.

— Госпожа, скоро рассвет, а нам нужно успеть присоединиться ко двору и царю, когда он отправится за реку осматривать свой погребальный храм и усыпальницу. Тебе нужно немножко поспать, чтобы хорошо выглядеть на таком важном государственном празднике.

— Я не хочу спать, Таита, — возразила она и продолжала щебетать, а через несколько

минут тихонько привалилась к моему плечу и уснула, не закончив предложения.

Я нежно опустил головку на подголовник резного дерева и накрыл ее одеялом из обезьяньего меха. Не смог заставить себя уйти сразу и на некоторое время застыл над постелью. Наконец нежно поцеловал ее в щеку. Не открывая глаз, она сонно прошептала:

— Как ты думаешь, у меня завтра будет возможность поговорить с царем о Тане? Только он может помешать отцу отослать Тана прочь.

Я не нашелся сразу и не смог ответить ей, а пока колебался, она снова уснула.

НА РАССВЕТЕ я с трудом оторвал голову от постели — казалось, едва успел закрыть глаза, как уже снова пора было их открывать. Лицо мое в бронзовом зеркале выглядело осунувшимся, глаза были красными. Я быстро наложил немного грима, чтобы скрыть следы бессонной ночи, подчеркнул контуры глаз углем и насурьмил брови. Два мальчика-раба расчесали мои волосы, и мне так понравилось, как они это сделали, что я почти радостно поспешил на личную пристань великого визиря, где пришвартовалась огромная барка царя.

Я присоединился к толпе на пристани одним из последних, но никто, казалось, не заметил моего опоздания, даже госпожа Лостра, которая уже успела подняться на палубу корабля. Я понаблюдал за ней некоторое время.

Ее пригласили присоединиться к женщинам двора. Среди них находились не только жены царя, но и его многочисленные наложницы и дочери. Именно последние досаждали фараону больше всего, так как было их очень много, целое племя, самого разного возраста — от маленьких, еще не научившихся ходить девочек до девушек, приготовившихся вступать в брак. Но сына среди них не было. Как же мог фараон передать свое бессмертие в будущее, если у него не было наследника мужского пола?

В это трудно поверить, но Лостра выглядела свежей и отдохнувшей, как роза пустыни в моем саду, хотя спала она, как и я, не больше часа или двух. Даже в столь блистательном собрании красивых женщин, которые тщательно отбирались слугами фараона или присылались ему в виде дани соседями нашего царства, Лостра казалась ласточкой в серой стае жаворонков.

Я поискал Тана глазами, но его флотилия уже выстроилась выше по течению, готовая сопровождать фараона на другую сторону реки. Лучи восходящего солнца превратили поверхность воды в ослепительно сияющий лист серебра. Я не мог смотреть на него.

В этот момент послышался ровный гул барабана, и все население вытянуло шеи, чтобы разглядеть торжественное шествие фараона от дворца к царской барке.

Этим утром фараон надел легкую корону Немее, сделанную из накрахмаленного полотна и закрепленную золотым ремнем уреи. Стоящая золотая кобра с раскрытым капюшоном и гранатовыми глазами, сверкавшими на солнце, поднималась надо лбом. Эта кобра была символом власти царя над жизнью и смертью его подданных. Сегодня у фараона не было посоха и плети, он нес только золотой скипетр: если не считать двойной короны, этот скипетр был одним из величайших и священнейших сокровищ царской казны. Считалось, что ему более тысячи лет.

Несмотря на наличие всех атрибутов царской власти и необходимость соблюдения церемониала, на фараоне не было грима. Мамос выглядел совершенно незначительным человеком под прямыми лучами раннего солнца, и отсутствие грима только усиливало это впечатление. Он казался маленьким слабым божеством, чуть старше среднего возраста, с небольшим круглым животиком над поясом и лицом, изборозженным тревожными морщинками.

Когда он проходил мимо того места, где я стоял, то, казалось, узнал меня. Кивнул мне, и я простерся перед ним на каменном полу. Остановился и дал мне знак приблизиться. Я подполз к нему на четвереньках и трижды ударился лбом о землю перед его ногами.

— Ты ведь, Таита, поэт? — спросил он своим тонким и сварливым голосом.

— Да, я раб Таита, ваше величество. — Иногда требуется проявить некоторое смирение. — Я царапаю разные истории на папирусе.

— Хорошо, раб Таита, ты нацарапал приятную мистерию ко вчерашнему вечеру. Никакое другое представление еще не развлекало меня так, как это. Я издам царский указ, и твои каракули станут государственным вариантом мистерии.

Он объявил об этом громче, чтобы весь двор услышал его слова, и даже вельможа Интеф, следовавший за ним по пятам, засиял от удовольствия. Я был его рабом, и честь эта принадлежала скорее ему, чем мне. Однако фараон еще не закончил.

— Скажи мне, раб Таита, не ты ли тот самый хирург, который недавно выписал мне рецепт?

— Ваше величество, я тот самый смиренный раб, который робко пытается лечить людей лекарствами.

— Когда же подействует твое средство? — Он понизил голос так, чтобы я один слышал его вопрос.

— Ваше величество, это случится через девять месяцев после того, как вы выполните все те условия, которые я вам перечислил. — Поскольку теперь мы разговаривали как врач и пациент, у меня хватило смелости спросить: — А вы полностью следовали моей диете?

— Клянусь щедрой грудью Исиды! — воскликнул он, и в глазах у него неожиданно мелькнула веселая искорка. — Я так полон бычьими яйцами, что скоро буду мычать, когда мимо дворца проходит стадо коров.

У него было очень хорошее настроение, и я тоже решился пошутить:

— А фараон уже нашел телушку, о которой я говорил?

— Увы, лекарь, все не так просто, как кажется. Самые красивые цветы уже успели посетить пчелы. Ты ведь сказал, что она должна быть совершенно нетронутой?

— Да, девственной и нетронутый, и не старше года после первых красных цветков месячных, — быстро добавил я, усложнив свой рецепт. — Нашли ли вы кого-нибудь, кто соответствовал бы этому описанию, ваше величество?

Выражение его лица снова изменилось, и он задумчиво улыбнулся. На его печальном лице улыбка казалась неуместной.

— Посмотрим, — прошептал, — посмотрим.

Он повернулся и пошел по сходням на корабль. Когда вельможа Интеф поравнялся со мной, он легким жестом приказал мне следовать за собой, и я прошел на палубу царской барки.

Ночью ветер стих, темные воды реки текли тяжело и спокойно, как масло, только небольшие полосы и водовороты нарушали покой стремнины там, где вечная река была особенно глубока. Даже Нембет смог бы пересечь ее при такой погоде. Однако флотилия Тана стояла поблизости, словно напоминая о вчерашней неудаче, будто Тан готовился снова исправить ошибку старого флотоводца.

На борту корабля вельможа Интеф отвел меня в сторону.

— Ты все еще можешь удивлять меня, мой милый, — прошептал он и пожал мне руку. — Причем именно тогда, когда у меня появились серьезные сомнения в твоей верности.

Я был совершенно ошеломлен неожиданным всплеском добродушия — ведь рубцы, оставленные кнутом Расфера, еще жгли мне спину. Тем не менее я склонил голову, чтобы скрыть выражение своего лица, и подождал, пока он скажет, чем это я его обрадовал. Он не заставил меня ждать.

— Я сам не смог бы написать более подходящей речи для Тана, даже если бы постарался. Этот безумец Расфер так отвратительно подвел меня, а ты, как обычно, спас.

Только после этого все встало на свои места. Он решил, что это я сочинил глупейшую речь Тана и сделал это ради него. В реве, который заполнил храм во время представления, он не мог расслышать, как я предостерег Тана, иначе был бы другого мнения.

— Я рад доставить вам удовольствие, — шепнул я в ответ. Я почувствовал огромное облегчение. Мое положение при дворе великого визиря не было скомпрометировано. И думал я сейчас не о своей шкуре, точнее говоря, не только о своей — я думал о Тане и

Лостре. В последующие годы им обоим понадобится моя помощь и защита, которую я смогу предоставить им. Я был благодарен судьбе за то, что все еще мог быть им в чем-то полезен.

— Это мой долг. — Нужно было воспользоваться сменой ветра.

— Ты увидишь, я отблагодарю тебя, — ответил вельможа Интеф. — Помнишь участок земли у канала за храмом Тота, о котором мы говорили некоторое время назад?

— Конечно, мой господин. — Мы оба знали, как я жаждал приобрести участок уже почти десять лет. Это уединенное место даст мне прекрасное убежище, куда я смогу удалиться в старости.

— Он твой. На следующей аудиенции принеси мне дарственную, и я поставлю свою подпись.

Меня до глубины души потрясла невероятная хитрость, которая доставила мне желаемое. Ведь, по сути, мне оплатили воображаемое предательство. В какое-то мгновение я решил было отказаться от подарка, но потом передумал. Когда опомнился, мы уже пересекли реку и входили в устье канала, проложенного через равнину к громадному погребальному храму фараона Мамоса.

Я сам наблюдал за строительством канала практически без помощи дворцовых архитекторов и сам разработал сложный процесс транспортировки тела фараона от места смерти к погребальному храму, где произойдет мумификация тела.

Я предполагал, что фараон умрет в своем дворце на прекрасном маленьком островке Элефантина. Оттуда барка государства доставит его тело вниз по реке к устью канала, который был спланирован мною так, чтобы огромный корабль входил в него, словно меч в ножны.

Прямой, как клинок кинжала, канал пересекал черные земли прибрежной равнины на расстоянии двух тысяч шагов и кончался у подножия скалистых холмов Сахары. Десятки тысяч рабов несколько лет прокладывали его и укрепляли берега каменными плитами. Как только корабль вошел в канал, две сотни крепких рабов подхватили буксирные канаты с носа корабля и начали плавно тянуть его через равнину. Они запели печальную и мелодичную рабочую песню и пошли в несколько рядов по тропе бурлаков. Крестьяне, работавшие на полях возле канала, побежали к берегу, чтобы приветствовать нас. Они толпой собрались на берегу, призывая богов благословить царя и размахивая пальмовыми ветками, когда величественный корабль проплывал мимо них.

Когда мы наконец скользнули к каменной пристани у внешних стен незаконченного храма, рабы закрепили буксировочные канаты на швартовочных кольцах. Я так точно рассчитал размеры пристани, что башня посередине корабля оказалась на уровне ворот главного входа в храм. Как только огромная барка остановилась, трубач торжественно затрубил в рог газели. Медленно поднялась решетка ворот, и мы увидели царский катафалк, который ожидал прибытия фараона в воротах храма, окруженный бальзамировщиками в алых одеждах и пятьюдесятью жрецами Осириса, стоявшими в один ряд позади них.

Жрецы запели и со стуком начали толкать катафалк к барке по деревянным каткам, пока не вкатили его на палубу. Фараон захлопал в ладоши от удовольствия и поспешил осмотреть это чудовищное строение.

Я не принимал участия в этом празднике дурного вкуса. Всю церемонию и все украшения выдумали жрецы. Достаточно сказать, что в ярком солнечном свете излишки золота на катафалке сияли так ярко, что резали глаз почти так же, как и грубый аляповатый рисунок барельефа. Золотой экипаж весил много, жрецы запыхались и вспотели, пока втаскивали неуклюжий ковчег на палубу. Даже наша огромная барка угрожающе накренилась. Такого количества золота хватило бы, чтобы заполнить зерном все хранилища Верхнего царства или чтобы построить и снабдить пятьдесят флотилий боевых лодок и выплатить жалованье их командам на десять лет вперед. Так неумелый ремесленник пытается скрыть бедность вдохновения ослепительной роскошью материалов. Если бы мне только дали возможность поработать с таким количеством драгоценностей, результаты были бы иными.

Теперь же чудовищный ковчег должен был уйти в могилу вместе с мертвым телом фараона. Его сооружение стало основной причиной разорения царства. Однако фараон был в восторге.

По предложению вельможи Интефа царь взобрался на ковчег и уселся на подиуме, который будет нести его саркофаг. Оттуда он обвел всех сияющим взглядом, забыв о царственной сдержанности и достоинстве. Казалось, он еще никогда так не радовался в своей печальной жизни, горько подумал я. Его смерть должна была стать той высотой, к достижению которой он и направлял всю свою жизненную энергию и которую предвкушал.

Внезапно, по какому-то побуждению, фараон кивком предложил вельможе Интефу присоединиться к нему, а потом оглядел толпу, будто искал в ней кого-то. Казалось, он нашел то, что искал, слегка наклонился и сказал что-то великому визирю.

Вельможа Интеф улыбнулся и, поглядев в ту же сторону, позвал из толпы госпожу Лостру, жестом приказав ей подняться на вершину ковчег. Приглашение смутило ее, и даже из-под грима было видно, что она покраснела, а такое с ней случается очень редко. Ее трудно вывести из себя. Однако она быстро опомнилась и взобралась на ковчег с девичьей грацией, которая сразу привлекла к ней внимание всех присутствующих.

Она встала на колени перед царем и трижды коснулась лбом пола подиума. Затем перед лицом всех жрецов и своего двора фараон совершил невероятный поступок. Он наклонился и, взяв Лостру за руку, поднял на ноги и посадил рядом с собой. Это было нарушением церемониала, и история не знала такого прецедента. Я увидел, как министры обменялись изумленными взглядами.

А затем случилось такое, чего даже они не могли предполагать — они просто не заметили этого. Когда я был еще очень молод, на половине мальчиков жил старый глухой раб. Он подружился со мной и научил читать по губам людей их речи, не довольствуясь только звуками, которые покидают уста. Это оказалось очень удачным приобретением. С его помощью я мог следить за разговором, происходившим в дальнем конце переполненного зала, где играли музыканты, а сотни людей смеялись и кричали что-то друг другу.

И вот я собственными глазами увидел, как фараон мягко сказал госпоже Лостре:

— Даже при дневном свете вы не менее божественны, чем богиня Исида в свете факелов.

Его слова ударили меня, как кулак в солнечное сплетение. Неужели я ослеп, отчаянно ругал я себя, неужели я стал настолько глуп? Даже слабоумный мог бы предвидеть, в каком направлении мое легкомысленное вмешательство направит судьбу, кости которой были брошены вчера вечером.

Мой веселый совет царю по поводу матери его будущего ребенка наверняка привлек его внимание к госпоже Лостре. Казалось, будто какое-то злое наваждение специально заставило меня описать ему Лостру в качестве матери его первого сына. Да, разумеется, именно она самая красивая девственница страны, и ее нужно взять в жены не позже чем через год после ее первых месячных. Я описал ее точно, а потом дал ей главную роль в мистерии и показал царю в самом выгодном свете.

Когда я внезапно осознал, что должно было произойти по моей вине, меня словно ударили чем-то тяжелым по голове. Казалось, я намеренно подстроил все это. Более того, теперь я уже ничего не мог исправить. Я стоял под яркими лучами солнца. Ужас и раскаяние сковали меня, лишив дара речи.

Вспотевшие жрецы столкнули наконец ковчег с палубы и потащили его через ворота, толпа придворных направилась вслед за ними, и меня волей-неволей понесло вместе с ней, словно лист, попавший в струю реки. Прежде чем я пришел в себя, я оказался во внутреннем дворике погребального храма. Мне пришлось проталкиваться через толпу, чтобы догнать ковчег, прежде чем он окажется у главного входа в царскую усыпальницу.

Одни жрецы толкали ковчег вперед, другие поднимали освободившиеся катки и бежали с ними вперед, чтобы подложить их под чудовищный золотой экипаж. Когда ковчег достиг участка двора, который еще не был выложен каменными плитами, произошла задержка.

Пока жрецы разбрасывали солому, чтобы смягчить движение ковчега по неровной земле, я быстро проскользнул вокруг ряда каменных львов и по свободному пространству побежал вперед. Один из жрецов попытался загородить мне дорогу, но я одарил его таким взглядом, под которым даже каменный лев задрожал бы, и выплюнул ему в лицо одно слово из тех, что редко услышишь в храмах. Он поспешно отступил в сторону и дал мне пройти.

Когда я добрался до борта ковчега, то оказался прямо под Лострой, так близко от нее, что мог протянуть руку и коснуться ее пальцев. Я слышал каждое слово. И сразу же понял, что она полностью овладела собой и преодолела смятение, вызванное неожиданным интересом к ее особе со стороны фараона. Теперь она старалась вести себя самым приятным образом. С отчаянием в сердце я вспомнил, что именно это она и собиралась сделать, чтобы воспользоваться благосклонностью царя и получить согласие на замужество с Таном. Не далее вчерашнего вечера я отбросил ее предположение, как девичью болтовню, но теперь она пыталась осуществить его перед моими глазами, и я был не в силах это предотвратить или предупредить об опасности.

Если в начале своей хроники я создал впечатление, будто госпожа Лостра — просто беззаботный ребенок, у которого нет ни одной мыслишки в головке, а одна только романтическая чепуха и легкомысленное желание наслаждаться жизнью, это было очень неудачным приложением сил историка, описывающего столь необычайные события. Хотя она и была еще очень молода, но временами казалась намного старше своих лет. Наши египетские девушки расцветают рано под горячим солнцем Нила. Кроме того, она была усердной ученицей, умной, вдумчивой и пытливой по своей природе, а я приложил все усилия, чтобы развить ее положительные качества за прошедшие годы.

Под моим руководством она достигла таких высот, что могла говорить со жрецами о самых трудных вопросах религии. Могла беседовать с законниками о таких вещах, как закон о владении землей или чрезвычайно запутанный закон об орошении, который регулировал использование воды Нила. Я уже не говорю о том, что она прочла и усвоила каждый свиток дворцовой библиотеки. А среди них было несколько сотен свитков, написанных мною, которые посвящены таким разным проблемам, как медицина и тактика морского боя, астрология, имена и природа небесных тел, а также руководства по стрельбе из лука и фехтованию, сельскому хозяйству и соколиной охоте. Она даже могла вести со мной спор об основах архитектуры, сравнивая мои принципы с принципами великого Имхотепа.

Таким образом, ее знаний было достаточно, чтобы говорить о чем угодно: от астрологии до военных действий и политики, строительстве храмов, измерении уровня воды Нила или регулировании полива, то есть о всех тех предметах, которые интересовали фараона. Кроме того, она легко сочиняла веселые стишки и загадки, часто шутила, язык ее был почти столь же богат, как и мой. Короче говоря, была прекрасным собеседником, стремительным и с хорошим чувством юмора. Говорила ясно, голос ее был очарователен, а когда смеялась, заражала весельем всех окружающих. В самом деле, ни человек, ни бог не смогли бы устоять перед ней, особенно если бы она обещала ему наследника.

Мне нужно было предупредить ее. Однако как мог я, раб, вмешиваться в беседу особ, стоящих так высоко надо мной? Я беспокоился скакал рядом с ковчегом, прислушиваясь к голосу госпожи Лостры, который звучал особенно очаровательно, так как она решила увлечь царя, понравиться ему.

Теперь она описывала ему, как строился погребальный храм и как его разместили на местности, чтобы он наилучшим образом соответствовал астрономическим наблюдениям за положением Луны и зодиакальных созвездий в момент рождения фараона. Разумеется, она всего лишь пересказывала знания, полученные от меня. Однако голос звучал очень убедительно, и я вдруг поймал себя на мысли, что вслушиваюсь в объяснения, как будто слышу их в первый раз.

Погребальный ковчег прошел мимо пилонов внутреннего двора храма и покатился вдоль длинного атриума с колоннадой по бокам, мимо закрытых решетчатых дверей охраняемых стражей сокровищниц, где изготовлялись и хранились погребальные дары,

которые отправятся в могилу вместе с фараоном. В дальней части атрия находились двери, выполненные из древесины акации, украшенные резными фигурками богов нашего пантеона. Они распахнулись, и мы оказались в погребальном зале, где в один прекрасный день будет мумифицировано тело фараона.

Здесь, в этом мрачном зале, фараон спустился с ковчега и прошел вперед, чтобы осмотреть погребальный стол, на котором будет лежать его тело во время обряда мумификации. Стол этот вырезали из цельной глыбы диорита, длиной он был три сажени и шириной две. В темной поверхности пятнистой каменной плиты выбили ямку для затылка царя и небольшие канавки, по которым будут стекать кровь и иные телесные жидкости, выпущенные скальпелем и другими инструментами бальзамировщиков.

Главный мастер бальзамировщиков стоял около стола, приготовившись описывать процедуру мумификации, и фараон стал очень внимательно слушать, так как его чрезвычайно интересовала каждая отвратительная подробность этого ритуала. В какой-то момент мне даже показалось, что он вот-вот забудет о достоинстве царя, вскарабкается на диоритовую плиту и посмотрит, как на ней лежится. Как будто это новый полотняный наряд, принесенный портным на примерку!

Он с видимым усилием взял себя в руки и стал слушать рассказ бальзамировщика о том, как будет сделан первый надрез от пищевода до паха, через который затем вынут его внутренности и разделит их на разные части: печень, легкие, желудок и кишки. Сердце как источник божественной искры будет оставлено на своем месте, как и почки, которые связаны с водой и Нилом, источником жизни.

После столь бодрящего рассказа фараон тщательно осмотрел четыре-канопы, приготовленные для его внутренностей. Они стояли неподалеку на небольшом гранитном столике. Это были вазы, вырезанные из светящегося полупрозрачного алебастра молочного цвета. Их пробки выполнены в форме звериных голов наших богов; шакала — Анубиса, крокодила — Собе́та, ибиса — Тота и львицы — Сехмет. Они будут охранять божественные части тела фараона, пока тот не проснется для вечной жизни.

На том же гранитном столике, где стояли канопы, бальзамировщики разложили полный набор своих инструментов, горшочков и амфор с селитрами, лаками и другими веществами, используемыми в процессе мумификации. Фараона очаровали сияющие бронзовые скальпели, которыми его будут потрошить, а когда ему показали длинную заостренную ложку для вычерпывания через ноздри содержимого черепа, той самой сыворотки, о назначении которой я долго и тщетно размышлял, его это так увлекло, что он долго с благоговейным страхом рассматривал мрачный инструмент.

Как только царь удовлетворил свое любопытство у столика бальзамировщиков, госпожа Лостра привлекла его внимание к раскрашенным барельефам, которые покрывали стены храма от пола до потолка. Они еще не были закончены, но многие из них потрясали мастерством исполнения и широтой замысла. Большую часть эскизов я нарисовал своей собственной рукой и внимательно следил за тем, как дворцовые художники делали остальные эскизы. Их контуры наносились на стены угольными палочками. Когда контуры были готовы, я проверял и исправлял их. Потом бригада мастеров-скульпторов вырезала барельефы в глыбах песчаника, а бригада художников раскрашивала их.

На стенах главенствовал синий цвет во всех возможных его оттенках: темно-синий — крыла скворца, голубой — неба и вод Нила под солнцем, синий — лепестков орхидеи пустыни и мерцающая голубизна окуня, бьющегося в сети у рыбака. Были там, однако, и другие цвета: различные оттенки красного и желтого, которые так нравятся нам, египтянам.

В сопровождении вельможи Интефа, хранителя царских гробниц, фараон медленно обошел стены зала, тщательно осматривая каждую деталь рисунка и часто выражая свое впечатление. Конечно, для этого зала я избрал сюжеты из «Книги Мертвых», которая дает точную карту пути в подземное царство и описание испытаний, что ожидают души умерших на пути к вечной жизни. По этому пути пройдет и душа фараона.

Он надолго остановился перед моим рисунком, изображавшим бога Тота с птичьей

головой и длинным клювом ибиса, который взвешивал на весах сердце фараона. На второй чаше лежало перо истины. Если сердце фараона нечисто, оно перетянет перо, и тогда бог бросит его чудищу с головой крокодила, стоящему рядом, и тот сожрет сердце. Царь тихо произнес защитное заклинание из «Книги Мертвых», чтобы оградить себя от такой напасти, а затем прошел к следующему рисунку.

Был уже почти полдень, когда фараон закончил осмотр погребального храма и во главе своей свиты отправился в передний двор, где дворцовые повара подали роскошный обед на открытом воздухе.

— Иди сюда, сядь рядом со мной. Здесь я смогу поговорить с тобой о звездах! — Царь опять пренебрег традициями старшинства и поместил госпожу Лостру рядом с собой за обеденным столом, заставив подвинуться одну из старших жен. Во время приема пищи он постоянно беседовал с моей госпожей. Теперь она чувствовала себя очень уверенно и очаровала царя и всех сидевших рядом с ним своим остроумием и красотой.

Разумеется, я, раб, не мог сидеть за их столом, как не мог и пробраться поближе к своей госпоже, чтобы уговорить ее вести себя скромнее в присутствии царя. Вместо этого я нашел себе место на пьедестале у ног гранитных львов, откуда мог наблюдать все, что происходит за обеденным столом, и видеть всех, сидящих за ним. Не я один наблюдал за своей госпожей. Вельможа Интеф тоже сидел рядом с царем и словно со стороны наблюдал за ними своими блестящими безжалостными глазами, как красивый, но смертоносный паук, сидящий в своей сети.

Во время обеда желтоклювый ястреб вдруг пронесся над столом и издал резкий, насмешливый и издевательский крик. Я поспешно сделал знак, защищающий от сглаза. Кто знает, какой бог принял образ птицы, чтобы вмешаться и спутать планы людей?

После обеда двор обычно отдыхал около часа, особенно в такое жаркое время года. Тем не менее фараон сегодня был так взволнован, что не пожелал отдыхать.

— А теперь мы осмотрим сокровищницы, — объявил он. Стражи, охранявшие вход в первую сокровищницу, встали по сторонам от двери и приветствовали царскую свиту. Двери распахнулись навстречу царю.

Я построил шесть сокровищниц не только как хранилища огромных погребальных даров, которые фараон собирал последние двенадцать лет с самого своего восхождения на трон. Обширные мастерские и целое войско ремесленников постоянно работали, умножая его богатства.

Мы вошли в зал, где помещалась оружейная. Здесь находилось собрание оружия и принадлежностей войны и охоты, как реальных, так и обрядовых, которые царь возьмет с собой в загробный мир. С согласия вельможи Интефа я приказал ремесленникам оставаться у своих верстаков, чтобы царь имел возможность понаблюдать за их работой.

Когда фараон медленно проходил вдоль ряда верстаков, он часто задавал знати и жрецам из своего окружения такие сложные и детальные вопросы, что те не могли ответить ему и стали искать кого-нибудь, кто пояснял бы царю действия мастеров. Меня поспешно вытащили из задних рядов свиты и вытолкали вперед к фараону.

— Ах да, — скривился фараон, узнав меня. — Это не кто иной, как наш смиренный раб, который пишет мистерии и лечит больных. Никто из присутствующих здесь, кажется, не знает составных частей сплава проволоки, обернутой вокруг древка боевого лука, который делает для меня этот человек.

— Великодушный фараон, этот металл получен из сплава одной части меди, пяти частей серебра и четырех частей золота. Золото здесь использовано красное, которое добывается только в шахтах Лота в западной пустыне. Никакое другое золото не придает проволоке необходимой гибкости и упругости, как вы можете убедиться.

— Да, могу, — кисло согласился царь. — А как вам удастся делать нити столь тонкими? Они не толще волос на моей голове.

— Ваше величество, мы вытягиваем горячий металл, раскачивая его маятником, который я изобрел для этой цели. Позже мы сможем увидеть этот процесс у златокузнецов,

если ваше величество пожелает.

Все оставшееся время я провел рядом с царем, и мне удалось отвлечь его внимание от Лостры. Однако мне не представилось возможности поговорить с ней с глазу на глаз.

Фараон обошел оружейную и осмотрел огромное собрание хранившихся там оружия и доспехов. Некоторые из них принадлежали его предкам и использовались в битвах. Другие же изготовили недавно, и сражений они никогда не узнают. Все они были великолепны. Каждое являлось вершиной оружейного мастерства. Среди них были шлемы и нагрудники из бронзы, серебра и золота, боевые мечи с рукоятками из слоновой кости, украшенными драгоценными камнями, полные торжественные облачения командующих лучшими частями войск царя, большие и маленькие щиты из кожи гиппопотама и крокодила, покрытые розетками из золота. Собрание это было великолепное.

Из оружейной мы проследовали через атрий к хранилищу мебели, где сотни краснодеревщиков обрабатывали кедр и драгоценное черное дерево, изготавливая обстановку усыпальницы, которая будет сопровождать царя в путешествии в мир иной. В нашей прибрежной долине растет мало крупных деревьев, и древесина — такой редкий и ценный материал, что стоит она почти столько же, сколько серебро. Каждую палочку приходится везти за сотни миль, либо изза пустыни, либо с юга, с верховий Нила, из тех таинственных земель Куша. Здесь же древесина лежала громадными кучами, как будто это был самый обычный товар. Аромат свежих опилок наполнял жаркий воздух.

Мы посмотрели, как ремесленники делают инкрустацию на изголовье кровати фараона, покрывая рисунок листовым серебром и пластинками древесины разного цвета. Другие краснодеревщики украшали подлокотники кресел золотыми соколами, а спинки обитых кожей диванов — серебряными головами львов. Даже в дворцовых залах острова Элефантина не было столь изящных предметов, которые украсят погребальную камеру царя, вырубленную в скале.

Из сокровищницы мебели мы прошли в зал скульпторов. Там хранятся мрамор, песчаник и гранит сотен различных оттенков. Скульпторы вырезали, вырубали и вытесывали свои произведения. Тонкая белая пыль висела в воздухе. Каменных дел мастера закрывали носы и рты полотняными повязками, и пыль покрывала их лица и одежду белой пудрой. Пудра эта вредоносна. Некоторые мастера кашляли, не снимая масок, и этот сухой и долгий кашель характерен для их профессии. Я вскрыл множество трупов старых скульпторов, которые проработали тридцать лет и умерли за своей работой. Я обнаружил, что легкие их затвердели и превратились в камень, поэтому старался проводить как можно меньше времени в мастерских каменотесов, чтобы не подхватить ту же болезнь.

Произведения поражали глаз, а статуи богов и самого фараона, сделанные их руками, казалось, наполняли трепетная жизнь. В мастерской стояли фигуры фараона реального размера, где он изображался сидящим на троне или гуляющим, живым или мертвым, в образе бога или смертного. Эти статуи встанут в два ряда вдоль длинной насыпи, которая протянется от погребального храма в речной долине к стене черных холмов, где будет выкопана усыпальница. После его смерти катафалк будет запряжен сотней белых буйволов, и они потащат тяжелый саркофаг по насыпи к месту последнего упокоения фараона.

Монолитный саркофаг из гранита, еще не законченный, лежал в центре зала. Когда-то цельную глыбу розового гранита привезли к берегу реки из шахт Асуана и оттуда на корабле переправили сюда. Корабль был построен специально для этой цели. Понадобилось пятьсот рабов, чтобы вытащить ее на берег и по деревянным каткам доставить в мастерскую, где она и лежала сейчас. Длинной глыба была пять саженьей, а шириной и высотой — три.

Сначала каменщики срезали толстую плиту с вершины. На гранитной крышке главный каменщик вырезал лицо мумии фараона, тело и руки, скрещенные на груди с посохом и плетью. Другая бригада камнерезов выдалбливала сердцевину гранитной глыбы, чтобы сделать гнездо, куда поместится множество внутренних гробов. Включая огромный внешний саркофаг, всего их будет семь штук, и они войдут один в другой, как детская головоломка. Семь, разумеется, число магическое. Внутренний гроб будет сделан из чистого золота. Чуть

позже мы наблюдали, как златокузнецы выковывали из бесформенной массы металла его красивые очертания.

Весь этот многослойный саркофаг, эта гора камня и золота, куда будет помещено забинтованное тело царя, поедет на колоссальном золотом катафалке по насыпи к черным холмам, и его неторопливое путешествие займет семь дней. Катафалк будет останавливаться на ночь у одного из небольших святилищ, которые строятся вдоль насыпи.

Интереснейшие статуэтки делались в мастерской ушебти, расположенной в пристройке к залу камнерезов. Там, в конце зала, вырезали фигурки слуг и придворных, которые будут сопровождать царя в загробном мире. Это были совсем маленькие статуэтки, представляющие все слои египетского общества, тех людей, кто будет обслуживать фараона по ту сторону жизни. Они помогут ему содержать дом подобающим царю образом.

Каждая ушебти — великолепно вырезанная из дерева кукла, одетая в настоящую одежду человека определенной профессии, и их всегда изображали с соответствующими инструментами. Были тут крестьяне и садовники, рыбаки и пекари, пивовары и служанки, воины и сборщики податей, певцы и цирюльники, и сотни простых работников, которые будут выполнять тяжелую работу всякий раз, когда боги прикажут царю сделать что-либо в подземном царстве.

А во главе всего собрания маленьких статуэток стоял великий визирь, чьи черты очень походили на черты вельможи Интефа. Фараон взял эту фигурку и внимательно осмотрел ее. Перевернув статуэтку, он прочел надпись на спине: «Мое имя — вельможа Интеф, великий визирь Верхнего царства. Единственный товарищ фараона, трижды удостоенный. Золота похвалы». Я всегда готов ответить за своего царя».

Фараон передал куклу вельможе Интефу.

— А что, вельможа Интеф, у тебя действительно такое сильное тело? — спросил он, и улыбка чуть было не появилась на его хмуром лице. Великий визирь слегка поклонился.

— Скульптору не удалось верно передать мой облик, ваше величество.

Последней сокровищницей, которую посетил царь, стала мастерская златокузнецов. Адское пламя горнов отбрасывало потусторонний свет на лица ювелиров, которые сосредоточенно работали за своими верстаками. Я научил их, как себя вести. Когда вошла царская свита, златокузнецы дружно преклонили колена и трижды коснулись лбами пола перед фараоном, а затем встали и снова принялись за работу.

Несмотря на размеры зала, пламя горнов так раскалило воздух, что у всех перехватило дыхание и скоро свита стала обливаться потом. Однако царя настолько увлекли выставленные здесь сокровища, что он, казалось, не замечал духоты. Сразу же прошел к небольшой площадке в конце зала, где работали самые опытные и умелые ювелиры. Они делали золотые внутренние гробы. Им удалось великолепно передать черты лица фараона, воплотив его в мерцающем металле. Погребальная маска точно ляжет на забинтованную голову. Лицо его в образе бога украшали глаза из обсидиана и горного хрусталя, на лбу поднимала голову кобра. Я искренне верю, что за всю тысячелетнюю историю нашей цивилизации не сделано более тонкого ювелирного изделия. Это было вершиной, зенитом ювелирного мастерства. Еще не рожденные поколения через множество веков будут восхищаться великолепием этой маски.

Даже рассмотрев маску со всех сторон, фараон, казалось, не мог расстаться с ней надолго. Он провел весь остаток дня либо на этой площадке, либо около нее, сидя на низенькой табуретке, пока слуги подносили ему одну за другой кедровые шкатулки, наполненные редчайшими драгоценностями. Шкатулки ставили у его ног и читали список находившихся там сокровищ.

Невозможно представить себе, что такие сокровища когда-либо удавалось собрать в одном месте и в одно время. Перечисление находившихся там предметов не может дать представления о богатстве и разнообразии драгоценностей. Тем не менее для начала я могу сказать, что в кедровых шкатулках лежало шесть тысяч четыреста пятьдесят пять отдельных ювелирных изделий. Неутомимый труд ювелиров непрерывно увеличивал количество

драгоценных украшений.

Были там кольца как для рук, так и для ног фараона, амулеты и талисманы, золотые фигурки богов и богинь, золотые ожерелья, браслеты, нагрудные медальоны и пояса с инкрустированными изображениями сокола, стервятника и других существ, населяющих землю, воздух и реку. Были там короны и диадемы, украшенные лазуритом, гранатом, агатом, сердоликом, яшмой и прочими драгоценными камнями, столь дорогими сердцу цивилизованного человека.

Мастерство, с которым были задуманы и изготовлены украшения, стало кульминацией тысячелетней истории ювелирного искусства. Часто народы создают прекраснейшие произведения именно в период упадка. Когда империи растут, народы заняты войной и накоплением богатства. Только достигнув вершины, они находят время и желание развивать искусство, и, что, пожалуй, еще важнее, в них появляются богатые и влиятельные люди, готовые покровительствовать художникам.

Вес золота и серебра, уже использованного для изготовления катафалка и погребальной маски, а также всего умопомрачительного собрания сокровищ, превосходил пятьсот тахов. Потребовалось бы пятьсот крепких мужчин, чтобы поднять его. Я подсчитал, что это составляло одну десятую веса всех драгоценных металлов, когда-либо добытых в нашей стране за ее тысячелетнюю историю. И царь намеревался забрать эти сокровища с собой в могилу.

Как могу я, смиренный раб, сомневаться в цене, которую каждый готов заплатить за право вечной жизни? Собирая сокровища, царь одновременно не прекращал войны с самозванцем севера. Одного этого было достаточно, чтобы повергнуть Египет в нищету.

Нет ничего удивительного в том, что Тан назвал поборы сборщиков податей в числе ужаснейших бед народных. Ведь все мы словно зажаты в тисках между бандами разбойников, безнаказанно рыщущих по нашей стране за пределами городов, и сборщиками податей внутри городских стен. Бремя это столь тяжело, что никто не способен его вынести. Если хочешь выжить, постарайся избежать сетей сборщика податей. Вот так, повергая нас в нищету ради собственного величия, царь одновременно обращал нас в преступников. Очень немногие из нас, великих и малых, богатых и бедных, могли спать спокойно. Все мы просыпались в ужасе, когда во сне нам чудился стук колотушки сборщика податей.

О горестная и обездоленная земля, как стонешь ты под тяжким бременем!

В НЕКРОПОЛЕ на западном берегу Нила приготовили роскошные покои, где царь проведет ночь неподалеку от места своего последнего упокоения в черных холмах Сахары.

Некрополь — Город Мертвых — был почти столь же обширен, как и Карнак. Он стал домом для всех, кто строил и содержал в порядке погребальный храм и царскую усыпальницу. Здесь находился целый отряд личной стражи фараона, который должен был охранять священные места, так как и узурпатор Севера, и князья разбойников пустыни, наглевшие с каждым днем, жаждали сокровищ нашего скупого царя. Сокровищницы погребального храма притягивали разбойников в обоих царствах, да и за их пределами.

Кроме стражи, здесь находились бригады ремесленников и художников с их учениками, а им тоже нужно было где-то жить. Я отвечал за учет выдачи жалованья и довольствия, поэтому точно знал, сколько их было в городе. Последний раз жалованье выплатили четырем тысячам восьмистам одиннадцати ремесленникам. Помимо них в городе находилось более десяти тысяч рабов, занятых на различных работах.

Я не стану утомлять себя перечислением быков, овец, которых приходилось забивать каждый день на прокорм населения Некрополя. Я не буду говорить, сколько корзин с рыбой доставлялось с Нила и сколько тысяч кувшинов вина каждый день утоляли жажду работников, не покладая рук трудившихся под зоркими взглядами и быстрыми кнутами надсмотрщиков.

Некрополь был настоящим городом, и в этом городе стоял дворец для царя. С чувством облегчения отправились мы в тот дворец на ночь, поскольку день утомил нас, но для меня

отдыха по-прежнему не предвиделось.

Я попытался пройти к госпоже Лостре, но, казалось, будто все сговорились не пускать меня к ней. Сначала она была занята туалетом, по словам маленьких черных служанок, затем принимала ванну, потом отдыхала, и ее нельзя было беспокоить. В конце концов я не дождался. Меня вызвали к ее отцу, я не мог больше оставаться в прихожей и поспешил к своему господину.

Когда я вошел в спальню, вельможа Интеф отпустил всех присутствующих. Как только мы остались одни, он поцеловал меня, и я снова был поражен его добродушием и обеспокоен торжествующим видом. Я редко заставлял его в таком настроении, и это всегда предвещало беду.

— Как часто дорога к власти и богатству пролегает в самом неожиданном месте! — со смехом сказал он мне и погладил по лицу. — На этот раз она пролегает между ног женщины. Не надо, мой милый, не надо разыгрывать невинность. Я знаю, с какой хитростью ты провернул это. Фараон сам мне рассказал, как ты соблазнил его, пообещав наследника. Клянусь Сетом, ну и хитер же ты! И ты не проронил ни слова о своих планах. Сам решил осуществить заговор?

Он снова рассмеялся и потянул локон моих волос, намотав его на палец.

— Ты, наверное, давно догадался о самом заветном моем желании, хотя мы никогда открыто о нем не говорили.

И решился помочь мне. Разумеется, мне следовало бы наказать тебя за такую самонадеянность. — Вельможа потянул за волосы, и слезы потекли у меня из глаз. — Но как могу я гнеться на тебя за то, что ты положил мне в руки двойную корону Египта? — Он отпустил мои волосы и снова поцеловал меня. — Я только что вернулся от царя. Через два дня на завершающей церемонии праздника Осириса он объявит об обручении моей дочери Лостры с ним.

Я почувствовал, как у меня потемнело в глазах и холодный пот выступил на коже.

— Свадьба состоится в тот же день, после окончания праздника, я об этом уже позаботился. Мы ведь не хотим, чтобы задержка помешала нам, правда?

Такое стремительное бракосочетание фараона случалось редко. Однако бывало это и раньше, когда невест выбирали, чтобы заключить политический союз или упрочить захват новых территорий. Свадьба часто проходила в тот же день, когда принималось решение о ней. Фараон Мамос I, предок нашего теперешнего фараона, женился на дочери побежденного вождя хурритов прямо на поле боя. Однако исторические прецеденты не могли утешить меня, и я понял, что худшие из моих опасений сбываются.

Вельможа Интеф, казалось, не заметил моего горя. Был слишком поглощен собственными мыслями.

— Прежде чем дать согласие на этот союз, я добился, чтобы царь возвел мою дочь в ранг главной жены и супруги, если она подарит ему сына. — И захлопал в ладоши, не скрывая восторга.

— Разумеется, ты понимаешь, что это значит. Если фараон умрет раньше, чем мой внук достигнет совершеннолетия, я как его дед и ближайший родственник по мужской линии стану правителем... — Он вдруг остановился и посмотрел на меня. Я хорошо знал его и сразу понял, какие мысли роились у него в голове. Он горько сожалел о своей болтливости, так как никто не должен слышать о подобных желаниях. Это чистейшей воды измена. Если Лостра родит фараону сына, отец его проживет недолго. Мы оба поняли это. Вельможа Интеф проговорился: он задумал царевубийство и теперь размышлял, как убрать того, кто подслушал его. Мы оба прекрасно поняли это: речь шла о смиренном рабе Таите.

— Мой господин, я благодарю судьбу за то, что все произошло именно так, как я задумал. Признаюсь, я тайно хотел подставить вашу дочь царю и описал как мать его будущего сына. Я воспользовался мистерией, чтобы показать ее фараону в наивыгоднейшем свете и привлечь к ней внимание. Однако я не осмеливался заговорить с вами о таких ничтожных пустяках до тех пор, пока они не увенчаются успехом. Теперь нам нужно сделать

очень многое, прежде чем мы почувствуем себя в безопасности... — Я начал быстро перечислять все, что может сорвать наши планы и помешать завладеть короной и золотым скипетром Египта. Я тактично дал ему понять, насколько он нуждается во мне, если хочет добиться своего. Я заметил, как он расслабился, выслушав мои доводы, и понял: в ближайшее время моей жизни ничто не угрожает.

Прошло довольно много времени, прежде чем я смог уйти от вельможи Интефа и отправиться к госпоже Лостре, чтобы предупредить о несчастье, ожидающем ее по моей вине. Однако не успел я дойти до дверей, как понял, что мои слова только расстроят ее и могут довести до безумия и даже самоубийства. Я не мог больше терять ни минуты, если не хотел ускорить трагическую развязку.

Оставался только один человек, к кому я мог обратиться за помощью.

Я ПОКИНУЛ Некрополь и пошел по бурлацкой тропе к берегу Нила, туда, где встала лагерем флотилия Тана. До полнолуния оставалось только три дня, луна освещала холодным желтым светом скалистые холмы на западном горизонте, и они отбрасывали черные тени на прибрежную равнину. Спеша по тропе вдоль канала, я перечислял про себя все те беды и несчастья, которые могут обрушиться на Тана, госпожу Лостру и меня в ближайшие дни. Я злил себя, как черногривый лев пустыни, когда тот разжигает в себе ярость острым шипом на кончике хвоста, прежде чем наброситься на охотника. Ярость запылала во мне задолго до того, как я добрался до берега Нила.

Я без труда нашел лагерь Тана на берегу реки в устье канала. Ладьи его флотилии стояли на якоре чуть ниже лагеря. Часовые окликнули меня, а затем, узнав, отвели к шатру Тана.

Он засиделся поздно за ужином с Кратом и четырьмя другими подчиненными. С улыбкой поднялся на ноги и предложил мне кувшин пива.

— Вот неожиданная радость, дружище. Садись рядом и оцени мое пиво, пока раб принесет тебе чашу и тарелку. Ты выглядишь совсем разгоряченным и расстроенным...

Я оборвал любезные речи, обрушив на него поток укоров:

— Пошел ты к Сету, большой бесчувственный дурак. Как ты не можешь понять, в какое опасное дело ты нас втянул? И все из-за твоего бабьего языка... Хотя бы раз ты подумал о безопасности и благополучии моей госпожи! — По правде говоря, я не хотел начинать так грубо, но, открыв рот, почувствовал, что больше не могу управлять своими чувствами, и весь страх и беспокойство, накопившиеся во мне, излились в потоке оскорблений. Не то чтобы слова мои были справедливы, но мне стало легче, когда я выговорился.

Лицо Тана переменялось, и он поднял руки, как будто стараясь загородиться от меня.

— Ну вот, ты застал меня врасплох. Я безоружен и не могу защититься от такого смертоносного нападения. — Он пытался шутить в присутствии своих подчиненных и с натянутой улыбкой схватил меня за руку и вывел из палатки в темноту, а потом потащил за пределы лагеря в открытое пшеничное поле. Я бежал за ним, как ребенок, не в силах вырваться из могучих пальцев, которые привыкли держать меч и огромный боевой лук, его Ланату.

— Ладно, давай выкладывай! Рассказывай, что могло так испортить тебе настроение?

Я все еще злился, но теперь страх пересиливал злость, и язык мой снова заговорил без всякого стеснения.

— Я полжизни потратил на то, чтобы защитить тебя от твоей же собственной глупости, и мне это надоело. Ты хоть что-нибудь понимаешь в жизни? Неужели ты в самом деле поверил, что тебе разрешат безнаказанно уйти после вчерашнего проступка?

— Ты говоришь о моей речи? — Он казался озадаченным и отпустил мою руку. — Как ты можешь называть это проступком? Все мои подчиненные, с кем бы я ни разговаривал, считают, что я все сказал правильно, и все мною восхищаются.

— Дурак, разве ты не понимаешь, что мнение твоих подчиненных и друзей гнилой

рыбы не стоит в этом мире?

Будь у нас более сильный фараон, ты уже был бы мертв, но даже и этот слабый и колеблющийся старик не может позволить тебе остаться безнаказанным после твоей наглой речи. Трон стоит гораздо больше твоей жизни. Тебе придется платить по счетам, Тан, вельможа Харраб! И Гор знает: счет этот будет велик.

— Ты говоришь загадками. Я оказал царю большую услугу. Он окружен льстивыми жабами, которые кормят его ложью, думая, что именно это фараон хочет слышать. Правда должна порадовать его. В глубине души я знаю: когда он подумает как следует, то будет мне благодарен.

Мой гнев начал улетучиваться перед простой и крепкой верой в торжество добра.

— Тан, милый друг мой, как же ты невинен! Никто из живущих на земле людей не будет благодарен за нелिцеприятную правду, которую вколачивают ему в уши. Но ты и без этого сыграл на руку вельможе Интефу.

— Вельможе Интефу? — Тан уставился на меня. — А что в этом плохого? Ты говоришь так, как будто он — мой враг. Великий визирь был лучшим другом моего отца. Я знаю, что могу довериться ему и он защитит меня. Он поклялся моему отцу, когда тот лежал на смертном одре...

Я увидел, что, несмотря на хорошее настроение и нашу дружбу, он начал сердиться на меня, может, даже первый раз в своей жизни. Я знал также: в гневе Тан страшен, хотя разозлить его довольно трудно.

— О, Тан! — я наконец обуздал свой гнев. — Я был несправедлив к тебе, я должен был столько тебе рассказать, но не сделал этого. Все совсем не так, как ты думаешь: я, трус, не мог рассказать, что Интеф был смертельным врагом твоего отца.

— Как может это быть правдой? — Тан покачал головой. — Они же были друзьями, лучшими друзьями. В самых первых моих воспоминаниях отец и Интеф смеются рядом друг с другом. Отец говорил мне, что я могу доверить свою жизнь вельможе Интефу.

— Благородный Пианки, вельможа Харраб, правда верил в это. Но это стоило ему состояния и даже самой жизни, которую он доверил Интефу.

— Нет, нет, ты глубоко ошибаешься. Мой отец стал жертвой цепи несчастий...

— И каждое из этих несчастий было подготовлено вельможей Интефом. Он завидовал твоему отцу, его добродетелям и любви народа к нему, завидовал его богатству и влиянию на фараона. Понимал, что вельможа Харраб будет назначен великим визирем гораздо раньше него самого, и ненавидел за это.

— Я не могу поверить тебе, я не могу заставить себя поверить. — Тан покачал головой. Последние остатки моего гнева улетучились.

— Я все тебе объясню. Как давно я должен был сделать это! Я предоставлю все необходимые доказательства. Но сейчас у нас нет времени. Ты должен довериться мне. Вельможа Интеф ненавидит тебя так же, как он ненавидел твоего отца. И ты, и госпожа Лостра в опасности. Вам грозит не просто смерть — вы можете потерять друг друга навеки.

— Но разве это возможно? — спросил Тан в смятении. Его потрясли мои слова. — Я думал, вельможа Интеф согласился на наш союз. Разве ты не говорил с ним?

— Да, говорил! — вскричал я и схватил Тана за руку и засунул ее себе под плащ. — Вот его ответ. Пощупай рубцы, оставленные кнутом! Он выпорол меня только за то, что я попытался заговорить о браке между тобой и госпожой Лострой. Вот как он ненавидит тебя и твою семью.

Тан уставился на меня, потеряв дар речи, и я понял, что он наконец поверил мне, и теперь я могу обратиться к тому предмету, который владел моими мыслями гораздо больше его несвоевременной речи или кровной вражды великого визиря, которая продолжалась на протяжении стольких лет.

— Выслушай меня, дорогой друг, и соберись с духом. Самое трудное впереди. — С ним нельзя говорить иначе, и мне пришлось прямо сказать ему все. — Вельможа Интеф не только не согласился на ваш брак, но этой же ночью он дал клятву отдать руку своей дочери

другому. Она должна немедленно выйти замуж за фараона Мамоса и, после того как подарит ему сына, станет его главной женой и супругой царя. Царь сам объявит об этом в конце праздника Осириса. Бракосочетание состоится в тот же вечер.

Тана закачало, и в лунном свете его лицо побледнело, как у покойника. Долгое время мы оба были не в силах произнести хоть слово, а потом Тан повернулся и пошел от меня по полю. Я следовал за ним, не выпуская его из виду, пока он не нашел кучу черных камней и не уселся на нее с усталым видом старика. Я тихо подошел к нему и сел рядом, чуть пониже. Я намеренно молчал, пока он не вздохнул и не спросил:

— А Лостра согласилась на этот брак?

— Конечно, нет. Она наверняка ничего еще не знает. Неужели ты можешь хоть на мгновение поверить, что ее возражения будут чего-то стоить против воли отца и желания фараона? Сейчас ее слова ничего не значат.

— Что же нам делать, старина?

Несмотря на свое горе, я был благодарен ему за это «нам», так как оно включало меня в число его друзей.

— У нас есть только одна возможность, — предупредил я его. — В тот же вечер, когда фараон объявит о бракосочетании с госпожой Лострой, он прикажет заключить тебя под стражу или, что еще хуже, подпишет приговор о смертной казни. Царь слушает вельможу Интефа, и тот убедит его. А повод у него для этого найдется. Тебя обвинят в попытке мятежа.

— Я не хочу жить без Лостры и не хочу другой жены. Если царь отнимет ее у меня, пусть забирает мою голову как свадебный подарок. — Он сказал это без всякой театральности, и мне с трудом удалось разыграть гнев и презрение.

— Ты говоришь, как старая жалкая старуха, которая отдает себя в руки судьбы и даже не пытается бороться. Как ты можешь говорить о прекрасной и бессмертной любви, если ты не хочешь бороться за нее?

— Как можно бороться с царем и богом? — тихо спросил Тан. — С царем, которому ты дал клятву верности, и богом, который так же далек и недоступен для смертного, как солнце.

— Как царь он недостойн твоей верности. Ты же ясно показал это в своей речи. Он слабый, сомневающийся старик, который разделил два царства и заставил нашу родину обливаться кровью, стоя на коленях.

— А как быть с богом? — тихо переспросил Тан, как будто его не интересовал мой ответ, хотя я знал, что он был очень религиозным человеком, как и многие великие воины.

— С богом? — Я постарался говорить издевательски. — В твоей руке с мечом гораздо больше божественной силы, чем во всем его маленьком слабом теле.

— Так что же ты предлагаешь? — спросил он обманчиво тихо. — Чего же ты от меня хочешь?

Я перевел дыхание и выпалил:

— Твои подчиненные, твои воины пойдут за тобой в подземное царство. Народ обожает тебя за смелость и честность... — Я остановился, потому что лицо его в лунном свете не предвещало ничего хорошего.

Тан молчал. Я успел насчитать по крайней мере двадцать ударов собственного сердца, прежде чем он мягко приказал мне продолжать:

— Говори, говори все.

— Тан, ты станешь благороднейшим фараоном нашей родины, нашей Та-Мери за последнюю тысячу лет. Вместе с госпожой Лострой ты сможешь повести страну и весь народ к былому величию. Призови свои отряды и иди со своими людьми по насыпи туда, где находится этот фараон, беззащитный и легкоуязвимый. К восходу солнца ты станешь правителем Верхнего царства. Через год ты победишь узурпатора, и оба царства воссоединятся. — Я вскочил на ноги и встал к нему лицом. — Тан, вельможа Харраб, твоя судьба и любимая женщина ждут тебя. Бери же их в свои руки, могучие руки воина!

— Да, у меня руки воина. — Он поднял руки и посмотрел на них. — Эти руки воевали

за отчизну и защищали ее законного царя. Ты оказываешь мне плохую услугу, старина. Это не руки предателя, а душа моя — не душа богохульника, который попытается сбросить с трона бога и погубить его, чтобы занять его место в пантеоне.

Я застонал в отчаянии.

— Ты станешь величайшим фараоном за последние пятьсот лет. Тебе не придется объявлять себя богом, если сама мысль об этом оскорбляет тебя. Сделай же это, умоляю тебя, ради Египта и ради женщины, которую мы оба любим!

— А сможет ли Лостра любить предателя так, как она любила воина и патриота? Не думаю. — Он покачал головой.

— Она будет любить тебя, несмотря ни на что... Но Тан оборвал меня.

— Тебе не убедить меня. Лостра — женщина чести и добродетели. Стань я предателем и вором, я потеряю право на ее уважение. А кроме того, не смогу уважать себя или считать достойным ее нежной любви, если сделаю то, к чему ты меня побуждаешь. А это для меня не менее важно. Не говори больше об этом, если ценишь нашу дружбу. Я не требую себе двойной короны и никогда не посягну на нее.

Да услышит меня Гор и да отвернется он от меня, если я когда-нибудь нарушу эту клятву.

Дело было кончено. Я так хорошо знал его, этого большого дикого осла, которого я тем не менее любил всем своим сердцем. И он действительно сказал то, что думал, и сдержит свое слово любой ценой.

— Так что же ты будешь делать, упрямец? — в ярости спросил я. — Что бы я ни говорил, ты не желаешь меня слушать. Все хочешь сделать сам? Или ты стал настолько мудрым, что можешь обойтись без моего совета?

— Я охотно приму твой совет, если он будет разумным. — Он протянул руку и посадил меня рядом с собой. — Подожди, Таита, нам нужна твоя помощь. Она нужна и мне, и Лостре как никогда раньше. Не бросай нас! Помоги нам найти честный выход из создавшегося положения.

— Боюсь, такого нет, — вздохнул я. Мысли мои метались, как щепки в быстрых водах Нила. — Если ты не желаешь надевать на свою голову корону, тебе нельзя оставаться здесь. Ты должен взять Лостру на руки и унести ее прочь.

Он уставился на меня.

— Покинуть Египет! Ты не можешь говорить об этом серьезно. Это же мой мир. И мир Лостры.

— Нет! — заверил я его. — Я имел в виду другое. В Египте есть еще один фараон. Тому фараону тоже нужны воины и честные люди. Ты можешь многое предложить такому царю. Твоя слава в Нижнем царстве нисколько не меньше, чем здесь, в Карнаке. Возьми Лостру на палубу «Дыхания Гора», и пусть твоя ладья полетит вниз по течению. Ни один корабль не догонит тебя. Через десять дней при попутном ветре ты будешь при дворе красного фараона в Мемфисе и дашь ему клятву верности...

— Клянусь Гором, ты все равно хочешь сделать меня предателем, — резко оборвал он меня. — Дать клятву верности узурпатору, так ведь? Тогда как же быть с клятвой, которую я дал фараону Мамосу? Разве она ничего не значит для меня? Что я за человек такой, если могу давать клятвы верности каждому царю или отщепенцу, который попадетсся у меня на пути? Клятвами нельзя торговать или брать их назад, их дают на всю жизнь. Я дал клятву верности только настоящему фараону Мамосу.

— Тому самому настоящему фараону, который хочет жениться на твоей любимой и прикажет удавить тебя веревкой, — угрюмо подсказал я ему, и это наконец его поколебало.

— Ты прав, конечно, нам не следует оставаться в Карнаке. Но я не могу стать предателем и нарушить клятву верности, подняв меч против своего царя.

— Твое чувство чести слишком сложно для меня. — Я не смог удержаться от издевки. — Насколько я понимаю, оно готово убить нас всех. Ты сказал мне, что не хочешь делать. А теперь скажи мне, что ты хочешь и как спасти госпожу Лостру от ее ужасной

судьбы.

— Да, старина, у тебя есть полное право сердиться на меня. Я просил тебя о помощи и совете, ты дал мне их, но я их презрел. Прошу тебя, побудь со мной еще немного. — Тан вскочил на ноги и начал ходить вокруг кучи камней, как леопард в зверинце фараона, и бормотать что-то себе под нос, качая головой и сжимая и разжимая кулаки, будто готовился напасть на врага.

Наконец он остановился передо мной.

— Я не готов к предательству, но с тяжелым сердцем я могу представить себя трусом. Если Лостра согласится бежать со мной, я повторяю, если только она согласится, я готов. Я увезу ее с этой земли, которую мы оба так любим.

— Куда ты отправишься?

— Я знаю, Лостра не сможет покинуть нашу реку. Эта река — не только ее жизнь, но и моя. У нас остается одно место, куда можно бежать. — Он поднял правую руку, и мышцы его заблестели в лунном свете. И показал на юг. — Мы отправимся вверх по Нилу, в глубь Африки, в земли Куша и дальше. Мы пойдем за пороги, в неисследованные земли, где еще не ступала нога цивилизованного человека. Возможно, там, если боги будут добры к нам, мы построим себе новую Та-Мери.

— Кто отправится с тобой?

— Крат, разумеется, и те из военачальников и воинов, кто жаждет приключений. Я обращусь к ним с речью сегодня ночью и позволю им сделать выбор. Мне, наверное, понадобится ладей пять с командами. Мы должны быть готовы отправиться на рассвете. Ты вернешься в Некрополь и приведешь сюда Лостру.

— А я? — тихо спросил я. — Меня вы с собой возьмете?

— Тебя? — он засмеялся. Теперь, когда решение принято, его настроение снова поднялось, как сокол взлетает с перчатки охотника.

— А ты и правда сможешь бросить свой сад и книги, свои мистерии и строительство храмов? Путешествие будет трудным и опасным. Ты действительно хочешь этого, Таита?

— Я не могу отпустить вас одних. Кто же будет удерживать тебя от глупостей? А какие опасности будут угрожать моей госпоже? Если меня не окажется рядом, я не смогу направлять вас.

— Ладно! — Он хлопнул меня по спине. — Пошли. Я не сомневался, что ты пойдешь с нами. Знаю, Лостра во всяком случае без тебя никуда не отправится. Хватит болтать. Нам есть, чем заняться. Прежде всего скажем Крату и другим о наших намерениях и позволим им сделать выбор. Затем тебе нужно будет отправиться в Некрополь и привести Лостру, пока я занимаюсь приготовлениями к путешествию. Я пошлю с тобой дюжину своих лучших воинов, но вы должны поторопиться — уже за полночь, и третья стража началась.

Я, конечно, глупый романтик. Когда мы за этими разговорами спешили обратно в лагерь у устья канала, я пришел в такое восторженное состояние, что мое чувство опасности притупилось. Тан первым заметил угрожающее движение в лунном свете впереди нас. Он схватил меня за руку и потянул за суковатое дерево.

— Вооруженный отряд, — прошептал он, — и я заметил блеск бронзовых наконечников. Отряд большой, человек тридцать или сорок, наверное.

— Видимо, это разбойники или разведчики из Нижнего царства, — пробурчал Тан, который, как и я, был встревожен поведением этих людей. Они не шли по бурлацкой тропе вдоль канала, а осторожно крались по полю, разворачиваясь так, чтобы окружить лагерь Тана на берегу реки.

— Сюда! — опытный глаз воина быстро нашел мелкий овражек, который вел к реке, и Тан потащил меня туда. Мы спрыгнули в него и бегом направились к лагерю. Тан выскочил из оврага и громким воплем поднял на ноги лагерь.

— К оружию! Синие, ко мне! Стройся вокруг меня! — Это был боевой клич стражи Синего Крокодила, и его немедленно подхватили сотники и десятники отряда. Лагерь закипел. Люди, спавшие у огня, вскочили на ноги и расхватывали сложенное оружие, а шатры

их начальников, казалось, взорвались, будто те не спали, а напряженно ждали зова Тана. С мечами в руках они заняли места в строю, и я увидел Крата впереди всех.

Я был изумлен быстротой их действий, хотя и знал, что это испытанные в бою ветераны. Не успел я толком перевести дух, как они уже построились в колонны, прикрылись щитами, как гигантская черепаха, и выставили длинные копья в темноту. Неизвестный отряд наверняка был перепуган шумом и приготовлениями к бою. И хотя я по-прежнему мог разглядеть блеск оружия и силуэты людей во мраке ночи, смертоносная атака, которой мы боялись, так и не началась.

Как только воины Тана построились, он приказал выступать. Мы часто спорили с ним о превосходстве атаки над обороной, и теперь его войско плотным строем двинулось вперед, готовое броситься в атаку по команде Тана. Зрелище это, наверное, было ужасающим, так как скоро из темноты раздался голос. В нем слышались панические нотки:

— Мы — воины фараона и идем по его приказу. Остановитесь!

— Стойте! Но будьте начеку! — Тан остановил продвижение и спросил: — Какому фараону служите? Красному узурпатору или истинному фараону Мамосу?

— Мы служим истинному царю, божественному Мамосу, правителю Верхнего и Нижнего царств. Я посланец царя.

— Выйди вперед, посланец царя, который крадется в ночи, как вор! Выйди вперед и скажи, зачем ты послан! — предложил Тан и вполголоса сказал Крату:

— Будь готов к предательству. Воздух полон лжи. Зажги костры, нам нужен свет.

Крат отдал приказ, и тут же на пылающие угли бросили связки сухого хвороста. Пламя взметнулось вверх, и темнота отступила. В красноватом сиянии костров из темноты выступил вожак неизвестного отряда и прокричал:

— Мое имя Нетер, лучший из десяти тысяч. Я начальник личной стражи фараона. Я держу ястребиную печать, и мне приказано задержать и поместить под стражу Тана, вельможу Харраба.

— Клянусь Гором, он лжет и не краснеет, — прорычал Крат. — Ты же не мошенник, за которым охотятся стражники. Он оскорбляет и тебя, и весь отряд. Дай нам разделаться с ними, и я суну эту печать ему в задницу.

— Стой! — Тан сдержал его. — Пусть скажет все. — Он снова заговорил громко: — Командир Нетер, покажи печать.

Нетер поднял над головой печать. Это была маленькая статуэтка царственного ястреба из блестящего голубого фарфора. Печать со знаком ястреба была личным знаком фараона. Ее обладатель имел право приказывать, эти действия и приказы имели силу указов самого фараона. Под страхом смерти никто не должен был сомневаться в его правоте или мешать ему. Обладатель печати нес ответственность только перед самим фараоном.

— Я Тан, вельможа Харраб, — произнес Тан. — Я признаю печать.

— Господин, господин, — горячо зашептал Крат, — не отправляйся к фараону. Ты идешь на верную смерть. Я говорил с другими командирами. Весь отряд встанет за тебя, да что я говорю, все войско фараона встанет за тебя. Скажи только слово, мы сделаем тебя царем раньше, чем взойдет солнце.

— Мои уши глухи к твоим словам, — мягко сказал Тан, но таким угрожающим тоном, что его слова значили больше, чем вопль или рык. — Но только сейчас, Крат, сын Майдума. Если ты еще раз заговоришь со мной о предательстве и измене, я сам доставлю тебя слугам фараона, и пусть его гнев обрушится на тебя.

Он отвернулся от Крата, взял меня за руку и отвел в сторону.

— Поздно, старина. Боги воспротивились нашему предприятию. Я должен довериться здравому смыслу царя. Если он действительно бог, то сможет заглянуть в мое сердце и увидеть, что в нем нет зла. — Он еще раз коснулся моей руки, и этот легкий жест значил больше, чем теплые объятия. — Отправляйся к Лостре и расскажи, что случилось и почему эта случилось. Скажи ей, что я люблю ее и, что бы ни случилось, буду любить и в этой и в следующей жизни. Скажи ей, что я буду ждать ее до конца жизни и до конца вечности, если

понадобится.

Затем Тан сунул свой меч в ножны и с пустыми руками направился к обладателю ястребиной печати.

— Я готов выполнить приказ царя, — просто сказал он. Воины за его спиной засвистели и заворчали, загремели мечами по щитам, но Тан обернулся и взглядом успокоил их, а потом вышел вперед. Охрана царя окружила его, и они трусцой поспешили в Некрополь по бурлацкой тропинке вдоль канала.

ЛАГЕРЬ был переполнен разгневанными, озлобленными молодыми воинами, когда я покинул его и последовал за Таном и сопровождавшими его стражниками. Вернувшись в Некрополь, я направился прямо в покои госпожи Лостры. К своему огорчению, обнаружил, что они уже пусты, и только три маленькие служанки с обычной томной ленью собирали остатки вещей в большой сундук кедрового дерева. — Где ваша госпожа? — строго спросил я. Старшая и самая дерзкая из них поковыряла в носу и уклончиво ответила:

— Там, где тебе не достать ее, евнух. — Остальные захихикали. Все они ревновали меня к госпоже Лостре.

— Отвечай прямо или я выпорю твою наглую задницу, маленькая плутовка. — Я уже несколько раз делал это, поэтому она сдалась и угрюмо пробормотала:

— Ее забрали в гарем фараона, там твое влияние бессильно. Хоть у тебя и нет яиц, стража не пустит тебя к женщинам царя.

Конечно, она была права, но все же следовало попытаться. Теперь я буду нужен госпоже, как никогда.

Как я и опасался, стража у входа на женскую половину царя была неумолима. Они знали, кто я, но им был дан приказ никого не допускать к Лостре, даже самых близких членов ее свиты.

Я потратил золотое кольцо и такой дорогой ценой смог добиться только одного: один из стражников обещал передать мою записку. Я написал ее на небольшом клочке папируса, легкомысленно пытаясь подбодрить госпожу. Я не осмелился рассказать ей все и тем более о том, какая опасность грозила Тану. Не мог даже называть его имени, но мне нужно было как-то заверить ее, что он любит и защитит. Однако эта вынужденная трата золота оказалась напрасной. Как я узнал позже, Лостра не получила записки. Неужели в нашем предательском мире и в самом деле никому нельзя доверять?

Я больше не видел ни Тана, ни госпожу Лостру до самого вечера последнего дня праздника Осириса.

ПРАЗДНИК заканчивался в храме Осириса. И снова, казалось, все население Фив собралось во дворе храма. Народ стоял так плотно, что от жары трудно было дышать. Я чувствовал себя отвратительно, так как мало спал в последние две ночи из-за множества тревог и хлопот, свалившихся на мою голову. Не считая неопределенности в судьбе Тана, вельможа Интеф возложил на меня тяжелое бремя организации бракосочетания царя и его дочери, а здесь мои обязанности противоречили моим желаниям. Вдобавок ко всему я был разлучен со своей госпожей и с трудом переносил разлуку. Не знаю, как пережил эти два дня. Даже мальчишки-рабы начали беспокоиться за меня. Они заявляли, что я никогда не выглядел так плохо, да и настроение мое никогда не было таким скверным.

Дважды во время речи фараона, которая показалась мне бесконечной, я чувствовал, что теряю равновесие и вот-вот упаду в обморок. Однако заставлял себя держаться, пока царь монотонным голосом произносил прописные истины и полуправды, пытаясь скрыть настоящее положение дел в царстве и умиротворить народ.

Как и следовало ожидать, он ни разу не упомянул красного фараона Севера или гражданскую войну, развязанную в стране, если не считать таких туманных выражений, как «наши смутные времена» или «дезертирство» и «мятеж». Однако, прислушавшись, я внезапно понял, что он говорит о том же, о чем упоминал Тан в своей речи, и даже пытается

найти средство против каждого из упоминаемых зол.

Правда, делал это, как обычно, неумело и неуверенно. И все же он запомнил то, что говорил Тан, и это придало мне силы и заставило сосредоточиться на словах фараона. Я постарался протиснуться через толпу, чтобы получше разглядеть трон и его самого. К тому времени, когда мне это удалось, царь говорил о наглости и дерзости рабов и о непорядочности низших слоев общества. Тан упоминал об этом в своей речи. Решение фараона меня изумило:

— Отныне владелец раба может наказывать его за дерзость пятьюдесятью ударами кнута, не обращаясь к властям за разрешением.

Я улыбнулся, вспомнив, как этот же фараон чуть было не разрушил само государство двенадцать лет назад, объявив нечто прямо противоположное сразу после воешествия на трон. Он еще был полон добрых идей и решился полностью уничтожить древний, честный и благородный институт рабства. Хотел выпустить на свободу всех рабов в Египте и сделать каждого раба свободным человеком.

Даже теперь, через столько лет, я не могу понять, что заставило его пойти на такой неразумный шаг. Я считал рабство и крепостное право институтами, на которых основано величие наций. Отбросы общества не могут править. Управление страной можно доверить только тем, кто был рожден и воспитан в готовности управлять другими. Свобода — это привилегия, а не право. Толпе нужен сильный властелин. Если его не будет, в стране воцарится анархия. Абсолютный монарх, рабство и крепостное право — вот три опоры, на которых держится наше государство и которые позволили нам стать цивилизованными людьми.

Было очень поучительно наблюдать, как рабы сами взбунтовались, почуввав перспективу насильно стать свободными. Я был еще молод в то время, но и меня это очень встревожило: кому хочется быть выброшенным из своего теплого и безопасного убежища на половине мальчиков, чтобы добывать крохи на пропитание в мусорных кучах с толпой других освобожденных рабов. Плохой господин лучше, чем никакой.

Конечно, такой глупый поступок поверг все царство в хаос. Войско было на грани мятежа. Если бы красный фараон Севера воспользовался тогда беспорядком, история страны была бы совершенно иной. В конце концов наш фараон поспешно отменил ошибочный указ об освобождении рабов и сумел удержаться на троне. Теперь же, чуть более десяти лет спустя, он вводил усиленные наказания рабов за дерзость. Это было так характерно для нашего вечно колеблющегося и вечно ошибающегося фараона! Я сделал вид, будто вытираю пот со лба, чтобы скрыть улыбку. Это была первая улыбка, появившаяся на моем лице за последние два дня.

— С этого дня нанесение увечья самому себе с целью избежать военной службы будет строго наказываться, — монотонно продолжал царь. — Всякий молодой человек, который требует освобождения от военной службы, должен будет предстать перед судом из трех военачальников, из коих хотя бы один должен быть в ранге не ниже начальника сотни.

На этот раз на моем лице появилась улыбка одобрения, неохотного, но одобрения. Хоть раз фараон пошел по правильному пути. Я с наслаждением погляжу, как Менсет и Собек покажут свои кисти рук с отрезанными большими пальцами какому-нибудь ветерану речных войн. С каким нежным сочувствием он их выслушает!

— Штраф за этот проступок составит тысячу золотых колец. — Клянусь круглым пузом Сета, это заставит молодых красавчиков вздрогнуть, а вельможе Интефу придется заплатить штраф от их имени!

Несмотря на все тревоги, я почувствовал, что настроение мое улучшается. Фараон продолжал:

— С нынешнего дня каждая блудница, занимающаяся своим ремеслом в общественном месте, если это место не отведено для таких занятий властями, будет наказываться штрафом в десять золотых колец. — На этот раз я едва сумел сдержать смех. Вот так благочестивый Тан постарался превратить всех мужчин Фив в честных и аскетичных граждан. Мне стало

интересно, как солдаты и моряки, отправляющиеся в увольнение, отнесутся к подобному вмешательству в их развлечения. Ясность ума фараона, как обычно, продолжалась недолго. Каждый дурак знает, что бессмысленно законодательным путем управлять половыми потребностями людей.

Несмотря на сомнения в мудрости нашего царя, я почувствовал, что мной овладевает какой-то восторженный трепет. Очевидно, царь очень серьезно отнесся ко всему, о чем говорил Тан в своей речи. Сможет ли он теперь обвинить Тана в подстрекательстве к мятежу? Однако фараон еще не закончил.

— До моего сведения было доведено, что некоторые чиновники нашего государства злоупотребляют моим расположением и постами, которые я доверил им. Эти чиновники, занимающиеся сбором податей и управлением имуществом, обязаны будут представить отчет о своей деятельности. Если их признают виновными в расхищении имущества и взяточничестве, они будут немедленно осуждены на смерть через удушение.

Народ заволновался, люди недоверчиво зашептались: неужели царь действительно хочет обуздать своих сборщиков податей?

Затем в задних рядах раздался крик:

— Велик наш фараон! Да здравствует фараон! — Крик был подхвачен толпой, и храм зазвенел от восторженных криков. Царь совершенно не ожидал таких восторгов со стороны присутствующих, по крайней мере так скоро. Даже мне со своего места вдали от трона было видно, что ему это понравилось. Хмурое лицо, казалось, чуть-чуть просветлело, словно двойная корона перестала давить лоб. Теперь я был уверен, что у Тана есть шанс избежать удавки палача.

Когда крики восторга наконец смолкли, царь продолжил. И, как обычно, свел на нет все, чего смог добиться.

— Моему доверенному лицу, великому визирю, вельможе Интефу поручается лично провести расследование деятельности всех государственных чиновников. Ему будут даны полномочия обыскивать жилища и заключать под стражу их самих. Он будет дарить жизнь или смерть.

На этот раз одобрительные крики были лишь слабым эхом предыдущих восторгов. Я воспользовался ими, чтобы скрыть издевательскую усмешку. Фараон посылал голодного леопарда в курятник считать цыплят. То-то вельможа Интеф позабавится в царской сокровищнице! А какое перераспределение доходов произойдет, когда мой господин начнет разбирать дела и доить сборщиков податей, вытягивая из них тайные сбережения!

У нашего фараона был редкий дар уничтожать или разрушать самые благородные чувства и намерения своим неумелым правлением. Мне стало интересно, какую еще глупость он совершит, и не пришлось долго ждать.

— Довольно долгое время меня беспокоили беззакония, творящиеся в Верхнем царстве и угрожающие жизни и имуществу честных подданных. Я решил заняться этими вопросами, когда придет срок. Однако недавно мне напомнили о них столь несвоевременно и вредоносно, что это походило на подстрекательство к мятежу. И произошло это под прикрытием праздника Осириса. Однако праздник божества не может защитить изменника и богохульника, который осмелился оскорбить своими нападками личность и божественную природу царя. — Фараон сделал многозначительную паузу. Было ясно, что он говорит о Тане, и я снова критически отнесся к его суждениям. Сильный фараон не стал бы объяснять причины своих поступков народу или пытаться завоевать его одобрение. Он бы просто произнес приговор, и дело было бы кончено.

— Я, разумеется, имею в виду Тана, вельможу Харраба, который исполнял роль великого бога Гора в мистерии Осириса. Тан был заключен под стражу по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Мнения моих советников по поводу его вины разделились. Есть среди них люди, которые хотят, чтобы он понес высшую меру наказания... — Я увидел, как вельможа Интеф, стоявший рядом с тронном, на какое-то мгновение отвел глаза. Я укрепился в мысли, что он возглавлял тех, кто хотел казнить Тана. — Но есть среди них и те, кто

считает, что речь на празднике была вдохновлена божественными силами, и говорил не Тан, вельможа Харраб, а истинный голос великого бога Гора, который решил указать нам на эти недостатки. Если это действительно так, то смертный, чьим голосом бог решил говорить, не может нести ответственности за свои поступки.

Доводы его были справедливы. Однако фараон, достойный двойной короны Египта, не должен объяснять свои действия толпе простых воинов, моряков, крестьян, торговцев и рабов, большинство которых еще не оправилось от чересчур обильных возлияний и ночного веселья. Пока я размышлял над этим, царь дал приказ начальнику личной стражи, стоявшему под тронном. Я узнал в нем Нетера, человека, которого посылали за Таном. Нетер красивым шагом отошел от трона и через мгновение вернулся с Таном из святилища в задней части зала.

Сердце мое забилося при виде друга, а затем радость и надежда проснулись в моей душе, когда я заметил, что он не связан, а на ногах нет цепей. У Тана не было оружия и знаков отличия, а одет он был в белую полотняную одежду. Он шел обычной упругой походкой, легко и грациозно, и если не считать заживающей раны на лбу, оставленной мечом Расфера, на нем не было никаких отметин. Его не били и не пытали. С ним не обращались, как с осужденным.

Но скоро мои надежды разлетелись на мелкие кусочки. Тан простерся ниц перед тронном, а когда поднялся, фараон строго взглянул на него и заговорил безжалостным голосом:

— Тан, вельможа Харраб, тебя обвиняют в измене и подстрекательстве к мятежу. Я нахожу, что ты виновен в обоих преступлениях, и приговариваю тебя к смерти через удушение — обычному наказанию изменника.

Когда Нетер набросил на шею Тана пеньковую веревку, чтобы пометить его как осужденного на смерть, люди, увидевшие это, застонали, какая-то женщина зарыдала, и очень скоро храм наполнился воплями и плачем. Никогда еще объявление смертного приговора не сопровождалось такими горестными криками. Ничто не могло более ясно показать ту любовь, которую люди испытывали к Тану. Я рыдал вместе с ними, слезы лились из моих глаз и водопадом струились на грудь.

Телохранители царя набросились на толпу, избивая людей древками длинных копий, пытаясь заставить плачущих замолчать. Но все было тщетно. Я заорал через головы людей:

— Смилуйся, великодушный фараон! Смилуйся над благородным Таном!

Какой-то стражник ударил меня копьём по голове, и я, полуоглушенный, упал на землю, но крик мой подхватили.

— Смилуйся, умоляю тебя, о божественный фараон! — Страже пришлось приложить немало усилий, чтобы восстановить хоть какое-то подобие порядка. Многие женщины по-прежнему всхлипывали.

Только когда фараон заговорил снова, все замолчали, и каждый четко расслышал его слова:

— Осужденный на смерть жаловался на беззакония в моем царстве. Он призывал трон искоренить шайки разбойников, разоряющих нашу страну. Осужденного называли героем, многие считают его могучим воином. Если это правда, он, как никто другой, подходит для выполнения задачи, о которой говорил сам.

Народ в смущении замолчал, а я быстро смахнул слезы с лица и стал внимательно вслушиваться в каждое слово фараона.

— Смертный приговор откладывается на два года. Если осужденный действительно был вдохновлен Гором, когда говорил свою подстрекательскую речь, бог поможет ему справиться с задачей, которую я поручаю ему.

Воцарилась гробовая тишина. Никто из нас, казалось, не был в состоянии понять, что сказал фараон, надежда и отчаяние в равной мере наполняли мою душу.

По знаку царя один из его министров выступил вперед и подал ему на подносе маленькую голубую статуэтку. Фараон поднял ее и объявил:

— Я вручаю вельможе Харрабу ястребиную печать фараона. Власть этой печати разрешает ему вербовать любого человека и брать любой военный материал, который сочтет нужным. Он может использовать все, что захочет, и никто не вправе мешать. На два года он становится человеком царя и будет отвечать только перед царем. В конце этого периода, в последний день праздника Осириса, снова предстанет перед троном с петлей смертника на шее. Если не сможет выполнить мое поручение, петля эта затянется и он будет удушен на том самом месте, где сейчас стоит. Если справится с ним, я, фараон Мамос, собственной рукой сниму петлю с его шеи и заменю ее золотой цепью.

По-прежнему никто из присутствующих не осмелился ни шевельнуться, ни произнести слово. Все смотрели на фараона, который сделал традиционное движение плетью и посохом.

— Тан, вельможа Харраб, я поручаю тебе стереть с лица земли шайки разбойников и грабителей, которые наводят ужас на все Верхнее царство Египта. За два года ты должен восстановить мир и порядок в моем царстве. Не оправдаешь доверия — пеняй на себя.

Все собравшиеся взревели, и звук этот был похож на удары волн о скалистый берег моря. Пока толпа бездумно ликовала, я оплакивал свою судьбу. Подвиг, которого требовал фараон от Тана, был слишком велик для смертного. Никто не выполнил бы его. Тень смерти по-прежнему висела над Таном; я понял, что через два года в этот день он умрет там, где стоит сейчас, молодой, сильный и гордый.

КАК ПОТЕРЯВШИЙСЯ ребенок, стояла она посреди огромной толпы. Позади нее была река, ее божество и покровитель, а впереди — море человеческих лиц.

Длинные полотняные одеяния, ниспадавшие до лодыжек, были окрашены в цвет лучшего вина краской, полученной из моллюсков, и цвет этот обозначал ее девственность. Распущенные волосы опускались на плечи мягкой темной волной, словно сиявшей собственным светом в лучах солнца. Поверх светящихся локонов она надела свадебный венок из белых речных лилий с лепестками неземного голубоватого цвета и золотой сердцевинкой.

Лицо было бледным, как свежесмолотая пшеничная мука. Когда я увидел огромные темные глаза, мое сердце чуть не разорвалось от боли: я вспомнил ту самую маленькую девочку, которая много лет назад просыпалась в моих объятиях, дрожа от страха после приснившегося кошмара;

мне приходилось зажигать лампу и сидеть рядом на кровати, пока она не засыпала снова. Однако сейчас я не мог помочь ей, так как этот кошмар происходил на самом деле.

Я не мог подойти к ней — жрецы и стража фараона окружали ее и, как и во все эти дни, не разрешали мне приблизиться. Она была навсегда потеряна для меня, моя маленькая девочка, и мысль об этом была невыносима.

Жрецы построили свадебный навес из речного тростника на берегу Нила, и госпожа Лостра ждала там прихода своего жениха, который должен был забрать ее в свой дом. Рядом с ней стоял отец. На шее у него висело «Золото похвалы», и улыбка кобры играла на его лице.

Наконец под торжественный бой барабанов и блеяние рогов появился царственный жених. Свадебный марш показался мне самой печальной мелодией на земле.

На фараоне была корона Немес. В руках он держал скипетр. Однако, несмотря на торжественность и знаки царского отличия, он по-прежнему оставался маленьким старым человеком с круглым животиком и скучным лицом. Я не мог не сравнивать его с другим женихом, который мог бы встать под навесом рядом с моей госпожой, если бы боги были добрее к ним обоим.

Приближенные фараона и высшие чиновники государства такой плотной толпой шли за ним, что я потерял из виду мою госпожу. Хотя именно я организовал каждый шаг свадебной церемонии, мне было запрещено в ней участвовать, и я только мельком видел госпожу Лостру во время бракосочетания.

Верховный жрец храма Осириса вымыл руки и ноги невесты и жениха водой, только

что зачерпнутой из Нила, — это символизировало чистоту их союза. Затем царь отломил кусочек от ритуальной пшеничной лепешки и отдал его молодой невесте как клятву верности. Я мельком увидел лицо госпожи, когда он положил ей в рот хрустящую корочку. Она не могла ни прожевать, ни проглотить ее, а стояла так, словно в рот положили камень.

Потом ее снова загородили, и только когда я услышал треск разбитого кувшина, в котором было свадебное вино, — жених, выпив вино, разбил кувшин мечом, — понял, что дело сделано, и Лостра навсегда разлучена с Таном.

Толпа под навесом раздалась, и фараон вывел свою новую невесту на край помоста, чтобы представить народу.

Народ показал свою любовь к госпоже Лостре восторженным хором приветствий, который гремел и гремел, пока в ушах у меня не зазвенело, а голова не закружилась.

Мне хотелось уйти из этой давки, выбраться из толпы и отправиться к Тану. Я знал, что его выпустили из-под стражи и он снова на свободе, однако на церемонии его не было. Наверное, это был единственный человек в Фивах, который не пришел на берег Нила. Я знал: где бы он ни был сейчас, я очень нужен ему. Так же как и он нужен мне. Только вдвоем мы могли бы утешить друг друга в этот трагический день. Но я не мог оторваться от тяжелого зрелища. Мне нужно было досмотреть его до самого конца.

Наконец вельможа Интеф вышел вперед, чтобы попрощаться со своей дочерью. Крики постепенно смолкли. Он обнял Лостру.

Словно живой труп стояла она в его объятиях. Руки бессильно висели по бокам, а лицо было бледным как смерть. Отец выпустил ее из своих объятий и, взяв за руку, повернулся лицом к собравшимся, чтобы предложить дочери последний, положенный по обычаю, дар. Дар этот не входил в приданое, которое целиком доставалось жениху. Только знать соблюдала этот обычай, так как его назначением было дать невесте независимые средства к существованию и доход.

— Теперь, когда ты покидаешь мой дом и лишаешься моей защиты, отправляясь в дом своего мужа, я хочу дать тебе последний подарок, дар разлуки, по которому ты навсегда запомнишь меня, своего любящего отца.

Я с горечью подумал, что нельзя было придумать слов, меньше всего соответствующих истине, так как вельможа Интеф никогда и никого не любил. Однако он произносил древние слова, как будто действительно испытывал эти чувства.

— Проси у меня все, чего ни пожелаешь, любимое дитя. Я ни в чем не могу отказать тебе в этот радостный день.

Обычно отец и дочь тайно договариваются о размере подарка до церемонии бракосочетания. В нашем же случае вельможа Интеф однозначно сказал дочери, на что она может рассчитывать. Он оказал мне честь, обсудив этот вопрос со мной за день до свадьбы, прежде чем сообщить Лостре о своем решении.

— Я не хочу выглядеть мотом, но, с другой стороны, мне нельзя показывать фараону, будто я скупец, — вслух размышлял он. — Дам ей, скажем, две тысячи золотых колец и пятьдесят федданов земли, но только не на самом берегу Нила.

С моей подсказки он в конце концов решил дать ей пять тысяч золотых колец и сто федданов превосходной орошаемой земли, так как это был более подходящий подарок царской невесте. По указанию я уже написал дарственную на эти земли и отложил золото из тайного хранилища, где мой господин держал его подальше от глаз сборщиков податей.

Дело было решенное. Лостре оставалось только произнести просьбу перед женихом и гостями свадьбы. Но она стояла отрешенная, бледная и молчаливая и, казалось, ничего не видела и не слышала.

— Говори же, дитя мое. Чего ты хочешь? — Нотки отеческой любви зазвучали несколько натянуто, и вельможа Интеф подергал дочь за руку, чтобы привести ее в чувство. — Ну же, скажи отцу, что он может сделать для того, чтобы счастье этого дня стало полным.

Госпожа Лостра вздрогнула, словно пробуждаясь от ужасного сна. Она повела глазами

вкруг себя, и слезы показались у нее на глазах, готовые заструиться по щекам. Открыла рот, чтобы заговорить, но вместо слов из горла послышался тонкий писк раненой птички. Она закрыла рот и помотала головой, не в силах произнести ни слова.

— Ну же, дитя, говори. — Вельможа Интеф уже с трудом сдерживался, но по-прежнему сохранял на лице выражение отеческой любви. — Назови же мой свадебный дар, и я дам его тебе, чего бы ты ни пожелала.

С усилием, которое было заметно даже мне, несмотря на расстояние, разделявшее нас, Лостра взяла себя в руки, и, когда она открыла рот, ее голос зазвенел над нашими головами, как струны лиры. В толпе не осталось ни одного человека, кто не расслышал бы каждого слова.

— В качестве свадебного дара отдай мне раба Таиту!

Вельможа Интеф отшатнулся от нее, как будто она вонзила ему в живот кинжал. В ужасе смотрел он на нее. Его рот открывался и закрывался, не произнося ни звука. Только он и я знали настоящую цену подарка, которого требовала Лостра. Даже он, со всеми его имениями и сокровищами, собранными за длинную жизнь, не мог себе позволить заплатить за бракосочетание с царем такую цену.

Он быстро пришел в себя. Выражение лица снова стало спокойным и благодушным, но губы были поджаты.

— Ты слишком скромна, милая дочь. Один-единственный раб — неподходящий подарок для невесты фараона. Такая скупость претит моей природе. Я бы предпочел, чтобы ты приняла в дар что-нибудь стоящее, скажем, две тысячи золотых колец и...

— Отец, ты всегда был слишком щедр ко мне. Но сегодня я хочу только Таиту.

Вельможа Интеф обнажил зубы в улыбке, и губы побелели от ярости и стали почти такого же цвета, как и безупречные зубы. Он смотрел на Лостру не отрываясь, и я увидел, какие мысли проносятся в его голове.

Я был самым ценным его владением. Дело не только в широте моих необычайных талантов. Моя цена не только в них. Что гораздо важнее, я знал в подробностях каждую ниточку сложнейших узоров ковра его дел. Я знал каждого осведомителя и шпиона, каждого человека, которого он когда-либо пытался подкупить, и тех, кто давал взятки ему. Я знал, какие долги не оплачены, по каким счетам следуют проценты, кому следует вернуть долг и по каким счетам ему должны.

Я знал всех его врагов, и список этот был велик. Я знал всех, кого он считал своими друзьями и союзниками. Их было намного меньше. Я знал каждый слиток золота в огромных сокровищницах и знал, кто распоряжался его деньгами, кто вел дела и защищал его интересы и как он скрыл от царя, что владел громадными имениями и чудовищными запасами драгоценных металлов и камней, пряча свои богатства в лабиринте долговых актов, актов передачи прав на собственность и долговых обязательств. Все эти сведения привели бы в восторг царских сборщиков податей и могли заставить фараона изменить мнение о великом визире.

Я сомневался в том, что вельможа Интеф может сам удержать каждую ниточку своего обширного хозяйства без моей помощи. Он не мог как следует распоряжаться своими имениями и управлять разветвленной тайной империей без меня, потому что глядел на все свысока и старался отгородиться от самых неприятных проблем. Он предпочитал, чтобы я занимался делами, за которые, если бы они всплыли, его могли привлечь к суду.

Таким образом, я знал о тысячах темных тайн, о тысячах темных дел, о казнокрадстве и вымогательстве, о грабежах, кражах, убийствах, и все эти сведения, вместе взятые, могли погубить даже такого влиятельного человека, как великий визирь.

Я был незаменим. Он не мог отпустить меня. Однако теперь перед лицом фараона и всего населения Фив он не мог отказать Лостре в ее просьбе.

Вельможа Интеф всегда полон злобы и ненависти, но сейчас я увидел в этих глазах такую ярость, что даже Сет, бог гнева, вздрогнул бы и уступил ему дорогу. Никогда в жизни не приходилось мне видеть в его глазах такую ярость, какую я увидел, когда его собственная

дочь загнала его в угол.

— Позовите раба Таиту, пусть выйдет, — позвал он. Я понял, что это всего лишь уловка. Он хотел выиграть время. Я протолкался вперед через толпу и как можно быстрее выбрался к подножию помоста, чтобы оставить ему поменьше времени на обдумывание очередной хитрости.

— Я здесь, господин! — прокричал я, и он уставился на меня своими смертоносными глазами. Мы так долго прожили вместе, что он мог говорить со мной взглядом почти так же ясно, как и словом. Молча глядел на меня, пока сердце мое не забилося от страха, а пальцы не задрожали. Затем сказал мягким, почти любящим тоном:

— Таита, ты живешь со мной почти с самого детства. Ты для меня скорее брат, чем раб. Но ты слышал просьбу моей дочери. По природе своей я человек добрый и справедливый. После стольких лет жизни в моем доме было бы бесчеловечно с моей стороны избавиться от тебя против твоей воли. Я знаю, что у нас не в обычае спрашивать раба, как им распорядиться, но и обстоятельства у нас сейчас необычные. Выбирай, Таита, хочешь ли ты остаться в моем доме, доме, который стал твоим, так как другого ты не знал? Если да, я не смогу отдать тебя. Даже в ответ на просьбу моей собственной дочери. — Он не сводил с меня своих ужасных желтых глаз. Я не трус, но очень беспокоюсь за свою жизнь. Я понял, что гляжу в глаза смерти, и не мог произнести ни слова.

Я с усилием отвел глаза от него и посмотрел на госпожу Лостру. В ее глазах увидел такую мольбу, такое одиночество и ужас, что мысли о собственной безопасности вылетели из моей головы. Я не мог бросить ее сейчас, чем бы мне это ни грозило.

— Как может бедный раб отказать жене фараона? Я готов подчиниться приказу моей новой госпожи! — заорал я во всю силу своих легких. Я надеялся, что голос мой прозвучал мужественно, а не визгливо, как мне самому показалось.

— Иди сюда, раб! — приказала моя новая госпожа — Займи место позади меня.

Когда я взобрался на помост, мне пришлось пройти рядом с вельможей Интефом. Его белые поджатые губы едва шевельнулись, и он произнес так, что я один услышал:

— Прощай, мой милый, ты уже мертвец.

Я содрогнулся, словно ядовитая кобра пересекла мою тропу, и поспешил занять место в свите своей госпожи, как будто и в самом деле верил, что под ее защитой я буду в безопасности.

Я ОСТАВАЛСЯ рядом с Лострой в течение всей свадебной церемонии и прислуживал ей на пиру, постоянно витая у ее плеча и стараясь заставить съесть хоть немного мяса или лакомств, разложенных перед ней. Она была так худа и бледна, что я понял: ничего не ела за последние два дня — с самой помолвки и осуждения Тана. В конце концов я уговорил ее выпить немного разбавленного вина, но это было все, что она согласилась принять. Фараон увидел, как она пьет, и решил, что за его здоровье. Он поднял свою золотую чашу и улыбнулся ей, возвращая здравицу. Гости свадьбы приветствовали новобрачных веселыми криками.

— Таита, — прошептала она, как только великий визирь отвлек на мгновение внимание царя, — боюсь, меня сейчас вырвет. Я больше не могу здесь оставаться. Пожалуйста, отведи меня в мои покои.

Это было дерзостью и пахло скандалом, и если бы мне не пришло в голову взять на себя роль врача, я бы не смог сделать этого. Однако мне удалось проползти на коленях к царю и шепнуть ему о просьбе госпожи, не привлекая излишнего внимания гостей, большая часть которых уже успела изрядно хлебнуть вина.

Когда я узнал фараона получше, то понял, что он человек добрый и тогда в первый раз доказал это. Выслушал мои объяснения, хлопнул в ладоши и обратился к гостям:

— А теперь моя невеста отправится к себе, чтобы подготовиться к предстоящей ночи, — сказал он, и гости, осклабясь, приветствовали это объявление веселыми замечаниями и криками.

Я помог госпоже подняться, но она сама поклонилась царю и покинула трапезную. В своей спальне вытошнила вино в чашу, которую я подержал для нее, и упала на кровать. Кроме вина, в желудке у нее ничего не было, и это подтвердило мои подозрения. Она действительно голодала последние два дня.

— Я не хочу жить без Тана. — Голос был слаб, но я хорошо знал ее и понял, что воля, как обычно, сильна.

— Тан жив, — я попытался утешить. — Он силен и молод и проживет еще лет пятьдесят. Он любит тебя и обещает ждать тебя до окончания века. Царь — человек немолодой. Не будет жить вечно.

Она села на мягком покрывале из меха, и в голосе зазвучала суровая решимость:

— Я — женщина Тана, и никакой другой мужчина не получит меня. Я скорее умру.

— Все мы в конце концов умрем, госпожа. — Если бы мне удалось отвлечь ее от этих мыслей в первые дни замужества, я бы вывел ее из этого состояния. Но она слишком хорошо понимала меня.

— Я знаю, что ты задумал, но все твоё красноречие не поможет тебе сейчас. Я собираюсь убить себя. Я приказываю тебе приготовить мне яд. Я выпью его сегодня.

— Госпожа, я не знаю, как готовить яды. — Попытка эта была бессмысленной, и она без всяких усилий сломала мое сопротивление.

— Я много раз видела, как ты давал яд страдающим животным. Разве не помнишь свою старую собаку, которая мучилась от нарывов в ушах, или свою любимую газель, искалеченную леопардом? Ты говорил мне, что яд этот действует без боли и смерть будет подобна сну. А теперь я хочу уснуть. Я хочу, чтобы меня забальзамировали, тогда я отправлюсь в иной мир и буду ждать Тана.

Я попытался переубедить ее:

— А как же я, госпожа? Ты только сегодня стала моей госпожой. Как можешь бросить меня? Что со мной станет? Пожалей меня! — Я видел, что она колеблется, и решил, что убедил ее, но она упрямо выдвинула челюсть вперед.

— С тобой все будет в порядке, с тобой всегда все будет в порядке. Отец с удовольствием возьмет тебя к себе после моей смерти.

— Пожалуйста, маленькая моя. — Я заговорил с ней, как с ребенком, пытаюсь в последний раз уговорить. — Давай поговорим об этом утром. При солнечном свете все будет выглядеть иначе.

— Все будет так же, — возразила она. — Я буду разлучена с Таном, и этот сморщенный старик захочет, чтобы я легла с ним в постель и занималась ужасными вещами. — Лостра заговорила громко, и теперь остальные жители царского гарема могли слышать каждое слово. К счастью, большая их половина еще не вернулась со свадебного пира, но я задрожал от страха, подумав, как отнесется к этим словам фараон, если ему передадут их.

В ее голосе появились резкие истерические нотки.

— Смешай мне яд сейчас же, на моих глазах, я приказываю тебе. Как смеешь ты ослушаться меня! — Голос прозвучал так громко, что стража у ворот женской половины могла слышать его, и я не осмелился спорить с ней дальше.

— Хорошо, моя госпожа. Я сделаю это. Я должен принести сундучок с лекарствами из своих покоев.

Когда я вернулся с сундучком под мышкой, она ходила по комнате взад и вперед, а глаза горели на бледном горестном лице.

— Я слежу за тобой. Не пытайся перехитрить меня, — сказала она и стала смотреть, как я готовлю зелье. Я насыпал порошка из алой стеклянной бутылочки. Я предупреждал раньше, что содержимое ее смертельно.

Когда я вручил ей чашу с ядом, в глазах у нее не было страха, и она задержалась, только чтобы поцеловать меня в щеку.

— Ты был мне одновременно и отцом, и любящим братом. Я благодарю тебя за твою

последнюю услугу. Я люблю тебя, Таита, мне будет не хватать тебя.

Подняла чашу обеими руками, как будто пила за мое здоровье, а не принимала смертельный яд.

— Тан, милый, — заговорила, подняв чашу, — они никогда не заберут меня у тебя. Мы снова встретимся с тобой на дальнем берегу. — Осушила чашу одним глотком и бросила на пол, где та разлетелась на кусочки. Наконец со вздохом опустилась на кровать.

— Подойди, сядь рядом со мной. Я боюсь остаться одна в момент смерти.

Желудок ее был пуст, и зелье подействовало очень быстро. Лостра успела только повернуть ко мне свое лицо и прошептать:

— Скажи Тану еще раз, как я любила его. До самых ворот смерти и за ними. — Потом глаза закрылись.

Она лежала неподвижно, и кожа была так бледна, что на какое-то мгновение я встревожился, испугавшись, что не рассчитал дозу порошка красного шепена, которым заменил смертельный порошок стручков датуры. Поднес ко рту бронзовое зеркальце, и оно затуманилось. Она дышала. Я нежно накрыл ее и постарался убедить себя, что утром она смирится со своей участью и сможет простить меня.

В тот же самый момент послышался властный стук в дверь. Я услышал голос Атона, царского постельничего, который просил впустить его. Он тоже был евнухом и принадлежал к особому братству — я мог считать его своим другом. Я поспешил ему навстречу.

— Я пришел, чтобы доставить твою госпожу на радость царю, Таита. — Высокий девичий голос казался совершенно неуместным в таком мощном теле. Его кастрировали еще в ранней юности. — Она готова?

— Случилось маленькое несчастье, — пояснил я и провел его в комнату Лостры, чтобы он сам посмотрел на нее.

Атон испуганно надул свои наруганные щеки, когда увидел, в каком она состоянии.

— Как я скажу фараону? Он прикажет меня побить. Я не могу сделать этого. Ты отвечаешь за эту женщину. Ты должен сам обо всем рассказать царю, и пусть его гнев обратится на тебя.

Обязанность эта меня не очень обрадовала, но Атон был искренне расстроен, а положение врача давало мне какую-то защиту от гнева фараона, который не получит невесту в первую ночь. Я неохотно согласился пойти с ним в царскую спальню. Однако до ухода позаботился о том, чтобы одна из рабынь, понадежнее и постарше, осталась в передней у двери моей госпожи.

Фараон снял корону и парик. Его бритая голова была гладкой и белой, как страусиное яйцо. Вид ее поразил даже меня, и я подумал: а как бы госпожа моя восприняла такое зрелище? Я сомневаюсь, что это прибавило бы любовного жара или улучшило ее мнение о царе. Царь был поражен моим приходом не меньше, чем я его видом. Какое-то мгновение мы просто смотрели друг на друга. Потом я упал на колени и приветствовал его.

— В чем дело, раб Таита? Я посылал не за тобой.

— Милостивый фараон! От имени госпожи своей Лостры пришел молить тебя о понимании и снисхождении. — Я начал ужасающее описание здоровья моей госпожи Лостры, украсив его темными медицинскими терминами и объяснениями, которые должны были ослабить царский аппетит. Атон стоял рядом со мной и горячо кивал, подтверждая все, что я говорил.

Я уверен, будь жених помоложе и поретивее, ему не терпелось бы заняться делом, ради которого он женился, и мои слова не подействовали. Но Мамос был старым быком. Трудно даже сосчитать всех красивых женщин, которые за последние тридцать лет пользовались его услугами. Если поставить их в один ряд, они бы, наверное, окружили стовратные Фивы, и не один раз.

— Ваше величество, — Атон наконец прервал мои объяснения. — С вашего позволения я приведу другую спутницу на ночь. Может быть, мне привести маленькую хурритку с ее необычайной властью над...

— Нет, нет, — остановил его царь. — У меня будет достаточно времени на эти радости, когда дитя оправится от своей болезни. Оставь нас, постельничий. Мне нужно обсудить кое-что с лекарем. Я хотел сказать, с этим рабом.

Как только мы остались наедине, царь поднял свою одежду и показал живот.

— Как ты думаешь, лекарь, чем это вызвано? — Я осмотрел сыпь, украсившую его объемистое брюхо, и обнаружил, что оно поражено обыкновенным стригущим лишаем. Некоторые из царских женщин мылись не так часто, как того требует наш жаркий климат. Я давно заметил, что грязь и заразная чесотка ходят рука об руку. Царь скорее всего подхватил заразу от какой-нибудь из своих жен.

— Это опасно? Ты можешь это вылечить? — Страх делает нас всех простыми людьми. Он уже относился ко мне так же почтительно, как и любой другой пациент.

С его позволения я отправился в свою комнату и принес врачебный сундучок. Вернувшись, приказал ему лечь на роскошную кровать, украшенную золотой инкрустацией и слоновой костью, и стал втирать мазь в воспаленные красные кружочки на коже. Мазь эту я составил сам и заверил, что она вылечит лишай за три дня.

— В значительной степени именно ты, лекарь, виноват в том, что я женился на этом ребенке, твоей новой госпоже, — сказал фараон, пока я втирал мазь. — Твоя мазь может излечить сыпь, но сможет ли другое твое лекарство дать мне сына? — спросил он. — Времена сейчас смутные, и мне нужен наследник не позже чем через год. Династия в опасности.

Мы, врачи, всегда неохотно даем гарантии своим пациентам так же, как адвокаты и астрологи. Я задержался с ответом, и он сам подсказал мне его:

— Я уже немолод, Таита. Ты лекарь, и я могу сказать тебе это. Мой клинок повидал множество свирепых битв. Его острие совсем не то, что было раньше, и в последнее время он часто подводит меня именно тогда, когда я больше всего в нем нуждаюсь. Нет ли у тебя в этом сундучке чего-нибудь такого, что укрепило бы увядающий стебель лилии?

— Фараон, я рад, что вы решились поговорить со мной об этом. Иногда пути богов столь таинственны... — мы оба сделали знак, защищающий от сглаза, прежде чем я продолжил, — и ваша первая ночь с моей девственной госпожой должна стать совершенной. Малейшая осечка, малейшее отклонение от нашей цели, малейшая неудача в попытке высоко поднять царский скипетр вашего мужества может сорвать наши усилия. У вас будет только одна возможность, и ваше первое воссоединение должно быть успешным. Если нам потребуется еще одна попытка, вам угрожает опасность родить еще одну девочку. — Я бы не сказал, что медицина подтверждает мои слова, тем не менее мы оба приняли очень серьезный вид, и фараон выглядел гораздо серьезнее, чем я.

Я поднял указательный палец.

— Если бы мы сделали попытку сегодня ночью, и... — Я замолчал, красноречиво согнув указательный палец, и покачал головой. — Нет, удача преградила нам дорогу, и теперь нам предоставляется другая возможность. Боги не оставят нас.

— Что же нам делать? — беспокойно спросил он. Я замолчал и довольно долго стоял на коленях у его кровати, погрузившись в размышления.

Мне было очень трудно скрыть чувство облегчения и удовлетворения, переполнявшие меня. В первый же день замужества госпожи я уже получил влияние на царя, и у меня появился прекрасный повод сохранять ее девственность еще некоторое время, может быть, даже достаточно долгое для того, чтобы приготовить к жестокому потрясению — первому детородному акту с мужчиной, которого она не любила и к которому испытывала физическое отвращение. Я сказал себе, что умелыми действиями я смогу продлить этот период.

— И правда, ваше величество, я могу помочь вам, но на это потребуется много времени. Сыпь вылечить гораздо легче. — Мысли бурей проносились у меня в голове. Мне нужно было выжать каждую капельку из этой губки. — Но вам придется перейти на очень строгую диету.

— Только умоляю, лекарь, никаких бычьих яиц.

— Я думаю, этого достаточно. Однако нам потребуется согреть вашу кровь и смягчить детородную жидкость для судьбоносной попытки. Для этого понадобится теплое козье молоко с медом три раза в день. И разумеется, особые лекарства, которые я приготовлю для вас из рога носорога и корня мандрагоры.

Он вздохнул с облегчением.

— Ты уверен, что оно подействует?

— Оно всегда действует, но есть одно необходимое условие.

— Какое же? — Облегчение его улетучилось. Он сел на постели и беспокойно поглядел на меня.

— Полное воздержание. Нужно дать царственному члену отдохнуть, чтобы он полностью восстановил прежние силу и мощь. Вам придется оставить ваших женщин и все радости, с ними связанные. — Я произнес эти слова с самоуверенным видом врача, которому нельзя возражать, потому что только таким образом я мог обеспечить неприкосновенность госпожи Лостры. Однако меня беспокоила ответная реакция царя. По вполне понятным причинам его могла рассердить сама мысль о лишении супружеских наслаждений. Он мог отказаться от моих средств, и тогда я потерял бы то преимущество, которое только что получил. Но приходилось рисковать ради благополучия своей госпожи. Мне нужно было защищать ее как можно дольше.

Реакция царя поразила меня. Он просто откинулся на подголовник и самодовольно улыбнулся.

— На какое время? — спросил он довольно веселым голосом, и меня поразила одна мысль: строгое ограничение было приятным для него. Я, как человек, для которого акт любви с красивой женщиной навсегда стал недостижимой мечтой, мог лишь с огромным усилием понять, что фараона удовлетворил мой совет, так как давал ему повод освободить себя от выполнения обязанностей, когда-то приносивших радость, но сейчас, после стольких лет повторений, ставших обузой.

В то время во дворце находилось по крайней мере три сотни жен и наложниц, а некоторые из азиатских женщин славятся своим неутолимým аппетитом. Я даже не мог без сочувствия подумать о том, каких усилий стоило ему год за годом каждую ночь изображать бога в постели. И теперь перспектива ограничить его страсти уже не пугала меня, так как он, похоже, просто устал от них.

— Девяносто дней, — сказал я.

— Девяносто дней? — задумчиво переспросил он. — Девять египетских недель по десять дней каждая?

— По меньшей мере столько, — твердо подтвердил я.

— Хорошо, — кивнул он без всякого недовольства и легко переменял тему разговора.

— Постельничий сказал мне, что ты умеешь не только лечить людей, но и являешься также одним из трех самых выдающихся астрологов нашего Египта. Так ли это?

Я с удивлением спросил себя, почему мой друг постельничий так меня охарактеризовал? Что касается меня, то я просто не слышал о двух других астрологах. Однако скромно склонил голову.

— Он льстит мне, ваше величество, хотя, возможно, я и обладаю некоторыми знаниями о небесных телах.

— Составь мой гороскоп! — приказал он и быстро сел в постели.

— Теперь? — с удивлением спросил я.

— Да, теперь! Почему бы и нет? По твоему приказу мне все равно сейчас делать нечего. — Улыбка, неожиданно появившаяся на его лице, была настолько любезной, что я неожиданно почувствовал симпатию к нему, несмотря на вред, который он нанес Тану и моей госпоже.

— Мне придется принести кое-какие свитки из дворцовой библиотеки.

— В нашем распоряжении вся ночь. Неси все, что нужно.

Время и день рождения царя были задокументированы очень точно, а в свитках я нашел все необходимые наблюдения небесных тел, сделанные пятьюдесятью поколениями астрологов до моего рождения. Пока царь жадно следил за моими действиями, я сделал первый набросок гороскопа, но не успел закончить его и наполовину, как увидел характер человека таким, каким сам узнал, — звезды предопределяли его до мельчайших подробностей. Великая красная блуждающая звезда, которую мы называем глазом Сета, господствовала над его судьбой. Это была звезда столкновений и неопределенности, смятения и войны, печали и несчастья, а в конце она обещала насильственную смерть.

Но как мог я сказать ему такое?

Я быстро составил по порядку список слегка затуманенных событий его жизни и вставил среди множества широко известных сведений несколько мало известных, которые узнал от своих осведомителей, — царский постельничий был одним из них. Затем закончил гороскоп обычными уверениями в его добром здравии на будущее и долгой жизни, ожидающей его. Посетители астрологов всегда рады слышать их.

Описание собственной жизни произвело на царя глубокое впечатление.

— Ты действительно обладаешь всеми талантами, о которых говорит твоя репутация.

— Благодарю вас, ваше величество. Я рад, что смог услужить вам. — Я начал собирать свитки и письменные принадлежности перед тем, как попрощаться и уйти. Было уже очень поздно. В темноте за стенами дворца кричали первые петухи.

— Подожди, Таита, я еще не отпустил тебя. Ты не сказал мне то, что я действительно хочу узнать. Будет ли у меня сын и продлится ли моя династия?

— Увы, фараон, звезды не могут предсказывать такое. Они могут только указывать общее направление своего влияния или общее течение вашей жизни, но не проясняют подобных деталей...

— Да, — оборвал он меня, — но есть другие способы заглянуть в будущее, не так ли? — Меня встревожила новая тема разговора, и я попытался отвлечь его, но Мамос упрямо стоял на своем.

— Ты заинтересовал меня, Таита, и я навел о тебе справки. Ты ведь один из адептов лабиринтов Амона-Ра.

Меня расстроили его слова. Как он узнал об этом? Очень немногие знали об эзотерическом даре, которым я обладал, и я не хотел, чтобы весть о нем распространялась. Однако не мог открыто отрицать и промолчал.

— Я видел лабиринты на дне твоего сундучка с лекарскими принадлежностями, — сказал фараон, и я почувствовал облегчение. Хорошо, что не попытался отрицать свой дар и не был пойман на открытой лжи. Я смиренно пожал плечами, потому что знал, что сейчас произойдет.

— Обратись к лабиринтам и скажи, будет ли у меня наследник и не оборвется ли моя династия, — приказал он.

Гороскоп — это одно, тут требуется только знание расположения звезд и их свойств. Немного терпения, и правильная процедура поможет получить довольно точное предсказание. Однако ясновидение в лабиринтах Амона— Ра — совершенно иное дело. Оно требует расхода жизненных сил, при этом сжигается нечто, находящееся глубоко в существе видящего, и истощение и усталость долго не покидают его после путешествия в мир видений.

Уже в те дни я всячески старался избегать обращения к этому дару. Правда, в редких случаях меня еще можно было уговорить обратиться к лабиринтам, но затем многие дни после этого я чувствовал себя истощенным и духовно, и физически. Госпожа Лостра, которая знала об этих странных силах моей души и о том, как они действуют на меня, запретила, ради моего же блага, обращаться к ним, за исключением тех случаев, когда она сама просит об этом.

Однако раб не может отказать царю, и я со вздохом достал со дна сундучка кожаный

мешочек с лабиринтами. Я отложил его в сторону и приготовил смесь сушеных трав, которые открывают глаза души, чтобы она могла заглянуть в будущее. Выпил смесь этих трав и подождал, пока знакомое ужасное ощущение, будто я поднимаюсь из собственного тела, не охватило меня. Я чувствовал сонливость, реальность казалась далекой, когда наконец достал из кожаного мешочка лабиринты.

Лабиринты Амона-Ра состояли из десяти кружков слоновой кости. Десять — таинственное число величайшей силы. Каждый кружок представляет одну из сторон человеческой жизни от рождения до смерти и после нее. Собственными руками я вырезал знаки на плоской стороне каждого лабиринта. Каждый из них был маленьким шедевром. Постоянными обращениями к ним, прикосновениями и своим дыханием за многие годы я сумел вдохнуть в них часть собственной жизненной силы.

Я высыпал их из мешочка и начал ласкать, сконцентрировав на них всю свою энергию. Очень скоро они стали теплыми на ощупь, как живая плоть, и я почувствовал знакомое состояние опустошения, когда моя собственная сила стала перетекать в кружки слоновой кости. Я расставил лабиринты лицевой стороной вниз двумя стопками и предложил фараону взять по очереди каждую стопку и тереть диски пальцами, сосредоточив на них все свое внимание и повторяя одновременно вслух свои вопросы: «Будет ли у меня сын?», «Выживет ли моя династия?».

Я полностью расслабился и раскрыл свою душу, чтобы духи пророчества вошли в нее. Звук голоса фараона начал проникать в мою душу все глубже и глубже, как камни, выпущенные из пращи, когда они бьют в одну и ту же точку.

Я начал раскачиваться, сидя на полу, как кобра качается под флейту факира. Зелье подействовало всей своей силой. Я почувствовал, будто тело мое не имеет веса, а сам я парю в воздухе. Заговорил, и голос мой раздался где-то далеко и странным эхом откликнулся в моей собственной голове, как будто я сидел в пещере глубоко под землей.

Я приказал царю подышать на каждую стопку, а потом поделить их на две половины, отставив в сторону одну часть и взяв себе другую. Я снова и снова заставлял его делить стопки пополам и снова складывать остатки до тех пор, пока у него в руках не осталось два кружка лабиринтов.

Он последний раз подышал на них, а затем по моему указанию вложил кружки в мои ладони. Я сжал пальцы и прижал кулаки с лабиринтами к груди. Почувствовал, как сердце мое забилося, ударяясь о сжатые кулаки и поглощая влияние лабиринта.

Я закрыл глаза, и в темноте начали появляться тени, странные звуки наполняли мои уши. Ни в звуках, ни в тенях не было ни формы, ни связности — только смятение. Голова моя кружилась, чувства притупились. Я почувствовал, что стал еще легче и поплыл в пространстве. Позволил себе улететь вверх, словно превратился в стебелек сухой травы, подхваченный смерчем, песчаным демоном летней Сахары.

Звуки в моей голове прояснились, и темные образы стали приобретать формы.

— Я слышу крик новорожденного. — Голос мой звучал искаженно, словно небо мое было разорвано при рождении.

— Это мальчик? — Вопрос фараона забился, запульсировал у меня в голове так, что я скорее почувствовал, чем услышал его.

Затем видение начало укрепляться и твердеть, и я увидел себя в длинном черном тоннеле, в конце которого сиял свет. Кружки из слоновой кости, сжатые в моих руках, обжигали кожу, как головешки.

И вот в конце тоннеля в нимбе света я увидел ребенка, лежащего в кровавой луже родовых вод, а на животе у него свернулся питон плаценты.

— Я вижу ребенка, — прохрипел я.

— Это мальчик? — спросил фараон из окружающей меня темноты.

Ребенок заорал и вскинул ножки вверх, и я увидел между пухлыми бедрами маленький пальчик плоти, увенчанный колпачком из сморщенной кожи.

— Мальчик, — подтвердил я и почувствовал вдруг неожиданную нежность к этому

призраку, рожденному в моем сознании, как будто он был реальным существом из плоти и крови. Сердце мое потянулось к нему, но образ уже угас, и крик новорожденного затих в темноте.

— А династия? Что станет с моей породой? Выдержит ли она испытания?

Голос царя достиг меня и снова затерялся в какофонии других звуков, заполнивших голову, — он затерялся в звуках боевых рогов, криков людей в смертельном бою и звоне бронзовых клинков. Я увидел небо над своей головой: оно было темным от стрел, пролетающих надо мной.

— Война! Я вижу огромную битву, которая изменит этот мир! — прокричал я, чтобы перекрыть звуки сражения, заполнявшие мое сознание.

— Выживет ли моя династия? — В голосе царя слышалась лихорадочная тревога, но я не обращал на него внимания, потому что в ушах у меня стоял могучий рев, подобный самому пустыни или же водам Нила, прорывающимся через скалистые пороги. Я увидел странную желтую тучу, которая закрыла горизонт, в туче то и дело вспыхивали огоньки, и я понял, что это солнце отражается на доспехах и оружии.

— Как же моя династия? — Голос фараона снова притягивал меня, и видение это угасло. В голове наступила тишина, и я увидел дерево на берегу реки. Это была огромная акация в полном расцвете сил, ветви ее клонились под тяжестью плодов. На самой верхней ветке сидел царственный ястреб. На моих глазах ястреб изменился, превратился в двойную красно-белую корону обоих царств Египта, в которой сплелись папирус и лотос — символы Верхнего и Нижнего царств. Затем перед моими глазами воды Нила поднялись и спали. И так пять раз наступало половодье Нила. Я смотрел до боли в глазах. Вдруг небо над деревом потемнело, и плотная туча саранчи опустилась на него. Саранча полностью скрыла дерево. Когда стая поднялась, оно было объедено, не осталось ни следа зелени. Ни листочка не было на сухих коричневых прутьях. Затем мертвое дерево наклонилось и тяжело рухнуло на землю. Падение раздробило ствол, и корона разлетелась на кусочки. Осколки ее превратились в пыль, и ветер пустыни унес их. Ничего не осталось на том месте, кроме ветра и сыпучих песков.

— Что ты видишь? — спросил фараон. Видение угасло, и я снова ощутил себя на полу царской спальни. Я задыхался, словно пробежал огромное расстояние, соленый пот жег глаза и ручьями тек по моему телу, на полу подо мной образовалась лужа. Меня трясла лихорадка, я чувствовал знакомое подташнивание и тяжесть в животе. Знал, что буду испытывать их еще много дней.

Фараон смотрел, широко раскрыв глаза, и я понял, какой страшный и осунувшийся у меня вид.

— Что ты видел? — прошептал он. — Выживет ли моя династия?

Я не мог правдиво рассказать ему свое видение, поэтому придумал другое, чтобы удовлетворить его.

— Я видел лес могучих деревьев, который простирался до самого горизонта. Деревьям этим не было числа, и на вершине каждого из них сияла корона. Красно-белая корона обоих царств.

Фараон вздохнул и на некоторое время закрыл ладонями глаза. Мы сидели молча, и я понимал, что моя ложь принесла ему облегчение. Даже исполнился сочувствием к нему.

Потом я снова солгал.

— Лес, который я видел, представлял ваших потомков, — прошептал я, пожалев его. — Он простирался до конца веков, и на каждом из них была корона Египта.

Он убрал ладони с глаз, и на лице засияла такая благодарность, что сердце мое наполнилось жалостью.

— Благодарю тебя, Таита. Я вижу теперь, как ясновидение сказалось на твоих силах. Ты можешь пойти отдохнуть. Завтра двор отплывает в мой дворец на острове Элефантина. Я отведу тебе и твоей госпоже отдельную ладью, чтобы вы путешествовали в полной безопасности. Храни ее! Ты отвечаешь за нее жизнью, потому что она — тот самый сосуд, в

котором зреют семена моего бессмертия.

Я так ослаб, что мне пришлось опереться на спинку кровати, когда вставал на ноги. Доковылял до двери и оперся о косяк. Однако я не настолько ослаб, чтобы забыть свои обязанности по отношению к госпоже.

— Нужно позаботиться о брачной простыне. Жители города будут ждать ее, — напомнил я ему. — И ваша репутация, и репутация моей госпожи зависят от этого.

— Что ты предлагаешь, Таита? — Он уже целиком полагался на меня. Я сказал, что нужно сделать, и он кивнул.

— Позаботься об этом!

Я осторожно свернул простыню, покрывавшую царскую кровать. Она была сделана из тончайшего полотна, белого, как кучевые облака летом, и вышита тончайшей шелковой нитью, которую лишь изредка доставляют караваны с востока. Унося с собой сложенную простыню, я покинул спальню царя и отправился по спящему дворцу на женскую половину.

Госпожа моя спала как мертвая. Я дал ей столько красного шепена, что она проспит целый день и проснется скорее всего только к вечеру. Я посидел немного рядом с ней на кровати. Чувствовал себя усталым и подавленным, потому что лабиринты истощили мои силы. Образы, рожденные ими, еще тревожили меня. Я был уверен в том, что ребенок этот был рожден моей госпожой, но как объяснить остальную часть видения? У этой загадки, казалось, не было ответа, и я отложил ее в сторону, потому что у меня была другая, более срочная работа.

Усевшись на корточки перед кроватью Лостры, я расправил вышитую простыню. Кинжал у меня был такой острый, что мог сбрить волосы с руки. Я выбрал одну из голубых рек крови на запястье и проткнул ее кончиком кинжала, а затем посмотрел, как тоненькая струйка крови потекла на простыню. Когда размеры пятна удовлетворили меня, я обмотал запястье полоской полотна, чтобы остановить кровь, и связал запачканную простыню в узел.

Рабыня все еще оставалась в прихожей. Я приказал, чтобы никто не смел беспокоить сон Лостры. Зная, что о ней хорошо позаботятся, я мог оставить ее здесь и забраться по лестнице на внешнюю стену гарема.

День только начинался, но толпа любопытных, в основном состоявшая из старух и зевак, уже собралась под стенами дворца. Они все с любопытством посмотрели вверх, когда я появился на стене.

Я картинно встряхнул простыню перед тем, как разложить ее по краю стены. Пятно крови в середине имело форму цветка, и толпа тут же загудела, обсуждая этот знак девственности моей госпожи и мужской силы жениха.

Позади толпы я заметил человека, который был намного выше остальных. Голову его скрывал полосатый шерстяной платок. Только когда он откинул его и открыл лицо и голову с копной горящих красно-золотых волос, я узнал его.

— Тан! — закричал я. — Мне нужно поговорить с тобой.

Он посмотрел вверх, и в глазах его я увидел такую боль, какую не хотел бы увидеть еще раз. Это пятно крови на простыне разбило его жизнь. Я знал муки потерянной любви и до сих пор помнил их во всех подробностях, хотя прошло столько лет. Рана в сердце Тана была свежей, она кровоточила и мучила его гораздо сильнее, чем любая другая, нанесенная бронзовым клинком на поле брани.

Ему не выжить без моей помощи.

— Тан! Подожди меня.

Он снова набросил платок на голову, скрыв лицо, и отвернулся. Шатаясь как пьяный, пошел прочь.

— Тан! Вернись! Мне нужно поговорить с тобой. Он не оглянулся, но ускорил шаг.

К тому времени, когда я слез со стены и выбежал из главных ворот дворца, он уже исчез в лабиринте узких улочек и глинобитных хижин города.

ПОЧТИ ВСЕ утро я потратил на поиски Тана, но в отряде и дома его не было, как не

было и в других обычных местах.

В конце концов мне пришлось оставить поиски и отправиться к себе на половину мальчиков-рабов. Царская флотилия готовилась отбыть на юг. Мне надо было собрать вещи и упаковать их, чтобы быть готовым к отплытию вместе с госпожой. Я отбросил тяжелые мысли, навеянные образами лабиринтов, и воспоминания о Тане и занялся увязыванием своих вещей. Я покидал единственный дом, который мог назвать своим на этом свете.

Мои зверюшки, казалось, почувствовали, что происходит что-то неладное. Они волновались, чирикали и скулили, и каждый из них старался по-своему привлечь мое внимание. Дикie птицы прыгали и порхали на мощенной каменными плитами террасе, а в углу, около моей кровати, сидели два моих любимых сокола сапсана; они расправляли крылья, ерошили перья на спинах, кричали на меня со своих насестов. Собаки, кошки и ручные газели толпились вокруг, стараясь потереться об меня, и мешали увязывать вещи. В отчаянии я обвел глазами комнату, пытаюсь чем-нибудь отвлечь их внимание.

Мой взгляд упал на кувшин с кислым козьим молоком у кровати. Кислое молоко — один из любимейших моих напитков, и мальчики всегда стараются проследить, чтобы кувшин этот никогда не был пуст. Зверюшки тоже обожают свернувшееся молоко. Поэтому, чтобы отвлечь их, я вынес кувшин на террасу и наполнил их глиняные чашки кислым козьим молоком. Они столпились возле чашек, стараясь отпихнуть друг друга. Там я их и оставил и вернулся к своим занятиям, загородив вход в комнату плетеным щитом.

Удивительно, сколько может накопиться вещей даже у обыкновенного раба. Задолго до того, как я кончил увязывать свои вещи, у стены выросла высокая гора сундучков и узлов. К этому времени от усталости и подавленного настроения я едва держался на ногах. Однако не настолько потерял бдительность, чтобы не обратить внимания на странную тишину. Остановился на мгновение посередине комнаты и беспокойно прислушался. Тишину нарушал только звон бубенчиков на лапах самки сокола, сидевшей в заднем углу комнаты и смотревшей на меня безжалостным взглядом хищника. Самец, который был меньше ростом, но красивее ее, спал на своем месте в противоположном углу комнаты, так как голова его была накрыта мягким колпачком. Никто из моих любимчиков не издавал ни звука. Кошки не мяукали и не шипели на собак, дикие птицы не чирикали и не пели, щенки не рычали и не прыгали по полу, играя друг с другом.

Я подошел к плетенному щиту, закрывавшему вход, и отодвинул его. Солнечный свет хлынул в комнату и на мгновение ослепил меня. Потом зрение вернулось, и я закричал от ужаса. Тела моих зверюшек усеяли террасу и сад.

Они лежали, скрючившись, повсюду, там, где смерть застала их. Я выбежал к ним, звал моих любимчиков, становился на колени, брал их на руки и прижимал к себе бессильные теплые тела в поисках признаков жизни, но не мог найти даже искорки, хотя потрогал каждого. Птицы лежали у меня в руках маленькими комочками, смерть еще не успела лишить их оперение ярких красок.

Мне показалось, что сердце мое, и так перегруженное горем, вот-вот сломается под тяжестью новой беды. Я опустился на колени посередине террасы. Мое семейство лежало вокруг меня.

Прошло довольно много времени, прежде чем я смог заставить себя подумать о причине этой трагедии. Тогда встал и подошел к пустым чашкам, лежавшим на каменных плитах. Они чисто вылизали их, но я понюхал каждую, стараясь уловить запах, по которому можно узнать яд, предназначенный для меня. Запах кислого молока перебивал все. Я узнал только, что этот смертоносный яд действует быстро.

Я задумался было о том, кто же поставил кувшин у моей кровати, но разыскивать этого человека не имело смысла, так как я знал наверняка, кто приказал сделать это. «Прощай, мой милый. Ты уже мертв», — сказал мне вельможа Интеф. И он не стал долго ждать.

Гнев, который охватил меня, походил на безумие. Последствия обращения к лабиринтам и переживания предыдущей ночи только усилили мою ярость. Меня вдруг затрясло от такой злобы, какой я еще никогда не испытывал. Я вытащил из-за пояса свой

кинжал и, не понимая, что делаю, бросился по ступенькам террасы с обнаженным клинком в руке. Знал, что Интеф сейчас находится в своем водном саду. Я не мог больше думать о нем как о своем господине. В памяти возникли все те оскорбления, которые он нанес мне, вся боль и унижения, которые он заставил меня испытать. Я собирался убить его, вонзив стократно свой маленький кинжал, и поразить это жестокое, злобное сердце.

Я уже почти добежал до ворот водного сада, но вовремя опомнился. У входа в сад стояло полдюжины стражников, а внутри их будет гораздо больше. Мне даже не удастся приблизиться к великому визирю. Они разрубят меня на куски. Я заставил свои ноги остановиться и повернуть назад. Сунул кинжал, украшенный драгоценными камнями, в ножны и перевел дыхание. Затем медленно вернулся на террасу и собрал маленькие жалкие тела своих любимцев.

Я собирался посадить по краю своего участка ряд смоковниц. Ямы для них были вырыты. Теперь никто не посадит эти деревья, так как я покидаю Карнак, и ямы послужат могилами для моих любимых зверюшек. Было уже за полдень, когда я засыпал последнюю могилу, но ярость моя не утихала. Если я не мог отомстить за все, то мог, по крайней мере, отомстить частично, в предвкушении будущей мести.

В кувшине возле моей кровати еще осталось немного кислого молока. Я взял его в руки и подумал, нельзя ли каким-нибудь образом доставить его на кухню великого визиря. Стоило отплатить ему его же монетой. Но в душе я подумал, что мысль эта бесполезна. Вельможа Интеф слишком хитер, чтобы его застали врасплох. Я сам помог ему разработать меры предосторожности, которые обезопасили его от яда наемного убийцы. Без тщательной подготовки к нему не подобраться, а сейчас он будет настороже. Нужно проявить терпение, но это было невозможно. Если я не мог убить его самого, то мог отплатить ему частично, как бы уверив в том, что полная расплата неумолимо последует за первым взносом.

Держа в руках смертоносный кувшин, я выскользнул через задний ход половины мальчиков на кухню и на улицу. Мне не пришлось долго разыскивать молочника, окруженного стадом коз. Я подождал, пока он наполнил мой кувшин до краев жирным молоком, выдоенным при мне из раздувшегося вымени, и отдал его мне. Кто бы ни приготовил этот яд, он положил в кувшин столько, что отравил бы половину жителей Карнака. В кувшине наверняка осталось более чем достаточно яда.

Один из стражников визиря лениво торчал у дверей в комнату Расфера. Если у дверей стоял стражник, Расфер еще сохранял ценность для вельможи Интефа, и потеря ближайшего помощника не только рассердит его, но и принесет серьезное беспокойство.

Стражник узнал меня и жестом пригласил в комнату больного, где воняло, как в свинарнике. Расфер лежал на грязной постели, обливаясь потом. Я сразу понял, что операция прошла успешно. Расфер открыл глаза и слабо выругался. Он уже был уверен в своем окончательном выздоровлении и мог со мной не цацкаться.

— Где ты был, бесполой мошенник? — прорычал он, и решимость моя окрепла. Я избавился от последних следов жалости. — Если бы ты знал, какая боль мучила меня с тех пор, как ты сделал дырку в моем черепе. Что ты за врач... Палач продолжал в том же духе, а я, сделав вид, будто не обращаю внимания на его ругательства, разбинтовал грязную повязку на голове и осмотрел рану. С чисто профессиональным интересом рассматривал маленькую ранку, оставленную сверлом. Операция была проведена безупречно, и я даже почувствовал какое-то сожаление от того, что мои труды пропадут даром.

— Дай мне что-нибудь от боли, евнух! — Расфер попытался схватить меня за край одежды, но я увернулся от него и отступил в сторону.

Сделал вид, будто сыплю лекарство из стеклянного флакончика в его чашу, — это была обыкновенная соль. Потом долил из своего кувшина молока и поставил чашу на пол.

— Если боль будет слишком сильной, это ослабит ее, — сказал ему. Даже сейчас я не мог заставить себя дать в руки чашу с ядом.

Он приподнялся на локте и потянулся к ней, чтобы выпить содержимое. Но не успели его пальцы коснуться чаши, как я оттолкнул ее ногой. В тот момент мне показалось, что

мной двигало простое желание продлить удовольствие. Нравилось смотреть, как он мучается, и слушать жалобный вой:

— Добрый Таита, дай мне лекарство. Дай выпить его. Боль в голове сводит меня с ума.

— Давай-ка сначала поговорим, добрый Расфер. Ты слышал о том, что госпожа Лостра попросила меня в качестве прощального подарка от вельможи Интефа?

Несмотря на боль, он ухмыльнулся.

— Ну и дурак же ты, если думаешь, что он тебя отпустит. Ты уже мертв.

— Именно это мне сказал вельможа Интеф. Будешь ли ты горевать обо мне, Расфер? Будешь ты оплакивать меня, когда меня не станет? — спросил я. Он захихикал было, а потом остановился и посмотрел на чашу с лекарством.

— По-своему я всегда любил тебя, — прохрипел он. — А теперь дай чашу.

— А ты очень любил меня, когда кастрировал? — спросил я, и он уставился на меня, не говоря ни слова.

— Но ведь ты не можешь обижаться на меня так долго. Это было так давно, и, кроме того, я не мог не выполнить приказа вельможи Интефа. Будь умницей, Таита, дай чашу.

— Ты смеялся, когда резал меня. Почему ты смеялся? Почему это так развеселило тебя?

Он пожал плечами и поморщился от боли, которую причинило это движение.

— Я веселый человек. Я всегда смеюсь. Ну же, дружище. Скажи, что ты меня прости, и дай чашу.

Я подвинул к нему чашу ногой. Он схватил ее, и я увидел, что движения у него еще очень неуверенные. Молоко расплескалось, пока он поднимал чашу ко рту.

Я не сознавал, что делаю, до тех пор, пока не прыгнул вперед и не вышиб чашу у него из рук. Она упала на пол и, не разбившись, откатилась в угол комнаты. Молоко расплескалось по стене.

Расфер и я уставились друг на друга. Мои собственные глупость и слабость потрясли меня. Если кто-нибудь на свете и заслуживал мучительной смерти от яда, так это Расфер. Но перед глазами встали скрюченные тела моих любимчиков, разбросанные по саду и по террасе, и я понял, почему не смог дать Расферу яд. Только враг рода человеческого мог совершить нечто подобное. Я слишком высоко ценил себя, чтобы опуститься до такого позора.

Я увидел по налитым кровью глазам Расфера, что он начал понимать, в чем дело.

— Яд, — прошептал он. — В чаше был яд.

— Его прислал мне вельможа Интеф. — Не знаю, почему я рассказывал ему об этом. Наверное, просто старался оправдать свой отвратительный поступок — попытку отравить его, которую я чуть было не совершил. Не понимаю, почему я так странно вел себя. Может быть, это было последствием лабиринтов. Слегка пошатываясь, я пошел к двери.

Расфер рассмеялся за моей спиной. Сначала смеялся тихо, потом все громче и громче, пока его хохот не начал сотрясать стены.

— Ты дурак, евнух, — гоготал он. Я прибавил шаг и побежал. — Ты должен был сделать это. Ты должен был убить меня, потому что теперь, клянусь собственной задницей, я сам тебя убью.

Как я и предполагал, госпожа Лостра еще спала, когда я вернулся в ее комнату. Я устроился на полу у ее ног, собираясь подождать, пока она проснется. Однако после тяжелого дня и бессонной ночи усталость пересилила меня. Я тяжело опустился на пол и уснул, свернувшись, как щенок, на каменных плитах.

ПРОСНУЛСЯ я от того, что кто-то на меня напал. Меня ударили по голове так больно, что я вскочил на ноги, не успев толком прийти в себя. Следующий удар пришелся по плечу и обжег мне кожу, как укус шершня.

— Ты обманул меня! — кричала госпожа Лостра. — Ты не дал мне умереть! — Она снова размахнулась всером. Это было огромное орудие с бамбуковой ручкой длиной добрых

две сажени и литым серебряным держакom для страусиных перьев на конце. К счастью, она еще не оправилась после действия снотворного и глубокого сна и целилась плохо. Я увернулся от удара, и веер с размаху развернул ее и повалил на постель.

Она бросила веер и расплакалась.

— Я хотела умереть. Почему ты не дал мне умереть? Прошло довольно много времени, прежде чем я смог приблизиться к ней и обнять за плечи, чтобы как-нибудь утешить.

— Я ушибла тебя, Таита? — спросила она. — Я никогда еще не била тебя.

— Твоя первая попытка оказалась очень успешной, — горестно поздравил я ее. — В самом деле, она была настолько успешной, что не следует больше тренироваться. — Я театрально потер ушиб на голове, и Лостра улыбнулась сквозь слезы.

— Бедный Таита, я так плохо с тобой обращаюсь. Но на этот раз ты заслужил. Ты обманул меня. Я хотела умереть, а ты ослушался меня.

Я увидел, что пора сменить тему разговора.

— Госпожа, я принес чрезвычайно интересную весть. Однако ты должна обещать мне никому не рассказывать о ней, даже своим служанкам. — С того самого времени, как Лостра научилась говорить, она не могла устоять перед соблазном узнать какую-нибудь тайну. Да и какая женитна устоит перед этим?! Достаточно было пообещать раскрыть ей какой-нибудь секрет, и это всегда отвлекало ее. Теперь это снова действовало.

Хотя сердце ее было разбито, а мысли о самоубийстве все еще роились в голове, она быстро проглотила слезы.

— Говори, — приказала она мне.

За последнее время у меня накопилось довольно много тайн, и было из чего выбирать. Я задумался на мгновение. Что же ей рассказать? Конечно, не буду ей рассказывать ни о смерти своих зверюшек, ни о том, как я видел Тана. Мне нужно было чем-то развлечь ее, а не усиливать печаль.

— Прошлой ночью я отправился в спальню фараона и говорил с ним половину ночи.

Слезы снова появились у нее на глазах.

— Таита, я терпеть его не могу. Это уродливый старик. Я не хочу, чтобы...

Я не хотел слышать ничего подобного. Еще немного, и она начала бы плакать. Поэтому я поспешно продолжил:

— Я обратился к лабиринтам для него.

Это немедленно привлекло ее внимание. Госпожа Лостра совершенно без ума от моих способностей ясновидца. Если бы не вред, который лабиринты наносят моему здоровью, она бы заставляла меня обращаться к ним каждый день.

— Говори, что ты видел! — Она уже обо всем забыла. Мыслей о самоубийстве как не бывало, печали тоже. Она была еще так молода и так безыскусна, что мне даже стыдно стало своей хитрости, хотя я и пошел на нее ради госпожи Лостры, ради ее благополучия.

— Я видел необычайнейшие картины. И никогда еще они не были такими ясными и глубокими...

— Говори! Я умру от нетерпения, если ты немедленно не расскажешь мне все.

— Сначала ты должна поклясться хранить тайну. Ни одна душа не должна узнать о том, что я видел. Это дело государственное, и последствия могут быть крайне тяжелыми.

— Клянусь, клянусь!

— К таким вещам нельзя относиться легкомысленно...

— Ну же, Таита, ты дразнишь меня. Я приказываю тебе рассказать мне сейчас же или...

— Она порылась у себя в голове в поисках подходящей угрозы: ... Или я снова побью тебя.

— Очень хорошо. Слушай же, что я видел. Это было огромное дерево на берегу Нила. На вершине дерева я видел корону Египта.

— Фараон. Дерево это — наш царь. — Она все мгновенно поняла, и я кивнул ей. — Продолжай, Таита.

— Я видел, как Нил поднялся и опустился пять раз.

— Пять лет, пройдет пять лет! — Она восторженно захлопала в ладоши. Госпожа

Лостра обожает разгадывать загадки моих снов.

— Потом дерево пожрала саранча, оно упало и обратилось в прах.

Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза, не в силах произнести нужные слова, и мне пришлось говорить самому.

— Через пять лет фараон умрет, и ты станешь свободной женщиной. Будешь свободна от власти твоего отца, свободна уйти к Тану, и никто не сможет остановить тебя.

— Если ты лжешь мне сейчас, это слишком жестоко с твоей стороны, невыносимо жестоко. Пожалуйста, скажи, что это правда.

— Это правда, госпожа, но это не вся правда. В своем видении я видел новорожденного, и это был мальчик, сын. Я почувствовал, что люблю этого ребенка всем сердцем, и понял, что ты его мать.

— Но кто отец, кто отец моего ребенка? О, Таита, пожалуйста, скажи мне.

— В своем видении я был абсолютно уверен, что отцом его будет Тан. — Это было первым отклонением от истины, которое к себе позволил. Но и сейчас я утешил себя тем, что делаю это ради ее благополучия.

Она долго сидела молча, но лицо сияло внутренним светом, и сияние это было лучшей наградой для меня. Потом наконец прошептала:

— Я смогу ждать пять лет. Я была готова ждать его целую вечность... Мне будет тяжело, но я смогу ждать Тана пять лет. Ты был прав, когда не дал мне умереть, Таита. Моя смерть была бы оскорблением богов.

Я с облегчением выслушал эти слова и теперь почувствовал уверенность в том, что смогу провести ее по дороге, которая ожидала впереди.

НА РАССВЕТЕ следующего дня царская флотилия отплыла на юг из Карнака. Как и обещал фараон, госпожа Лостра и ее свита поместились на борту маленькой быстроходной ладьи южной военной флотилии.

Я сидел со своей госпожой на корме под навесом, сооруженным специально для нее по приказу кормчего. Мы смотрели на белые стены города, удаляющиеся от нас в оранжевых лучах восходящего солнца.

— Не могу себе представить, куда он подевался. — Лостра беспокоилась за Тана и уже двадцать раз с момента отплытия успела спросить о нем.

— Ты везде искал его?

— Везде, — подтвердил я. — Я все утро обыскивал внутренний город и верфи. Он исчез. Но я оставил записку у Крата. Он наверняка доставит ее Тану.

— Пять лет без Тана! Кончатся ли они когда-нибудь?

ПУТЕШЕСТВИЕ вверх по реке проходило довольно приятно. Дни неторопливо тянулись за днями, пока мы сидели на корме и разговаривали, я и моя госпожа. Мы успели подробно обсудить наше новое положение и весьма основательно изучили все, чего нам ожидать и на что нам надеяться в будущем.

Я описал госпоже все сложности придворной жизни, важность старшинства и соблюдения церемоний. Специально проследил для нее направление тайных путей власти и влияния и перечислил тех, кого в наших интересах следует заполучить в друзья, а кого мы спокойно можем не замечать. Объяснил ей важнейшие государственные дела и то, как фараон относится к каждому из них. Потом перешел к описанию настроений и чувств наших подданных.

Этим сведениям в большой степени я обязан моему другу Атону, царскому постельничему. По-моему, за последние десять лет каждый корабль, который приходил с острова Элефантина в Карнак, привозил письмо, и письмо это сообщало увлекательнейшие подробности придворной жизни, а отправляясь в обратный путь, тот же корабль увозил немного золота в знак благодарности моему другу Атону. Я твердо вознамерился скоро поместить себя и, разумеется, свою госпожу в самую середину придворной жизни, где перекрещиваются все нити власти. Я не зря обучал госпожу эти годы и не мог позволить,

чтобы оружие, которым я ее снабдил, ржавело без дела в арсенале. Сумма всех ее дарований была невероятной, и я из года в год и изо дня в день увеличивал ее. У нее был острый и пытливый ум. Как только я помог ей отбросить мрачное настроение, грозившее погубить ее, она, как обычно, была готова впитывать то, чему я учил. И теперь при каждом удобном случае я разжигал ее честолюбие и подливал масла в огонь желания играть ту роль, которую я для нее задумал.

Я скоро обнаружил самый надежный и действенный способ привлечь ее внимание и заставить слушаться. Достаточно было сказать, что все это делается для блага и благополучия Тана.

— Если у тебя будет влияние при дворе, ты сможешь лучше защитить его, — подчеркивал я. — Царь поставил перед ним почти невыполнимую задачу. Мы понадобится Тану, если он захочет выполнить ее, а в противном случае нам будет легче спасти его от приговора, который вынес фараон.

— Что нужно сделать, чтобы помочь ему выполнить свою задачу? — Стоило мне упомянуть Тана, и она тут же начинала внимательно прислушиваться к каждому моему слову. — Скажи мне правду, сможет ли кто-нибудь когданибудь победить сорокопутов? Разве это не слишком тяжелое поручение даже для такого человека, как Тан?

Разбойники, которые наводили страх на Верхнее царство, называли себя сорокопутами, взяв себе имя этих жестоких убийц. Наш нильский сорокопут меньше горлинки. Это очень красивая птичка с белой грудкой и горлышком и черными головкой и спинкой. Она разоряет гнезда других птиц и устраивает отвратительный спектакль, вывешивая трупы своих жертв на колючках акации. Местные жители называют ее птицей-мясником.

Вначале разбойники пользовались загадочным именем, чтобы скрыть свои имена да и само свое существование. Но с тех пор они настолько обнаглели и стали бесстрашны и сильны, что смело и открыто брали на себя преступления, совершенные под именем сорокопутов. И черно-белые перья сорокопутов — птиц-мясников — стали их знаком.

Вначале просто оставляли перья на дверях ограбленных домов или трупах своих жертв. Но в те дни, о которых идет речь, они стали настолько дерзкими и хорошо организованными, что временами просто посылали перо своей будущей жертве в качестве предупреждения. В большинстве случаев этого было достаточно, чтобы жертва заплатила половину всего, что имела в этом мире. В противном же случае человек мог потерять все: жен, детей и дочерей насиловали и уводили в рабство, а хозяина и сыновей бросали связанными в горящие руины их собственных домов.

— Так ты считаешь это возможным при помощи ястребиной печати фараона? Тан действительно сможет выполнить порученное задание? — повторяла моя госпожа. — Я слышала, что все шайки сорокопутов в Верхнем царстве подчиняются одному человеку, которого все зовут Ак Сет или брат Сета. Это правда, Таита?

Я задумался на некоторое время, прежде чем отвечать. Было преждевременно рассказывать ей все, что я знал о сорокопутах. Да если бы и рассказал, пришлось бы раскрыть источник сведений, то, каким образом я получил их. А сейчас это не даст ей никаких преимуществ, да и мне не поможет. Еще будет время приоткрыть тайну.

— Я тоже слышал об этом, — осторожно согласился я. — Мне кажется, что, если бы Тан смог найти и победить этого единственного человека, которого зовут Ак Сет, сорокопуты погибли бы со временем. Но Тану понадобится помощь, и только я один могу ему такую помощь оказать.

Лостра проницательно посмотрела на меня.

— Как ты можешь помочь ему? — спросила строго. — Что ты обо всем этом знаешь?

Она очень быстро все схватывает, и обмануть ее трудно. Сразу почувствовала, что я что-то скрываю. Мне пришлось быстро отступить и снова сыграть на ее любви к Тану и доверии ко мне.

— Прошу тебя, госпожа, ради Тана, не задавай больше вопросов. Позволь мне только сделать все, что в моих силах, и помочь Тану выполнить поручение, данное ему фараоном.

— Да, разумеется, мы должны сделать все возможное. Скажи мне, как ты собираешься помочь ему?

— Я останусь при дворе на острове Элефантина в течение девяноста дней, но затем ты должна позволить мне отправиться к Тану...

— Нет, нет, — прервала она меня, — если ты можешь помочь ему, отправишься к нему немедленно.

— Нет, через девяноста дней, — упрямо повторил я. Именно такую отсрочку дал нам фараон. Хотя меня и разрывала на части любовь к двум дорогим мне людям, чувство долга перед госпожой было гораздо сильнее.

Я не мог оставить ее одну при дворе без друга и учителя. Кроме того, ей понадобится моя поддержка в тот последний день, когда царь пошлет за ней ночью.

— Я не могу покинуть тебя сейчас. Не беспокойся, я оставил у Крата записку для Тана. Они будут ждать меня. Я объяснил Крату, что нужно сделать до моего прибытия в Карнак. — Больше я ей ничего не говорил, и мало кто может сравниться со мной в тупости и уклончивости, если мне это нужно.

Флотилия плыла вверх по течению только днем. Ни мореходные навыки флотоводца Нембета, ни удобства царя и его двора не позволяли плыть ночью, поэтому каждый вечер мы приставали к берегу, где вырастал город разноцветных шатров. Царские квартирмейстеры всегда выбирали самые приятные места для стоянки. Обычно это бывали пальмовые рощи или небольшие долины, укрытые со всех сторон холмами, а неподалеку стоял храм или деревушка, откуда можно было получить необходимые припасы.

Свита все еще находилась в праздничном настроении. Каждую высадку воспринимали как праздник. Многие танцевали и пировали в свете костров, а в тени пальм придворные плели интриги и флиртовали. Как много союзов, политических и плотских, было заключено в эти благоуханные ночи, пропитанные плодовыми ароматами орошаемых земель у реки и острым запахом ветра пустыни, доносившегося издалека!

Я пользовался каждым благоприятным моментом, чтобы улучшить свое положение и положение моей госпожи. Сейчас она стала одной из царских жен, но таковых было уже несколько сот, и она считалась одной из младших. Вельможа Интеф предусмотрел изменение ее статуса в будущем. Но это случится только тогда, когда она родит фараону сына, а пока дело было за мной.

Почти каждый день, когда мы высаживались на берег, фараон посылал за мной. Считалось, что я должен следить за лечением лишая. На самом же деле наблюдал за приготовлениями к рождению наследника двойной короны. С большим интересом он смотрел, как я готовил лекарство для укрепления мужской силы из толченого рога носорога и корня мандрагоры, которые смешивал с теплым молоком и медом. После того как он принимал лекарство, я осматривал царственный член и, к большой своей радости, обнаруживал, что он совсем не обладал длиной и толщиной, приписываемыми богу. С моей точки зрения, госпожа моя, несмотря на девственность, без особого труда справилась бы с предметом столь скромных размеров. Разумеется, я сделаю все, что возможно, чтобы избавить ее от страха и боли. Если мне и не удастся полностью избежать этого ужасного момента, я облегчу для нее потерю девственности.

Обнаружив, что царь здоров, хотя и не так уж крепок в этой области, я порекомендовал ему припарки из пшеничной муки, смешанной с оливковым маслом и медом, которые он должен был прикладывать к царственному члену на ночь. А затем принимался за лечение лишая. К великой радости царя, мое средство действительно вылечило чесотку за три дня, и моя репутация врача, и без того высокая, возвысилась еще больше. Царь похвалил мои способности перед своими министрами, и через несколько дней спрос на мои услуги при дворе стал огромен. Позже, когда разнесся слух, что я не только лекарь, но и астролог, с которым совещается сам фараон, моя популярность стала безграничной.

Каждый вечер к нашим палаткам начиналось шествие посланников, несущих дорогие дары для моей госпожи от какого-нибудь знатного господина или знатной госпожи, которые

умоляли ее позволить мне посетить их и дать совет. Мы уступали только просьбам тех, с кем хотели познакомиться поближе. Как только я оказывался в шатре могущественного и знатного вельможи, а он поднимал подол, чтобы я осмотрел его геморрой, было очень удобно восхвалять госпожу и привлекать внимание этого господина к ее добродетелям.

Остальные жены царя очень скоро обнаружили, что мы с госпожой Лострой прекрасно поем дуэтом, можем сочинять самые занимательнейшие загадки и рассказывать интереснейшие истории. Нас приглашали повсюду, и особенно часто звали к детям. Мне это доставляло особое удовольствие, так как больше всего я люблю маленьких детей, и только после них — животных.

Фараону, который, собственно, и был причиной нашей популярности при дворе, скоро доложили о всеобщем внимании к нам. Это еще более усилило его интерес к моей госпоже, а он и так был достаточно велик. По утрам во время отплытия ее часто вызывали на борт царской барки, и она проводила в обществе царя большую часть дня, а по вечерам обедала за его столом и веселила присутствующих своим остроумием и детской грацией. Разумеется, я всегда скромно прислуживал ей. Царь не пытался вызывать ее на ночь, чтобы насильно заставить выполнять те ужасные действия, о которых она имела весьма смутное представление. Ее чувства по отношению к нему стали смягчаться.

Несмотря на мрачную внешность, фараон Мамос был добрым и порядочным человеком. Госпожа Лостра скоро поняла это и, как и я, привязалась к нему. Еще до прибытия на остров Элефантина она обращалась с ним, как с любимым дядей, и довольно часто безыскусно сиживала у него на коленях, рассказывая какую-нибудь историю, или играла с ним в битую на палубе царской барки. Оба они, раздумываясь, смеялись, как дети. Атон признался мне, что никогда еще не видел царя таким веселым.

Свита заметила это, и очень скоро в моей госпоже признали любимицу царя. По вечерам в наших шатрах появлялись другие посетители. Они приносили просьбы или прошения и умоляли мою госпожу привлечь внимание царя к их заботам. Дары, которые предлагали, стоили намного дороже, чем те, которые доставались за мои услуги.

Госпожа моя отказалась от прощального дара отца ради одного единственного раба, поэтому отправилась в путешествие на юг нищей и зависела только от моих скромных сбережений. Однако еще до окончания нашего путешествия она собрала приличное состояние, не говоря уже о длинном списке богатых и влиятельных друзей, каждый из которых был ей чем-то обязан. Я вел тщательный учет всего нашего имущества.

Я не настолько самодоволен, чтобы делать вид, будто госпожа Лостра не смогла бы добиться признания без моей помощи. Ее красота, ум и мягкий, добрый характер сделали бы ее любимицей двора при любых обстоятельствах. Я только хочу сказать, что немного приблизил этот момент и сделал путь к нему короче и надежнее.

Наш успех при дворе принес нам и кое-какие неприятности. Как обычно, нам завидовали те, кто считал себя обделенным благосклонностью фараона, да и плотское влечение фараона к моей госпоже стало расти. Последнее усугублялось полным воздержанием, которого я от него требовал.

Однажды вечером в царском шатре, после того как я дал фараону питье из толченого рога носорога, он признался мне:

— Таита, твое средство действительно великолепно. Я не чувствовал себя столь мужественным, пожалуй, с ранней молодости, с того времени, когда еще не был царем и богом. Когда я проснулся этим утром, то почувствовал, сколь приятно окреп мой член, и даже послал за Атоном, чтобы тот посмотрел на него. Он был поражен и хотел тут же привести твою госпожу.

Меня очень встревожило такое известие. Я придал своему лицу строгое выражение и зацокал языком в знак неодобрения.

— Я благодарен вашему величеству за то, что здравый смысл не дал вам согласиться с Атоном. Вы могли с легкостью разрушить столькими трудами построенное здание. Если вам нужен сын, вы должны строго следовать моим указаниям.

Это еще раз напомнило мне, как быстро течет время и как скоро девяносто дней отсрочки подойдут к концу. Я стал готовить мою госпожу к брачной ночи, которой скоро потребует фараон.

В первую очередь мне нужно было подготовить ее сознание. И я начал с того, что указал на неизбежность этого. Если она хотела пережить царя и в конце концов уйти к Тану, ей нужно было подчиниться его воле. Лостра всегда была разумной девочкой.

— Тогда ты должен объяснить мне, чего он будет от меня ожидать, — со вздохом сказала она. Однако я далеко не лучший проводник в этой области. Мой личный опыт был слишком эфемерным. Я смог объяснить ей лишь самое основное и сделал свой рассказ настолько обыденным, что ни капельки не встревожил ее.

— Мне будет больно? — поинтересовалась она, и я поспешил разуверить.

— Царь — добрый человек, у него большой опыт в обращении с молоденькими девушками. Я уверен, он будет нежен с тобой. А я приготовлю мазь, которая сделает все очень легким и безболезненным. Мы будем втирать эту мазь на ночь перед сном. Она откроет ворота. Думай про себя, что однажды Тан пройдет через эти двери, и ты только открываешь ему дорогу.

Я пытался относиться к этому отрешенно, как подобает врачу, и не извлекать из происходящего чувственных удовольствий. Да простят меня боги, но это мне не удалось. Ее женские части были настолько совершенны, что затмевали самые прекрасные цветы, когда-либо выраставшие в моем саду. Никакая роза пустыни не могла похвастаться такими изящными лепестками. Когда я наносил мазь, они покрывались собственной росой, столь мягкой и шелковистой на ощупь, что она не шла ни в какое сравнение с лекарством, сделанным моими руками.

Щеки ее розовели, голос становился сиплым, и она шептала:

— До сих пор я думала, что та часть моего тела предназначена только для одной цели. Почему же, Таита, когда ты делаешь это, я так невыносимо тоскую по Тану?

Она полностью доверяла мне и так мало разбиралась в незнакомых ощущениях, что мне приходилось постоянно напоминать себе о врачебной этике, и лишь огромные усилия воли помогали удержать мое влечение, чтобы оно не зашло слишком далеко и не перешло границы необходимого. Всю ночь потом я спал плохо. Меня тревожили сны о невозможном.

МЫ ПЛЫЛИ на юг вверх по реке, и пояса зеленой растительности на берегах начали сужаться. Пустыня сжимала реку в своих объятиях. Местами мрачные утесы черного гранита наступали на зеленые поля и выходили к самой реке, нависая над бурными водами Нила.

Самое чудовищное из подобных ущелий называлось Ворота Хапи. Воды в нем своевольно бились в пене между высоких скал. Мы прошли через Ворота Хапи и достигли наконец Элефантины, крупнейшего из большой цепочки островов, протянувшейся посередине Нила там, где высокие крутые холмы обступили с обеих сторон его русло и сжали реку в узком ущелье.

Остров Элефантина напоминал чудовищных размеров акулу, преследующую стайку мелких рыбок-островков выше по течению. По обоим берегам пустыня отличалась и по цвету, и по характеру. На западном берегу барханы Сахары были оранжевыми и дикими, как и бедуины — единственные из смертных, способные жить среди них. На востоке простиралась аравийская пустыня с ее грязно-серой землей, усеянной кое-где черными холмами, которые плясали в горячем воздухе, словно во сне. Объединяло пустыни одно: обе губили людей.

Окруженный безжизненными просторами остров радовал глаз, сверкая, как изумруд, в серебряной оправе реки. Название свое он получил от огромных гладких камней, лежащих на берегу, как стадо слонов. Возможно также, что имя ему дала процветающая торговля слоновой костью, которую уже тысячу лет привозили на остров из далеких земель Куша за порогами Нила.

Дворец фараона занимал большую часть острова, и злые языки поговаривали, будто

фараон специально выбрал этот остров как самую южную точку царства, чтобы находиться как можно дальше от красного лжефараона Севера.

Широкие протоки, омывавшие остров с обеих сторон, защищали его и дворец фараона от нападения врага, а расположившиеся по обоим берегам реки западный и восточный Элефантины образовали второй по величине и по населению город в Верхнем царстве — достойный соперник Мемфиса, столицы красного фараона Нижнего царства.

Остров Элефантина покрывали деревья, как ни одно другое место в Египте. Половодье приносило их семена в течение тысяч лет, и они укоренялись в плодородных наносных почвах, также оставленных бурными водами Нила.

Во время моей последней поездки в Элефантину, когда я наблюдал за изменением уровня воды в реке от имени вельможи Интефа, Стража вод, я провел много месяцев на этом острове. С помощью старшего садовника составил список названий и описания всех растений дворцовых садов и теперь рассказывал о них своей госпоже. Там росли фикусы, деревья, которые нельзя встретить ни в каком ином месте Египта. Их плоды зреют не на ветвях, как на других деревьях, а на стволе, а корни извиваются и переплетаются, как совокупляющиеся питоны. Были там также деревья-драконы, чья кора, если ее порезать, пускала струйку яркокрасного сока. Были там смоковницы Куша и сотни других деревьев, простиравших тенистый шатер над зеленым островком.

Царский дворец был построен на прочном материковом граните, который лежал под плодородной почвой острова, образуя его каркас. Я часто поражался тому, что все цари, все фараоны пятидесяти династий, уходящих корнями более чем на тысячу лет в глубину нашей истории, тратили столько жизненных сил и сокровищ на строительство обширных, вечных гробниц из гранита и мрамора, а жизнь проводили в дворцах с глинобитными стенами и соломенными крышами. По сравнению с великолепным погребальным храмом фараона Мамоса в Карнаке, его дворец на острове был весьма скромным строением, и ему явно не хватало правильности линий и симметрии, что оскорбляло мои чувства математика и архитектора. Хотя это столпотворение зданий из красной глины и покосившихся крыш и не было лишено определенного деревенского очарования, но у меня руки сами тянулись к линейке и отвесу, когда я смотрел на них.

Как только мы сошли на берег и были доставлены в покои, отведенные Лостре на женской половине, истинная прелесть Элефантины открылась нам. Мы, конечно, поселились в окруженном стеной гареме на северной части острова. Размеры и обстановка нашего жилища подтверждали наше привилегированное положение как при царе, так и при постельничем. Атон отвел нам эти помещения, а он, как и большинство придворных, оказался совершенно беззащитным против природных чар моей госпожи, и превратился в самого страстного ее обожателя.

Он предоставил в наше распоряжение около дюжины просторных комнат со своим двориком и своими кухнями. Боковая калитка в главной стене гарема вела прямо к реке и каменной пристани. В первый же день я приобрел плоскодонную лодочку, на которой можно было охотиться на водяную дичь и ловить рыбу. Я держал ее у каменной пристани.

Что касается остального, каким бы удобным ни казалось наше жилище, оно не удовлетворило ни меня, ни мою госпожу, и мы немедленно занялись его обустройством и украшением. При содействии моего старого друга, главного садовника, я разбил во дворике собственный садик и построил в нем беседку с соломенной крышей, где мы проводили время в нестерпимую жару и где я держал своих соколов сапсанов.

Около пристани я установил журавль, который постоянно качал воду. Вода эта по керамическим трубам проходила в пруды в нашем саду, где росли лилии и плавали рыбки. Излишки воды из этих прудов вытекали в узкую сточную канавку. Я провел ее через стену в комнате моей госпожи. Она пересекала комнату в дальнем конце и уходила в другую стену, за которой вытекала прямо в реку. Из ароматной древесины кедра я сделал небольшую табуреточку: вместо сиденья там была дырка. Я поставил табуреточку над канавкой, и все, что падало через эту дырку, уносилось прочь потоком воды. Госпожа моя была в восторге от

этого нововведения и стала проводить на моем стуле гораздо больше времени, чем было необходимо, чтобы справить нужду, для которой он был предназначен.

Стены нашего жилища были из красной глины, и их ничто не украшало. Мы набросали эскизы фресок для каждой комнаты. Я обвел контуры и перевел на стены, а затем моя госпожа и ее служанки раскрасили их. На фресках изображались сцены из жизни богов и чудесные пейзажи, населенные удивительными животными и птицами. Разумеется, для Исиды позировала сама госпожа Лостра, и не было ничего удивительного, что в центре каждой картины находился Гор и что у Гора, по настоянию госпожи, всегда были золотистые рыжеватые кудри и он всегда напоминал одного нашего знакомого.

Эти фрески взволновали всю женскую половину, и каждая из царских жён посетила нас. Они приходили, пили шербет и осматривали картины на стенах. Мы стали законодателями моды, и от меня стали требовать совета, как украсить комнаты гарема, за подходящий гонорар, разумеется. В результате мы получили множество новых друзей среди царских жен и значительно увеличили наше состояние.

Скоро царь услышал о наших фресках и лично пришел осмотреть их. Лостра провела его по своим комнатам. Фараон заметил табуретку над канавкой, и госпожа моя гордо, без тени сомнения согласилась показать царю, как она ею пользуется, и с хихиканьем пустила звонкую струйку.

Она была еще столь невинна, что не поняла, как эта сценка подействовала на ее мужа. Я понял по выражению его лица, что любая попытка увеличить период воздержания будет сопряжена с большими трудностями.

Потом фараон посидел немного в беседке и выпил чашу вина, громко смеясь над выходками моей госпожи.

— Таита, ты должен построить для меня такой же сад с прудами и беседку, только большего размера, и, пока ты будешь заниматься этим, сделай мне такой же водяной стул.

Уходя, он приказал мне пройтись с ним немного, для вида собираясь обсудить новый сад, но я понимал, в чем дело. Не успели мы выйти с женской половины, как он горячо заговорил:

— Прошлой ночью мне снилась твоя госпожа. Когда я проснулся, обнаружил, что семя мое выплеснулось на простыни. Со мной не случалось такого с тех пор, как я был мальчишкой. Эта маленькая быстрая девчушка не выходит у меня из головы ни во сне, ни наяву. Я наверняка смогу родить с ней сына и не думаю, что следует откладывать это надолго. Как ты думаешь, лекарь, я уже готов для попытки?

— Я советую вам строго выдержать девяносто дней, ваше величество. Если мы сделаем попытку раньше, это будет серьезной ошибкой. — Называть желание царя ошибкой было опасно, но я отчаянно пытался сохранить отсрочку. — Было бы крайне неумно испортить наши шансы на успех, когда ждать осталось так недолго.

В конце концов я настоял на своем, и он ушел от меня с очень мрачным видом.

Когда я вернулся на женскую половину, то предупредил госпожу о намерении царя, и она почти не расстроилась — так хорошо я подготовил ее к этому неизбежному событию. К этому времени она уже привыкла к роли любимицы царя, а обещание скорого и неизбежного конца ее заключению на острове Элефантина облегчало страдания. Говоря по справедливости, наше пребывание на острове нельзя было назвать пленом. Мы, египтяне, самые цивилизованные люди на земле. Мы хорошо обращаемся с нашими женами. Я слышал, что другие народы — кушиты, хурриты и ливийцы, например, — с чрезвычайной, противоестественной жестокостью обращаются с женами и дочерьми.

Ливийцы превращают гарем в тюрьму, где женщины проводят всю свою жизнь и где они не смеют видеть мужчин, не считая евнухов и детей. Говорят, что даже собаки и кошки мужского пола не допускаются в их гаремы — настолько велико чувство собственности!

Хурриты же обращаются со своими женщинами еще хуже. Они не только заставляют женщин оставаться дома и не разрешают им выходить, но и заставляют скрывать тела от ступней до кистей рук и носить маску на лице даже в стенах гарема. Только муж женщины

видит ее лицо.

Первобытные племена Куша ведут себя хуже всех остальных. Когда женщины достигают зрелого возраста, они обрезают их самым жестоким образом: вырезают клитор и внутренние губы влагалища, удаляя источник полового возбуждения, чтобы женщина не испытывала соблазна уйти от своего мужа.

Это может показаться чудовищным, почти невероятным, но я сам видел результаты подобных хирургических операций. Три из рабынь моей госпожи были пойманы работоторговцами после того, как достигли зрелости, и собственный отец ножом сделал им обрезание. Когда я осматривал зияющие дыры, оставленные его рукой, меня тошнило при виде грубых шрамов, и мои чувства лекаря были глубоко оскорблены таким намеренным нанесением ущерба человеческому телу, этому шедевру богов. По моим наблюдениям, обрезание не достигает намеченной цели, так как лишает жертву наиболее приятных женских черт характера и делает ее холодной, расчетливой и жестокой. Женщина превращается в бесполое чудовище.

Мы же, египтяне, в отличие от многих народов, чтим наших женщин и обращаемся с ними с большим уважением, хотя и не считаем их равными мужчине. Ни один муж не имеет права бить жену, не обратившись за разрешением к властям: по закону он обязан одевать, кормить и содержать свою супругу в соответствии со своим положением в обществе. Жена царя или знатного египтянина не обязана проводить все время на женской половине и может в сопровождении соответствующей свиты свободно ходить по городу или за его стенами. Ее не заставляют скрывать свои прелести, но в соответствии с модой или по собственному капризу она может сидеть за столом мужа во время приема пищи, не скрывая лица и груди, и развлекать его товарищей разговорами и песнями.

По закону она может иметь собственных рабов, землю и собственное состояние, отдельное от состояния мужа, хотя дети, которых она рождает, принадлежат только ему. Может охотиться с соколами, ловить рыбу и даже стрелять из лука, хотя такие мужские занятия, как борьба и фехтование на мечах, женщинам запрещаются. Они по справедливости не могут заниматься определенными видами деятельности, такими, например, как законодательство или архитектура, но женщина высокого рождения или жена высокородного человека — особа влиятельная и обладает законными правами и достоинством. Естественно, это не распространяется на блудниц или жен простых людей. Они имеют те же права, что и рабочий скот — быки и ослы.

Таким образом, я и моя госпожа были свободны и могли спокойно осматривать оба города на берегах Нила и то, что было за их стенами. На улицах Элефантины госпожа Лостра скоро стала любимицей народа, простые люди собирались вокруг нее, чтобы получить благословение или воспользоваться щедростью. Они восхваляли ее изящество и красоту так же, как и жители родных Фив. По ее указанию я всегда носил большую сумку с пирожными и сладостями, которыми она набивала рты всех оборванцев, какие только встречались у нас на пути и кого, по ее мнению, следовало накормить. Где бы мы ни находились, нас всегда окружала кричащая и пляшущая стайка детей.

Госпожа моя рада была посидеть на пороге бедной хижины с женой хозяина дома или под деревом на крестьянском поле и послушать рассказ простой женщины о ее заботах и невзгодах. При первой же возможности она вступалась за бедняков перед фараоном. Часто он снисходительно улыбался и соглашался исправить несправедливости, о которых она говорила. Так возникла ее слава защитницы простых людей. Даже проходя по самым мрачным и бедным улицам города, Лостра оставляла после себя улыбки и радостный смех.

Иногда мы целыми днями ловили рыбу с маленькой лодки в спокойных водах лагун, остающихся после разлива Нила, или расставляли приманки на диких уток. Я сделал маленький лук, который соответствовал силе моей госпожи. Разумеется, ему было далеко до огромного лука Ланаты, который я изготовил для Тана, но он вполне подходил для охоты на водяную дичь. Госпожа Лостра стреляла из лука намного лучше большинства воинов, которые постоянно бьют по мишеням, и если она пускала стрелу, очень редко мне не

приходилось прыгать в воду за подбитой уткой или гусем.

Всякий раз, когда царь отправлялся на соколиную охоту, он приглашал мою госпожу. Я шел вместе с ней по краю зарослей папируса с соколом на руке. Как только цапля взлетала со скрытого в глубине камышей водного пространства и, тяжело ударяя крыльями, поднималась над тростниками, Лостра стаскивала за веревочку капюшон с головы сокола, целовала его и говорила:

— Лети быстро и точно к цели, красавец мой! — И великолепный маленький убийца взмывал в небо, сверкнув желтыми глазами.

Как зачарованные смотрели мы, как сокол поднимался высоко над своей добычей, а потом складывал серпообразные крылья и падал на нее с такой скоростью, что ветер пел у него в оперении. Звук удара отчетливо доносился за двести шагов. Облачко бледно-голубых перьев быстро расплывалось в синем небе и рассеивалось на ветру, а сокол, прикованный к добыче кривыми когтями, с разгона ударялся с ней о землю. Госпожа моя взвизгивала от восторга и бежала, как мальчишка, подбирать птицу, лаская сокола и осыпая его похвалами, а потом скармливала ему отрезанную голову цапли.

Я люблю всех существ, обитающих в воде, на суше и в воздухе, и госпожа моя разделяет мои чувства. Я часто поражаюсь, почему мы оба так увлекаемся преследованием дичи. Я долго ломал голову над этой загадкой и не мог найти ответа. Может быть, люди — и мужчины и женщины — самые свирепые хищники Земли? Поэтому мы чувствуем родство с соколом и его стремительной красотой. Цапли и гуси были отданы соколу богами, как его добыча. Точно так же, теми же богами человеку было дано господствовать над всеми существами, живущими на Земле. Мы не можем бросать вызов чувствам, которыми нас наделили боги.

С самого раннего возраста, с того самого времени, когда госпожа Лостра стала достаточно сильной и выносливой, чтобы ходить на охоту, я разрешал ей сопровождать меня с Таном в охотничьих и рыбацких походах. Чтобы скрыть свою ненависть к сопернику, вельможе Харрабу, господин Интеф отпускал меня на охоту с молодым Таном.

Много лет назад мы с Таном приобрели заброшенную хижину рыбака, которую обнаружили на краю болота ниже Карнака. Мы превратили эту хижину в тайное охотничье логово. Край пустыни был совсем недалеко. Таким образом, мы без труда могли отправляться на рыбалку в лагуны или охотиться с соколом на гигантских дроф в пустыне.

Вначале Тану не нравилось вторжение нескладной девятилетней девочки с худой мальчишеской грудью в его мир охотника. Однако очень скоро он привык к ее присутствию и даже находил его удобным, так как теперь было кого послать в лагерь за какой-нибудь мелочью или заставить сделать нудную работу в хижине.

Так мало-помалу Лостра усвоила все традиции и премудрости жизни под открытым небом. Она выучила истинные названия каждой рыбы и птицы и могла пользоваться гарпуном и охотничьим луком с одинаковой ловкостью. Под конец Тан даже стал гордиться ею, как будто это он, а не я позволял ей участвовать в наших походах.

Она была с нами в черных скалистых холмах над долиной реки, когда Тан убил льва, нападавшего на крестьянский скот. Лев этот оказался старым и мощным самцом, тело его покрывали шрамы. Его черная грива волновалась с каждым шагом, как пшеница на ветру, а голос походил на гром небесный. Мы спустили на него мою свору гончих и преследовали льва от самого загона, где он задрал буйвола, пока собаки не загнали его в тупик у вершины узкого оврага. Когда мы подошли, лев сразу узнал в нас своих врагов и бросился вперед, отмахнувшись от собак.

Он несся на нас с ревом и рыком, а госпожа моя стояла бесстрашно у левого плеча Тана, нацелив на зверя свой маленький лук. Разумеется, льва убил Тан из мощной Ланаты — стрела со свистом вошла в разинутую пасть зверя. В тот день мы оба видели мужество госпожи Лостры.

Мне кажется, именно тогда Тан впервые осознал свои чувства к ней, а для моей госпожи охота и преследование зверя навсегда были связаны с образом любимого. С тех

самых времен она стала ярой охотницей. Научилась от Тана и от меня уважать и любить дичь, но не обременяла себя чувством вины, когда приходилось пользоваться богоданным правом господства над всеми существами, живущими на Земле, которые служат нам выючными животными, источником пищи или дичью на охоте.

У нас, у людей, есть право господствовать над зверями, но точно так же, как мы господствуем над ними, фараон господствует над всеми мужчинами и женщинами, и никто не может перечить ему. На девяностую ночь царь послал Атона за моей госпожой.

БЛАГОДАРЯ нашей дружбе и доброму отношению Атона к моей госпоже мы узнали об этом задолго до его появления. Я успел закончить последние приготовления раньше, чем он вошел в комнату.

Я еще раз отрепетировал с госпожой, что ей нужно говорить царю и как она должна себя вести. Затем наложил мазь, которую изготовил специально для этого случая. Она обладала не только смягчающими и смазывающими свойствами, но содержала также вытяжку особой травы, с помощью которой я в некоторых случаях смягчал боль, когда лечил зубы или другие незначительные раны. Эта мазь лишала чувствительности слизистые покровы тела.

Лостра держалась смело, пока в дверях комнаты не появился Атон, а потом мужество оставило ее. Она повернулась ко мне, и я увидел у нее в глазах слезы.

— Я не могу идти одна. Я боюсь. Пожалуйста, пойдем со мной, Таита. — Она побледнела под гримом, который я столь тщательно наложил, и задрожала так, что маленькие белые зубки застучали во рту.

— Госпожа, это же невозможно, пойми. Фараон послал за тобой. Сейчас я не могу помочь тебе.

И тут Атон пришел к ней на помощь.

— Может быть, Таите стоит пойти со мной и подождать в прихожей перед спальней царя. В конце концов, он царский лекарь, его услуги могут понадобиться, — предложил постельничий тонким голосом, и госпожа моя, встав на цыпочки, поцеловала его в толстую щеку.

— Ты так добр, Атон, — прошептала она, а он покраснел.

Госпожа Лостра крепко держала меня за руку, пока мы шли за Атоном в спальню царя по лабиринту дворцовых переходов. В прихожей перед спальней крепко сжала мои пальцы, потом отпустила их и подошла к двери. Там остановилась и оглянулась. Никогда еще не казалась она мне столь прелестной, юной и ранимой. Сердце мое разрывалось, но я улыбнулся, чтобы подбодрить. Она улыбнулась в ответ и прошла в комнату, отодвинув занавеску. Я услышал приглушенное приветствие царя и ее тихий ответ.

Атон посадил меня на табурет у низкого столика и, не говоря ни слова, поставил доску для игры в бао. Я играл безразлично, едва вспоминая, что нужно перекладывать полированные круглые камушки из чашечки в чашечку. Атон выиграл подряд три партии. Ему очень редко удавалось победить меня в этой игре, но отвлекали голоса из комнаты за занавеской, хотя говорили там слишком тихо и я не мог ничего разобрать.

Затем я внезапно услышал слова, произнесенные моей госпожой так, как учил ее:

— Пожалуйста, ваше величество, будьте нежны со мной, умоляю вас, не причиняйте мне боль. — Просьба прозвучала так трогательно, что даже Атон чуть закашлялся и вытер нос полый одежды. С усилием я взял себя в руки. Мне так хотелось вскочить на ноги, ворваться в спальню и унести прочь мою девочку!

Некоторое время в комнате было тихо, потом послышался один единственный всхлипывающий вскрик, который пронзил мою душу, и снова воцарилась тишина.

Мы с Атоном сидели, согнувшись над доской бао, и больше не пытались делать вид, будто играем. Не знаю, как долго нам пришлось ждать. Наверное, уже началась последняя ночная стража, когда я услышал в комнате храп старика. Атон посмотрел на меня и кивнул, грузно поднявшись на ноги.

Не успел он подойти к двери, как занавески раздвинулись, и моя госпожа вышла к нам навстречу.

— Возьми меня домой, Таита, — прошептала она.

Не долго думая, я поднял ее на руки, Лостра обняла меня за шею и, прислонившись головой к плечу, затихла, как маленькая девочка.

Атон поднял масляный светильник и пошел впереди, освещая нам дорогу на женскую половину. Он оставил нас у дверей в спальню моей госпожи. Я положил ее на кровать и, пока она тихо дремала, осторожно осмотрел. Крови было мало: чуть размазанная струйка на шелковистой коже бедер. Кровотечение прекратилось само.

— Ты не чувствуешь боли, маленькая моя? — нежно спросил я. Она открыла глаза и покачала головой.

Затем неожиданно улыбнулась.

— Не знаю, почему вокруг этого столько шума, — пробормотала она. — В конце концов, это мало чем отличается от твоего деревянного стула: справил нужду и все. И времени это заняло не намного больше. — Потом свернулась клубочком и уснула, не издав ни звука.

Я чуть не расплакался от облегчения. Все мои приготовления и обезболивающее помогли ей переступить рубеж без телесных и душевных ран.

УТРОМ МЫ как ни в чем не бывало отправились на соколиную охоту, и только однажды за весь день госпожа моя вспомнила о предыдущей ночи. Когда мы завтракали на берегу реки, она задумчиво спросила:

— Как ты думаешь, Таита, с Таном у меня будет то же самое?

— Нет, госпожа. Вы с Таном любите друг друга. Все будет иначе. Это будет самый прекрасный момент в твоей жизни, — заверил я ее.

— Да, в глубине души я знаю, что именно так и должно быть, — сказала она, и оба мы невольно посмотрели на север, где далеко за горизонтом, вниз по течению реки, находился Карнак.

Хотя я прекрасно сознавал, в чем состоял мой долг по отношению к Тану, жизнь на острове была столь прекрасна и я так наслаждался обществом моей госпожи, что мне не хотелось уезжать, и я убеждал себя, будто она еще нуждается во мне. На деле все было иначе. Хотя фараон и посылал за Лострой каждую ночь, она скоро научилась доставлять радость царю и в то же время не наносить себе ни физического, ни эмоционального ущерба. Госпожа моя — существо крепкое и гибкое, и боги наградили ее сильным инстинктом самосохранения. Она не нуждалась во мне так, как нуждался Тан, и скоро стала напоминать, что пора оставить Элефантину и отправиться вниз по реке.

Я долго откладывал отъезд. Однажды, проведя весь день на охоте с царем, мы вернулись во дворец поздно. Я позаботился о том, чтобы госпожа приняла ванну и ей приготовили ужин, и отправился в свои комнаты.

Когда я вошел к себе, сразу почувствовал вкуснейший аромат спелых манго и гранатов. Посреди комнаты на полу стояла огромная корзина с крышкой, из которой, как я понял, исходил аромат двух любимейших моих плодов. Меня не удивило их появление, потому что каждый день и мне и моей госпоже присылали дары те, кто искал нашей благосклонности.

Я спросил себя, кто прислал их на этот раз, но стоило снова вдохнуть аромат фруктов, рот внезапно наполнился слюной. С самого полудня во рту у меня не было ни крошки. Я поднял крышку корзинки и протянул руку к самому красному и спелому гранату. Вдруг плоды разлетелись в стороны и покатались по полу. Раздалось резкое шипение, и огромный клубок черного змеиного тела, блистая чешуей, выскочил из корзины и бросился к моим ногам.

Я отскочил назад, но немного опоздал. Челюсти змеи сомкнулись на кожаной подошве моей сандали с такой силой, что я чуть не потерял равновесие. Облачко яда брызнуло с изогнутых клыков. Прозрачная смертоносная жидкость растеклась по моей ноге. Отскочив в

сторону, я сумел увернуться от второго укуса и бросился назад к стене в дальнем конце комнаты.

Кобра и я стояли и смотрели друг на друга, разделенные комнатой. Половина тела кобры собралась в кольца на полу, но верхняя часть поднялась и качалась на уровне моего плеча. Капюшон кобры раздулся, и я увидел узор широких черных и белых полос. Как страшная черная лилия смерти, ее голова качалась на стебле, уставившись на меня бусинками глаз. Тут я понял, что она находится как раз посередине между мной и единственной дверью в этой комнате.

Правда, кобры часто содержат, как домашних животных. Им позволяют ползать по всему дому, они охотятся на крыс и мышей, которых всегда полно в жилищах. Пьют молоко из кувшинов и становятся домашними, как котята. Однако есть и другие кобры, которых мучают и дразнят, чтобы превратить в смертоносное орудие убийства. У меня не было сомнения, какая кобра стояла сейчас передо мной.

Я тихо двинулся вбок вдоль стены, прижимаясь к ней и стараясь обойти врага и спастись. Она бросилась на меня, разинув бледно-желтую пасть, и я увидел тонкие ниточки яда, которые протянулись в воздухе от кончиков ее клыков. Я закричал от ужаса и отскочил назад. Змея снова быстро поднялась и встала напротив меня. Она все еще находилась между мной и дверью. Я знал, что яда в ее мешках хватит на сотню сильных мужчин. Пока я смотрел на нее, нижняя часть ее тела развернулась, и она начала медленно скользить по полу, высоко держа свою голову и не отрывая от моего лица взгляда своих ужасных маленьких глаз.

Я видел однажды, как такая змея загипнотизировала птицу, чтобы та не пыталась улететь во время ее приближения, а сидела тихо и смиренно ожидала своей участи. Меня парализовало, как ту птицу, и я почувствовал, что не могу ни пошевелиться, ни закричать. Смерть скользила ко мне по комнате.

Внезапно я заметил движение позади качающейся головы кобры. Госпожа Лостра появилась в дверях комнаты, привлеченная моим испуганным криком. Я снова обрел голос и закричал ей:

— Осторожно, не подходи близко!

Она не обратила внимания на мои слова и мгновенно оценила положение. Без всяких колебаний или раздумий начала действовать раньше, чем змея бросилась и укусила меня в третий и последний раз. Госпожа моя обедала, когда услышала мой крик, и теперь стояла в дверях с половиной недоеденной дыни в одной руке и серебряным ножом в другой. Действовала она с быстротой природной охотницы.

Тан научил ее по-мужски ловко бросать копье или камень, что не свойственно женщинам. Она швырнула дыню с ловкостью и силой тренированного копейщика. Дыня попала кобре в шею, в середину развернутого капюшона, и от этого удара на какое-то мгновение змея растянулась на полу. Словно стрела, выпущенная из боевого лука, кобра снова поднялась и повернула свою страшную голову к моей госпоже, устремившись к ней через комнату.

Я вышел из оцепенения и бросился вперед, чтобы помочь, но немного опоздал. Опершись на хвост, кобра прыгнула на свою жертву, разинув челюсти так широко, что брызги яда летели с ее клыков, распространяя тонкую бледную дымку. Госпожа моя отскочила назад с легкостью и быстротой газели, уворачивающейся от гепарда. Кобра промахнулась и распростерлась на полу у ног Лостры, вытянувшись широкой полосой во всю длину своего тела.

Я не понимаю, что нашло на мою госпожу, но мужества ей было не занимать. Прежде чем кобра сумела снова подняться и приготовиться к нападению, Лостра прыгнула на нее, приземлившись маленькими ножками в сандалиях прямо на шею, и прижала к каменному полу всем своим весом.

Возможно, она подумала, что сломает змее хребет, но та оказалась толстой, толщиной с руку, и гибкой, как кнут Расфера. Хотя голова ее была прижата к полу, тело стало биться и

извиваться вокруг ног моей госпожи. Женщина менее разумная и менее мужественная наверняка постаралась бы увернуться от этих отвратительных объятий. Если бы моя госпожа сделала это, она бы умерла в то же мгновение, так как голова кобры оказалась бы свободной для смертоносного удара.

Однако Лостра продолжала крепко стоять на голове извивающейся змеи, расставив руки в стороны, чтобы удерживать равновесие. Она закричала:

— Помоги мне, Таита!

К этому моменту я успел пересечь комнату и бросился на пол к ее ногам. Запустив руки в середину извивающегося клубка, я ощупью двигался вперед по телу, пока не почувствовал, что добрался до горла. Тогда схватил змею за шею и сжал ее обеими руками.

— Поймал! — завопил я, обезумев от ужаса и отвращения, которые вызывало во мне это холодное чешуйчатое существо, извивающееся в моих руках. — Поймал! Отойди в сторону!

Госпожа послушно отскочила. Я встал на ноги, лихорадочно сжимая в руках шею змеи и стараясь удержать ее разинутую пасть подальше от лица. Хвост бился вокруг меня. Затем она обвила меня за плечи и потянулась к шее, угрожая задушить, но я не выпускал голову. Обхватив мои плечи и шею, змея получила опору, и я почувствовал насколько ужасна ее сила. Я не мог удержать ее, даже сцепив пальцы на шее. Она постепенно высвобождала свою голову, выкальзывая из моих рук. Я понял, что, как только змея вырвется, она тут же ударит меня в незащищенное лицо.

— Я не могу удержать ее! — завопил я скорее себе, чем Лостре. Я держал змею на вытянутых руках, но она тянулась к моему лицу, приближаясь к моим глазам, и волны чудовищной силы проходили по ее телу, по сжимающимся и извивающимся на моих плечах и горле кольцам. Голова понемногу выкальзывалась из моих рук.

Хотя пальцы мои побелели от напряжения, кобра оказалась так близко к моему лицу, что я увидел совсем рядом ее клыки, которые то опускались, то поднимались на верхней челюсти — она могла по своей воле выставлять и убирать их. Клыки походили на маленькие белые костяные иглы, и бледные, туманные струйки яда брызгали с их кончиков. Я понимал, что, если хоть капелька яда попадет мне в глаз, я ослепну, и жгучая боль доведет меня до безумия.

Я отвернул голову змеи от своего лица, чтобы брызги яда рассеивались в воздухе, и отчаянно закричал:

— Позови кого-нибудь из рабов!

— К столу! — произнесла госпожа рядом со мной. — Прижми ее голову к столу!

Я был поражен. Я думал, она послушалась моего приказа и пошла за помощью, но Лостра стояла рядом со мной, а в руке по-прежнему сжимала серебряный столовый нож.

Шатаясь, я побрел через комнату с коброй в руках и упал на колени перед низеньким столиком. С огромным усилием мне удалось прижать голову змеи к краю стола и удержать там. Теперь госпожа могла ударить по ее шее ножом. Она нацелилась в затылок у самого основания мерзкой головы.

Змея почувствовала боль и удвоила свои усилия. Кольца упругой плоти бились на моих плечах и вились вокруг моей головы. Из ее горла вырывалось шипение, и облачка яда слетали с клыков.

Маленький нож был острым, и чешуйчатая кожа разошлась под ним. Скользя и холодная змеиная кровь полилась мне на пальцы, и нож заскрежетал по кости. Скорчившись от усилия, госпожа моя пилила кость. Теперь, когда пальцы мои стали скользкими от крови, я почувствовал, что голова змеи выкальзывается из рук, и змея уже почти свободна. В этот самый момент нож вошел между позвонками и разъединил их.

Голова гадины повисла на лоскутке кожи и стала болтаться у меня перед глазами, когда тварь забилась в предсмертных судорогах. Хотя голова почти отделилась от тела, клыки в пасти то вставали, то опускались и сочились ядом. Малейшее их прикосновение к коже означало смерть, и я лихорадочным рывком схватил змею скользкими от крови пальцами,

сорвал с себя и бросил на пол.

Мы с госпожой отскочили к двери, а кобра продолжала биться перед нами, извиваясь чудовищными кольцами, то сжимаясь в клубок, то разворачиваясь.

— Ты невредима, госпожа? — спросил я, будучи не в состоянии отвести глаз от предсмертных судорог чудовища. — Нет ли у тебя на коже или на глазах яда?

— Со мной все в порядке, — прошептала она, — а с тобой?

Ее голос настолько встревожил меня, что я забыл о собственных страхах и посмотрел ей в лицо. Опасность прошла, и теперь весь ужас происшедшего навалился на нее. Ее начало трясти. Огромные, темно-зеленые глаза, казалось, не умещались на бледном лице. Нужно было как-то помочь ей оправиться от потрясения.

— Ну, — коротко сказал я, — теперь мы знаем, что у нас будет на обед. Я с удовольствием отведаю кусочек жареной кобры.

Какое-то мгновение она смотрела на меня ничего не понимая, а потом вдруг взорвалась истерическим хохотом. Мой собственный смех звучал не менее дико и безумно. Мы беспомощно прижались друг к другу и хохотали до тех пор, пока слезы не полились из наших глаз и не потекли по щекам.

Я НЕ МОГ доверить приготовление кобры повару, поэтому принялся за дело сам. Снял с нее шкуру, выпотрошил и нафаршировал диким чесноком и другими пряными травами, перемешанными с большим куском жира из курдюка превосходного барашка. Потом свернул кобру в клубок, завернул в листья банана и покрыл узел толстым слоем влажной глины. Развел над куском глины огонь и поддерживал его целый день. Вечером у нас с госпожой потекли слюни, когда я разломил спекшийся глиняный шар, и оттуда разнесся аромат сочного печеного мяса. Многие из тех, кто обедал за моим столом, говорили, что не пробовали блюд вкуснее приготовленных моими руками. Как могу я опровергать слова друзей?

Я подал нежное рассыпчатое мясо госпоже с превосходным вином, которое Атон обнаружил в хранилищах фараона. По настоянию госпожи Лостры я сидел рядом с ней в беседке во дворце гарема. Я разделил с ней пир. Отведав печеной кобры, мы с ней сошлись на том, что она получилась даже лучше, чем хвост крокодила или лучший окунь, пойманный в Ниле.

Только когда мы наконец наелись и отослали остатки рабыням, смогли начать разговор о том, кто же прислал мне в дар корзину с фруктами.

Я не хотел тревожить госпожу и попытался отшутиться:

— Наверное, кому-то не понравилось мое пение. Однако от нее не так-то просто было отделаться.

— Не разыгрывай передо мной шута, Таита. Это единственное, в чем таланты твои тебе не помогут. Мне кажется, я знаю, кто послал корзину. Впрочем, как и ты.

Я уставился на нее, широко раскрыв глаза и не зная, как начать разговор. Я подозревал, что у нее на уме. Я всегда старался защитить ее — даже от правды. И теперь терялся в догадках, что же ей известно.

— Это мой отец, — сказала она так решительно, что я не смог ни возразить, ни подтвердить ее слова. — Расскажи мне о нем, Таита. Расскажи все, что мне следует знать о нем, что ты не смел раньше рассказывать.

Сначала рассказывать было трудно. Целая жизнь молчания мешала мне, а долгую привычку сразу не преодолеть. Я все еще с трудом осознавал, что не нахожусь во власти вельможи Интефа. Как бы глубоко я ни ненавидел его, он властвовал над моими душой и телом с самого детства, и во мне жила какая-то извращенная верность, которая мешала говорить то, что могло нанести ему вред. Я сделал слабую попытку отделаться от своей госпожи общими словами о тайных делах ее отца, но она нетерпеливо оборвала меня:

— Хватит! Не считай меня дурочкой, я знаю о своем отце больше, чем ты можешь вообразить. Мне давно пора узнать остальное. И я приказываю тебе рассказать мне все.

Итак, я подчинился ей. Рассказывать пришлось так долго, что полная луна прошла полпути к зениту, прежде чем мой рассказ был закончен. Затем мы еще долго сидели в темноте. Я ничего не скрыл и не пытался оправдаться или отрицать свое участие в его делах.

— Не мудрено, что он хочет твоей смерти, — прошептала Лостра наконец. — Ты знаешь достаточно, чтобы погубить его. — Она помолчала еще немного, а затем продолжила: — Мой отец — чудовище. Как могло получиться, что я стала другой? Почему я, его дочь, не нахожусь во власти тех же противоестественных влечений?

— Нам остается только благодарить за это богов. Однако, госпожа, ты не презираешь меня за то, что я сделал?

Она протянула руку и коснулась моей ладони.

— Ты забываешь о том, что я знала тебя всю свою жизнь, с того самого дня, как моя мать умерла при родах. Я знаю, какой ты на самом деле. Что бы ты ни совершил, тебя заставили сделать это, и я легко прощаю тебе все твои проступки.

Она вскочила на ноги и стала беспокойно ходить вокруг пруда с лилиями, а потом снова вернулась в беседку, где оставался я.

— Тану угрожает большая опасность со стороны отца. До сегодняшнего вечера я не осознавала, насколько велика эта опасность. Нужно предупредить его, иначе он не сможет защитить себя. Ты должен отправиться к нему, не задерживаясь.

— Но госпожа... — начал было я. Но она резко оборвала меня.

— Я не желаю больше слушать твои оправдания, Таита. Ты отправишься в Карнак завтра же.

ИТАК, следующим утром еще до рассвета я отправился ловить рыбу в полном одиночестве, взяв маленькую удочку. Тем не менее я позаботился о том, чтобы по крайней мере дюжина рабов и стражников видели, как я покидал остров. Забравшись подальше от основного русла в лагуну, я открыл кожаную сумку, в которой прятал старого кота, подружившегося со мной. Это было тоскливое старое животное, измученное паршой и язвами на лапах. Некоторое время я собирался с силами, чтобы избавить его от мучений. Затем скормил ему кусочек сырого мяса, смоченного настоем датуры. Я держал его на коленях и поглаживал, а он, съев мясо, довольно мурлыкал. Когда кот безболезненно уснул на моих руках, перерезал ему горло.

Я обрызгал кровью всю лодку и выбросил тело кота в заросли, где крокодилы очень скоро расправятся с его останками. Затем, оставив в лодке гарпуны, лесы и остальное снаряжение, оттолкнул ее подальше от берега в слабое течение заросшего рукава реки и побрел вброд через заросли папируса.

Мы договорились с госпожой, что она подождет до вечера, прежде чем поднимать тревогу. Окровавленную лодку найдут не раньше следующего полудня, и тогда все решат, что меня сожрал крокодил или убила шайка сорокопутов.

Добравшись до берега, я быстро переоделся в наряд, который захватил с собой. Я решил изображать жреца Осириса. Мне частенько приходилось подражать их напыщенным повадкам и надменной походке на радость госпоже. Достаточно было натянуть парик, чуть-чуть подмазать грим и надеть соответствующий наряд, и я становился одним из них. Жрецы постоянно кочуют с места на место отправляясь вниз или вверх по реке и путешествуют от одного храма к другому, а по дороге просят милостыню. Я не буду привлекать внимание, наряд жреца может защитить от нападения сорокопутов. Они суеверны и стараются не нападать на священнослужителей.

Я обогнул лагуну и вошел в западную часть города Элефантина через бедные кварталы. На пристани подошел к одному из хозяев барок, который загружал свое судно кожаными бурдюками и глиняными кувшинами с маслом. Изобразив достаточную надменность, я потребовал, чтобы он бесплатно отвез меня в Карнак именем бога, которому служу. Он пожал плечами и сплюнул на палубу, но разрешил подняться на борт. Жители Египта терпят вымогательства жрецов. Хотя жрецов и презирают, все боятся их власти, как духовной, так и

светской. Некоторые даже считают, что жречество обладает не меньшей властью, чем сам фараон.

Было полнолуние, и хозяин барки оказался более смелым мореходом, чем флотоводец Нембет. Мы не вставали на ночь к берегу. С попутным ветром быстро, всего за пять дней, дошли до поворота реки, за которым открывался вид на Карнак.

У меня засосало под ложечкой, когда я сошел на берег, потому что в этом городе я вырос и прожил более десяти лет, и каждый нищий и зевака знал меня в лицо. Если меня узнают, вельможа Интеф услышит о моем появлении раньше, чем я успею добраться до городских ворот. Однако мой наряд спасал меня, и я пробирался к нужному месту боковыми улочками, изображая целеустремленную и полную достоинства походку жреца. Я шел к дому Тана у расположения флотилии.

Дверь в доме Тана не была заперта на задвижку. Я вошел туда, как будто имел на это полное право, и плотно закрыл за собой дверь. Скучно обставленные комнаты были пусты, и, обыскав их, я не нашел ничего, что могло бы указать на теперешнее местонахождение Тана. Очевидно, его не было дома давно, возможно, даже с тех пор, как мы с госпожой покинули Карнак. Молоко в кувшине у окна загустело и высохло, как твердый сыр, а корочка просяной лепешки рядом с кувшином покрылась синей плесенью.

Насколько я мог судить, ничего не пропало, даже лук Ланата висел на стене над кроватью. Одно это было уже необычно: лук этот всегда служил как бы продолжением его тела. Я осторожно спрятал лук в тайнике под кроватью, который сам построил для него, когда мой друг поселился здесь. Я не хотел появляться в городе при дневном свете, поэтому до наступления темноты я оставался в комнатах Тана, занимаясь уборкой скопившейся пыли и грязи.

Когда стемнело, я выскользнул на улицу и направился к реке. Сразу же заметил, что «Дыхание Гора» стоит у причала. Судя по всему, она успела побывать в бою с тех пор, как я видел ее в последний раз, и явно пострадала. Нос был проломлен, как и обшивка по левому борту, где доски обуглились.

С гордостью собственника я заметил, что Тан внес изменения в конструкцию корпуса, которые я разработал после охоты на речных коров. Золоченый металлический рог торчал перед носом чуть выше ватерлинии. Судя по вмятинам на его обшивке, он успел посвирепствовать в бою с флотилией лжефараона-самозванца.

Однако на палубе я не заметил ни Тана, ни Крата. За старшего остался младший командир. Я узнал его, но тут же отказался от мысли окликнуть. Вместо этого решил обойти притоны — любимые места развлечений моряков вокруг верфи.

Очень хорошей характеристикой нравственности жрецов Осириса может послужить то, что меня радостно встречали в притонах портовой полосы, почти как завсегдатая. В одной из более приличных таверн я узнал среди посетителей внушительную фигуру Крата. Он пил вино и играл в кости с товарищами по флотилии. Я решил не подходить к ним сейчас и стал наблюдать с другого конца переполненной таверны. Все это время мне приходилось отбиваться от приставаний веселых пташек обоего пола, которые постоянно снижали свои гонорары, пытаясь соблазнить меня последовать за ними в темный переулок и чтобы испробовать их отполированные взглядами прелести. Никого из них ни в малейшей степени не смущало ожерелье жреца из синих стеклянных бусинок на моей шее.

Когда Крат наконец сердечно попрощался со своими товарищами, пожелал им спокойной ночи и отправился прочь из таверны на темную улицу, я с облегчением последовал за его высокой фигурой.

— Ну, что тебе от меня надо, любимец богов? — прорычал он презрительно, когда я поспешно догнал его. — Тебе золотишка или, может быть, задница чешется? — Многие жрецы горячо увлекались новомодной педерастией.

— Я бы предпочел золото, — сказал я. — Его у тебя больше, а со вторым у тебя туго, Крат.

Он остановился как вкопанный и подозрительно уставился на меня. Его грубое, но

приятное лицо немного искажало спиртное.

— Откуда тебе известно мое имя? — Он схватил меня за плечо и подтащил к освещенной двери дома, изучая лицо. Затем стащил с моей головы парик. — Клянусь кучей дерьма в заднице Сета, это ты, Таита! — заорал Крат.

— Я буду тебе очень обязан, если ты воздержишься от таких громких криков на улице, — сказал я, и воин тут же стал серьезным.

— Ладно! Пойдем ко мне.

Когда мы остались одни в его комнате, он налил две кружки пива.

— А тебе не хватит? — спросил я, а Крат ухмыльнулся.

— Это мы узнаем завтра утром. Ну же, Таита! Не будь так суров ко мне. Мы били флот красного самозванца целых три недели. Милостивая Хапи, как же чудесно работает носовой рог твоего изобретения. Мы разрезали пополам почти двадцать вражеских лодок и, по крайней мере, сотне врагов отрубили головы. Хотя дело было жаркое, мы не пили ничего крепче воды все это время. Не попрекай меня лишним глотком пива. Выпей со мной! — Он поднял кружку, а я, поскольку тоже испытывал жажду, поднял свою и приветствовал его. Поставив кружку, спросил:

— Где Тан?

Мой собеседник тут же протрезвел.

— Тан исчез. — Я уставился на него, ничего не понимая.

— Исчез? Как это понимать — исчез? Разве он не вел вас в бой на реке?

Крат покачал головой.

— Нет, его не было. Исчез. Я заставил своих людей прочесать каждую улицу и каждый дом Фив. Нигде не нашли даже следа Тана. Говорю тебе, Таита, я очень встревожен, правда, очень встревожен.

— Когда ты видел его в последний раз?

— Через два дня после царской свадьбы. После того как госпожа Лостра вышла за царя. Вечером того дня, когда вы отплыли с царской флотилией в Элефантину, я попытался было уговорить его остаться и выбить из него дурь, но он не стал слушать меня.

— Что говорил?

— Передал под мое командование «Дыхание Гора» и всю флотилию.

— Но он же не мог сделать этого?

— Мог, Тан воспользовался властью ястребиной печати фараона.

Я кивнул.

— А потом, что сделал потом?

— Я уже сказал. Исчез.

Потягивая пиво, я попытался во всем разобраться. Тем временем Крат отошел к окну и помочился наружу. Струя с шумом и плеском ударила по мостовой, и я услышал, как испуганный прохожий заорал на него: — Эй ты, поосторожней, свинья!

Крат высунулся из окна и весело предложил проломить ему голову. Прохожий с ворчанием быстро удалился. Довольный своей маленькой победой, Крат улыбнулся и сел напротив меня. Я спросил его:

— В каком настроении Тан покинул тебя? Крат снова стал серьезным.

— Настроение у него было самое мрачное и раздражительное, какое мне когда-либо приходилось видеть. Он проклинал богов и фараона. Даже проклинал госпожу Лостру и обзывал ее царской шлюхой.

Я поморщился. Но я знал, что слова эти произнес не Тан, их произнесла отчаянная и безнадежная любовь.

— Говорил, что фараон имеет полное право выполнить свою угрозу и повесить его за призывы к мятежу, он будет только приветствовать смерть, как освобождение от мук. Да, ему было страшно тяжело, и я ничем не мог утешить его.

— И это все? Он ничем не намекнул тебе, что намеревался делать? — Крат потряс головой и снова наполнил чашу пивом.

— Что произошло с ястребиной печатью?

— Оставил ее мне. Сказал, что печать ему больше не нужна. Печать в целости и сохранности находится на борту «Дыхания Гора».

— А что касается того, о чем я с тобой договаривался? Сделал ли ты то, что я просил?

Воин виновато посмотрел в чашу с пивом и пробормотал:

— Я начал заниматься приготовлениями, но после того, как Тан исчез, в них, казалось, не было никакого смысла. Кроме того, мы были заняты в боях на реке.

— Крат, ты оказался таким ненадежным. Это так не похоже на тебя. — Я обнаружил, что разочарование и обида действовали на Крата гораздо сильнее злости. — Госпожа Лостра надеялась на тебя. Она говорила, что полностью доверяет тебе. «Крат надежен, как скала», — вот что она сказала.

Я быстро убедился, что старый прием по-прежнему действует, так как Крат, помимо всего прочего, был одним из обожателей госпожи. Даже малейшее неудовольствие с ее стороны могло подействовать на него.

— Проклятие, Таита. Ты превращаешь меня в слабоумного идиота... — Я промолчал, но молчание раздражало его больше слов. — Именем Гора, скажи мне, что хочет от меня госпожа Лостра?

— Только то, о чем мы говорили с тобой прежде, до того, как отправиться в Элефантину, — сказал я, и он грохнул кружкой по столу.

— Я воин и не могу пренебречь своим долгом и отправиться с половиной флотилии в какое-то сумасшедшее путешествие. Одно дело, когда у Тана была ястребиная печать...

— Теперь она у тебя, — мягко напомнил я.

— Я не могу пользоваться ею без разрешения Тана...

— Ты его помощник. Тан дал тебе ястребиную печать, чтобы ты пользовался ею. Ты знаешь, что с ней делать. Так делай же! Я найду Тана и верну его, но ты должен быть готов к его возвращению. Нам предстоит отчаянная и кровавая работа, и ты будешь нужен Тану. Не предавай его, по крайней мере на этот раз.

Крат покраснел от злости.

— Я заставлю тебя проглотить эти слова, — пообещал он.

— И это будет лучшим обедом, который ты можешь приготовить для меня, — сказал я. Я люблю смелых и честных людей, ими так легко управлять.

НЕ ЗНАЯ, каким образом мне удастся выполнить свое обещание, я оставил Крата отсыпаться и отправился в город на поиски пропавшего Тана. Еще раз обошел все его любимые места и всюду спрашивал, не видели ли его там. Я прекрасно понимал, как опасно наводить справки о Тане, — наряд мой был не слишком надежным прикрытием. Достаточно встретить старого знакомого, и меня бы сразу узнали. Однако Тана необходимо было найти. Я искал всю ночь, пока самые грязные притоны и публичные дома у пристани не выкинули на улицу пьяных посетителей и не погасили лампы.

Над рекой разгорался рассвет, а я стоял усталый и безутешный на берегу Нила и пытался припомнить, не пропустил ли я какое-нибудь место, где Тан мог бы прятаться.

Громкий трубный крик заставил меня посмотреть вверх. Высоко над головой я увидел неровную цепочку египетских гусей, летевших на восток на фоне бледно-золотого с красным оттенком неба. Вид стаи птиц напомнил мне те счастливые дни, когда Тан, госпожа Лостра и я охотились на диких птиц в болотах.

— Дурак! — обругал я себя. — Конечно, он там!

К этому времени все переулки вокруг рыночной площади уже заполнила шумная и беспокойная толпа. Фивы, пожалуй, самый занятой город мира, и никто здесь не остается без дела. Мастера выдувают стекло, обрабатывают золото и серебро, ткут полотно и лепят горшки. Торговцы торгуют и заключают сделки, законники крючкотворствуют, жрецы поют, а шлюхи заманивают своих клиентов. Это веселый шумный город, и я люблю его.

Я с трудом пробирался через толпу среди разноголосого гама торгующих купцов и

крестьян, выставляющих свои товары на продажу для домохозяек и приказчиков богатых домов. Рыночная площадь отвратительно воняла пряностями и фруктами, овощами, рыбой и мясом, многие из этих товаров были далеко не первой свежести. Скот мычал, козы и бараны блеяли и добавляли свои экскременты к человеческим, которые стекали по канавам в старый добрый Нил.

Я подумал было купить осла, потому что идти далеко, а время жаркое. Да и на рынке продавались выносливые крепкие животные. Но в конце концов решил отказаться от такой роскоши, и не только ради экономии. За пределами города дорогостоящее животное наверняка привлечет внимание сорокопутов. Ради такой добычи они могут пренебречь своей верой в богов. Вместо этого я купил пару горстей фиников и буханку хлеба, а также кожаный мешок, чтобы нести свою провизию, и тыквенную бутылку для воды. Затем направился по узким улочкам к главным воротам города.

Не успел я дойти до них, как увидел впереди себя замешательство в толпе, и тут же отряд дворцовой стражи появился на улице и направился ко мне, разгоня толпу палками. За спинами стражников полдюжины рабов трусцой несли резные носилки с занавесками. Толпа зажала меня у глинобитной стены дома, и я, хотя и узнал носилки и начальника стражи, не мог скрыться.

Меня охватила паника. Расфер может и не заметить меня, случайно скользнув взглядом по толпе, но я был уверен, что вельможа Интеф узнает сразу в любом наряде. Рядом со мной стояла старая рабыня с грудями, похожими на огромные амфоры для оливкового масла, и спиной гиппопотама. Я бочком протиснулся за ее спину и скрылся за ней. Затем надвинул парик на глаза и осторожно выглянул из под него.

Несмотря на страх, я почувствовал легкий укол врачебной гордости, увидев, что Расфер так скоро встал на ноги после моей операции. Он вел отряд телохранителей по улице туда, где я прятался за спиной рабыни, и только когда поравнялся со мной, я заметил, что половина его лица парализована. Казалось, уродливые черты вылепили из воска, а затем поднесли к пламени свечи. Такое часто случается даже после самых успешных операций по трепанации черепа. Другая половина лица кривилась в привычной усмешке. Если и раньше Расфер был отвратительным, теперь же дети плакали от страха, заведя его, а взрослые делали знак от сглаза.

Он прошел рядом с тем местом, где стоял я, а за ним проследовали носилки. Через щелочку между вышитыми занавесками я заметил вельможу Интефа, небрежно развалившегося на подушках из чистого шелка, привезенного с Востока. Подушки эти стоили, по крайней мере, пять золотых колец каждая.

Щеки его были свежесбриты, а волосы убраны в официальную прическу. На ее вершине был закреплен конус ароматизированного пчелиного воска, который тает на жаре и стекает по волосам и по лбу, охлаждая кожу. Рука, сплошь унизанная кольцами, лениво лежала на гладком загорелом бедре красивого маленького мальчика-раба, которого скорее всего приобрели недавно, так как я не знал его.

Сила моей ненависти застала меня врасплох, когда я увидел прежнего господина. Все неисчислимые оскорбления и унижения, которые я вынес в свое время, нахлынули на меня. Его последнее преступление только усилило мою ярость: посылая мне кобру, он подвергал опасности не только мою жизнь, но и жизнь моей госпожи. Если я и мог простить ему остальное, этого бы никогда не простил.

Его голова стала поворачиваться ко мне, но, прежде чем глаза его встретились с моими, я нырнул за спину гороподобной женщины. Носилки двинулись дальше по узкой улочке, я посмотрел им вслед и внезапно почувствовал, что весь дрожу, как после схватки с коброй.

— О божественный Гор, услышь мою мольбу, не дай мне покоя до тех пор, пока он не умрет и не отправится к Сету, своему господину, — прошептал я и снова направился к воротам, проталкиваясь через толпу.

ПОЛОВОДЬЕ достигло высшей точки, и земли вокруг реки исчезли в благотворных

объятиях Нила. Как и всегда, с начала времен, река откладывала на полях жирный слой черного ила. Когда вода уйдет, сверкающие просторы снова расцветут той характерной зеленью, которую можно увидеть только у нас в Египте. Солнечный свет и плодородный ил позволят вырастить три урожая до того, как Нил опять выйдет из берегов и принесет свои дары.

По краям залитых водой полей шли насыпи. Они регулировали распределение воды и служили дорогами. Я пошел по тропе, проложенной по вершине насыпи, на восток, пока не дошел до каменистой почвы у подножия холмов, где повернул на юг. По пути я время от времени нагибался и переворачивал придорожные камни, пока не нашел то, что искал. Потом прибавил шаг и решительно зашагал вперед. Я настороженно вглядывался в рваную линию холмов по правую руку, потому что в таких местах шайки сорокопутов часто устраивали засады. Я пересекал каменистый овраг, когда меня внезапно окликнули.

— Помолись за меня, любимец богов! — Нервы мои были настолько напряжены, что я вскрикнул от испуга и отпрыгнул в сторону, прежде чем успел взять себя в руки.

Мальчишка-пастушок сидел на краю оврага прямо надо мной. Ему было не более десяти лет, но с виду он казался старым, как первый грех человека. Я знал, что сорокопуты часто используют детей в качестве разведчиков и часовых. Маленький оборвыш, казалось, был создан для этой роли. Волосы у него были грязные и всклокоченные, а плохо продубленная козья шкура, из которой сшили его одежду, воняла так, что я чувствовал запах со дна оврага. Его блестящие вороньи глаза быстро и жадно осмотрели меня, оценивая наряд и поклажу.

— Куда ты направляешься и по какому делу, добрый отец? — спросил он и просвистел длинную тонкую мелодию на тростниковой дудочке, которая вполне могла оказаться сигналом для того, кто прятался выше по склону.

Прошло несколько мгновений, прежде чем сердце мое успокоилось, и я снова обрел дар речи.

— Ты дерзок, дитя. Какое тебе дело, кто я и куда иду? Его поведение по отношению ко мне тут же изменилось.

— Я голоден, милостивейший жрец, я сирота, которому приходится самому кормить себя в этом жестоком мире. Нет ли у тебя корочки хлеба в твоём таком большом мешке?

— Ты не кажешься мне голодным. — Я отвернулся и пошел дальше. Но пастушок скатился по склону оврага и заплесал передо мной.

— Покажи мне, добрый отец, что у тебя в сумке, — настаивал он. — Смилуйся, добрый господин.

— Ладно, негодник. — Я достал из сумки спелый финик. Он протянул руку, но я тут же сжал кулак. Когда снова разжал пальцы, финик превратился в багрового скорпиона. Ядовитое насекомое угрожающе подняло хвост над головой, мальчик завопил и поскорее забрался обратно на склон оврага.

Наверху он остановился и закричал:

— Ты не жрец. Ты — джин пустыни, ты дьявол, а не человек. — Он лихорадочно сделал знак от сглаза, сплюнул три раза на землю и помчался вверх по склону холма.

Я поймал скорпиона под плоским камнем у дороги. Разумеется, выдернул жало из кончика хвоста, прежде чем сунуть его в свой мешок. Скорпион был припасен именно на такой случай. Тот же старый раб, который научил меня читать по губам, показал мне еще кое-что, пока жил с нами. Этому фокусу меня тоже научил он.

У подножия следующего холма я остановился. Пастушонок стоял прямо на вершине гряды. Он был не один. Рядом с ним находились двое мужчин, а ребенок яростно жестикулировал. Увидев, что я заметил их, они тут же исчезли за линией холмов. Можно не сомневаться, они вряд ли будут приставать к дьявольскому жрецу.

Не прошел я и нескольких сот шагов, как почувствовал впереди на дороге какое-то движение. Тут же остановился и прикрыл глаза от ослепительных лучей полуденного солнца. С облегчением разглядел небольшую и совершенно невинную группу людей,

приближавшуюся ко мне. Я осторожно пошел им навстречу, и, когда расстояние между нами уменьшилось, сердце у меня чуть не выпрыгнуло из груди: мне показалось, что я узнал Тана. Он вел на поводу ослика.

Маленькое жилистое животное несло тяжелый груз. На его спине поверх огромного узла сидели женщина и ребенок, но ослик весело трусил вперед. Женщина, как я успел разглядеть, была в положении. Живот тяжело лежал на коленях. Ребенок за ее спиной оказался девочкой лет десяти-одиннадцати.

Я уже собирался окликнуть Тана и поспешить навстречу, когда понял, что ошибся и человек этот мне незнаком. Меня обманули его рост, широкие плечи и ловкость движений, когда он вел в поводу ослика, а также сверкающая грива золотых волос. Мужчина подозрительно разглядывал меня, обнажив меч. Он отвел ослика с дороги и встал между мной и ценным грузом.

— Да благословят тебя боги, добрый путник! — Я решил играть роль жреца до конца, а он проворчал что-то и продолжал целиться кончиком меча мне в живот. В нашем любимом Египте никто не доверяет незнакомцу.

— Ты рискуешь жизнью своей семьи на этой дороге, друг мой. Тебе следовало бы искать защиты каравана. В холмах прячутся разбойники. — Я уже тревожился за них. Женщина показалась мне милой и порядочной, а ребенок за ее спиной чуть не расплакался при моих словах.

— Проходи, жрец, — приказал мужчина, — побереги свои советы для других. Мне они не нужны.

— Вы очень добры, благородный господин, — прошептала женщина. — Мы целую неделю ждали каравана в Кене и не могли больше там оставаться. Моя мать живет в Луксоре. Она поможет мне родить ребенка.

— Молчи, женщина, — зарычал на нее муж. — Я не стану связываться с незнакомцем, даже если на нем плащ жреца.

Я заколебался, стараясь придумать, чем им помочь. Девочка оказалась красивой малюткой с черными обсидиановыми глазами. Мне понравилось ее личико. Однако в тот самый момент муж погнал ослика мимо меня, и я посмотрел им вслед, беспомощно пожав плечами.

Невозможно горевать за все человечество, сказал я себе. Так же, как нельзя заставлять слушаться твоего совета тех, кто отказывается от него. Я отправился на север не оглядываясь.

Было уже довольно поздно, когда я наконец обогнул холм и увидел у своих ног длинную каменистую косу, уходившую в зеленые болота. Даже с высоты холма нельзя было разглядеть хижину. Она скрывалась в глубине зарослей папируса — крыша у нее была из тростника, поэтому она полностью сливалась с окружающей растительностью. Я побежал вниз по тропинке, прыгая с камня на камень, пока не добрался до воды. До основного русла Нила было далеко, и течение здесь почти не чувствовалось.

У небольшого причала я нашел старую полуразвалившуюся лодку. Она была наполовину затоплена, и мне пришлось вычерпать из нее воду, прежде чем спустить на воду. Затем я стал пробираться по проходу между зарослями папируса, осторожно отталкиваясь шестом. Когда вода стояла низко, хижина была на суше, но теперь у ее опор вода доставала до плеч.

К одной из свай была привязана лодка поновее моей. Она была пуста. Я привязал свою лодку рядом и, забравшись по шаткой лесенке на помост, заглянул в старую охотничью хижину. Свет струился через дыры в соломенной крыше, но это не портило ее, так как у нас в Верхнем Египте дождей не бывает.

С того самого дня, как мы с Таном обнаружили эту хижину, я не видел в ней такого беспорядка. Одежда, оружие и кухонная утварь были разбросаны по полу, как обломки доспехов и трупы на поле боя. Вонь винного перегара перебивала даже запах несвежей пищи и немытых тел.

Тела же лежали на грязном матраце в дальнем углу хижины. Я осторожно пробрался по заваленному вещами полу, чтобы осмотреть их. Они были живы. Женщина застонала, заворчала во сне и перевернулась на спину. Она молода, и ее обнаженное тело достаточно соблазнительно. Груды большие, а внизу живота темнела короткая поросль жестких курчавых волос. Однако даже во сне лицо казалось грубым и неумным. Тан, без сомнения, нашел ее в одном из портовых притонов.

Он всегда был очень разборчив и никогда не пил много. Эта тварь и множество пустых кувшинов из-под вина, составленных вдоль стен, показывали, как низко он пал. Я посмотрел на него и едва смог узнать. Лицо распухло и заросло нечесаной и немытой бородой. Очевидно, он не брился с тех пор, как я видел его у стен гарема.

Женщина проснулась. Ее глаза остановились на мне, одним ловким кошачьим движением она соскользнула с матраца и бросилась к кинжалу, висевшему на стене рядом со мной. Я выхватил оружие из ножен прежде, чем она дотянулась до него, и выставил вперед обнаженный клинок.

— Уходи, — тихо приказал я. — Иначе ты ощутишь в брюхе нечто такое, чего там еще не бывало.

Она собрала вещи с пола и быстро натянула одежду, злобно разглядывая меня.

— Он не заплатил мне.

— Думаю, ты уже сама щедро вознаградила себя за работу. — Я махнул кинжалом в сторону двери.

— Он обещал мне пять золотых колец.

Ее тон изменился, в голосе слышалась мольба.

— Я уже двадцать дней работаю не покладая рук. Я делала для него все, что только нужно. Готовила, содержала дом в чистоте, обслуживала его и убирала рвоту, когда он напивался. Мне нужно заплатить, я не уйду, пока мне не заплатят...

Я схватил ее за длинные черные волосы и подтолкнул к двери, затем, не выпуская, помог спуститься в худшую из двух лодок, в которой сам приплыл. Как только она оттолкнулась шестом от помоста, и я уже не мог ее достать, на меня обрушился такой поток ругательств, что цапли и другие водяные птицы испуганно вылетели из зарослей камыша вокруг нас.

Когда я вернулся к Тану, он даже не пошевелился. Я проверил кувшины. Большая часть из них была пуста, но в трех еще оставалось вино. Мне стало интересно, как ему удалось запастись столько выпивки. Скорее всего, послал женщину в Карнак, и какой-нибудь лодочник помог ей. Судя по количеству кувшинов, здесь всему отряду Синего Крокодила хватило бы на полгода. Не мудрено, что Тан находился в таком состоянии.

Я посидел немного рядом с ним на матраце, дав волю сочувствию. Он пытался погубить себя. Я понимал это и не презирал его. Любовь к моей госпоже была столь велика, что Тан не хотел жить без нее.

Разумеется, я также злился на него за то, что он так дурно обошелся с собой и позволил непростительной жалости к самому себе овладеть им. Тем не менее даже в столь жалком состоянии, в нем оставалось какое-то благородство, вызывавшее во мне восхищение. В конце концов не он один был виноват в этом. Моя госпожа тоже пыталась принять яд и умереть. Я понял и простил ее. Разве мог я не понять и не простить Тана? Я печально вздохнул: двое молодых людей были моим единственным достоянием в этом мире. Затем я поднялся на ноги и принялся за работу. Сначала постоял немного над Таном, разжигая в себе злобу, чтобы по-настоящему грубо обойтись с ним. Потом схватил его за ноги и потащил из хижины. Он почти пришел в себя и слабо выругался, но я не обращал внимания на слабые попытки остановить меня и выбросил его через дверь хижины. Тан полетел головой вперед и с оглушительным всплеском ушел под воду. Я подождал, пока он всплыл и, толком не придя в себя, начал барахтаться около лестницы.

Я спрыгнул в воду рядом с ним, схватил обеими руками за волосы и засунул голову под воду. Какое-то время он сопротивлялся слабо и мне удавалось удерживать его под водой.

Потом в нем проснулся инстинкт самосохранения, и он начал биться изо всех сил. Меня выбросило из воды и швырнуло в сторону, как веточку во время бури.

С диким рыком Тан выскочил на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, и стал яростно отбиваться от невидимого врага. Ударом кулака он мог оглушить гиппопотама, поэтому я поспешно отошел подальше и наблюдал за ним с безопасного расстояния.

Кашляя и задыхаясь, Тан кое-как добрался до лестницы и повис на ней. Мокрые волосы струились по его лицу, закрывая глаза. Видимо, он сильно наглотался, и я даже почувствовал тревогу. Мое средство могло оказаться слишком сильным. Я уже собрался прийти ему на помощь, как он широко раскрыл рот, и оттуда хлынула вонючая смесь болотной воды и полупереваренного вина. Я был поражен количеством этой отвратительной жидкости.

Он по-прежнему висел на лестнице, захлебываясь от недостатка воздуха. Я подплыл к одной из свай и подождал, пока его вырвало еще раз, а потом сказал, вложив в свои слова все презрение, на которое был способен:

— Моя госпожа Лостра не могла бы не гордиться тобой сейчас.

Он огляделся залитыми водой глазами и наконец увидел меня.

— Проклятие, Таита! Так это ты пытался утопить меня? Идиот, я же мог убить тебя.

— В твоём теперешнем состоянии ты мог навредить только кувшину вина. Боже, какое отвратительное, жалкое зрелище ты собой представляешь! — Я взобрался по лестнице в хижину, оставив его в воде. Он тряс головой и бормотал что-то себе под нос. Я начал убираться в хижине.

Прошло довольно много времени, прежде чем Тан последовал за мной и пристыженно уселся у входа. Не обращая на него внимания, я продолжил уборку, пока наконец ему самому не пришлось нарушить молчание.

— Как ты живешь, дружище? Мне не хватало тебя.

— Другим тебя тоже не хватало. Крату, например. Флотилия билась с врагом в низовьях реки. Им бы пригодился еще один меч. А кроме того, моя госпожа Лостра тоже скучала по тебе. Она говорит о тебе каждый день, и любовь ее по-прежнему чиста и искренна. Интересно, что бы она подумала о той шлюхе, которую я выгнал из твоей постели.

Тан застонал и схватился за голову.

— Ох, Таита, не произноси имени своей госпожи. Мне невыносимо слышать его.

— Так открой кувшин вина и валяйся в собственном дерьме из жалости к себе, — сердито предложил я.

— Я потерял ее навсегда. Чтобы ты на моем месте сделал?

— Мне потребовалась бы вера и выдержка, так же, как и ей.

Он жалко взглянул на меня.

— Расскажи мне о ней, Таита. Как ее здоровье? Вспоминает ли еще обо мне?

— Это-то как раз и есть самое печальное, — с отвращением проворчал я. — Она больше ни о чем вспоминать не хочет. Готовится к тому дню, когда вы сможете соединиться.

— Этот день не придет никогда. Я потерял ее навсегда и больше не хочу жить.

— Хорошо! — коротко согласился я. — Тогда не будем больше тратить времени. Пойду и скажу госпоже, что ты даже не захотел выслушать ее послание. — Я проскользнул мимо него, скатился по лестнице, прыгнул в лодку и уже собирался оттолкнуться.

— Подожди, Таита! — окликнул он меня. — Вернись.

— Зачем? Ты хочешь умереть? Умирай. Я пришлю бальзамировщиков за трупом.

Он смущенно улыбнулся мне.

— Ладно, я веду себя глупо. Пьянка выбила меня из колеи. Вернись, умоляю тебя. Передай послание Лостры.

С показной неохотой я забрался по лестнице в хижину, и он, слегка пошатываясь, вошел следом за мной.

— Моя госпожа просила сказать тебе, что любовь ее жива и ничто, никакие тяготы не смогли поколебать ее. Она остается и навсегда останется твоей женой:

— Клянусь Гором, мне стыдно слышать это, — пробормотал он.

— Нет, — возразил я, — твой стыд — твоя же выдумка.

Он выхватил из ножен меч, висевший над кроватью, и несколькими ударами разбил кувшины, составленные у дальней стены хижины. С каждым ударом из разбитого кувшина била струя вина и тоненькими струйками сочилась вниз через щели в полу.

Он задыхался, когда снова повернулся ко мне, и я презрительно бросил ему:

— Посмотри на себя, ты опустился настолько, что стал слаб и немощен, как старый жрец...

— Хватит, Таита! Ты достаточно наговорил. Не смей больше смеяться надо мной или пенять на себя.

Я увидел, что он разозлился. Этого я, собственно, и добивался. Оскорбления заставили его прийти в себя.

— Госпожа моя хочет, чтобы ты принял вызов фараона и через пять лет, когда она будет свободна, живой и увенчанный почестями, соединился с ней.

— Через пять лет? О чем ты говоришь, Таита? Разве наши мучения когда-нибудь кончатся?

— Я обратился к лабиринтам по просьбе фараона. Он умрет через пять лет, — просто сказал я. Тан с благоговейным страхом уставился на меня. Я увидел, как сотни разных чувств сменялись на лице. Его настроение было так же легко читать, как иероглифы на свитке папируса.

— Лабиринты! — прошептал наконец. Когда-то давно он сомневался в моих способностях, но теперь верил в них даже больше, чем моя госпожа. Он слишком часто видел, как мои сны сбываются.

— Можешь ли ты ждать так долго свою возлюбленную? — спросил я. — Госпожа моя клянется, что готова ждать тебя целую вечность. Можешь ли ты прождать ее всего пять лет?

— А она обещала ждать?

— Целую вечность, — повторил я, и мне показалось, что он вот-вот заплачет. Я бы не выдержал такого зрелища. По крайней мере, не смог бы глядеть ему в глаза, поэтому поспешно продолжил: — Разве ты не хочешь услышать, какое видение мне послали лабиринты? Тан проглотил слезы.

— Да, да, хочу, — горячо ответил он. И мы начали говорить. Мы беседовали до наступления темноты.

Я рассказал ему то же, что и госпоже Лостре, все те подробности о ее отце, которые раньше скрывал от них. Когда же я наконец подробно поведал о том, как был разорен и погублен его отец, Пианки, вельможа Харраб, Тан разозлился настолько, что ярость выжгла последние следы хмеля из сознания, и когда над болотами начало светать, его решимости не было предела.

— Давай же скорее примемся за выполнение твоего плана. Он кажется мне совершенно правильным.

Тан поднялся и подпоясался мечом. Хотя я считал, что ему следовало бы отдохнуть немного и оправиться от долгого кутежа, он не желал даже слышать об этом.

— Нужно немедленно отправляться в Карнак. Крат ждет нас, страстное желание отомстить за отца и увидеть возлюбленную огнем горит в моей груди.

КАК ТОЛЬКО мы вышли из болот, Тан пошел впереди меня по каменистой тропе, а я бегом следовал за ним. Когда солнце появилось изза горизонта, пот заструился у него по груди и спине, промочив пояс юбки. Казалось, тело очищается от кислого старого вина. Хотя я и слышал, как тяжело он дышит, Тан ни разу не остановился отдохнуть и не сбавил шага. Не задерживаясь ни на секунду, бежал сквозь иссушающий жаркий воздух пустыни.

Скоро я остановил его окриком, и мы встали рядом, плечом к плечу, глядя вперед. Мое внимание привлекли птицы. Я увидел движение их крыльев вдалеке.

— Стервятники, — прохрипел Тан, задыхаясь. — Они нашли какую-то мертвечину в скалах.

Он обнажил меч, и мы осторожно пошли вперед.

Первым мы обнаружили мужчину и согнали с него стервятника, который поднял целую бурю ударами крыльев. По гриве светлых волос я узнал путника, встреченного по дороге к хижине за день до этого. От лица его ничего не осталось: он лежал на спине, и птицы сожрали всю плоть до кости. Они выклевали глаза, и теперь пустые глазницы смотрели в безоблачное синее небо. Губы исчезли, и окровавленные зубы смеялись глупой шутке нашей краткой жизни. Тан перевернул его на живот, и мы увидели колотые раны на спине, причину смерти. Их было по меньшей мере с дюжину.

— Кто бы ни убил его, он явно постарался сделать свою работу наверняка, — заметил Тан тоном привыкшего к смерти воина.

Я пошел дальше в скалы, и передо мной поднялось черное гудящее облако мух, слетевших с тела женщины. Не могу понять, откуда появляются мухи, они словно материализуются из воздуха в жгучей жаре пустыни. Я понял, что у нее случился выкидыш, пока разбойники забавлялись с ней. Они, наверное, оставили ее живой. Из последних сил она взяла ребенка на руки, прижала его к себе и умерла, прислонившись грудью к огромному камню, защищая своего мертворожденного ребенка от стервятников.

Я продолжил путь по обломкам скал, и снова гудение мух указало мне, куда разбойники оттащили девочку. Тут, по крайней мере, у одного из них хватило сочувствия перерезать ей горло, и она не осталась умирать на жаре от потери крови.

Муха села мне на губу. Я смахнул ее и заплакал. Когда Тан подошел, я все еще не мог успокоиться.

— Ты знал их? — спросил он. Я кивнул и прокашлялся.

— Встретил их вчера по дороге к хижине. Пытался предупредить... — я остановился, мне было трудно говорить. — У них был ослик. Сорокопуты, наверное, забрали его.

Тан кивнул с абсолютно пустым выражением лица, отвернулся и быстро оглядел скалы.

— Сюда! — позвал и побежал, направляясь в каменистую пустыню.

— Тан! — закричал я ему вслед. — Крат ждет нас... — Он не обратил ни малейшего внимания, и оставалось только последовать за ним. Я скоро догнал его, когда он потерял отпечатки копыт ослика на каменистой почве и был вынужден искать продолжение следа.

— Я горюю об этой семье даже больше, чем ты, — настаивал я. — Это же глупо. У нас нет времени. Крат ждет нас.

Он оборвал меня, не взглянув в мою сторону.

— Сколько было ребенку? Не более девяти лет? У меня всегда найдется время, чтобы восстановить справедливость. — Лицо его выражало холодное желание отомстить. Пренная, крепкая воля вернулась к нему. Я понял, что спорить бесполезно.

Образ маленькой девочки все еще стоял перед моими глазами. Я присоединился к Тану, и мы снова нашли след. Теперь, когда работали вместе, двигались вперед гораздо быстрее.

Мы с Таном преследовали газелей, антилоп и даже льва, а на охоте оба прекрасно овладели эзотерическим искусством следопыта. Работали в паре и бежали по обе стороны следов, оставленных нашей дичью, знаками показывая любой поворот или изменение следа. Очень скоро наша дичь вышла на грубую, плохо битую тропу, которая шла на восток от реки в глубину пустыни. На тропе стало гораздо легче.

Было около полудня, и наши флаги уже опустели, когда мы наконец увидели тех, кого искали, далеко впереди. Разбойников было пятеро, они вели с собой ослика. Очевидно, не ожидали, что кто-то будет преследовать в пустыне — их крепости, и шли беззаботно. Даже не подумали об охране в арьергарде.

Тан потянул меня за скалу и, пока мы переводили дыхание, прорычал:

— Обойдем их. Я хочу увидеть лица.

Он вскочил на ноги и повел меня в обход. Мы перегнали шайку сорокопутов, двигаясь вне поля их зрения. Потом резко свернули и вышли на тропу впереди. Тан опытным глазом воина нашел безупречное место для засады.

Мы издали услышали цокот копыт ослика и певучие звуки голосов. Пока ждали, у

меня впервые появилась возможность задуматься, благоразумно ли мы поступили, отправившись преследовать их. Когда же отряд сорокопутов появился перед нами, у меня выросла уверенность, что мы явно поторопились. Они казались шайкой самых отъявленных убийц, каких мне когда-либо приходилось видеть. А вооружен я был только маленьким красивым кинжальчиком.

Неподалеку от нас высокий бородатый кочевник, который явно возглавлял шайку, внезапно остановился и приказал одному из разбойников снять с ослика бурдюки с водой. Он отпил первым, а потом передал бурдюк остальным. Я невольно сглотнул, когда увидел, как он пьет драгоценную влагу.

— Клянусь Гором, я вижу следы крови женщины на их одежде. Если бы только Ланата была со мной, — прошептал Тан, прячась за скалой, — я пустил бы стрелу ему в брюхо и вылил оттуда воду, как из ведра. — Потом положил руку мне на запястье. — Не двигайся раньше меня, слышишь? Не нужно геройства. Понятно? — Я горячо закивал ему, так как не имел ни малейшего желания возражать против таких разумных указаний.

Сорокопуты пошли дальше и поравнялись с нами. Все они были хорошо вооружены. Кочевник шел впереди. Меч в ножнах висел у него за спиной, а рукоятка торчала из-за левого плеча. Он обмотал капюшон вокруг головы, чтобы защититься от палящих лучей солнца, и поэтому не заметил нас, хотя прошел совсем близко.

Двое разбойников шли за ним по пятам. Один из них вел в поводу ослика. Остальные лениво брели сзади, увлеченные бесконечным спором из-за золотого украшения, снятого с убитой женщины. Оружие их было в ножнах, если не считать коротких копий с бронзовыми наконечниками, которые замыкающие отряд несли в руках.

Тан пропустил всех разбойников вперед, а затем тихо встал и пошел за двумя последними. Казалось, что движется небрежно, как леопард, но я не успел перевести дыхание, как он взмахнул мечом над шеей правого разбойника.

Хотя я и намеревался полностью поддержать Тана в этой схватке, каким-то образом намерения мои не перешли в реальные действия, и я продолжал прятаться за крепкой скалой. Оправдывался тем, что мог бы помешать ему, если бы шел слишком близко.

Никогда раньше не видел, как Тан убивает людей, хотя и понимал, что при его профессии за многие годы была возможность отточить омерзительную ловкость, с которой это делается. Тем не менее быстрота поразила меня. Под его ударом голова жертвы прыгнула с плеч, как заяц пустыни из своего укрытия, и обезглавленное тело успело сделать еще шаг, прежде чем ноги подогнулись и оно упало. Когда меч описал полную дугу, Тан мгновенно взмахнул им снова. Точно таким же движением он ударил с противоположной стороны по шее другого разбойника, и новая голова так же быстро повалилась на землю, а тело тихо опустилось вперед, извергая фонтан крови.

Плеск крови и звук тяжелого удара от падения двух обезглавленных тел на каменистую землю потревожил остальных. Они обернулись и на какое-то мгновение застыли, ошеломленные неожиданным кровавым нападением. Затем с диким воплем обнажили мечи и, как один, ринулись на Тана. Вместо того чтобы отступить, он свирепо бросился вперед и сумел разделить их. Ударил мечом одного, которого сумел отогнать от двух его товарищей, и нанес ему рубленую рану. Разбойник завизжал и повалился назад. Однако, прежде чем Тан успел прикончить его, двое других набросились сзади. Тану пришлось повернуться и сражаться с ними. Бронза ударилась о бронзу, и Тан остановил разбойников. Он держал их на расстоянии протянутого клинка, отбиваясь по очереди то от одного, то от другого, пока легко раненый противник не пришел в себя и не стал приближаться к нему со спины.

— Сзади! — заорал я, и Тан вовремя обернулся, успев отбить удар меча. В то же самое мгновение двое других набросились на него, и ему пришлось отступить. Теперь Тану приходилось защищаться с трех сторон. У меня захватило дыхание от того, с какой виртуозной ловкостью он орудовал мечом. Его клинок мелькал так быстро, что, казалось, он возвел вокруг себя сверкающую бронзовую стену, о которую тщетно бились клинки врагов.

Потом я вдруг понял, что Тан начинает уставать. Пот струился по его телу, а лицо

искажала гримаса напряжения. Долгий кутеж и разврат сильно поубавили силы и выносливость, когда-то казавшиеся бесконечными.

Он отступил после очередной атаки, которую провел бородатый кочевник, и наконец оказался прижатым спиной к огромной скале с противоположной стороны дороги. Скала защищала спину, и теперь все трое нападавших были вынуждены атаковать спереди. Однако это не давало ему передышки. Возглавляемые кочевником, разбойники были, как стая диких собак, и нападали непрерывно. Правая рука Тана начала уставать, и меч уже двигался медленнее.

Копье первого из разбойников, обезглавленных Таном, лежало посреди дороги. Я понял, что должен сделать что-то, если не хочу увидеть, как Тана рубят на куски на моих глазах. Огромным усилием воли я попытался вернуть себе ускользающее мужество и выполз из своего укрытия. Сорокопуты забыли обо мне в горячке боя и смертельной ненависти к врагу, и я успел подобрать копье незамеченным. Когда схватил его, тяжесть древка в руке вернула мне уверенность в своих силах.

Кочевник был самым опасным из троих противников Тана и стоял ближе остальных. Спина была обращена ко мне, а внимание поглощал неравный бой. Я наклонил копье вперед и бросился на него.

Почки — самая уязвимая мишень на человеческой спине. С моим знанием анатомии мне ничего не стоило точно нанести удар. Копье вошло в спину в одном пальце от хребта. Широкий бронзовый наконечник образовал огромную зияющую рану, и я свирепым движением копья разmozжил врагу почку, как учил меня Тан. Боль парализовала кочевника, меч выпал из его рук, и он повалился на землю с таким ужасным воплем, что его ошеломленные товарищи замерли на месте, а у Тана появился шанс.

Следующим ударом Тан поразил одного разбойника в середину груди. Несмотря на усталость удар был настолько силен, что острие меча проткнуло туловище насквозь и вышло на ладонь из спины. Прежде чем Тан успел вытащить клинок из крепких объятий плоти и убить последнего сорокопута, тот бросился бежать.

Тан сделал несколько шагов за ним следом, а затем, задыхаясь, проговорил:

— Мне не поймать. Догони его, Таита, не дай этому грязному шакалу уйти.

Мало кто может обойти меня в беге. Тан на это способен, но только в прекрасном состоянии сил. Я уперся в спину кочевника и выдернул свое копье, а потом побежал следом за разбойником.

Я догнал его раньше, чем он успел уйти на двести шагов. Бежал я так легко, что враг даже не расслышал моего приближения. Острием копья перерубил сухожилие над пяткой, и он повалился на землю. Меч отлетел в сторону. Разбойник лежал на спине, пинался и вопил, а я плясал вокруг него и колот кончиком копья, выбирая положение для смертоносного удара.

— Которая из женщин тебе понравилась больше? — спросил я, уколов в бедро. — Мать с огромным животом или маленькая девочка? Она была крепенькой, правда?

— Пощади меня! Я ничего не делал с ними. Это все другие. Не убивай меня.

— На твоей юбке засохла кровь, — сказал я и ударил в живот, но не сильно. — А ребенок кричал так же громко, как и ты сейчас?

Когда он свернулся клубком после удара в живот, я ударил в хребет, и по счастливой случайности наконечник вошел между позвонками. Его мгновенно парализовало ниже пояса, и я спокойно сделал шаг назад.

— Очень хорошо. Ты не хочешь, чтобы я убивал тебя? Я и не убью. Этого тебе было бы мало.

Повернулся и пошел к Тану. Искалеченный сорокопут некоторое время пытался ползти за мной, волоча парализованные ноги, как рыбаки тащат пару крупных карпов. Затем силы его иссякли, и он, хныча, растянулся на земле. Хотя было уже далеко за полдень, солнце убьет его раньше заката.

Тан с любопытством посмотрел на меня, когда я подошел.

— Никогда бы не подумал, что ты способен на жестокость. — Он застыл в изумлении. — Ты не перестаешь удивлять меня.

Тан стащил бурдюк с водой с ослика и предложил мне, но я покачал головой.

— Сначала ты. Тебе это нужно больше, чем мне.

Он начал пить, и глаза его закрылись от наслаждения. Потом резко перевел дыхание.

— Клянусь сладостным дыханием Исиды, ты прав. Я слаб, как старуха. Даже такая мелкая стычка чуть не стоила мне жизни.

Потом посмотрел на лежащие вокруг трупы и довольно ухмыльнулся.

— В общем-то это неплохое начало работы, порученной нам фараоном.

— Это худшее из возможных начал, — возразил я и, когда Тан удивленно поднял бровь, продолжил: — Нам следовало оставить в живых хотя бы одного из сорокопутов, чтобы он показал гнездо. Даже вон тот, — я жестом показал на умирающего среди камней разбойника, — слишком тяжело ранен и не может быть для нас полезным. Это моя вина. Я позволил гневу овладеть мною. Мы больше не сделаем подобных ошибок.

Уже на полпути к тому месту, где мы оставили тела убитого семейства, моя природа взяла свое, и я начал сожалеть о том, что жестоко обошелся с искалеченным разбойником.

— В конце концов он человек, как и мы с тобой, — сказал я Тану, а тот фыркнул.

— Это тварь, мерзкая тварь, а не человек, и ты поступил правильно. Ты слишком долго горюешь о нем. Скажи лучше, зачем нам возвращаться к этим трупам? Не лучше ли отправиться прямо в лагерь Крата?

— Мне нужно тело мужчины, — произнес я, ничего не объясняя, пока мы не подошли к изуродованному трупу. Останки начали вонять. Стервятники почти не оставили мяса на костях.

— Посмотри на голову, — сказал я Тану. — У кого из твоих знакомых похожая грива? — Сначала он поглядел на меня озадаченно, а потом вдруг усмехнулся и провел пальцами по своим густым курчавым волосам.

— Помоги мне погрузить его на ослика, — приказал я. — Крат отвезет тело в Карнак гробовщикам, чтобы те забальзамировали. Мы заплатим за хорошие похороны и усыпальницу и напишем твое имя на ее стенах. На закате завтрашнего дня все Фивы будут знать, что Тан, вельможа Харраб, погиб в пустыне и был наполовину съеден птицами.

— Если Лостра узнает об этом... — Тан заволновался.

— Я предупрежу ее письмом. Преимущество, данное нам твоей смертью, намного перевесит опасность встревожить мою госпожу.

КРАТ со своим отрядом остановился в первом оазисе на караванной тропе к Красному морю на расстоянии одного дня пути от Карнака. В отряде было сто человек из стражи Синего Крокодила, и всех их тщательно отобрали по моим указаниям. Мы с Таном добрались до лагеря в середине ночи. Упали на рогожи у костра и проспали до рассвета. С первыми лучами солнца Тан поднялся и пошел здороваться со своими воинами. Все они не скрывали радости при виде командира. Помощники обнимали его, рядовые приветствовали криками и гордо ухмылялись, когда он каждого называл по имени.

За завтраком Тан приказал Крату доставить разлагающиеся останки в Карнак и устроить похороны так, чтобы весть о его гибели распространилась повсюду. Я отдал Крату письмо для госпожи Лостры. Он должен был найти надежного посланника, который отнесет его вверх по реке в Элефантину.

Крат отобрал десять человек, и они приготовились отправиться в путь с «ароматной» ношей на спине ослика по дороге к Нилу и Фивам.

— Постарайся догнать нас на пути к Красному морю. Если не сможешь, мы будем стоять в оазисе Гебель-Нагара. Мы подождем тебя там, — крикнул Тан ему вслед, когда отряд трусцой покинул лагерь, — и не забудь принести мой лук Ланату.

КАК ТОЛЬКО Крат со своим отрядом исчез за гребнем холма на западе, Тан построил

остальных воинов и повел их в противоположном направлении по караванному пути к морю. Караванный путь от берегов Нила к берегам Красного моря тяжел, долог и труден. Большому каравану на него обычно требуется около двадцати дней. Мы прошли это расстояние за четыре, так как Тан гнал нас вперед короткими, быстрыми переходами. В начале пути только я и Тан во всем отряде не могли похвастаться особой выносливостью. Однако к тому времени, когда мы достигли Гебель-Нагара, Тан успел выжечь лишний жир и выгнал с потом остатки винного яда из своего тела. Он снова стал сухим и сильным.

Что касается меня, то я впервые в жизни совершал переход с боевым отрядом. В течение первых дней я испытал все муки ада: жажду и мышечную боль, кровавые мозоли и усталость — наверное, душа умершего испытывает их, по дороге в мир иной. Однако гордость моя не позволяла отставать от воинов, а кроме того, отбиться от отряда в этих диких и суровых местах означало бы верную смерть. С удивлением и радостью через несколько дней я обнаружил, что мне становится все легче и легче держаться в рядах бегущих воинов.

По дороге к Красному морю мы встретили два больших каравана, двигавшихся к Нилу. Кривоногих осликов, нагруженных огромными тюками товаров, окружала многочисленная охрана, по числу своему превосходившая количество торговцев и погонщиков животных. Ни один караван не мог считать себя в безопасности, если его не сопровождал большой отряд наемников вроде этого — иначе торговцам приходилось платить грабительскую дань, требуемую сорокопутами с них за проход через пустыню.

Когда мы встречались с незнакомцами, Тан натягивал платок на голову, чтобы скрыть лицо и светлые волосы. Он был слишком замечен и не хотел рисковать. Если бы его узнали, до Карнака дошла бы весть, что он жив. Мы не отвечали на приветствия и вопросы, которыми осыпали нас путешественники, и быстро в высокомерном молчании бежали мимо, даже не глядя в их сторону.

Когда до морского побережья нас отделял всего день пути, мы оставили основной путь и повернули на юг по древней заброшенной тропе, показанной мне несколько лет назад диким кочевником, с которым я подружился. Колодцы Гебель-Нагара лежали на старом караванном пути, и их редко посещали люди, если не считать бедуинов и разбойников пустыни, а их трудно назвать людьми.

К тому времени, когда мы достигли колодцев, я казался себе как никогда стройным и физически сильным и только сожалел о том, что у меня нет зеркала: новая энергия и сила, которые я чувствовал в себе, должны были отразиться на моем лице и увеличить его красоту. Я бы с удовольствием воспользовался возможностью полюбоваться собой. Однако недостатка в желающих насладиться мной не было. По вечерам у костров многие бросали на меня похотливые взгляды, и я получил немало тайных предложений от товарищей по отряду, поскольку даже эти избранные войска были поражены половыми извращениями, распространившимися в нашем обществе.

Ночью я не расставался со своим кинжалом. Когда однажды пощекотал нежеланного гостя, его крики вызвали бурную радость всех окружающих. После этого я был избавлен от досадных приставаний.

Когда мы достигли колодцев, Тан не дал отдохнуть. Пока ждали Крата, он заставлял людей упражняться во владении оружием и соревноваться в стрельбе из лука, борьбе и беге. Я с радостью отметил, что Крат набрал людей в строгом соответствии с моими указаниями. Среди них не было ни одного крупного парня. Если не считать Тана, все они были небольшими, ловкими ребятами, прекрасно подходившими к той роли, которую я для них задумал.

Крат прибыл через два дня. Если учесть время на возвращение в Карнак и необходимые хлопоты по нашему с Таном заданию, это означало, что он сумел пройти этот путь быстрее нас.

— Что тебя задержало? — приветствовал его Тан. — Тебе попалась по дороге любезная девица?

— Нет, у меня было две тяжелые ноши, — ответил Крат, обнимая друга. — Твой лук и ястребиная печать. Я рад избавиться от обеих. — И с радостной улыбкой вручил Тану оружие и статуэтку.

Тан немедленно схватил лук Ланату и отправился в пустыню. Я пошел с ним и помог выследить стадо газелей. Эти ловкие хитрые существа стремительно неслись длинными прыжками. Я был поражен тем, как Тан подбил дюжину газелей на бегу, выпустив всего дюжину стрел. Той ночью мы устроили пир, поджарив на вертеле печень и лучшие куски мяса, и обсудили следующий этап моего плана.

Утром мы оставили Крата с отрядом в оазисе и вдвоем с Таном пошли на побережье. Отправились в маленькую рыбацкую деревушку, до которой было всего полдня пути. Днем взойшли на последний холм, и перед нами открылось сверкающее пространство моря. С высоты холма виднелись очертания коралловых рифов под бирюзовой водой.

Как только мы вошли в деревушку, Тан позвал старосту. Внешность его излучала такую силу и власть, что старик быстро прибежал к нам. Когда Тан показал ему ястребиную печать, тот простерся на земле, как будто сам фараон стоял перед ним, и с такой силой ударился о глину, что я испугался, как бы он не повредил себе голову. Я помог ему подняться на ноги, и староста привел нас в лучшее жилище в деревне — собственную хижину, выгнав многочисленное семейство на улицу, чтобы освободить для нас место.

Когда съели котелок рыбной похлебки, которую поставил перед нами хозяин, и выпили по чаше великолепного пальмового вина, мы с Таном отправились на ослепительно белый песчаный пляж, где смыли пыль и пот пустыни в теплых водах лагуны, образованной неровной стеной кораллов, протянувшихся вдоль берега. Позади нас возвышалась изломанная гряда холмов, лишенных всякого намека на растительность. Их очертания вырисовывались в голубом небе пустыни.

Море, горы и небо ошеломляли великолепием. Однако у меня почти не осталось времени насладиться их видом, так как начали возвращаться рыбацкие лодки. Пять небольших старых посудин с парусами, сплетенными из пальмовых листьев, шли в лагуну через проход в рифах. Они были настолько нагружены рыбой, что казалось, потонут, так и не достигнув берега.

Меня всегда восхищает щедрость, с которой боги заставляют природу снабжать нас своими дарами, поэтому я жадно осматривал каждую пойманную рыбу, когда ее бросали на берег, и расспрашивал рыбаков о сотнях различных рыб. Куча рыбы на берегу напоминала гору сокровищ, сверкающих всеми цветами радуги, и я пожалел о том, что у меня не было с собой свитков и письменных принадлежностей, чтобы запечатлеть все это.

Однако перерыв был весьма коротким. Как только улов оказался на берегу, я взойшел на одну из маленьких посудин, которая ароматом выдавала свое предназначение, и, махнув рукой Тану, отправился на ней через проход в рифах. Тан должен был оставаться в деревне, пока я не вернусь со всем необходимым. Я спрятал друга здесь, чтобы его случайно не узнали в городе, куда я направлялся. Теперь ему нужно было позаботиться о том, чтобы никто из рыбаков или членов их семей не улизнул тайком в пустыню и не сообщил о присутствии в деревне вельможи со светлыми волосами, у которого в руках ястребиная печать фараона.

Маленькая посудина задрала нос на первой же морской волне, кормчий повернул бортом к ветру, и мы пошли на север параллельно страшному серому берегу. Путь нам предстоял недолгий, и еще до наступления темноты кормчий показал мне впереди группу каменных зданий порта Сафага на далеком берегу.

ТЫСЯЧУ лет в Сафаге сходилась вся торговля между странами Востока и Верхним царством. Стоя на носу маленькой лодки, я видел вдалеке силуэты более крупных кораблей, ходивших между Сафагой и портами на Аравийском берегу неширокого моря.

К тому времени, когда я сошел на песчаный берег Сафаги, было уже темно, и никто, казалось, не заметил моего прибытия. Я хорошо знал, куда мне идти, так как часто посещал

этот порт по торговым делам вельможи Интефа. В этот час улицы города были пустынные, а кабаки битком забиты. Я быстро прошел к дому торговца Тиамата. Он был богачом и владел самым большим домом в старом городе. Вооруженный раб преградил мне дорогу у дверей.

— Скажи хозяину, что здесь хирург из Карнака, спасший ему ногу, — приказал я, и скоро сам Тиамат, хромая, вышел мне навстречу. Его ошеломил мой жреческий наряд, но хватило здравого смысла не говорить о нем и не называть моего имени перед рабом. Он отвел меня во внутренний сад дворца. Как только мы остались одни, воскликнул:

— Неужели это ты, Таита? До меня дошел слух, что ты убит сорокопутами в Элефантине.

Тиамат был крупным мужчиной средних лет с открытым и умным лицом и пронзительными глазами. Несколько лет назад его принесли ко мне на носилках. Небольшая группа путешественников нашла Тиамата на дороге, где его оставили умирать сорокопуты, ограбив принадлежавший ему караван. Я сигал заново изуродованное тело и даже умудрился спасти ногу, в которой уже началась гангрена. С тех пор он навсегда остался хромым.

— Я рад убедиться, что сообщение о твоей смерти оказалось преждевременным, — усмехнулся он и, хлопнув в ладони, приказал рабам принести мне чашу холодного шербета и блюдо с инжиром и финиками в меду.

После приличествующего случаю разговора тихо спросил меня:

— Могу ли я чем-нибудь помочь тебе? Я обязан тебе жизнью. Спрашивай. Мой дом — твой дом, мое имущество — твое имущество.

— Меня привело сюда дело царя, — сказал я и достал из складок одежды ястребиную печать.

Выражение лица его стало серьезным.

— Я признаю печать фараона, но тебе нет необходимости показывать ее. Спрашивай, что тебе нужно. Я не могу отказать тебе.

Он выслушал все, не произнося ни слова, а затем, когда я закончил, вызвал приказчика и при мне дал ему нужные указания. Перед тем как отослать его, Тиамат повернулся ко мне и спросил:

— Я ничего не забыл? Тебе нужно что-нибудь еще?

— Твоей щедрости нет предела, однако мне не хватает одного: я истосковался по письменным принадлежностям.

Тиамат повернулся к приказчику:

— Проследи, чтобы в одном из тюков были свитки, кисти и краски для рисования.

Когда приказчик ушел, мы остались в саду и разговаривали еще половину ночи. Тиамат жил в самом центре оживленного торгового пути в Верхнее царство и знал все слухи, которые появлялись в самых отдаленных краях царства, а также приходили из-за моря. За те несколько часов в саду я узнал больше, чем за целый месяц во дворце на Элефантине.

— Ты по-прежнему платишь сорокопутам за пропуск караванов? — спросил я, и он смиренно пожал плечами.

— Разве есть у меня другой выбор после того, что они сделали с моей ногой? С каждым годом их требования становятся все более нестерпимыми. Я должен платить четверть стоимости товара, как только караван выходит из Сафаги, и отдавать половину прибыли после продажи товаров в Фивах. Они скоро всех пустят по миру. Караванные пути зарастут травой, и торговля в нашем царстве завянет и умрет.

— Как вы платите им? Как вы определяете размеры дани и кто берет ее?

— У них есть шпионы в порту. Они осматривают любой груз до того, как он окажется на берегу. Знают, что везет каждый караван еще до того, как он покинет Сафагу. Прежде чем караван пройдет первый перевал, его встретит на дороге один из вождей разбойников и потребует установленную ими дань.

Было уже за полночь, когда Тиамат позвал раба, чтобы тот посветил мне и проводил в комнату, где я проведу ночь.

— Когда ты покинешь мой дом завтра утром, я еще буду спать. — Тиамат обнял меня. — Прощай, дорогой друг. Я никогда не смогу полностью отплатить за то, что ты сделал для меня. Приходи ко мне. Я выполню все, что тебе нужно.

Тот же раб разбудил меня еще до рассвета и проводил к берегу моря. В лагуне стоял на якоре превосходный корабль, принадлежавший Тиамату. Кормчий корабля поднял якорь, как только я поднялся на борт.

Еще до полудня мы прошли по проходу через коралловые рифы и бросили якорь перед маленькой рыбацкой деревней, где Тан ожидал меня на пляже.

ЗА ВРЕМЯ моего отсутствия Тан сумел раздобыть шесть тощих осликов. Матросы с корабля Тиамата перенесли на берег тюки, которые мы привезли из Сафаги, и погрузили на этих жалких животных. Мы с Таном оставили кормчего торгового судна в гавани со строгим приказом дожидаться нашего возвращения, а затем, ведя в поводу цепочку ослов, направились в глубь пустыни к колодцам Гебель-Нагара. Люди Крата с трудом переносили жару и нашествие песчаных блох и скучали, а потому приветствовали нас такими громкими криками, как будто мы отсутствовали по меньшей мере год. Тан приказал Крату построить их. Воины внимательно разглядывали, как я распаковываю первый тюк. Их интерес мгновенно сменился изумленным весельем, когда я разложил перед ними наряд девушки-рабыни. Изумление в свою очередь сменилось гулом разговоров и споров, так как все последующие тюки содержали еще семьдесят девять роскошных женских нарядов.

Крат и два его помощника помогли мне разложить эти наряды на песке перед каждым из стражников, и Тан отдал приказ:

— Раздеться! Надеть одежду, лежащую перед вами! В ответ раздались крики возражения и недоверчивые смешки. Воины подчинились, только когда Крат со своими помощниками прошел вдоль рядов с наигранно суровым выражением лица.

В отличие от наших женщин, которые одеваются легко и часто оставляют обнаженными грудь и ноги, женщины Ассирии носят длинные юбки до самой земли и одежду с рукавами, скрывающими их руки до самых запястий. Мужчины из ревности и неверно понятого чувства скромности заставляют женщин прятать лица, когда они выходят из дома. И в этом тоже существует различие между солнечным Египтом и суровыми странами, где вода падает с неба и твердеет белыми камнями на вершинах гор, а ветры студят плоть и кости, как смерть.

Как только воины немного оправились от первого потрясения, вызванного видом товарищей в женской одежде, они тут же приняли правила игры. Очень скоро в лагере весело прыгали восемьдесят девушек-рабынь, пряча лица под покрывалами. Они плясали и бегали мелкими шажками в длинных юбках, щипали друг дружку за ягодицы и строили глазки Тану и его помощникам.

Помощники Тана уже не могли сохранять серьезность. Хотя, возможно, это и вызвано обстоятельствами моей жизни, но мужчины, одетые женщинами, внушают мне смутное отвращение. Мне очень странно видеть, что немногие разделяют мои чувства по этому поводу. Достаточно какому-нибудь негодяю натянуть юбку, и все присутствующие тут же начинают глупо хохотать.

Крат выбрал самых малорослых и стройных воинов флотилии. Теперь, оглядывая их, я был абсолютно уверен, что они смогут обмануть постороннего наблюдателя. Их только надо немного подучить женским повадкам. Среди всеобщего веселья я поздравил себя за находчивость.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро наш странный караван прошел через маленькую рыбацкую деревушку и по извилистой дороге спустился к песчаному берегу, где нас ожидало торговое судно. Крат и восемнадцать его помощников составляли охрану каравана. Полное ее отсутствие при таком драгоценном грузе наверняка вызвало бы подозрения. Девяти вооруженных людей в разношерстной одежде, как и полагается наемникам, будет вполне

достаточно, хотя они, конечно, не смогут отпугнуть большую шайку сорокопутов.

Во главе каравана шагал Тан, нарядившись богатым купцом из-за Ефрата. Борода его стала густой и длинной за последние несколько месяцев, а я завил ее колечками по обычаю ассирийцев. Многие люди того района Азии, особенно жители высоких гор к северу от Ефрата, имеют тот же цвет кожи, что и Тан, и его внешность точно соответствовала роли, которую я для него выбрал.

Я всюду следовал за ним. Подавив отвращение к женской одежде, надел длинные юбки, покрывала и аляповатые украшения жены ассирийца. Мне Совсем не хотелось, чтобы меня узнали по возвращении в Сафагу.

Наше путешествие немного оживила морская болезнь, поразившая большинство рабынь и охранников, привыкших плавать по гладким водам великой реки. Один раз столько воинов собралось платить дань морским богам по левому борту, что корабль дал заметный крен.

Все мы с большим облегчением высадились в Сафаге, где вызвали всеобщее возбуждение. Ассирийские девушки славятся своей ловкостью в постели, говорят, что некоторые из них способны на такие штуки, что вернут к жизни и тысячелетнюю мумию. Разумеется, каждому, кто смотрел, как мы сходим на берег, казалось, будто под покрывалами прячутся настоящие жемчужины женской красоты. Ловкий азиатский купец не станет везти свои товары так далеко и тратить на путешествие и охрану, если не рассчитывает получить кругленькую сумму на рынках рабов Египта.

Один из купцов Сафаги тут же подошел к Тану и предложил купить у него на месте всю стайку девушек и избавить его от тяжелого путешествия через пустыню с таким грузом. Тан отмахнулся от него с презрительной усмешкой.

— Тебя предупреждали об опасностях, ожидающих путников в пустыне? — настаивал купец. — Перед тем как ты достигнешь Нила, тебе придется заплатить выкуп за проход по караванному пути, поглотивший большую часть прибыли.

— Кто заставит меня платить? — спросил его Тан. — Я плачу только то, что задолжал.

— Те, кто охраняют дорогу, — предостерег его купец. — И даже если ты заплатишь столько, сколько они запросят, ты не можешь быть уверен, что целым и невредимым пройдешь через пустыню. Ведь твой товар так соблазнителен. Стервятники, живущие на караванном пути к Нилу, так разжирили на трупах упрямых купцов, что едва поднимаются в воздух. Продай девушек сейчас и получишь хорошую прибыль...

— У меня вооруженная охрана, — ответил Тан и показал на Крата и его маленький отряд, — которая справится с любыми грабителями.

Свидетели разговора захихикали и начали толкаться локтями, услышав эту похвальбу. Купец пожал плечами.

— Ладно, мой храбрый друг. Во время своего следующего путешествия через пустыню я поищу твой скелет у дороги. Смогу узнать по сверкающей красной бороде.

Тиамат, как и обещал, приготовил сорок ослов. Двадцать из них несли бурдюки с водой, на остальных были выючные седла для тюков и узлов, которые мы вынесли на берег с торгового судна.

Я позаботился о том, чтобы мы как можно меньше времени провели в городе под любопытными взглядами толпы.

Достаточно будет хотя бы одной из наших «рабынь» выдать ее настоящий пол, и все сорвется. Крат со своим отрядом охраны погнал их по узким улочкам, отталкивая в сторону прохожих и следя за тем, чтобы «рабыни» прятали лица и не поднимали глаз и чтобы никто не ответил хриплым голосом на похабные шутки, которые преследовали нас. Наконец, мы вышли из города и оказались в пустыне.

Мы встали лагерем на ночь в виду Сафаги. Хотя я и не ожидал нападения до тех пор, пока мы не преодолеем первого ущелья, был уверен, что шпионы сорокопутов уже следят за нами.

Пока было светло, я проследил, чтобы «рабыни» вели себя, как полагается женщинам,

то есть скрывали свои лица и тела, а направляясь в ближайший овраг справлять нужду, они должны были садиться на корточки, а не мочиться стоя, пуская струю на целый шаг.

Только с наступлением темноты Тан приказал снять тюки с ослов, раскрыть их и раздать оружие, которое в них было спрятано. Каждая «рабыня» улеглась спать со своим луком, стрелами и мечом, спрятав их под постелью.

Мы поставили двойные дозоры вокруг лагеря. Обойдя часовых и убедившись, что они стоят на своих местах и бодрствуют, мы ускользнули в темноте и вернулись в порт Сафаги. Я провел Тана по темным улочкам к дому Тиамата. Купец ждал нашего прибытия и приготовил ужин. Я видел, что он очень взволнован встречей с Таном.

— Твоя слава опережает тебя, вельможа Харраб. Я знал твоего отца. Он был настоящим мужчиной, — приветствовал Тиамат Тана. — Хотя я слышал настойчивые утверждения о том, что ты умер в пустыне не больше недели назад и что твое тело лежит у гробовщиков на западном берегу Нила, где проходит положенные сорок дней бальзамирования, рад приветствовать тебя в моем скромном доме.

Потом мы наслаждались едой, и Тан подробно расспрашивал хозяина о сорокопутях. Тиамат открыто и без колебаний отвечал ему.

Наконец Тан взглянул на меня. Я кивнул. Он снова повернулся к Тиамату и сказал:

— Ты проявил себя щедрым другом по отношению к нам, но мы не были так же честны по отношению к тебе. Только необходимость заставила нас так поступить, поскольку нам чрезвычайно важно, чтобы никто не догадался о нашей истинной цели: разбить сорокопутов и доставить их вожakov на правый суд фараона, на его гнев. Тиамат улыбнулся и погладил бороду.

— Это не очень удивило меня, так как я слышал о поручении, которое возложил на тебя фараон на празднике Осириса. А твой горячий интерес к разбойникам и убийцам уничтожил остатки сомнений. Я могу сказать только одно: я принесу жертву богам ради успеха вашего предприятия.

— Мне может снова понадобится твоя помощь, — сказал Тан.

— Спрашивай.

— Как ты думаешь, сорокопуты уже знают о нашем караване?

— Вся Сафага говорит о вас, — ответил Тиамат. — За последний год ваш караван самый богатый. За восемьдесят рабынь в Карнаке можно получить по тысяче золотых колец за каждую. — Он усмехнулся и покачал головой собственной шутке. — Можете быть уверены, сорокопуты уже знают о вас. Я видел по крайней мере трех шпионов в толпе на берегу моря. Вы можете ожидать встречи с ними еще до того, как пройдете первое ущелье.

Когда мы поднялись и стали прощаться, он проводил нас до самой двери.

— Пусть боги сопутствуют вам в ваших делах. Не только фараон, но и каждый житель царства будет перед вами в долгу, если вы сможете искоренить эту ужасную напасть, которая угрожает разрушить саму жизнь нашего царства и вернуть нас всех в век варварства.

СЛЕДУЮЩИМ утром наш караван тронулся в путь в темноте. Было еще прохладно. Тан, перекинув лук Ланату через плечо, шел во главе каравана рядом со мной. Я всюду следовал за ним по пятам, сияя женской красотой. Позади нас тянулась цепочка выючных ослов, движущихся друг за дружкой посередине наезженной тропы. «Рабыни» шли с обеих сторон от животных по краю дороги. Их оружие было спрятано в тюках на спинах ослов. Каждый мог протянуть руку и положить ее на рукоять своего меча. Крат разделил охрану на три отряда по шесть человек в каждом и поставил Аста и Ремрема командовать двумя из них, а третий оставил для себя. Дет и Ремрем были известными воинами и давно уже заслужили более высокие посты, однако оба много раз отказывались от повышения по службе, чтобы оставаться с Таном. Подобную верность Тан пробуждал во всех, кто служил под его началом. Мне снова подумалось, каким прекрасным фараоном он мог бы стать.

Охрана неторопливо брела по обеим сторонам каравана, изо всех сил стараясь скрыть воинскую выправку. Шпионы, прячущиеся за холмами, должны решить, что она следит

только за тем, как бы рабыни не разбежались. На самом же деле охранники старались помешать своим подопечным перейти на строевой шаг и запеть хором грубую военную песню.

— Эй, Кермит! — услышал я окрик Ремрема. — Не делай таких длинных шагов, парень, и хоть чуть-чуть покачивай своей толстой задницей! Постарайся выглядеть соблазнительно.

— Поцелуй меня, начальник, — бросил в ответ Кермит. — Я сделаю все, что ты говоришь.

Жара усиливалась, и скалы на горизонте заплясали в смутных картинах миража. Тан повернулся ко мне.

— Скоро мы сделаем первый привал на отдых. Раздадим по чашке воды каждому...

— Мой добрый муж, — оборвал я его, — наши друзья прибыли. Посмотри вперед!

Тан обернулся и инстинктивно схватился за огромный лук, висевший на плече.

— Какие ребята, а?

Караван огибал холм в отрогах пустынного плато. По обеим сторонам дорогу окружали крутые каменистые склоны. Впереди нас стояли три человека. Возглавлял их высокий грозного вида мужчина, завернувшийся в шерстяную одежду путника пустыни, однако голова его оставалась обнаженной. Темную кожу покрывали глубокие оспины. Нос походил на клюв стервятника, а правый глаз был мутным от червя паразита, который селится в глазном яблоке и ослепляет свою жертву.

— Я знаю одноглазого разбойника, — сказал я тихо, так, что только Тан мог расслышать мои слова. — Его имя Шуфти. Это один из самых злобных князей сорокопут. Будь осторожен с ним. Лев по сравнению с ним образец кротости.

Тан не подал виду, что слышал меня. Он поднял правую руку над головой, чтобы показать, что она пуста, и весело окликнул встречных.

— Пусть ваши дни украшает благовонный жасмин, благородные путники, и пусть любящие жены встретят вас у дверей ваших домов, когда закончится ваше путешествие.

— Пусть ваши бурдюки будут всегда полны воды, а прохладный ветер овеивает ваш лоб, когда вы будете пересекать пески жажды, — ответил Шуфти и улыбнулся. Улыбка казалась более злобной, чем оскал леопарда, а единственный глаз свирепо сверкал на темном лице.

— Ты очень добр, благородный господин, — поблагодарил его Тан. — Я бы с радостью предложил тебе разделить со мной пищу и шатер, но умоляю тебя о снисхождении. Нам предстоит дальний путь, и мы не можем останавливаться.

— Позволь похитить у тебя немного времени, мой прекрасный ассириец. — Шуфти шагнул вперед и преградил ему дорогу. — У меня есть нечто необходимое для тебя, если ты хочешь, чтобы караван в целостности и сохранности достиг Нила. — Он держал в руке какой-то небольшой предмет.

— А, талисман! — воскликнул Тан. — Наверное, ты колдун, путник? Какой талисман ты предлагаешь мне?

— Перо. — Шуфти еще улыбался. — Перо сорокопута. Тан улыбнулся, как будто говорил с ребенком.

— Очень хорошо. Передай же мне это перо, и я больше не стану тебя задерживать.

— Я прошу ответного подарка. Ты должен дать мне кое-что взамен, — сказал Шуфти. — Дай мне двадцать рабынь, а затем, когда вернешься из Египта и я опять встречу с тобой на дороге, отдашь мне половину прибыли, полученной от продажи остальных шестидесяти.

— За одно-единственное перо? — презрительно фыркнул Тан. — Это очень глупая сделка, на мой взгляд.

— Это необычное перо — это перо сорокопута, — указал Шуфти. — Разве тебе никто не говорил об этой птице? Ты ничего не слышал о ней?

— Позволь же мне взглянуть на это волшебное перо. Тан подошел, протянув правую руку, и Шуфти тоже шагнул ему навстречу. В это самое время Крат, Ремрем и Аст из

любопытства тоже вышли вперед, будто хотели осмотреть перо.

Однако вместо того, чтобы взять подарок из руки Шуфти, Тан внезапно схватил его за кисть и вывернул ему руку за спину. Испуганно вскрикнув, Шуфти упал на колени, и Тан легко прижал его к земле. Одновременно Крат с помощниками бросились вперед и точно так же застали врасплох двух разбойников. Они выбили из их рук оружие и подтащили к Тану.

— Так ваши маленькие пташки думают напугать Каарика-Ассирийца своими угрозами? Да, мой прекрасный продавец перьев. Я слышал о сорокопутах. Мне говорили, что это стайка болтливых трусливых пташек, которые частенько бывают шумливее стайки воробьев. — Он зло вывернул руку Шуфти, и разбойник, завопив от боли, упал на землю лицом. — Да, я слышал о сорокопутах, но слышал ли ты о Каарике Грозном? — Он кивнул Крату и его людям, они быстро раздели до гола трех сорокопутов и прижали их к земле за плечи и ноги.

— Я хочу, чтобы вы запомнили мое имя и бежали, как только услышите его, как и полагается добрым маленьким сорокопутам, — сказал ему Тан и снова кивнул Крату. Тот взмахнул в воздухе кнутом погонщика рабов. Кнут был такой же, как и знаменитое орудие Расфера, сплетенное из дубленой кожи самца гиппопотама. Тан протянул руку к кнуту, и Крат неохотно отдал его командиру.

— Не печалься, погонщик рабов, — сказал ему Тан. — Придет и твой черед; Каарик-Ассириец всегда первым пробует похлебку.

Тан взмахнул кнутом в воздухе, и тот просвистел, как крыло гуся в полете. Шуфти дернулся на земле, повернул голову и зашипел Тану:

— Ты сошел с ума, ассирийский буйвол! Разве ты не понимаешь, что я — князь сорокопутов. Ты не смеешь так поступать со мной. — Его обнаженные спину и ягодицы покрывали оспины.

Тан высоко поднял кнут и с маху опустил. Он оставил на спине Шуфти красный шрам толщиной с указательный палец. Разбойник дернулся всем телом от страшной боли и со свистом выдохнул воздух из легких, не успев даже закричать. Тан снова поднял кнут, а затем тщательно наложил еще один рубец рядом с первым. Рубцы нигде не соприкасались. На этот раз Шуфти наполнил легкие воздухом и издал хриплый рев, как попавший в яму буйвол. Тан не обращал внимания на его попытки освободиться и возмущенный рев и продолжал спокойно работать, накладывая один рубец за другим, как будто ткал ковер.

Когда закончил, ноги, ягодицы и спину жертвы покрывала ровная решетка горящих рубцов. Ни один из них не пересекал соседний шрам. Кожа осталась целой, на ней не выступило ни единой капли крови. Шуфти давно уже перестал дергаться и кричать. Лежал на земле, и хриплое дыхание поднимало облачка пыли у его губ.

Когда Ремрем и Крат отпустили его, он даже не пошевелился.

Тан бросил кнут Крату.

— Следующий твой, погонщик рабов. Посмотрим, какой узор ты сможешь вытатуировать на его спине.

Кнут мощно гудел в руках Крата, однако ему не хватало изящества Тана. Очень скоро спина разбойника стала сочиться кровью, как худой кувшин с вином. Капли крови падали в пыль и скатывались в маленькие шарики грязи.

Удовлетворенно выругавшись, Крат закончил и передал кнут и последнюю жертву Асту.

— Пусть и этот запомнит, как себя вести.

Аст работал кнутом еще грубее, чем Крат. Когда он закончил, спина последнего разбойника походила на бок свежезарезанного быка, изрубленный сумасшедшим мясником.

Тан дал каравану знак продолжать движение по проходу через красные скалистые холмы. Мы с ним задержались ненадолго около трех обнаженных разбойников.

Наконец Шуфти пошевелился и поднял голову. Тан вежливо обратился к нему:

— А теперь, друг мой, мне придется попрощаться с тобой. Запомни мое лицо и будь осторожнее, когда увидишь его снова. — Тан наклонился, поднял с земли перо сорокопута и

засунул за повязку на голове. — Благодарю за подарок. Пусть все ночи твои пройдут в объятиях красивых женщин. — Он коснулся рукой сердца и губ, изобразив ассирийский знак прощания, и я последовал за ним по дороге вслед за уходящим караваном.

Когда мы взошли на холм, я оглянулся. Все трое сорокопутов были на ногах, поддерживая друг друга, чтобы не упасть. Даже с такого большого расстояния я смог разглядеть выражение лица Шуфти. Оно казалось сгустком ненависти.

— Ну что же, теперь ты можешь быть уверен: все сорокопуты по эту сторону Нила соберутся и нападут на нас, как только мы перейдем через перевал, — сказал я Крату и его головорезам. Мне показалось, что эта весть развеселила их больше, чем караван пива и красивых девочек.

С ВЕРШИНЫ перевала мы оглянулись в последний раз на прохладные просторы моря и начали спускаться в раскаленную каменистую пустыню, отделявшую нас от Нила.

С каждым шагом жара усиливалась, обрушиваясь на нас как смертельный враг. Казалось, что зной входит через рот и ноздри, и мы начинали задыхаться. Жара высасывала влагу из наших тел словно вор. Она иссушала кожу, и губы начинали трескаться как перезрелый инжир. Камни под ногами были горячи, будто их только что вынули из печи гончара. Они обжигали и ранили ноги даже через кожаные подошвы сандалий. В самые знойные часы продолжать движение было невозможно. Мы лежали в жидкой тени полотняных палаток, которыми снабдил нас Тиамат, и тяжело дышали, будто гончие после охоты.

Когда солнце начинало опускаться к рваной линии горизонта, мы поднимались и шли вперед. Пустыня вокруг нас излучала такую страшную безмянную угрозу, что даже издававшие виды стражи Синего Крокодила притихли. Наш караван, медленно извиваясь, как раненая гадюка, шел по древнему пути, пройденному до нас бесчисленными караванами, между полуразрушенными черными скалами и желтовато-коричневыми дюнами цвета львиной шерсти.

Когда наконец наступала ночь, небо над нашими головами оживало, сверкая невероятным количеством ослепительных звезд, и в пустыне становилось так светло, что со своего места во главе каравана я мог узнать фигуру Крата, замыкавшего колонну, хотя между нами оставалось две сотни шагов. Мы шли половину ночи, прежде чем Тан приказывал остановиться. Потом он поднимал нас еще до рассвета, и мы шли вперед, пока горячие миражи не растворяли в своем сиянии полуразрушенные скалы вокруг тропы и линия горизонта не начинала плыть перед нашими глазами, словно расплавленная смола.

Мы не видели никаких признаков жизни, кроме небольшой стаи собакоголовых бабуинов, облаявших нас с высоких голых скал столовой горы, мимо которой мы проходили, да стервятников, круживших так высоко в знойном синем небе, что они казались пылинками, парящими в потоке горячего воздуха над нашими головами.

Когда мы отдыхали в самые жаркие часы, смерчи танцевали вокруг, покачиваясь с грацией танцующих гурий, и вода, казалось, обращалась в пар уже во рту.

— Где же они? — рычал Крат. — Клянусь потными яйцами Сета, скорее бы эти пташки набрались смелости и взобрались на насесты.

Хотя все воины прошли суровые испытания в боях и привыкли выносить трудности и неудобства походной жизни, выдержка стала им изменять, они становились все более раздражительными. Старые товарищи и добрые друзья начали переругиваться и спорить из-за водного пайка.

— Шуфти — старый хитрый пес, — сказал я Тану. — соберет своих разбойников и будет ждать нас. Он не станет спешить нам навстречу: подождет, пока мы устанем и потеряем бдительность, а потом нанесет удар.

На пятый день я понял, что мы приближаемся к оазису Галлала, когда увидел впереди черные скалы, изрытые пещерами древних могил. Много веков назад в оазисе стоял цветущий город, но затем землетрясение ударило по холмам и повредило колодец. Воды в

нем почти не стало: она медленно, капля за каплей стекала по стенам. Город умер несмотря на то, что колодцы рыли все глубже и глубже, пытаясь догнать уходящую воду. Теперь глиняные ступени спускались в глубокую прохладную шахту. Молчание пустыни царило в зданиях без крыш, и только ящерицы грелись на солнце во дворах, где когда-то богатые купцы развлекались в своих гаремах.

Больше всего мы нуждались в воде и стали поскорее наполнять бурдюки. В глубоких шахтах голоса людей, набравших воду, искажало многоголосое эхо. Пока воины были заняты у колодцев, мы с Таном быстро обошли разрушенный город. Это было одинокое и печальное место. В самом центре стоял полуразрушенный храм бога Беса — покровителя Галлалы. Крыша храма обвалилась, стены местами начали рушиться. Войти в него можно было только через разрушающиеся ворота с западной стороны.

— Это нам подойдет. Лучше и не придумаешь, — пробормотал Тан, шагая по внутреннему помещению храма и оценивая его глазом воина с точки зрения возможной обороны или засады. Когда я спросил, что он собирается делать, улыбнулся и покачал головой: — Предоставь это мне, дружище. Бой — моя забота.

Пока мы стояли в середине храма, я заметил следы стаи бабуинов на пыльном дворе и показал их Тану.

— Они, наверное, приходят пить к колодцу, — сказал я.

Вечером, сидя у маленьких дымных костров, сложенных из высушенного ослиного помета, мы слышали крики бабуинов. Старый мощный самец громко бросал вызов сопернику в скалах вокруг разрушенного города. Скалы отразили его крик, и он громоподобным эхом прокатился по долине. Я кивнул Тану, сидевшему напротив.

— Твой друг Шуфти пришел наконец. Его лазутчики с холмов наблюдают за нами. Это они спугнули бабуинов.

— Надеюсь, ты прав. Мои мерзавцы готовы взбунтоваться. Они знают, что все это твоя выдумка, и если ты ошибешься, мне, скорее всего, придется отдать им либо твою голову, либо задницу, — пробурчал Тан и отошел переговорить с Астом у соседнего костра, где готовили пищу.

Настроение в лагере изменилось, как только люди поняли, что враг близко. Недовольные усмешки исчезли, теперь воины улыбались друг другу в свете костров, тайком проверяя остроту клинков, спрятанных под рогожами. Однако все они были опытными бойцами и продолжали выполнять обычные действия путешественников, чтобы не спугнуть наблюдателей в темных холмах. Все мы улеглись на рогожах, и огни потихоньку угасли. Никто не спал. Я слышал, как многие покашливали и беспокойно шевелились в темноте. Время тянулось медленно, и над моей головой в пустоте ночного неба величественно поворачивались огромные созвездия. Враг не появлялся.

Перед самым рассветом Тан обошел последний раз часовых, а затем, по пути к своему месту возле остывающего костра, остановился на мгновение у моей рогожи и прошептал:

— Это все твои друзья, бабуины. Вы стоите друг друга — лаает почему зря.

— Сорокопуты здесь. Я чувю их. Все холмы переполнены ими.

— Ты чуешь только приближение завтрака! — Он знает, как меня раздражает любой намек на мою склонность к обжорству. Не отвечая на его грязную шутку, я отошел в темноту, чтобы облегчиться за ближайшей кучей обломков.

Когда я присел на корточки, бабуин снова залаял, дикий гулкий крик разбил сверхъестественную тишину предрассветного часа. Я повернул голову в его сторону и услышал слабый, далекий звон металла по камню, будто чья-то рука уронила кинжал на вершине холма или кто-то неосторожно задел щитом гранитную скалу, когда спешил занять свое место в строю.

Я самодовольно усмехнулся. Мало что доставляет мне большее удовольствие, чем возможность заставить Тана взять свои слова обратно. Возвращаясь на свою рогожу, я шептал людям, мимо которых проходил:

— Они здесь. Будьте готовы. — Я слышал, как мое предостережение передавалось из

уст в уста бодрствующими воинами.

Звезды над нашими головами начали угасать, рассвет, крадучись, как лев, выслеживающий стадо антилоп, стал приближаться к нам. Затем я внезапно услышал свист часового у западной стены, веселую трель козодоя; все знали, что это — знак, и воины сразу зашевелились под своими одеялами. Настойчивый шепот Крата и его помощников остановил их:

— Спокойно, синие! Помните приказ! Лежать на месте! — И никто не покинул свои постели.

Не поднимаясь, я тихо повернул голову и посмотрел изпод платка на вершины холмов, возвышающихся над стенами храма. Их очертания, похожие на зубы акулы, начали постепенно меняться. Мне пришлось напрячь глаза, чтобы рассмотреть, что происходит. Затем я медленно обвел взглядом холмы и везде увидел то же самое. Линия горизонта вокруг нас вся состояла из темных грозных силуэтов вооруженных людей. Они образовали непрерывную ограду вокруг храма, и убежать через нее было невозможно.

Теперь я понял, почему Шуфти так долго не наносил ответный удар. Все это время он собирал орду разбойников. Их было, наверное, не менее тысячи, хотя в предрассветной мгле пересчитать было невозможно. Численность врагов превосходила нашу по меньшей мере раз в десять, и сердце мое дрогнуло. Это крайне невыгодное соотношение сил даже для отряда синих.

Сорокопуты стояли неподвижно, как скалы под их ногами. Меня встревожила дисциплина, царившая в рядах.

Я ожидал, что они бросятся на нас беспорядочным стадом, а они вели себя как обученные воины. Их спокойствие казалось более угрожающим, чем дикие крики и хвастливое бряцание оружием.

Светало быстро, и теперь мы могли лучше разглядеть их. Первые лучи солнца заблестели на бронзовых бляхах щитов и обнаженных мечах, отбрасывая стрелы света в наши зрачки. Головы скрывали черные шерстяные платки. Только взоры сверкали через узкие щелочки, подобно глазам свирепых голубых акул, которые наводят страх на жителей моря, оставшегося за нашей спиной.

Молчание продолжалось так долго, что мне почудилось, будто сердце мое вот-вот разорвется от напряжения и избытка горячей крови, скопившейся в нем. Затем внезапно в холмах послышался громкий голос, расколовший тишину рассвета и эхом прокатившийся по скалам:

— Каарик! Ты проснулся?

Теперь я узнал Шуфти, несмотря на скрывавший его лицо платок. Он стоял в самой середине западной гряды холмов, там, где через них проходила дорога.

— Каарик! — закричал он снова. — Пора заплатить долг. Но цены выросли. Теперь мне нужно все! Все! — повторил Шуфти и сбросил с головы платок, открыв покрытое оспинами лицо. — Мне нужно все твоё имущество, включая твою глупую, надменную голову.

Тан поднялся со своей постели и отбросил в сторону овчинное одеяло.

— Тебе придется спуститься вниз, чтобы получить ее, — закричал он и обнажил меч.

Шуфти поднял правую руку, и бельмо на его слепом глазу блеснуло в лучах солнца, Как серебряная монета. Потом резко опустил руку.

По его знаку в рядах разбойников, окружавших нас на вершинах холмов, раздались громкие крики. Они подняли мечи и стали потрясать ими в бледно-желтом рассветном небе. Затем взмахом руки Шуфти послал своих людей вперед, их потоки хлынули вниз по скалам в узкую долину Галлала.

Тан отбежал в середину храмового двора, где древние обитатели города возвели высокий каменный алтарь своему покровителю Бесу, богу-карлику, богу музыки и пьянства. Крат со своими людьми присоединился к нему, а рабыни и я остались сидеть скорчившись на своих рогожах и завопили от ужаса, накрыв головы одеялами.

Тан вскочил на алтарь, опустил на колени, согнул свой огромный лук Ланату и

натянул тетиву. На это потребовалась вся его огромная сила. Когда выпрямился, лук засверкал у него в руках как живое существо. Он достал из-за плеча стрелу — колчан был за спиной — и встал лицом к воротам, через которые должна была хлынуть орда сорокопутов.

Внизу, под алтарем, Крат построил охрану в один ряд, и они тоже натянули луки и встали лицом к воротам. Их было так мало вокруг алтаря, что комок застрял у меня в горле. Какие неустрашимые герои! Я должен сочинить в их честь стихотворение, решил я внезапно, но прежде, чем первая строка пришла мне в голову, толпа разбойников с воплями появилась в разрушенных воротах.

Только пять человек в ряд могли пройти через них, поднимаясь по крутой лестнице, и до ворот от алтаря было не более сорока шагов. Тан поднял лук и пустил стрелу. Одна только эта стрела убила троих. Первым был высокий разбойник в короткой юбке; длинные жирные волосы струились по его спине. Стрела попала в середину груди и прошла навылет, как будто он был мишенью из листа папируса.

Скользкая от крови, стрела ударила следующего за ним в горло. Хотя сила удара уже начала уменьшаться, она пронзила шею и выскочила с другой стороны, но не смогла полностью покинуть тело: оперение застряло в шее, а зазубренный бронзовый наконечник погрузился в глаз третьего разбойника, который поднимался позади него. Оба сорокопута оказались нанизанными на одну стрелу. Спотыкаясь и расталкивая всех вокруг себя, они закрыли дорогу тем, кто пытался пройти мимо них во двор храма. Потом наконечник стрелы вырвал глаз из черепа человека. Оба разбойника разлетелись в разные стороны. Толпа вопящих головорезов хлынула на площадь. Небольшой отряд вокруг алтаря встретил их потоком стрел и убил сразу столько нападавших, что трупы закрыли проход, и следующие разбойники были вынуждены взбираться на гору из своих умерших и раненых товарищей.

Это не могло продолжаться долго, так как давление сзади было слишком велико, а количество наступавших огромно. Как вода промывает земляную насыпь, не способную сдерживать бурные воды Нила, так сорокопуты хлынули в ворота, и плотная толпа воинов заполнила площадь, окружив маленький отряд у алтаря бога Беса.

Теперь расстояние было слишком маленьким, и луки стали бесполезны. Тан и его люди отбросили их и взялись за мечи.

— Гор! Вооружи меня на бой! — выкрикнул Тан свой боевой клич, и воины вокруг подхватили его и принялись за работу. Зазвенела бронза. Сорокопуты бросились на них, но стражи, образовав плотное кольцо вокруг алтаря, бились с врагом. С какой бы стороны ни нападали сорокопуты, везде встречали смертоносные острия клинков. Храбрости разбойникам было не занимать, и их неровные ряды прижимали воинов к алтарю. Как только один из нападавших падал на землю, другой становился на его место.

Я увидел Шуфти в воротах. Он держался в стороне от схватки, проклятиями и точными приказами посылая своих людей в самую гущу боя. И яростно вопил. Его слепой глаз вращался в глазнице.

— Дайте мне ассирийца живым. Я хочу, чтобы он умер медленно. Я хочу слышать его визг, — кричал он, подбадривая своих воинов.

Разбойники не обращали никакого внимания на женщин, которые все еще лежали, скорчившись, на своих постелях и, закрыв головы, визжали и вопили от ужаса. Я тоже визжал не хуже других, но бой вокруг алтаря перестал мне нравиться. К этому времени в тесном дворе храма столпилось около тысячи человек. Задыхаясь в пыли, я лежал на постели, и меня то и дело толкали и пинали ноги дерущихся, пока я наконец не сумел отползти в угол двора.

Один из разбойников наклонился надо мной. Сорвал платок с моего лица и на мгновение уставился на меня.

— Мать Исида, какая красавица!

Он был ужасен, как дьявол. В зубах зияли дыры, шрам уродовал левую щеку. Из рта воняло как из отхожей ямы, когда он стал искать мои губы.

— Подожди, пока все это закончится. Ты у меня завизжишь от радости, — пообещал и

потянул мое лицо к своему. И поцеловал меня.

Первым моим побуждением было оттолкнуть его, но я подавил это желание и ответил на поцелуй. Я великолепно владею искусством любви, так как научился этому еще мальчиком у вельможи Интефа. От моих поцелуев мужчины становятся слабыми, как вода.

Я поцеловал и вложил в этот поцелуй все свое искусство. Он словно оцепенел. Пока стоял надо мной, как парализованный, я вытащил кинжальчик из-под одежды, и его острие мягко скользнуло между пятым и шестым ребрами разбойника. Тот заорал, но я заглушил вопль своими губами, поворачивая клинок в сердце, пока судорога не прошла по телу и он совершенно обмяк. Затем свалился на землю рядом со мной.

Я быстро осмотрелся. За те несколько мгновений, пока я избавлялся от своего воздыхателя, судьба маленького отряда вокруг алтаря явно ухудшилась. В ряду появились бреши. Двое воинов пали, а Амсет был ранен. Он перебросил меч в левую руку, так как правая бессильно висела, истекая кровью.

С огромным облегчением я увидел, что Тан еще невредим и даже смеется от дикой радости, орудуя мечом. Однако он слишком долго не захлопывает ловушку. Вся шайка сорокопутов уже собралась на площади, они выли и лаяли вокруг него, как гончие вокруг леопарда, взобравшегося на дерево. Несколько минут — и маленький храбрый отряд погибнет.

На моих глазах Тан убил еще одного врага прямым колющим ударом в горло, затем, выдергивая меч, отступил назад. Он вскинул голову и издал рык, который эхом прокатился по всей площади. — Синие, ко мне!

В то же мгновение все скрючившиеся на земле «рабыни» вскочили на ноги и сбросили свои длинные одежды. С мечами наготове они напали на орду разбойников сзади. Нападение застало врага врасплох, более сотни сорокопутов пали от мечей стражи, прежде чем успели опомниться. Однако стоило им повернуться лицом к новой опасности, как за спиной оказался Тан со своим маленьким отрядом.

Разбойники дрались храбро — я должен признать это. Хотя уверен, что силы придавал им ужас, а не мужество. Однако ряды их были слишком тесны, что мешало свободно пользоваться мечом, а противником были лучшие войска Египта, а значит, и всего мира.

Некоторое время они держались. Потом Тан снова зарычал в гуще битвы. На долю секунды мне показалось, что это очередной приказ, а затем я узнал первую строчку боевого гимна стражи. Хотя я часто слышал, как люди с благоговейным ужасом рассказывали, будто синие всегда поют в разгаре битвы, не верил в это. Теперь же сотня сражающихся подхватила эту песню:

Мы — дыхание Гора,
Знойный ветер пустыни,
Наши мечи — серпы.
Жатва — кровавый бой...

Их мечи ударили о мечи врагов в такт песне, словно молоты по наковальням подземного царства. Сорокопуты дрогнули при виде такой надменной ярости, битва вдруг превратилась в резню.

Я видел, как стая диких собак окружает и рвет на части стадо овец. Это было еще хуже. Некоторые сорокопуты бросали мечи на землю и падали на колени, прося пощады. Но пощады не было. Остальные пытались пробиться к воротам, а стражники преграждали им путь.

Я плясал вокруг дерущихся и кричал Тану, стараясь перекричать шум битвы:
— Останови их! Нам нужны пленные!

Тан не слышал меня, а может, просто не обращал внимания на мои мольбы. С веселой песней на устах, с Кратом по левую руку и Ремремом по правую он бил врага. Борода его намокла от брызг крови из ран убитых им людей, а глаза жили на окровавленной маске лица.

Они сверкали безумием, которого я в них никогда раньше не видел. О, веселая Хапи, какие же силы давал ему крепкий напиток битвы!

— Прекрати, Тан! Не убивай всех!

На этот раз он слышал меня. Я увидел, как безумие угасло в его глазах. Тан снова овладел собой.

— Щадите тех, кто просит пощады! — Стражники подчинились, но под конец из тысячи сорокопутов уцелело не более двухсот. Побросав оружие на окровавленные плиты двора, они молили о милосердии.

Некоторое время я ошеломленно смотрел на побоище. Затем краем глаза заметил какое-то движение.

Шуфти понял, что не может скрыться через ворота. Он бросил свой меч и побежал к восточной стене двора неподалеку от того места, где я стоял. Здесь стена была разрушена сильнее, чем в остальных местах, и обвалилась наполовину своей высоты. Обломки саманных кирпичей образовали крутой склон, и Шуфти начал карабкаться по нему, то и дело скользя и падая, но все-таки довольно быстро приближаясь к вершине стены. Казалось, я один заметил его бегство. Стражники обезоруживали пленных, а Тан стоял ко мне спиной и руководил сбором разбитых врагов.

Не долго думая, я наклонился и поднял половинку кирпича. Когда Шуфти взобрался на вершину стены, изо всей силы бросил в него кирпич. Он глухо ударил в затылок с такой силой, что разбойник упал на колени, а затем предательская кучка мусора поддалась под ногами и оглушенный Шуфти скатился вниз в облаке пыли и растянулся на земле, рядом со мной.

Я набросился на него, оседлал и приставил острое кинжала к горлу. Он уставился на меня единственным глазом, который словно остекленел после удара кирпичом.

— Лежи тихо, — предупредил я его, — или я выпотрошу тебя как рыбу.

Я потерял шарф и головной убор, и теперь волосы мои рассыпались по плечам. Шуфти узнал меня, и в этом не было ничего удивительного. Мы с ним часто встречались, но при других обстоятельствах.

— А, евнух Таита! — пробормотал он. — А вельможа Интеф знает, чем ты тут занимаешься?

— Скоро узнает, — заверил я его и кольнул в шею так, что он застонал, — но не ты сообщишь ему об этом.

Не отводя кинжала от его горла, я позвал двух ближайших стражников. Они схватили разбойника, перевернули лицом к земле, связали руки за спиной крепкой пеньковой веревкой и утащили прочь.

Тан видел, как я поймал Шуфти, и теперь шел ко мне, перешагивая через убитых и раненых.

— Хороший бросок, Таита! Ты ничего не забыл из моих уроков. — И так сильно хлопнул меня по спине, что я пошатнулся. — Тебе предстоит много работы. Четверых наших убили и по крайней мере дюжину ранили.

— А как быть с их лагерем? — спросил я, и он непонимающе уставился на меня.

— Каким лагерем?

— Тысяча сорокопутов не могут появиться из песка пустыни, как весенние цветы. У них наверняка были вьючные животные и рабы. Они должны быть где-то неподалеку. Их нельзя упускать. Никто не должен спастись и пустить слух о сегодняшней битве. Никому нельзя позволить добраться в Карнак и рассказать там, что ты жив.

— Милостивая Исида, ты прав! Но как же мы найдем? — Очевидно, Тан еще не оправился после горячей битвы. Я иногда спрашиваю себя, что он делал бы без меня.

— Мы найдем по следу, — нетерпеливо объяснил я. — Тысяча пар ног проложила такую дорогу, по которой мы без труда сможем пройти.

Его лицо прояснилось, и он позвал Крата с другого конца двора.

— Возьми пятьдесят человек. Отправляйся с Таитой. Он выведет тебя к лагерю

разбойников.

— А раненые... — возразил было я. По-моему, одной битвы в день для меня достаточно. Но Тан отбросил мои возражения.

— Ты лучший следопыт среди нас. Раненые могут подождать. Мои негодяи — ребята крепкие, как недожаренная говядина. Мало кто из них помрет, не дождавшись твоего возвращения.

КАК Я И ГОВОРИЛ, поиски лагеря разбойников оказалась совсем несложным делом. В сопровождении Крата и пятидесяти воинов я обошел холмы вокруг города и позади первой гряды нашел широкий след, оставленный сорокопутами на пути к храму. Мы трусцой побежали по этому следу и не дальше чем через милю, поднявшись на холм, увидели перед собой лагерь в неглубокой долине. Мы застали их врасплох. Ослы и женщин охраняли не более двадцати человек, которых воины Крата перебили разом. На этот раз я не успел спасти пленных. Оставили в живых только женщин, и, как только лагерь был захвачен, Крат позволил своим людям воспользоваться традиционной наградой победителей.

Женщины показались мне довольно хорошенькими для спутниц разбойников. Лица некоторых были даже красивы. Они достаточно благородно подчинились ритуалу побежденных. Я слышал, как они смеялись и шутили, пока стражники разыгрывали их между собой на костях. Профессия маркитантки при шайке сорокопутов — не самое приятное занятие, и я сомневаюсь в том, что среди них нашлась бы нежная девственница. Одну за другой стражники брали за руки и как новых хозяева отводили за ближайшую гряду осыпавшихся скал, где без особых церемоний задирали юбки.

Новая луна появляется после смерти старой, весна следует за зимой, и никто из этих дам не проявил особой печали по бывшим мужьям. Возможно, именно тогда, в пустыне, возникли новые союзы, которые будут жить долго под солнцем.

Что касается меня, стадо вьючных ослы и их ноши показались мне более привлекательными. Животных было около ста пятидесяти, и большей частью это были крепкие и здоровые твари, за которых можно получить приличную сумму на рынках Карнака или Сафаги. Я прикинул, что мне, пожалуй, будет причитаться доля сотника при дележе добычи. В конце концов, я уже потратил довольно много средств из своих личных сбережений на это предприятие и имею полное право на определенную компенсацию. Надо будет серьезно поговорить об этом с Таном. От него можно ожидать сочувствия, у него щедрая душа.

Солнце уже село, когда мы вернулись в город Галлала, ведя в поводу захваченных животных, навьюченных добычей, и сопровождаемые толпой женщин, успевших привязаться к своим новым мужьям.

Одно из небольших разрушенных зданий у колодцев превратили в полевой лазарет. Там я и проработал всю ночь при свете факелов и масляных ламп, латая раны воинов. Как обычно, я не мог не восхищаться их стойкостью, так как многие раны были серьезными и очень болезненными. Тем не менее я потерял одного из своих пациентов до восхода солнца. Амсет погиб от потери крови — ему перерезало артерию на руке. Если бы я занялся его раной сразу после боя, а не отправился в пустыню, мог бы спасти его. Хотя ответственность лежала на Тане, меня охватило горестное чувство вины: эту смерть я был в силах предотвратить. Однако за остальных пациентов я не беспокоился: они быстро поправятся, и раны их заживут. Все были здоровыми и сильными людьми.

Раненых сорокопутов не было. Им отрубили головы прямо на поле боя. Как врача меня всегда тревожил вековой обычай добивать раненого врага. Однако и в нем есть определенная логика: зачем победителю тратить силы на выхаживание покалеченного врага? За него вряд ли можно получить приличную сумму на рынке рабов, а если он оправится полностью, не станет ли в один прекрасный день снова бороться против вас с оружием в руках?

Я работал всю ночь, и только глоток вина и несколько горстей пищи, съеденных нематыми окровавленными руками, поддерживали мои иссякающие силы. Однако

отдохнуть мне так и не пришлось. Тан послал за мной, как только рассвело.

ПЛЕННЫХ сорокопутов держали под стражей в храме Беса. Они сидели на корточках вдоль северной стены со связанными за спиной руками, а стражи расхаживали между ними. Когда я вошел в храм, Тан подозвал меня к себе. Он стоял в дальнем углу с группой помощников. Я еще не снял платья жены ассирийца, поэтому, приподняв подол забрызганных кровью юбок, осторожно направился к нему по усыпанному трупами и обломками оружия двору храма.

— Существует тринадцать кланов сорокопутов. Ты сам говорил мне об этом. Правда, Таита? — спросил Тан, и я кивнул ему. — В каждом клане свой князь. Шуфти мы захватили. Давай посмотрим, не узнаешь ли ты других князей среди собравшихся здесь прекрасных, благородных людей, — Он показал мне рукой на пленных и усмехнулся. Потом взял меня под руку и повел вдоль рядов разбойников.

Мое лицо скрывало покрывало, чтобы никто из пленных не узнал меня. Я оглядывал каждого, проходя мимо, и узнал двух князей. Ахекку возглавлял южный клан, свирепствовавший на землях вокруг Асуана, Элефантины и первого порога, а Сетек орудовал севернее. Он был князем Ком— Омбо.

Очевидно, Шуфти сумел собрать всех, кто только успел прийти к нему за столь короткое время. Среди пленных были члены почти всех кланов разбойников. Я указал на главарей, хлопнув по плечу, и стражники оттащили их в сторону.

— Ты уверен, что никого не пропустил? — спросил Тан, когда мы прошли вдоль ряда разбойников.

— Как могу я быть уверенным? Я же говорил, тебе, что не видел всех князей.

Тан пожал плечами.

— Трудно было надеяться поймать всех пташек одним броском сети. Можно считать, что нам повезло, если поймали сразу троих. Теперь давай осмотрим головы. Может, нам повезет еще раз и мы найдем еще кого-нибудь среди убитых.

Такое отвратительное занятие повлияло бы и на менее утонченный желудок, чем мой, однако человеческая плоть, живая или мертвая, — привычный товар для меня. Мы беззаботно сидели на ступенях храма и наслаждались завтраком, а стражники приносили головы за окровавленные волосы и показывали нам. Языки болтались между бессильных губ, и пыль покрывала остекленевшие глаза, смотревшие в мир иной, куда направлялись их души.

Аппетит у меня был великолепный, так как я очень мало ел за последние два дня. Я буквально пожирал вкуснейшие пироги и фрукты, которыми снабдил нас Тиамат, и указывал Тану на головы тех, кого узнал. Среди убитых было по меньшей мере двадцать обычных грабителей, с кем я встречался по делам вельможи Интефа, но только один из покойников был князем сорокопутов. Это был Нефер-Тему из Кены, младший представитель этого подлого братства.

— Итого четыре разбойника, — удовлетворенно проворчал Тан и приказал поставить голову Нефер-Тему на вершину пирамиды черепов, сооруженной перед колодцами Галлалы. — Итак, мы уже посчитались с четырьмя сорокопутами. Нам осталось найти еще девятерых князей. Давай-ка зададим несколько вопросов нашим пленным.

Он стремительно поднялся, и я, торопливо проглотив остатки завтрака, неохотно последовал за ним обратно в храм Беса.

Хотя именно я объяснил Тану, почему необходимо получить осведомителей из всех кланов, и сам предложил ему, как следует вербовать их, теперь, когда настало время действовать, меня охватило чувство вины и раскаяния. Одно дело предложить беспощадную расправу, а другое — участвовать в ней.

Я попытался было отговориться, сказав, что раненые в походном лазарете нуждаются в моей помощи, однако Тан весело отмахнулся.

— Брось, Таита, свои угрызения совести. Ты будешь рядом со мной во время допроса,

чтобы убедиться, не пропустил ли ты кого-нибудь из своих друзей.

Допрос был скорым и безжалостным. Таким, я полагаю, он и должен был быть в соответствии с характером людей, с которыми мы имели дело.

Вначале Тан вскочил на каменный алтарь Беса и, подняв в руке ястребиную печать, с усмешкой посмотрел сверху вниз на пленных. От этой усмешки холодок прошел по их спинам, хотя они и сидели под прямыми лучами жаркого солнца пустыни.

— Я, облаченный властью ястребиной печати фараона Мамоса, говорю его голосом, — мрачно произнес Тан, высоко подняв статуэтку. — Я ваш судья и ваш палач.

Он остановился на мгновение и медленно обвел взглядом поднятые вверх лица разбойников. Они отворачивались, встретив его глаза. Никто не мог выдержать пронизывающего взгляда.

— Вас захватили на месте грабежа и убийства. Если кто-либо из вас может отрицать это, пусть встанет передо мной и объявит о своей невинности.

Подождал. Нетерпеливые тени стервятников пересекали двор храма.

— Говорите же, невинные. — Тан поднял глаза на кружившихся в небе птиц с гротескными розовыми лысыми головами. — Вашим братьям не терпится начать пир. Не заставляйте их ждать.

По-прежнему никто из разбойников не издал ни звука и даже не пошевелинулся. Тан опустил ястребиную печать.

— Ваши действия, о которых свидетельствуют все присутствующие, обвиняют вас. Ваше молчание подтверждает обвинение. Вы виновны. Именем божественного фараона я выношу вам приговор. Приговариваю вас к смерти через обезглавливание. Ваши головы будут выставлены на шестах вдоль караванного пути. Увидев ваши ухмыляющиеся черепа у дороги, все законопослушные путники поймут, что сорокопут встретился с орлом. Они поймут, что век беззакония прошел на нашей земле и мир вернулся в Египет. Я все сказал. Фараон Мамос кончил.

Тан кивнул. Стражники подтащили первого пленного к алтарю и поставили на колени.

— Если ты правдиво ответишь на три вопроса, тебе сохранят жизнь. Ты поступишь в мои войска стражи и получишь довольствие и права воина. Если ты откажешься отвечать на вопросы, приговор будет приведен в исполнение.

Он сурово посмотрел сверху вниз на пленного.

— Первый вопрос: к какому клану ты принадлежишь? Осужденный не ответил. Клятва кровного родства сорокопутов заставляла его молчать.

— Второй вопрос: какой князь правит вами? Разбойник по-прежнему молчал.

— Наконец, третий и последний вопрос. Отведешь ли ты меня в тайное убежище своего клана?

Человек поднял глаза и сплюнул. Желтая слюна разлетелась по камням. Тан кивнул, и стражник, стоявший над коленопреклоненным пленным, взмахнул мечом.

Удар был точным, и голова казненного покатилась к подножию алтаря.

— В пирамиде будет одной головой больше, — тихо сказал Тан и кивком приказал подвести следующего пленного.

Он задал те же три вопроса и, после того как сорокопут вызывающе выругался, снова кивнул. На этот раз палач промахнулся, и тело забилося на земле с полуперерубленной шеей. Потребовалось еще три удара мечом, прежде чем голова покатилась на камни.

Тан отрубил двадцать три головы — я начал считать их, чтобы подавить в себе приступ жалости, ослаблявшей волю, — когда наконец первый из разбойников не выдержал. Он был еще молод, совсем мальчик. Высоким и звонким голосом выпалил ответы, прежде чем Тан успел задать свои три вопроса.

— Меня зовут Гуи, я кровный брат клана Басти Жестокого. Я знаю его тайное убежище и могу отвести тебя туда.

Тан улыбнулся с мрачным удовлетворением и жестом приказал отвести паренька в сторону.

— Позаботьтесь о нем, — предупредил он тюремщиков. — Теперь он воин синих и ваш товарищ по оружию.

После первого дезертирства разбойники начали сдаваться, хотя по-прежнему многие бросали вызов Тану. Одни проклинали его, другие вызываясь смеялись ему в лицо, пока не опускался меч, и смех замолкал с последним выдохом из перерубленной шеи, с которым показная смелость покидала тело.

Я вдруг с восхищением подумал о тех, кто после низкой и презренной жизни решил принять смерть с каким-то подобием чести. Они смеялись в лицо смерти. Я знал, что не способен на такое мужество. Если бы передо мной стоял подобный выбор, я бы поступил, как слабейшие из них.

— Я член клана Ур, — признался один.

— Я из клана Маа-Эн-Тефа, князя западного берега Нила до самой Эль-Харги, — сказал другой.

Наконец у нас было достаточно осведомителей, чтобы найти дорогу в крепость каждого из оставшихся в живых разбойников. А куча непокорных голов у алтаря Беса доходила мне до плеч.

МЫ С ТАНОМ долго раздумывали над тем, куда спрятать трех князей-разбойников, захваченных нами, и два десятка осведомителей, полученных из рядов осужденных сорокопутов. Мы понимали, что влияние сорокопутов распространяется широко и глубоко в египетском обществе, и не посмели оставить пленников в Египте. Ни одну тюрьму нельзя считать безопасной, Ак Сет и его князья могли добраться до них и либо освободить подкупом или силой, либо заставить замолчать ядом или каким-нибудь другим мало приятным способом. Мы знали, что Ак Сет похож на осьминога со скрытой головой: его щупальца простираются до каждой ячейки нашего государства и пронизывают самую ткань нашей жизни.

Вот тут-то я и вспомнил о своем друге Тиамате, купце из Сафаги.

После битвы, уже не скрываясь, отряд стражи Синего Крокодила маршем прошел в порт на берегу Красного моря за половину того времени, которое понадобилось нам, чтобы добраться до Галлалы. Пленников погрузили на борт одного из торговых кораблей Тиамата, что ожидал нас в гавани, и его кормчий немедленно отплыл к Аравийскому берегу, где у купца был безопасный лагерь для рабов на маленьком островке Джез-Бакан вдали от берега. Островом этим управляли его надсмотрщики. Воды вокруг острова кишели стаями свирепых голубых акул. Тиамат заверил нас, что всякий, кто попытается сбежать с острова, либо будет пойман зоркими надсмотрщиками, либо попадет в пасть акул. Только одного из пленных не послали на остров. Это был Гуи из клана Басти Жестокого, тот самый молодой парнишка, первым не выдержавший угроз. Пока отряд шел к морю, Тан держал его при себе и сумел обратить на него всю мощь своего личного обаяния. К концу похода Гуи стал преданным рабом Тана. Я не переставал удивляться дару Тана пробуждать верность и преданность в самых разных людях. Теперь я был уверен, что Гуи, так быстро склонивший голову перед угрозой казни, охотно отдаст свою жизнь за Тана.

Сначала Гуи подробно рассказал Тану все, что только мог вспомнить о клане, которому дал клятву кровного родства. Я тихо слушал его с кисточкой для письма наготове и записывал, а Тан задавал вопросы.

От него мы узнали, что укрепленное убежище Басти Жестокого расположено в глубине ужасной пустыни Гебель-Ум-Дахари на вершине одной из столовых гор и со всех сторон его защищают отвесные склоны. Тайное неприступное убежище находилось не более чем в двух днях пути от восточного берега Нила и оживленных караванных путей, тянувшихся вдоль реки. Это было великолепное гнездо хищника.

— На вершину горы идет только одна тропа, вырубленная в скале подобно лестнице. По ней можно подниматься только по одному, — сказал Гуи.

— А нет ли другого пути на вершину? — спросил Тан, и Гуи ухмыльнулся, приложив

палец к носу заговорщицким жестом.

— Есть и другой путь. Я часто пользовался им, когда убегал из клана повидаться со своей семьей. Басти убил бы меня, если бы узнал, что я отсутствовал. Это опасная, крутая тропа, однако около дюжины крепких мужчин смогут пройти там и удерживать верхнюю часть главной тропы, пока основные силы будут по ней подниматься. Я проведу тебя по ней, Ак Гор.

Я впервые услышал это имя. Ак Гор — брат великого бога Гора. Оно очень шло Тану. Разумеется, Гуи и остальные пленные не могли знать его настоящего имени. Они знали только одно: Тан — скорее всего, бог. Он выглядел как бог, и сражался как бог, и зывал к Гору в разгаре битвы, потому они и решили, что он — брат Гора.

Ак Гор! Несколько месяцев спустя весь Египет узнает это имя. Оно пронесется от холма к холму. Погонщики караванов разнесут его на своих устах по всем дорогам. Оно пройдет по всей реке на устах лодочников и распространится от города к городу, от царства к царству. Легенды будут сопровождать его, а рассказы о подвигах станут приукрашиваться и разрастаться до небывалых размеров.

Ак Гор — могущественный воин, появившийся ниоткуда, посланный братом Гором, чтобы продолжить вечную схватку со злом и победить Ак Сета, владыку сорокопутов.

Ак Гор! Всякий раз, когда люди Египта повторяли это имя, сердца их наполнялись надеждой.

Однако все это было в будущем, а пока мы сидели в саду Тиамата, купца из Сафаги. Один я понимал, как Тан горит желанием расправиться с Басти, как хочется ему повести своих людей в Гебель-Ум-Дахари и затравить разбойника, как дикого зверя. И желал он этого не только потому, что Басти был самым хищным и самым безжалостным из князей сорокопутов. У Тана были личные счеты с этим разбойником.

От меня Тан узнал, что Басти был тем самым орудием, с помощью которого Ак Сет погубил состояние Пианки, вельможи Харраба, отца Тана.

— Я могу провести тебя на вершину скал Гебель-Ум— Дахари, — обещал Гуи, — и предать Басти в твои руки.

Тан молча сидел в темноте, как бы вкушая это обещание. Мы сидели и слушали песню соловья, доносившуюся из глубины сада. Песня эта казалась совершенно чуждой тем яростным и отчаянным делам, которые мы обсуждали. Спустя некоторое время Тан вздохнул и отпустил Гуи.

— Ты вел себя хорошо, парень, — сказал он, — сдержи свое обещание, и ты увидишь, что я умею быть благодарным.

Гуи простерся ниц перед ним, как перед богом, а Тан раздраженно толкнул его ногой.

— Хватит этой чепухи. Ты свободен, уходи. Неожданное возведение в ранг бога смущало Тана.

Его нельзя было обвинить в скромности или смирении, но он был очень практичным человеком и не питал ложных иллюзий по поводу собственного положения: никогда не надеялся стать фараоном или божеством и поэтому резко обрывал всякое проявление раболепия у тех, кто его окружал. Как только Гуи ушел, он повернулся ко мне.

— Я часто лежу ночью и не могу уснуть, раздумывая о том, что ты говорил о моем отце. Каждая жилка моего тела и душа моя жаждут отомстить тому, кто довел его до нищеты и позора и загнал в могилу. Я с трудом сдерживаю себя. Меня наполняет желание оставить этот хитроумный путь, с помощью которого мы с тобой должны заманить в капкан Ак Сета. Я хочу сразу поймать его и вырвать из поганой груди сердце голыми руками.

— Если ты сделаешь это — потеряешь все, — сказал я. — Ты прекрасно это понимаешь. Сделай так, как я тебе говорю, и мы восстановим не только твою репутацию, но и репутацию твоего благородного отца. Если ты послушаешь меня, получишь назад украденные у тебя имущества и состояние. Если послушаешь меня, не только добьешься полного отмщения, но и получишь Лостру, и тогда сбудутся видения, посетившие меня в лабиринтах Амона-Ра. Верь мне, Тан. Ради себя самого и моей госпожи, верь мне.

— Если я не буду верить тебе, кому мне тогда верить? — спросил Тан и коснулся моей руки. — Я знаю, что ты прав, но у меня всегда не хватало терпения. Мне всегда было легче идти по прямой дороге.

— Забудь на время об Ак Сете. Думай только о том, каков твой следующий шаг по долгому пути, который мы должны пройти вместе. Думай о Басти Жестоком. Ведь это Басти сгубил караваны твоего отца, когда они возвращались с Востока. В течение пяти лет ни один из караванов вельможи Харраба не вернулся в Карнак. Они подверглись нападению разбойников и были разграблены. Именно Басти разрушил медные рудники в Сестре, принадлежавшие твоему отцу, и убил горняков и их рабов. С тех самых времен богатые рудные жилы остаются неразработанными. Именно Басти постоянно грабил имущества твоего отца на берегу Нила, убивал рабов в полях и сжигал урожай, пока на полях не стали расти одни сорняки, и вельможа Харраб был вынужден продать их за малую толику истинной цены.

— Все это, может, и правда, но именно Ак Сет приказал ему сделать это.

— Никто тебе не поверит. Фараон не поверит, если сам не услышит признания Басти, — нетерпеливо объяснил я. — Почему ты всегда упрямисься? Мы же говорили об этом сотни раз. Сначала нужно захватить князей, а потом уже браться за голову этой змеи, Ак Сета.

— Твой голос — голос мудрости, я понимаю это. Но как же трудно ждать! Я жажду мести. Я жажду очистить свое имя от позорного обвинения в мятеже и измене и жажду, о как я жажду увидеть Лостру!

Он наклонился ко мне и сжал мое плечо так сильно, что я поморщился.

— Ты уже достаточно сделал для меня, дружище. Я бы не смог совершить так много без тебя. Если бы ты не пришел за мной в хижину на болоте, я бы, наверное, до сих пор валялся в объятиях вонючей шлюхи, пьяный вдребезги. Я никогда не смогу отплатить тебе свой долг, но теперь мне придется отослать тебя. Ты нужен другим. Басти — моя добыча, и я не хочу делить с тобой это пиршество. Ты не пойдешь со мной в Гебель-Ум-Дахари. Я посылаю тебя обратно, туда, где твое настоящее место, где и мое настоящее место, но где я не могу находиться. Я посылаю тебя к госпоже Лостре. Я завидую тебе, дружище, и охотно отказался бы от надежды на бессмертие, лишь бы отправиться к ней вместо тебя.

Разумеется, я очень красиво возражал ему. Я клялся в том, что хочу еще раз повоевать с этими негодяями, что стал его товарищем по оружию и буду очень огорчен, если он не даст мне возможности сопровождать его в очередном боевом походе. Однако все это время я чувствовал себя в безопасности, так как знал, что, если Тан решил, он будет стоять на своем и его не так-то просто переубедить. Даже мне, другу и советнику, рабу Таите, это удавалось редко.

По правде говоря, я уже был сыт по горло героизмом и стычками, где все стараются тебя убить. Я не воин по природе и не могу оставаться бесчувственным камнем, как обычные рядовые воины. Я ненавидел лишения, связанные с войной в пустыне. Я бы не выдержал еще одну неделю жары, пота и мух. Я бы не выдержал еще неделю вдали от сладостных зеленых вод родного Нила. Я истосковался по чистой одежде и ощущению свежeweымытого и смазанного благовонными маслами тела. Мне так хотелось увидеть госпожу, что нельзя выразить словами. Я истосковался по тихой цивилизованной жизни наших убранных покоев на острове Элефантина, по музыке и долгим неторопливым беседам. Я соскучился по моим зверюшкам, по свиткам, и все это неукротимо влекло меня к себе.

Тан был прав — я больше не нужен ему. Теперь мое место рядом с госпожой. Однако если бы я слишком легко подчинился приказу, то упал бы в его глазах, а мне этого совсем не хотелось.

В конце концов я позволил ему убедить себя и, скрыв свою радость, начал готовиться к возвращению на Элефантину.

ТАН приказал Крату вернуться в Карнак, чтобы собрать подкрепление для экспедиции

в Гебель— Ум-Дахари. Я должен был отправиться под его защитой. Однако расстаться с Таном было не так-то просто. Дважды я покидал дом Тиамата и дважды Тан звал меня обратно, чтобы передать еще одно послание Лостре.

— Скажи ей, что я думаю о ней каждый день и каждый час.

— Это ты уже говорил.

— Скажи ей, что во сне ее лицо постоянно стоит перед моими глазами.

— И это тоже ты уже говорил. Я могу повторить все твои послания на память. Придумай что-нибудь новое.

— Скажи ей, что я верю в видения лабиринтов и что через несколько лет мы будем вместе.

— Крат ждет. Если ты будешь держать меня здесь, как я смогу доставить твоё послание?

— Скажи ей: все, что я делаю, я делаю ради нее. Каждый вздох мой ради нее... — Он помолчал и обнял меня. — По правде говоря, я сомневаюсь, что смогу прожить еще один день без нее.

— Пять лет пройдут, как один день. Когда ты увидишь ее в следующий раз, твоя честь будет восстановлена, и ты снова будешь занимать высокое положение в стране. Она полюбит тебя за это еще больше.

Он отпустил меня.

— Заботься о ней как следует, пока я не смогу принять из твоих рук эту радостную обязанность. А теперь уходи. Поспеш к ней.

— Я намеревался сделать это еще час назад, — тихо заявил я и поторопился скрыться.

Под командой Крата наш маленький отряд дошел до Карнака всего за неделю. Боясь встречи с Расфером и вельможей Интефом, я постарался не задерживаться в своем любимом городе и отправился вверх по реке, как только нашел место на одной из барок. Крат был занят подбором бойцов среди лучших отрядов стражи, так как Тан потребовал собрать тысячу воинов.

Барка отправлялась на юг, и при попутном северном ветре мы причалили к пристани на Элефантине через двенадцать дней после отплытия из Фив. Я все еще носил парик и одежду жреца, и никто не узнал меня, когда я сошел на берег.

За небольшое медное кольцо маленькая лодка переправила меня через реку на царский остров и высадила на ступеньках, которые вели к речным воротам нашего сада в гареме. Сердце мое было готово выскочить из груди, когда я быстрыми прыжками несясь вверх по ступеням. Я слишком давно не видел свою госпожу. Именно в такие моменты я сознавал, как сильно ее люблю. Я был уверен, что любовь Тана — легкий бриз по сравнению с самым моим чувством.

Одна из черных рабынь Лостры встретила меня у ворот и попыталась остановить.

— Госпожа плохо себя чувствует, жрец. У нее сейчас другой врач. Она не может увидеться с тобой.

— Сможет, — сказал я и стянул с головы парик.

— Таита! — завизжала она и упала на колени, лихорадочно делая знак от сглаза. — Но ты же умер. Это не ты, это привидение встало из могилы.

Я отпихнул ее со своей дороги и поспешил в покои госпожи, где встретил в дверях жреца Осириса, одного из тех, кто считает себя врачами.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я, придя в ужас оттого, что один из этих знахарей оказался рядом с моей госпожой. Прежде чем он успел ответить, я зарычал на него: — Вон! Вон отсюда! Забирай свои талисманы и грязные снадобья и не возвращайся.

Он, казалось, собирался спорить со мной, но я толкнул его между лопаток в сторону ворот и бросился к постели госпожи.

Кислый запах болезни наполнял ее комнату, и запах этот был сильным. Отчаянная печаль охватила меня, когда я посмотрел на госпожу Лостру. Она словно стала меньше, и кожа ее посерела, как пепел старого костра. Она спала или лежала без сознания. Я не

понимал, что с ней произошло. Под глазами у нее виднелись темные, похожие на синяки тени, а веки, закрывавшие глаза, были сухими и шелушились. От одного их вида ужас проник в мое сердце.

Я стянул полотняную простыню, покрывавшую тело. Плоть ее, казалось, истаяла. Конечности были сухими, как палки, а ребра и бедренные кости торчали из больной кожи, словно кости коровы во время засухи. Я нежно положил руку ей под мышку, чтобы узнать, нет ли лихорадки, но кожа была прохладной. Что же это за болезнь такая, испуганно подумал я. Я не встречал еще ничего подобного.

Не покидая постели, я крикнул рабынь, но они не осмелились предстать перед призраком Таиты. В конце концов мне пришлось ворваться в их комнату и вытащить одну изпод кровати.

— Что вы сделали со своей госпожой? Как вы довели ее до такого состояния? — Я пнул ее в ягодицу, чтобы она расслышала мой вопрос. Она заскулила и закрыла лицо, прикрываясь от моего взгляда.

— Госпожа отказывается от еды уже несколько недель. Она не съела ни кусочка с того самого времени, как мумия Тана, вельможи Харраба, была положена в могилу в Долине знати. Она даже потеряла ребенка фараона, которого носила в своем чреве. Пощади меня, добрый призрак. Я не причиняла тебе зла.

Какое-то мгновение я растерянно смотрел на нее, пока до меня не дошло, что случилось. Мое послание госпоже Лостре так и не было доставлено. Посланник Крата не смог добраться из Луксора в Элефантину. Скорее всего, он стал очередной жертвой сорокопутов, и вниз по реке поплыл еще один труп с пустым кошельком и перерезанным горлом. Я мог только надеяться, что письмо попало в руки какого-нибудь неграмотного вора и не было доставлено Ак Сету. Однако сейчас было не время беспокоиться об этом.

Я побежал обратно к госпоже и упал на колени у постели.

— Милая моя, — шептал я, поглаживая ее шершавый лоб. — Это я, Таита, твой раб.

Она чуть пошевелилась и пробормотала что-то, но я не мог разобрать слова. Я понял, что дело зашло слишком далеко и времени у меня почти не оставалось. Весть о смерти Тана пришла около месяца назад. Если рабыня сказала правду, Лостра не принимала пищу все это время. Удивительно, что она еще жива.

Я вскочил на ноги и побежал в свою комнату. Несмотря на мою кончину, здесь все оставалось по-прежнему, и мой сундучок врача стоял в нише, там, где я его оставил. Схватив его, я поспешил обратно к госпоже. Трясущимися руками зажег веточку скорпионьего куста от пламени масляной лампы у постели и поднес сияющий кончик веточки к ее носу. Она тут же кашлянула, чихнула и завертела головой, чтобы увернуться от едкого дыма.

— Госпожа, это я, Таита. Поговори со мной!

Она открыла глаза, и я увидел искорку радости в них, которая быстро погасла, как только Лостра вспомнила о своей потере. Протянула ко мне худые, бледные руки, и я прижал их к своей груди.

— Таита, — тихо всхлипнула она. — Он умер. Тан умер. Я не могу жить без него.

— Нет! Нет! Он жив. Я пришел к тебе от него и принес послание любви и преданности.

— Не нужно так жестоко смеяться надо мной. Я знаю, он умер. Его могила уже запечатана...

— Это всего лишь уловка, чтобы обмануть врагов! — вскричал я. — Тан жив, клянусь тебе. Он любит тебя. Он ждет тебя.

— Ох, если бы я только могла поверить тебе. Но я так хорошо тебя знаю. Ты всегда готов солгать, чтобы спасти меня. Зачем же ты мучаешь меня лживыми обещаниями? Я так тебя ненавижу... — Она попыталась вырваться из моих объятий.

— Клянусь тебе! Тан жив.

— Поклянись честью матери, которой ты не знал. Поклянись гневом всех богов. — У нее едва хватило силы бросить мне вызов.

— Клянусь тебе всем этим, а также моей любовью и долгом по отношению к тебе, моя

госпожа.

— Может ли такое быть правдой? — Я увидел как вместе с надеждой силы начали возвращаться к ней и слабый румянец появился на щеках. — О, Таита, неужели он жив?

— Разве был бы я таким счастливым, если бы это было не так? Ты же знаешь, что я люблю его так же, как и тебя. Разве смог бы я улыбаться тебе, если бы Тан действительно умер?

Она, не отрываясь, смотрела мне в глаза, а я начал ей рассказывать обо всем, что произошло со мной с тех пор, как я покинул ее много недель назад. Я только опустил подробности о сцене в старой хижине на болоте и сожительнице Тана.

Лостра не произнесла ни слова, но глаза следили за моими, и она упивалась каждым моим словом. Ее бледное лицо, почти прозрачное от голода, сияло как жемчужина, когда она слушала мой рассказ о приключениях в Галлале и том, как Тан вел в бой своих воинов, как он пел в дикой ярости сражения.

— Как видишь, это правда, Тан жив, — закончил я. Лостра заговорила в первый раз с тех пор, как я начал свой рассказ:

— Если он жив, приведи его ко мне. Я не съем ни крошки до тех пор, пока не увижу его снова.

— Я приведу его к тебе, как только смогу найти человека, который отнесет ему письмо, если ты этого захочешь, — пообещал я, а сам протянул руку к своему сундучку и достал оттуда зеркало из полированной бронзы.

Поднес его к глазам Лостры и мягко спросил:

— Ты хочешь, чтобы он увидел тебя такой?

Она уставилась на свое осунувшееся лицо с впалыми глазами.

— Я пошлю за ним сегодня же, если ты прикажешь. Он будет здесь через неделю, если тебе действительно хочется этого.

Я увидел, как борьба противоположных желаний отразилась на ее лице.

— Какая я уродина, — прошептала она. — Я кажусь старухой.

— Твоя красота жива и прячется под кожей.

— Я не могу позволить Тану видеть меня такой. — Женское тщеславие победило все остальные чувства.

— Тогда тебе придется есть.

— Ты обещаешь... — заколебалась она. — Ты обещаешь мне, что он еще жив и что ты приведешь его ко мне, как только я снова выздоровлю? Положи руку мне на сердце и поклянись.

Я почувствовал ее ребра под своими пальцами. Сердце трепетало как птица в клетке.

— Обещаю.

— Я поверю тебе на этот раз. Но если ты лжешь, я больше никогда не буду доверять тебе. Принеси еду!

Когда я спешил на кухню, не мог скрыть самодовольной усмешки. Хитренький Таита опять добился своего.

Я смешал в чашке теплое молоко и мед. Начать придется с малого, так как она чуть не погубила себя голодом. После первой чашки ее стошнило, но вторая все-таки осталась в желудке. Если бы я задержался хоть на один день, то опоздал бы.

БОЛТЛИВЫЕ языки рабынь разнесли весть о моем чудесном возвращении из загробного мира, и слух этот распространился по острову быстрее оспы.

Перед наступлением темноты фараон прислал Атона за мной. Даже мой старый друг Атон чувствовал себя неловко и держался натянуто в моем присутствии. Он стремительно отпрыгнул в сторону, когда я хотел прикоснуться к нему, словно испугался, что рука моя пройдет сквозь его плоть, словно через клуб дыма. Когда он вел меня по дворцу, рабы и вельможи разбегались в стороны, завидев нас, любопытные глаза следили за нами из каждого окошка и укромного уголка. Фараон приветствовал меня со странной смесью

уважения и нервозности, совершенно несвойственной царю и богу.

— Где ты пропадал, Таита? — спросил он, как будто ему не нужен был мой ответ.

Я простерся ниц перед фараоном.

— О божественный фараон! Ты сам часть мира богов, и я понимаю, что вопросом своим ты просто хочешь испытать меня. Ты знаешь, что на устах моих лежит печать. Это было бы святотатством говорить о подобных таинствах даже перед тобой. Прошу тебя, передай всем божествам, своим покровителям, и в особенности Анубису, богу кладбищ, что я выполнил поручения, возложенные на меня. Я исполнил данный мной обет молчания. Скажи им, что я выдержал испытание, которое ты мне устроил.

При этих словах на лице у фараона появилось ошеломленное выражение, и он начал обдумывать ответ, нервно перебирая складки одежды. Я видел, как вопрос за вопросом возникали у него в голове, а потом царь сам же отбрасывал их. У него не было выхода.

В конце концов он беспомощно выпалил:

— В самом деле, Таита, ты выдержал испытание. Добро пожаловать обратно во дворец! Нам не хватало тебя.

Я понял, что все его подозрения подтвердились и теперь он относится ко мне с уважением, подобающим человеку, разрешившему главную загадку человеческого бытия.

Я подполз к его ногам и заговорил шепотом:

— О величие Египта, знаешь ли ты причину, по которой меня прислали обратно?

Вопрос, казалось, озадачил его, однако он неуверенно кивнул. Я поднялся на ноги и подозрительно обернулся, точно боялся, что за мной следят глаза сверхъестественных сил. Я сделал знак, защищающий от зла, а потом продолжил:

— Ради госпожи Лостры! Ее болезнь вызвана прямым вмешательством... — Я не мог произнести имя, но показал двумя пальцами рога, — знак бога тьмы Сета.

Смущение на лице царя сменилось ужасом. Он невольно содрогнулся и подошел ко мне поближе, как бы ища защиты, а я продолжал:

— Прежде чем меня забрали в мир иной, госпожа моя понесла в чреве своем сокровище дома Мамоса. Вот тогда бог тьмы и вмешался. Из-за своей болезни она потеряла сына, которого носила в своем чреве.

Фараон выглядел крайне расстроенным.

— Так вот почему у нее случился выкидыш... — начал он и замолчал.

Я тут же подхватил его мысль.

— Не бойся, величие Египта, меня прислали назад силы более могущественные, чем темные силы, навредившие тебе, и я спасу ее, чтобы свершилась судьба, открывшаяся мне в лабиринтах Амона-Ра. У тебя будет другой сын взамен потерянного. Династия будет сохранена!

— Ты должен находиться рядом с госпожой Лострой, пока она не выздоровеет. — Голос фараона задрожал от волнения. — Если ты спасешь ее и она принесет мне другого сына, ты можешь просить всего, чего ни пожелаешь. Но если она умрет... — он задумался, чем можно испугать человека, который только что вернулся из загробного мира, и в конце концов решил многозначительно промолчать.

— С вашего разрешения, ваше величество, я немедленно отправляюсь к ней.

— Немедленно, — согласился он. — Иди же, иди!

ГОСПОЖА моя стала выздоравливать так быстро, что я начал подозревать, не пробудил ли я невольно силы, превосходящие мое понимание, и сам содрогнулся от благоговейного страха перед собственным могуществом.

Плоть нарастала на костях, тело крепло на глазах. Жалкие пустые мешочки кожи набухли, и снова появились круглые пухлые груди, настолько сладостные, что даже каменное изваяние богини Хапи, стоявшее у дверей ее комнаты, сгорало от зависти. Свежая молодая кровь смыла меловую белизну кожи, и лицо опять засияло, а смех зазвенел как струйки фонтана в саду.

Очень скоро ее уже невозможно было удержать в постели. Через несколько недель после моего возвращения на Элефантину Лостра уже играла со служанками в саду, подпрыгивая и подбрасывая надутый кожаный пузырь с горошинами внутри, пока я не испугался, что она утомится, и не отобрал пузырь, приказав отправляться в постель. Госпожа подчинилась после того, как мы заключили еще одну сделку. Я согласился спеть ей и научить самым хитрым комбинациям игры в бао, которые позволили бы впервые в жизни выиграть у Атона, страстного поклонника этой игры.

Почти каждый день он приходил справиться о здоровье моей госпожи от имени царя и после этого оставался поиграть с нами. Судя по всему, Атон решил, что я не опасный призрак, а человек, и дружба наша пережила мою кончину, хотя обращался он ко мне по-новому, уважительно.

Каждое утро госпожа Лостра заставляла меня повторять данные ей обещания. Потом доставала зеркало и без малейшего следа тщеславия изучала свое отражение, словно взвешивая каждую черточку прекрасного лица, чтобы определить, готова ли к встрече с вельможей Таном.

— Волосы у меня, как солома, и на подбородке еще один прыщик выскочил, — жалобно бормотала она. — Сделай меня снова красивой, Таита. Ради Тана, сделай меня красивой!

— Ты серьезно повредила себе, а теперь взываешь к Таите и просишь все исправить, — ворчал я.

Лостра смеялась и бросалась ко мне на шею.

— А для чего же ты здесь, старый ворчун? Ты должен заботиться обо мне!

Каждый вечер я готовил ей укрепляющий настой и приносил в дымящейся чашке, а она пила его перед сном. Потом снова заставляла меня повторить обещание.

— Поклянись, что приведешь Тана ко мне, как только я буду готова к встрече с ним.

Я старался не вспоминать о трудностях и опасностях, которые ожидали нас, если захочу выполнить свое обещание.

— Клянусь тебе, — послушно повторял я, и она ложилась, укладывая голову на подушечку слоновой кости, и засыпала с улыбкой на лице. Мне не хотелось думать об опасностях раньше времени.

АТОН подробно сообщал фараону о ходе выздоровления Лостры, и вскоре царь сам пришел навестить ее. Он принес в подарок золотое ожерелье с фигуркой из лазурита в форме орла и сидел с нами весь вечер, играя в слова и загадывая загадки. Уже собираясь уходить, позвал меня и попросил проводить до своих покоев. — Она необычайно изменилась. Это чудо, Таита! Когда я смогу снова разделить с ней постель? Как мне кажется, она опять здорова и может понести от меня сына и наследника.

— Еще не совсем, величие Египта, — горячо заверил я его. — Малейшее утомление может вызвать у моей госпожи новую вспышку болезни.

Он больше не сомневался в моих словах, потому что теперь я мог говорить со всей категоричностью человека, испытавшего смерть. Правда, скоро благоговейный страх, с которым царь относился ко мне, стал слабеть от постоянного общения.

Рабыни тоже привыкли к тому, что я воскрес из мертвых, и могли смотреть мне в глаза, не делая знаков, защищающих от сглаза. Мое возвращение из мира иного перестало волновать придворных. У всех появилась другая тема для разговоров.

Это было появление Ак Гора, вошедшего в жизнь и сознание каждого человека, жившего в стране великой реки.

В первый раз, когда я услышал имя Ак Гора в коридорах дворца, не сразу понял, о ком идет речь. Сад Тиамата на берегу Красного моря казался таким далеким от маленького мира Элефантины, и я успел забыть имя, которое Гуи дал Тану. Когда же я услышал рассказы о необычайных подвигах, приписываемых этому полубогу, то понял, о ком все говорят.

В лихорадочном возбуждении я побежал в гарем и нашел свою госпожу в саду в

окружении дюжины посетителей — жены вельмож и царя пришли навестить ее. Она выздоровела и снова могла играть роль всеобщей любимицы во дворце.

Я был так взволнован, что забыл о своем положении раба и довольно грубо выгнал царственных дам. Они выпорхнули из нашего сада, квохча, как стайка сердитых курочек, и госпожа моя тут же обрушила на меня свой гнев.

— Это совсем на тебя не похоже! Что на тебя нашло, Таита?

— Тан! — произнес я, как заклинание, и она тут же забыла о своем возмущении и схватила меня за руку.

— У тебя вести от Тана? Говори! Скорее, иначе я умру от нетерпения!

— Вести? Да, у меня есть вести о нем. И какие вести! Какие необычайные вести! Какие невероятные вести!

Лостра отпустила мои руки и взяла свой огромный веер с серебряной ручкой.

— Прекрати немедленно, — пригрозила она. — Я не потерплю издевательств. Говори или, клянусь, у тебя на голове будет больше шишек, чем у нубийца блох.

— Ладно! Пойдем куда-нибудь, где никто не сможет нас подслушать. — Я повел ее к пристани и помог спуститься в маленькую лодочку. На середине реки, где не было стен, в которых повсюду прятались уши, мы могли говорить спокойно.

— По всей стране дует свежий ветер, — сказал я. — Люди зовут этот ветер Ак Гор.

— Брат Гора, — выдохнула она с благоговением. — Так теперь называют Тана?

— Никто не знает, что это Тан. Все думают, что это бог.

— Он и есть бог. Для меня он — бог.

— Они тоже видят его таким. Если бы он не был богом, как мог узнать, где прячутся сорокопуты, как мог безошибочно находить их укрепленные убежища, как мог догадаться, где они сидят в засаде, ожидая караваны, и застигать врасплох в их же собственных логовах?

— Неужели он совершил все эти подвиги? — в изумлении спросила она.

— Эти подвиги и сотни других, если только верить странным слухам, носящимся по дворцу. Говорят, что каждый вор и разбойник в стране дрожит за свою жизнь, а кланы сорокопутов гибнут один за другим. Говорят, у Ак Гора выросли крылья, как у орла, он взлетел на неприступные скалы Гебель-Ум-Дахари и чудесным образом появился посреди клана Басти Жестокоего. Своими собственными руками сбросил со скалы пятьсот разбойников...

— Расскажи мне о нем! — Лостра захлопала в ладоши, чуть не перевернув лодку от восторга.

— Говорят, что на каждом перекрестке и у каждого караванного пути он построил высокие монументы, отметив те места, где побывал.

— Монументы? Какие монументы?

— Кучи человеческих черепов, высокие пирамиды черепов. Это головы убитых разбойников, которые должны служить предостережением для других.

Госпожа моя содрогнулась от сладостного ужаса, но лицо ее сияло.

— Неужели он убил так много?

— Одни говорят, что пять тысяч, другие — пятьдесят тысяч, некоторые даже заявляют, будто сто тысяч разбойников, но, думаю, последние преувеличивают.

— Еще! Рассказывай еще!

— Говорят, что он уже захватил в плен по крайней мере шестерых князей-разбойников...

— И отрубил им головы! — подхватила она мои слова с омерзительным весельем.

— Нет, говорят, что не убил, а превратил в бабуинов. Говорят, держит их в клетках для развлечения.

— Разве это возможно? — захихикала она.

— Для бога все возможно.

— Он мой бог! О, Таита, когда же ты позволишь мне встретиться с ним?

— Скоро, — пообещал я. — Ты становишься прекраснее с каждым днем, и вот-вот твоя

прежняя красота вернется к тебе.

— А тем временем ты будешь приносить мне любой рассказ и слух об Ак Горе.

Каждый день она посылала меня на пристани расспрашивать команды барок, прибывающих с севера, и узнавать новости об Ак Горе.

— Говорят, никто никогда не видел лица Ак Гора, потому что он носит шлем с забралом, которое закрывает все лицо, кроме глаз. Говорят также, что в разгаре битвы голова Ак Гора вспыхивает огнем и огонь этот ослепляет его врагов, — сообщил я ей после одного из походов на пристани.

— Я видела, как в солнечном свете волосы Тана горят небесным огнем, — подтвердила госпожа.

Другим утром я рассказал ей:

— Говорят, он может двоиться так, что его земное тело делится, как отражение в зеркале, и может одновременно находиться в нескольких местах. Так, в один и тот же день его видели в Кене и в Ком-Омбо, разделенных сотней миль.

— А это возможно? — спросила она с благоговейным ужасом.

— Некоторые считают, что это неправда. Они утверждают, что он может очень быстро делать большие переходы, потому что никогда не спит. Говорят также, что ночью он скачет в темноте по пустыне на спине льва, а днем летает в небе на огромном белом орле и набрасывается на врагов, когда те меньше всего этого ожидают.

— Это вполне возможно, — серьезно сказала она. — Я не верю в раздвоение земных тел, подобно отражению в зеркале, но, что касается льва и орла, верю: Тан способен на нечто подобное.

— По-моему, всякий человек в Египте жаждет увидеть Ак Гора и желаемое выдает за действительное. Его видят за каждым кустом. К вопросу о скорости, с которой он путешествует, ну что же, я сам ходил походным маршем со стражей и могу поручиться...

Она не дала мне закончить и обиженно оборвала меня:

— В твоём сердце нет романтики, Таита. Ты можешь усомниться даже в том, что облака — это овцы Осириса и что солнце — это лицо Ра, только потому, что ты не можешь достать их и потрогать. Я же, со своей стороны, верю, что Тан способен свершить такое. — Это утверждение положило конец нашим спорам, и я покорно опустил голову.

ВО ВТОРОЙ половине дня мы снова вдвоем стали гулять по улицам и рыночным площадям города. Как и до болезни, госпожу мою всюду встречали приветственные крики влюбленного народа, и она останавливалась поговорить с каждым, независимо от его положения или рода занятий. Никто, от жрецов до проституток, не мог устоять перед ее красотой и природным очарованием. Всякий раз она умудрялась повернуть разговор на Ак Гора, и люди страстно обсуждали с ней нового бога. К этому времени воображение народа возвело его из полубогов в полноправного члена египетского пантеона. Граждане Элефантины даже начали собирать деньги на постройку храма Ак Гору, и моя госпожа сделала щедрый взнос на это строительство.

Место для храма выбрали на берегу реки, напротив храма Гора, его отца, и фараон официально объявил о своем намерении лично посвятить ему здание. У фараона были причины быть благодарным герою. Страну охватило новое настроение. Люди стали доверять друг другу. Как только караванные пути сделались безопасными, объем торговли между Верхним царством и остальным миром резко возрос. Там, где прежде только один караван приходил с Востока, теперь четыре без вреда пересекали пустыню и столько же отправлялись назад. Чтобы снабжать всем необходимым погонщиков караванов, понадобились тысячи выючных ослов, и крестьяне со скотоводами вели своих животных в города, ухмыляясь в предвкушении тех денег, которые получают за товар.

Поскольку теперь стало безопасно работать в полях, даже расположенных далеко от города, люди посадили хлеб там, где десятилетиями росли одни сорняки, и крестьяне, влачившие нищенское существование, снова стали процветать. Быки тянули волокуши,

загруженные товарами, по дорогам, охраняемым войсками Ак Гора, и рынки ломились от новых товаров.

Купцы и земледельцы пускали часть прибыли на строительство новых домов за городом, где теперь их семьи могли существовать в полной безопасности. Ремесленники и художники, раньше беспомощно бродившие по улицам Фив и Элефантины в поисках хоть какой-нибудь работы, теперь вдруг все оказались у дел и на свой заработок могли купить не только самое необходимое, но и некоторые предметы роскоши для самих себя и своих семей. Рынки процветали.

Объем торговли и перевозок вверх и вниз по течению Нила возрос, потребовались корабли, и новые суда закладывались каждый день на верфях. Кормчие и команды речных ладей и барок тратили свои прибыли в тавернах и других местах развлечений. Куртизанки и проститутки тоже шумно требовали новых украшений, стараясь переплюнуть друг друга в красоте одежды и побрякушек. Портные и ювелиры также процветали и строили себе новые дома, а жены их бродили по рынку и покупали себе на золото, которым были набиты их кошельки, все — от рабов до кухонных горшков.

Египет возвращался к жизни после долгих лет страданий в когтях Ак Сета и сорокопутов.

Вследствие этого поступления в казну резко увеличились, и сборщики налогов фараона кружили над всеобщим богатством с жадностью стервятников, обнаруживших трупы разбойников, которыми Ак Гор и его войска усеяли всю страну. Разумеется, фараон был благодарен.

Так же, как и мы с госпожой. По моему предложению, мы вложили немного денег в торговую экспедицию, направлявшуюся на Восток, в Сирию. Когда экспедиция вернулась через шесть месяцев, мы обнаружили, что получили прибыль, в пятьдесят раз превышавшую наши вложения. Госпожа моя купила нить жемчуга и пять новых рабынь на горе мне. Я же из чистой скромности потратил свою долю на покупку пяти участков превосходной земли на восточном берегу Нила. Один из писцов составил купчую и внес ее в храмовые книги.

НАКОНЕЦ настал день, которого я так боялся. Однажды утром госпожа моя изучала свое отражение в зеркале несколько дольше, чем обычно, и объявила, что готова к встрече с Таном. По справедливости говоря, мне пришлось согласиться — она никогда не выглядела прекраснее. Казалось, будто недавние страдания закалили ее и придали ей новые силы. Из облика исчезли последние черты девической внешности, неуверенность прошла, щенячий жирок исчез с тела. Она стала женщиной, зрелой и спокойной женщиной.

— Я поверила тебе, Таита. Теперь ты должен доказать мне, что я не совершила глупость. Приведи мне Тана.

Когда мы прощались с Таном в Сафаге, не смогли договориться о надежном способе передачи посланий.

— Я постоянно буду в походе, и никто не знает, куда заведут меня дороги войны. Пусть госпожа Лостра не беспокоится, если долго не будет слышать обо мне. Скажи ей, что я пошлю послание, как только задача моя будет выполнена. Однако не забудь заверить ее: я приду к ней тогда, когда плод нашей любви созреет и его можно будет сорвать.

Так что мы ничего не знали о нем, кроме невероятных слухов, распространявшихся по верфям и базарам.

И снова будто боги вмешались и спасли меня от гнева госпожи Лостры. На рынке в тот день появился новый слух. Караван, пришедший с севера, встретил свежую пирамиду человеческих голов у дороги, не далее чем в двух милях от городских стен. Головы эти были свежи и почти не воняли, вороны со стервятниками еще не успели очистить их от плоти.

— Это может означать только одно, — сказал один сплетник другому. — Ак Гор находится поблизости от Асуана и, возможно, даже в пределах видимости со стен Элефантины. Он напал на остатки клана Акеку, скрывавшиеся в пустыне с тех пор, как их князь потерял голову в Галлале. Ак Гор убил последних разбойников и сложил их головы на

дороге. Благодарение новому богу! Теперь юг свободен от ужасных сорокопутов!

Это действительно было новостью, причем лучшей из тех, что я слышал за последнюю неделю, и мне не терпелось донести ее до моей госпожи. Я начал проталкиваться через толпу моряков на пристани и искать лодочника, перевезшего бы меня на остров.

Кто-то потянул меня за руку, но я раздраженно отмахнулся. Несмотря на всеобщее процветание, а может быть и из-за него, нищие становились все наглее. Он не отставал, и я развернулся к нему, замахнувшись посохом.

— Не бей старого друга! У меня к тебе послание от бога, — заскулил нищий. Мой посох замер, а я уставился на него, разинув рот.

— Гуи! — Сердце у меня чуть не выскочило из груди, когда я узнал хитренькую ухмылку бывшего разбойника. — Что ты тут делаешь? — Я не стал ждать ответа на бессмысленный вопрос и быстро продолжил: — Следуй за мной в отдалении.

Я отвел его в одно из мест развлечений в узком переулке за пристанью, где сдавали комнаты парочкам независимо от их пола. Комнаты здесь предоставляли на короткое время, измерявшееся водяными часами, висевшими у дверей, и брали за водяной час большое медное кольцо. Я заплатил за комнату неслыханную цену и, как только мы остались одни, схватил Гуи за рваный плащ.

— Какую весть ты принес о своем господине? — спросил я, а он усмехнулся с отвратительной наглостью.

— У меня так пересохло в горле, что я едва моту говорить. — Он уже успел перенять надменные замашки стражников из отряда синих. Как быстро обезьянка усваивает новые штуки! Я крикнул коридорному, чтобы принес кувшин пива. Гуи пил пиво, как осел воду после перехода через пустыню. Потом опустил кувшин и весело рыгнул.

— Бог Ак Гор шлет тебе привет. Тебе и другому человеку, чье имя нельзя называть. Он просит меня сказать тебе, что поручение выполнено и все птички сидят в клетке. Напоминает тебе, что до следующего праздника Осириса осталось всего несколько месяцев. Давно пора писать новый сценарий мистерии на радость царю.

— Где он? Когда ты можешь вернуться к нему?

— Я буду с ним до того, как Амон-Ра, бог солнца, скроется за западными холмами, — объявил Гуи.

Я выглянул в окно и увидел, что солнце находится на полпути от зенита к горизонту. Тан расположился совсем близко от города. Радость охватила меня. Как же мне хотелось ощутить на себе его крепкие объятия и услышать гулкий смех!

Ухмыляясь в предвкушении встречи, я шагал взад и вперед по грязной комнате, пока не решил, какое послание отправить с Гуи для Тана.

УЖЕ СТЕМНЕЛО, когда я сошел на берег на маленькой пристани и поспешил по ступенькам вверх. Одна из рабынь Лостры рыдала у ворот и терла распухшее ухо.

— Она ударила меня, — прохныкала девчонка, и я увидел, что ее гордость пострадала больше, чем ухо.

— Не называй госпожу Лостру «она», — укорил я ее. — Да и вообще, как ты можешь жаловаться? Рабов нельзя не бить.

Однако хозяйка моя никогда не поднимала руку на домашних. В хорошеньком же она настроении, подумал я и замедлил шаг. Осторожно продвигаясь вперед, подошел к ее покоям в тот самый момент, когда другая рабыня, плача, выбежала оттуда. Госпожа появилась за ее спиной, раскрасневшись от гнева.

— Ты превратила мою прическу в стог сена...

Она увидела меня и тут же забыла о девчонке. Обрушилась на меня с такой яростью, что я сразу понял, кто разгневал ее.

— Где ты был? — потребовала объяснений. — Я послала тебя на пристань до полудня. Как ты смеешь не являться ко мне так долго? — Она приближалась ко мне с таким лицом, что я испуганно отступил назад.

— Он здесь, — торопливо сказал я, а потом понизил голос так, чтобы рабыни не могли расслышать. — Тан здесь, послезавтра я сдержу свое обещание.

Настроение ее изменилось на прямо противоположное, она бросилась ко мне на шею, а затем побежала утешать своих служанок.

В КАЧЕСТВЕ обычной ежегодной Дани царь аморитов, вассал фараона, прислал ему пару ученых охотничьих гепардов из своего царства на противоположном берегу Красного моря. Нашему царю не терпелось испытать этих великолепных животных в охоте на стада газелей, которые заполняли дюны на западном берегу реки. По его приказу весь двор, включая мою госпожу, должен был присутствовать на охоте. Мы переправились на западный берег с целой флотилией маленьких лодок в белом облаке трепещущих парусов и разноцветных флажков. Повсюду раздавался смех и звучала музыка лютни и систры. Через несколько дней должно было начаться половодье великой реки, ожидание его и процветание всей страны повлияли на праздничное настроение двора.

Госпожа моя была веселее всех. Она радостно окликала друзей в других лодках, когда наша быстрая ладья разрезала зеленую летнюю воду с такой скоростью, что нос ее покрывала гирлянда пены, а позади оставался сияющий белый след.

Казалось, будто я один из всех присутствующих не разделяю всеобщего веселья и радости. Ветер был какой-то чересчур резкий, и направление его внушало мне опасения. Я постоянно поглядывал на запад. Небо там было безоблачным и ярким, но на небосклоне виднелся странный медный отблеск, совершенно неестественный в это время дня. Казалось, будто еще одно солнце восходит там, где оно должно садиться.

Я постарался отбросить дурные предчувствия и отдаться всеобщему веселью. Это мне не удалось, потому что беспокоиться приходилось не только о погоде. Если хоть в чем-то мой план сорвется, жизнь моя будет в опасности. И возможно, не только моя.

Эти чувства, наверное, отражались на моем лице, так как госпожа моя тихонько толкнула меня ногой с ярко накрашенными ногтями и сказала:

— Не будь таким угрюмым, Таита. Каждый, кто посмотрит на тебя, сразу догадается, что ты что-то замышляешь. Улыбнись! Я приказываю тебе улыбаться!

Когда мы высадились на западном берегу, нас ожидала целая орда рабов. Конюхи держали за поводья великолепных белых ослов из царских конюшен, покрытых шелковыми чепраками. Выючные ослы несли шатры, ковры и корзины с пищей, вином и другими вещами, необходимыми для царского выезда на охоту. Целое войско рабов встречало двор, держало зонтики над знатными дамами и прислуживало вельможам. Были там шуты, акробаты и музыканты для развлечения гостей, а также сотни егерей.

Клетку с гепардами погрузили на волокушу, запряженную белыми быками. Весь двор собрался полюбоваться этими редкими животными. В нашей стране они не встречаются в естественных условиях, так как живут в открытых травянистых саваннах, а последних нет по берегам реки. Я впервые увидел этих животных, и меня охватило такое любопытство, что на какое-то время я забыл о своих тревогах и протолкался к клеткам поближе, стараясь не наступать на ноги вспыльчивым вельможам.

Кошки эти так красивы, что и представить невозможно. Они выше и элегантнее леопардов, у них длинные стройные ноги и впалые животы; изогнутые хвосты точно выражают настроение, золотые шкуры усеяны розетками черного цвета, а из внутреннего уголка каждого глаза вниз по морде идет черная полоска, будто нарисованный след. Великолепная фигура, царственная осанка придавали этим животным трагичный и романтический вид, пленивший меня. Мне захотелось иметь гепарда, и я тут же решил подбросить мысль об этом своей госпоже. Царь ни в чем не отказывал ей.

Слишком быстро, на мой взгляд, баржа, на борту которой переправлялся царь, прибыла на западный берег, и мы со всем двором поторопились к реке приветствовать фараона.

На нем был легкий охотничий наряд, и впервые за многие дни он казался спокойным и счастливым. Мамос остановился рядом с моей госпожой, когда она по обычаю поклонилась

ему, и великодушно справился о здоровье. Меня охватил ужас при мысли о том, что он может оставить ее при себе на весь день — это разрушило бы все мои планы. Однако охотничьи гепарды привлекли внимание царя, и он быстро прошел к ним, не позвав за собой госпожу.

Мы быстро затерялись в толпе и отправились туда, где слуги держали ослов для госпожи Лостры. Помогая ей сесть в седло, я тихо поговорил с конюхом. Он сообщил мне то, что нужно, и я украдкой сунул ему в руку серебряное кольцо, тут же исчезнувшее, словно по волшебству.

Один раб вел осла в поводу, другой держал над седоком зонт. Так моя госпожа и я последовали за царем и волокушей с гепардами в пустыню. Мы часто останавливались, чтобы подкрепиться, и солнце успело пройти половину пути к зениту, прежде чем мы добрались до Долины газелей. По пути на довольно большом расстоянии прошли мимо древнего кладбища Трас, заложенного во времена первых фараонов. Некоторые мудрецы считают, что гробницы эти выбиты в черных скалах три тысячи лет назад; правда, я не могу сказать, как они пришли к такому заключению. Стараясь не привлекать к себе внимания, я осмотрел входы в могильные склепы, пока мы проезжали мимо. Однако издалека я не мог различить следов пребывания человека и непонятно почему расстроился. Я не переставал оглядываться, пока гробницы не скрылись из вида.

Долина газелей — один из заказников царя, защищенный указами множества фараонов, живших до него. Отряд царских хранителей дичи постоянно жил в холмах над долиной и следил за соблюдением царских указов относительно охоты на животных. За охоту в этой долине без разрешения царя браконьеров ждала смерть через удушение.

Знать спешила на вершине одного из холмов, возвышавшихся над широкой темной долиной. Очень скоро были поставлены шатры, где она могла укрыться от солнца, и рабы открыли кувшины с шербетом и пивом, чтобы господу промочили иссохшие глотки.

Я проследил за тем, чтобы мы с госпожой получили прекрасное место с видом на Долину газелей, откуда можно было уйти, не привлекая лишнего внимания. Вдалеке я различил стада газелей в дрожащем, словно вода, горячем воздухе. Показал их госпоже.

— Чем же они там питаются? Здесь не видно ни следа зелени. Они, наверное, едят камни — их более чем достаточно.

— Многие из них совсем не камни, а живые растения, — объяснил я. Она недоверчиво посмеялась надо мной, а я поискал глазами вокруг и собрал горсточку этих чудесных растений.

— Это камни, — настаивала Лостра, пока не взяла в руки одно из растений и не раздавила его. Густой сок закапал у нее между пальцами, и она изумилась хитрости бога, придумавшего такую обманку. — Вот этим они и питаются? Это совершенно невероятно!

Мы не могли продолжать беседу, поскольку началась охота. Двое царских охотников открыли клетку, и гепарды прыгнули на землю. Я думал, они попытаются сбежать, но животные были ручными, как храмовые кошки, и влюбленно терлись о ноги своих хозяев. Гепарды издавали странные чирикающие звуки, больше похожие на птичий крик, чем на рык хищников.

Вдали, на противоположной стороне коричневой, выжженной солнцем долины, я разглядел цепочку загонщиков, чьи фигурки казались маленькими и расплывчатыми в горячем воздухе. Они медленно приближались, и стада антилоп стали постепенно перемещаться в нашу сторону.

Царь и его охотники, ведя на поводках гепардов, спустились по склону холма на дно долины, а мы и весь двор остались на вершине холма. Придворные уже начали заключать пари на исход охоты, и я не меньше остальных жаждал посмотреть, но госпожу мою беспокоили другие дела.

— Когда мы уйдем? — прошептала она. — Когда мы сможем скрыться в пустыне.

— Когда начнется охота, все будут следить только за ее ходом. Вот тогда нам и представится возможность уйти. — Как только я закончил, ветер, подгонявший наши лодки

при переправе через реку и овевавший нас во время похода через пустыню, внезапно стих. Казалось, будто кузнец открыл дверцу горна. Воздух стал таким горячим, что невозможно было дышать.

Я снова поглядел на запад. Небосвод над горизонтом начал светиться желтым светом. Мне почудилось, что сияние это на глазах распространяется по всему небосклону. Мне стало не по себе. Однако, похоже, я один в толпе придворных заметил это странное явление.

Хотя охотники уже спустились в долину, но еще не ушли далеко, и я мог наблюдать за крупными кошками. Те наконец увидели стада газелей, которых медленно гнали к ним, тут же превратившись из ласковых домашних животных в свирепых хищников. Головы их поднялись, тела напряглись, уши встали, поводки натянулись. Впалые животы, казалось, приросли к хребтам, и каждый мускул тела напрягся, словно натянутая тетива.

Госпожа потянула меня за подол и повелительно шепнула:

— Пойдем, Таита. — И я неохотно начал боком отступать к скале, которая должна прикрыть наш уход и спрятать от глаз придворных. Серебряное кольцо, данное мною конюху, обеспечило нам осла, стоявшего внизу среди скал. Как только мы подошли к нему, я проверил, все ли заказанное на месте. К седлу были приторочены бурдюк с водой и кожаная сумка с припасами. Все было в порядке. Я не смог сдержаться и взмолился:

— Подождем еще минуточку. — Не успела госпожа возразить мне, как я уже взобрался на вершину скалы и стал глядеть вниз.

Ближайшая антилопа пересекала долину всего в нескольких сотнях шагов от того места, где фараон держал на поводке гепарда. Я поднялся вовремя и успел увидеть, как животных спустили с поводков. Они бросились вперед легким галопом, как будто изучали на ходу изящно трусящих антилоп и выбирали себе жертву. Внезапно стада почуяли их приближение и бросились бежать. Как стайка ласточек понеслись над пыльной равниной.

Тела кошек вытянулись над землей, лапы их доставали землю далеко впереди, потом они складывались вдвое, отталкивались задними лапами и снова вытягивались вдоль земли. Гепарды стремительно набирали предельную скорость, и я еще не видел ни одного животного, которое бежало бы так быстро. По сравнению с ними, стада газелей как будто застряли в болоте и еле передвигали ноги. Грациозно, без всяких усилий две кошки нагнали стадо и обогнали несколько отставших животных, прежде чем настигли выбранные жертвы.

Охваченные паникой антилопы пытались уклониться от смертоносного нападения. Они подсакивали, изменяли направление полета в воздухе, изгибались и прыгали в противоположном направлении, как только их изящные копыта касались выжженной земли. Кошки с грациозной легкостью повторяли каждый их прыжок, и конец был неотвратим. Каждая из них повалила на землю по газели, тут же скрывшейся в облаке пыли. Вцепившись в шею своих жертв, кошки душили их до тех пор, пока ноги газелей не перестали биться в воздухе и не замерли в судороге.

Зрелище это настолько потрясло меня, что даже перехватило дыхание от возбуждения. Потом снизу раздался голос моей госпожи.

— Таита! Спускайся немедленно! Тебя заметят на этой скале.

Я соскользнул вниз и присоединился к ней.

Все еще взволнованный зрелищем, я заставил ее сесть в седло и повел ослика в поводу по оврагу, где нас не было видно с вершины холма. Госпожа моя не могла долго сердиться на меня и, как только я хитро упомянул имя Тана, тут же обо всем забыла и стала подгонять животное, чтобы оно быстрее шло к месту встречи.

Только после того, как между нами и Долиной газелей оказалась еще одна гряда холмов, я направился прямо к кладбищу Трас. В горячем, неподвижном воздухе копыта ослика звенели так, будто под ногами у него были не камни, а битое стекло. Очень скоро я почувствовал, как пот струится по моей коже, настолько было душно, и в воздухе запахло грозой. Не успели мы доехать до гробниц, как я предложил госпоже:

— Воздух сух, как старые кости. Тебе нужно попить воды...

— Вперед! У нас будет время напиться. Ты не умрешь от жажды.

— Я думал только о тебе, госпожа.

— Мы не должны опаздывать. Каждое потерянное мгновение сокращает мою встречу с Таном. — Разумеется, она была права, потому что пройдет немного времени и нас хватятся. Госпожа моя была настолько любима придворными, что кто-нибудь из них обязательно попытается найти ее, как только охота закончится и все направятся к реке.

Когда мы подошли ближе к черным скалам, желание ее разгорелось настолько, что она уже не могла усидеть в седле тихого ослика. Соскочила на землю и побежала вперед на вершину холма.

— Вот оно, то место! Здесь он будет ждать меня! — и показала впереди себя рукой.

Она плясала на вершине холма на фоне неба, и тут ветер обрушился и завыл, как голодный волк, в ущельях безводных холмов. Он ударил по волосам госпожи, и они забились на ветру, словно флаг, хлопая и развеваясь вокруг головы. Ветер задрал подол выше бедер. Она смеялась и плясала, заигрывая с ветром, как с любовником. Я не разделял ее веселья.

Я обернулся и увидел бурю, приближавшуюся к нам со стороны Сахары. Огромная стена желтого песка шла из пустыни, тяжелая и злобная, волной накатываясь на землю, как прибой на коралловые рифы. Песок, поднятый ветром, резал мои ноги. Я побежал, таща за собой ослика. Ветер бил в спину и валил с ног, но я догнал госпожу.

— Скорее, — закричал я, стараясь перекричать ветер. — Нам нужно укрыться в гробницах раньше, чем буря настигнет нас.

Высокие тучи песка уже закрывали солнце. Оно начало гаснуть, и на него можно было смотреть, не жмурясь. Весь мир вокруг погрузился в темно-багровые сумерки, а солнце превратилось в тусклый шарик оранжевого цвета. Летящий песок впивался в голую кожу наших рук, ног и плеч, пока я не обернул свою шаль вокруг головы госпожи и не повел ее дальше.

Полосы летящего песка шли на нас, скрывая горизонт и даже ближние холмы. Я боялся, что потерял направление, когда внезапно перед моими глазами из-за песчаного занавеса возникла темная дыра — вход в одну из гробниц. Я втащил госпожу и ослика за собой, и мы, шатаясь, вошли в пещеру. Входной канал гробницы был выбит в скале. Он вел в глубину холма, а потом резко поворачивал в сторону перед входом в усыпальницу, где когда-то покоилась древняя мумия. За много лет до нас грабители могил сумели распорядиться забальзамированным телом и сокровищами. Теперь на каменных стенах остались только потускневшие фрески с изображениями богов и чудовищ, призрачно мерцавшие в тусклом свете.

Госпожа опустилась на пол у каменной стены, и первые ее мысли были о возлюбленном.

— Теперь Тан не сможет найти нас, — отчаянно закричала она. И я, человек, который спас ее, был поражен такой неблагодарностью. Я расседлал нашего ослика и сложил поклажу на пол усыпальницы. Потом нацедил в чашу воды из бурдюка и заставил ее попить.

— Что же случится с остальными, с царем и всеми нашими друзьями? — спросила Лостра, оторвавшись на мгновение от чаши. Это было так похоже на нее — она думала о благополучии других, даже когда сама попадала в беду.

— О них позаботятся охотники. Они добрые люди и знают пустыню.

Однако бурю предсказать они не смогли, угрюмо подумал я. Хотя я и пытался успокоить госпожу, но понимал, что женщинам и детям придется туго.

— А Тан? Что будет с ним?

— Ну а Тан-то точно знает, что делать в таких случаях. Он сам как бедуин. Можешь быть уверена, он видел приближение бури.

— Мы сможем вернуться к реке? Нас найдут? — Наконец-то она подумала о своей участи.

— Здесь нам ничего не угрожает. Воды хватит на много дней. Когда буря кончится, мы сами найдем дорогу к реке. — Вспомнив о драгоценной влаге, я оттащил толстый бурдюк в

глубину гробницы, чтобы ослик случайно не раздавил его. Теперь в усыпальнице было совершенно темно; я ошупью зажег масляную лампу, оставленную нам рабом, и раздул фитиль. Он запылал и заполнил погребальную камеру веселым желтым светом.

Когда я возился с лампой, стоя спиной ко входу в пещеру, госпожа моя вдруг закричала. Крик этот был так громок и в нем слышался такой смертельный ужас, что меня тут же охватила паника. Кровь, казалось, загустела в моих жилах, как мед, хотя сердце стучало в груди, как копыта бегущей газели. Одним прыжком я повернулся к выходу и потянулся к кинжалу, но как только увидел чудовище, чье тело загродило собой вход, замер, даже не коснувшись оружия рукой. Я почувствовал, что маленький клинок будет совершенно бесполезен в борьбе с таким существом.

В слабом свете лампы контуры тела чудовища расплывались. Оно походило на человека, но было слишком огромным. Судя по голове, передо мной стояло то самое ужасное крокодилоподобное чудовище из иного мира, которое пожирает сердца грешников после взвешивания их душ на весах Тота. Его изображения были здесь же на стенах усыпальницы. Голова блистала чешуей, как голова рептилии, а клюв походил на клюв орла или гигантской черепахи. Глаза, казавшиеся бездонными колодцами, безжалостно уставились на нас. Громадные крылья, подобные крыльям пикирующего сокола, росли у него за плечами. Я решил, что существо это вот-вот бросится на нас и разорвет мою госпожу сверкающими когтями. Ей, наверное, пришло в голову то же самое, потому что она снова завопила и упала ему в ноги.

Потом я внезапно понял, что крыльев у чудовища нет, а за спиной бьются на ветру складки длинного шерстяного плаща, какие носят бедуины. Мы стояли неподвижно, словно окаменев от ужаса, а существо подняло обе руки и сняло с головы позолоченный шлем с забралом, выполненный в форме головы орла. Затем оно потрясло головой, и поток золотых кудрей рассыпался по широким плечам.

— С вершины скалы я увидел, как вы идете сюда через бурю, — сказала оно таким знакомым и дорогим для нас голосом.

— Тан! — закричала госпожа, но на этот раз в голосе звенела радость.

Она подлетела к нему, будто на крыльях, и он поднял ее на руки, как ребенка, поднял так высоко, что голова коснулась каменного потолка. Потом опустил, прижав к своей груди. Устроившись у него на руках, как в люльке, она потянулась ртом к его губам, и, казалось, они выпьют друг друга, так велика была их жажда.

Забытый, стоял я в углу усыпальницы. Хотя я устроил целый заговор и рисковал многим ради их встречи, не могу заставить себя описать чувства, нахлынувшие на меня, когда стал невольным свидетелем их счастья. Я считаю ревность самым низким из человеческих чувств. И хотя я любил госпожу Лостру так же, как и Тана, любовь эта не была любовью отца или брата. Я был евнухом, но в сердце моем жила любовь мужчины, безнадежная любовь, но от этого еще более горячая. Я не мог оставаться в пещере и смотреть на них и стал, крадучись, выбираться из усыпальницы, как выпоротый щенок. Но Тан заметил меня и прервал поцелуй, который, казалось, готов был погубить мою душу.

— Таита, не оставляй меня наедине с женой царя. Останься с нами и защити нас от ужасного искушения. Наша честь в опасности. Я не могу доверять себе. Ты должен остаться здесь и проследить за тем, чтобы я не опозорил жену фараона.

— Уходи, — закричала госпожа Лостра из его объятий. — Оставь нас одних. Я не желаю больше слушать ваши разговоры о чести и позоре. Нам так долго отказывали в нашей любви! Я не могу дожидаться, пока сбудется пророчество лабиринтов. Сейчас же оставь нас одних, милый Таита.

Я бросился из усыпальницы, как будто смерть гналась за мной. Я бы, наверное, бежал в пустыню и погиб в песчаной буре, найдя облегчение в смерти. Но я слишком большой трус, а потому позволил ветру загнать меня обратно. Спотыкаясь, дошел до поворота во входном коридоре, где ветер не бил в лицо, и опустился на каменный пол. Замотал голову платком, чтобы закрыть глаза и уши, однако даже рев бури в скалах не мог заглушить звуки,

доносившиеся из усыпальницы.

Два дня буря ревела, не умолкая. Часть этого времени я проспал, стараясь забыться, но всякий раз, когда я просыпался, снова слышал их, и звуки любви мучили меня. Может показаться странным, но я не испытывал подобного горя, когда моя госпожа делила постель с царем. Однако, с другой стороны, ничего странного в этом не было, так как старик ничего не значил для нее.

Теперь же я погрузился в новый мир пыток. Легкие вскрики, стоны и шепот разрывали мое сердце. Ритмические всхлипывания молодой женщины, в которых не было боли, казалось, вот-вот погубят меня. Громкий крик окончательного восторга обжигал сильнее, чем удар кастрационного ножа.

Наконец ветер постепенно затих, и его рев превратился в стон. Свет снаружи усилился, и я понял, что начинается третий день моего заточения в этой могиле. Я поднялся на ноги и окликнул их, не осмеливаясь войти во внутреннее помещение усыпальницы. Сначала никто не отвечал, а потом госпожа моя заговорила хриплым, изумленным голосом, словно эхо потустороннего мира, раздавшееся в пещере:

— Таита, это ты? Мне почудилось, будто я умерла во время бури и меня отнесло к западным полям рая.

МЫ НЕ МОГЛИ долго оставаться в пещере, когда самум прошел. Царские охотники уже наверняка искали нас. Буря полностью оправдывала наше отсутствие: выживших участников охоты, без сомнения, разбросало по страшным безводным холмам на границе пустыни. Однако поисковый отряд не должен обнаружить нас в обществе Тана.

Мы с Таном едва успели обменяться парой слов за последние несколько дней, а нам нужно было многое обговорить. Стоя у входа в усыпальницу, мы торопливо обсуждали наши будущие действия.

Госпожа моя была тихой и спокойной. Раньше мне редко удавалось видеть ее такой. Она больше не была прежней неутомимой болтушкой и с какой-то новой значительностью стояла рядом с Таном, глядя ему в лицо. И напоминала мне жрицу, которая совершает богослужение перед статуей своего божества. Глаза не отрывались от его лица, она то и дело протягивала руку, чтобы коснуться и удостовериться, он ли стоит перед ней.

Когда Лостра касалась Тана, он замолкал, о чем бы ни говорил перед этим, и смотрел в ее темно-зеленые глаза.

Мне приходилось окликать его, чтобы напомнить о незаконченных делах. Перед лицом такого обожания мои собственные чувства казались низкими и грязными. Я заставлял себя радоваться за них.

Наш разговор занял много времени, что вовсе не было благоразумным. Я обнял Тана на прощание и погнал нашего ослика из пещеры в рассеянное сияние, которое наполняло воздух, светившийся от тонкой желтой пыли. Госпожа моя задержалась внутри, и я подождал ее внизу у подножия холма.

Оглянувшись, я увидел, как они вышли из пещеры. Остановились и долго смотрели друг на друга, не прикасаясь, потом Тан повернулся и большими шагами пошел прочь. Госпожа глядела ему вслед, пока он не скрылся из вида, затем спустилась ко мне. Шла, будто во сне.

Я помог ей взобраться в седло, и, когда поправлял подпругу, она наклонилась и взяла меня за руку.

— Благодарю тебя, — просто сказала Лостра.

— Я не стою твоей благодарности.

— Я — самое счастливое существо в мире. Все, что ты рассказал мне о любви, правда. Прошу тебя, порадуйся за меня, даже если... — Фраза считалась незаконченной, и я внезапно понял, что она знает самые тайные мои чувства. И в своей великой радости печалится, что причинила мне боль. В этот миг мне казалось, что я любил ее больше, чем когда бы то ни было.

Я отвернулся и пошел вперед, ведя ослика в поводу. Мы направились к Нилу.

ОДИН из царских охотников разглядел нас с дальнего холма и, приблизившись, весело окликнул.

— Мы разыскиваем вас по приказу царя, — сообщил он, поспешно подбегая к нам.

— Царь спасен? — спросил я.

— Цел и невредим и сейчас находится в своем дворце на острове Элефантина. Приказал привести к нему госпожу Лостру, как только ее найдут.

Когда мы сошли на пристань у дворца, Атон уже был там, пыхтя от облегчения и раздувая свои крашенные щеки. Он сутился вокруг госпожи.

— Охотники обнаружили тела двадцати трех несчастных, погибших во время бури, — сказал постельничий с каким-то отвратительным наслаждением. — Все были уверены, что и вас также найдут мертвыми. Я же, однако, молился в храме Хапи за ваше счастливое возвращение.

Атон, казалось, был очень доволен собой, и меня разозлила его попытка присвоить себе спасение моей госпожи. Он едва дал нам время помыться на скорую руку и смазать сухую кожу благовонными маслами, прежде чем потащил нас на встречу с царем.

Фараон был по-настоящему растроган, когда госпожа моя снова вернулась к нему. Я уверен, он начал любить ее не меньше других своих жен, и не только за то, что она обещала ему бессмертие в лице его сына. Слеза скатилась с ресниц и чуть смазала грим на щеке, когда госпожа встала на колени перед ним.

— Я думал, ты погибла, — сказал Мамос и уже хотел обнять ее, но дворцовый этикет помешал этому, — а вместо этого нахожу, что ты стала еще красивее и милее, чем когда бы то ни было. — Это было правдой; любовь, словно колдовство, наделила мою госпожу сиянием золота.

— Таита спас меня, — сообщила она фараону. — Он отвел меня в укрытие и охранял все эти ужасные дни. Без него я бы погибла, как и многие другие несчастные.

— Это правда, Таита? — спросил фараон, и я, придав своему лицу самое скромное выражение, пробормотал:

— Я всего лишь скромное орудие в руках богов.

Он улыбнулся мне, потому что и меня тоже полюбил в последнее время.

— Ты оказал мне множество полезных услуг, о смиренное орудие богов! Однако последняя твоя услуга самая ценная. Подойди ко мне! — и я преклонил колено перед ним.

Атон встал сзади меня с маленьким ларцом кедрового дерева в руках. Он открыл крышку и протянул ларец царю. Фараон достал золотую цепь. Она была сделана из чистейшего золота и несла на себе отметку царских ювелиров, свидетельствующую о том, что вес ее составляет двадцать дебенов.

Царь поднял цепь у меня над головой и заговорил певучим голосом:

— Я награждаю тебя «Золотом похвалы». — Он опустил цепь на мои плечи, и тяжесть золота наполнила меня радостью. Награда эта — знак высочайшей благосклонности фараона, обычно ею награждали военачальников, послов или высокопоставленных чиновников, таких, как вельможа Интеф. Сомневаюсь, чтобы за всю историю Египта эта золотая цепь когда-либо возлагалась на шею низкого раба.

Однако это не было единственной наградой, которой суждено было свалиться на меня, так как госпожа моя не могла позволить, чтобы кто-то превзошел ее. Тем вечером, когда я прислуживал ей во время купания, она вдруг отпустила рабов и сказала мне, встав передо мной совершенно обнаженной:

— Ты можешь помочь мне одеться, Таита. — Она позволяла воспользоваться этой привилегией только в минуты особого ко мне расположения. Знала, как я наслаждался теми мгновениями, когда мы оставались с ней наедине в столь интимной обстановке.

Ее прелести скрывали только блестящие локоны черных волос. Казалось, что дни, проведенные с Таном, наполнили все существо этой юной женщины новой красотой. Она

сияла. Как лампа, помещенная в кувшин из алебастра, светится через его прозрачные стены, так же лучилась госпожа Лостра.

— Мне даже не снилось, что тело мое, этот жалкий сосуд, может вмещать столько радости, — с этими словами она оглядела себя и погладила по бедрам, словно приглашая меня сделать то же самое. — Все, что ты обещал мне, сбылось, пока я была с Таном. Фараон наградил тебя «Золотом похвалы», и мне тоже следует показать, как я ценю тебя. Я хочу, чтобы и ты разделил мое счастье.

— Служить тебе — единственная желанная награда.

— Помоги мне одеться, — приказала она и подняла руки над головой. Грудь изменили свою форму. В течение всего этого года я наблюдал, как они росли и из маленьких незрелых фиников превратились в округлые гранаты цвета густых сливок, более прекрасные, чем драгоценные камни или мраморные статуэтки. Я поднял над ней прозрачное ночное одеяние и медленно опустил его. Оно тихо соскользнуло на тело. Одежда закрыла, но не скрыла ее прелести так же, как утренняя дымка не может скрыть красоту вод Нила на рассвете.

— Я приказала устроить пир и разослала приглашения царским женам.

— Очень хорошо, госпожа. Я прослежу за этим.

— Нет, нет, Таита. Это будет пир в твою честь. Ты будешь сидеть рядом со мной, как гость.

Эта мысль потрясла меня не меньше, чем та дикая выходка, которую она позволила себе недавно.

— Так не подобает, госпожа. Ты нарушишь обычаи.

— Я жена фараона. Я устанавливаю обычаи. Во время пиршества я сделаю тебе подарок и преподнесу его на виду у всех.

— Ты мне скажешь, что это за подарок? — с трепетом спросил я. Невозможно угадать, что придет ей в голову через минуту.

— Конечно, скажу, — таинственно улыбнулась она. — Это секрет, вот что это.

ХОТЯ Я и был почетным гостем, но не мог себе позволить оставить приготовление пиршества на поваров и смешливых рабынь. В конце концов от этого зависела репутация моей госпожи как хозяйки. Еще до рассвета я отправился на рынок, чтобы купить самые свежие дары полей и реки. Я пообещал Атону, что его тоже пригласят на этот пир, и он открыл для меня царские винные погреба и позволил выбрать вина. Я нанял лучших музыкантов и акробатов города и отрепетировал с ними представление. Послал рабов собирать гиацинты, лилии и лотосы по берегам реки, чтобы добавить букеты к цветам, уже украшавшим наш сад. Плетельщики сплели небольшие ковчеги из трав, куда я положил лампы из цветного стекла и пустил их плавать в прудах нашего сада. Для каждого гостя приготовил кожаные подушки и гирлянды цветов, кувшины с благовонными маслами, которыми они должны были охлаждать себя душной ночью, отгоняя запахом благовоний москитов.

С наступлением темноты стали прибывать царские жены в аляповатых роскошных нарядах. Отдельные даже побрили свои головы, чтобы заменить естественные волосы сложными париками из волос бедных женщин, которым приходится продавать их, чтобы прокормить детей. Я терпеть не мог этой моды и дал себе слово сделать все возможное, чтобы помешать моей госпоже следовать ей и предотвратить подобную глупость с ее стороны. Роскошные локоны Лостры всегда доставляли мне наслаждение. Однако, когда речь идет о моде, даже самой разумной женщине нельзя доверять.

Когда я, по настоянию своей госпожи, уселся на подушки рядом с ней вместо того, чтобы занять свое обычное место за ее спиной, многие гости, как я заметил, были ошеломлены таким нарушением приличий и стали шептаться друг с другом, загородившись веерами. Я чувствовал себя так же неудобно, как и они и, пытаясь скрыть свое смущение, дал рабам знак, чтобы чаши гостей наполнились вином, музыканты заиграли, а танцоры начинали пляски.

Вино было крепким, музыка возбуждающей, а танцоры все были мужчины. Они открыто демонстрировали свой пол, так как я приказал танцевать без одежды. Дамы были так очарованы их танцем, что скоро забыли о недавнем скандале и отдали должное вину. Я не сомневался, что многие из танцоров не оставят гарем до рассвета. У царских жен неутолимые аппетиты, и кое-кого из них царь не посещает годами.

И вот среди всеобщего веселья моя госпожа поднялась и призвала гостей к тишине. Потом стала хвалить меня перед ними в столь невероятных выражениях, что даже я покраснел. Она рассказывала забавные и трогательные эпизоды из нашей совместной жизни. Вино смягчило отношение женщин ко мне, и они смеялись и хлопали в ладоши. Некоторые даже всплакнули от избытка чувств и выпитого вина.

Наконец моя госпожа приказала мне встать перед ней на колени, и, когда я сделал это, гости зашептались. Я решил надеть простую юбку тончайшего полотна, а рабы наилучшим образом убрали мои волосы. Если не считать «Золота похвалы», украшений на мне не было. Простота моей одежды поражала в окружении столь роскошных нарядов. Постоянные купания и физические упражнения позволили мне сохранить сильное и стройное тело, в свое время так привлекавшее Интефа. А в те годы я был в расцвете своих сил.

Я услышал, как одна из старших жен прошептала своей соседке.

— Как жаль, что он потерял свои украшения. Он был бы такой занятной игрушкой.

В тот вечер я мог простить слова, которые в других обстоятельствах причинили бы мне острую боль.

Госпожа моя, казалось, была очень довольна собой. Ей удалось скрыть от меня, в чем состоял ее подарок. Обычно у нее не получалось перехитрить меня. Теперь же она посмотрела на меня сверху вниз и заговорила медленно и ясно, и голос зазвенел от беспредельной радости:

— Раб Таита, все эти годы ты был моим щитом, моим учителем и покровителем. Ты научил меня читать и писать. Ты открыл мне тайны звезд и высоких искусств. Ты научил меня петь и плясать. Ты научил меня находить радость и удовольствие во многих вещах. Я благодарна тебе.

Царские жены снова начали беспокойно шептаться. Они еще ни разу не слышали, чтобы раба так безудержно восхваляли.

— В день Самума ты оказал мне услугу, за которую я должна тебя вознаградить. Фараон возложил на тебя «Золото похвалы». Я приготовила тебе свой подарок.

Она вынула из складок одежды свиток папируса, скрепленный цветным жгутом.

— Ты стоишь передо мной на коленях, как раб, встань же и будь свободным. — Она протянула мне папирус. — Вот твоя вольная, приготовленная писцами двора. С этого дня ты свободный человек.

Я поднял голову первый раз за все это время и уставился на нее, не веря своим ушам. Она сунула свиток папируса мне в руки и с любовью улыбнулась мне.

— Ты не ожидал этого, правда? Ты так удивлен, что у тебя нет слов. Скажи мне что-нибудь, Таита. Скажи мне, как ты благодарен мне.

Каждое ее слово отравленной стрелой вонзалось в мое сердце. Язык мой тяжелым камнем лежал во рту, и я старался представить себе жизнь без нее. Став свободным человеком, мне придется навсегда покинуть Лостру. Я больше никогда не буду готовить ей пищу, прислуживать во время купания. Не буду стелить ей постель, когда она соберется спать, и будить на рассвете, не смогу быть рядом с ней, когда она открывает свои прекрасные темно-зеленые глаза навстречу каждому новому дню. Я больше не буду петь ей, держать чашу и помогать одеваться, я никогда больше не смогу наслаждаться видом ее прелестей.

Пораженный, я безнадежно смотрел на нее, как человек, чья жизнь подошла к концу.

— Будь же счастлив, Таита, — приказала она. — Будь же счастлив новой свободой, дарованной тебе мною.

— Я никогда больше не буду счастлив! — вырвалось у меня. — Ты выбрасываешь

меня на улицу. Как могу я быть счастливым теперь?

Улыбка ее погасла, и она в смятении глядела на меня.

— Я предлагаю тебе самый драгоценный подарок, который могу тебе дать. Я предлагаю тебе свободу.

Я покачал головой.

— Ты обрушиваешь на меня самое суровое наказание. Ты прогоняешь меня. Я никогда больше не узнаю счастья.

— Это не наказание, Таита, я хотела вознаградить тебя. Пожалуйста, пойми меня!

— Единственная награда, которой я бы желал, — это оставаться рядом с тобой всю жизнь. — Я почувствовал, как глаза мои наполняются слезами, и постарался не расплакаться. — Пожалуйста, госпожа моя, не прогоняй меня, если я хоть немного дорог тебе!

— Не плачь, — приказала она. — Если ты будешь плакать, я тоже расплачусь перед всеми гостями. — Я искренне верил, что до этого момента она не задумывалась о последствиях своей неразумной щедрости, так поспешно выдуманной ею. Слезы потекли у меня из глаз и заструились по щекам.

— Прекрати! Я не хотела этого. — Ее слезы потекли вслед за моими. — Я только хотела оказать тебе честь подобно нашему царю.

Я протянул ей свиток.

— Пожалуйста, разреши мне разорвать эту глупость на мелкие кусочки. Возьми меня обратно к себе в услужение! Позволь мне занять подобающее место за твоей спиной!

— Прекрати же, Таита! Ты разбиваешь мое сердце. — Она громко всхлипнула, но я был безжалостен.

— Единственный дар, который я хочу получить от тебя, это возможность и право служить тебе до конца моей жизни. Умоляю, госпожа, отмени эту вольную. Позволь мне порвать ее.

Она отчаянно закивала, захныкав, как в детстве, когда падала и разбивала коленку. Я разорвал свиток папируса пополам. Не удовлетворившись этим, поднес обрывки к пламени лампы и подождал, пока они превратились в черные кусочки золы.

— Обещай мне, что не попытаешься прогнать меня! Поклянись, что никогда больше не заставишь меня быть свободным.

Она кивнула мне сквозь слезы, но этого мне было мало.

— Скажи это, — настаивал я, — скажи это вслух, чтобы все услышали тебя.

— Я обещаю держать тебя своим рабом и никогда не продавать тебя и не давать тебе вольную, — хрипло прошептала она сквозь слезы, потом хитренькая искорка сверкнула в ее горестных темно-зеленых глазах, — если, конечно, ты не разозлишь меня чрезмерно, потому что тогда я немедленно призову писцов и напишу вольную. — Она протянула мне руку и подняла с колен. — Вставай, глупец, и займись делом. Клянусь, моя чаша пуста.

Я занял положенное место за ее спиной и наполнил чашу. Подвыпившие гости решили, что мы хотели развлечь их и устроили представление. Они хлопали в ладоши, свистели и швыряли в нас цветочные лепестки в знак одобрения. Я видел, как все с облегчением вздохнули, когда поняли, что приличия не нарушены и раб остался рабом.

Моя госпожа поднесла чашу к губам, но перед тем, как отпить немного, улыбнулась мне. Хотя глаза ее все еще были влажны от слез, улыбка ободрила меня и вернула мне счастье. Я долгие годы не чувствовал такой близости с ней, как в тот вечер.

УТРОМ следующего дня мы увидели, что вода в реке начала подниматься и наступило ежегодное половодье. Мы и не подозревали об этом, пока не раздались веселые крики сторожей с пристаней вокруг города. С тяжелой от вина головой я оставил постель и побежал к реке. Вдоль обоих берегов уже собрались жители города. Все приветствовали половодье молитвами, пели и размахивали пальмовыми ветвями. Низкая вода в Ниле ярко-зеленого цвета, как налет на слитках меди. Половодье уносит зелень прочь, и вода

становится грязного серого цвета. За ночь она поднялась на половину высоты свай порта и очень скоро подступит к земляным дамбам набережной. Тогда она найдет дорогу в устья оросительных каналов, дно которых многие месяцы оставалось сухим и потрескалось от жары. По ним бурными потоками вода хлынет на поля и затопит хижины крестьян, смывая межи.

Наблюдение за полями и восстановление границ между ними после половодья было возложено на стража вод. Когда-то вельможа Интеф увеличил свое состояние, благоприятствуя запросам богатых и щедрых, когда приходил черед устанавливать межевые камни.

Вверху по течению реки раздавался отдаленный рокот порогов. Поднимающаяся вода закрыла естественные гранитные преграды и теперь неслась по ущелью, вздымая к небу тучи брызг. Серебряный столб водяной пыли вознесся так высоко, что был виден в любом месте нома Асуана. Когда первый порыв ветра донес брызги до острова, они свежей прохладой опустились на наши лица. Мы наслаждались этим благословением богов, так как в нашей стране другого дождя не бывает.

Казалось, поднимающаяся вода на глазах покрывает пляжи вокруг острова. Очень скоро наша пристань окажется под водой, и волны реки заплещутся вокруг сада. Где вода остановится, можно будет подсчитать только после тщательного изучения уровня воды в Ниломере. От результатов этих измерений зависели процветание или голод всей страны и каждого человека в Египте. Я поспешил к своей госпоже, чтобы подготовиться к церемонии вод, где мне придется играть одну из ведущих ролей. Мы оделись в лучшие наши наряды, и я повесил себе на шею новую золотую цепь. Затем вместе со всеми домашними и всеми женщинами царского гарема мы присоединились к общему шествию в храм Хапи.

Шествие это возглавляли фараон и все великие вельможи Египта. Жрецы, пухлые и розовые от сытной жизни, ждали нас на ступеньках храма. Головы их были выбриты, и чистые смазанные маслом черепа блестели на солнце, а глаза сверкали от жадности, потому что сегодня царь принесет щедрые дары храму.

В присутствии царя статую богини вынесли из святилища и украсили цветами и алым полотном. Затем статую смочили душистыми маслами и благовониями, а все окружающие пели гимны и благодарили богиню за ниспослание половодья.

Далеко к югу, в землях, где никогда не ступала нога цивилизованного человека, богиня Хапи сидела на вершине горы с двумя огромными кувшинами неизмеримого объема и выливала священные воды в свой Нил. Из одного кувшина струилась зеленая и сладкая вода, из другого — серая и тяжелая от ила, которая заливала поля каждый год и заряжала их новой жизнью и плодородием.

Пока все пели, царь принес в жертву зерно и мясо, вино, серебро и золото. Потом он призвал мудрецов, горняков и математиков и приказал им войти в Ниломер и приняться за свои вычисления.

Когда я принадлежал вельможе Интефу, меня назначили одним из хранителей воды. Я был единственным рабом в этом блистательном собрании, но теперь утешал себя тем, что немногие из моих коллег носили на шее «Золото похвалы», и поэтому они обращались со мной с уважением. Они и раньше работали со мной и знали мне цену. Я помогал сконструировать Ниломер, который определяет расход воды в реке, и именно я наблюдал за его строительством и придумал сложную формулу, позволявшую высчитывать высоту и объем каждого половодья.

Путь нам освещали факелы из просмоленных связок хвороста. Следом за верховным жрецом я прошел ко входу в Ниломер по темному коридору в задней части святилища. Мы спускались по наклонному стволу шахты, и каменные ступени были скользкими от слизи и речных испарений. Изпод наших ног, шурша, уползла черная водяная кобра и с яростным шипением нырнула в темную воду, которая уже поднялась на половину глубины шахты.

Мы собрались на последней, еще не покрытой водой ступени и в свете факелов изучили метки, оставленные каменщиками на стенах шахты. Каждый из символов имел свое

особое значение, как практическое, так и магическое.

Мы провели первое и наиболее важное измерение вместе и сделали его с особой тщательностью. В последующие пять дней по очереди будем возвращаться сюда, записывать уровень подъема воды и сверять свои измерения с показаниями водяных часов. По образцам воды определим приблизительно, сколько в ней ила. Все это поможет сделать необходимые выводы.

Когда закончатся первые пять дней наблюдений, мы займемся вычислениями и потратим на них три дня. Они покроют множество свитков папируса. Затем, наконец, мы будем готовы представить наши вычисления царю. В этот день фараон в полном облачении возвращается в храм со всей своей свитой. С ним приходят все вельможи страны и половина жителей Элефантины. Все ожидают результатов.

В тот год, когда верховный жрец начал читать вычисления, царь улыбнулся. По нашим заключениям, половодье должно было стать совершенным. Оно будет не слишком низким — поля покроются водой и не лишатся черного слоя ила, так необходимого для плодородия, но и не слишком высоким — не размост каналы и дамбы, не затопит деревни и города, расположенные вдоль реки. Мы получим богатый урожай, и стада будут сыты.

Фараон улыбался, но улыбался он не столько благоденствию своих подданных, сколько тем сокровищам, которые попадут в казну через сборщиков податей. Ежегодные поступления налогов также зависели от высоты половодья, и в этом году огромные сокровища добавятся к уже имеющимся в хранилищах его погребального храма. В заключение церемонии освящения вод в храме Хапи фараон объявил дату своего ежегодного отплытия в Фивы для участия в празднике Осириса. Казалось невозможным, что два года прошло с тех пор, как моя госпожа сыграла роль богини в мистерии Осириса.

Той ночью я спал так же мало, как в те дни, когда приходилось следить за подъемом воды в шахте Ниломера, потому что госпожа моя была слишком возбуждена и не ложилась спать. Она заставляла меня сидеть с ней до рассвета. Мы пели и смеялись, повторяя друг другу рассказы о Тане, которые она не уставала слушать.

Через восемь дней царская флотилия отплывет на север с поднимающейся полой водой. Когда мы прибудем, Тан, вельможа Харраб, будет ждать нас в Фивах. Госпожа моя обезумела от счастья.

ЦАРСКАЯ флотилия, собравшаяся перед пристанями Элефантины, была так велика, что можно, казалось, пересечь реку по палубам кораблей. Госпожа моя шутливо заметила, что готова перейти Нил, не замочив ног, ступая с одной ладьи на другую, как по мосту. Над каждой ладьей и баркой развевались вымпелы и флаги, и вся флотилия выглядела очень красиво.

Мы с госпожой и двор фараона успели погрузиться на отведенные суда и с палуб приветствовали царя, когда он спустился по мраморным ступеням дворца и поднялся на борт огромной барки государства. Как только он занял свое место, сотни рогов протрубили сигнал к отплытию. Как одно судно, вся флотилия пошла вперед, взяв курс на север.

С тех пор как Ак Гор разбил сорокопутов, в стране совершенно изменилось настроение людей. Население каждой деревни, мимо которой мы проплывали, выходило на берег и приветствовало царя. Фараон сидел на высокой надстройке в своей тяжелой двойной короне, чтобы каждый мог как следует разглядеть его. Люди махали пальмовыми ветвями и кричали: «Пусть боги улыбнутся фараону!» Река несла мимо не только их царя, но и обещание нового благоденствия, и они были счастливы.

Дважды за время путешествия фараон и свита выходили на берег, чтобы осмотреть монументы, возведенные Ак Гором в знак его пребывания на перекрестках караванных путей. Местные крестьяне сохранили эти отвратительные кучи черепов как священную реликвию нового бога. Они отполировывали каждый череп, пока он не начинал сверкать, как слонобая кость, и скрепляли пирамиды строительной глиной, чтобы годы не разрушили их. Затем построили храмы вокруг пирамид и назначили жрецов служить в новых святилищах.

В обоих святилищах госпожа оставила в качестве жертвоприношения по золотому кольцу, и самозванные хранители храмов радостно приняли эти дары. Тщетно возражал я против таких излишеств. Госпоже моей часто не хватало уважения к богатству, которое я столькими трудами собирал для нее. Без моей удерживающей руки она бы наверняка отдала все жадным жрецам и ненасытным беднякам и улыбалась бы при этом.

На десятый день после отплытия из Элефантины царская свита встала лагерем на красивом мысу, возвышавшемся над поворотом реки. В тот вечер нас должен был развлекать один из самых знаменитых сказочников страны. Госпожа моя любила сказки больше всего на свете. Мы с ней с нетерпением ожидали этого вечера и горячо обсуждали его, еще отправляясь из дворца. И вдруг, к моему удивлению и разочарованию, госпожа Лостра заявила, что слишком устала, плохо себя чувствует и не пойдет слушать сказочника. Хотя она настаивала на том, чтобы я пошел туда и захватил остальных домашних, я не мог оставить ее, когда ей было плохо. Я дал ей горячего отвара и спал на полу возле кровати, чтобы оказаться поблизости, если понадобится ночью.

Утром меня очень встревожило то, как она просыпалась. Обычно вскакивала со своей кровати, с улыбкой предвкушая новый день, и жадно впитывала радости жизни. Однако на этот раз снова натянула простыни на голову и пробормотала:

— Дай мне поспать еще немного. Мне тяжело, будто я старуха.

— Царь объявил, что мы отправимся рано. Мы должны быть на борту еще до восхода солнца. Я принесу тебе горячего отвара, он тебя подбодрит. — Я залил кипящей водой чашу с травами, которые собрал собственными руками в нужную фазу луны.

— Перестань суетиться, — ворчала она, но я не дал ей спать, растолкал и заставил выпить отвара. Лостра скорчила гримасу.

— Клянусь, ты хочешь меня отравить, — пожаловалась она, а потом без всякой причины ее вдруг обильно вырвало. Я ничего не успел предпринять.

Ее это поразило не меньше, чем меня. Мы оба в ужасе усталились на вонючую лужу у кровати.

— Что со мной, Таита? Такого еще никогда не бывало. Только тогда я все понял.

— Самум! — вскричал я. — Кладбище Трас! Тан!

Некоторое время она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, ничего не понимая. Затем улыбка осветила темный шатер, как лампа.

— У меня будет ребенок!

— Не так громко, госпожа, — взмолился я.

— Ребенок Тана, во мне ребенок Тана!

Этот ребенок не мог быть от царя, потому что я не давал ему делить постель с госпожой с тех самых пор, как она чуть не уморила себя голодом и у нее случился выкидыш.

— О, Таита, — промурлыкала Лостра, поднимая ночную рубашку и с благоговейным восторгом осматривая плоский крепкий животик. — Подумать только! Малыш, совсем такой же, как Тан, растет внутри меня. — Она трогала живот, надеясь нащупать ребенка. — Я знала, что наслаждение, открывшееся мне в гробнице Трас, не могло пройти незамеченным богами. Они оставили мне памятку, которая останется на всю жизнь.

— Не будем спешить, — предупредил я. — Может быть, это колики. Нужно провести испытание, чтобы удостовериться в этом.

— Мне не нужно испытаний. Я чувствую это своим сердцем: он там, в тайной глубине моего тела.

— И тем не менее мы все равно проведем испытание, — кисло сказал я и пошел за горшком. Она уселась над ним, чтобы дать мне первую мочу после ночи. Я разделил ее на две равные части.

Первую часть я смешал пополам с нильской водой. Затем наполнил два кувшина черноземом и в каждый посадил по пять семян проса. Один кувшин я полил чистой нильской водой, а другой — жидкостью, которой снабдила меня госпожа. Это было первым испытанием.

Потом я пошел в камыши на берегу лагуны у лагеря и поймал десять лягушек. Только это были не веселые желто-зеленые лягушки с длинными ногами, а скользкие черные существа, головы которых практически не отделены шеей от тяжелых жирных тел. Глаза у них расположены на самой макушке, поэтому дети часто называют их звездочетами.

Я посадил по пять звездочетов в два кувшина с речной водой. В один из них добавил интимные испражнения госпожи, а другой оставил чистым. На следующее утро, уединившись с госпожой в ее каюте на борту ладьи, мы сняли ткань, покрывавшую кувшины, и изучили их содержимое.

Зерно, политое госпожой Лострой, пустило маленькие зеленые ростки, а в другом кувшине семена остались безжизненными. Пять звездочетов, не получивших благословения моей госпожи, так и сидели в кувшине, а другие, более удачливые, отложили по длинной серебристой нитке, усыпанной черной икрой.

— Я же говорила тебе, — самодовольно прошептала госпожа, прежде чем я успел произнести свой диагноз. — О, благодарение богам! Ничего более прекрасного не случилось со мной.

— Мне придется немедленно поговорить с Атоном. Этой же ночью ты разделишь постель с царем, — угрюмо сказал я, и она растерянно уставилась на меня.

— Даже фараон, который принимает на веру все мои сказки, не поверит, что ты понесла от семени, принесенного самумом. Нам придется обеспечить нашему маленькому ублюдку отчима. — Я уже считал этого ребенка нашим, а не только ее. Хотя я и пытался скрыть свое отношение за легкомысленными словами, зачатие наполнило меня таким же счастьем, как и Лостру.

— Не смей называть его ублюдком, — вскинулась она. — Он будет царевичем.

— Царевичем он будет, только если я найду ему царственного отца. Приготовься, я иду говорить с царем.

— МНЕ БЫЛ СОН прошлой ночью, о Величие Египта, — сказал я фараону, — и этот сон был настолько удивителен, что я снова обратился к лабиринтам Амона-Ра за подтверждением. Фараон в нетерпении наклонился ко мне, потому что стал верить в мои сны и лабиринты, как и все остальные пациенты.

— На этот раз смысл видения однозначен. Во сне, ваше величество, богиня Исида явилась ко мне и обещала преодолеть злобное влияние брата Сета, так жестоко лишившего тебя первого сына, поразив госпожу Лостру изнурительной болезнью. Раздели постель с моей госпожой в первый день праздника Осириса, и боги благословят тебя еще одним сыном. Таково обещание богини.

— Сегодня канун праздника. — Царь был в восторге. — По правде говоря, Таита, я был готов выполнить свои обязанности все эти месяцы, если бы ты разрешил мне. Но ты не рассказал, что увидел в лабиринтах Амона-Ра. — Он снова с нетерпением наклонился ко мне, а я охотно начал свой рассказ.

— Видение было таким же, как и в прошлый раз, однако теперь оно стало более сильным и ясным. Я увидел тот же самый бесконечный лес, растущий по берегам реки, и каждое дерево несло на своей вершине корону и знаки царского величия. Твоя династия протянется через века сильной и непрерывной цепью.

Фараон удовлетворенно вздохнул.

— Пришли ко мне это дитя.

Когда я вернулся в шатер, госпожа уже ждала меня. Она приготовилась и отнеслась ко всему с должным великодушием и чувством юмора.

— Я закрою глаза и вообразу себя в усыпальнице гробницы Трас с Таном, — призналась она, а потом со смехом заявила: — Хотя вообразить царя в образе Тана — это все равно, что спутать хвостик мыши с хоботом слона.

Вскоре после обеда Атон пришел к нам, чтобы доставить ее в шатер царя. Она отправилась к нему твердой походкой, со спокойным лицом, мечтая, наверное, о своем

маленьком царевиче и о его истинном отце, который ждал нас в Фивах.

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ Фивы, красавец город ста ворот! С какой радостью мы увидели его впереди, украсившего широкий берег реки своими храмами и сверкающими стенами!

Моя госпожа певуче вскрикивала от восторга при виде каждого знакомого места. Затем, когда барка царя подошла к пристани чуть ниже дворца великого визиря, радость возвращения домой покинула нас, и мы замолчали. Госпожа Лостра ощупью нашла мою руку и вцепилась в нее, как маленькая девочка, напуганная рассказами о гномах, — мы увидели ее отца.

Вельможа Интеф стоял с двумя сыновьями, Менсетом и Собеком, этими героями без больших пальцев на руках, и казался столь же красивым и благородным, каким я представлял его в своих кошмарах. Сердце мое дрогнуло.

— Ты должен быть настороже, — шепнула мне госпожа Лостра. — Они постараются убрать тебя со своего пути. Помни о кобре.

Чуть позади великого визиря я увидел Расфера. За время нашего отсутствия он, очевидно, продвинулся по службе. На нем был головной убор командующего десятью тысячами, а в руках золотая плетъ, соответствующая рангу. Лицо у него не выздоровело. Половина отвратительно обвисла, и слюна текла с бессильного уголка рта. Как только он узнал меня, другая половина лица ухмыльнулась. Расфер поднял золотую плетъ, насмешливо приветствуя меня с берега.

— Обещаю, госпожа моя, что рука моя будет лежать на кинжале, а есть я буду только фрукты, очищенные моими собственными пальцами, пока Расфер и я находимся в Фивах, — прошептал я и улыбнулся, ответив на приветствие веселым взмахом руки.

— Ты не будешь принимать даров от незнакомцев, — настаивала госпожа, — и будешь спать у подножия моей постели, где я смогу защитить тебя ночью. Днем ты будешь находиться рядом со мной и никуда не станешь ходить один.

— Мне это не будет досаждать, — заверил я ее. В последующие дни я сдержал свое обещание и оставался под ее непосредственной защитой, поскольку был уверен, что вельможа Интеф не посмеет рисковать своей связью с тронem, подвергая опасности собственную дочь.

Разумеется, мы часто оказывались в обществе великого визиря, потому что в его обязанности входило сопровождать царя на всех церемониях праздника. Все это время вельможа Интеф играл роль внимательного и любящего отца госпожи Лостры и обращался к ней с почтением, подобающим царской жене. Каждое утро он присылал ей дары — золото, драгоценные камни и изящные резные статуэтки, фигурки скарабеев и божеств, выполненные в слоновой кости или вырезанные из дерева драгоценных пород. Вопреки приказам госпожи, я не возвращал их ему. Не хотел тревожить врага, а кроме того, фигурки эти представляли ценность. Я тайно продавал их и вкладывал выручку в запасы зерна, хранившиеся для нас в амбарах надежных купцов города, которые были моими друзьями.

В ожидании нового урожая цены на зерно опустились ниже, чем когда бы то ни было за последние десять лет. Они могли только вырасти, хотя нам пришлось бы немного подождать, пока получим прибыль. Купцы выдавали мне расписки на имя моей госпожи, которые я помещал в архивы судов. Одну пятую часть оставлял себе и считал, что это скромные комиссионные.

С тайным наслаждением я замечал, как вельможа Интеф наблюдает за мной своими леопардовыми глазами. Взгляд этот не оставлял никаких сомнений: чувства его ко мне не смягчились. Я помнил, с каким терпением и настойчивостью он преследовал своих врагов. Ждал в середине своей сети, как красивый паук, и глаза его поблескивали, когда он смотрел на меня. Я вспоминал чашу отравленного молока и кобру, и несмотря на все предосторожности мне становилось не по себе.

Тем временем праздник продолжался, одна традиционная церемония сменяла другую, как и многие столетия назад. Однако на этот раз другая флотилия охотилась на речных коров

в лагуне Хапи и другая труппа актеров играла мистерию в храме Осириса. По указу фараона они играли мой вариант мистерии, и слова сохранили прежнюю силу и трогательность. Только новая Исида была не так прелестна, как моя госпожа, в этой роли и Гор не поражал благородством, как Тан. В то же время Сет казался довольно привлекательным по сравнению с образом, созданным Расфером.

На следующий день после представления фараон переправился через реку, чтобы осмотреть свой храм, и старался держать меня под рукой весь день. Он советовался со мной по множеству поводов, в особенности в вопросах, связанных со строительством. Разумеется, я надевал «Золото похвалы» всякий раз, когда позволяли приличия. Вельможа Интеф не упускал ни одной мелочи; я видел, как удивляет его благосклонность царя ко мне, и надеялся, что это послужит дополнительной защитой от мести.

С тех пор как я оставил Фивы, руководить постройкой храма назначили другого архитектора. Со стороны фараона было, пожалуй, несправедливо ожидать от этого несчастного тех же результатов, каких добивался я, и той же скорости ведения работ.

— Клянусь благословенной матерью Гора! Мне очень хотелось бы поручить тебе строительство, — бормотал фараон. — Если твоя хозяйка согласится расстаться с тобой, я выкуплю тебя и поселю здесь, в Городе Мертвых, чтобы ты наблюдал за работами. Стоимость строительства почти удвоилась с тех пор, как этот глупец занял твое место.

— Он наивный молодой человек, — подтвердил я. — Каменщики и подрядчики сопрут его собственные яйца, а он даже не заметит.

— Пока что они мои яйца воруют, — мрачно ухмыльнулся царь. — Тебе нужно просмотреть вместе с ним счета за материалы и показать ему, где его обманули.

Разумеется, мне льстило такое доверие, и я уже без всякой зависти и мстительности указал на недостатки вкуса у нового архитектора, когда он переделывал задуманное мной основание фасада, и на небрежную кладку, которую мошенники каменщики уговорили его принять. От его работы веяло упадочническим сирийским стилем, вошедшим в моду в Нижнем царстве, где простонародные вкусы низкороджденного самозванца разлагали классические традиции египетского искусства.

Что же касается работы каменщиков, я показал царю, как листок папируса входит в стыки между каменными плитами в боковой стене погребального храма. Фараон приказал разобрать и основание фасада, и эту стену и оштрафовал гильдию каменщиков на пять сотен дебенов золота, которые те должны были внести в царскую казну.

Остаток дня фараон провел, осматривая сокровища в хранилищах погребального храма. Здесь, по крайней мере, ему трудно было к чему-нибудь придраться. За всю историю мира никому еще не удавалось собрать столько богатства в одном месте и в одно и то же время. Даже я, поклонник прекрасного, был ошеломлен изобилием красивых изделий, и глаза мои заболели от блеска золота.

Царь настаивал на том, чтобы госпожа Лостра постоянно находилась с ним. По-моему, его увлечение превращалось в настоящую любовь или в столь близкое подобие любви, на какое он был способен. Вследствие такой привязанности, к возвращению на другой берег реки госпожа моя совершенно выдохлась, и я испугался за ребенка. Однако еще слишком рано было говорить царю о ее положении и просить его относиться к ней с большим вниманием. Прошло меньше недели с тех пор, как она стала делить с ним постель, и столь ранний диагноз беременности, даже с моей стороны, мог возбудить у царя подозрения. Для него Лостра по-прежнему оставалась здоровой и сильной молодой женщиной, и он обращался с ней соответствующим образом.

КАК И МНОГИЕ столетия до этого, праздник закончился собранием людей в храме Осириса, где фараон должен был прочесть свою тронную речь. На каменном подиуме перед святилищем Осириса возвышался трон фараона, чтобы все собравшиеся могли видеть царя. На голове у него была двойная корона Египта, а в руках он держал посох и плеть. На этот раз в обстановке внутреннего двора храма произошли кое-какие изменения, которые я

предложил царю, а он благосклонно на них согласился. Вдоль трех стен было приказано возвести деревянные леса. Они поднимались тремя ярусами до половины высоты каменных стен, и на них нашлось место для тысяч знатных граждан Фив; оттуда открывался прекрасный вид на все происходящее. Я предложил украсить трибуны лентами и пальмовыми ветвями, чтобы скрыть уродливые деревянные конструкции. Подобные трибуны были построены впервые в нашей стране. С тех пор они стали обычными, и их начали возводить на всех общественных собраниях, вдоль пути царских процессий и вокруг полян, где проводились спортивные состязания. По сей день их называют «трибуны Таити».

Зрители отчаянно боролись за места на трибунах, но я как их изобретатель, смог обеспечить моей госпоже и себе лучшие места. Мы сидели напротив трона, чуть выше головы царя, поэтому прекрасно видели весь внутренний двор. Для госпожи Лостры я принес кожаную подушку, набитую овечьей шерстью, и корзину с фруктами и пирогами, а также кувшины с шербетом, вином и пивом, чтобы было чем подкрепиться во время бесконечно длинной церемонии.

Вокруг нас расположились самые знатные люди страны, мужчины и женщины, разодетые по последней моде. Военачальники и флотоводцы стояли под флагами своих отрядов и держали в руках золотые плети, гордо выставляя напоказ награды. Там же сидели старшины гильдий и богатые купцы, жрецы и послы вассальных государств империи — вся знать города собралась на трибунах.

Перед царем протянулись двory храма, которые открывались один в другой, как помещения в детском лабиринте, но стены и ворота были расположены таким образом, чтобы через внутренние ворота паломник, стоящий на аллее Священных Баранов за основными воротами храма, видел царя на высоком троне с расстояния в четыреста шагов.

Дворы храма заполняли толпы простого люда, а те, кому не хватило места, расположились на священной аллее и в садах за храмовыми стенами. Хотя я и прожил всю свою жизнь в Фивах, но ни разу не видел такого гигантского скопления народа. Сосчитать всех было невозможно; по моим оценкам, здесь собралось около двухсот тысяч человек. От них поднимался такой гул, что даже я чувствовал себя пчелой в огромном гудящем улье.

Вокруг трона собралась маленькая группа высших сановников государства. Их головы находились на уровне ног фараона. Разумеется, верховный жрец Осириса находился среди них. За последний год старый верховный жрец покинул сей бренный мир и отправился в путь по подземному царству к западным полям вечного рая. Новый был моложе и тверже характером. Я знал, что вельможе Интефу будет не так-то просто управлять им. И в самом деле, он содействовал мне в кое-каких не совсем обычных приготовлениях к сегодняшней церемонии, которые я предпринял между делом, занимаясь строительством трибун Таиты.

Однако внушительнее всех среди сановников выглядел великий визирь — его можно было сравнить лишь с фараоном. Глаза присутствующих невольно останавливались на вельможе Интефе. Он был высок, сказочно красив и держался величественно. Многочисленные цепи Золота похвалы» возлежали на его плечах и груди, а сам он казался одним из богов египетского пантеона. Позади него виднелась отвратительная фигура Расфера.

По традиции вельможа Интеф открыл церемонию, выйдя вперед в открытое пространство перед троном, и начал приветственную речь от имени двух городов Фив. Когда он заговорил, я тайком бросил взгляд на госпожу. Несмотря на то что я разделял ее ненависть, меня потрясло выражение гнева и отвращения, открыто появившееся на прекрасном лице. Я хотел было предостеречь, чтобы она прятала свои чувства от окружающих, но понимал: моя попытка только привлечет внимание к ней.

Великий визирь говорил долго, перечисляя свои собственные подвиги и услуги, оказанные им фараону за последний год. Люди в толпе шептались и переминались с ноги на ногу от неудобства. От скопления тел исходил жар, а горячие лучи солнца — почти отвесно падали на заполненные людьми душные дворы храма. Время от времени я видел, как женщины падали в обморок.

Когда вельможа Интеф кончил речь, верховный жрец Осириса занял его место и начал свою. Солнце достигло зенита. Он говорил о церковных делах Фив. Жара и вонь усиливались. Душистые масла и благовония уже не могли перебить запах горячих немывтых тел и свежего пота. Толпу нельзя было покинуть, чтобы справить телесные нужды. Мужчины и женщины приседали там же, где и стояли. Во дворе храма стало вонять, как в свинарнике или в общественной уборной. Я передал госпоже шелковый платок, смоченный благовониями, и она тут же прижала его к носу.

По толпе пробежал вздох облегчения, когда верховный жрец закончил наконец свою речь, благословив царя от имени Осириса, и с глубоким поклоном вернулся на свое место позади великого визиря. Впервые с раннего утра, когда начали собираться люди, в храме наступила тишина. Скука и неудобство были забыты. Все приготовились слушать фараона.

Царь поднялся на ноги. Я поразился выносливости старика, так как все это время он сидел на троне неподвижно как статуя. Он поднял руки, благословляя собравшихся, и тут священный порядок традиций и обычаев был нарушен событием, от которого всех собравшихся — жрецов, знать и простой люд — охватил панический страх. Я был одним из немногих в толпе, кто не был удивлен, поскольку приложил немало усилий к тому, чтобы оно свершилось.

Огромные, отделанные полированной медью двери святилища распахнулись. Движение эта, казалось, произошло само по себе, без всякого участия человека, словно двери открылись по своей воле.

Легкий стон, словно шорох, пронесся по дворам храма, будто люди в плотной толпе превратились в листья на дереве. Внезапно закричала женщина, и тут же стон благоговейного ужаса прокатился по толпе. Одни пали на колени, другие в ужасе подняли руки над головой, третьи закрыли лица платками, чтобы не увидеть нечто, не предназначенное для глаз смертных.

Бог вышел из дверей святилища, высокий и ужасный бог. Плащ развевался за плечами. Шлем увенчивали перья цапли, а чудовищное лицо блестело, словно металл, напоминая одновременно орла и человека, так как состояло из изогнутого клюва и узких прорезей для глаз.

— Ак Гор, — закричала женщина и повалилась без чувств на каменные плиты.

— Ак Гор! — подхватила толпа. — Это бог! — Ряд за рядом люди падали на колени. На верхних трибунах тоже опустились на колени и многие сделали знак, спасающий от беды. Даже сановники вокруг трона последовали общему примеру. Во всем храме только два человека остались на ногах. Фараон замер перед тронном, как раскрашенная статуя, и великий визирь Фив гордо и надменно стоял на своем месте.

Ак Гор вышел вперед и встал перед царем, глядя на него через прорези бронзовой маски, но фараон не дрогнул. Щеки царя покрывали белила, и невозможно было сказать, побледнел ли он, но блеск в его глазах мог выражать и религиозный экстаз, и ужас.

— Кто ты? — с вызовом спросил фараон. — Призрак или человек? Почему ты нарушаешь наше торжество? — Голос его прозвучал ясно и громко. Я не различил в нем ни тени дрожи, и восхищение мое возросло. Хотя фараон и стал старым и доверчивым человеком, но сохранил былое мужество. Он мог предстать перед человеком или богом как воин.

Ак Гор ответил ему голосом, которым привык командовать войсками в отчаянном шуме сражения, и слова его эхом прокатились по дворам храма, отражаясь от каменных стен.

— Великий фараон, я человек, а не призрак. Я твой человек. Я пришел сюда по твоему приказу. Я стою перед тобой, чтобы отчитаться за поручение, возложенное тобой на меня на этом самом месте в этот же день Осириса два года назад.

Он поднял шлем над головой, и огненные кудри рассыпались по плечам. Собравшиеся сразу узнали его. Крик толпы, казалось, потряс основание храма.

— Вельможа Тан! Тан! Тан!

Мне почудилось, что госпожа моя кричала громче всех и почти оглушила меня, так как

я сидел рядом с ней.

— Тан! Ак Гор! Ак Гор! — Эти два имени, смешавшись, бились между стенами храма, словно волны прибоя во время бури.

— Он восстал из могилы! Он стал богом среди нас! Крики не умолкали до тех пор, пока Тан не вынул меч из ножен и не поднял его, требуя тишины. Толпа подчинилась, и он заговорил снова в полной тишине:

— Величие Египта, позволишь ли ты мне сказать?

Я думаю, на этот раз царь уже не стал полагаться на свой голос, он сделал ритуальный жест посохом и плетью и опустился на трон, будто ноги у него подкосились.

Тан заговорил голосом столь громким, что слова доносились до внешнего двора храма.

— Два года назад ты поручил мне уничтожить гадючьи гнезда убийц и разбойников, угрожавших жизни всего Египта. Ты доверил мне царскую ястребиную печать.

Он вынул из складок плаща голубую статуэтку и поставил ее на ступени трона. Потом отступил назад и заговорил снова:

— Чтобы облегчить выполнение царского приказа, я обманным путем распустил слухи о своей смерти и приказал запечатать в моей гробнице мумию незнакомца.

— Бак-Хер! — закричал кто-то, и толпа подхватила этот крик, но Тан опять потребовал тишины.

— Я возглавил тысячу храбрецов из отряда синих, и мы отправились в пустыню и горы, нашли сорокопутов в тайных убежищах. Там мы убивали их сотнями и складывали головы у дорог.

— Бак-Хер! — закричали люди. — Это правда. Ак Гор делал это!

Тан снова заставил их молчать.

— Я сломил князей-разбойников, я перебил их подручных без малейшей жалости. Во всем Египте остался только один человек, называющий себя сорокопут.

Теперь все молчали, как замороженные, упиваясь каждым его словом. Даже фараон не смог скрыть нетерпение.

— Говори, вельможа Тан, которого люди теперь знают под именем Ак Гора. Назови этого человека. Дай мне имя, чтобы и на него обрушился гнев фараона.

— Он скрывается под именем Ак Сета! — выкрикнул Тан. — И позорные дела его сравнимы лишь с делами брата, бога тьмы.

— Дай мне настоящее имя, — приказал фараон, в возбуждении снова поднимаясь на ноги. — Назови последнего сорокопута!

Тан медлил. Он не спеша обвел глазами двор храма. Когда наши взгляды встретились, я незаметно кивнул ему, чтобы только он видел это движение. Взгляд его не остановился на мне и скользнул дальше к открытым дверям святилища.

Внимание всех собравшихся было обращено на вельможу Тана, и никто не заметил, как цепочка вооруженных людей стремительно вышла из святилища и бесшумно пересекла двор. Хотя все они были при полном вооружении и несли боевые щиты, я узнал большинство из них, разглядев лица под шлемами. Там были Ремрем и Аст и пятьдесят других воинов отряда синих. Они быстро построились вокруг трона как царская охрана, а Ремрем и Аст незаметно встали позади вельможи Интефа. Как только они заняли свои места, Тан снова заговорил:

— Я назову тебе имя Ак Сета, божественный фараон. Он бесстыдно стоит в тени твоего трона. — Тан показал мечом. — Вот он! И на шее этого изменника висит «Золото похвалы». Вот он стоит, единственный товарищ фараона, который превратил твое царство в логово убийц и разбойников. Вот он, Ак Сет — правитель нома Фив и великий визирь Верхнего царства!

Страшная тишина установилась в храме. Среди собравшихся тысяч десять или даже больше серьезно пострадали от рук вельможи Интефа, и у них были причины ненавидеть его. Но никто не посмел поднять голос против него и выразить радость при разоблачении. Все знали, сколь ужасен его гнев и неотвратимо возмездие. Мне показалось, что я чувствую запах их страха в испарениях, поднимавшихся над толпой, как дым курений. Каждый

понимал, что славы Тана и величия его подвига недостаточно для того, чтобы одними словами, без доказательств, свалить такого человека, как вельможа Интеф. Если бы они выразили в тот момент свое согласие или радость, это могло стоить им жизни. В полной тишине вдруг раздался смех вельможи Интефа. Презрение слышалось в нем, и одним небрежным движением он отмахнулся от Тана и повернулся к царю.

— Солнце пустыни выжгло его разум. Бедняга сошел с ума. Это бред, в котором нет ни единого слова истины. Мне следовало бы рассердиться, но вместо этого я печалюсь изза того, что столь славный воин так низко пал.

Он протянул к фараону обе руки величественным, полным достоинства и доверия движением.

— Всю свою жизнь я служу фараону и моему народу. Моя честь настолько неуязвима, что я не вижу необходимости защищаться от таких бредовых обвинений. Без малейшего страха я доверяюсь мудрости и справедливости божественного царя. Пусть говорят мои дела и моя любовь к фараону, а не мой язык.

Я увидел растерянность и сомнение на разрисованном лице фараона. Губы дрожали, а лоб наморщился, поскольку боги не благословили его быстрым и острым умом. В какое-то мгновение он уже открыл рот, чтобы заговорить, но прежде чем успел произнести ужасное и непоправимое суждение, Тан снова поднял меч и показал на открытые двери святилища позади трона.

Из этих дверей вышла столь необычная процессия, что фараон уставился на нее, забыв закрыть рот. Крат с поднятым забралом шлема и мечом в правой руке вел за собой обнаженных — на них были только набедренные повязки — и босых людей. Руки их были связаны за спиной, и они шаркали, как рабы, идущие на рынок.

Я наблюдал за лицом вельможи Интефа и видел, как растерянность и страх овладели им и заставили вздрогнуть, будто его ударили по лицу. Он узнал пленников. Очевидно, считал, что они давно мертвы, а их черепа ухмыляются путникам на перекрестках дорог. Тайком бросил взгляд на маленькую дверцу в стене, почти скрытую занавесками. Эта дверца была единственным выходом из заполненного людьми двора храма. Ремрем сделал шаг вправо и загородил дорогу. Вельможа Интеф отвернулся и снова посмотрел на трон, задрав голову, с выражением доверия и вызова.

Шестеро связанных пленников выстроились перед тронном, а затем по тихой команде Крата пали на колени и склонили головы.

— Кто эти создания? — спросил фараон. Тан подошел к первому из них, схватил за связанные руки и поднял на ноги. Кожу пленника покрывали старые шрамы от оспы, а слепой глаз сверкал на солнце как серебряная монета.

— Божественный фараон хочет знать, кто ты, — тихо сказал Тан. — Отвечай на вопрос.

— Величие Египта, я Шуфти, — ответил тот. — Раньше я был князем сорокопутов, пока Ак Гор не разогнал и не перебил мой клан у города Галлала.

— Говори царю, кто твой повелитель, — потребовал Тан.

— Ак Сет был моим повелителем, — ответил Шуфти. — Я принес клятву кровной верности Ак Сету и платил ему четверть всего награбленного. За это Ак Сет защищал меня от сил закона и снабжал сведениями о моих следующих жертвах.

— Покажи царю, кого ты знаешь под именем Ак Сета, — приказал Тан. Шуфти, шаркая, прошел вперед и остановился перед вельможей Интефом. Он набрал полный рот слюны и плюнул на роскошный наряд визиря.

— Вот Ак Сет, — закричал он. — И пусть черви насытятся его потрохами!

Крат оттащил Шуфти в сторону, и Тан поднял следующего пленника.

— Говори царю, кто ты.

— Я Акеку, я был князем сорокопутов, но все мои люди убиты.

— Кто был твоим повелителем? Кому ты платил дань?

— Вельможа Интеф был моим повелителем. Я платил дань в казну великого визиря.

Вельможа Интеф гордо и надменно стоял у трона, спокойно принимая град обвинений.

Он не пытался защищаться, когда сорокопуты один за другим вставали перед царем и называли его Ак Сетом.

— Вельможа Интеф был моим повелителем. Вельможа Интеф — Ак Сет.

Молчание народа в храме становилось таким же тяжелым, как и зной. На лицах людей застыли ужас, неверие, ненависть и растерянность. Однако никто не отважился открыто выступить против вельможи Интефа или выразить какие-либо чувства до того, как заговорит фараон.

Последнего князя сорокопутов подвели к великому визирю. Это был высокий худой человек с упругими мускулами и выжженной солнцем кожей. В жилах его текла кровь бедуина, глаза были черные, нос загнут, как у орла. Борода у него была густой и курчавой, а лицо — надменным.

— Меня зовут Басти, — он говорил чище остальных. — Люди называют меня Басти Жестокий, хотя я не знаю почему. — Его губы скривила усмешка висельника. — Я был князем сорокопутов, пока Ак Гор не разорил мой клан. Вельможа Интеф был моим повелителем.

После этих слов его не оттащили в сторону, как остальных. Тан снова обратился к нему:

— Скажи царю, знал ли ты Пианки, вельможу Харраба, который в давние времена был знатным гражданином Фив.

— Я хорошо знал его. У меня были с ним дела.

— Какие у тебя были с ним дела? — спросил Тан, и в голосе у него послышалась угроза.

— Я грабил его караваны. Я жег урожай на его полях. Я совершил набег на его копи в Сестре и перебил горняков таким занятым способом, что никто больше не пришел туда добывать медь. Я жег его поместья. Я посылал своих людей в города, чтобы они клеветали на него, и его честность и верность государству были запятнаны. Я помогал другим погубить его, и в конце концов он выпил яд датуры из собственной чаши.

Я увидел, что рука, в которой фараон держал царскую плетть, задрожала, когда он услышал это, и одно веко задергалось, как у него обычно бывает, когда он чем-то сильно расстроен.

— Кто приказывал тебе делать это?

— Вельможа Интеф приказывал мне и дал в награду один тах чистого золота.

— Что вельможа Интеф надеялся получить, преследуя вельможу Харраба?

Басти усмехнулся и пожал плечами.

— Вельможа Интеф стал великим визирем, а Пианки, вельможа Харраб, мертв. По-моему, вельможа Интеф добился своего.

— Признаешь ли ты, что я не предлагал тебе помилования за это признание? Понимаешь ли ты, что тебя ждет смерть?

— Смерть? — Басти засмеялся. — Я никогда не боялся ее. Это мука, из которой я пеку свой хлеб. Я накормил этим хлебом бесчисленное количество людей. Так почему же теперь я должен бояться съесть его сам?

Был ли он глупцом или храбрецом, спросил я себя, услышав эту похвальбу? Как бы то ни было, я не чувствовал по отношению к нему ни сочувствия, ни восхищения. Я вспомнил, что Пианки, вельможа Харраб, был таким же человеком, как и его сын, и именно им принадлежали мои сочувствие и восхищение.

Безжалостное выражение глаз Тана давало понять, что он разделяет мои чувства. Пальцы его сжали рукоять меча с такой силой, что побелели, как пальцы утопленника.

— Уведите его! — прохрипел он. — Пусть ожидает воли царя.

Я видел, как Тан с усилием взял себя в руки, а затем повернулся к царю и опустился на колени.

— Я сделал все, что ты приказывал мне, божественный Мамос, бог и правитель родины. Я ожидаю твоих повелений.

При виде такого благородства комок встал у меня в горле. Мне пришлось подавить свои чувства.

Фараон продолжал молчать. Я услышал тяжелое дыхание моей госпожи, а затем почувствовал, что она взяла меня за руку и сжала ее с такой силой, что я испугался, как бы она не сломала мне пальцы.

Наконец фараон заговорил, и я с ужасом услышал сомнение в его голосе: он не хотел, чтобы услышанное было правдой. Он так глубоко доверял вельможе Интефу и так давно полагался на него, что это поколебало его веру в людей до самого основания.

— Вельможа Интеф, ты слышал обвинения, брошенные тебе. Чем ты ответишь на них?

— Божественный фараон, разве это обвинения? Я посчитал бы их фантазиями молодого человека, сошедшего с ума от зависти и ревности. Он — сын осужденного изменника и преступника. Побудительные причины действий вельможи Тана мне совершенно ясны. Он убедил себя в том, что изменник Пианки мог стать великим визирем вместо меня. Теперь его извращенное мышление перекладывает на меня ответственность за падение его отца.

Так одним взмахом руки визирь отделался от Тана. Исполнено это было ловко, и я увидел, что царь начал сомневаться. Его сомнения усиливались. Всю жизнь он безоговорочно доверял вельможе Интефу, и теперь ему было трудно. Он хотел верить в его невиновность.

— А что ты скажешь об обвинениях князей-разбойников? — наконец спросил фараон. — Чем ты ответишь на них?

— Князей? — переспросил вельможа Интеф. — Следует ли нам льстить им, называя их так? По их собственному свидетельству, они являются преступниками худшего рода: убийцами, ворами, насильниками над женщинами и детьми. Следует ли нам искать правды в них? Разве в них больше чести и совести, чем в диких зверях? — Вельможа Интеф показал рукой. И в самом деле, они стояли перед ним полуобнаженные и связанные, как животные. — Посмотрите, ваше божественное величество. Разве людей такого рода нельзя подкупить или побоями заставить говорить что угодно ради спасения собственной шкуры? Разве вы поверите слову любого из них больше, чем слову человека, служившего вам верно всю свою жизнь?

Царь невольно кивнул, принимая доводы человека, в котором привык видеть друга, согретаемого благосклонностью и осыпаемого наградами.

— Все, что ты говоришь, правда. Ты всегда служил мне без злого умысла. Эти негодяи не знакомы с правдой и честью. И вполне возможно, их заставили говорить так. — Он колебался, и вельможа Интеф почувствовал свое преимущество.

— До сих пор против меня выдвигались только словесные обвинения. Наверное, на свете есть более существенные доказательства, подтверждающие мою смертельную вину. Есть ли в нашем Египте хоть один человек, который может по-настоящему свидетельствовать против меня, а не только произносить слова? Если такой человек есть, пусть он выйдет к нам, и тогда я отвечу на его обвинения. Если же не найдется доказательств, о которых я говорю, мне не на что отвечать.

Его слова глубоко встревожили фараона. Он оглядел двор, как будто в поисках доказательств, требуемых вельможей Интефом, а затем, очевидно, принял решение.

— Вельможа Тан, какие доказательства ты можешь привести в свою пользу, помимо слов убийц и преступников?

— Подлец хорошо замел свои следы, — произнес Тан, — и сумел скрыться в густой чаще, где его трудно найти. У меня нет других доказательств против вельможи Интефа. Но может быть, найдется кто-нибудь, у кого они есть, кого могло вдохновить то, что он услышал здесь сегодня. Я молю царя Египта спросить людей, нет ли среди них того, кто смог бы помочь нам разрешить эту задачу.

— Фараон, он бросает тебе вызов! Мои враги могут осмелеть и выйти из тех щелей, где они выжидают удобного момента, чтобы напасть на меня, — вскричал вельможа Интеф. — Я

горячо возражаю против такого предложения!

Но фараон заставил его замолчать резким движением руки.

— Они ответят за любое лжесвидетельство против тебя, — обещал он, а потом обратился к собравшимся: — Мой народ! Граждане Фив! Вы слышали обвинения, брошенные в лицо моему доверенному лицу и любимому великому визирю. Есть ли среди вас кто-нибудь, кто может привести доказательства, которых не хватает вельможе Тану? Может ли кто-нибудь из вас свидетельствовать против вельможи Интефа? Если — да, то я требую, чтобы он вышел к нам и сказал об этом.

Я вскочил на ноги раньше, чем успел понять, что делаю. Голос мой зазвенел у меня в ушах, и я перепугался до смерти, такой он был громкий.

— Я Таита, который был когда-то рабом вельможи Интефа, — закричал я, и фараон, поглядев на меня через двор, нахмурился. — Я хотел бы кое-что сказать вашему величеству и показать кое-какие мелочи.

— Мы знаем тебя, врач Таита. Можешь приблизиться. Когда я спустился со своего места на трибуне и пошел к трону, то посмотрел на вельможу Интефа и споткнулся. Мне показалось, что я натолкнулся на каменную стену, столь ощутима была его ненависть.

— Божественный царь Египта, это существо — раб. — Голос вельможи Интефа звучал холодно и напряженно. — Может ли слово раба опровергнуть слово вельможи фиванского круга и верховного сановника государства? Не смешно ли это?

Я настолько привык подчиняться его голосу и слову, что решимость моя поколебалась. Затем я почувствовал руку Тана на своей. Это было легкое касание, но оно поддержало меня и придало силы. Однако вельможа Интеф заметил это движение и указал на него царю.

— Смотрите, этот раб во власти моего обвинителя. Он всего лишь одна из дрессированных обезьянок вельможи Тана. — Голос вельможи Интефа снова стал медоточивым. — Его наглость безгранична. Наши законы предусматривают наказание для рабов...

Фараон заставил его замолчать движением плети.

— Ты злоупотребил моим хорошим отношением к тебе, вельможа Интеф. Законы здесь толкую и исправляю я. А наказания в них предусмотрены как для простолюдинов, так и для высокородных. Тебе это должно быть известно.

Вельможа Интеф послушно поклонился фараону и замолчал, но лицо его внезапно осунулось, когда он понял, в какой переплет попал.

Царь опустил на меня глаза.

— Обстоятельства сейчас необычные, и они позволяют применить беспрецедентные средства. Тем не менее, раб Таита, позволь мне предупредить тебя: если слова твои окажутся легковесными и бездоказательными, тебя ждет петля палача.

Эта угроза и полный яда взгляд вельможи Интефа заставили меня содрогнуться, и я начал заикаться.

— Бывши рабом великого визиря, я оказался посланцем к этим князьям. Я знаю этих людей. — Я указал на пленников, которых Крат поставил неподалеку от трона. — Это я передавал им приказания вельможи Интефа.

— Ложь, всего лишь слова, бездоказательные слова, — выкрикнул вельможа Интеф, но теперь в его голосе слышалось отчаяние. — Где же доказательства?

— Молчать! — Голос царя внезапно загремел от ярости. — Мы выслушаем до конца свидетельства раба Таиты. — Теперь он смотрел прямо на меня. Я набрал в грудь воздуха и продолжил:

— Это я отнес Басти Жестокому приказ вельможи Интефа. По этому приказанию он должен был разрушить состояние и имения Пианки, вельможи Харраба. В то время я был доверенным лицом Интефа. Я знал, что он хочет занять пост великого визиря. Все, что приказал вельможа Интеф, было исполнено. Вельможа Харраб был погублен и, лишившись благосклонности и любви фараона, выпил яд датуры из собственной чаши. Я, Таита, свидетельствую об этом.

— Это так. — Басти поднял связанные руки и протянул их к трону. — Все, что Таита говорит, правда.

— Бак-Хер, — закричали князя. — Это правда! Таита говорит правду!

— И все же это только слова, — с интересом протянул царь. — Вельможа Интеф требует доказательств, и я, фараон, требую доказательств.

— Половину своей жизни я был писцом и казначеем великого визиря. Я вел учет его состояния. Я записывал его прибыли и расходы на свитках. Я собирал дань, которую князья сорокопутов платили вельможе Интефу, и распоряжался всем этим богатством.

— Ты можешь показать мне эти свитки, Таита? — Лицо фараона засияло, как полная луна, при упоминании о сокровищах. Теперь он уже не отрываясь слушал меня.

— Нет, ваше величество, я не могу сделать это. Свитки всегда оставались в руках вельможи Интефа.

Фараон даже не пытался скрыть свое огорчение, и на лице его появилось жестокое выражение, но я упрямо продолжил:

— Я не могу показать вам свитки, но, может быть, смогу привести вас к сокровищам, украденным великим визирем у вас и у вашего царства. Это я построил тайную сокровищницу и прятал в ней дань, собираемую у князей сорокопутов. В тех хранилищах я поместил богатства, о которых даже не подозревали сборщики податей фараона.

Волнение царя снова разгорелось, как угли в горне кузнеца. Он наклонился вперед и внимательно слушал. Хотя присутствующие в храме смотрели на меня, а знать на трибунах старалась получше все разглядеть и не упустить ни слова, я незаметно наблюдал за вельможей Интефом. Отполированные медные двери святилища были тем зеркалом, в котором отражалось его лицо. Каждый оттенок выражения, мельчайшие движения были открыты для меня.

Я пошел на смертельный риск, предположив, что сокровища по-прежнему оставались в старом хранилище, куда я поместил их. Он мог перенести их в другое место. Однако перемещение такого количества драгоценных предметов было бы трудной задачей, и риск, сопряженный с этим, был так же велик, как и риск оставить их на прежнем месте. Ему пришлось бы доверить сокровища другим людям, а вельможе Интефу трудно было пойти на это. По природе своей он был очень подозрительным человеком и к тому же до последнего времени считал меня мертвым, а значит, тайна эта должна была умереть вместе со мной.

По моим подсчетам, шансы мои были совершенно равны, и я рискнул своей жизнью. Теперь, затаив дыхание, я наблюдал за выражением лица вельможи Интефа на медной двери. Сердце у меня радостно забилося, а душа взлетела к небу на орлиных крыльях, когда я увидел боль и панический страх на его лице. Стрела, выпущенная мной, попала в цель. Я победил! Сокровища находились там, где я их оставил. Я знал, что теперь смогу привести фараона к награбленному богатству, которое вельможа Интеф собирал всю свою жизнь.

Но он еще не был побежден. Легкомысленно было с моей стороны поверить, что его так просто победить. Я увидел, как он сделал небольшое движение рукой, озадачившее меня, и я медлил, пока не стало слишком поздно.

В восторге своей победы я забыл о Расфере. Вельможа Интеф подал ему сигнал, чуть щелкнув пальцами, и Расфер ринулся на меня, как хорошо натасканная гончая бросается на вепря по приказу охотника. Его ярость всех застала врасплох. Нас разделяло десять шагов. Он со свистом выдернул меч из ножен и прыгнул вперед.

Между нами находились два воина Крата, но они стояли спиной к Расферу, и тот налетел на них, сшиб с ног, и один из воинов распростерся на каменных плитах двора перед Таном и помешал ему прийти мне на помощь. Я остался один, без всякой защиты, и Расфер взмахнул мечом, схватив его обеими руками, чтобы разрубить мой череп. Я поднял руки, тщетно пытаясь загородиться от клинка, но от ужаса ноги мои перестали слушаться, я не мог ни сдвинуться с места, ни увернуться от свистящей бронзы.

Я не видел, как Тан бросил меч. Я не отрываясь смотрел на лицо Расфера, а потом увидел в воздухе меч. Ужас так повлиял на мои чувства, что время, казалось, текло

медленно, как тягучая капля масла, срывающаяся с носика кувшина. Я видел, как меч Тана поворачивается в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси, и сверкает с каждым поворотом, как полоса летней молнии. Но меч не успел завершить вращение, и удар пришелся на рукоять, а не на конец клинка. Меч обрушился на затылок Расфера, но не убил его. Голова дернулась вперед на шее, словно веточка ивы на ветру, и глаза закатились.

Расфер не успел завершить удар. Ноги подкосились, и он грузно повалился на землю у моих ног. Меч вылетел из обессиленных пальцев, повернулся в воздухе и упал. Он воткнулся в край основания трона и задрожал. Царь смотрел на него, потрясенный, не веря своим глазам. Острый как бритва клинок коснулся его руки и порезал кожу. На наших глазах цепочка рубиновых капель покатилась на белую, словно облако, юбку фараона.

Тан нарушил ужасную тишину.

— Величие Египта, ты видел, кто подал знак этому животному. Ты знаешь, кто виноват и кто подвергал опасности жизнь царя. — Он перепрыгнул через распростертого стражника, схватил вельможу Интефа за руку, завернул ее за спину и заставил его опуститься на колени, вскрикнув от боли.

— Я не хотел верить в это. — Лицо фараона было печальным, когда он глядел сверху вниз на великого визиря. — Я верил тебе всю свою жизнь, но ты оплевал мою веру.

— Величие Египта, выслушай меня! — умолял вельможа Интеф, но фараон отвернулся от него.

— Я слушал тебя достаточно долго, — сказал он и кивнул Тану. — Пусть твои люди охраняют его. Но они должны обращаться с ним вежливо, поскольку вина его еще не доказана.

Наконец фараон обратился к собравшимся:

— Мы стали свидетелями неожиданных и странных событий. Я откладываю завершение праздника, чтобы подробно разобраться в доказательствах, которые раб Таита представит мне. Население Фив соберется здесь завтра в полдень и услышит мой приговор на этом же самом месте. Я кончил.

МЫ ПРОШЛИ через главный вход в тронный зал великого визиря. Фараон задержался на пороге. Хотя рана, нанесенная мечом Расфера, была незначительной, я завязал ему руку полотном и подвесил ее на перевязи.

Фараон медленно оглядел зал. В дальнем его конце стоял трон великого визиря. Вырезанный из цельного куска алебаstra, он выглядел не менее величественно, чем трон фараона на Элефантине. Высокие стены гладко оштукатурены глиной, на ее основе написаны самые великолепные фрески, какие мне когда-либо приходилось выдумать. Они превратили огромное помещение в сверкающий сад наслаждений. Я написал их еще будучи рабом вельможи Интефа, и хотя фрески эти были творением моих собственных рук, их вид до сих пор наполнял меня радостным волнением.

Без сомнения, одних этих работ, не считая прочих моих достижений, было бы достаточно, чтобы присвоить мне звание «самого значительного художника в истории нашей страны». Печально, но именно мне, творцу, предстояло уничтожить их. Это омрачало чувство торжества, наполнявшее мое сердце в тот бурный день.

Я провел фараона через зал. Мы забыли о всяких церемониях, и фараон волновался как ребенок. Он так близко следовал за мной, что почти наступал мне на ноги, а царская свита так же взволнованно шла за ним по пятам.

Я подвел их к стене позади трона, и мы остановились у высокой росписи, изображавшей бога солнца в его ежедневном путешествии по небу. Несмотря на волнение, в глазах фараона появилось благоговейное чувство, когда он смотрел на эту картину.

Позади нас огромный зал заполнила свита царя, состоявшая из придворных, воинов и знати, не говоря уже о царских женах и наложницах, которые скорее отказались бы от своих румян и притираний, чем пропустили бы такое восхитительное представление, каким обещало стать мое свидетельство. Разумеется, госпожа моя стояла впереди всех. Тан

отставал от царя на один шаг. Он и его отряд синих стали выполнять обязанности охраны царя.

Фараон снова повернулся к Тану.

— Прикажи своим людям привести сюда вельможу Интефа!

Крат с наигранной холодной вежливостью подвел Интефа к стене и встал между пленником и царем, держа наготове обнаженный клинок.

— Можешь начинать, Таита, — сказал царь, и я стал мерить стену, отсчитав тридцать шагов от дальнего угла и сделав мелом пометку на стене.

— За этой стеной находится тайная сокровищница великого визиря, — пояснил я царю. — Во время последнего ремонта дворца были выполнены кое-какие работы по перестройке зала. Здесь потайная дверь. Вельможа Интеф любит иметь свои богатства под рукой.

— Ты иногда становишься болтливым, Таита. — Фараона совсем не увлекла моя лекция по архитектуре дворца. — Скорее, я горю желанием узнать, что там спрятано.

— Пропустите каменщиков, — приказал я, и маленький отряд кряжистых негодяев в кожаных передниках прошел по образовавшемуся коридору. Они бросили у стены кожаные мешки и сумки с инструментами. Я вызвал их из Города Мертвых, где они работали на стройке гробницы фараона. Белая каменная пыль, осевшая на волосах, придавала им вид умудренных годами стариков, какими они редко оказывались в действительности.

Я одолжил измерительную линейку у их мастера и с ее помощью разметил на стене продолговатый прямоугольник. Затем отошел и снова обратился к мастеру каменщиков:

— Работайте потише! Постарайтесь как можно меньше повредить фрески. Это великие произведения искусства!

Каменщики взяли за деревянные молотки и кремневые резцы и стали долбить стену, не обращая внимания на мои страдания. Краска и штукатурка тучей летели в разные стороны, когда крупные куски облицовки отваливались и глухо падали на мраморный пол. Пыль стала досаждать дамам, и они прикрыли рты и носы платками.

Постепенно из-под слоя штукатурки появились контуры каменной кладки. Фараон громко вскрикнул и, не обращая внимания на летящую во все стороны пыль, подошел поближе, чтобы приглядеться к рисунку кладки, появившейся из-под штукатурки. Четкий рисунок основной стены нарушал прямоугольник другого камня, точно повторявший фигуру, нарисованную мной на стене.

— Здесь заложен проход! — воскликнул фараон. — Вскройте его немедленно!

По приказу царя каменщики принялись за запечатанную дверь и быстро разобрали ее. Как только они вынули угловой камень, остальные камни кладки быстро посыпались наружу. Перед нами оказался темный проход, и фараон, взявший теперь на себя руководство работой, возбужденно потребовал зажечь факелы.

— Все пространство за этой стеной занимает тайное помещение, — пояснил я, пока мы ожидали факелы, — которое я соорудил для вельможи Интефа по его приказу.

Когда принесли факелы, Тан взял один из них и осветил дорогу царю, шагнув впереди него в темную дверь. Царь вошел, и я последовал за ним и Таном.

Я не был здесь так давно, что стал оглядываться вокруг с неменьшим любопытством, чем остальные. Ничего не изменилось с тех пор: сундуки и бочонки из кедрового дерева и древесины акации стояли так же, как я их оставил. Я указал царю те из них, на которые ему следовало бы обратить внимание прежде всего, и он приказал:

— Вынесите их в тронный зал.

— Нам понадобятся крепкие люди, — сухо заметил я. — Они немного тяжеловаты.

Три самых высоких воина отряда синих с трудом смогли поднять сундуки и, шатаясь, через пролом в стене вынести их по одному в тронный зал.

— Я никогда прежде не видел этих сундуков, — заявил вельможа Интеф, как только первый вынесли в тронный зал и поставили на подиум рядом с троном великого визиря. — Я не знал о существовании тайного помещения за стеной. Его, наверное, построил мой

предшественник, и сундуки были поставлены туда по его приказу.

— Ваше величество, взгляните на печать на этой крышке, — указал я фараону, и он посмотрел на маленький кружочек глины.

— Чья это печать?

— Взгляните на кольцо на указательном пальце левой руки великого визира, — прошептал я. — Могу ли я с уважением предложить фараону сравнить его и печать на этом сундуке?

— Вельможа Интеф, будьте любезны, передайте мне перстень, — преувеличенно вежливо попросил царь, а великий визирь спрятал левую руку за спиной.

— Величие Египта, перстень находится у меня на пальце уже двадцать лет. Он врос, и его нельзя снять.

— Вельможа Тан. — Царь обернулся. — Возьмите меч, удалите палец вельможи Интефа и принесите мне вместе с перстнем.

С жестокой улыбкой Тан сделал шаг, чтобы выполнить приказ, и наполовину вытащил клинок из ножен.

— Наверное, я ошибся, — поспешил признать вельможа Интеф. — Дайте я посмотрю, нельзя ли снять. — Кольцо довольно легко соскользнуло с пальца, и Тан, опустившись на колено, передал его царю.

Фараон наклонился над сундуком и добросовестно сравнил печать с перстнем. Когда он снова выпрямился, лицо его потемнело от гнева.

— Они полностью совпадают. Этот сундук запечатан твоим перстнем, вельможа Интеф.

Великий визирь не стал отвечать на обвинения. Он стоял неподвижно, сложив руки на груди, и лицо его будто окаменело.

— Сломайте печать! Откройте сундук! — приказал фараон, и Тан, отрезав глиняную печать, мечом приподнял крышку.

Царь невольно вскрикнул, когда крышка открылась и он увидел содержимое сундука.

— Клянусь всеми богами! — воскликнул Мамос, и все придворные столпились вокруг него, бесцеремонно заглядывая в сундук, толкаясь и восклицая, стараясь получше разглядеть. — Золото! — Царь опустил обе ладони в сундук и поднял полную горсть блестящих желтых колец, а разжав пальцы, позволил кольцам водопадом упасть обратно. Поймал последнее и поднес к глазам, чтобы разглядеть метку монетного двора. — Два дебена чистого золота. Сколько же таких колец в этом сундуке и сколько таких сундуков в этом тайном хранилище?! — Вопрос его был риторическим, и он не ожидал получить ответ, но я тем не менее ответил.

— В этом сундуке... — Я прочел надпись на крышке, сделанную много лет назад. — Этот сундук содержит один тах и триста дебенов чистого золота. Что же касается количества сундуков с золотом, если мне память не изменяет, здесь должно быть пятьдесят три сундука золота и двадцать — серебра. Я забыл, сколько здесь сундуков с драгоценными камнями и украшениями.

— Можно ли верить людям? Вельможа Интеф, я обращался с тобой, как с родным братом. Не было такой благосклонности, какой я не оказывал тебе, и вот чем ты отплатил мне.

В ПОЛНОЧЬ казначей и глава царских сборщиков податей пришли к фараону, когда я менял ему повязку на раненой руке. Они представили ему окончательные подсчеты количества сокровищ из тайного хранилища визира, и фараон со смешанным чувством восхищения и ужаса прочел доклад. И снова противоречивые эмоции наполнили его: гнев боролся в нем с радостью такой неожиданной удачи. — Этот негодяй был богаче собственного царя. Нет такого наказания, которое было бы для него слишком жестоким. Он обманывал меня и моих сборщиков податей.

— А также погубил и ограбил вельможу Харраба и десятки тысяч подданных

фараона, — напомнил я ему, закрепляя повязку. Я, пожалуй, вел себя дерзко, однако теперь он был многим обязан мне и я мог рискнуть.

— И их тоже, — с готовностью подхватил фараон, не заметив моего сарказма. — Его вина глубже моря и выше небес. Мне придется придумать подходящее наказание для него. Петля палача слишком милостива для вельможи Интефа.

— Ваше величество, как ваш врач я должен настаивать на том, что вы должны сейчас отдохнуть. День сегодня был очень тяжелым, и даже от вас он потребовал больших усилий и выносливости.

— Где Интеф? Я не могу чувствовать себя спокойным, пока не буду уверен, что его надежно стерегут.

— Его сторожат в его собственных покоях, ваше величество. Один из старших сотников и отряд синих выполняют эту обязанность. — Я помолчал, потом осторожно сказал: — Расфера тоже сторожат.

— Расфера? Этого слюнвяго уроды? Того самого, кто пытался убить тебя в храме Осириса? Так он выжил после удара рукояткой меча?

— Да, он вполне здоров, хотя, может быть, не слишком весел. Знали ли вы, ваше величество, что именно Расфер много лет назад кастрировал меня? — выпалив эти слова, я увидел в глазах царя искру жалости.

— Он получит то же, что и его хозяин, — пообещал фараон, — и будет наказан так же, как и вельможа Интеф. Это тебя удовлетворит, Таита?

— Ваше величество справедливы и всеведущи, — пятась, я вышел из комнаты и отправился на поиски моей госпожи.

Она ждала меня и, хотя уже было за полночь и я устал, не позволила мне уснуть. Она слишком переволновалась в тот день и настояла на том, чтобы я сидел с ней на кровати весь остаток ночи и слушал ее болтовню о Тане и других, менее значительных вещах.

НЕСМОТРЯ на бессонную ночь, голова у меня была ясная и свежая, когда я занял свое место в храме Осириса следующим утром. Сегодня, казалось, людей собралось больше, чем за день до этого. В Фивах не осталось ни одной живой души, которая не слышала бы о падении великого визиря и не хотела бы увидеть его последнее унижение. Даже те помощники, которые процветали под подлой властью, теперь обратились против него, как стая гиен, готовых сожрать своего вожака, когда он болен или ранен.

Князей сорокопудов вывели и поставили перед троном в лохмотьях и рабских оковах, но вельможа Интеф вошел в храм в белоснежных одеждах и серебряных сандалиях, волосы были только что завиты и лицо подкрашено, а цепи «Золота похвалы» по-прежнему висели на шее.

Князья стояли на коленях перед троном. Однако, когда один из охранников ткнул вельможу Интефа мечом, тот отказался встать на колени, и царь жестом остановил стражника.

— Пусть стоит! — приказал царь. — У него будет время полежать в гробнице. — Фараон поднялся над присутствующими, исполненный величественного гнева. Теперь он выглядел настоящим царем, как один из первых фараонов династии, могущественный и сильный властелин. Я — человек, очень близко узнавший его слабости, — ощутил вдруг благоговейный страх.

— Вельможа Интеф, тебя обвиняют в измене, убийствах, грабежах, пиратстве и сотнях других преступлений, которые заслуживают наказания. Я заслушал показания пятидесяти моих подданных из разных слоев и разных родов занятий — от вельмож и свободнорожденных до рабов, подтвержденные материальными свидетельствами. Я видел содержимое твоей тайной сокровищницы, где ты скрывал богатства, похищенные у царских сборщиков податей. Я видел твою личную печать на сундуках с сокровищами, и все это тысячу раз подтверждает твою вину. Я, Мамос Восьмой, фараон и правитель моей страны, Египта, здесь и сейчас объявляю тебя виновным во всех этих преступлениях и заявляю, что

ты не заслуживаешь царской милости и не подлежишь помилованию.

— Да здравствует фараон! — закричал Тан, и это приветствие подхватили все присутствующие.

Народ Фив десять раз повторил его:

— Да живет он вечно!

Когда наступила тишина, фараон заговорил снова:

— Вельможа Интеф, я вижу на тебе «Золото похвалы». Меня оскорбляет то, что высокая награда находится на груди изменника. — Он поглядел на Тана. — Военачальник, сними золото с пленного.

Тан поднял цепи над головой вельможи Интефа и поднес их царю. Фараон взял «Золото похвалы», а когда Тан шагнул прочь, остановил его со словами:

— Имя вельможи Харраба было запятнано клеветой. Твоего отца затравили, и он умер смертью изменника. Ты доказал невиновность своего отца. Я отменяю все приговоры, вынесенные Пианки, вельможе Харрабу, и посмертно возвращаю ему все почести и титулы, которых он был лишен. Все эти почести и титулы переходят к тебе, его сыну.

— Бак-Хер! — закричали собравшиеся. — Да живет фараон вечно! Да здравствует Тан, вельможа Харраб!

— Кроме тех титулов, которые переходят к тебе по наследству, я даю тебе новую награду. Ты выполнил поручение, данное тебе. Ты погубил сорокопудов и доставил правосудию их главаря. В знак признания твоих заслуг перед фараоном я награждаю тебя «Золотом доблести». Преклони колено, вельможа Харраб, и получи награду фараона.

— Бак-Хер! — закричали все, когда фараон возложил на Тана звенящие золотые цепи, только что принадлежавшие вельможе Интефу, к которым он добавил подвеску в форме звезды — знак воинской доблести. — Да здравствует вельможа Харраб!

Когда Тан отошел, фараон снова повернулся к пленникам.

— Вельможа Интеф, ты лишаешься своего титула вельможи фиванского круга. Твое имя и звание будут стерты со всех памятников и с гробницы, приготовленной тобой для себя в Долине знати. Все твои имения и все твои богатства, включая незаконно собранные сокровища, переходят короне, кроме имений, когда-то принадлежавших Пианки, вельможе Харрабу, и которые обманным путем перешли к тебе. Теперь они целиком переходят к их наследнику, моему доброму Тану, вельможе Харрабу.

— Бак-Хер, фараон мудр! Да живет он вечно! — беспорядочно закричали люди вокруг. Госпожа моя, не стыдясь, рыдала рядом со мной, как и половина жен царя. Очень немногие могли устоять перед красавцем героем с золотистыми волосами, которые, казалось, затмевали даже блеск золота на его груди.

А потом царь застал меня врасплох. Он посмотрел прямо на меня, туда, где я сидел рядом с моей госпожой.

— Есть еще один верный человек, оказавший короне услугу и открывший местонахождение похищенных сокровищ. Пусть раб Таита выйдет сюда.

Я спустился вниз, встал перед троном, и царь заговорил мягким добрым голосом:

— Ты неизмеримо пострадал от рук изменника Интефа и его подручного Расфера. Они вынуждали тебя совершать низкие дела и преступления против государства, сотрудничать с разбойниками и грабителями и скрывать сокровища хозяина от царских сборщиков податей. Однако ты творил это не по своей воле. Как раб ты должен был выполнять приказы своего господина. Поэтому я освобождаю тебя от всех обвинений и ответственности за содеянное. Я заявляю, что ты невиновен ни в одном из преступлений твоего бывшего хозяина, и награждаю тебя за твою верную службу двумя тахами чистого золота, которые будут выплачены тебе из сокровищ, конфискованных у изменника Интефа.

Люди встретили это заявление царя удивленным шепотом. Я вскрикнул от неожиданности: сколько золота! Такое состояние может посоперничать с богатствами знатнейших вельмож страны, его хватит на приобретение огромных участков плодороднейшей земли у реки и обстановку для великолепных вилл на этих участках. На

него можно купить три сотни рабов для работы на этой земле, можно снарядить целую флотилию торговых судов и отправить их во все концы земли, чтобы они привезли еще больше сокровищ. Такое богатство могло потрясти даже мое воображение, но царь еще не кончил.

— Поскольку ты раб, эти сокровища будут выданы не тебе, а твоей госпоже, младшей жене фараона. — Мне следовало бы сразу догадаться, что фараон оставит такое состояние в своей семье.

Я — человек, богатства которого несколько мгновений назад равнялись состоянию знатнейших семей Египта, — поклонился царю и вернулся на свое место рядом с госпожой. В утешение она пожала мне руку, но, по правде говоря, я не был несчастлив. Наши судьбы так крепко переплелись, что я стал ее частью. Теперь мы оба больше ни в чем не будем нуждаться. Я уже начал обдумывать, во что мы вложим состояние моей госпожи.

Наконец царь объявил приговор остальным пленникам, хотя, произнося его, он смотрел только на вельможу Интефа.

— Ваши преступления невиданны. Ни одно из привычных наказаний не подходит вам. Вот мой приговор. На рассвете дня, после окончания праздника Осириса, вас прогонят по улицам Фив связанными и обнаженными, прибьют живыми за ноги к главным воротам города головой вниз и оставят висеть до тех пор, пока вороны не вычистят ваши кости. Затем ваши кости снимут, перемелют в порошок и бросят в Нил.

Даже Интеф побледнел и зашатался, когда услышал такой приговор. Распорядившись с земными телами так, чтобы их невозможно было забальзамировать и сохранить, фараон обрекал пленников на небытие. Для египтянина никакое наказание не может быть более суровым. Им навеки было отказано в полях рая.

КОГДА ГОСПОЖА моя изъявила желание пойти на казнь и посмотреть, как отца приколотят за ноги к главным воротам города, я подумал, что она не поняла, какое страшное зрелище ожидает ее. Поэтому стал решительно возражать. Я никогда не замечал в ней садистских наклонностей. Большинство царских жен собиралось присутствовать на казни, что, по-моему, и повлияло на нее. Да и Тан будет руководить церемонией казни, а она не упускала возможности поглядеть на него, даже на расстоянии.

В конце концов мне удалось переубедить ее, только употребив самый сильный довод из своего арсенала.

— Госпожа, такое жестокое зрелище наверняка повредит твоему нерожденному сыну. Ты же не хочешь калечить молодой неокрепший ум!

— Это невозможно! — Она впервые за время нашего спора заколебалась. — Мой сын ничего не узнает.

— Он увидит все твоими глазами, а вопли умирающего деда достигнут его маленьких ушек через стенки твоего живота, — я тщательно подобрал слова и добился нужного результата. Лостра задумалась и через некоторое время вздохнула.

— Но ты пойдешь туда и очень подробно все опишешь. Ты не пропустишь ни одной мелочи. Больше всего я хочу знать, как будут одеты жены царя. — Потом коварно усмехнулась, показывая, что доводы мои ее не совсем обманули:

— А расскажешь ты мне все шепотом, чтобы ребенок не проснулся и не подслушал нас.

Когда я покидал гарем на рассвете дня казни, было еще темно и саван мрака покрывал дворец. Я торопливо прошел через водный сад, где звезды отражались в черных зеркалах прудов. Когда я приблизился к крылу дворца, где содержался вельможа Интеф, то увидел свет ламп и факелов, услышал ругань и голоса, лихорадочно отдававшие приказы.

Я сразу понял, что произошло нечто серьезное, и побежал. Страж у двери личных покоев Интефа чуть не проткнул меня копьем, но, узнав, в последний момент поднял оружие и пропустил.

Тан стоял посередине прихожей, рычал, как черногривый лев в ловушке, и лупил

кулаками каждого, кто попадался под руку. Хотя он всегда был вспыльчивым человеком, я ни разу не видел, чтобы гнев настолько выводил его из себя. Казалось, мой друг потерял дар членораздельной речи и способность мыслить. Воины, могучие герои отряда синих, трусливо прятались от него, и во всем крыле дворца стоял невероятный шум.

Я направился к нему, увернулся от удара и крикнул прямо в лицо:

— Тан, это я! Возьми себя в руки! Во имя всех богов, ты что, сошел с ума?

Тан чуть было не ударил меня снова, но я видел, как он борется с собой. Наконец ему удалось взять себя в руки.

— Посмотри, можешь ли ты помочь им. — И он показал на тела стражников, валявшиеся на полу прихожей, как на поле битвы. С ужасом я узнал в одном из них Хетхета, старшего сотника отряда и уважаемого мной человека, который лежал в углу, свернувшись и сжимая живот. На лице у него застыла такая гримаса боли, какую я бы не хотел увидеть еще раз. Я коснулся его щеки: кожа была холодна и безжизненна.

Покачал головой.

— Уже ничем не могу ему помочь.

Я поднял пальцем веко и заглянул в мертвый зрачок, потом наклонился и понюхал рот. Почувствовал отвратительный слабый запах грибов, который был так знаком мне.

— Яд. — Я поднялся на ноги. — С остальными наверняка то же самое. — Пятеро стражников, скорчившись, лежали на каменных плитах.

— Как их отравили? — спросил Тан напряженным, но спокойным голосом, а я взял одну из чаш с низкого столика, где стражники, очевидно, обедали, и понюхал ее. Здесь запах грибов был сильнее.

— Спроси повара, — предложил я. Затем во внезапном приступе гнева швырнул чашу об стену. Скрюченные тела напомнили мне моих зверюшек, которые умерли такой же смертью, а Хетхет был мне другом.

Я перевел дыхание и спросил:

— Твой пленник, конечно, сбежал?

Вместо ответа Тан провел меня в спальню великого визиря. Я сразу увидел, что в дальнем конце комнаты отодвинута цветная, раскрашенная панель и открыт тайный ход.

— Ты знал, что здесь есть тайный ход? — холодно спросил Тан, и я покачал головой.

— Мне казалось, что знаю все его секреты, но я ошибался. — В моем голосе послышалось смирение. Наверное, в глубине души я понимал все это время, что нам не удастся свершить правосудие над вельможей Интефом. Он был любимцем богов тьмы и пользовался их покровительством.

— Расфер сбежал вместе с ним? — Тан покачал головой.

— Я приказал запереть его в арсенале вместе с князьями, но оба сына Интефа, Менсет и Собек, исчезли. Скорее всего, именно они организовали убийство стражников и побег отца.

Тан снова полностью овладел собой, но чувствовалось, что гнев его еще не угас.

— Ты так хорошо знаешь Интефа. Что он будет делать? Куда отправится? Как мне поймать его?

— Я знаю только одно: он подготовился к подобной напасти. В Нижнем царстве хранил сокровища у знакомых купцов и законников. Даже торговал с лжефараоном. Помоему, продавал ценные сведения его военачальникам. Наверняка будет встречен там с распростертыми объятиями.

— Я уже послал пять быстрых ладей на север с приказом обыскивать все суда, которые они нагонят.

— У него есть друзья за Красным морем. Он отправлял сокровища купцам в Газу, на берег северного моря, чтобы те сохранили их. Заключал сделки с бедуинами. Многие из них служили ему. Они помогут ему пересечь пустыню.

— Клянусь Гором, у него, как у крысы, нора одна, а выходов дюжина. Как могу я перекрыть все?

— Никак. Фараон ждет нас, он хочет присутствовать при казни. Тебе придется

доложить ему о бегстве.

— Царь будет разгневан, и по праву. Я не выполнил свой долг, позволил Интефу сбежать.

Но Тан ошибался. Фараон с поразительным спокойствием выслушал известие о побеге Интефа. Я не могу объяснить это. Наверное, огромные богатства, попавшие к нему в руки, смягчили его чувства, а кроме того, в глубине души еще могла таиться любовь к великому визирю. Но с другой стороны, фараон был добродушным человеком, и созерцание казни вельможи Интефа, которого должны были прибить к воротам, вряд ли доставило бы ему удовольствие.

По правде говоря, он выказал легкое раздражение и порассуждал об обмане правосудия, но пока мы находились у него, тайком поглядывал на список сокровищ Интефа. Даже когда Тан признал себя ответственным за побег пленника, фараон отмахнулся.

— Вина за это полностью лежит на начальнике стражи. Чаша с ядом, которую ему поставил Интеф, уже послужила наказанием. Ты послал ладьи и войска в погоню за беглецом. Ты сделал все, что должен был сделать, вельможа Харраб. Тебе остается только выполнить свой долг и привести в исполнение приговор, вынесенный остальным преступникам.

— Готов ли фараон присутствовать на казни? — спросил Тан, и фараон оглянулся, как будто искал повод остаться со списком сокровищ и докладом сборщика податей.

— У меня много дел, вельможа Тан. Начинайте без меня. Доложите, когда приговор будет приведен в исполнение.

НАРОД проявил такой интерес к казни, что отцы города решили построить «трибуны Таиты» перед главными воротами. Они брали по серебряному кольцу за место. Недостатка в желающих не было, трибуны забиты до отказа. Толпы зрителей, которые не смогли получить места на трибунах, разместились на полях за стенами города. Многие принесли с собой пива и вина, чтобы отпраздновать казнь и произносить тосты князьям сорокопутов. Мало кто из присутствующих не пострадал от набегов разбойников, многие потеряли мужей, братьев или сыновей.

Совершенно обнаженными и связанными, как и приказал фараон, осужденных провели по улицам Карнака. Толпы народа выстроились вдоль их пути и забрасывали навозом и грязью, кричали оскорбления и трясли кулаками. Дети плясали впереди шествия и пели веселую песенку, сочиненную тут же:

Гвозди в ногах, к солнышку зад:
Смерти такой князь будет рад!

Подчиняясь желанию госпожи, я занял место на трибуне и стал смотреть, как приводится в действие приговор. По правде говоря, глаза мои не глядели на наряды и украшения разодетых женщин, сидевших вокруг меня, когда пленников провели через ворота. Я смотрел на Расфера и пытался разжечь в себе ненависть к нему. Заставил себя перечислить все жестокие и коварные поступки, которые он совершил по отношению ко мне, постарался вспомнить боль, причиненную острым ножом. И все же, когда я увидел своего врага, голого, с огромным белым животом, висевшим почти до колен, с навозом в волосах и струйками грязи на лице и уродливом теле, мне было трудно ненавидеть его, как он того заслуживал.

Расфер узнал меня на трибуне и ухмыльнулся. Половина лица его была парализована, и ухмылка эта превратилась в кривую гримасу.

— Благодарю тебя за то, что ты пришел попрощаться со мной, евнух. Может быть, мы снова встретимся на полях рая, и тогда я с удовольствием опять отрежу тебе яйца.

Издевка должна была разжечь мою ненависть, но почему-то этого не произошло, хотя я и ответил ему:

— Ты отправишься не дальше грязи на дне реки, старина. Следующую зубатку, которую я зажарю на вертеле над костром, назову Расфером.

Его первым из пленников должны были поднять на ворота. Троиц пришлось тянуть сверху на веревках, четверо поднимали снизу. Они держали, пока один из войсковых оружейников забирался по лестнице с каменным молотком в руке.

Расфер перестал шутить, когда первые толстые медные гвозди прошли через плоть и кости огромных мозолистых ног. Он орал и извергал проклятья, извиваясь в руках державших его мужчин, а толпа веселыми криками и смехом подбадривала оружейника.

Только когда забили все гвозди и молотобоец спустился вниз полюбоваться своей работой, стали видны недостатки нового наказания. Расфер выл и рычал, болтаясь на воротах, кровь медленно сочилась из ран. Теперь гигантское брюхо нависло над грудью, обнажив огромную волосатую гроздь половых органов, бившихся о низ живота. Он извивался и бился на воротах, а гвозди медленно рвали плоть между пальцами, пока наконец не прорвали ее. Расфер свалился на землю и начал биться как рыба на песке. Зрителям представление понравилось, и они весело завывали.

Подбадриваемые зрителями, палачи подняли Расфера, а оружейник снова забрался с молотком на ворота и начал заколачивать гвозди. Чтобы жертва держалась покрепче, Тан приказал также прибить руки.

На этот раз Расфера закрепили более удачно: он висел головой вниз, распятый на руках и ногах, словно чудовищная морская звезда. Больше не орал: тяжелые потроха провисли и сжали легкие. Каждый вздох стоил ему огромных усилий, не хватало воздуха на крик.

Один за другим все осужденные были подняты на ворота и распяты на них; толпа визжала от радости и хлопала в ладоши. Только Басти Жестокий не издал ни звука, чем лишил зрителей удовольствия поиздеваться над собой.

Время шло. Солнце поднималось все выше, и жара усиливалась. К полудню пленники настолько ослабели от боли, жажды и потери крови, что висели тихо, как туши на крюках мясника. Зрители начинали скучать и постепенно расходились. Некоторые князья из сорокопутов продержались дольше, другие меньше. Басти продолжал дышать целый день. Только на заходе солнца он последний раз судорожно вздохнул и затих.

Расфер оказался крепче остальных. Много позже, после смерти Басти, он все еще держался. Лицо раздулось от наплыва темной крови и стало вдвое шире, чем раньше. Язык торчал изо рта, как кусок сырой печени. Время от времени он глухо стонал, и глаза судорожно раскрывались. Каждый раз, когда я видел это, ощущал его страдания. Последние остатки ненависти давно угасли, и теперь меня переполняла жалость к нему, как ко всякому измученному животному.

Толпа уже давно разошлась, и я сидел один на пустой трибуне. Не пытаюсь скрывать своего отвращения к обязанности, возложенной на него фараоном, Тан оставался на посту до заката. Затем передал командование охраной одному из сотников и оставил нас сторожить покойников.

Теперь у ворот было лишь десять стражников, не считая меня да нескольких нищих, валявшихся, как кучи тряпья, у подножия стены. Факелы по обеим сторонам ворот мерцали и вспыхивали на ночном ветерке, освещая происходящее потусторонним светом.

Расфер снова застонал, и я не выдержал. Взял кувшин пива из своей корзины и спустился вниз к сотнику. Мы знали друг друга по походу в пустыне, поэтому он рассмеялся и покачал головой в ответ на мою просьбу.

— Таита, ты мягкосердечный дурак. Этот негодяй все равно не жилец. Он не стоит беспокойства. Но я могу отвернуться на время. Поторопись.

Я подошел к воротам, и голова Расфера оказалась на одном уровне с моей. Я тихо позвал его по имени, веки судорожно открылись. Не зная, понимает ли он, что ему говорят, я прошептал:

— Я принес тебе пива — промочить горло.

Расфер тихо сглотнул. Глаза смотрели на меня. Если он еще чувствовал что-нибудь, его

должна была мучить адская жажда. Я плеснул несколько капель пива ему на язык, стараясь не попасть в нос. Распятый сделал слабое, но тщетное усилие проглотить. Это было невозможно: жидкость вытекла из уголков рта и потекла на слипшиеся от навоза волосы.

Он закрыл глаза, и настал наконец момент, которого я ожидал. Я тихо достал кинжал из складок платка. Осторожно приложив острое у него за ухом, быстрым и резким движением вонзил по рукоять. Его спина выгнулась в последней судороге, а потом тело обмякло и затихло. Я вынул клинок. Крови почти не было, я спрятал кинжал в платок и отвернулся.

— Пусть райские сны укачивают тебя всю ночь, Таита, — окликнул меня на прощание сотник. Я не смог совладать со своим голосом и не ответил ему. Мне бы никогда не пришлось в голову, что я буду оплакивать Расфера. Но может быть, я и не его оплакивал. Может быть, себя и только себя.

ПО ПОВЕЛЕНИЮ фараона возвращение двора на Элефантину сначала отложили на месяц. Царю нужно было распорядиться новыми сокровищами, и он находился в приподнятом настроении. Я никогда еще не видел его более счастливым и довольным. Я был рад за него. К этому времени я по-настоящему привязался к старику и иногда засиживался допоздна с его писцами, проверяя счета царской казны, начавшие теперь явно излучать розовое сияние.

Помимо этого, меня иногда призывали к царю на совет по поводу перестройки погребального храма, которую он теперь мог себе позволить. Я подсчитал, что примерно половина недавно полученных сокровищ уйдет в могилу вместе с фараоном. Он забрал лучшие драгоценности из запасов Интефа и послал пятнадцать тахов золотых слитков златокузнецам храма, чтобы их переработали в ритуальные предметы.

Тем не менее Мамос находил время призывать к себе Тана и совещаться с ним по военным вопросам. Теперь он признавал в Тане одного из выдающихся военачальников своего войска.

Я иногда присутствовал на его встречах. Угроза со стороны лжефараона Нижнего царства нависла над нами, и мысли наши постоянно возвращались к ней. Благосклонность царя к Тану была столь велика, что последнему даже удалось рассеять большую часть его страхов и убедить фараона выделить небольшую часть сокровищ Интефа на постройку пяти новых флотилий боевых ладей и снабжение отрядов стражи новым оружием и сандалиями. Но он не сумел убедить царя выдать войску невыплаченное жалованье. Многие отряды уже полгода его не получали. Решения фараона повысили боевой дух войска, и каждый солдат знал, кому всем обязан. Они рычали как львы и приветствовали Тана, поднимая вверх сжатые кулаки, когда он выстраивал войска на смотр.

Почти всякий раз, когда Тана призывали на аудиенцию к царю, госпожа моя находила повод присутствовать там. Хотя ей хватало здравого смысла держаться в тени, они с Таном обменивались такими горящими взглядами, что я боялся, как бы не подпалили искусственную бороду фараона. Нам везло: никто, кроме меня, казалось, не замечал этих жарких посланий страсти.

Как только госпожа узнавала, что я должен увидаться с Таном с глазу на глаз, она передавала ему долгие и горячие послания. По возвращении от него я приносил ей ответы, не уступавшие ее собственным по длине и страстности. К счастью, излияния их сердец повторялись, и запомнить не представляло труда.

Госпожа Лостра без устали просила меня найти для нее способ остаться с Таном наедине. Признаться, я слишком боялся за свою шкуру и безопасность моей госпожи и не слишком ревностно выполнял эти приказания, не проявляя обычной своей изобретательности. Однажды я попытался было передать Тану приглашение встретиться с моей госпожой, но он вздохнул и отказался, осыпав меня признаниями в любви к ней.

— Наша первая встреча в гробницах Траса была чистым безумием, Таита. Я совсем не собирался ставить под удар честь госпожи Лостры, и если бы не самум, этого бы не произошло. Мы не можем больше так рисковать. Скажи, что я люблю ее больше жизни.

Скажи ей, что я буду ждать ее всю свою жизнь.

Получив это любовное послание, госпожа моя топнула ножкой, назвала своего верного любимого упрямым дураком, которому наплевать на нее, разбила чашку и два кувшина цветного стекла и бросила в реку украшенное драгоценностями зеркало, подарок царя, а потом и сама кинулась на постель и прорыдала до самого вечера.

ПОМИМО чисто военных обязанностей, которые включали наблюдение за постройкой флотилии новых ладей, Тан в те дни много времени посвящал переустройству отцовских имений, доставшихся ему в наследство.

Он почти каждый день советовался со мной по этим вопросам. Нет ничего удивительного в том, что сорокопуты не трогали эти имения, пока они принадлежали вельможе Интефу. Поэтому Тан буквально за ночь стал одним из самых богатых людей Верхнего царства. Хотя я изо всех сил старался переубедить его, он потратил значительную часть состояния на выплату жалованья своим воинам и перевооружение любимого отряда синих. Разумеется, за эту щедрость люди полюбили его еще больше.

Не удовлетворившись таким мотовством, Тан отправил своих сотников, Крата, Ремрема и Аста, собирать по улицам Фив увечных ветеранов речных войн, нищенством добывавших себе пропитание. Он поселил все эти отбросы в одном из больших поместий за городом, которое получил в наследство, и, хотя объедков и помоев им было бы более чем достаточно, кормил их мясом, лепешками и пивом. Простые воины громко приветствовали Тана на улицах и пили за его здоровье в кабаках.

Когда я рассказал госпоже о безумном мотовстве Тана, ее только вдохновил его пример, и она тут же потратила сотни дебенов золота, заработанных мною для нее, на приобретение и обустройство десятка зданий, превращенных затем в больницы и приюты для бедняков Фив. Я уже отложил это золото для закупки зерна, но, как ни ломал руки, умоляя ее, она настояла на своем.

Нужно ли говорить, что долготерпеливому рабу Таите пришлось отвечать за управление всей этой глупостью госпожи, хотя и она тоже каждый день посещала свои благотворительные заведения. Теперь для каждого бездельника и пьяницы Луксора и Карнака оказалось возможным получить бесплатный обед и удобную постель за наш счет, а если этого ему было мало, он мог даже принять чашку супа из собственных прелестных ручек моей госпожи. А лечением их гнойных язв и поносов занимался один из лучших врачей страны.

Мне удалось найти несколько молодых безработных писцов и разочаровавшихся в религии жрецов, которые любили народ больше, чем богов или деньги. Моя госпожа наняла их, и во главе со мной этот маленький отряд отправлялся ночью охотиться на задворках города и в трущобах. Каждую ночь мы отлавливали уличных сирот. Они представляли собой стаи грязных, завшивевших дикарей, и редко кто из них по собственному желанию уходил с нами. Нам приходилось ловить их, как диких котов. Я получил множество укусов и царапин, пытаясь отмыть маленькие тела от засохшей грязи или сбрить толстый слой спутанных волос со вшами, в которые нельзя было даже воткнуть гребень.

Мы поселили их в одном из новых приютов. Здесь жрецы занялись нудным и долгим процессом приручения этих дикарей, а писцы направляли их по длинной дороге образования. Многие из наших пленников убегали через несколько дней и возвращались в свои сточные канавы. Однако кое-кто оставался в приюте. Медленное превращение этих животных в человеческие существа радовало мою госпожу и доставляло мне гораздо больше удовольствия, чем я мог ожидать от такого занятия.

Тщетно пытался я возражать против того, как госпожа моя тратит наше состояние. Я пообещал ей, что, если бальзамировщики получат мое тело и положат его в гробницу раньше отведенного мне богами срока, вина за это будет целиком лежать на тех двух юных глупцах, которых я пригрел под своим крылом и постоянно награждавшие меня непослушанием.

Нужно ли говорить, что именно госпожу, а не меня все вдовы и калеки города

благословляли и дарили ей свои жалкие дары: увядшие букетики цветов, дешевые бусы, ветхие кусочки папируса с плохо написанными текстами из Книги Мертвых. Когда Лостра ходила по городу, простой народ подносил к ней своих детенышей для благословения и люди старались прикоснуться к краю ее одежды, как будто это был религиозный талисман. Она целовала грязных детей, хотя я предупреждал, что это опасно для здоровья, и разбрасывала медь бездельникам, как дерево осенью роняет свои листья.

— Это мой город. Я люблю его и люблю каждого жителя. О, Таита, с каким ужасом думаю я о возвращении на Элефантину. Мне больно оставлять мои прекрасные Фивы.

— Так ты боишься оставить город? Или некоего грязного воина, живущего здесь? — Она ударила меня, но не сильно.

— Для тебя нет ничего святого, даже любовь, чистую и верную, ты не ценишь! В душе ты остаешься варваром, несмотря на все твои свитки и высокопарные слова.

ИТАК, дни летели быстро для всех нас, пока однажды утром я не посмотрел в свой календарь: уже больше двух месяцев прошло с тех пор, как госпожа Лостра снова стала выполнять свои супружеские обязанности в постели фараона. Хотя положение ее внешне еще не было заметно, уже пора было известить царя о великом подарке богов и приближающемся отцовстве. Когда я сказал госпоже, что собираюсь сделать, ее взволновало только одно. Она заставила меня пообещать, что я скажу Тану: именно он является настоящим отцом ее ребенка, прежде чем извещу царя. В тот же день после полудня я отправился выполнять свое обещание. Я нашел Тана на верфях на западном берегу, где он ругался с корабельщиками и угрожал бросить их в реку на съедение крокодилам. Он забыл о своем гневе, как только увидел меня, и провел к ладье, которая была недавно спущена на воду; показал устройство для удаления воды из трюма, если корабль будет поврежден в бою. Тан, казалось, забыл, что именно я изобрел эту машину, и мне пришлось тактично напомнить ему об этом.

— Еще немного, и ты потребуешь денег за свои идеи. Клянусь, ты скуп, как ассирийский торгаш. — Он хлопнул меня по спине и отвел на дальний конец палубы, где никто из моряков не мог нас услышать. Там понизил голос:

— Как себя чувствует твоя госпожа? Она снилась мне сегодня ночью. Скажи мне, хорошо ли ей? Как дела у маленьких сироток? Сколько любви в этом сердце, сколько красоты! Все Фивы обожают ее! Я слышу дорогое имя повсюду, когда хожу по городу, и звуки его вонзаются в мое сердце как острие копья!

— Очень скоро тебе придется любить двоих вместо одного человека, — сказал я, и Тан уставился на меня, разинув рот, как будто внезапно лишился чувств. — Ведь в гробницах Траса не только самум прикоснулся к моей госпоже.

Он вдруг обнял меня с такой силой, что перехватило дыхание.

— Что еще за загадки? Говори ясно, или я выброшу тебя в реку! Что ты несешь, старый болтун? Перестань играть словами!

— Госпожа Лостра беременна от тебя. Она послала сказать тебе об этом, чтобы ты узнал первым, раньше самого царя, — выдохнул я. — А теперь отпусти, пока не покалечил.

Тан отпустил меня настолько внезапно, что я чуть не упал за борт.

— Мой ребенок! Мой сын! — вскричал он. Поразительно, как оба одновременно решили, какого пола будет их малютка. — Это чудо, это дар самого Гора! — Очевидно, Тан в тот момент решил, что никто, кроме него, за всю историю человечества еще не становился отцом.

— Мой сын! — Он затряс головой от удивления, улыбаясь, как слабоумный. — Моя жена и мой сын! Я должен немедленно пойти к ней. — И тут же зашагал прочь по палубе, а мне пришлось бегом догонять его. Понадобилась вся моя изворотливость, чтобы помешать ему ворваться во дворец, а затем и в царский гарем. В конце концов я отвел его в ближайший прибрежный кабачок, чтобы обмыть головку ребенка. К счастью, там уже выпивала группа свободных от службы воинов синих. Я заказал целый бочонок лучшего вина и оставил их

наедине с этим бочонком. В кабачке находились также воины из других отрядов, так что позже там будет драка. Ведь Тан был в весьма шумном настроении, а синих не нужно уговаривать, чтобы подраться с кемнибудь.

Из кабачка я отправился прямо во дворец, и фараон был очень рад видеть меня.

— Я собирался послать за тобой, Таита. Я решил, что мы с тобой были слишком скупы, когда планировали главные ворота моего храма. Мне хочется что-нибудь более величественное...

— Фараон! — вскричал я. — О, величие и божество Египта! Я принес удивительную весть. Богиня Исида сдержала свое обещание. Твоя династия будет вечной! Пророчества лабиринтов Амона-Ра сбудутся. Луна моей госпожи была растоптана копытами могучего быка Египта! Госпожа Лостра беременна, у нее будет сын от тебя!

На какое-то время все мысли о похоронах и погребальном храме вылетели из головы фараона, и первым его побуждением, как и у Тана, было отправиться к Лостре. И вот все бросились по коридорам дворца следом за ним. Плотным потоком вельможи и придворные текли за фараоном, а госпожа моя ждала нас в саду гарема. С природным коварством женщины она заняла такое место, великолепно оттенявшее ее красоту. Она сидела на низкой скамеечке между цветущими клумбами, а позади виднелся простор реки. Поначалу мне даже показалось, что царь бросится перед ней на колени, но и обещание бессмертия не могло заставить его позабыть о своем достоинстве.

Вместо этого он стал осыпать ее поздравлениями, похвалами, взволнованно расспрашивал о здоровье и все время, как зачарованный, смотрел на живот, из которого в положенный срок появится главное чудо жизни. Наконец спросил:

— Дитя мое, совершенно ли ты счастлива? Не могу ли я чем-нибудь осчастливить мою девочку в это трудное для нее время?

И снова восхищение госпожой переполнило меня. Из нее получился бы великий военачальник или торговец, потому что чувство момента было безупречным.

— Ваше величество, Фивы — мой родной город, я не могу быть счастлива нигде в другом месте Египта. Я умоляю вас проявить щедрость и великодушие и позволить моему сыну родиться в Фивах. Пожалуйста, не заставляйте меня возвращаться на Элефантину.

Я затаил дыхание, поскольку местонахождение двора было делом государственным. Перемещение двора из одного города в другой влияло на жизни тысяч подданных. Такое решение нельзя принимать по капризу ребенка, которому не исполнилось и шестнадцати лет. Просьба поразила фараона, он задумчиво почесал свою искусственную бороду.

— Ты хочешь жить в Фивах? Ладно. Двор переедет в Фивы! — И повернулся ко мне. — Таита, разработай для меня новый дворец. — Снова посмотрел на госпожу. — Не расположить ли нам его на западном берегу, дорогая? — показал рукой на другую сторону реки.

— На западном берегу прохладно и красиво, — согласилась госпожа, — я буду там очень счастлива.

— На западном берегу, Таита. И не ограничивай себя ни в чем. Этот дворец должен быть подходящим домом для сына фараона. Его назовут Мемнон, правитель восхода. И дворец этот станет дворцом Мемнона.

Вот так, без всякого труда госпожа моя взвалила на меня еще одну тяжелую ношу. Она стала постепенно приучать царя к своим просьбам во имя ребенка, растущего в ее утробе. С этого момента фараон больше не был расположен отказывать ей в чем бы то ни было, будь то почести для тех, кого она любила, или милость для тех, кого она брала под свою защиту, или, скажем, редкие и чудесные блюда, которые должны были доставлять ей со всех концов империи. По-моему, она, как капризный ребенок, наслаждалась, испытывая, насколько далеко простирается ее власть над царем.

Лостра никогда не видела снега, хотя и слышала о нем из моих отрывочных детских воспоминаний о далекой горной стране, где я родился. Она попросила принести ей немного снега, чтобы охлаждать лицо в жаре нильской долины. Фараон немедленно приказал

провести состязания, во время которых были отобраны сто самых быстрых бегунов Верхнего царства. Их отправили в Сирию, чтобы они принесли моей госпоже снег в особой шкатулке, изобретенной мною, чтобы спасти его от таяния. Пожалуй, это единственный из капризов, который так и не был выполнен. Мы получили всего лишь мокрое пятно на донышке шкатулки, когда она прибыла к нам с высоких горных вершин.

Во всех остальных случаях желания удовлетворялись. Однажды в ее присутствии Тан говорил с фараоном о боевом порядке египетского флота. Госпожа моя тихо сидела в уголке, пока Тан не закончил и не ушел, а затем тихо заметила:

— Говорят, вельможа Тан один из лучших наших военачальников. Не покажется ли тебе мудрым, мой божественный муж, возвести его в ранг Великого Льва Египта и отдать ему под командование войска севера? — У меня перехватило дыхание от такой дерзости, однако фараон задумчиво кивнул:

— Эта мысль уже приходила мне в голову, моя дорогая, хотя он еще, пожалуй, слишком молод для такого высокого поста.

На следующий день Тана вызвали на аудиенцию к царю, и вышел он оттуда Великим Львом Египта и командующим северным крылом войска. Престарелый военачальник, занимавший этот пост до него, получил значительное пособие и теплое местечко при царском дворе. Теперь Тан имел под своим командованием три сотни лодок и почти тридцать тысяч человек. Это назначение делало его четвертым по старшинству в войске, и только Нембет и еще пара старых перечеиц были выше его.

— Вельможа Тан — гордый человек, — сообщила мне госпожа Лостра, как будто я не имел об этом ни малейшего представления. — Если ты расскажешь ему, что он получил это звание с моей помощью, я продам тебя первому попавшемуся сирийскому торговцу, — зло пригрозила она.

Все это время ее живот, когда-то такой гладкий и стройный, постепенно рос. Несмотря на все остальные заботы, мне приходилось ежедневно сообщать о течении беременности не только во дворец фараона, но и в штаб флотилии северного крыла войск.

РАБОТЫ на строительстве дворца Мемнона начались через пять недель после того, как фараон повелел мне разработать план. Именно столько времени ушло на него. И госпожа моя, и царь согласились с моими предложениями, так как они превзошли все их ожидания. По красоте это здание должно было затмить все построенное в нашей стране.

В тот самый день, когда началось строительство, контрабандист прорвался через блокаду красного самозванца, подкупив моряков его флота. Он причалил в Фивах с грузом древесины кедра из Библа. Кормчий был моим старым другом и принес интересные вести для нас.

Сообщил, что вельможу Интефа видели в городе Газа. Говорили, что он путешествует с большой помпой, отправляясь на Восток с многочисленной охраной. Таким образом, ему, наверное, удалось пересечь Синайскую пустыню или найти корабль и отплыть из устья Нила на Восток вдоль берега великого моря.

Кормчий принес также другие вести, которые в то время мне показались незначительными, но вскоре они должны были изменить судьбу нашей страны и всех нас, живущих вдоль великой реки. Говорили, будто новое кочевое племя шло из неведомых стран к востоку от Сирии, сметая все на своем пути. Люди мало знали об этом воинственном народе, кроме того, что он изобрел способ ведения боя, доселе невиданный. Кочевники способны очень быстро проходить большие расстояния, и никакое войско не устоит против них.

Вести о врагах, готовившихся напасть на Египет, приходили постоянно, я уже слышал по меньшей мере пятьдесят подобных слухов и не придавал этому большого значения. Однако кормчий обычно был надежным осведомителем, поэтому я упомянул Тану о его рассказе, когда мы встретились.

— Никто не может выстоять против таинственного врага? — улыбнулся Тан. —

Посмотрел бы я, как они налетят на моих ребят. Мы им покажем, что значит слово «непобедимые». Как их зовут, этих могучих воинов, нападающих подобно ветру?

— Кажется, они называют себя пастушьими царями — гиксосами. — Вряд ли я смог бы так легко произнести это слово, если бы знал, что оно будет значить для нашего мира.

— Пастухи, да? Ну, мои негодяи — не стадо баранов. Их не так-то просто пасти. — И он отмахнулся от этой истории, поскольку его гораздо больше заинтересовали сведения о вельможе Интефе. — Если бы мы точно знали о его местонахождении, я мог бы послать отряд, чтобы схватить и привести его сюда, на суд фараона. Всякий раз, когда я хожу по имениям, которые когда-то принадлежали моей семье, чувствую дух отца где-то рядом. Знаю, что он не успокоится до тех пор, пока я не отомщу Интефу.

— Если бы это было так просто. — Я покачал головой. — Интеф хитер как лисица пустыни. Не думаю, что мы когда-нибудь снова увидим его в Египте. — Когда я сказал это, боги тьмы, наверное, усмехнулись про себя.

С РАЗВИТИЕМ беременности я скоро сумел заставить госпожу оставить множество своих занятий. Запретил посещать больницы и приюты изза опасности заразить себя и убить нерожденного ребенка паразитами или болезнями бедняков. В жаркое время заставлял ее сидеть в беседке, построенной мной в водном саду для великого визиря. Когда она пожаловалась как-то раз на скуку от вынужденного безделья, фараон прислал музыкантов, чтобы ей было веселее, и убедил меня оставить постройку дворца Мемнона и проводить время с ней, рассказывая сказки и обсуждая последние подвиги Тана.

Я настаивал на строгой диете и не разрешал употреблять вино и пиво. Приказал дворцовым садовникам снабжать ее каждый день свежими фруктами и овощами и сам срезал жир с мяса, так как знал, что он может сделать ребенка слабым и толстым. Сам готовил ей еду и каждую ночь, провожая Лостру в спальню, смешивал особый настой трав и соков, который должен был придать силы ребенку. Разумеется, когда она внезапно заявляла, что хочет бульона, сваренного из почек и печени газели, салата с язычками жаворонка или жареной грудинки дикой дрофы, царь тут же посылал сотни охотников в пустыню, чтобы добыть для нее эти деликатесы. Я воздерживался от рассказов вельможе Тану об этих странных желаниях своей госпожи, потому что боялся услышать на следующий день, как вместо того, чтобы вести войну против лжефараона, войско севера отправилось в пустыню охотиться на газелей, жаворонков или дроф.

Приближался срок родов, и я начал тревожиться. Не спал ночами, поскольку обещал царю наследника, но тот никак не ожидал, что его сын родится так скоро. Даже бог может сосчитать дни, прошедшие с начала праздника Осириса. Если бы ребенок оказался девочкой, ничего бы страшного не произошло, по крайней мере я мог бы приготовить фараона к ее преждевременному появлению на свет.

Теперь фараона интересовало все, что связано с беременностью и родами, и на какое-то время этот интерес победил увлечение храмами и гробницами. Мне приходилось почти каждый день заверять его, что довольно узкие бедра госпожи Лостры не будут препятствием для нормальных родов. В отличие от многих суеверных повитух я считал ее ранний возраст чрезвычайно благоприятным для успешного завершения нашего предприятия.

Тут мне представилась возможность сообщить царю один занятный, но малоизвестный факт: многие великие богатыри, воины и мудрецы, прославившиеся в истории, появились на свет преждевременно.

— Я считаю, ваше величество, что это похоже на жизнь лентяя, который слишком долго нежится в постели и тем самым тратит свои силы на сон, в то время как великие люди встают рано. Я заметил, что божественный фараон всегда поднимается до рассвета, и нисколько не удивлюсь, если и на свет он появился немного раньше срока. — Я знал, что это не так, но, естественно, сам Мамос не мог противоречить мне. — Это будет крайне благоприятным обстоятельством, если сын станет подражать своему отцу и рано покинет утробу матери. — Я надеялся, что не слишком горячо отстаиваю свою точку зрения, но

фараона, казалось, убедило мое красноречие.

В конце концов ребенок сам помог мне, задержавшись позже назначенного ему времени почти на две недели, и я не пытался торопить его. Срок оказался настолько близким к обычному, что у злых языков не было повода болтать, а фараон получил благословение богов тем, что сын родился раньше положенного срока: ведь он сам теперь желал этого.

Меня нисколько не удивило, что родовые схватки моей госпожи начались в самое неподходящее время. Околоплодные воды прорвались во время третьей ночной стражи. Она никогда не пыталась облегчить мне жизнь. Однако на этот раз, по крайней мере, избавила меня от необходимости воспользоваться услугами повитухи, так как я не доверяю этим старым каргам с черными от засохшей крови ногтями.

Когда начались роды, госпожа Лостра действовала с обычными для нее распорядительностью и апломбом. Я едва успел стряхнуть с себя остатки сна, вымыть руки в горячем вине и благословить инструменты в пламени горящей лампы, когда она застонала и довольно весело сказала:

— Посмотри-ка получше, Таита. По-моему, уже началось. — Я знал, что еще рано, но решил ублажить ее. Мне хватило одного взгляда, и я позвал рабынь:

— Поторопитесь, лентяйки! Приведите царских жен!

— Каких? — Первая служанка, отзывавшаяся на мой крик, вбежала в комнату спотыкаясь и не успев стряхнуть с себя сон и как следует одеться.

— Всех! Каких угодно!

Ни один царевич не может унаследовать двойную корону Египта, если во время его рождения не будет свидетелей, которые официально подтвердят, что при родах не произошло подмены.

Царские жены появились в комнате как раз в тот момент, когда ребенок первый раз показался на этом свете. По телу госпожи моей прошла мощная судорога, и показалась макушка. Я с ужасом думал о том, что вот-вот появится сноп красно-золотых кудрей, но вместо этого увидел темную густую шерсть, похожую на мех бобра или нутрии. Только через много лет цвет волос царевича изменится, и красный отблеск появится в черных локонах, которые засверкают подобно полированным гранатам, отражая лучи солнца.

— Давай! — крикнул я госпоже. — Сильнее! — И она ответила яростным усилием. Молодые кости ее таза, еще не скованные грузом лет, расширились, чтобы пропустить ребенка, и путь его был очень хорошо смазан. Ребенок застал меня врасплох. Он вылетел наружу, как камень из пращи, маленькое скользкое тельце чуть не вывалилось у меня из рук.

Не успел я толком ухватить его, как госпожа моя приподнялась на локте. Волосы ее прилипли к голове от пота, а лицо перекошилось от беспокойства.

— Мальчик? Говори! Говори!

Толпа царских жен, заполнившая комнату и стоявшая вокруг кровати, стала свидетелем первого действия, совершенного ребенком на этом свете. Из своего маленького членника, длиной меньше моего мизинца, царевич Мемнон, первый фараон этого имени, выпустил струю почти до потолка. Я оказался на пути этой теплой струи, и она промочила меня насквозь.

— Мальчик? — испуганно спросила госпожа, и десять голосов одновременно ответили ей.

— Мальчик! Да здравствует Мемнон, царственный наследник Египта!

Я потерял дар речи, и глаза мои зашипало не только от царственной мочи, но и от слез радости и облегчения. А ребенок, набрав в легкие воздуха, сердито и яростно закричал в первый раз.

Он замахал ручками и стал пинаться так сильно, что я снова чуть не уронил его. Когда глаза мои прояснились, я увидел у себя в руках сильное стройное тельце, маленькую гордую головку и густые темные волосы на ней.

Я ПОТЕРЯЛ счет, скольким детям помог появиться на свет, но весь опыт врача не мог

подготовить меня к тому, что мне пришлось испытать. Вдруг почувствовал, как вся любовь и преданность, на которые я был способен, кристаллизовались в одном мгновении моей жизни. Пришло понимание: нечто, появившееся сейчас, останется со мной навсегда и будет крепнуть с каждым днем. Жизнь моя сделала еще один резкий поворот, и ничто не сможет заставить ее вернуться на прежнюю дорогу.

Когда я обрезал пуповину и купал ребенка, меня переполняло чувство почти благоговейного страха, какого я не испытывал ни в одном святилище многочисленных богов Египта. Глаза мои и сердце упивались видом этого совершенного маленького тельца и красного сморщенного личика, с признаками силы, упрямства и мужества видными так же ясно, как и на лице его настоящего отца.

Я положил младенца на руки матери. Когда он нашел набухший сосок и присосался к нему, как леопард впивается в горло газели, госпожа подняла на меня глаза. Я потерял дар речи, но никакие слова не смогли бы выразить наши чувства. Мы оба поняли это. Началось нечто удивительное и столь прекрасное, что никто из нас двоих еще не мог этого полностью осознать.

Я оставил ее одну радоваться сыну и отправился сообщить царю. Спешки не было, потому что весть о рождении давно дошла до него. Царские жены славились болтливостью. Он, наверное, уже шел в гарем.

Я помедлил в водном саду, внезапно охваченный ощущением нереальности происходящего, словно видел сон. Светало, и бог солнца Амон-Ра показал краешек своего пылающего диска над восточными холмами. Я шепотом вознес ему благодарную молитву. Пока стоял, подняв глаза к небу, стайка дворцовых голубей стала кружить над садом. Когда они поворачивали в воздухе, лучи солнца отражались на крыльях, сверкавших как алмазы.

Затем высоко в небе, над кружащей стаей, я увидел темную точку и даже на этом расстоянии тут же узнал ее. Это был дикий сокол, прилетевший из пустыни. Он сложил острые крылья и бросился вниз. Целился в главную птицу стаи, и полет его был смертельно точным и неумолимым. Сокол ударил голубя, перья взорвались в воздухе, как облачко бледного дыма, и бедная птица умерла. Обычно сокол, вцепившись в свою жертву, падает вместе с ней на землю.

Однако на этот раз все было иначе. Сокол убил голубя, а затем разжал когти и выпустил его. Размозженное тельце птицы упало вниз, а сокол с резким криком закружил у меня над головой. Он сделал три круга и на каждом издавал резкий воинственный крик. Три — одно из самых могущественных чисел. Это дало мне понять, что я видел нечто потустороннее. Сокол был посланцем, может быть, даже самым богом Гором в одном из его воплощений.

Тело голубя упало к моим ногам, и капельки его крови забрызгали мои сандалии. Мне было знамение от бога. Это знамение говорило о том, что Гор будет защищать и опекать новорожденного. Я понимал также, что царевича он поручает мне. Бог поручает мне заботиться о нем.

Я взял мертвого голубя и поднял его к небу.

— С радостью принимаю я поручение, данное тобой, о Гор! Каждый день своей жизни я буду верен ему.

Сокол снова закричал, потом испустил последний яростный клич, резко развернулся и мощными взмахами острых крыльев понесся через Нил и исчез в диких просторах пустыни, направляясь в западные поля рая, где живут боги.

Я выдернул у голубя маховое перо. Позже положил его в кроватку царевича на счастье.

РАДОСТИ и гордости фараона не было границ. Он объявил пир в честь новорожденного. Целую ночь подданные Верхнего Египта пели и плясали на улицах, поглощая мясо и вино, предоставленные фараоном, и благословляли царевича Мемнона за каждый глоток. Он был сыном госпожи Лостры, которую все любили, и это сделало его появление на свет еще более радостным. Госпожа моя была так молода и вынослива в те дни

и чувствовала себя настолько хорошо, что смогла показаться с младенцем всему двору Египта уже через несколько дней после родов. Она сидела на малом троне, чуть ниже царского, и являла собой прекрасный образ молодой матери. Когда откинула одежду, приподняла набухшую от молока грудь и дала ребенку перед всеми придворными, они так громко приветствовали ее, что напугали малыша. Он выплюнул сосок и закричал на них, лицо его при этом стало пунцовым от ярости. Народ сразу полюбил его.

— Он лев, — заявили все. — В его жилах течет кровь царей и воинов.

Когда малыша успокоили и заткнули ему рот соском матери, фараон поднялся и обратился к нам, подданным:

— Я признаю этого ребенка своим отпрыском и прямым потомком моей крови и моей династии. Он — мой перворожденный сын и станет фараоном после меня. Я представляю вам, мои вельможи, и всем моим подданным царевича Мемнона.

Раздались приветственные крики, они долго не утихали, так как никто из присутствующих не отважился замолчать первым и тем самым подвергнуть сомнению свою верность фараону.

Во время этой церемонии я стоял со слугами и рабами царского дома на одной из верхних галерей над залом. Вытянув шею, я смог разглядеть внизу высокий силуэт вельможи Тана. Тот стоял в третьем ряду под троном с Нембетом и другими военачальниками. Хотя и кричал вместе со всеми, чувства были написаны на широком открытом лице. Тан стремился скрыть их. Другой заявлял права на сына, и он был бессилен что-либо изменить. Даже я, человек, хорошо его знавший и понимавший, мог только догадываться, как велики мучения.

Потом наконец царь потребовал тишины и снова обратился к присутствующим:

— Я представляю вам также мать царевича, госпожу Лостру. Пусть знают все, что теперь она будет сидеть ближе всех к моему трону. С этого самого дня я возвожу ее в ранг царицы-правительницы и старшей жены фараона. С этого момента ее будут звать царицей Лострой, а по правам и преимуществам только царь и царевич будут превосходить ее. Кроме того, пока царевич не достигнет совершеннолетия, царица Лостра может править от моего имени и, когда я не смогу исполнять свои обязанности, будет возглавлять народ Египта вместо меня.

На мой взгляд, во всем Верхнем Египте не было ни одного человека, не любившего моей госпожи, за исключением, пожалуй, нескольких жен фараона, которые не смогли родить царю наследника, а теперь увидели, что она превзошла их по своим правам и привилегиям. Все остальные с радостью выразили свою любовь к ней и приветствовали слова царя.

В конце церемонии представления царская семья покинула зал. В главном дворе своего дворца фараон взошел на огромную волокушу государства, царица Лостра села рядом с ним с царевичем на руках, и упряжка белых буйволов потащила волокушу по аллее Баранов к храму Осириса, где они должны были принести жертву богу. По обеим сторонам священной аллеи в сто рядов стояли граждане Фив; мощными криками выражали они свою преданность к царю и любовь к новой царице и новорожденному царевичу.

В тот вечер, когда я прислуживал Лостре и ее ребенку, она шепнула мне:

— О, Таита, ты видел Тана в толпе? Какой это был день! Какая путаница радости и печали! Я чуть не расплакалась от любви к нему. Он так высок, строен и смел, и все же ему пришлось стоять и смотреть, как у него отнимают его собственного сына. Мне хотелось вскочить на ноги и закричать перед всей толпой: «Это сын Тана, вельможи Харраба, и я люблю их обоих!»

— Я очень рад, ваше величество, за нас всех, так как на этот раз вы все-таки смогли сдержать свой шаловливый язычок.

Она засмеялась.

— Как странно слышать от тебя это обращение: «ваше величество». Я чувствую себя самозванкой. — Переложил царевича к другой груди, и в этот момент он с такой силой выпустил воздух из обоих концов своего маленького тела, что звук этот показался мне

поистине царским.

— Сразу видно, что был зачат во время бури, — заметил я сухо. Лостра снова захихикала и печально вздохнула.

— Мой милый Тан никогда не сможет разделить с нами эти сокровенные минуты. Разве ты не понимаешь, что он до сих пор не держал Мемнона на руках и, возможно, никогда не сможет сделать этого? Я сейчас, наверное, опять расплачусь.

— Сдержи слезы, госпожа. Если ты будешь плакать, у тебя молоко скиснет. — Предостережение было лживым, но действенным. Она послушалась и быстро проглотила слезы.

— А не можем ли мы помочь Тану делить наши радости?

Я подумал немного и сделал ей небольшое предложение; услышав его, она даже вскрикнула от радости. И, как будто одобряя мои слова, маленький царевич снова гулко пустил ветры.

На следующий день, когда фараон пришел посмотреть на сына, царица воспользовалась моим предложением.

— Мой дорогой божественный супруг, думал ли ты о выборе официальных учителей царевича Мемнона?

Фараон снисходительно рассмеялся:

— Он еще младенец, разве не следует ему сначала научиться ходить и говорить, прежде чем осваивать другие науки?

— По-моему, учителей лучше назначить сейчас, чтобы они поближе познакомились с ним, а он с ними.

— Хорошо, — улыбнулся царь и взял ребенка на колени. — Кого ты нам предлагаешь?

— Для обучения наукам нам понадобится один из величайших ученых нашей страны. Это должен быть человек, сведущий во всех таинствах и науках.

В глазах царя промелькнула лукавая искорка.

— Я что-то не припомню человека, который бы соответствовал этому описанию. — И он улыбнулся мне. Ребенок изменил душевное состояние фараона. С рождением Мемнона он стал почти веселым. В какой-то момент мне даже почудилось, что вот-вот подмигнет мне. Однако новое отношение к жизни не заходило слишком далеко.

Царица продолжала не смущаясь:

— Затем нам нужен человек, сведущий в воинских науках и владеющий оружейными приемами, способный научить царевича всему, что следует знать воину. Он, мне кажется, должен быть молод и из знатной семьи. Разумеется, должен быть надежен и верен короне.

— А на это место ты кого предлагаешь, дорогая? Немногие из моих воинов обладают этими достоинствами. — Я не думаю, что в словах фараона таилась хитрость или злоба, однако госпожа моя совсем не глупа. Она грациозно склонила голову и сказала:

— Наш царь мудр и знает, кто среди его военачальников лучше всего соответствует этой роли.

На следующей аудиенции царь объявил учителей царевича. Раб и врач Таита должен был отвечать за обучение царевича Мемнона наукам и благородному поведению. Это почти никого не удивило, но следующие слова царя сразу вызвали шум в рядах придворных:

— За обучение царевича оружейным приемам, военной тактике и стратегии с этой минуты будет отвечать Великий Лев Египта, вельможа Харраб. — В соответствии с новыми обязанностями вельможа Харраб должен был посещать царевича в начале каждой недели, если только не находился на войне.

В ожидании постройки нового дворца на другом берегу реки моя госпожа переехала из гарема дворца фараона в отдельное крыло дворца великого визиря, выходившее на водный сад, построенный мной для ее отца. Это соответствовало статусу старшей жены и царицы, а еженедельные аудиенции, которые царевич Мемнон устраивал своим официальным учителям, проходили в беседке в присутствии царицы Лостры. Очень часто там же находился десяток придворных и других сановников, а иногда фараон сам являлся туда со

всей свитой. Поэтому мы чувствовали себя очень скованно.

Однако время от времени оставались одни. В первый же раз, когда были вчетвером, царица Лостра положила царевича на руки его настоящего отца, и я видел, с какой безумной радостью смотрел Тан на лицо своего сына. Мемнон отметил это событие — его стошнило на торжественный наряд отца, но даже это не заставило Тана передать мальчика матери.

С этого дня мы старались приберечь все важные события в жизни ребенка для Тана. Он дал ему первую ложку каши. Царевич был настолько напуган незнакомой пищей, что скорчил рожицу и выплюнул противную смесь, забрызгав себе подбородок, а потом заорал во все горло, требуя материнского молока, чтобы промыть рот. Царица Лостра взяла его на руки, а Тан зачарованно смотрел, как она дала ему грудь. Вдруг Тан протянул руку и выдернул сосок из маленького ротика. Это позабавило всех, кроме царевича и меня. Мемнон был разгневан такой грубой шуткой и не стал этого скрывать, я тоже был потрясен. Я уже представил себе, что царь входит в беседку, где Великий Лев Египта держит в ладони царскую плоть и не торопится ее отпустить.

Когда я попытался возражать, госпожа сказала мне:

— Не будь такой старой гусыней, Таита. Мы только пошутили немного. Это невинная шутка.

— Да, шутка. Однако я что-то сомневаюсь в ее невинности, — пробормотал я, так как видел, как загорелись их глаза от этого прикосновения. Я чувствовал взаимную страсть в воздухе, как приближение грозы. Я знал, что они не смогут долго сдерживаться, и даже сильнейшее чувство долга и честь Тана в конце концов будут сломлены его великой любовью и ответной страстью царицы. В тот же вечер я посетил храм Гора и принес обильную жертву. Потом молился и просил бога:

— Пусть пророчества лабиринтов Амона-Ра сбудутся без задержки, они больше не могут терпеть. Если они не выдержат, это принесет смерть и позор нам всем.

Иногда людям лучше не вмешиваться в дела Судьбы. Наши мольбы сбываются неожиданно и совсем не так, как мы хотим.

Я БЫЛ ВРАЧОМ царевича, но, по правде говоря, он почти не нуждался в моем искусстве. Природа наделила его крепким и обильным здоровьем отца и ранней силой. Appetit и пищеварение были образцовыми: что бы ни оказывалось у него во рту, он все пожирал с львиной жадностью, а через положенное время извергал с противоположного конца тела с нужной периодичностью и в нужной консистенции. Он спал не просыпаясь, а когда просыпался, громкими воплями требовал пищи. Когда я показывал ему палец, смотрел на него и следил, как тот двигается перед его огромными темными глазами. Стоило только пальцу оказаться в пределах досягаемости, малыш тут же хватался за него и пытался сесть. Он научился этому раньше, чем любой другой ребенок, за которым мне приходилось наблюдать. Встал и пополз в таком возрасте, в каком другие дети только впервые садятся. Сделал первые неуверенные шаги тогда, когда другие только начинают ползать.

Тан был с нами в тот знаменательный день. Последние два месяца он отсутствовал со своим войском, так как отряды красного узурпатора захватили город Асют. Этот город был ключом нашей обороны на севере, и фараон приказал Тану отправиться вниз по реке со всем флотом и вернуть город.

Много позже Крат мне рассказывал, какой жестокой была битва, но в конце концов Тан пробил стену и во главе своих синих ворвался в город. Они изгнали войска самозванца и преследовали их далеко за границами Нижнего царства по залитым кровью дорогам.

Благодарные жители Фив торжественно встретили Тана, а фараон наградил его еще одной золотой цепью — «Золотом доблести» — и приказал возместить невыплаченное жалованье войскам, добившимся этой победы.

Тан пришел в беседку после встречи с фараоном. Мы уже ждали его. Я встал у входа сторожить влюбленных, а Тан и госпожа обнялись со всей страстью, какая накопилась в сердцах за время разлуки. В конце концов мне пришлось развести их, поскольку объятия

могли завести слишком далеко.

— Вельможа Тан, — резко позвал я, — царевич Мемнон в нетерпении. — Они неохотно отошли друг от друга, и Тан пошел к ребенку, лежавшему нагишом на покрывале из шкур шакала, которое я постелил для него в тени. Тан опустился перед ним на колени.

— Я приветствую вас, ваше царское высочество. Я принес вам весть о торжестве нашего оружия... — шутливо приветствовал Тан. Мемнон вскрикнул, узнав своего отца, затем его внимание привлекла блестящая золотая цепь. Мощным усилием он встал на ноги и сделал четыре широких шага, а потом схватил цепь и повис на ней.

Мы все приветствовали этот подвиг, а царевич Мемнон держался за цепь и оглядывался со счастливой улыбкой, принимая похвалы как должное.

— Клянусь крыльями Гора, у него такой же острый глаз на желтый металл, как у тебя, Таита! — рассмеялся Тан.

— Влечет не золото, а подвиг, — объявила моя госпожа. — В один прекрасный день на его груди тоже будет сверкать «Золото доблести».

— Без сомнения! — Тан схватил мальчика и высоко подкинул вверх, а Мемнон заверещал от удовольствия и стал болтать ногами, требуя еще.

Для Тана и для меня новые события в жизни ребенка означали смену времен года почти так же ясно, как и подъем воды в реке. С другой стороны, самое важное в жизни моей госпожи происходило в те часы, которые она проводила с ребенком и Таном. Каждый промежуток между посещениями Тана казался ей слишком долгим, а каждое его посещение — слишком коротким.

ПОЛОВОДЬЕ в то лето было столь же благоприятным, как и предыдущее, предсказанное на церемонии вод в Элефантине. Вода сошла, поля заблестели под новым слоем черной грязи, а ее, в свою очередь, скоро скрыла густая зелень зерновых и овощей. Когда царевич сделал свои первые шаги, кладовые Египта были заполнены до отказа и даже чуланы беднейших египтян ломились от припасов. На западном берегу реки уже возвышался дворец Мемнона, а война на севере приносила нам удачу за удачей. Боги улыбались фараону и его царству.

Только одно огорчало нас: двое влюбленных находились так близко, что могли касаться друг друга, но их разделяла пропасть более широкая, чем долина великого Нила. Каждый из них по очереди по разным поводам упрекал меня за пророчества лабиринтов Амона-Ра, как будто я сам нес ответственность за исполнение своих сновидений. Напрасно было говорить им, что будущее только отражается во мне, как в зеркале, а камешки на доске судьбы двигает кто-то другой, а не я.

Старый год умер, вода в реке снова стала подниматься, завершая один из бесчисленных циклов. Это было четвертое половодье, предсказанное лабиринтами. Я, как и оба влюбленных, ожидал, что видения лабиринтов сбудутся в конце года. Когда этого не произошло, моя госпожа и Тан строго корили меня.

— Когда же я буду свободна и смогу уйти к Тану? — вздыхала царица Лостра. — Ты должен что-то сделать.

— Спрашивайте богов, а не меня. Я могу только молиться об этом, не более.

Потом прошел еще один год, а в нашей жизни ничего не изменилось. Даже Тан начал злиться.

— Я поверил тебе, твои слова дали мне надежду на будущее счастье. Клянусь тебе, Таита, если ты не сделаешь чего-нибудь поскорее... — Он замолчал и уставился на меня, невысказанная угроза показалась еще более ужасной.

Но прошел еще один год, и уже я начал терять веру в собственное пророчество. Я даже начал верить, что боги передумали или моя глупая фантазия нарисовала эти картины, и только.

Царевичу Мемнону исполнилось пять лет, а его матери шел двадцать первый год, когда с севера на одной из быстрых разведывательных ладей прибыл перепуганный до смерти

гонца.

— Дельта пала. Красный самозванец мертв, Нижнее царство в огне. Города Мемфис и Аварис разрушены. Храмы сожжены и снесены до основания, а статуи богов сброшены с пьедесталов, — выкрикивал он царю.

— Это невозможно, — отвечал фараон. — Я хочу поверить, но не могу. Как могло произойти такое без нашего ведома?! Узурпатор имел огромное войско, и более пятнадцати лет мы были не в состоянии сбросить его. Как же такое могло свершиться в один день, кто совершил это?

Гонца трясло от страха и усталости после трудного путешествия. Он знал, как обращаются с теми, кто приносит дурные вести.

— Красный самозванец погиб, не успев вытащить меч из ножен. Его войско было рассеяно раньше, чем затрубили боевые трубы.

— Как такое могло свершиться?!

— Божественный Египет, я не знаю. Говорят, что новый и ужасный враг пришел с Востока. Он быстр, как ветер, и ни один народ не может устоять перед его гневом. Хотя наши войска еще не встречались с ним, они уже отступают от северных границ. Даже самые храбрые боятся предстать перед этим врагом.

— Кто этот враг? — спросил фараон, и мы впервые почувствовали страх в голосе.

— Его называют пастушьям царем. Гиксосом.

Мы с Таном издевались над этим именем — больше мы этого делать не будем.

ФАРАОН созвал свой тайный военный совет. Только много времени спустя я сумел узнать от Крата, что там произошло. Тан, разумеется, никогда бы не нарушил клятву молчания даже со мной или моей госпожой, но я все вытянул из Крата, этого прелестного, шумного простака, не способного устоять перед моей хитростью. Тан возвел Крата в ранг лучшего из десяти тысяч и отдал под его командование отряд Синего Крокодила. Дружба их по-прежнему была прочной как гранит. Поэтому как командир отряда стражи Крат постоянно присутствовал на советах, хотя низкий чин не давал ему права высказывать свое мнение. Однако он верно передал все, что там говорилось, мне и моей госпоже.

Присутствующие на совете разделились на две группы. Стариков возглавил Нембет, а молодых — Тан. К сожалению, право принимать окончательное решение принадлежало старикам, и они навязали свои отсталые взгляды молодым.

Тан предлагал отвести главные силы от границы и установить несколько рядов обороны вдоль реки. Одновременно он намеревался отправить вперед разведывательные отряды, чтобы оценить силы нового загадочного врага и узнать его. У нас были свои шпионы во всех северных городах, но по какой-то таинственной причине от них пока не поступало никаких вестей. Тан хотел собрать сведения и изучить их, прежде чем разворачивать главные силы войска для решающего сражения.

— Пока мы не узнаем, кто стоит перед нами, мы не сможем разработать правильную стратегию боя, — говорил он.

Нембет со своими сторонниками отверг все доводы Тана. Старый адмирал так и не смог простить Тану своего унижения в тот день, когда последний спас барку царя от гибели. Его взгляды основывались скорее на принципах, чем на логике и здравом смысле.

— Не отдадим ни пяди священной земли Египта. Сама мысль об этом — трусость. Мы встанем перед врагом и разобьем его на месте. Не будем плясать и заигрывать с ним, как стайка деревенских девок.

— Мой господин! — закричал Тан, выйдя из себя при намеке на трусость. — Только дурак, и притом старый дурак, может принять решение до того, как узнает о неприятеле все. Нам же ничего не известно...

Но все было напрасно. В конце концов трое более высоких по званию военачальников добились своего.

Тана немедленно послали на север, чтобы остановить и собрать отступающее войско.

Он должен был удерживать границу, закрепившись у пограничных вех. Ему запретили провести стратегическое отступление к линии холмов перед Асютом, представлявших собой естественную линию обороны. Второй линией обороны служили бы стены города. Флот и северное войско отдали под его командование. В распоряжении Тана было триста боевых ладей, которые обеспечивали транспортировку войск и удерживали реку.

Тем временем Нембет должен был привести остальные войска, собрав даже отряды на южной границе с Кушем. Угрозой со стороны черной Африки можно было пренебречь перед лицом нового, более опасного врага. Как только войско соберется, Нембет поспешит с подкреплением на север и присоединится к Тану. Через месяц перед стенами Асюта будет стоять непобедимое войско численностью в шестьдесят тысяч человек с четырьмястами боевыми ладьями. А до этого Тану придется любой ценой удерживать границу.

Нембет закончил речь строгим приказом:

— Далее вельможе Харрабу приказывается держать все свои силы на границе. Он не должен опускаться до разбойничьих набегов или разведывательных вылазок на север.

— Вельможа Нембет, твои приказы связывают меня по рукам и ногам. Ты лишаешь меня возможности вести войну действенно и осторожно, — напрасно возражал Тин. Нембет довольно ухмылялся, навязав свое мнение молодому сопернику и в какой-то степени отомстив за унижение. От каких же мелких человеческих чувств зависят иногда судьбы народов!

Фараон объявил о намерении занять свое место во главе войска. Тысячу лет фараоны присутствовали на поле боя всякий раз, когда проводились решающие сражения. Хотя я и восхищался мужеством царя, я бы предпочел, чтобы он выказал это в ином месте. Фараон Мамос не был воином, его присутствие слабо повлияло бы на исход битвы. Разумеется, оно повысит боевой дух наших войск, но обуза, какую будут представлять собой он и свита, перевесит это преимущество.

Царь не может отправиться на север один. Он пойдет на поле битвы со всем двором, включая старшую жену и сына, и царица возьмет с собой свою свиту и учителей царевича Мемнона. Так что и мне тоже придется переместиться на север в самую гущу сражения.

Никто ничего не знал о наших врагах. Я чувствовал, что мою госпожу и царевича без нужды подвергают опасности. Моя же безопасность, безопасность раба, никого не волновала, кроме меня самого. Я плохо спал в ночь перед отплытием, когда полые воды должны были понести нас на север.

ЧЕМ ДАЛЬШЕ на север мы плыли, тем более многочисленными и тревожными становились слухи и сведения, доходившие до нас с границы. Они пожирали нашу уверенность и самодовольство, как саранча уничтожает урожай. Во время путешествия Тан часто приходил на борт нашей барки, прикрываясь желанием обсудить что-нибудь со мной. Однако каждый раз он старался побыть с царевичем и его матерью. Я никогда не поддерживал обычая, чтобы женщины следовали за войском на поле боя. И во время мира, и во время войны они представляют собой превосходное развлечение, и даже воина столь великого, как Тан, могут отвлечь от главной цели. Все его мысли должны быть заняты решением предстоящей задачи, я так ему и сказал, но он рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

— С ними я знаю, за что драться. Не беспокойся, старина, я буду похож на льва, защищающего своего детеныша.

Очень скоро мы встретили первые отряды отступающего войска. Это были разрозненные группы беглецов, которые грабили деревни, спасаясь бегством к югу вдоль берегов реки. Без всяких церемоний и колебаний Тан обезглавил несколько сот дезертиров, насадил их головы на копья и выставил на всеобщее обозрение вдоль берега как предостережение остальным. Потом он собрал верных воинов и назначил над ними надежных командиров. Дезертирство прекратилось, и войска, снова вернув боевой дух, встали под знамена.

Наша флотилия подошла к обнесенному стеной городу Асют, возвышавшемуся над рекой. В нарушение приказа Нембета Тан оставил здесь небольшой стратегический резерв из пяти тысяч человек под командованием Ремрема.

Затем мы отправились дальше, где должны были ожидать приближения таинственного пастушьего царя.

Флот встал на якорь в боевом строю поперек реки, но на лодках остались команды минимального состава. Все воины высадились на берег с пешим войском и разместились на восточном берегу Нила.

Я добился от фараона, чтобы он разрешил моей госпоже и царевичу остаться на борту большой и удобной барки, на которой они сюда прибыли. На воде прохладнее и климат здоровее, а в случае поражения или неудачи нашего войска можно быстрее спастись бегством.

Царь сошел на берег вместе с войском и разбил лагерь на возвышенности посреди залитых половодьем полей. Здесь находилась брошенная деревня. Много лет назад крестьяне бежали из этой пограничной местности, из-за которой все время шли бои с отрядами лжефараона. Тут постоянно добывали себе пропитание войска, то и дело происходили кровавые столкновения, поэтому жители бросили всякие попытки возделывать плодородные, но опасные поля. Называлась эта заброшенная деревня Абнуб.

Половодье начало спадать за несколько недель до нашего прихода, и, хотя вода еще текла по оросительным каналам, поля уже превратились в болота из черной грязи, так как она в основном вернулась в постоянное русло Нила.

В рамках ограничений, наложенных на него Нембетом, Тан занялся подготовкой к сражению. Отряды расположились лагерем в боевом порядке: Аст командовал флотом на реке; сам Тан — центром, левый фланг которого опирался на реку; а Крат — правым крылом войска.

На востоке до самого горизонта простиралась пустыня, серая и грозная. Никакое войско не выживет в этих выжженных, безводных просторах. Таким образом, наш правый фланг был безопасным и непобедимым.

Мы знали только, что гиксосы пришли по суше и собственного флота у них не было. Тан собирался встретить и победить врага в пешем бою. Он понимал, что может помешать гиксосам переправиться через реку и заставить их принять бой на более выгодном для себя поле. В идеале это должно было произойти где-нибудь в другом месте, а не у Абнуба, однако Нембет принял решение за него.

Деревня Абнуб стояла на невысокой гряде холмов, окруженная широкими полями. От нее во все стороны было видно очень далеко, поэтому мы, по крайней мере, заметим врага задолго до того, как он наткнется на наши передовые части и войдет с нами в соприкосновение.

Под командованием Тана находилось тридцать тысяч лучших воинов Египта. Я никогда еще не видел такого большого войска и сомневаюсь, что подобные силы когда-либо собирались в долине Нила. Скоро придет Нембет со своими тридцатью тысячами, и тогда у нас будет величайшая армия в истории человечества.

Я отправился с Таном на смотр. Дух войска поднялся с тех пор, как он возглавил его. Возможно, что присутствие фараона в лагере также способствовало этому. Воины приветствовали Тана, когда тот шел вдоль плотных рядов, и я почувствовал, как мужество возвращается ко мне, а на душе становится легче при виде многочисленного войска и его боевого духа.

Я не мог представить себе врага, способного победить нас. Здесь находилось двенадцать тысяч лучников с полированными кожаными шлемами и подбитыми войлоком нагрудниками, которые останавливали стрелу, если только она не была выпущена в упор. Было здесь еще восемь тысяч тяжело вооруженных копейщиков с длинными щитами из кожи гиппопотама, твердой и прочной, как бронза. Десять тысяч меченосцев в шапках из шкур леопардов были также вооружены пращами. Выпущенный из пращи камень раскроит череп

врагу на расстоянии пятидесяти шагов.

Дни шли, и с каждым днем я ощущал себя все увереннее, видя, как Тан занимается обучением огромного войска. И все же меня тревожило, что до сих пор мы ничего не знали о гиксосах. Я подсказал Тану, что военный совет запретил ему посылать на разведку сухопутные чаты, но ничего не говорил об использовании для этой цели ладей.

— Тебе следовало бы стать законником, — посмеялся Тан. — Ты можешь заставить слова плясать под твою дудку.

Однако он приказал Гуи взять отряд быстрых ладей и отправиться на север до Минича или по крайней мере до первой встречи с врагом. Это был тот Гуи, которого захватили в Галлале и который был одним из сорокопуты Басти. При благосклонной поддержке Тана молодой негодяй быстро продвигался по служебной лестнице и теперь уже командовал целой флотилией.

Гуи был дан строжайший приказ избегать стычек и вернуться назад в течение четырех дней.

Как и было приказано, он вернулся на четвертый день. Достиг Минича, не встретив по дороге ни одного корабля и никакого сопротивления. Деревни были брошены, город Минич разграблен и горел.

Однако Гуи захватил горстку дезертиров из рассеянного войска лжефараона. Это были первые свидетели нашествия гиксосов, которых мы смогли допросить. Однако никто из них не участвовал в настоящих боях с пастушьим царем. Все они сбежали при его приближении. Их рассказы были настолько надуманными и чудовищными, что показались нам совершенно невероятными.

Как могли мы поверить в армию, плывущую по пустыне на кораблях, быстрых как ветер? А пленники утверждали даже, что облака пыли, висящие над этим странным флотом, поднимались так высоко, что скрывали количество воинов и наводили ужас на всех, к кому приближались.

— Это не люди, — говорили пленные, — это демоны подземного царства, и они едут в бой верхом на дьявольских ветрах пустыни.

Тщательно допросив пленников и убедившись, что даже горячие угли, разложенные на макушке, не заставляют изменить показания, Тан приказал их казнить. Он не хотел, чтобы чудовищные рассказы распространились и вызвали робость у воинов, которые только что снова обрели боевой дух.

НА ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ ожидания у Абнуба мы наконец получили известие о том, что Нембет отправляется к нам с подкреплением и что он достигнет Асюта в течение двух недель. Это сообщение вдохновило наших воинов — словно по мановению кисти они из ласточек превратились в орлов. Тан приказал раздать дополнительный паек из пива и мяса, чтобы отпраздновать добрые вести, и костры, где жарили мясо, как звезды, горели в полях вокруг Абнуба. Сочный запах жареной баранины наполнял воздух, а звуки смеха и песен замолкли только перед последней ночной стражей.

Я оставил госпожу с сыном на борту барки и отправился на берег по зову Тана. Он хотел, чтобы я присутствовал на последнем военном совете с командирами отрядов.

— В тебе полно разных мыслей и премудростей, старый негодяй. Может, ты подскажешь нам, как потопить корабли, которые плывут по суше?

Наши разговоры затянулись за полночь, и впервые я ничем не мог помочь им. Возвращаться на корабль было поздно, и Тан предоставил мне соломенный матрас в углу своего шатра. Я по привычке проснулся еще до рассвета, но Тана уже не было. Я услышал, что лагерь за тонкой полотняной стенкой пришел в движение. Тут же раскаялся в своей лени и поспешил навстречу рассвету в пустыне.

Я взобрался на холм позади лагеря. Оттуда сначала посмотрел в сторону реки. Голубой дым костров смешивался над водой с редким туманом. Огни на носах лодок отражались в темной воде. Было еще слишком темно, и я не мог с этого расстояния увидеть барку, где

находилась моя госпожа.

Потом я повернулся на восток и увидел, как свет начинает распространяться по пустыне, перламутровым сиянием заполняя небо. Свет становился все ярче и чище, и пустыня была нежной и прелестной. Ее холмы и дюны светились мягким коричневым и багровым светом. В прохладном воздухе горизонт казался таким близким, будто его можно достать рукой.

Потом я увидел облако на горизонте в безупречно лазурном сиянии неба. Оно было не больше краешка ногтя, и взгляд мой спокойно скользнул мимо, но затем снова вернулся к нему. Сначала я не почувствовал особой тревоги. Только приглядевшись к облаку, заметил, что оно движется.

— Как странно, — пробормотал я вслух. — Может, начинается самум? — Но в это время года самумов не бывало, и в воздухе не чувствовалось тяжести злых сил, предвещающих бурю в пустыне. Утро было прохладным и тихим.

Пока я размышлял об этом, далекое облако стало шире и выше. Основание его находилось на земле, а не над ней. И все же оно двигалось слишком быстро и не могло быть земного происхождения. Стая птиц летит с той же скоростью или саранча поднимается в воздух такой же тучей, но здесь чувствовалось нечто иное.

Облако было цвета желтой охры, и сначала я даже не поверил, что это пыль. Я видел, как большие стада из сотен криворогих сернобыков мчались галопом по дюнам во время ежегодных миграций, но они никогда не поднимают таких огромных туч пыли. Это могло быть дымом пожара, но в пустыне гореть нечему: наверняка была пыль, но я не верил своим глазам. Облако быстро росло и приближалось, а я стоял и смотрел на него, охваченный благоговейным страхом.

Внезапно я увидел у основания облака блик отраженного света. Мысленно вернулся к видениям в лабиринтах Амона-Ра. Это была та же сцена. Первая была в моей фантазии, вторая реальной. Я понял, что эти блики света отражаются от доспехов и полированных бронзовых клинков. Вскочил на ноги и с вершины холма закричал против ветра, но меня никто не услышал.

Потом из лагеря у подножия холма до меня донесся рев боевых труб. Передовые посты на высотах, наверное, разглядели приближение тучи пыли и подняли тревогу. Эти трубы тоже были частью моего видения. Их тревожные звуки пронзили мои уши и чуть было не раскололи череп изнутри. Сердце у меня похолодело, а кровь быстрее понеслась в жилах. Видение подсказало мне, что в этот тяжелый день династия падет, а саранча с Востока пожрет богатства Египта. Ужас сковал меня, и в паническом страхе за свою госпожу и ее ребенка я посмотрел вниз: ведь они тоже были частью династии.

Люди в лагере вооружались, беспорядочно бегая тудасюда. Их доспехи блестели, а наконечники копий вспыхивали на солнце. Войско походило на пчел из перевернутого улья, которые собираются вместе беспорядочным роем. Крики десятников и сотников тонули в реве труб и рогов.

Я увидел, как небольшая группа вооруженных людей вынесла фараона из шатра. Его понесли вверх по склону холма, где между скал стоял трон и откуда открывался прекрасный вид на равнину и широкий простор реки. Мамоса подняли на трон, вложили в руки посох и плеть, а на голову надели двойную корону. Фараон сидел с посеревшим лицом, как мраморная статуя, а внизу отряды строились к бою. Тан хорошо обучил их, и после первого замешательства в войске скоро восстановился порядок.

Я побежал вниз по склону холма, чтобы находиться рядом с царем. Отряды Тана настолько быстро выполнили команды, что к тому времени, когда я достиг подножия трона, войско уже расположилось на равнине, свернувшись кольцами, подобно змее, готовое встретиться лицом к лицу с кипящей тучей пыли, грозно несшейся на него.

Крат со своим отрядом был на правом фланге. Я разглядел высокий силуэт со склона холма. Командиры собрались вокруг него. Их плюмажи кивали и развевались на легком утреннем ветерке с реки. Тан со своим штабом находился подо мной так близко, что я

слышал их разговор. Они обсуждали приближение врага спокойными учеными голосами, как будто решали задачу в школе для командиров.

Тан построил свои отряды в классическом боевом порядке. Передние ряды образовывали тяжело вооруженные копейщики; сомкнув щиты, они опустили концы копий на землю. Бронзовые наконечники блестели в лучах восходящего солнца, люди держались спокойно и серьезно. Позади них расположились лучники, которые уже натянули луки и были готовы к стрельбе. Позади каждого из них стоял мальчик с колчаном, набитым запасными стрелами. Во время боя мальчики будут собирать стрелы врага и пополнять свои запасы. Меченосцы находились в резерве. Их легко вооруженные отряды могут быстро переместиться куда угодно и остановить прорвавшегося врага или пробиться через слабое место в его рядах.

Движения войск на поле боя напоминают движение камешков на доске для игры в бао. В них также существуют классические начала и разработанные защиты, появившиеся много столетий назад. Я изучил их и написал три полноценных свитка по военной тактике, рекомендуемые при подготовке командиров в Фивах.

Теперь, оглядывая расположение воинов Тана, я не мог обнаружить в нем слабых мест и почувствовал себя увереннее. Как может враг победить такое могучее войско обученных и закаленных в боях ветеранов и его молодого одаренного командира, который еще не проиграл ни одного сражения?

Потом я еще раз посмотрел через их ряды на зловещую, катящуюся в нашу сторону желтую тучу, и уверенность моя поколебалась. Перед нами было нечто, выходящее за пределы привычных традиций ведения войны: ни один военачальник за всю долгую историю Египта не сталкивался ни с чем подобным. Кто же стоял перед нами? Смертные, как и мы, или демоны, как гласили слухи?

Клубящаяся туча пыли была уже настолько близко, что в темном полумраке можно было разглядеть какие-то силуэты. По коже у меня пробежали мурашки. С суеверным ужасом я узнал в этих силуэтах ладьи, о которых предупреждали нас пленные. Но они были меньше и быстрее тех, что когда-либо спускались на воду, быстрее любого существа, какое когда-либо двигалось по поверхности земли.

В клубах пыли трудно было проследить за каким-нибудь одним силуэтом. Они исчезали и появлялись, как мошки в свете фонаря. Катились вперед, вправо и влево, скрываясь в облаках пыли, и, когда появлялись снова, невозможно было сказать, видел ли ты тот же самый или это другой, на него похожий. Сосчитать их не было никакой возможности, даже прикинуть количество трудно. Туча пыли позади них тянулась до самого горизонта.

Хотя наши ряды стояли твердо в лучах поднимающегося солнца, я ощутил удивление и робость, которые охватили воинов. Даже разговор Тана и его командиров постепенно затих; пораженные, они молча смотрели, как вражеское войско разворачивается перед нами.

Потом я понял, что туча перестала двигаться на нас. Она повисла в воздухе, пыль начала постепенно оседать. Дымка прояснялась, и теперь с трудом можно было различить неподвижные экипажи первых рядов. Но тревога и смятение настолько овладели мной, что я не мог сказать: тысяча их была или больше.

Позже мы узнали, что такая задержка — обычный прием пастушьего царя, но тогда я этого еще не понимал. Во время затишья воины перестраивались, поили лошадей и готовились для окончательного наступления. Ужасная тишина нависла над нашими рядами. Она была настолько глубокой, что стал слышен даже шорох ветра в скалах и оврагах. Только полощущиеся на ветру вымпелы и знамена отрядов нарушали неподвижность наших войск. В центре был флаг Синего Крокодила, и это успокоило меня.

Облака пыли медленно оседали, и взорам ряд за рядом стали открываться экипажи гиксосов. Они были слишком далеко, и мы не могли как следует разглядеть их, но я увидел, что задние намного больше тех, что шли впереди. Мне показалось, что у них есть крыши, вроде парусов из полотна или кожи. С них люди сгружали нечто похожее на кувшины с водой и несли их вперед. Я поразился, каким богатырям может понадобиться такое

количество воды. Все, что делали эти чужеземцы, было для нас загадочным и совершенно бессмысленным.

Тишина и бездействие продолжались до тех пор, пока каждая мышца и каждый нерв в моем теле не закричали от напряжения. Затем в рядах гиксосов возникло движение.

Несколько странных экипажей отделились от общего строя и направились к нам. По нашим рядам пронесся ропот, когда люди увидели, с какой скоростью они мчатся. После короткого отдыха скорость их словно удвоилась. Расстояние между нами сокращалось, и войска наши снова закричали, когда увидели, что экипажи эти тянут пары невиданных зверей.

Ростом они были с дикого сернобыка, вдоль изогнутой шеи тянулись такие же жесткие гривы. У них не было рогов, как у сернобыков, а форма головы более грациозна. Большие глаза сверкали, ноздри раздувались, на длинных ногах виднелись копыта. Звери эти вышагивали с удивительным изяществом, как будто едва касались каменистой земли пустыни.

Даже сейчас, после стольких лет, я помню, с каким восторгом в первый раз смотрел на лошадь. Мне казалось, что красота охотящегося гепарда бледнела перед этими небесными зверями. И в то же время нас всех переполнял страх. Я услышал, как один командир недалеко от меня воскликнул:

— Эти чудовища наверняка убийцы и пожиратели человеческой плоти! Кто же наслал на нас такой ужас?

По рядам пронесся ропот, так как ожидали, что эти звери тут же набросятся на нас и пожрут всех, как голодные львы. Но передний экипаж отвернул и понесся параллельно нашим рядам. Он двигался на вращающихся кругах, и я удивленно уставился на них. Первые несколько мгновений зрелище это настолько поразило меня, что сознание отказывалось служить. Говорите что угодно, но, когда я в первый раз увидел колесницу, это взволновало меня не меньше, чем бегущая лошадь. Между парой лошадей виднелась длинная оглобля, прикрепленная, как я позже узнал, к оси. Высокий передок колесницы был украшен золотым листом, а боковые борта низкие, чтобы лучник мог пускать стрелы в обе стороны.

Я увидел все это сразу, а затем мое внимание сосредоточилось на вращающихся кругах, на которых колесница так легко и быстро неслась по неровной земле. Тысячу лет мы, египтяне, были самым культурным и цивилизованным народом мира. В науках и религии намного обогнали все страны. Тем не менее наше учение и мудрость не смогли изобрести ничего подобного. Наши волокуши обжигали землю своими деревянными полозьями, пожиравшими силу запряженных в них быков. Хотя каменные плиты мы перемещали по деревянным каткам, последнего шага так и не сделали.

Как замороженный, смотрел я на первое увиденное мной колесо, его простота и красота обрушились на меня, словно удар грома. Мгновенно понял, в чем дело, и презрительно обругал себя за то, что не смог сам изобрести. Здесь был нужен гений высшего порядка. Я понял: это чудесное изобретение победит нас так же, как оно, наверное, уничтожило красного узурпатора из Нижнего царства.

Золотая колесница неслась вдоль наших рядов за пределами полета стрелы. Когда она оказалась напротив нас, я оторвал свой взгляд от чудесных вращающихся колес и ужасных свирепых зверей и посмотрел на двух людей, правивших колесницей. Один из них, очевидно, возница. Он наклонился над передком и, похоже, управлял бегущей упряжкой с помощью длинных плетеных ремней, прикрепленных к головам животных. Человек, стоявший позади него, был высок— Судя по властным манерам, это царь.

Я сразу увидел, что это азиат со смуглой кожей и загнутым орлиным носом. Его густая и черная борода, заплетенная в множество косичек с цветными ленточками, широкой полосой лежала на медных пластинах нагрудника. Доспехи на нем блестели подобно бронзовой рыбьей чешуе, а голову украшала высокая, прямоугольная золотая корона с рельефными изображениями неизвестных богов, усеянными драгоценными камнями. Оружие висело на борту колесницы у него под рукой. Широкий бронзовый меч лежал в

кожаных, отделанных золотом ножнах, а рукоять его украшали слоновая кость и серебро. Рядом с ним стояли два больших колчана со стрелами, и древко каждой стрелы оканчивалось ярким оперением. Позже я узнал, что гиксосы обожали кричащие цвета. Лук, висевший рядом с царем на подставке, был такой необычной формы, какой я еще не видел. Наши египетские луки представляют собой простую дугу; на луке гиксосов верхний и нижний концы загнуты в противоположную от стрелка сторону.

Когда колесница понеслась вдоль наших рядов, царь нагнулся и воткнул в землю копье. На его вершине взвился алый флажок, и воины вокруг меня озадаченно заворчали.

— Что он делает? Зачем это копье? Что это, религиозный символ, или он бросает нам вызов?

Я смотрел на развевающийся флажок, разинув рот, но разум мой был ошеломлен увиденным, и я ничего не понимал. Колесница понеслась дальше вне досягаемости наших стрел, а затем азиат в короне воткнул еще одно копье. Развернувшись, он покатил обратно вдоль наших рядов. Заметил фараона на троне и остановился перед ним. Его лошади вспотели, пена, как кружева, висела у них на боках. Глаза их свирепо вращались, а ноздри, раздуваясь, открывали розовую слизистую внутри. Они мотали головами на длинных изогнутых шеях, и гривы их развевались, сверкая в солнечном свете как локоны красавицы.

Гиксос приветствовал фараона Мамоса, сына Ра, божественного правителя двух царств, — да живет он вечно! — с презрением. Коротко и насмешливо махнул рукой в кольчуге и рассмеялся. Брошенный вызов прозвучал настолько ясно, как будто был произнесен на чистейшем египетском языке. Издевательский смех донесся до нас, и наши войска зарычали от гнева; звук этот напоминал раскаты летнего грома.

Уголком глаза я ощутил движение под собой. Посмотрел вниз и заметил, как Тан сделал шаг вперед, вскинул огромный лук Ланату и выпустил стрелу. Она описала высокую дугу в голубом небе. Гиксос находился дальше полета стрелы, выпущенной из любого лука, кроме Ланаты. Стрела достигла высшей точки, а потом бросилась вниз, как пикирующий сокол, нацеленная прямо в грудь царя азиатов. У воинов перехватило дыхание, когда они увидели мощь выстрела и расстояние, куда улетела стрела. Она пролетела триста шагов, но в последний момент гиксос поднял свой бронзовый щит, и стрела вонзилась в его середину, как в мишень. Сделал он это с такой презрительной легкостью, что все мы были изумлены и озадачены.

Теперь гиксос схватил свой собственный лук необычной формы. Одним движением поставил стрелу на тетиву, вскинул лук и выпустил ее. Она поднялась выше стрелы Тана и пролетела у него над головой, свистя, как крыло гуся. Пронзила бы меня, если бы не прошла выше на расстоянии вытянутой руки. Вонзилась в основание трона фараона задрожала в кедровой балке, как оскорбление, а царь гиксосов снова рассмеялся, развернул колесницу и помчался по равнине к своему войску.

Именно тогда я осознал, что мы обречены. Как могли мы устоять против стремительных колесниц и изогнутых луков, настолько превосходивших наши? Не я один почувствовал приближение беды. Когда отряды колесниц начали строиться на равнине и понеслись на нас волнами, стон отчаяния пронесся по рядам воинов Египта. Я понял, как войска красного самозванца были рассеяны без боя, а узурпатор умер, не успев обнажить меч.

Несущиеся колесницы на ходу построились в колонны по четыре в ряд и понеслись прямо на нас. Только тогда мое сознание прояснилось, и я побежал вниз по склону холма. Задыхаясь, подбежал к Тану и крикнул ему:

— Пики с флажками означают слабые места в наших рядах. Их удар будет направлен туда и вон туда.

Гиксосы каким-то образом узнали наш боевой порядок и распознали слабые места в расположении войск. Их царь расставил флажки точно на стыках между нашими отрядами. Уже в тот напряженный момент у меня появилась мысль о шпионе или предателе, но я отбросил ее и на какое-то время забыл.

Тан мгновенно отреагировал на мое предостережение и приказал передовым частям выбежать вперед и схватить пики с флажками. Я хотел, чтобы их переставили, тогда мы приняли бы удар врага самыми сильными отрядами, но на это не оставалось времени. Прежде чем наши воины успели добежать до меток, передние ряды колесниц обрушились на них. Многие погибли под стрелами, выпущенными с приближающихся экипажей: лучники наших врагов били невероятно точно.

Оставшиеся в живых повернули и побежали назад, пытаясь найти обманчивое спасение в наших рядах. Колесницы без всякого усилия догоняли их. Возницы управляли скачущими галопом упряжками легкими, ласкающими касаниями ремня. Вместо того чтобы давить свои жертвы, они чуть отворачивали в сторону и неслись мимо них на расстоянии не больше локтя — только тогда я заметил ножи. Их кривые лезвия торчали с дисков колес, как клыки чудовищных крокодилов.

Я увидел, как одного из воинов ударило вращающимися клинками. Казалось, он растворился в облаке крови. Отрезанная рука полетела в воздух, а окровавленные обрубки изуродованного тела бросило на землю, и колесница полетела дальше без малейшей задержки. Удар фаланги колесниц был по-прежнему направлен на стык между нашими отрядами. И хотя я слышал, как Крат приказал послать туда подкрепление, было слишком поздно.

Строй колесниц врезался в стену щитов и копий и прорвался сквозь нее, как сквозь полосу речного тумана. В один миг линия наших воинов, которые выдерживали атаку лучших сирийских и хурритских войск, была рассечена надвое.

Лошади топтали копытами сильнейших наших воинов. Вращающиеся колесные ножи пробивали доспехи, отрезали головы и конечности, словно тонкие побеги лозы. Со своих высоких повозок гиксосы осыпали воинов стрелами и дротиками. В плотных рядах обороняющихся не было от них спасения. Потом колесницы хлынули в образовавшуюся брешь и прошли сквозь наш строй, веером расходясь в разные стороны, разбивая наши тылы и сея смерть.

Когда наши войска развернулись, чтобы встретить атаку с тыла, другая фаланга стремительных колесниц обрушилась на них с равнины. Первая атака разрубила наше войско надвое, отделив Тана от Крата на правом фланге. Следующий удар рассек эти половины на более мелкие изолированные группы. Войско больше не было единым целым. Только маленькие кучки по пятьдесят-сто человек стояли спиной друг к другу и сражались с мужеством обреченных.

С равнины волна за волной в клубах пыли, словно на крыльях, неслись колесницы гиксосов. Вслед за легкими двухколесными экипажами следовали тяжелые четырехколесные боевые повозки, в каждой из которых сражалось по десять человек. Борта этих повозок покрывали овчиной. Наши стрелы бессильно увязали в толстой мягкой шерсти, а мечи воинов не могли достать врагов, находившихся высоко над землей. Они в упор расстреливали нас и рассеивали строй сражающихся, превращая их в кучки перепуганных, ищущих спасения трусов. Когда один из наших сотников собрал несколько сот человек и повел их вперед, боевые повозки откатились прочь и остановились вне досягаемости наших стрел. А потом их ужасные изогнутые луки остановили смельчаков. Как только атака захлебнулась, повозки снова покатались на нас.

Я понял, что схватка перестала быть боем и превратилась в побоище. Остатки отряда Крата на правом фланге истратили последние стрелы. Гиксосы перебили почти всех сотников, выбирая их по шлемам со страусиными перьями.

Воины лишились своих командиров. Побросав оружие и доспехи, они бежали к реке, но от колесниц гиксосов убежать невозможно.

Разбитые войска правого фланга хлынули на отряд Тана, стоявший у подножия холма, и вызвали замешательство в его рядах. Перепуганные толпы смяли даже то слабое сопротивление, которое Тан еще мог оказать гиксосам. Паника заразительна, и центр нашей обороны рухнул, воины пытались бежать, но смертоносные колесницы окружили их, как

волки — стадо овец.

В хаосе побоища, когда вокруг текли реки крови и войска бежали, только отряд синих твердо стоял вокруг Тана и флага Синего Крокодила. Они представляли собой маленький островок в потоке побежденных людей, и даже колесницы не сломали их, так как с чутьем великого военачальника Тан собрал свой отряд и отвел его за скалы и овраги, через которые колесницы гиксосов не могли перескочить. Синие каменной стеной окружали трон фараона.

Поскольку я находился рядом с фараоном, то был в самом центре этого острова героев. Мне было трудно удержаться на ногах, так как вокруг меня бились люди и бросались то в одну сторону, то в другую, подчиняясь приливным течениям боя, как морские водоросли на скалах у берега.

Я заметил, как Крат пробился к нам со своего разбитого правого фланга. Шлем со страусиными перьями притягивал к себе стрелы гиксосов, и они свистели вокруг головы, как саранча, но он добрался до нас невредимым. Наши ряды открылись и пропустили его. Увидев меня, он захохотал от радости:

— Клянусь дымящимся дерьмом Сета! Это гораздо забавнее, чем строить дворцы для маленьких царевичей, правда, Таита? — Он никогда не славился остроумием, наш Крат. Мне было слишком трудно держаться на ногах, и я не стал ему отвечать.

Они с Таном встретились у трона, Крат ухмыльнулся, как слабоумный.

— Я не откажусь от такой драки за все сокровища фараона. Мне бы очень хотелось заполучить волокушу этих гиксосов.

Наш Крат никогда не был великим инженером. Он до сих пор считал, что колесницы — всего лишь волокуши. Дальше воображение не шло.

Тан дружелюбно хлопнул его мечом по шлему вместо приветствия, но лицо оставалось мрачным, хотя говорил весело. Ведь он только что проиграл сражение и потерял и войско, и царство.

— На сегодня все уже кончено. Нам здесь больше нечего делать, — сказал он Крату. — Посмотрим, могут ли эти чудища гиксосов плавать так же, как и бегать. Назад, к реке! — Они вдвоем, плечом к плечу стали проталкиваться через ряды воинов к трону, где стоял я.

Я видел, что творилось за нашими рядами на равнине, где разбитое войско текло к реке под ударами отрядов колесниц.

Золотая колесница царя гиксосов оставила строй и стала прорываться к нам, давя бегущих воинов и разрубая их на части сверкающими колесными ножами. Возница резко остановил лошадей, подняв их на дыбы перед самой стеной скал, защищавших нас. Легко выпрямившись, гиксос натянул кривой лук и прицелился в меня, по крайней мере мне так показалось. Уже нагнувшись, я понял, что стрела предназначалась другому. Она просвистела у меня над головой, и я оглянулся. Стрела ударила фараона в грудь и вошла в его тело на половину длины.

Фараон хрипло вскрикнул и покачнулся на высоком троне. Крови не было, так как древко заткнуло рану, оперение из алых и зеленых перьев трепетало на ветерке. Потом Мамос соскользнул на бок и повалился на меня, а я, расставив руки, поймал его. Под тяжестью тела я упал на колени и не видел, что колесница царя гиксосов укатила, но слышал, как его издевательский смех удалялся от нас по равнине.

Тан наклонился надо мной:

— Насколько тяжело он ранен?

«Убит», — чуть было не сказал я. Угол, под которым вошла стрела, и глубина проникновения в рану могли означать только такой конец, но я проглотил эти слова раньше, чем произнес их. Наши воины потеряют боевой дух, если узнают, что Величие Египта убит. Вместо этого я сказал:

— Он серьезно ранен, но если мы перенесем его на борт барки государства, может выздороветь.

— Принесите щит! — заорал Тан, и, когда щит принесли, мы осторожно переложили фараона на него. Крови попрежнему не было, но я знал, что грудная клетка наполняется ею,

как кувшин вином. Быстро ощупал спину в поисках наконечника, но тот не вышел. Застрыл глубоко в грудной клетке. Я отломал длинное древко и накрыл фараона полотняным платком.

— Таита, — прошептал он. — Увижу ли я снова своего сына?

— Да, Могущество Египта, я клянусь в этом.

— А моя династия будет жить?

— Как и предсказали лабиринты Амона-Ра.

— Десять сильных людей, ко мне! — крикнул Тан. Воины столпились вокруг самодельных носилок и подняли царя.

— Построиться черепахой! Синие, стройся вокруг меня! — Сомкнув щиты, синие окружили нас. Тан подбежал к флагу Синего Крокодила, который все еще развевался над нами, и сорвал его с древка. Обернул флаг вокруг себя и завязал узлом на животе.

— Если гиксосы хотят заполучить эту тряпку, пусть попробуют ее у меня забрать! — крикнул он, и воины воплями приветствовали эту глупую бравату.

— Все назад, к ладьям, скорым шагом!

Как только мы оставили укрытие среди скал, колесницы понеслись на нас.

— Забудьте о людях! — Тан наконец нашел ключ. — Бейте зверей! — Когда первая колесница понеслась на нас, он выпустил стрелу из лука Ланаты. Лучники стреляли вместе с ним, следуя его примеру.

Половина стрел летела мимо, так как мы бежали по неровной земле, и лучники запыхались. Другие ударились в корпус передней колесницы. Их древки сломались или воткнулись в дерево. Остальные стрелы отлетели от бронзовых пластин, покрывавших грудь животных.

Только одна попала в цель. Она пропела, выпущенная из огромного лука Ланаты, и ударила в лоб правой лошади. Та рухнула, как груда камней, запуталась в упряжке, повалила вместе с собой другую лошадь и забилась на земле, подняв облако пыли. Наездников выбросило на землю, и повозка перевернулась. Другие колесницы отвернули, чтобы не столкнуться с ней. В наших рядах раздался торжествующий вопль, и мы ускорили шаг. Это была наша первая удача в тот ужасный день, и она подбодрила воинов маленького отряда синих и придала им мужество.

— Ко мне, синие! — заорал Тан и — как невероятно это ни покажется — начал петь, и воины вокруг него тоже стали выкрикивать строки боевого гимна отряда. Голоса охрипли и огрубели от напряжения боя, в воплях не чувствовалось ни мелодии, ни красоты, но от одного их звука сильнее билось сердце и кровь текла быстрее. Я вскинул голову и запел вместе с ними, и мой чистый, ясный голос разнесся вокруг.

— Да благословит тебя Гор, соловей ты наш, — засмеялся Тан, и мы побежали к реке. Колесницы кружили около нас, впервые опасаясь ответного удара. Они видели, что случилось с их товарищами. Потом три колесницы развернулись и углом понеслись прямо на нашу черепаху.

— Стреляйте по головам зверей! — закричал Тан и, выпустив стрелу первым, повалил еще одну лошадь. Колесница перевернулась и разлетелась на куски на каменистой почве, а две другие отвернули в сторону.

Когда наша черепаха проходила мимо разбитой повозки, несколько наших воинов подбежали к ней и убили запутавшихся в упряжи лошадей. Они уже ненавидели и боялись этих животных, и суеверный ужас нашел выход в мстительной жестокости. Возничих тоже убили, но с меньшей злостью.

Потеряв две колесницы, гиксосы больше не хотели нападать на наш маленький отряд, и мы быстро приближались к заболоченным полям и заполненному водой оросительному каналу, протянувшемуся вдоль берега реки. Кажется, в тот момент один я понимал, что колесницы врага не смогут последовать за нами в болото.

Хотя я и бежал в самой середине черепахи у носилок царя, в просветах видел завершающее действие битвы, развернувшейся вокруг нас.

Только наш отряд выходил с каким-то подобием порядка. Остальное египетское войско бежало по равнине бесформенной и перепуганной толпой. Большинство побросало оружие. Когда колесницы приближались к бегущим, те падали на колени и умоляюще вздымали к врагу руки. Гиксосы не щадили. Они даже не тратили стрел, а только разворачивались и разрубали жертвы на части вращающимися колесными ножами, или высовывались из колесниц и закалывали пиками, или разбивали черепа тяжелыми каменными дубинами. Затем тащили свою жертву на копье до тех пор, пока зазубрины наконечника не раздирали рану и изуродованный труп не валился на землю.

Я никогда еще не видел такого побоища, и мне не приходилось читать о чем-либо подобном в сказаниях о древних сражениях. Гиксосы убивали наших воинов тысячами и даже десятками тысяч. Равнина у Абнуба походила на пшеничное поле, после того, как по нему пройдутся жнецы, оставляя за собой валики и кучи снопов.

Тысячу лет египетские войска были непобедимыми, и наши мечи торжествовали повсюду. Здесь, на поле у Абнуба, наш век подошел к концу, но в гуще побоища отряд синих пел свой гимн, и я пел с ними, хотя глаза мои жгли слезы стыда.

Первый оросительный канал был уже перед нами, когда другой строй колесниц развернулся и помчался на наш отряд колоннами по три колесницы в ряд. Наши стрелы сыпались на них, но они неслись вперед. Лошади фыркали и тяжело дышали, разинув красные рты, а вознижие криками подбадривали их. Я видел, как Тан дважды пускал стрелы, но всякий раз они либо ударялись о бронзовые пластины, либо летели мимо, так как колесницы постоянно подпрыгивали и поворачивали, объезжая неровности. Упряжки с грохотом врезались в наш строй и пробили черепаху из сомкнутых щитов.

Двое из воинов, несшие носилки фараона, были разрублены на куски колесными ножами, и раненый царь повалился на землю. Я упал на колени рядом с ним и прикрыл его своим телом от пик гиксосов, но колесницы промчались, не задерживаясь. Они всячески старались не застрять в толпе врагов и не оказаться в окружении, а потому пронеслись прежде, чем мечи воинов достали их. Потом развернулись, построились и покатались на нас снова.

Тан протянул мне руку и поднял на ноги.

— Если тебя убьют, кто сочинит о нас оду? — выбранил меня, а потом крикнул своим людям. Они подняли носилки с царем и побежали к ближайшему каналу. Я слышал визг осей несущихся на нас колесниц, но не оглядывался. В обычных обстоятельствах я довольно хороший бегун, но теперь обогнал воинов с носилками так далеко, как будто их ноги были прикованы к земле цепями. Попытался перескочить через канаву, но она оказалась слишком широкой, и я упал в грязь по колено. Колесница, преследовавшая меня, ударилась колесом о край канавы, и колесо разлетелось, а сама повозка перевернулась и чуть не раздавила меня, но я сумел увернуться.

Синие быстро зарубили мечами лошадей и ездоков, беспомощно барахтавшихся в грязи, а я, воспользовавшись временным затишьем, вброд подошел к колеснице.

Задранное к небу колесо еще вращалось. Я положил на него руку и остановил, затем снова раскрутил и посмотрел, как оно вертится. Я стоял там не долго, не спел даже дыхание перевести, но и этого мне оказалось достаточно, чтобы узнать о конструкции колеса столько, сколько не знает никакой гиксос. И у меня появились даже первые мысли о том, как его можно улучшить.

— Клянусь музыкой в заднице Сета, Таита, нас тут всех перебьют, пока ты будешь мечтать! — заорал на меня Крат.

Я стряхнул оцепенение и схватил изогнутый лук с подставки на борту колесницы и стрелу из колчана. Мне хотелось осмотреть их на досуге. Я отправился вброд через канал с луком и стрелой в руках в тот самый момент, когда отряд колесниц с грохотом покатылся назад, осыпая нас стрелами.

Воины, тащившие царя, опередили меня на сто шагов. Я был последним в нашем маленьком отряде. Вознижие в бессильной злобе орали за моей спиной, так как не могли

преследовать нас, и выпускали в меня стрелу за стрелой. Одна из них угодила мне в плечо, но наконечник не пробил кожи и стрела отскочила, оставив небольшой красный синяк, который я обнаружил много позже.

Хотя я намного отстал от остальных, нагнал носильщиков, когда они подошли к основному руслу Нила. На берегу реки толпились спасшиеся воины. Почти все были безоружны и лишь немногие были целы. Всех их переполняло одно единственное желание — вернуться как можно скорее на ладьи, привезшие их сюда из Фив.

Тан нашел меня в толпе и подозвал, когда носилки поднесли к берегу.

— Я передаю фараона тебе. Отвези на борт царской барки и сделай все возможное, чтобы спасти его жизнь.

— Когда ты вернешься на борт?

— Мой долг находится здесь, с моими воинами. Я должен спасти всех, кого только можно, и погрузить на корабли.

Он отвернулся и пошел прочь, выбирая сотников и командиров отрядов и выкрикивая команды среди толпы, в которую превратилось разбитое войско.

Я подошел к царю и встал на колени у носилок. Мамос был еще жив. Я быстро осмотрел его и обнаружил, что он вот-вот потеряет сознание. Кожа у него была липкой и холодной, как у пресмыкающегося, а дыхание не было глубоким. Вокруг обломка древка виднелся лишь небольшой ободок крови, просочившейся из раны, но когда я приложил к груди ухо, то услышал, как с каждым вздохом в легких бурлит кровь. Из уголка рта медленно сбегала красная змейка. Я понял: если хочу спасти царя, то должен действовать быстро. Крикнул лодку, чтобы отвезти его на барку. Воины, несшие носилки, подняли фараона и положили в маленькую лодку. Я сел рядом с ним, и мы погребли к огромной барке государства, стоявшей на якоре посередине реки.

ВСЯ ЦАРСКАЯ свита столпилась на палубе барки, заведя наше приближение. На борту находились стайка царских жен и придворные и жрецы, не принимавшие участия в битве. Среди остальных я узнал свою госпожу. За руку она держала сына, ее бледное лицо выражало беспокойство. Как только люди заглянули в нашу лодку и увидели на носилках царя, а на лице у него кровь, которую я не успел стереть, раздался ужасный вопль тревоги и печали. Женщины визжали и плакали, а мужчины выли в отчаянии, как псы.

Моя госпожа стояла ближе всех жен, когда носилки с царем подняли на борт и поставили на палубу. Как старшая жена она должна была первой подойти к нему. Остальные отступили, чтобы дать ей место. Лостра наклонилась и отерла с осунувшегося лица грязь и кровь. Мамос узнал ее — я слышал, как он слабо произнес имя и попросил привести сына. Госпожа подозвала царевича, и фараон, тихо улыбнувшись, попытался коснуться ребенка рукой, но не хватило сил, и рука снова упала на носилки.

Я приказал отнести фараона в каюту, а госпожа быстро подошла ко мне и тихо спросила с тревогой в голосе:

— Что с Таном? Жив? О, Таита, скажи мне, его не убил этот ужасный враг?

— Он цел и невредим, его ничто не берет. Я рассказывал тебе видение, посланное лабиринтами. Все это было там. Но теперь я должен идти к царю. Мне понадобится твоя помощь. Оставь Мемнона нянькам и иди со мной.

Меня все еще покрывала сохнувшая корка черной грязи, как, впрочем, и фараона, поскольку мы с ним упали в одну канаву. Я попросил царицу Лостру и двух других царских жен раздеть его, помыть и положить на чистые белые простыни, а сам вернулся на палубу и велел морякам черпать ведрами воду, в которой умылся. Я никогда не провожу операций грязным, так как по собственному опыту убедился: грязь, неизвестно почему, плохо действует на пациента и способствует образованию гноя и воспаления.

Пока я умывался, смотрел на восточный берег, где наши воины столпились на небольшом пятачке под защитой канала и заболоченных полей. Эта жалкая толпа когда-то была гордым и могучим войском. Теперь меня наполняли страх и стыд. Потом я увидел, как

Тан ходит широкими шагами среди этой толпы и везде, где бы он ни появлялся, воины поднимаются из грязи и возникает какое-то подобие дисциплины. Один раз ветер даже донес до барки обрывки не очень-то уверенных криков приветствия.

Если теперь враг пошлет пехоту через болота и топи, разгром будет полным. Не выживет никто из нашего могучего войска, и даже Тан не сможет оказать врагу серьезного сопротивления. Однако, сколько я ни всматривался на Восток, я не мог разглядеть на равнине строя пехотинцев со щитами и поднятыми копьями.

Ужасная туча пыли все еще висела над равниной Абнуба, и колесницы хозяйничали на ней, но, если не будет нападения вражеской пехоты, Тану удастся кое-что сделать сегодня. Этот урок я запомню, он пригодится нам через многие годы. Колесницы могут выиграть сражение, но только пехота способна закрепить победу.

Судьба войска на берегу реки зависела теперь исключительно от Тана. Мне же предстояло другое сражение — битва со смертью в каюте царской барки.

— НАДЕЖДА еще не совсем потеряна, — прошептал я госпоже, вернувшись к царю. — Тан собирает войска, и если кто-либо из живущих на земле может спасти Египет от гибели, так это он. Потом я подошел к царю и на какое-то время забыл обо всем, кроме пациента. По своему обыкновению, я бормотал мысли вслух, осматривая рану. Судя по водяным часам, прошло меньше часа с тех пор, как смертоносная стрела попала в цель, и все же плоть вокруг отломанного древка успела вспухнуть и побагроветь.

— Стрелу нужно извлечь. Если оставить наконечник в груди, он умрет до рассвета. — Я думал, что царь не слышит меня, когда говорил это, но Мамос открыл глаза и посмотрел на меня.

— Буду ли я жить?

— Надежда всегда есть. — Мои слова прозвучали легковесно и неискренне. Я понял это, царь тоже понял это.

— Благодарю тебя, Таита. Я знаю, ты постарайся спасти меня, и прощаю тебе твою вину, если тебе это не удастся. — Он поступил великодушно, так как многие врачи до меня поплатились жизнью за то, что позволили царю уйти в мир иной.

— Наконечник стрелы вошел глубоко. Будет очень больно, но я дам порошка красного шепена, сонного цветка, чтобы успокоить боль.

— Где моя старшая жена, царица Лостра? — спросил царь, и моя госпожа немедленно ответила:

— Я здесь, мой господин.

— Мне нужно кое-что сказать. Призови моих министров и писцов, чтобы мое заявление было засвидетельствовано и записано.

Писцы и министры заполнили маленькую жаркую каюту и молча встали вокруг.

Затем фараон протянул руку к госпоже.

— Возьми мою руку и слушай, — приказал он. Она опустилась на колени рядом с ним и сделала, как ей было приказано, а царь продолжал тихим, почти бессильным шепотом:

— Если я умру, царица Лостра будет править за моего сына. За время нашего брака я узнал, что она человек сильный и здравомыслящий, если бы она не была таковой, я бы не возложил на нее эту обязанность.

— Благодарю тебя, Великий Египет, за доверие, — прошептала царица Лостра, и фараон стал говорить ей лично, хотя каждый человек в каюте слышал его слова.

— Окружи себя мудрыми и честными людьми. Учи моего сына всем добродетелям царствования, которые мы с тобой обсуждали. Ты знаешь мои мысли об этом.

— Да, ваше величество.

— Когда он станет взрослым и сможет взять в свои руки плеть и посох, не пытайся мешать ему. Он мой прямой потомок и потомок моей, династии.

— Я с радостью выполню твой наказ, потому что он не только сын своего отца, но и мой сын.

— Пока ты будешь править, правь мудро и думай о моем народе. Многие будут пытаться вырвать из твоих рук знаки царской власти. Я имею в виду не только нового жестокого врага, этих гиксосов, но и других, тех, кто может оказаться гораздо ближе к твоему трону. Ты должна противостоять всем. Сохрани двойную корону для моего сына.

— Я сделаю, как ты говоришь, божественный фараон. Царь на некоторое время замолчал, и я уже подумал, что он потерял сознание, но Мамос вдруг снова вцепился в руку моей госпожи.

— Я хочу возложить на тебя еще одну обязанность. Моя гробница и мой храм еще не закончены. Теперь им, как и всему моему царству, угрожает опасность от врагов, нанесших нам сегодня поражение. Если мои военачальники не смогут остановить их, гиксосы дойдут до Фив.

— Мы будем молить богов, чтобы этого не случилось, — прошептала госпожа.

— Я строго приказываю тебе забальзамировать мое тело и похоронить его со всеми моими сокровищами в соответствии со строжайшими обрядами Книги Мертвых.

Госпожа моя молчала. Я думаю, уже тогда она поняла, насколько обременительное поручение возлагает на нее фараон.

Он крепче сжал ее руку, и она поморщилась от боли.

— Поклянись мне своей жизнью и надеждой на бессмертие. Поклянись мне перед моими министрами и царской свитой. Поклянись мне именами Хапи, твоей покровительницы, и благословенной троицы: Осириса, Исиды и Гора.

Царица Лостра с мольбой посмотрела на меня. Я понимал: если она даст слово, то сдержит его любой ценой, чего бы это ей ни стоило. В этом она походила на своего любимого. Ее с Таном связывал один закон чести. Я понимал также, что всем ее близким тоже придется поплатиться за это. Клятва, данная сейчас царю, тяжелым бременем ляжет на всех нас, включая царевича Мемнона и раба Таиту. Однако царю, лежащему на смертном одре, противоречить невозможно. Я едва заметно кивнул. Позже я тщательно рассмотрю все детали клятвы и как истинный законник предложу более или менее разумное толкование.

— Я клянусь Хапи и всеми богами, — сказала царица Лостра тихо, но ясно, и в последующие годы я сотни раз буду сожалеть о том, что она произнесла эти слова.

Царь удовлетворенно вздохнул и отпустил ее руку.

— Теперь я готов, Таита, и, какую бы судьбу ни уготовили мне боги, пусть она свершится. Дайте мне еще раз поцеловать сына.

Маленького царевича подвели к нему, а я тем временем без всякой церемонии выгнал из каюты толпу вельмож. Потом приготовил сильнейший настой красного шепена, потому что знал, что боль может свести на нет все мои усилия и погубить моего пациента так же быстро, как и неверное движение скальпеля.

Когда царь выпил весь настой, я подождал, пока его зрачки не сузились до размера острия булавки, а веки опустились. Потом отослал царевича к нянькам.

ПОКИДАЯ Фивы, я предполагал, что мне придется извлекать из ран стрелы, поэтому я взял с собой свои ложки. Я сам придумал этот инструмент, хотя какой-то лекаришка из Газы и еще один из Мемфиса заявляли, что именно они изобрели их. Я благословил свои ложки и скальпели в огне лампы, и вымыл руки горячим вином. — По-моему, не очень разумно пользоваться ложками, когда наконечник стрелы находится так близко от сердца, — сказала госпожа, наблюдая за моими приготовлениями. Временами она ведет себя так, будто превзошла своего учителя.

— Если я оставлю стрелу на месте, начнется омертвление. Это убьет так же надежно, как если бы я отрубил ему голову. Ложки — единственный способ спасти его.

Какое-то мгновение мы смотрели друг другу в глаза, как будто разговаривали без слов. Все это было в видении лабиринтов Амона-Ра. Неужели мы не хотели, чтобы их добрые предзнаменования сбылись для нас?

— Он мой муж, он фараон. — Госпожа взяла меня за руку, чтобы придать вес своим

словам: — Спаси его, Таита. Спаси его, если можешь.

— Ты же знаешь, я постараюсь сделать это.

— Тебе понадобится моя помощь? — Она часто помогала мне раньше; я кивнул и наклонился над царем.

Существует три способа, с помощью которых можно попытаться вынуть стрелу. По первому я должен был просто выдернуть ее. Я слышал об одном хирурге из Дамаска, который нагибал к земле гибкую ветку дерева и привязывал к древку. Потом он отпускал ветку и выдергивал стрелу из живой плоти упругой силой дерева. Я никогда не применял такого жестокого способа лечения, так как знал, что немногие пациенты выжили бы после подобной операции.

По второму следовало нажать на стрелу, чтобы наконечник вышел из тела с другой стороны. Стрелу можно забивать молотком, как гвоздь в доску. Потом отпиливаешь наконечник и вытаскиваешь древко. Этот метод лечения почти столь же жесток, как и предыдущий.

Я пользуюсь методом «ложек Таиты». Я сам назвал ложки своим именем, так как скромность не позволила мне дать другое, а заявления нахальных лекаришек заставили позаботиться о том, чтобы потомки узнали о моем гении.

Сначала я осмотрел стрелу гиксосов, принесенную из перевернутой колесницы. С удивлением обнаружил, что наконечник ее был сделан из кремня, а не из бронзы. Разумеется, кремнь легче достать в большем количестве, чем бронзу, но я еще не слышал о военачальниках, экономящих на снаряжении, когда отправляются завоевывать царства. Кремневые наконечники красноречиво говорили об ограниченных возможностях гиксосов и подсказывали причину их жестокого нападения на Египет. Войны ведутся из-за богатства или земель; казалось, что у гиксосов не было ни того, ни другого.

Оставалось только надеяться, что наконечник, застрявший в груди фараона, был той же формы и размера. Я подобрал пару ложек к острому, как лезвие бритвы, кремневому наконечнику. У меня есть ложки разного размера, и я подобрал такие, которые аккуратно закрывали наконечник, пряча страшные зазубрины под гладким, полированным металлом.

К этому времени настой подействовал полностью. Фараон лежал без сознания на белооблачных простынях, а отломанное древко стрелы торчало из груди на длину моего пальца. Я приложил ухо к груди и снова услышал, как с каждым вздохом кровь булькает в легких. Удостоверившись, что он еще жив, я смазал ложки бараньим жиром, чтобы они были готовы, и взял один из самых острых своих скальпелей.

Я подозвал кивком четырех стражников, отобранных царицей Лострой, пока я готовился к операции, и они прижали фараона к столу за ноги и за руки. Царица Лостра села у головы царя и вставила ему в рот деревянную трубочку из моего врачебного сундучка. Эта трубочка доходила до самого горла. Она не даст языку заткнуть глотку, и дыхание будет свободным. Кроме того, помешает прикусить язык или проглотить его и не даст поломать зубы, когда челюсти сожмутся от жестокой боли.

— Сначала я расширю рану вокруг древка, чтобы добраться до головки стрелы, — пробормотал я себе под нос и провел скальпелем вниз вдоль древка. Тело фараона напряглось, но стражники безжалостно держали его.

Работал я быстро, так как скорость имеет важнейшее значение при операциях этого типа, если вы хотите, чтобы ваш пациент выжил. Я сделал надрез по обеим сторонам древка. Кожа человека — прочная и упругая. Она может помешать введению ложек, а мне нужно было проникнуть через нее.

Бросил нож на стол и взял пару смазанных ложек. Вводя их вдоль древка, вталкивал их глубже и глубже в рану, пока снаружи не остались только длинные ручки.

К этому времени фараон начал корчиться и изгибаться на столе в руках стражников. Пот лился с него градом и стекал по бритому черепу, покрытому щетиной седых волос. Его вопли пробивались через деревянную трубочку во рту и эхом разносились по барке.

Я приучил себя не обращать внимания на страшные страдания своих пациентов и

вводил ложки все глубже и глубже в расширенное отверстие раны до тех пор, пока они не коснулись кремневого наконечника. Дальше началась самая тонкая часть операции. Воспользовавшись рукоятками как щипцами, я развел ложки и надел их на наконечник. Когда почувствовал, что они сомкнулись, оставалось только надеяться, что грубый кремневый наконечник надежно прикрыт, а зазубрины спрятаны.

Осторожно ухватился за ручки ложек и камышовое древко и начал их вытаскивать. Если зазубрины наконечника не закрыты ложками, они тут же застрянут в плоти фараона и помешают мне. Я чуть было не закричал от радости и облегчения, когда почувствовал, что стрела подалась, но мягкая плоть словно засасывала ее, и мне понадобилась вся сила, чтобы вытащить древко.

Фараон страшно кричал. На него невозможно было смотреть, когда древко, кремневый наконечник и металлические ложки медленно выходили из раны. Настой красного шепена давно уже перестал действовать, и боль уже ничто не смягчало. Я понимал, что наношу ему серьезные внутренние повреждения, слыша, как рвутся волокна плоти.

Пот лился по моему лицу, обжигая глаза и ослепляя, но я продолжал тянуть, пока внезапно окровавленная стрела не оказалась у меня в руке. Я отлетел в противоположный конец каюты и ударился о борт. На миг я застыл, опершись о балку без сил. Увидел, как темная полусвернувшаяся кровь фонтанчиком бьет из раны, но не мог справиться с силами и подойти к фараону.

Я смазал рану драгоценной миррой и засахаренным медом, затем завязал чистым полотном. Работая, я читал вслух заклинания для перевязки ран.

Я свяжу тебя, творенье Сета.
Я заткну поганный рот.
Отступай предо мной, волна,
Отступай предо мной, цветок,
Смерти алый, злой бутон.
Изыди, Сета, красный пес.

Это заклинание следовало произносить, обрабатывая кровоточащую рану от клинка или стрелы. Есть особые заклинания для каждого вида ран, включая ожоги и раны, нанесенные клыками или когтями льва. На выучивание заклинаний уходит большая часть времени при подготовке врача. Я никогда не мог сказать наверняка, действуют ли эти заклинания, однако считаю, что обязан пользоваться всеми доступными средствами для лечения своих пациентов.

В нашем случае фараону стало намного легче после перевязки. Он уснул, и я смог оставить его на попечении жен и выйти на палубу. Глоток свежего, прохладного воздуха вернул меня к жизни, так как операция обессилила лекаря не меньше, чем пациента.

Наступил вечер, солнце устало садилось за голыми западными холмами, отбрасывая красноватый отблеск на поле боя. Нападения пехоты гиксосов так и не последовало, и Тан все еще переводил остатки побежденной армии с берега на ладьи, стоявшие на якоре посредине реки.

Я смотрел, как переполненные лодки везли раненых и истощенных людей мимо нашей барки, и меня переполняла жалость к ним и ко всему нашему народу. Этот день навсегда останется самым тяжелым днем в истории Египта. Потом я увидел, как туча пыли над колесницами гиксосов начала перемещаться в сторону Фив. В красных лучах заходящего солнца она приобрела кровавый оттенок. Я воспринял это как знамение, и жалость моя перешла в ужас.

УЖЕ СТЕМНЕЛО, когда Тан поднялся на борт барки государства. При свете факелов он казался трупом, восставшим на поле боя. Побледнел от усталости и серой пыли. Его плащ затвердел от засохших грязи и крови, а под глазами виднелись темно-синие круги. Увидев

меня, сразу спросил о здоровье фараона.

— Я удалил стрелу. Но рана глубока, стрела прошла слишком близко от сердца. Если он проживет три дня, я смогу спасти его.

— Как твоя госпожа и ее сын? — Тан всегда задавал этот вопрос при встрече со мной.

— Царица Лостра устала, так как она помогала мне во время операции. Царевич, как всегда, весел; сейчас спит под присмотром нянек.

Я увидел, как Тан зашатался, и понял, что даже его огромный запас сил скоро иссякнет.

— Тебе нужно отдохнуть... — начал было я, но он стряхнул с плеча мою руку:

— Принеси сюда светильники, прикажи принести твои кисти, чернильницы и свитки. Я должен послать предостережение Нембету, чтобы он не попал в ловушку так же, как я.

Мы просидели с Таном половину ночи, и вот какое послание продиктовал он мне:

«Я приветствую тебя, вельможа Нембет, Великий Лев Египта, командующий войском Ра из войск фараона. Да живешь ты вечно!

Знай же, что мы встретились с врагами по имени гиксосы на равнинах Абнуба. По своей силе и свирепости гиксосы опасны и имеют странные стремительные лодки, против которых мы не можем устоять.

Знай также, что мы потерпели поражение и что наше войско разбито. Мы не можем противостоять гиксосам.

Знай также, что фараон серьезно ранен и его жизни угрожает опасность.

Мы просим тебя не встречаться с гиксосами в открытом бою, потому что корабли их стремительны как ветер. Ищи спасения от них за каменными стенами или жди нас на борту своих ладей, дабы избежать удара врага. У гиксосов нет своих кораблей, и только с помощью наших ладей мы сможем победить их.

Мы просим тебя ждать нашего прихода, не вводя свои войска в бой.

Да защитят тебя Гор и все боги Египта!

Тан, вельможа Харраб, командующий войском Пта из войск фараона, говорит это».

Я написал четыре копии послания, и, как только завершал очередную, Тан подзывал гонцов и отсылал их к вельможе Нембету, Великому Льву Египта, который шел к нам с юга с подкреплением. Он отправил по реке две быстрые ладьи с двумя копиями послания. Потом высадил на западном берегу двух лучших бегунов и послал в сторону Фив на поиски Нембета.

— Один из твоих свитков наверняка дойдет до Нембета. До утра ты больше ничего не сможешь сделать, — заверил я его. — Теперь тебе нужно поспать. Если ты погубишь себя, с тобой погибнет весь Египет.

Тан не пошел к себе, он улегся на палубе, как собака, готовый к любым неожиданностям. Я же отправился в каюту, чтобы быть рядом с царем и утешать свою госпожу.

Я ПОДНЯЛСЯ на палубу еще до первых проблесков рассвета. Выходя, услышал, как Тан приказывает сжечь наш флот. Я не имел права ставить под сомнение его правоту, но он увидев мой недоверчивый и пораженный взгляд и, когда гонцов отослали, коротко сказал мне: — Я только что получил сведения о перекличке от командиров отрядов. Из тридцати тысяч человек, стоявших вчера на равнинах Абнуба перед колесницами гиксосов, осталось только семь тысяч, из них пять тысяч ранены, многие скоро умрут. Среди тех, кто невредим, мало моряков. У меня едва хватит людей, чтобы снарядить половину нашего флота. Придется бросить остальные ладьи, но я не могу отдать их в руки гиксосов. И вот теперь, собрав связки камыша, люди начали жечь корабли. Как только загорался камыш, пламя вздымалось до небес. Это было печальное и ужасное зрелище, даже для моей госпожи и меня, хотя мы и не были моряками. Тану было намного тяжелее. Он стоял один на носу барки государства, и каждая черточка лица и вся его фигура выражали отчаяние и горе. Он стоял и смотрел, как горят корабли. Для него все они были красивыми, живыми существами.

На глазах у всего двора госпожа моя не могла подойти к нему и занять свое настоящее место, но она тайком пожала мне руку, и мы вдвоем оплакивали Тана и весь наш Египет, глядя, как наши гордые корабли горят словно факелы. Ревущие столбы огня поднимались над ними, смешиваясь с черным дымом, их кроваво-красный отблеск соперничал с красками рассвета.

Наконец Тан отдал приказ оставшейся сотне лодок поднять якоря, и наш маленький флот с грузом раненых и умирающих повернул на юг.

Позади нас к небу понимался черный дым погребального костра нашего флота, а впереди в утреннем небе двигалась вдоль восточного берега Нила желтая туча пыли над отрядами колесниц гиксосов, направлявшихся в глубь Верхнего царства к беззащитным Фивам и их сокровищам.

Казалось, боги повернулись спиной к Египту и забыли о нас, так как ветер, обычно дувший в это время с севера, совершенно затих, а затем с новой силой задул с юга. Теперь нам приходилось преодолевать одновременно и течение, и ветер, а ладьи наши были перегружены ранеными. Они сидели глубоко и тяжело двигались вперед, скудные команды гребли до изнеможения. Мы не могли угнаться за войском гиксосов, и оно неумолимо уходило вперед.

Я был поглощен выполнением своих обязанностей царского врача. Однако на борту каждой ладьи нашей флотилии умирали люди, которых я мог бы спасти, и умирали десятками. Всякий раз, когда я поднимался на палубу подышать свежим воздухом и немного передохнуть после напряженного бдения у постели фараона, я видел, как с соседних ладей выбрасывали трупы. С каждым всплеском на поверхности воды появлялся водоворот от хвоста крокодила. Эти ужасные пресмыкающиеся преследовали наш флот, как вороны и стервятники.

Фараон держался хорошо, и на второй день я смог дать ему маленькую чашку бульона. В тот вечер он снова попросил привести царевича и Мемнона доставили к нему.

Мальчик уже достиг того возраста, когда дети беспокойны, как кузнечики, и шумны, как стайка скворцов. Фараон всегда был добр к сыну, может быть, даже слишком добр, и царевич с радостью проводил с ним время. Он был красивым мальчиком со стройными длинными ногами и руками, светлой кожей и темно-зелеными глазами матери. Волосы его вились, как шерстка новорожденного черного ягненка, а в солнечном свете в них сверкали искорки пламенной гривы Тана.

В тот вечер царь острее, чем когда бы то ни было, радовался Мемнону. Этот ребенок и обещание, которое удалось вырвать у моей госпожи, давали ему надежду на бессмертие. Против моего желания он продержал мальчика при себе до самого заката. Я знал: безграничная энергия Мемнона и его требовательность утомляли царя, но я не мог вмешиваться до тех пор, пока не настало время кормить царевича ужином. Только тогда я отвел его к нянькам.

Моя госпожа и я остались у постели царя, но он почти тут же уснул, словно умер, а без обычного грима лицо фараона было белым, как простыни, на которых он лежал.

Следующий день был третьим после ранения и поэтому самым опасным. Если бы Мамос прожил этот день, то был бы спасен. Однако, когда я проснулся на рассвете, каюту заполнял тяжелый душный запах разложения. Я прикоснулся к коже фараона и обжег пальцы, как о снятый с очага чайник. Я позвал госпожу, и она спотыкаясь вышла ко мне из-за занавески.

— Что такое, Таита?.. — И замолчала, потому что ответ был написан у меня на лице. Она стояла рядом со мной, когда я снимал повязку. Искусство перевязки — одна из вершин хирургического искусства, а я даже зашил полотно. Теперь распорол шов и стянул повязку.

— О милостивая Хапи, умоляю тебя, пощади его! — вырвалось у царицы Лостры, когда вонь разлагающейся плоти распространилась вокруг. Черная корка, закрывавшая рану, прорвалась, и густой зеленый гной медленной струйкой потек на простыню.

— Заражение! — прошептал я. Это настоящий кошмар для хирурга. Злокачественное

воспаление, поражающее жертву после ранения и распространяющееся по телу, как зимний пожар по сухим зарослям папируса.

— Что будем делать? — спросила она. Я покачал головой.

— Он умрет до наступления ночи, — сказал я, и мы стали ждать неумолимого прихода смерти у его постели. Как только по барке распространился слух, что фараон умирает, каюту заполнила толпа жрецов, царских жен и придворных. Все ждали молча.

Тан пришел последним и встал позади всех со шлемом в руке, всем своим видом выражая уважение и печаль. Но взгляд покоился не на смертном одре фараона, а на царице Лостре. Та старалась не смотреть в его сторону, но я понимал, что она каждой частицей своего тела чувствует это присутствие.

Царица покрыла голову шитым полотняным платком, но выше пояса до этого платка на ней ничего не было. С тех пор как она перестала кормить царевича, груди потеряли тяжелый груз молока. Лостра стала стройной, как девственница, а рождение ребенка не исчертило низ живота серебряными линиями. Кожа оставалась гладкой и безупречной, как будто ее только что смазали благовонным маслом.

Я накрывал горячее тело фараона мокрыми простынями, стараясь сбить лихорадку. Но жар испарял влагу, и мне приходилось часто менять их. Фараон беспокойно ворочался и вскрикивал в бреду, преследуемый ужасами и чудовищами потустороннего мира, ожидавшими его появления.

Время от времени он читал вслух отрывки из Книги Мертвых. С самого детства жрецы заставили его выучить книгу, которая содержала и ключ, и карту пути по подземному миру к полям Западного рая:

Двадцать один поворот на хрустальной тропе,
Тонкой и острой, словно разящая бронза.
Вторые ворота на ней охраняет богиня,
Но верить нельзя коварным и хитрым повадкам
Владычицы пламени, страстной вселенской блудницы,
С прожорливой пастью молодой и ненасытной львицы,
Ее влагалище жадно людей поглощает,
И тонут они в молочной трясине плоти.

Постепенно голос и движения фараона слабели, и вскоре после полудня он в последний раз судорожно вздохнул и замер. Я наклонился над ним и пощупал его шею в поисках биения жизни, но ничего не почувствовал. Кожа холодела под моими пальцами.

— Фараон умер, — тихо сказал я и закрыл его глаза. — Да живет он вечно!

Все присутствующие испустили горестный вопль, и плач моей госпожи вел за собой жалобные крики царских жен. От этих звуков мороз пробежал у меня по коже. Я поспешил покинуть каюту. Тан вышел за мной и схватил меня за руку.

— Сделал ли ты все, что было в твоих силах, чтобы спасти его? — грубо спросил он. — Или это твоя очередная хитрость?

Я понимал, что за недобрым обращением скрывались чувство вины и страх, поэтому ответил мягко:

— Его убила стрела гиксоса. Я сделал все возможное, чтобы спасти его. Такова судьба, предсказанная лабиринтами Амона-Ра, и никто из нас не виноват в этом.

Он вздохнул и крепко обнял меня за плечи.

— Я не предвидел такого. Я думал только о своей любви к царице и нашему сыну. Мне следовало бы радоваться, что она свободна, но я не могу. Слишком многое потеряно, слишком многое погибло. Все мы зерна под гремящими жерновами лабиринтов.

— Счастье еще ждет нас впереди, — заверил я, хотя ничем не мог подтвердить свои слова. — У моей госпожи остается священный долг. А поскольку это ее долг, он становится твоим и моим. — Я напомнил ему о клятве, данной Лострой царю. Она поклялась сохранить

земное тело царя и похоронить его подобающим образом, чтобы Ка фараона отправилось в поля рая.

— Скажи мне, как я могу помочь ей? — просто спросил Тан. — Но помни, что гиксосы мчатся по Верхнему царству впереди нас, и я не могу обещать тебе, что гробница царя не будет осквернена.

— Если потребуется, нам придется найти ему другую. Но прежде всего мы должны сохранить тело. В этой жаре оно начнет разлагаться, черви заведутся в нем еще до заката солнца. Я не особенно опытен в искусстве бальзамирования, но знаю один способ, с помощью которого мы сможем оправдать возложенное на нас доверие.

Тан послал моряков в трюм барки, и они вытащили на палубу огромный глиняный кувшин с маринованными оливами. Затем по моим указаниям опорожнили его и наполнили кипящей водой. Пока вода не остыла, они высыпали в нее три мешка тончайшей морской соли. Затем заполнили тем же соляным раствором еще четыре винных кувшина меньшего размера и оставили их на палубе остывать.

Тем временем я отправился в каюту и стал работать один. Моя госпожа хотела помочь мне. Она считала, что это входит в обязанности перед мертвым мужем, но я отослал ее позаботиться о царевиче.

Я вскрыл тело фараона вдоль левого бока от ребер до бедренных костей. Через это отверстие вынул содержимое грудной клетки и брюшной полости, освободив их и вычистив ножом вдоль диафрагмы. Разумеется, я оставил сердце на месте, так как это орган жизни и разума. Оставил на месте и почки: эти сосуды с водой представляют священный Нил. Я наполнил образовавшуюся полость солью, а затем зашил нитками из выдубленных кишок. У меня не было специальной ложки бальзамировщика, с помощью которой через ноздри удаляется мягкая желтая каша из черепа, поэтому и ее я оставил на месте. В данном случае это было не так важно. Внутренности же я разделил на четыре части: печень, легкие, желудок и кишки. Я промыл желудок и кишки соляным раствором — занятие это отвратительное.

Когда я закончил, воспользовался возможностью внимательно осмотреть легкие царя. Правое было здоровым и розовым, однако верх левого, пронзенного стрелой, сдулся, как пробитый пузырь. Его заполняли гнилая черная кровь и гной. Поразительно — старик прожил так долго со столь тяжелой раной в груди! Я чувствовал себя оправданным. Ни один врач не мог бы спасти его. Никаких ошибок в моем лечении не было.

Наконец, я приказал морякам принести остывшие кувшины с соляным раствором. Тан помог мне сложить тело фараона в позу зародыша, и в таком виде мы положили его в огромный кувшин из-под олив. Я позаботился о том, чтобы крепкий соляной раствор покрывал тело с головой. Каноп у нас не было, и мы разложили внутренности по винным кувшинам. Запечатали все кувшины смолой и воском и надежно закрепили их в прочном помещении под палубой, где царь хранил свои сокровища. Мне показалось, что фараон был бы доволен, что покоится в окружении золота и серебряных слитков.

Я сделал все, что было в моих силах, и помог госпоже сдержать клятву. В Фивах я смогу передать тело царя бальзамировщикам, если гиксосы не придут туда первыми и если город и его жители будут существовать к тому времени, когда мы туда приплывем.

КОГДА МЫ ПРИБЫЛИ к обнесенному стенами городу Асют, стало ясно, что гиксосы оставили небольшой отряд для осады, а остальное их войско двинулось на юг. Хотя под стенами города стояло менее сотни колесниц, гиксосы были слишком сильны, и мы не могли победить их с нашим обескровленным войском.

Главной задачей Тана было спасти Ремрема и его пять тысяч воинов, укрывшихся за городскими стенами, а затем отправиться вверх по реке, чтобы соединиться с вельможей Нембетом и его тридцатитысячным подкреплением. Мы встали на якорь у стрежня реки, в полной безопасности. Здесь нам не грозило нападение смертоносных колесниц, и Тан флажками известил Ремрема о своих намерениях.

За несколько лет до этого я помог Тану разработать систему знаков с двумя разноцветными флажками, с их помощью можно было передать сообщение любому человеку, находящемуся в пределах видимости, скажем, с одного конца долины на другой, с одного холма на соседний или с городских стен на реку.

Теперь флажками Тан предупредил Ремрема, чтобы тот был готов этой ночью. Затем под прикрытием темноты двадцать наших ладей поспешили к пологому берегу возле городских стен. В тот же самый момент Ремрем распахнул боковые ворота и во главе своего отряда пробился через заставы гиксосов.

Ремрем со своими людьми был в полной безопасности на борту наших судов прежде, чем враги успели запрячь лошадей.

Тан в то же мгновение дал знак остальной флотилии поднять якоря. Он оставил город Асют на разграбление гиксосам, а мы понеслись на веслах против течения. До конца ночи, оглядываясь, мы видели за кормой огни горящего города на северном горизонте.

— Да простят меня эти бедняги, — очень тихо сказал Тан, — у меня не было другого выхода. Мой долг зовет в Фивы.

Тан был настоящим воином и принял суровое решение без колебаний. И все же он был человеком и горько оплакивал участь горожан. Я восхищался им не меньше, чем любил его.

РЕМРЕМ рассказал нам, что быстрые ладьи с посланием Нембету проплыли за день до этого и сейчас наши письма уже получены старым флотоводцем.

Кроме того, Ремрем сообщил нам кое-какие сведения о гиксосах и их движении на юг. Он захватил двух египетских дезертиров и изменников, которые перешли на сторону врага и пробрались в город Асют, чтобы шпионить за его защитниками. Под пыткой они выли, как и полагается шакалам, и перед смертью рассказали о гиксосах много ценного.

Царь гиксосов, который нанес нам такое сокрушительное поражение на равнинах Абнуба, звался Салит. Его племя семитской крови по образу жизни было кочевым. Они пасли скот в Загре, в горах недалеко от озера Ван. Так подтвердились мои первые впечатления об этих ужасных азиатах. Я догадался о семитском происхождении по их внешности, но меня поразило то, что пастухи смогли изобрести такое средство передвижения, как колесница. Да и где они нашли чудесное животное, которое мы, египтяне, сейчас называем лошадью и которого в то время боялись, будто это существо из подземного царства?

Во всех же остальных областях гиксосы оказались отсталым народом. Они не умели ни читать, ни писать, правил ими грубый тиран, бородатый Салит. Мы, египтяне, ненавидели его и боялись больше, чем диких зверей, таскавших колесницы.

Главного бога гиксосов звали Сутех, бог бури. Не требовалось особых теологических знаний, чтобы узнать в нем нашего страшного Сета. Выбор главного бога подходил им, а их поведение делало честь богу. Ни один цивилизованный народ не будет так жечь, грабить и убивать, как они. Мы пытаем предателей, но это не может идти ни в какое сравнение со зверствами гиксосов.

Я давно постиг одну простую истину — народ всегда выбирает себе богов по своей природе. Филистимляне поклоняются Ваалу и бросают живых младенцев в горящие печи, образ его пасти. Черные племена кушитов поклоняются чудовищам и зверям потустороннего мира в своих невероятных и странных обрядах. Мы же, египтяне, поклоняемся справедливым и приличным богам, благосклонным к людям и не требующим человеческих жертв. А у гиксосов есть их Сутех.

Оказалось, что захваченные египтяне не были единственными изменниками, перешедшими на сторону врага. Когда одному из пленников Ремрема сунули в анальное отверстие горящий уголь, он рассказал о каком-то высоком египетском вельможе из Верхнего царства, сидящем рядом с царем Салитом на военном совете. Когда я услышал об этом, то вспомнил, как меня поразили знания гиксосов о нашем боевом порядке на равнинах Абнуба. Уже тогда я догадался о шпионе среди них, которому известны наши тайны.

А если это правда, враг мог знать наши сильные и слабые стороны. Ему точно знакомы планы и способы обороны наших городов, больше всего его должны привлекать огромные сокровища фараона, собранные в погребальном храме.

— Может быть, это и объясняет поспешность, с какой царь Салит движется к Фивам, — подсказал я Тану. — Он наверняка попытается переправиться на западный берег Нила, как только ему представится возможность.

Тан громко выругался:

— Если Гор будет благосклонен к нам, то отдаст мне в руки этого предателя, египетского вельможу, — и ударил кулаком в раскрытую ладонь. — Мы должны помешать Салиту переправиться через реку. Корабли — наше единственное преимущество. Я должен использовать его полностью.

Он зашагал взад-вперед по палубе и посмотрел на небо.

— Когда же этот проклятый ветер развернется и подует с севера? С каждым часом колесницы врага оказываются все дальше впереди нас. Где же флот Нембета? Мы должны объединить наши силы и удержать западный берег Нила.

К ВЕЧЕРУ того же дня на мостике царской барки перед высоким тронном был созван государственный совет Верхнего Египта. Верховный жрец Осириса представлял духовную власть. Вельможа Меркесет, казначей, — мирскую власть государства Тан, вельможа Харраб, — войско. Вместе трое вельмож подняли царицу Лостру на трон нашей страны и посадили ей на колени сына. Все женщины и мужчины на борту барки громко приветствовали ее, а на ладьях даже раненые воины подползали к борту и криками встречали новую правительницу и молодого наследника великого трона Египта.

Верховный жрец Осириса закрепил искусственную бороду царской власти на подбородке моей госпожи, и это ничуть не уменьшило ее красоты и женственности. Вельможа Меркесет повязал львиный хвост на ее талию и надел на голову высокую красно-белую корону. Последним на трон взошел Тан и вложил ей в руки посох и золотую плетть. Царевич Мемнон увидел блестящие игрушки, которые принес Тан, и потянулся к ним.

— Настоящий царь! Он знает, что посох по праву принадлежит ему, — с гордостью похвалил его Тан, и все придворные громкими криками одобрили дерзость мальчика.

По-моему, впервые с того самого ужасного дня на равнине Абнуба на борту барки раздался веселый смех. Мне показалось, что смех этот был катарсисом и он ознаменовал начало новой жизни для всех нас. До этого момента в сердцах наших тяжелым бременем лежали поражение на поле брани и гибель фараона. Теперь высокие вельможи Египта подходили по одному и становились на колени перед тронном, на котором сидела прелестная молодая женщина со своим царственным сыном, и все ощутили, что новое, светлое чувство охватывает нас. Апатия отчаяния прошла, и в нас снова возродилась воля к борьбе и преодолению трудностей.

Тан последним подошел к трону, встал на колени и дал клятву верности. Когда царица Лостра взглянула на него сверху вниз, обожание ее словно выплеснулось наружу: ее лицо просияло, как восходящее солнце, темно-зеленые глаза засверкали. Меня поразило, что никто из присутствующих, казалось, не заметил этого.

В тот же вечер после захода солнца моя госпожа послала меня на мостик с посланием к командующему ее войска. Она звала его на военный совет в главной каюте барки. На этот раз Тан не смог отказать ей, поскольку совсем недавно дал клятву послушания.

Я должен был стать единственным свидетелем чрезвычайного военного совета. Не успел он начаться, как новая правительница Египта властным голосом прогнала меня прочь и послала охранять вход в каюту и отсылать посетителей. Когда я задергивал тяжелую занавеску, то увидел, как они набросились друг на друга. Они настолько изголодались и так долго отказывали себе в любви, что кинулись друг на друга, как смертельные враги бросаются в схватку.

Счастливые звуки этого поединка доносились из каюты большую часть ночи, и я с

облегчением вспоминал, что мы не стоим на якоре, а идем поспешно вверх по реке на соединение с вельможей Нембетом. Плеск воды и скрип весел, гул барабанов, отбивающих ритм, и песни гребцов заглушали шум в царской каюте.

Когда Тан вышел на кормовую надстройку при смене ночной стражи, он удовлетворенно улыбался, как военачальник, только что выигравший великое сражение. Госпожа вскоре последовала за ним на палубу, и даже я был поражен новой сверхъестественной красотой, которую она излучала. Весь последующий день царица была очень добра ко всем окружающим и находила множество поводов, чтобы посоветоваться с командующим войском. Так что царевичу Мемнону и мне пришлось провести вместе почти весь день, чему мы были очень рады.

С несколько сомнительной помощью со стороны царевича я начал вырезать из дерева модели колесниц и деревянных лошадок. Кроме того, вырезал колесо, надел его на деревянную ось и начал испытывать.

Мемнон встал на цыпочки и смотрел, как колесо быстро вращается на маленькой оси.

— Сплошной кружок слишком тяжел, правда, Мем? Посмотри, как быстро он теряет скорость.

— Дай мне его! — потребовал он и схватил вращающийся диск. Тот выскользнул из его пухленьких пальчиков, упал на палубу и разбился на четыре почти равные части.

— Ах ты, негодный гиксос! — строго упрекнул я его, но он, казалось, воспринял мой укор как похвалу, а я опустил на колени, чтобы собрать осколки своей модели.

Разбившиеся части лежали кружочком, и не успел я дотянуться до них, как вдруг в глазах у меня помутилось. Внутренним взором я увидел, как осколки дерева превратились в пустоты, а трещины между ними стали сплошным деревом.

— О, сладкое дыхание Гора! У тебя получилось, Мем! — Я обнял мальчика. — Край колеса может опираться на крестовину, соединенную с центром! Какие еще чудеса ты совершишь, когда станешь фараоном?

Так царевич Мемнон, правитель рассвета, наследник престола и первый в династии носитель этого имени, с небольшой помощью своего друга Таиты изобрел колесо со спицами. Тогда я даже не мог мечтать о том, что в один прекрасный день мы вдвоем поедem на таких колесах навстречу славе.

ЕЩЕ ДО ПОЛУДНЯ мы увидели первого мертвого египтянина. Он плыл по реке со вздувшимся животом, уставившись в небо бледным лицом. Ворона сидела у него на груди, выклевывала глаза и глотала их по одному, вскидывая голову. Мы молча стояли у борта корабля и смотрели, как мертвец спокойно проплывает мимо. — На нем юбка стражи Льва, — тихо сказал Тан. — А Львы — основная часть войска Нембета. Молю Гора, чтобы больше таких трупов в реке не попадалось.

Но трупы были. Сначала десятки, потом сотни. Их становилось все больше и больше, пока всю поверхность реки от берега до берега не покрыл ковер мертвых тел. Ковер этот был густым, как заросли водного гиацинта, закрывающие оросительные каналы летом.

Наконец среди них нашелся живой. Он был сотником стражи Льва, направленным в штаб Нембета. Плыл, держась за связку стеблей папируса. Мы выловили его из воды, и я обработал раны. Тяжелая каменная палица раздробила ему плечо, и он уже никогда не сможет владеть правой рукой.

Когда раненый пришел в себя и был в состоянии говорить, Тан присел на корточки у его матраца.

— Что случилось с вельможей Нембетом?

— Вельможа Нембет убит со всем своим штабом, — прохрипел сотник.

— Получил ли Нембет мое предостережение о гиксосах?

— Получил накануне битвы и смеялся, читая его.

— Смеялся? — спросил Тан. — Как мог он смеяться?

— Сказал, что щенка наконец-то побили, — прости меня, вельможа Тан, но именно так

он назвал тебя — и теперь тот пытается покрыть свою глупость и трусость подстрекательскими письмами. Сказал, что будет сражаться так, как учит его опыт.

— Надменный старый дурак, — горестно проговорил Тан. — Однако говори, что было дальше.

— Вельможа Нембет расположился на восточном берегу спиной к реке. Враг обрушился на нас, как ветер, и загнал в воду.

— Скольким удалось спастись? — тихо спросил Тан.

— По-моему, из тех, кто вышел на восточный берег с вельможей Нембетом, в живых остался я один. Других не видел. На берегу было такое побоище, что я не в силах описать его.

— Все наши славные отряды разбиты, — горевал Тан. — Мы остались беззащитными, если не считать кораблей. Что случилось с флотом Нембета? Поставил ли он его на якорь посреди реки?

— Вельможа Нембет поставил на якорь большую часть флота, однако пятьдесят лодок вытащил на берег в тылу своих войск.

— Зачем он сделал это? — возмутился Тан. — Безопасность кораблей — основа нашего боевого порядка.

— Я не знаю, что задумал вельможа Нембет, но, вполне вероятно, он оставил их под рукой, чтобы поскорее погрузить на них войска, если предостережение окажется верным.

— Какова судьба этих кораблей? Нембет потерял войско, но потерял ли он также корабли? — Тан заговорил грубо от ярости и горя.

— Что касается ладей, оставленных на якорь посреди реки, большинство из них брошены и сожжены маленькими командами, которые не могли управиться с ними. Я видел пламя и дым со своего папирусного плотика. Отдельные ладьи обрубали якорные канаты и ушли к Фивам. Я пытался кричать морякам, когда они проходили мимо, но те так перепугались, что не стали останавливаться и подбирать меня из воды.

— А пятьдесят лодок на берегу, — остановился Тан и перевел дыхание, прежде чем закончить вопрос, — что случилось с флотилией, вытщенной на берег?

— Она попала в руки гиксосов. — Сотник задрожал, так как опасался гнева Тана. — Я глядел назад, когда меня уносило течением, и видел, как враги толпами ходили по палубам ладей на берегу.

Тан встал и пошел на мостик корабля. Смотрел вдаль, откуда плыли трупы и обожженные доски кораблей Нембета, ковром покрывая реку. Я подошел к нему и приготовился смягчить его гнев, когда он прорвется наружу.

— Так этот горделивый старый дурак пожертвовал своей жизнью и всем своим войском, чтобы насолить мне. Нужно поставить пирамиду его грехам, потому что Египет такого еще не видывал.

— Это не единственный его грех, — пробормотал я, и Тан мрачно кивнул.

— Нет, не единственный. Он предоставил гиксосам средство переправиться через реку. О, сладкое молоко Исиды! Как только они переправятся через Нил, нам придет конец.

Наверное, богиня услышала, как он произнес ее имя, и в то же мгновение я почувствовал, что ветер, все это время дувший нам в лицо, начал стихать. Тан тоже почувствовал это. Резко повернулся на пятках и громко выкрикнул приказ командирам, стоявшим на кормовой надстройке.

— Ветер поворачивает. Он будет попутным! Передайте общий сигнал всему флоту. Поставить все паруса! Сменять гребцов каждый час по водяным часам! Барабанщикам ускорить темп до марша! Спешить на юг!

Ветер повернул и скоро задул с севера. Паруса наши наполнились и напряглись, как животы беременных женщин. Барабаны отбивали ритм гребцам, и ладьи в боевом строю разрезали поверхность реки.

— Благодарю тебя, богиня, за ветер! — выкрикнул Тан. — Божественная Исида, позволь нам успеть вовремя и настигнуть их на воде.

БАРКА государства плыла медленно и неуклюже. Она стала отставать от основного флота. Казалось, судьба снова вспомнила о нас, потому что старая, любимая ладья Тана «Дыхание Гора» снова оказалась рядом с нами. У нее теперь был новый кормчий, но она попрежнему оставалась быстрой и грозной ладьей. Острый, обитый бронзой таран торчал на носу чуть выше ватерлинии. Тан сигналом подозвал ее к борту барки и перенес на нее флаг Синего Крокодила, приняв командование у нового кормчего.

Мое место было рядом с госпожой и царевичем. Я до сих пор не помню точно, как оказался на кормовой надстройке «Дыхания Гора» рядом с Таном, когда мы понеслись вверх по течению. Иногда я грешу не меньше, чем вышеупомянутый вельможа Нембет. Помню только, что стоило барке государства отстать от нашей ладьи, как я начал горько сожалеть о своей дерзости. Я хотел было сказать Тану, что передумал, и попроситься обратно на палубу барки. Но, бросив взгляд на его лицо, понял: лучше встретиться лицом к лицу с гиксосом, чем просить об этом.

Стоя на палубе «Дыхания Гора», Тан отдавал приказы. Голосом и флажками их передавали с корабля на корабль. Не уменьшая скорости движения, Тан начал менять строй. Он собрал вокруг себя все ладьи, а сам занял место во главе флотилии.

Раненых и тех, кто был не в состоянии сражаться, перевели на более медленные суда, которые отстали, чтобы сопровождать барку государства. Более быстрые ладьи в авангарде подготовили к бою. Команды их в большинстве своем составлял свежий отряд Ремрема, снятый с осажденного Асюта. Его воинам не терпелось отомстить за позор Абнуба. Тан поднял флаг Синего Крокодила на мачте «Дыхания Гора». Как же скоро воины смогли собраться с духом после кровавого поражения!

Признаки недавнего разгрома Нембета с каждой милей становились все более и более очевидными. Трупы, обломки ладей и другие следы сражения виднелись на зарослях папируса по обе стороны реки. Потом, наконец, мы заметили в небе облако пыли от колесниц, смешавшееся с дымом костров над лагерем гиксосов.

— Все, как я и предполагал, — обрадовался Тан. — Они остановили свое продвижение на Фивы и теперь, когда Нембет предоставил им средство для переправы, пойдут на другой берег. Однако они плохие моряки, и им будет трудно погрузить на ладьи людей и колесницы. Если Гор будет добр к нам, мы придем вовремя и поможем им.

Развернутым боевым строем мы выскочили из-за последнего поворота реки и увидели впереди гиксосов. По счастливому капризу войны мы прибыли в тот самый момент, когда переправа была в разгаре.

Все пятьдесят захваченных ладей толклись посреди реки, двигаясь туда и сюда. Их снасти и паруса путались, а гребцы без всякого ритма били веслами по воде, то зарывая весла слишком глубоко, то бесполезно поднимая брызги. Ладьи виляли из стороны в сторону и совершенно не обращали внимания на движение других кораблей.

Мы увидели, что большинство гиксосов на палубах ладей стояли при полном вооружении и в бронзовых доспехах. Естественно, они еще не осознали, как трудно плавать в таком наряде. Они с паническим страхом уставились на наши ладьи, которые неслись прямо на них. Теперь роли поменялись. Мы были в своей стихии и мчались на них, как обрывки паруса во время бури.

Пока мы сближались, у меня появилось время рассмотреть врага. Основная часть войска гиксосов оставалась на восточном берегу. Они встали лагерем. Теперь их было так много, что становище их простиралось в сторону холмов пустыни насколько хватало глаз.

Царь Салит посылал через реку небольшой отряд. Очевидно, ему дали приказ поспешить вдоль западного берега и захватить погребальный храм фараона Мамоса, прежде чем мы перевезем его сокровища.

Мы стремительно неслись на корабли гиксосов, и я крикнул Тану, стараясь перекрыть грохот барабанов и кровожадные вопли наших головорезов:

— Они уже переправили лошадей. Посмотри туда! Почти без защиты, если не считать

немногочисленной вооруженной охраны, на западном берегу стояло большое стадо этих ужасных животных. По моей оценке, там было несколько сот лошадей, и даже на большом расстоянии мы могли различить, как их длинные гривы и хвосты развеваются на сильном северном ветру.

Зрелище это было очень тревожное. Несколько человек вокруг меня содрогнулись и с отвращением выругались. Я услышал, как один из них мрачно пробормотал:

— Гиксосы кормят этих чудовищ человеческим мясом, как ручных львов или шакалов. Вот почему они разбили нас. Им нужна пища для этих зверей. Представляете, сколько наших товарищей уже оказалось у них в брюхе.

Я не мог возразить ему и сам почувствовал легкую тошноту: ведь его слова могли оказаться правдой. Затем отвернулся от этих красивых, но кровожадных чудовищ и стал смотреть на ладью впереди нас.

— Мы застали их во время переправы колесниц и людей, — сообщил я Тану. На палубах ладей, захваченных у Нембета, стояло множество высоких колесниц и разного снаряжения, а между ними толпились возничие гиксосов. Когда враги поняли, в какую переделку попали, некоторые из ладей попытались развернуться и спастись, вернувшись на восточный берег. Они сталкивались с другими ладьями, которые шли за ними и, беспомощно сцепившись снастями, дрейфовали вниз по течению.

Тан свирепо захохотал, увидев беспорядок в рядах врага, и крикнул по ветру:

— Сигнал всем. Ускорить темп до скорости атаки. Запалить зажигательные стрелы.

У гиксосов еще не было возможности узнать, что такое обстрел зажигательными стрелами, и, представив себе этот сюрприз, я расхохотался вместе с Таном. Однако в моем голосе чувствовалась тревога. Потом я вдруг замер, и смех мой захлебнулся.

— Тан! — Я схватил его за руку. — Посмотри! Посмотри на ладью прямо по носу! На кормовой надстройке! Вон наш предатель.

Тан не сразу узнал высокого властного человека у поручней мостика, потому что на нем были доспехи из бронзовой чешуи и высокий шлем гиксосов. Потом вдруг зарычал от ярости и негодования:

— Интеф! Почему мы раньше не догадались, что это он?!

— Теперь мне все ясно. Это он привел Салита в нашу страну. Отправился на Восток и намеренно соблазнил гиксосов рассказами о сокровищах Египта! — Мое негодование и ненависть не уступали ярости Тана.

Тан вскинул лук Ланату и выпустил стрелу, но расстояние было слишком велико и наконечник стрелы лишь скользнул по шлему вельможи Интефа. Я увидел, как голова его дернулась от удара и он посмотрел в нашу сторону. Разглядел нас, меня и Тана, и на какое-то мгновение мне показалось, что я заметил страх в его глазах. Потом он нырнул под высокий борт ладьи и скрылся из глаз.

Передовой отряд ладей врезался в кучу беспорядочно сновавших и кружившихся на месте кораблей противника. С ужасающим треском наш бронзовый таран ударил в середину ладьи Интефа, и меня повалило с ног. Когда я поднялся, гребцы уже сдали назад, и наш таран с душераздирающим скрежетом отцепился от корпуса пораженного корабля.

Одновременно наши лучники стали осыпать пробитую ладью дождем зажигательных стрел. Наконечники таких стрел обвязывались просмоленными стволами папируса, горевшими в полете, как кометы, оставляя за собой след искр и дыма, и вонзались в паруса и корзину на верхушке мачты. Северный ветер раздувал пламя, и скоро его языки запрыгали по снастям в дьявольской пляске.

Вода хлынула через отверстие, пробитое нашим тараном в борту ладьи, и она резко накренилась. Паруса ее загорелись и полыхали с ужасающим жаром. Даже на расстоянии он опалил мне ресницы. Тяжелый главный парус, весь в огне, опустился на палубу и накрыл команду ладьи и толпу возничих. Вопли пронзили наши уши: волосы и одежда на них загорелись. Я вспомнил равнину у Абнуба и без всякой жалости смотрел, как горящие люди прыгали в воду с борта ладьи и тонули под весом собственных доспехов. Только небольшой

водоворот и легкое облачко дыма оставались над водой на месте их исчезновения.

По всей линии сражения ладьи гиксосов горели и тонули. У них не было ни опыта, ни умения, чтобы отразить нашу атаку. Они оказались столь же беспомощны, как и мы под ударами колесниц. Наши ладьи сдавали назад и били снова, разрубая корпуса кораблей и осыпая их дождем огненных стрел.

Я следил за первой ладьей, на которую мы напали, и искал вельможу Интефа. Ладья уже почти затонула, когда он появился снова. Сбросил свой шлем и доспехи и остался в одной набедренной повязке. Легко вскочил на борт тонущего судна, а затем, окруженный языками пламени, сложил руки над головой и прыгнул за борт.

Интеф был сыном Нила и в воде чувствовал себя как рыба. Почти без брызг вошел в воду, а через минуту появился в пятидесяти шагах от того места, где скрылся в глубине. Его черные волосы вытянулись вдоль спины, и он поплыл словно гигантская нутрия.

— Вон он! — завопил я Тану. — Дави эту свинью! Тан тут же отдал приказ развернуть «Дыхание Гора», но как бы стремительно ни орудовал рулевой своим веслом, ладья разворачивалась медленно. А вельможа Интеф тем временем, как рыба, скользил по воде, саженьками продвигаясь к восточному берегу под защиту своих союзников гиксосов.

— Гребите! — просигналил Тан гребцам по правому борту. Нос ладьи быстро повернулся. Как только пловец оказался прямо по носу, Тан отдал приказ грести обоим бортам, и мы рванули с места. Однако вельможа Интеф был уже далеко впереди и до берега ему оставалось совсем немного, а там ожидали пять тысяч лучников гиксосов с огромными изогнутыми луками, готовые прикрыть его своими стрелами.

— Моча Сета на их головы! — заорал Тан. — Мы схватим Интефа под самым их носом. — И он повел «Дыхание Гора» прямо вперед, приближаясь к одинокому пловцу.

Когда мы подошли к берегу на расстояние полета стрелы, гиксосы залпом выстрелили, небо потемнело вокруг нас, и свистящая туча обрушилась на ладью и реку вокруг нее. Стрелы падали так густо, что палуба словно покрылась щетиной, некоторых наших гребцов ранило. Корчась и обливаясь кровью, они повалились со скамеек.

Однако Интеф был совсем близко. Оглянувшись, и я заметил ужас на его лице, когда он понял, что не сможет уйти от острого носа ладьи. Позабыв о стрелах, я побежал на нос и закричал ему:

— Я ненавижу тебя с самого первого дня! Я ненавижу каждое твое прикосновение. Я хочу увидеть, как ты умрешь. Ты — само зло!

Он услышал меня. Я заметил это по глазам, и тут боги тьмы, его покровители, снова вмешались. Одна из полузатонувших ладей гиксосов плыла на нас по течению, разбрызгивая искры, языки пламени и клубы дыма. Если бы мы коснулись ее, наша ладья тоже запылала бы, превратившись в столб огня. Тану пришлось отвернуть и приказать гребцам сдать назад. Пылающая ладья поплыла между нами и берегом. Вельможа Интеф скрылся за ней. Когда горящая ладья проплыла, я увидел своего врага снова. Три смуглых возникших гиксосов вытащили его из воды и помогли ему взобраться на высокий берег.

Наверху он на мгновение остановился и оглянулся, а потом скрылся из виду. Меня трясло от бессильной злобы. На наших людей падали стрелы, поэтому Тан дал приказ развернуться и присоединиться к основным силам, которые добивали еще держащиеся на плаву ладьи гиксосов.

Последние ладьи врага переворачивались, накренившись, зеленые воды Нила заливали их и тушили пламя, с громким шипением поднимая облака пара. Наши лучники высовывались из-за борта и расстреливали в упор беспомощно барахтавшихся гиксосов.

Как только все враги утонули, Тан обратил внимание на западный берег: на небольшую группу вражеских воинов и стадо лошадей, оставшихся там. Когда ладья понеслась вперед, пастухи гиксосов разбежались, но наши воины выскочили на берег с обнаженными мечами и погнались за ними. Гиксосы были конниками и привыкли вести бой на колесницах, а наши парни были пехотинцами и превосходно бегали. Они бросились за неприятелем, как стадо гончих за шакалами. Быстро окружив гиксосов, стали крушить их острой бронзой, и скоро

сотни окровавленных трупов усеяли зеленое пшеничное поле.

Я соскочил на берег с первыми воинами. Дело у меня было серьезное. Что проку делать модели и изобретать колесницы, если некому таскать те самые колеса со спицами, которые уже представляются моему воображению.

Мне потребовалось огромное мужество, чтобы направиться к стаду ужасных существ, брошенных пастухами гиксосов недалеко от реки. Каждый шаг в его сторону требовал усилия воли, потому что лошадей было несколько сотен, и их явно беспокоили и встревожили крики, бегающие люди и звон оружия. Я был уверен, что они в любой момент могут броситься на меня, как раненые львы. Я уже вообразил, как будут рвать на части мою теплую дрожащую плоть, и мужество мое тут же испарилось, я остановился как вкопанный. Стоял и смотрел на лошадей с расстояния в сто шагов, очарованный красотой этих диких хищных зверей, и приготовился спастись бегством при первом же намеке на нападение.

У меня впервые появилась возможность поближе рассмотреть этих животных. Большинство из них серые с оттенком гнедого. Две или три лошади черные, как Сет. Ростом они были с человека, а грудь у них была широкая, как бочка, шеи длинные и изящно изогнутые. Их гривы напоминали волосы красивых женщин, а шкуры блестели на солнце как отполированные.

Одна из лошадей, стоявшая поближе, вскинула голову и задрала верхнюю губу. Я отступил назад, увидев огромные прямоугольные белые зубы. Она ударила задними ногами по земле и издала такое страшное ржание, что я повернулся и довольно поспешно направился к ладье. Затем хриплый вопль одного из воинов неподалеку остановил мое трусливое отступление.

— Бей чудовищ-гиксосов!

— Бей чудовищ! — подхватили все этот крик.

— Не надо! — закричал я, и весь мой страх за собственную шкуру был забыт. — Не надо! Спасите лошадей. Они нам нужны!

Мой голос потонул в свирепом боевом кличе наших войск, бросившихся на стадо лошадей с поднятыми щитами и окровавленными мечами, с которых капала кровь пастухов. Некоторые воины останавливались и пускали стрелы по стаду лошадей.

— Не стреляйте! — Я проследил, как черный, сверкающий на солнце жеребец, встал на дыбы и заревел, когда стрела впиалась ему в холку.

— Не надо, пожалуйста, не надо! — вопил я, а один из моряков подбежал с легким боевым топором к молодой кобыле и ударил по суставу над копытом. Удар покалечил ее, и она не могла убежать. Вторым ударом по шее он свалил лошадь, и та забилась на земле.

— Не троньте их, не троньте, — умолял я, но стрелы повалили еще дюжину животных, а мечи и топоры искалечили и убили по крайней мере еще столько же, прежде чем стадо испугалось и три сотни лошадей, вскинувшись, поскакали галопом в пыльную пустыню запада.

Прикрыв глаза от солнца, я смотрел, как они уносятся прочь. Мне почудилось, что частица моего сердца убежала вместе с ними. Когда они исчезли, я попытался защитить пораненных и искалеченных стрелами животных, скрывшихся в зарослях папируса, но воины опередили меня. Их ярость была столь велика, что они собирались вокруг поваленных трупов и свирепо пронзали их мечами, отрубали конечности и головы.

Немного в стороне, за островком папируса, вдали от глаз разъяренных воинов стоял тот самый черный жеребец, в которого попала первая стрела. Он был тяжело ранен и, спотыкаясь, брел вперед. В холке у него торчала стрела. Не думая о собственной безопасности, я подбежал к нему и остановился, когда он повернулся ко мне.

Только тогда я понял, какая опасность мне угрожает. Зверь ранен и, как лев в подобной ситуации, наверняка бросится. Жеребец смотрел на меня, я смотрел на него и вдруг почувствовал, как страх падает с моих плеч, как ненужный в жару плащ.

Огромные глаза туманила боль. При виде этих добрых, красивых глаз сердце мое наполнилось жалостью. Он издал тихий прерывистый звук и побрел ко мне. Я протянул руку

и коснулся морды, ощутив, что она теплая и гладкая, как аравийский шелк. Черный подошел ко мне и прижался лбом к моей груди таким доверчивым и умоляющим, почти человеческим движением. Он просил о помощи.

Я инстинктивно обнял жеребца за шею и в этот момент больше всего на свете жаждал спасти его. Но кровь текла из ноздрей по моей груди. Я понял, что стрела пронзила его легкие и он умирает. Я уже ничем не мог помочь ему.

— Бедняжка, что же эти глупые невежественные негодяи сделали с тобой? — прошептал я. Сквозь горе и муки я смутно осознал, что жизнь моя снова меняется и что этому умирающему существу я обязан переменной в своей судьбе. Каким-то образом я вдруг понял, что через многие годы ноги мои оторвутся от африканской почвы, а после этого за моей спиной будут оставаться следы лошадиных копыт. В моей жизни появилась еще одна большая любовь.

Жеребец снова издал тот же трепещущий звук, его дыхание согревало мою кожу. Потом ноги подогнулись, и он тяжело упал на землю, судорожно пытаясь наполнить воздухом пробитые стрелой легкие. Розовые пузырьки лопались в ране у него на спине. Я присел рядом с ним, поднял голову, положил ее себе на колени и держал так до тех пор, пока он не умер. Потом поднялся и вернулся туда, где пристала к берегу «Дыхание Гора».

Я не видел, куда шел, горячие слезы ослепляли меня. Опять и опять я проклинал себя за то, что был таким мягкосердечным и сентиментальным дураком, но это не помогало. Я никогда не мог пройти мимо страданий живых существ или людей, в особенности красивых и благородных.

— Проклятие, Таита! Где ты пропадаешь? — обрушился на меня Тан, когда я взобрался на борт ладьи. — Идет бой, войско не может ждать, пока ты там мечтаешь!

И все-таки он не бросил меня на берегу!

ТАН даже не стал слушать, когда я попросил дать людей, чтобы отправиться в пустыню за табуном сбежавших лошадей. И сразу оборвал меня:

— Я не желаю иметь дело с этими грязными, погаными тварями! Мне жаль только, что воины позволили им бежать и не перебили всех до одного. Пусть львы и шакалы исправят их ошибку! — Я понял, что он ненавидит лошадей так же, как и последний невежественнейший мужик его отряда.

— Ты ли стоял рядом со мной на равнине Абнуба? — Обычно я не вступаю в громкий спор на людях, но его упрямство разозлило меня. — Или это был какой-то тупоголовый дурак? Разве ты не видел, как будущее несется на тебя под грохот копыт и колес и рубит на части твоих воинов? Неужели ты не знаешь, что без колесниц и лошадей и тебя, и Египет ожидает гибель?

Наша дружеская перепалка проходила на кормовой надстройке «Дыхания Гора». Подчиненные Тана замерли, онемев, когда услышали, как раб называет Великого Льва Египта и командующего всеми войсками тупоголовым дураком. Однако я уже не мог сдержаться.

— Боги принесли тебе удивительный дар! Три сотни лошадей были у тебя в руках! Я построю тебе колесницы. Неужели ты настолько слеп, что не понимаешь этого?

— У меня есть корабли! — заорал в ответ Тан. — Мне не нужны эти отвратительные каннибалы. От них воротит всех приличных людей и добрых богов! Это существа Сета и Сутеха, я не желаю иметь с ними дела.

Я слишком поздно понял, что поставил Тана в такое положение, когда тот уже не мог уступить. Он был умным и рассудительным человеком до тех пор, пока не задета его гордость. Я понизил тон и заставил свой голос звучать медоточиво.

— Тан, выслушай меня, пожалуйста. Я держал на руках голову одного из этих животных. Они сильные, но поразительно нежные. В их глазах светится ум верного пса. Они не едят мяса...

— Откуда ты это знаешь? — насмешливо спросил он, скрывая оскорбленную гордость.

— По зубам. У них нет клыков и когтей хищников. Среди копытных только свиньи едят мясо, а это не свиньи. — Я увидел, что Тан колеблется, и продолжил:

— Если тебе этого недостаточно, посмотри на припасы, которые гиксосы переправили через реку. Разве нужна такая гора сена, чтобы кормить стадо человекоядных тварей?

— Мясо они едят или сено, я с тобой спорить не буду. Ты слышал мое решение. Пусть эти проклятые лошади погибнут в пустыне. Таково мое последнее слово.

Он гулко зашагал прочь, а я пробормотал себе под нос:

— Последнее слово? Посмотрим.

Как правило, я могу добиться своего от моей госпожи, а ее слово в Египте теперь было последним. Я отправился к ней в тот же вечер, как только царская барка присоединилась к боевым ладьям.

Без ведома командующего всеми войсками и возлюбленного царицы я показал ей маленькую модель колесницы с вырезанными из дерева миниатюрными лошадьми, которых я специально сделал для нее. Царица Лостра была очарована. Конечно же, она не видела, как отряды колесниц на полном галопе несутся на египетские войска, и они не успели пробудить в ее сердце ненависть, как у большинства воинов. Когда я сумел увлечь ее, стал описывать смерть жеребца в таких душераздирающих подробностях, что мы оба разрыдались. Она не может устоять перед моими слезами — впрочем, как и я перед ее.

— Ты должен немедленно отправиться в пустыню и спасти этих чудесных животных. Когда ты найдешь их, я приказываю тебе снарядить отряд колесниц для моих войск!

Если бы Тану удалось опередить меня, царица вряд ли отдала бы такой приказ, и история нашего мира была бы иной. Теперь Тан так разозлился на меня за мой обманный ход, что мы чуть было не рассорились с ним. Никогда еще мы не были так близки к разрыву.

По счастью, царица Лостра приказала мне как можно скорее высадиться на берег и отправиться за лошадьми, поэтому я смог избежать его гнева. У меня оставалось лишь несколько часов на сборы. Помощника себе я получил там, где никак не ожидал найти.

Мне никогда не нравился Гун, сорокопут, захваченный в Галлале. Теперь он командовал одной из ладей, но Тан сжег ее в Абнубе. Гуи стал кормчим без ладьи и, естественно, искал повода отличиться. Он нашел меня, как только слух о моем поручении распространился по флоту.

— Что ты знаешь о лошадях? Его вопрос застал меня врасплох.

— Ну, наверное, поменьше твоего? — насторожился я.

— Когда-то я был сайсом, — похвалился Гуи в своей обычной очаровательной манере.

— А это кто такой?

— Конюх, тот, кто заботится о лошадях. Я в изумлении уставился на него.

— А где ты видел лошадей до кровавого побоища при Абнубе?

— Когда я был еще младенцем, моих родителей убили, а меня захватило в плен племя варваров, которое кочевало по равнинам Востока в одном годе пути от реки Евфрат. Мои хозяева были всадниками, и еще ребенком я проводил весь день с этими животными. Кобылье молоко стало моей пищей, а ночью я спал под животами лошадей, так как рабов в шатры племени не пускали. Я сбежал из рабства верхом на любимом жеребце. Он унес меня далеко от моих бывших хозяев, но умер задолго до того, как мы достигли Евфрата.

Так Гуи оказался со мной, когда ладья высадила на берег меня и отряд моих помощников. Их набралось всего шестнадцать человек. Люди с большой неохотой пошли за лошадьми, и все они оказались отбросами войска. Тан позаботился о том, чтобы никто из лучших воинов не отправился со мной. Он не мог отменить приказ правительницы Египта, но сделал все возможное, чтобы затруднить его выполнение.

По предложению Гуи я снабдил своих людей легкими веревками и сумками с молотым зерном. Все они, за исключением Гуи и меня, были напуганы до смерти одной только мыслью о том, что им придется подойти к лошади. Когда я проснулся следующим утром, никого из этих храбрецов с нами не было и никто из них больше не попадался мне на глаза.

— Нам придется вернуться, — отчаивался я. — Одни мы ничего не сделаем. Вельможа

Тан будет доволен. Он знал, что нас ожидает.

— Ты не один, — весело напомнил мне Гуи, — я с тобой.

С этих пор я стал теплее относиться к молодому хвастуну. Мы разделили между собой веревки и сумки с молотым зерном и пошли вперед.

К тому времени следам лошадей было уже целых три дня, но они держались табуном и проложили тропу, по которой следовать за ними не представляло труда. Гуи заверил меня, что стадный инстинкт у лошадей очень силен, а у берега они найдут сочные пастбища и далеко не уйдут. Он был уверен, что они не отправятся в пустыню, чего я так боялся.

— Зачем им туда идти? Там нет ни воды, ни пищи. В конце концов Гуи оказался прав.

С приближением гиксосов крестьяне бросали свои дома и поля и отправлялись искать убежища за городскими стенами. На заброшенных зеленых полях росла пшеница. Мы обнаружили стадо лошадей еще до рассвета второго дня. Они рассеялись по широкому полю и мирно паслись. Даже после смерти жеребца у меня на руках вид этих таинственных существ тревожил меня.

— Поймать несколько лошадей будет, наверное, трудно и опасно, — сообщил я Гуи, как бы спрашивая у него совета или подтверждения моим мыслям. Тогда мне и в голову не пришло, что можно поймать все триста лошадей. Я бы удовлетворился и двадцатью, а пятьдесят привели бы меня в восторг.

Я представил себе, что нам придется гоняться за каждой из них в отдельности и связывать их веревками, которые мы прихватили с собой.

— А говорят, ты очень умный раб, — с усмешкой заявил Гуи, так и раздуваясь от чувства собственного превосходства в этой области. — И явно зря говорят.

Он показал мне, как связать из веревки уздечку. Мы сделали целую дюжину, прежде чем он удовлетворился. Затем, вооружившись уздечками и сумками с молотым зерном, вдвоем пошли к пасущемуся стаду. По совету Гуи не стали приближаться к лошадям по прямой, а пошли по косой линии, как будто собирались пройти по краю пасущегося стада.

— Потихе, — предупредил меня Гуи, когда лошади вскинули головы и стали глядеть на нас своими удивительными, по-детски искренними глазами, к которым я скоро привык.

— Сядем. — Мы опустились на корточки в пшенице и замерли. Сидели неподвижно, пока лошади не успокоились и не стали снова пастись. Потом мы снова пошли вперед, пока они опять не забеспокоились.

— Садись, — приказал Гуи и, когда мы присели на корточки, продолжил: — Им нравятся добрые нежные голоса. Когда я был ребенком, я часто пел моим лошадям, чтобы успокоить их. Вот, послушай! — Он запел на каком-то незнакомом языке, и я предположил, что это был варварский язык племени, захватившего его в детстве.

Музыки в голосе Гуи было не больше, чем в карканье ворон, ссорящихся над трупом дохлого пса. Ближние лошади с любопытством уставились на нас. Я положил руку на пальцы Гуи, чтобы утихомирить его. Мне показалось, что стаду песня понравилась не больше, чем мне.

— Дай-ка я попробую, — прошептал я и запел колыбельную, которую сочинил для маленького царевича:

Спи, мой Мем, мой царь рассвета,
Спи, малыш, и с песней этой
Сказки пусть тебе приснятся;
Отдыхай, чтоб сил набраться,
Чтобы меч рука держала
И стрелу легко пускала.

Кобыла, стоявшая ближе всех, сделала ко мне несколько шагов, потом остановилась и издала знакомый прерывистый звук. Она с любопытством глядела на меня, а я продолжал нежно и соблазнительно петь. За ней шел по пятам жеребенок, прелестное рыжее создание с

милой головкой и острыми ушками.

Мне всегда было свойственно особое чутье и понимание птиц и животных. Уже тогда я начал различать признаки породы у лошадей. Я быстро учился и инстинктивно постигал, как лучше обращаться с ними. Мне уже не нужно было во всем полагаться на Гуи.

Все с той же нежной песней я набрал горсть молотого зерна и протянул кобыле. Я сразу увидел, что ее кормили с рук, поэтому она поняла меня. Шумно фыркнула и сделала еще несколько шагов в мою сторону. Я до сих пор помню, что у меня сердце чуть не остановилось от восторга, когда лошадь сделала последний шаг, опустила свою морду к моей руке и попробовала муку. Поела и испачкала нос и усы, а я смеялся от радости и восторга. Она не пыталась отойти от меня, когда я обнял ее за шею и прижался щекой к морде, вдохнув странный, теплый запах кожи.

— Уздечку, — тихо напомнил мне Гуи, и я легко набросил уздечку на ее голову, как он мне показывал.

— Она — твоя.

— А я — ее, — не подумав, ответил я и был прав. Мы взяли в плен друг друга.

Все стадо смотрело на нас. Как только уздечка оказалась на кобыле, лошади успокоились и доверчиво позволили Гуи и мне свободно ходить среди них. Они подходили, ели с рук и разрешали гладить себя по шее, трепать по плечу и осматривать копыта.

Тогда мне это показалось чудом, но, немного поразмыслив, я осознал, что для них это было вполне естественно. С самого рождения лошади привыкли к тому, что за ними ухаживают, их ласкают и запрягают в колесницы. Они постоянно жили рядом с человеком. Настоящее чудо произошло позже, когда я понял, что лошади знают любовь и могут отвечать на нее с не меньшей страстью. Гуи выбрал себе кобылу и надел на нее уздечку, одновременно показывая мне свою ловкость и опытность в вопросах коневодства. Я был в таком восторженном настроении, что даже его хвастовство не раздражало меня.

— Ну ладно, — сказал он наконец. — Теперь покатаемся верхом.

И, к моему изумлению, оперся обеими руками о спину кобылы и, перекинув через ее хребет ногу, уселся на нее верхом. Я уставился на него, не веря своим глазам, и ждал, что лошадь вот-вот встанет на дыбы и сбросит Гуи на землю или по крайней мере схватит его за голую ногу крепкими зубами и стащит с этого насеста. Однако она не сделала ничего подобного. Тихо и послушно стояла под ним.

— Но, милая, — крикнул он и ударил кобылу пятками по бокам. Та послушно пошла вперед, когда наездник стал подгонять ее, перешла на рысь, а потом и на галоп. Я не понимал, как ему удается без всяких усилий управлять ей. Лошадь со всадником сделала несколько поворотов, описала изящную кривую по полю и вернулась ко мне.

— Ну что, Таита, не хочешь попробовать галопом? Он не ожидал от меня такой прыти, но именно это помогло мне преодолеть страх. Я не мог себе позволить, чтобы какой-то мерзкий хвастунишка насмеялся надо мной.

Моя первая попытка забраться на лошадь окончилась неудачей, но кобыла стойко стояла на месте, а Гуи смеялся.

— Ей еще многому придется тебя научить! Придется назвать ее Терпение.

Я не понимал, что в этом смешного, но имя пристало к лошади, и с этого момента кобылу стали звать Терпение.

— Подтянись повыше, прежде чем поднимать ногу, и будь осторожен, не прищепи яйца, — посоветовал мне Гуи и вдруг загоготал. — Извини, я забыл, что тебе это ни к чему. Но думаю, ты был бы не прочь их иметь.

Все мои теплые чувства к нему мгновенно улетучились. Я взобрался на спину кобылы и, обхватив ее шею, с испугом прижался к ней. Упав я — наверняка сломаю ногу или разобью голову!

— Сядь прямо, — начал учить меня Гуи, и Терпение помогала мне своим добрым и всепрощающим нравом.

Я с удивлением заметил, что думаю об этих существах как о людях, а в последующие

дни, по пути в Фивы, обнаружил, что они действительно бывают глупыми или умными, подозрительными или доверчивыми, скучными или шаловливыми, дружелюбными или злобными, храбрыми или трусливыми, нервными или флегматичными, терпеливыми или не очень. Их поведение можно было предсказать, но иногда они вели себя совершенно непредсказуемо: короче, по своему нраву они были настолько близки человеку, как только может быть близко существо о четырех ногах. Чем больше я узнавал о них, тем больше хотел узнать. Чем больше я работал с ними, тем больше любил их.

Я ехал верхом на Терпении, а ее жеребенок бежал следом. Табун послушно шел за нами — все триста шестнадцать лошадей. Гуи скакал сзади и подгонял отстающих. С каждой милей я чувствовал себя все более уверенным и опытным всадником, и связь между мной и Терпением становилась все крепче и крепче. Кобыла как будто стала продолжением моего тела. Однако продолжение это было стремительнее и сильнее моих собственных слабых конечностей. Я чувствовал себя настолько естественно на ее крепкой спине, что позже никак не мог избавиться от изумления, когда видел, как мало людей готово последовать моему примеру.

Наверное, ужас проник в души египтян во время побоища на равнине Абнуба. А кроме того, отношение к лошадям Тана, вельможи Харраба, не могло не передаться его войскам. Как бы то ни было, я не мог найти египтянина, который согласился бы сесть верхом на лошадь, если не считать Гуи и спустя много лет царевича Мемнона. Египтяне, разумеется, под моим руководством научились ухаживать за лошадьми и разводить их. Они стали ловкими и смелыми колесничими, но я ни разу не видел среди них человека верхом на лошади, если не считать меня, Гуи и царевича. Даже когда колесницы моего изобретения с легкими колесами на спицах стали сметать все на своем пути и Египет овладел этим творением рук человека, Тан так и не последовал моему примеру, и я ни разу не слышал от него доброго слова по отношению к этим храбрым и трудолюбивым животным, которые мчали его в бой.

Даже спустя много лет, когда лошади стали обычными в нашем царстве, почему-то считалось неприличным и даже скверным садиться на них верхом. Когда наша тройца скакала по дороге, простой люд часто трижды сплевывал на землю через плечо и делал знак, защищающий от сглаза, за нашей спиной.

ОДНАКО все это ждало нас в будущем, пока же я вел свой табун по западному берегу реки к Фивам, куда мы и прибыли, к радости моей госпожи и к недовольству командующего египетскими войсками.

— Держи своих проклятых зверей подальше от моих глаз, — заявил мне Тан. Он все еще не простил то, что я обратился к своей госпоже через его голову. По справедливости говоря, у него были причины злиться. Существованию государства и всего народа угрожала опасность. В истории нашей страны еще не было такого случая, когда нашей цивилизации грозила бы гибель от рук варваров.

Асют уже пал, как и весь восточный берег реки до Дендеры. Царя Салита не испугало поражение на реке, нанесенное ему Таном. Его колесницы пронеслись по Египту и окружили Фивы, расположившись под стенами.

Город мог бы выдержать десятилетнюю осаду, если бы среди врагов не было вельможи Интефа. Еще будучи великим визирем Верхнего царства, он тайно приказал соорудить подземный ход под городскими стенами. Даже я, человек, который знал почти все тайны, не подозревал о нем. Вельможа Интеф убил строителей подземного хода и теперь один знал о его существовании. Я не имею ни малейшего представления, зачем ему вообще понадобилось строить подземный ход. Наверное, коварный ум получал наслаждение от выполнения подобных хитроумных замыслов. Весь его дворец был насквозь пронизан тайными дверьми и проходами, как логово лисы или кроличья нора.

Когда вельможа Интеф рассказал царю Салиту о подземном ходе, тот послал в город небольшой отряд своих лучших воинов. Те проникли за крепостные стены, напали на ничего

не подозревающих стражников у ворот, перебили их и распахнули главные ворота города перед гиксосами. Их войско хлынуло в Фивы, и уже через несколько часов город был захвачен, а половина его жителей погибла.

С западного берега, откуда Тан командовал теперь нашими войсками, из недостроенного дворца Мемнона мы видели обгоревшие и обуглившиеся трупы на противоположной стороне реки, когда гиксосы сожгли город. Каждый день мы следили за облаками пыли над их колесницами, проносящимися по берегу Нила, и видели блеск наконечников копий, которые они носили на плече, готовясь к неотвратимо приближающемуся сражению.

Хотя флот наш и был ослаблен, Тану пока удавалось удерживать врага на противоположном берегу реки, и за время моего отсутствия он успел отбить одну попытку гиксосов переправиться через Нил. Однако его войска были слишком растянуты, так как приходилось охранять обширные пространства, а гиксосы могли по своему усмотрению выбирать место переправы. Наши шпионы на восточном берегу сообщали, что гиксосы забрали все суда, какие смогли найти, от торговых барок до маленьких лодок. Они взяли в плен множество строителей ладей и теперь заставили их работать на верфях в Фивах. Мы, разумеется, понимали, что вельможа Интеф может дать им необходимые советы по всем вопросам, а он не меньше варвара Салита жаждал захватить сокровища фараона.

Команды боевых ладей оставались при оружии и днем, и ночью. Тану редко удавалось поспать. Ни я, ни моя госпожа почти не встречались с ним, а когда видели его, замечали, как он осунулся и насколько стал вспыльчивым.

Каждую ночь на западный берег прибывали сотни беженцев. Люди всех возрастов обоюго пола пересекали Нил на первых попавшихся посудинах. Плыли на маленьких лодках и странных подобиях плотов. Люди посильнее переплывали реку сами. Все отчаянно искали спасения от гиксосов. Они рассказывали нам ужасные истории о насилии и грабежах и, разумеется, снабжали свежими и подробными сведениями о передвижениях войска варваров.

Конечно же, мы радовались им, так как они были нашими соотечественниками и родственниками, но их количество тяжким бременем ложилось на нас. Главные хранилища остались в Фивах, самые крупные стада скота и овец попали в руки врага. Царица Лостра возложила на меня ответственность за сбор всех пищевых запасов и скота, оставшихся на западном берегу. Я составил списки и расписал пайки для населения по мясу и зерну. К счастью, финиковые пальмы щедро плодоносили, запасы рыбы в реке были неистощимы. Гиксосы не смогли бы уморить нас голодом.

Моя госпожа назначила меня также главным царским конюшим. За этот пост яростного соперничества не было, поскольку он не предполагал каких-либо привилегий и жалованья. Я сделал Гуи своим помощником, а тот сумел подкупом, угрозами и шантажом набрать сотню конюхов и будущих возничих, которые должны были помогать ему ухаживать за нашим табуном. Позже мы обучим их, и они станут нашими первыми колесничими.

Я без труда находил время каждый день посещать конюшни, устроенные на скорую руку в Городе Мертвых. Кобыла Терпение всегда выбегала ко мне навстречу, и я давал ей лепешку. Мне частенько удавалось увести царевича Мемнона от матери и нянек и захватить с собой к лошадям. Я приносил его на плечах, и он верещал от восторга, как только видел лошадей.

Я сажал царевича на колени и скакал с ним на Терпении вдоль реки, а он цокал языком и подпрыгивал на попке, подражая мне, когда я подгонял лошадь, заставляя идти галопом. Я следил за тем, чтобы не попадаться на глаза Тану во время этих прогулок. Он еще не простил меня, и, если бы увидел своего сына на спине проклятой лошади, моей жизни наверняка угрожала бы серьезная опасность.

Кроме того, я проводил много времени в оружейной мастерской погребального храма фараона, где с помощью лучших мастеров построил свою первую колесницу. Именно здесь, придумывая новые экипажи, я изобрел способ борьбы с колесницами гиксосов, который стал нашей главной защитой от их смертоносных атак. Это были простые деревянные колья,

заостренные с обоих концов. Острия кольев закалялись на огне. Любой пехотинец без труда нес до десятка таких кольев. При приближении отряда колесниц колья втыкали в землю под углом так, чтобы их острия находились на уровне груди лошади. Наши воины располагались позади барьера острых кольев и стреляли из-за него по колесницам из луков.

Когда я показал колья Тану, он в первый раз после нашего спора о лошадях крепко обнял меня и сказал:

— Ну, слава Богу, ты не стал злиться на меня всю жизнь, как какой-нибудь старик.

Я понял, что отчасти он уже простил меня. Однако я чуть было не потерял его доброе расположение из-за происшествия с колесницей Таиты.

Мои работники закончили наконец первую колесницу. Передок и борта мы сплели из расщепленного бамбука, как корзину. Колесную ось сделали из древесины акации. Колеса надевались на кованые шипы из бронзы, смазанные бараньим жиром, а на колесах со спицами были бронзовые ободы. Колесница получилась настолько легкой, что двое колесничих могли поднять и перенести ее через неровности почвы там, где лошади не могли протаскать. Даже я понял, что мы создали шедевр, и работники называли ее «колесницей Таиты». Я не стал возражать.

Мы с Гуи запрягли двух наших лучших лошадей — Терпение и Клинка — и отправились в первую поездку. Нам потребовалось время, чтобы научиться управлять упряжкой, но мы учились быстро, а лошади уже умели ходить в паре и многое подсказывали нам. В конце концов мы научились мчаться по ровной земле и круто разворачивать колесницу на полном галопе.

Когда мы прискакали обратно в конюшни, раскрасневшиеся от долгой езды и переполненные восторгом победы, оба были убеждены, что наша колесница гораздо быстрее и удобнее в управлении, чем экипажи гиксосов. Мы испытывали и доделывали мое творение еще десять дней, иногда даже работая при свете светильников до последней ночной стражи, пока я наконец не почувствовал себя удовлетворенным и не решил показать его Тану.

Тан крайне неохотно пришел в конюшню и долго не хотел влезать в колесницу вместе со мной.

— Я не верю ни в эту твою штуковину, ни в этих проклятых тварей, которые ее таскают, — ворчал он. Но я в конце концов убедил его, он настороженно ступил на пол колесницы, и мы поехали.

Сначала я гнал лошадей рысью, а потом, когда почувствовал, что Тан расслабился и, вопреки своему предубеждению, стал даже наслаждаться скоростью, начал подгонять лошадей, и они пошли легким галопом.

— Смотри, как быстро. Ты сможешь налететь на врага раньше, чем он заметит тебя! — с восторгом заорал я.

Тан рассмеялся в первый раз за все это время. Это подбодрило меня.

— На ладьях ты правишь на реке. На колесницах ты будешь править на суше. Если у тебя будут и ладьи, и колесницы, ты будешь править всем миром. — Я не стал унижать дорогие его сердцу ладьи и не делал невыгодных сравнений.

— И это все, на что ты способен? — закричал он, стараясь перекрыть ветер и грохот копыт. — При хорошем попутном ветре «Дыхание Гора» идет быстрее! — Тан врал и просто бросал мне вызов.

— Держись крепче за борта и дыши поглубже, — предупредил я его. — Сейчас ты узнаешь, как летают орлы. — И я отпустил поводья Терпения и Клинка.

Никто еще не мчался с такой скоростью. Ветер обжигал глаза, слезы срывались с них и летели назад.

— О, сладкое дыхание Исида — восторженно закричал Тан. — Да это... — Я так и не узнал, что это было. Тан не закончил свою мысль, потому что в тот самый момент правое колесо налетело на камень и разлетелось на мелкие кусочки.

Колесница перевернулась и кувырком полетела вперед, а нас с Таном выбросило высоко в воздух. Я ударился о землю с такой силой, что, наверное, долго не смог бы прийти

в себя, если бы меня не тревожила реакция Тана на этот маленький несчастный случай. Ведь он мог погубить все мои планы и мечты!

Не чувствуя боли, я вскочил на ноги и увидел, как Тан, окровавленный, поднимается в двадцати шагах от меня. Его покрывал толстый слой пыли, на половине лица кожа была содрана. Пытаясь сохранить чувство собственного достоинства, он выпрямился и, шатаясь, подошел к разбитой колеснице.

Долго смотрел на обломки моего творения, а потом вдруг зарычал, как раненый бык, и пнул колесницу с такой силой, что она перевернулась, как детская игрушка. Не глядя в мою сторону, он повернулся на пятках и, хромя, пошел прочь. Я не видел его целую неделю, а когда мы снова встретились, никто из нас не упоминал о колеснице.

Я думаю, этим бы дело и кончилось и мы бы так и не снарядили наш первый отряд конницы, если бы упрямство моей госпожи не превосходило даже упрямство ее возлюбленного. Она отдала мне первоначальный приказ и теперь не желала отменять его. Когда Тан попытался склонить ее к этому, он только сделал мое положение более прочным. Мы с Гуи восстановили колесницу через три дня и сделали еще одну такую же.

К тому времени, когда бальзамировщики погребальной молельни завершили ритуальные семьдесят дней мумификации, у нас уже был готов первый отряд из пятидесяти колесниц, и мы обучали своих колесничих управлять лошадьми.

ПОСЛЕ возвращения во дворец Мемнона с кровавых равнин у Абнуба госпожа моя занялась государственными делами, которые легли на ее плечи вместе со званием правительницы Египта. Много часов проводила она со своими министрами и советниками.

И вот теперь первоначальное образование, полученное от меня во дворце на Элефантине, начало приносить плоды. Я научил ее безошибочно находить путь в лабиринте власти и влияний. Ей исполнился только двадцать один год, но она стала истинной царицей и правила, как подобает царице.

Не редко приходилось сталкиваться с трудностями, которые беспокоили ее или сбивали с толку. Тогда посылала за мной, и я бросал работу в оружейной, конюшне или в комнатах писцов, где она поселила меня, в противоположном крыле дворца и спешил в зал аудиенций.

Временами я проводил несколько дней подряд у трона, помогая принимать сложные решения. И снова моя способность читать по губам, не слыша голоса человека, послужила мне. Какой-нибудь вельможа, стоя в задних рядах присутствующих, не понимал, что я подробно передаю его слова царице и она знает все коварные замыслы, которые он обсуждает со своим соседом. Лостра скоро прославилась мудростью и проницательностью. Никому из нас не приходилось отдыхать в те трудные и тревожные дни.

Хотя дни наши были полны забот, ночью мы также не находили покоя, поскольку военные и государственные советы продолжались далеко за полночь. Едва успевали справиться с одной бедой, как другая напасть грозила нам. С каждым днем гиксосы становились все сильнее и Тану было труднее удерживать реку.

Мало-помалу нами овладевали отчаяние и чувство обреченности. Мужчины редко улыбались и почти не смеялись. Даже играющие дети вели себя тихо. Стоило посмотреть на противоположный берег реки, и мы видели, как враг собирается с силами и становится опаснее с каждым днем.

Через семьдесят дней завершился обряд мумификации фараона. Мои усилия по сохранению тела царя оказались очень успешными, и глава гильдии бальзамировщиков похвалил меня в присутствии моей госпожи. Он не обнаружил ни малейшего признака разложения, когда вынул тело из кувшина, и даже царская печень, орган, быстрее всех подверженный гниению, хорошо сохранилась.

Тело царя положили на плиту диорита в погребальной молельне, и глава гильдии бальзамировщиков, вставив в ноздрю заостренную ложку, вычистил содержимое черепа, которое под воздействием рассола стало твердым, как сыр. Затем, пока фараон находился в позе зародыша, его положили в ванну с селитрой, только голову оставив над поверхностью

раствора. Когда же вынули из ванны через тридцать дней, все слои жира растворились, а верхние слои кожи отстали от мяса по всему телу, кроме головы.

После этого его снова положили на изрытую желобками каменную плиту и распрямили тело. Затем протерли и высушили, пустую брюшную полость заполнили полотняными тампонами, смоченными в смоле и воске, а потом зашили. Тем временем внутренние органы были обезвожены и помещены в молочного цвета алебастровые канопы, где их и запечатали.

Остальные сорок дней тело царя сохло в зале. Двери в молельне были расположены таким образом, чтобы в помещении гулял сквозняк, и теплый сухой ветер постоянно дул над каменной плитой. По окончании ритуального периода в семьдесят дней тело фараона стало сухим, как полено.

Ногти, удаленные с пальцев перед тем, как его посадили в ванну с селитрой, снова закрепили на своих местах тонкими золотыми проволочками. Затем первый слой чистейших белых полотняных бинтов наложили на тело, оставив непокрытыми лишь голову и шею. Бинты укладывали тонким, изящным, перекрещивающимся узором. Под бинтами заворачивали амулеты из золота и драгоценных камней. Затем повязку пропитали лаком и смолой, и она застыла, как камень.

Теперь наступило время церемонии открытия рта, которую по традиции должен совершать ближайший родственник покойного фараона. Мемнон был еще слишком мал для этого, поэтому правительница выполнила обряд вместо царевича.

Моя госпожа и я вошли в молельню в предзакатном сумраке, и на наших глазах полотняная простыня, покрывавшая царя, была снята. Голова фараона сохранилась чудесным образом. Глаза были закрыты, а лицо — спокойно. Бальзамировщики нарумянили и побелили его, и в смерти фараон выглядел лучше, чем в жизни.

Пока верховный жрец Амона-Ра и глава гильдии бальзамировщиков готовили инструменты для церемонии, все присутствующие пели заклинания против второй смерти.

Зеркало он, а не отражение.
Музыка он, а не лира.
Камень он, а не резец,
Что вырубает статую.
Да будет он жить вечно!
Да не умрет он второй раз!

Затем верховный жрец вручил госпоже золотую ложечку и подвел ее за руку к погребальному камню, на котором лежала мумия царя.

Лостра наклонилась над телом фараона и положила ложку на разрисованные губы.

Я открываю губы твои, чтобы ты заговорил снова.
Я открываю ноздри твои, чтобы ты задышал.

Она пропела эти слова, а затем коснулась ложкой век.

Я открываю глаза твои, чтобы узрели они
Славу этого мира и мира богов
По ту сторону смерти, где ты
Жить будешь отныне.

Она коснулась ложкой его завязанной груди.

Я подгоняю сердце твое, чтоб вечно билось оно.
Ты не умрешь во второй раз.
Ты будешь жить вечно!

Мы подождали, пока бальзамировщики завязывали фараону голову бинтами и смачивали их смолой. Затем они придали повязке, смоченной смолой, форму лица царя. Наконец, возложили на слепое, обернутое бинтами лицо первую из четырех погребальных масок.

Это была та самая погребальная маска, которую на наших глазах изготовили из чистого золота. Пока фараон был жив, он позировал для скульптора, и маска получилась поразительно живой. Глаза, выполненные из горного хрусталя и обсидиана, казалось, смотрели живым человеческим взглядом, как частенько смотрело лицо, скрытое теперь под маской. Царственно и таинственно поднималась над его благородным лбом голова кобры.

Затем завернутую в бинты мумию поместили во внутренний золотой гроб, который был запечатан и вложен во второй золотой гроб, на крышке которого была выбита еще одна посмертная маска. Половина сокровищ из запасов вельможи Интефа пошла на изготовление этих тяжелейших саркофагов из драгоценного металла и камней.

Всего же гробов было семь, включая тяжелый каменный саркофаг, установленный на золоченой волокуше, которая уже ожидала тело фараона, чтобы отвезти его по насыпи к усыпальнице в высоких холмах. Однако моя госпожа отказалась дать приказ хоронить мужа.

— Я дала священный обет. Я не могу поместить тело мужа в гробницу, которая скоро может быть разграблена варварами. Фараон будет лежать здесь до тех пор, пока я не смогу выполнить свое обещание. Я найду для него безопасную гробницу, где он будет покоиться вечно. Я дала свое слово, что никто не нарушит его покоя.

МУДРОСТЬ решения царицы Лостры отложить похороны стала очевидна через три ночи. Гиксосы сделали решительную попытку переправиться на неохраняемом участке реки в двух милях к северу от Эсны. Табун лошадей переправился вплавь, а за ним на маленьких лодках, которые по суше тайно перевезли из Фив, поплыли воины. Им удалось закрепиться на западном берегу, прежде чем ладьи Тана подоспели на место переправы. Однако он подошел раньше, чем гиксосы выгрузили колесницы и запрягли в них лошадей. Тан разрушил лодки с колесницами на борту, и почти три тысячи гиксосов оказались в окружении на берегу реки. Их лошади разбежались, когда войска Тана пошли в атаку.

Без колесниц гиксосам пришлось сражаться с нашими воинами на равных, но бежать было некуда, поэтому дрались они с мрачной решимостью. В количественном отношении силы сторон были почти одинаковы, так как Тан смог подтянуть только один полный отряд. Остальное его войско было растянуто вдоль всего западного берега Нила. Кровавопролитное сражение началось в ночном мраке, освещенном лишь пламенем горящих лодок на берегу реки.

По какому-то невероятному совпадению, а может, и по воле богов мы с Гуи привели наших новичков колесничих на учения в те края. По правде говоря, мы намеренно отправились за двадцать миль от Фив, чтобы оказаться подальше от Тана и избежать его вмешательства в наши дела.

Мы встали лагерем в небольшой рощице священных тамарисков у храма Гора в Эсне. Я был утомлен днем скачек и отработки построений на колесницах. Когда мы вернулись в лагерь, Гуи где-то раздобыл кувшин весьма приличного вина, и я несколько увлекся снятием пробы. Я спал как убитый, когда Гуи, шатаясь, пришел в мою палатку и начал трясти меня.

— Вниз по течению на берегу что-то горит, — сказал он, — а когда ветер дует с той стороны, слышен боевой клич. Некоторое время назад мне показалось, что я слышу боевой гимн синих. По-моему, там идет бой.

Я так же плохо держался на ногах, как и он, но пьяная бравада ударила мне в голову, и я завопил, чтобы он поднимал колесничих и они запрягали лошадей. Мы были совсем новичками, и, пока ловили лошадей и запрягали их, уже почти рассвело. С реки плыл холодный туман, от утренней прохлады по коже бегали мурашки, когда мы наконец вышли на северную дорогу колонной по двое. Я управлял передовой колесницей, а Гуи командовал

арьергардом. После вчерашних учений из пятидесяти колесниц осталось только тридцать, потому что мне так и не удалось усовершенствовать колесо со спицами. Они проявляли опасную склонность разлетаться на куски на большой скорости, поэтому почти половина моего отряда вышла из строя.

Порыв холодного ветра ударил в мою обнаженную грудь. Меня передернуло, и пьяная храбрость несколько поутихла. Я уже надеялся, что Гуи ошибся, когда внезапно прямо перед собой услышал яростные вопли битвы, звон бронзы по бронзе, который трудно с чем-нибудь спутать. Если вы хоть раз слышали шум сражения, вряд ли сможете забыть его. Грубая крестьянская дорога, по которой мы двигались вдоль берега, повернула налево. Мы тоже свернули и скоро выехали на широкое поле.

Солнце едва поднялось над горизонтом, и в его лучах поверхность реки сверкала, как лист кованой меди, так что на нее больно было смотреть. Лодки Тана стояли у самого берега, чтобы лучникам легче было достать гиксосов и отрезать им путь к реке.

Окруженный отряд дрался в центре поля, стоя по колено в зеленой пшенице. Гиксосы встали кругом плечом к плечу, сомкнули щиты и выставили вперед копья. Когда мы выехали на поле, они только что отбили атаку отряда Тана.

Египтяне отступали, чтобы перегруппироваться, оставляя убитых и раненых.

Я не воин, хотя и написал несколько свитков по ведению войны. С глубочайшей неохотой я принял звание командующего царской конницей, возложенное на меня госпожой. Мне хотелось только усовершенствовать колесницу, обучить первый отряд, а потом передать все это Гуи или кому-нибудь еще, кто больше подходит для таких воинственных занятий.

Мне было холодно, и хмель у меня еще не совсем выветрился, как вдруг я услышал, как мой собственный голос выкрикивает приказ построиться клином. За день до этого на учениях мы отрабатывали такое построение, и колесницы, следовавшие за мной, довольно умело развернулись по обе стороны от меня. С какой-то особой остротой я слышал гулкие удары копыт по мягкой земле, поскрипывание упряжи, визг колес на окованных бронзой осях, легкий стук дротиков, которые колесничие вытаскивали из колчанов. Я поглядел налево и направо, осматривая свой маленький отряд, клином выстроившийся по обе стороны от моей колесницы. Строй я позаимствовал у гиксосов. Затем набрал в грудь воздуха.

— Отряд, вперед! — завопил я и с перепугу взял слишком высокую ноту. — Галопом!

Стоило мне отпустить левую руку, в которой я держал вожжи, как Терпение и Клинок рванулись вперед. Меня чуть не выбросило назад с колесницы, но я вовремя схватился за передок свободной рукой, и мы понеслись прямо на круг гиксосов.

Колесница подо мной прыгала из стороны в сторону по комьям вспаханного поля. Я посмотрел вперед и за прыгающим задом лошади увидел щиты гиксосов, которые непроницаемой стеной блестели в утренних лучах солнца, приближаясь с каждым прыжком лошадей.

По обеим сторонам от меня колесничие выли и орали, чтобы скрыть собственный ужас, и я выл вместе с ними, как бездомная собака на луну. Лошади фыркали и ржали, и вдруг Терпение подняла длинный хвост и начала пукать в такт своему шагу. Мне это показалось невероятно смешным. Вопли мои сменились раскатами смеха. Шлем, который я одолжил у Гуи, был, мягко выражаясь, великоват. Он соскочил с моей головы, и волосы мои стали развеиваться на ветру за моей спиной.

Терпение и Клинок были самой стремительной упряжкой нашего отряда, и моя колесница начала отрываться от строя. Я попытался замедлить ход, натянув вожжи, но Терпение не желала слушаться. Ее охватил восторг, атака развеселила ее, как и остальных лошадей, и она бежала вперед что есть мочи, вытянув шею.

Мы понеслись через ряды отступающей египетской пехоты, возвращающейся после атаки на гиксосов, и они стали разбегаться с нашего пути, изумленно глядя на нас.

— Эй! Давай за мной! — орал я. — Мы покажем вам дорогу!

Воины поворачивали и бежали следом за нами на врага. Я услышал, как за моей спиной трубачи протрубили атаку, и рев рогов, казалось, только подгонял наших лошадей. Справа я

увидел боевой вымпел Тана и узнал его самого по высокому шлему с перьями.

— Ну, что ты теперь думаешь о проклятых тварях? — крикнул я, проносясь мимо. Терпение опять задукала, и я нервно загоготал.

Колесница слева почти поравнялась со мной, а потом ее правое колесо не выдержало и разлетелось на куски. Она полетела кувырком, выбросив колесничего и повалив ревущих лошадей. Остальные колесницы безудержно неслись на врага.

Первый ряд гиксосов был уже настолько близко, что я видел их глаза над краем щитов. Стрелы свистели вокруг моей головы. Я ясно видел изображения чудовищ и демонов, выбитые на высоких металлических шлемах, и бусинки пота на бородах, заплетенных в косы с красными ленточками. Я услышал мелодичный боевой клич, а потом наши колесницы обрушились на них.

Мои лошади одновременно грудью ударили по барьеру щитов, и он разлетелся в стороны. Я видел, как человека подбросило на высоту его роста, и кости затрещали, как прутья в огне. Копейщик за моей спиной искусно сеял смерть. Я выбрал его, потому что он был лучшим среди моих добровольцев, и теперь он оправдал мое доверие. Крепко стоя на ногах, он метал дротики во врагов.

Одна за другой колесницы ворвались в брешь, пробитую в рядах, и почти без задержки пронеслись сквозь строй гиксосов, вырвавшись с противоположной стороны, а затем развернулись по трое и снова ринулись в бой.

Тан воспользовался представившейся возможностью и бросил пехоту в образовавшуюся брешь. Строй гиксосов развалился на небольшие группки сражающихся воинов. Группки эти, в свою очередь, разваливались на части, гиксосов охватила паника, и они побежали к реке. И как только оказались на расстоянии полета стрелы, лучники выпустили с палуб ладей тучу стрел.

Впереди я увидел довольно большую группу гиксосов, которые стояли кругом плечом к плечу и не подпускали к своим рядам наших воинов. Я развернул колесницу и понесся на них полным галопом. Не успел я домчаться до них, как правое колесо у меня разлетелось, и легкий корпус колесницы перевернулся в воздухе. Я полетел вверх и вперед, а затем с ужасающей силой рухнул на землю. Я падал головой вперед, и от удара в глазах у меня загорелись звезды и полетели метеоры. Потом наступила полная темнота.

Очнулся я под навесом на палубе флагманской ладьи Тана. Увидел, что лежу на овчине, а Тан наклонился надо мной. Как только он понял, что я пришел в сознание, попытался скрыть свое беспокойство.

— Эх ты, сумасшедший, — натянуто улыбнулся он. — Скажи мне, ради Гора, над чем это ты так смеялся?

Я попытался сесть, но адская боль вдруг сковала мою голову, и я застонал. Потом схватил его за руку, когда вспомнил, что произошло.

— Тан, вражеские лошади... те, что переправились прошлой ночью... они мне нужны.

— Не мучай свою битую голову. Я уже послал Гуи собрать их, — заверил он меня. — Если я хочу снарядить пятьсот твоих штуковин для своего нового отряда, мне понадобится тысяча проклятых тварей. Эти твои новые колеса стоят целого отряда гиксосов. Но я не сяду с тобой в колесницу, пока ты не исправишь их.

Смысл сказанного не сразу проник в мою ушибленную голову, а потом я понял, в чем дело. Тан переступил через оскорбленную гордость и сдался. Мой сиротливый отряд колесниц станет наконец частью действующего войска. Он даст мне людей и золота на постройку пятисот колесниц. Он даже прокатится со мной, если я сделаю надежные колеса.

Но больше всего меня обрадовало то, что Тан простил меня, и мы снова стали друзьями.

УСПЕХ моих колесниц в Эсне и чувство уверенности, которое он породил, продержались недолго. В глубине души я с ужасом ожидал следующего хода врага. Логически это было единственным разумным шагом, и Салит с вельможей Интефом должны

были сделать его гораздо раньше. Мы знали: когда Салит пронесся по Нижнему царству, то захватил большую часть флота красного самозванца, и теперь брошенные корабли стояли у пристаней Мемфиса и Таниса в дельте. Там наверняка остались целые толпы изменников, служивших во флоте узурпатора, а если бы Салиту не удалось нанять их, он нашел бы наемников среди сирийских моряков в Газе и Яффе или в каком-нибудь другом порту на восточном побережье великого моря и снарядил сотни боевых ладей и транспортных барок.

Я понимал, что это должно случиться, но предпочитал не беспокоить Тана и мою госпожу возможностью такого развития событий, так как не хотел усиливать чувство обреченности и страха в нашем народе. В глубине души я искал способа противодействовать такому шагу Салита и вельможи Интефа, но ничего не мог придумать. Если нечем смягчить страхи, лучше держать их при себе.

Когда же наконец это произошло и наши шпионы на противоположном берегу реки у Асюта сообщили о приближении флота со стороны дельты, Тан поспешил со всеми своими ладьями на север, чтобы дать бой. Его флот во всех отношениях был сильнее, но сражение длилось почти неделю, прежде чем Тану удалось разбить врага и отогнать в дельту.

Однако Салит привел транспортные барки под прикрытием боевых ладей. Пока на реке бушевало сражение, ему удалось погрузить на них и перевезти почти два полных отряда колесниц с лошадьми. Наши боевые ладьи не смогли помешать.

Эти отряды насчитывали почти триста боевых колесниц из лучших войск Салита, и он сам возглавил их. Ему наконец удалось обойти нас с фланга. Теперь ничто не могло остановить его продвижение, и колесницы гиксосов покатались на юг по нашей стороне реки. Наши ладьи едва могли угнаться за тучей пыли, поднимаемой колесницами, спешившими к погребальному храму Мамоса и сокровищам.

КОГДА ВЕСТЬ о переправе гиксосов достигла дворца Мемнона, царица Лостра созвала военный совет. Первый вопрос она задала Тану:

— Теперь, когда варвары переправились на нашу сторону, можешь ли ты остановить их?

— Мне, пожалуй, удастся задержать их наступление, — откровенно признался Тан. — Мы многое узнали о них за это время. Мы можем укрыться от атаки колесниц за каменными стенами или за рядами заостренных кольев, которыми снабдил нас Таита. Но Салиту нет нужды давать нам сражение. Его колесницы настолько быстры, что он может обойти нас, как и произошло при Асюте. Нет, я не могу остановить его.

Царица Лостра посмотрела на меня:

— Таита, а твои колесницы? Могут ли они дать бой гиксосам?

— Ваше величество, я могу послать навстречу врагу сорок колесниц. У него же три сотни экипажей. Мои колесницы быстрее, но колесничие мои не могут сравниться с гиксосами в ловкости и умении обращаться с новым оружием. А кроме того, у нас беда с колесами. Я еще не успел исправить их. Салит без труда разобьет мой отряд. Если бы у меня было время и материал, я смог бы построить новые, лучшие колесницы с колесами, которые не разлетаются на куски от удара о камень, но я не могу заменить лошадей. Мы не можем рисковать лошадьми. Они — наша единственная надежда на окончательную победу.

Пока мы совещались, прибыл другой гонец, на этот раз с юга. Он плыл по течению и при попутном ветре, поэтому сведения его относились ко вчерашнему дню. Тан приказал привести гонца на совет, и он, войдя, упал на колени перед царицей Лострой.

— Говори, — приказал ему Тан. — Что ты хочешь сообщить нам?

Гонец заикался от страха за свою жизнь.

— Ваше божественное величество, пока наш флот сражался при Асюте, варвар переправился через Нил у Эсны. Лошадей они, как и раньше, переправили вплавь. У нас не было боевых ладей, чтобы остановить их. Два отряда гиксосов на нашем берегу, их колесницы запряжены, и они приближаются сюда в клубах пыли со скоростью летящей ласточки. Они будут здесь через три дня.

Никто не произнес ни слова, пока Тан не отослал гонца, приказав своим людям позаботиться о нем и накормить его. Гонец, который ожидал смерти за такую весть, целовал царице Лостре сандалии.

Когда мы остались одни, Тан тихо сказал:

— У Салита на нашем берегу четыре отряда. Это шестьсот колесниц. Все кончено.

— Нет! — Голос моей госпожи дрожал от ярости. — Боги не могут оставить Египет. Наша цивилизация не должна погибнуть. Мы слишком многое можем дать миру.

— Я, конечно, буду сражаться, — тихо произнес Тан, — но конец будет тот же. Мы не сможем устоять перед их колесницами.

Госпожа повернулась ко мне:

— Таита, я не просила тебя раньше, потому что знала, как дорого тебе приходится платить за это, но сейчас, перед принятием окончательного решения, я должна просить тебя. Я должна просить тебя обратиться к лабиринтам Амона-Ра. Мне нужно знать желания богов.

Я покорно склонил голову и прошептал:

— Я только принесу мой сундучок.

Я ВЫБРАЛ для обряда ясновидения святилище Гора в незавершенном дворце Мемнона. Оно еще не было посвящено Богу, и статуи Гора там еще не было, но я уверен, что Гор уже простер свои крылья над всем зданием.

Госпожа села передо мной рядом с Таном и смотрела на меня как зачарованная, пока я пил колдовское зелье, чтобы открыть глаза моей души, моего Ка, маленького птицеподобного существа, живущего в сердце каждого из нас, нашего второго я.

Разложив перед ними лабиринты — кружки из слоновой кости, — я попросил царицу Лостру с Таном погладить и потереть их, чтобы оживить своим духом и духом народа, который они представляют, духом Египта. Пока смотрел, как они раскладывают на две стопки кружки слоновой кости, я почувствовал, как зелье начало действовать, распространяясь в моей крови, биение моего сердца замедлилось и малое подобие смерти овладело мной.

Я взял два оставшихся кружка лабиринтов и прижал их к груди. Они жгли кожу, и инстинктивно мне хотелось отстраниться от них и от надвигающейся темноты. Вместо этого я отдался этой темноте и позволил ей унести меня.

Голос моей госпожи донесся будто с огромного расстояния:

— Что случится с двойной короной? Сможем ли мы противостоять варварам?

Видения начали вставать перед моими глазами. Я перенесся в те дни, которые еще не пришли, и увидел события, которые должны будут произойти в свое время.

Лучи утреннего солнца падали на алтарь Гора через отверстие в крыше, когда я возвратился из далекого путешествия по лабиринтам. Я был истощен. Меня подташнивало от остатков зелья, которое вызвало видения. Все плыло и дрожало перед глазами, а в памяти жили странные картины, увиденные мной.

Моя госпожа и Тан оставались со мной всю эту ночь. Первое, что я увидел по возвращении из лабиринтов, были их встревоженные лица. Очертания расплывались, и я сначала решил, что они часть моего видения.

— Таита, с тобой все в порядке? Говори. Скажи, что ты видел!

В голосе моей госпожи слышалась тревога. Она не могла скрыть чувства вины передо мной за то, что заставила меня снова отправиться в лабиринты Амона-Ра.

— Я видел змею. — Голос мой гулким эхом раздавался в моей голове, будто я стоял в стороне и слушал себя. — Огромная зеленая змея ползла по пустыне.

Я видел по их лицам, как они озадачены, но еще не успел обдумать смысл видения и не мог им помочь.

— Я хочу пить, — прошептал я. — У меня пересохло в горле, а язык мой, как камень, покрытый мхом.

Тан принес кувшин вина и налил мне полную чашу; я жадно выпил ее.

— Расскажи нам о змее, — потребовала госпожа, как только я опустил чашу.

— Ее извивающемуся телу не было конца, и она мерцала зеленым светом в солнечных лучах. Она ползла по чудесной стране, где живут обнаженные черные люди и странные, удивительные животные.

— Видел ли ты голову или хвост змеи? — спросила госпожа, и я покачал головой. — Где были ты? Где ты стоял? — настойчиво спрашивала она.

Я уже успел забыть, как подробно она разбирала мои видения и с каким удовольствием толковала их.

— Я ехал на спине змеи, — ответил я. — Но я был не один.

— Кто был с тобой?

— Ты была со мной, госпожа, и Мемнон тоже был с нами. Тан стоял с другой стороны, и змея несла нас всех.

— Это Нил! Змея — наша река! — торжественно воскликнула Лостра. — Ты подглядел путешествие, которое мы совершим по реке.

— Но куда? — спросил Тан. Он увлекся так же, как и Лостра. — Куда текла река?

Я с усилием стал припоминать подробности.

— Я видел, как солнце вставало слева от меня.

— На юг, — воскликнул он.

— Вглубь Африки, — сказала моя госпожа.

— Потом наконец я увидел впереди голову змеи. Тело ее раздвоилось, и на каждой его части было по голове.

— Разве у Нила два истока? — вслух подумала госпожа. — Или у этого видения есть более глубокий смысл?

— Давай дослушаем до конца рассказ Таиты, — остановил ее Тан. — Продолжай, старина.

— Потом я увидел богиню, — продолжил я. — Она сидела на высокой горе. Обе головы змеи склонились перед ней.

Госпожа не удержалась:

— Какую богиню ты видел? Говори быстрее, кто это был!

— У нее бородатая голова мужчины, а груди и промежность женщины. Из ее влагалища два мощных потока извергались в открытые пасти двухголовой змеи.

— Это богиня Хапи, богиня реки, — прошептала царица Лостра. — Она рождает реку внутри своего тела и пускает ее течь по миру.

— Что еще показало тебе видение? — спросил Тан.

— Богиня улыбалась нам, и лицо ее сияло любовью и добротой. Она говорила голосом, который походил на шум ветра и морского прибоя, на раскаты грома в далеких горах.

— Что же сказала она? — в благоговейном восторге спросила царица Лостра.

— Она сказала: «Пусть мое дитя придет ко мне. Я сделаю ее такой сильной, что она сможет победить, и мой народ не погибнет от руки варвара». — Я повторил эти слова, и они гулом барабанов отдались у меня в голове.

— Я — дитя богини реки, — просто сказала госпожа. — При рождении меня посвятили ей. Теперь она призывает меня, я должна отправиться туда, где у истоков Нила живет Хапи.

— Это то же самое путешествие, которое мы с Таитой обдумывали раньше, — с удивлением произнес Тан. — А теперь богиня приказывает нам совершить его. Мы не можем отказать ей.

— Да, мы должны отправиться туда и вернуться, — поклялась моя госпожа. — Здесь моя страна, мой Египет. Здесь мой город, прекрасные Фивы, город ста ворот. Я не могу оставить их навеки. Я вернусь в Фивы. Я клянусь и призываю богиню Хапи в свидетели. Мы вернемся!

РЕШЕНИЕ отправиться на юг за пороги Нила в дикие, неисследованные земли мы обсуждали с Таном довольно давно. В первый раз говорили о них, как о пути спасения от

гнева и мести фараона. Теперь же нам приходилось спасаться от еще более безжалостного врага. Казалось, боги решили заставить нас отправиться по этому пути, а им нельзя противиться.

Времени на сборы в дальнюю дорогу почти не оставалось. Гиксосы наступали с двух сторон, и наши передовые заставы сообщали, что их передовые отряды будут видны с крыши дворца Мемнона не позже чем через три дня.

Тан поручил Крату командование половиной своих войск и направил на север навстречу царю Салиту, спешащему от Асюта, так как именно его отряд скорее всего первым подойдет к Городу Мертвых и дворцу. Крат получил приказ вести подвижные бои. Пользуясь острыми кольями и защитой городских укреплений, он должен задерживать Салита как можно дольше, не рискуя попасть в окружение или быть наголову разбитым. Когда же будет не в состоянии сдерживать врага, ему следует перевести людей на ладьи.

Сам Тан взял другую половину войска и отправился на юг, чтобы боями сдерживать гиксосов, переправившихся у Эсны.

Пока войска заняты выполнением своих задач, госпоже моей следовало погрузить на корабли свой народ и имущество. Она поручила это вельможе Меркесету и, разумеется, сделала меня его помощником. Вельможа Меркесет дожил не просто до старческого слабоумия, он даже успел недавно жениться на шестнадцатилетней девочке. Поэтому проку от него было мало как для меня, так и для него самого. Все планирование и сборы для погрузки на корабли легло на мои плечи.

Однако прежде чем отправляться в путь, нужно было позаботиться о лошадях. Уже тогда я совершенно ясно представлял себе, что именно они явятся основой нашего спасения и как страны, и как цивилизованного народа. С лошадьми, захваченными у Эсны, наш табун составлял несколько тысяч голов. Я разделил его на четыре части, чтобы легче было найти пастбища по пути на юг. Кроме того, табуны меньшего размера поднимают меньше пыли, им будет легче избежать столкновения с гиксосами.

Я послал Гуи, колесничих и конюхов с этими четырьмя табунами в сторону Элефантины, приказав держаться подальше от берега реки, вдоль которого наступали колесницы гиксосов, и идти по краю пустыни.

Как только лошади отправились в путь, я занялся людьми. Я понимал, что количество ладей ограничивало наши возможности, и мы могли взять с собой лишь небольшое количество людей и вещей. Я был абсолютно уверен, что каждый египтянин захочет стать участником великого исхода. Жестокость и свирепость гиксосов проявлялись в каждом захваченном ими городе, который они предавали огню и где учиняли страшные зверства над населением. Все неведомые опасности Африки казались гораздо предпочтительнее кровожадных чудовищ, которые мчались на нас на своих колесницах.

По моим расчетам выходило, что мы сможем разместить на судах нашего флота только двенадцать тысяч человек, и я сообщил об этом госпоже.

— Нам придется быть безжалостными при выборе людей и многих оставить здесь.

Но она не пожелала слушать моего совета.

— Это мой народ. Я скорее сама оставлю свое место на корабле, чем отдам гиксосам одного-единственного подданного моего царства.

— Но, ваше величество, как же нам быть со стариками и калеками, больными и младенцами?

— Каждый египтянин может выбирать, идти ему с нами или оставаться здесь. Я не брошу на произвол судьбы ни белобородого старика, ни нищего, ни новорожденного младенца, ни прокаженного. Это мой народ, и, если он не может отправиться со мной, тогда царевич Мемнон и я останемся с ними! — Разумеется, она упомянула царевича только для того, чтобы закрепить свою победу надо мной.

Ладьи наши будут сидеть по самые борта под таким количеством народа, но выбора у меня не было. И все же я позволил себе маленькое удовольствие. В первую очередь я разместил на ладьях полезных и способных граждан. Я выбирал их из всех слоев общества и

всех родов занятий: каменщиков и ткачей, медников и горшечников, кожевников и делателей парусов, писцов и художников, кораблестроителей и плотников, и все они были лучшими в своем ремесле. Я позаботился о том, чтобы они разместились на борту ожидающих барок. А потом я с особым удовольствием отдал самые неудобные места на самых неопрятных судах жрецам и законникам, этим блохам, сосущим кровь на здоровом теле государства.

Когда они наконец погрузились на лодки, я позволил отребью хлынуть на пристань и садиться на корабли у храма.

Из-за непримиримых взглядов моей госпожи мне пришлось с большой осторожностью выбирать груз, который мы могли взять с собой. У нас не было места для безделушек. Я собрал оружие, инструменты и сырье, которые могли нам понадобиться при строительстве цивилизации в неведомых землях. Во всем же остальном грузе я всячески старался снизить вес и объем. Например, вместо зерна и плодов я предпочел взять семена всех необходимых растений, запечатав их смолой и воском в глиняных кувшинах.

Каждый дебен веса в трюме ладьи означал, что мы должны что-то оставить на берегу. Путешествие наше может занять десять лет или целую жизнь. Нас ждут трудности. Мы знали: великие пороги Нила лежали на нашем пути. Мы не смели обременять себя ничем, кроме самого важного и необходимого, но госпожа моя дала священный обет фараону. На кораблях едва хватало места для живых. Сколько же нужно было отвести мертвому?

— Я дала обет царю, когда он лежал на смертном одре, — настаивала она. — Я не могу оставить его здесь.

— Ваше величество, я могу найти надежное тайное место, где мы спрячем царя. В холмах много неизвестных могил, и никто не найдет там. Когда мы вернемся в Фивы, сможем выкопать его, а потом устроить истинно царские похороны, которые вы ему обещали.

— Если я нарушу свой обет, боги покинут нас и наше путешествие будет обречено. Тело царя должно отправиться с нами.

Одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы понять: спорить бесполезно. Мы открыли массивный гранитный саркофаг и вытащили из него шесть внутренних гробов. Однако даже они были настолько тяжелы, что для них потребовалась бы отдельная ладья.

Я принял решение, не посоветовавшись с царицей. Построй. По моему приказу вынули лишь два внутренних золотых гроба. Завернули в толстый полотняный саван и зашили. Их вес и размеры уменьшились, и теперь гробы можно было разместить по отдельности в трюме «Дыхания Гора».

Основную часть сокровищ фараона — все его золото, серебро и драгоценные камни — разложили по кедровым сундукам. Я приказал златокузнецам снять золотой лист с брошенных гробов и деревянных рам чудовищной погребальной волокуши и выплавить из него слитки. С тайным наслаждением я разрушил эту чудовищную безвкусицу. Затем сундуки с сокровищами и слитки золота отнесли на пристань и погрузили в ожидающие корабли. Я распределил их так, чтобы на каждой лодке были по крайней мере один сундук и один тюк слитков. Таким образом, мне удалось свести до минимума опасность потерять все сокровища сразу из-за несчастного случая.

Однако мы не могли взять с собой многих сокровищ погребального храма. Это касалось прежде всего мебели и церемониальных принадлежностей, церемониального оружия и сундучков со статуэтками ушабти. И, разумеется, уродливого остова катафалка, с которого я приказал содрать золото. Чтобы они не попали в руки гиксосов, мы сложили их во дворе храма и я собственной рукой бросил на огромную кучу сокровищ пылающий факел и смотрел на гигантский костер, пока все не сгорело дотла.

Делалось все это в безумной спешке, и еще до окончания погрузки последнего корабля наблюдатели на крыше дворца закричали, что видят облако пыли над колесницами гиксосов. Через час измотанные в сражениях войска Крата и Тана после долгих арьергардных боев начали входить в Город Мертвых и грузиться на ладьи.

Я встретил Тана, когда он поднялся на насыпь во главе отряда стражи. Мужество и

самоотверженность его воинов помогли отыграть у врага еще несколько дней на сборы и погрузку. Большого они сделать не могли, и теперь враг шел за ними по пятам.

Когда я махнул рукой и позвал его, Тан обернулся и крикнул мне через головы воинов:

— Где царица Лостра и царевич? Они уже на борту «Дыхания Гора»?

Я пробрался к нему через толпу.

— Госпожа моя не желает покидать город, пока весь ее народ не погрузится на корабли. Она приказала мне привести тебя к ней, как только ты появишься. Она ждет тебя в своих покоях во дворце.

Ужас отразился на его лице.

— Враг наступает нам на пятки. Царица Лостра и царевич стоят гораздо больше, чем весь этот сброд. Почему ты не заставил ее?

Я рассмеялся:

— Ее не так-то просто заставить, тебе это известно не хуже, чем мне. Она не оставит ни одного подданного гиксосам.

— Проклятие Сета на гордость этой женщины! Нас всех убьют из-за нее.

Однако, несмотря на грубые слова, его грязное потное лицо сияло гордостью и восхищением. Он ухмыльнулся:

— Ну что же, если она не хочет идти к нам, нам придется идти к ней.

Мы стали проталкиваться через плотную толпу горожан, которые шли на пристань с детьми на руках, обремененные тяжелыми узлами с пожитками. Они сплошным потоком вливались на палубы лодок. Пока мы спешили вверх по насыпи, Тан показал мне на зловещие тучи пыли над городскими стенами, приближающиеся к нам с обеих сторон.

— Они приближаются быстрее, чем можно было вообразить. Даже не останавливаются поить лошадей. Если мы не ускорим погрузку, половину населения застанут на берегу, — мрачно заявил он и показал на пристань под нами.

Только две ладьи могли одновременно встать на погрузку. Огромные толпы беженцев заполнили насыпь и мешали проходу через двойные ворота верфи. Плач и жалобные вопли усиливали беспорядок, и в этот самый момент кто-то завопил:

— Гиксосы пришли! Бегите! Спасайтесь! Гиксосы пришли!

Паника охватила толпу, и люди бездумно бросились вперед. Женщин давили о каменные стены ворот, детей топтали. Всякое подобие порядка исчезло, достойные граждане и дисциплинированные воины превратились в буйную толпу, забывшую обо всем, кроме спасения своей жизни.

Мне пришлось пустить в ход заостренный кол, чтобы проложить себе дорогу через толпу, и мы с Таном сумели пробиться в город. Наконец, мы вырвались из толпы и побежали к воротам дворца.

Его залы и коридоры были пусты. Там никого не было, если не считать нескольких мародеров, шаривших по пустым залам. Они бежали, завидев Тана. Выглядел он страшно. Осунулся, запыленные доспехи покрывали вмятины, на щеках торчала рыжая щетина. Он ворвался впереди меня в покои царицы, и мы увидели, что они не охраняются, а двери широко распахнуты. Мы побежали вперед.

Госпожа моя сидела с царевичем Мемноном на коленях под виноградной лозой на террасе. Она показывала ему флот, усеявший поверхность Нила под террасой, и оба весело смотрели на погрузку.

— Смотри, какие красивые кораблики.

Царица Лостра с улыбкой встала нам навстречу, а царевич Мемнон соскочил с ее колен и побежал к Тану.

Тан поднял его на плечо, а потом обнял мою госпожу свободной рукой:

— Где твои рабы, где Атон и вельможа?

— Я отослала их на корабли.

— Таита говорит, что ты отказалась идти туда. Он очень зол на тебя за это, и по праву.

— Прости меня, милый Таита. — Ее улыбка могла наполнить радостью мою жизнь или

разбить мое сердце.

— Моли о прощении царя Салита, — обиженно произнес я. — Он скоро будет здесь. — Я схватил ее за руку: — Ну, теперь, когда этот грубый воин с нами, можешь ты наконец подняться на борт корабля?

Мы поспешили прочь с террасы по коридорам дворца. Даже грабители и мародеры, как крысы, скрылись в своих норах. Только царевич Мемнон совершенно не беспокоился.

Для него все происходящее было новой веселой игрой. Он сидел верхом на плечах у Тана, бил его пятками по груди и кричал: «Но! » Мемнон научился этому у меня, когда катался со мной на Терпении.

Мы пробежали через дворцовый сад к каменной лестнице, которая вела к насыпи. Здесь был кратчайший путь к храмовой пристани. Когда выскочили на насыпь, я понял, что обстоятельства резко изменились с тех пор, как мы ушли в город за госпожой и царевичем. Насыпь была пуста. Последние беженцы взошли на борт. Из-за вершины стены были видны мачты кораблей, медленно уходивших по каналу к реке.

У меня вдруг засосало под ложечкой. Я понял, что мы остались на берегу одни, а до пустой пристани еще целых полмили. Мы остановились и посмотрели вслед последней уплывающей ладье.

— Я же говорил кормчему ждать нас, — простонал я, — но гиксосы близко, и все теперь думают только о собственной шкуре.

— Что же нам делать? — выдохнула госпожа. Даже Мемнон перестал весело кричать.

— Если мы доберемся до берега реки, Ремрем и Крат увидят нас на берегу и пошлют за нами лодку, — сказал я. Тан тут же согласился со мной.

— Сюда, за мной! — крикнул он. — Таита, веди свою госпожу.

Я взял Лостру за руку и потащил за собой, но она была сильной и ловкой, как мальчишка-пастушок, и легко бежала рядом. Потом я вдруг услышал топот лошадей и скрип колес. Звук этот ни с чем нельзя было спутать, и раздавался он пугающе близко.

Наши собственные лошади ушли три дня назад и уже были на пути к Элефантине, а колесницы в разобранном виде лежали в трюмах ладей. Звуки, которые я услышал, раздавались внизу, на насыпи под стеной. Мы не видели колесниц, но я понял, кому они принадлежат.

— Гиксосы! — тихо сказал я, и мы остановились, прижавшись друг к другу. — Это, наверное, передовой отряд, разведчики.

— Колесниц всего две или три, — подтвердил Тан. — Но и этого достаточно. Мы отрезаны.

— Мы, кажется, немного опоздали, — сказала моя госпожа с деланным спокойствием, а потом посмотрела на меня и Тана с полным доверием: — Что вы предлагаете?

Ее наглость поразила меня. Именно из-за нее, из-за ее упрямства мы попали в эту переделку. Если бы она уступила моим настоятельным просьбам, мы бы уже находились на борту «Дыхания Гора» и шли вверх по реке к Элефантине.

Тан поднял руку, требуя тишины, и мы стали прислушиваться к шуму вражеских колесниц, едущих по дороге у подножия стены. Чем ближе они подходили, тем яснее становилось, что это небольшой передовой отряд.

Внезапно визг колес прекратился, и мы услышали фыркание и стук копыт переступающих на месте лошадей, а потом голоса людей, говорящих на каком-то гортанном языке. Они находились прямо под нами по ту сторону стены. Тан снова тревожным жестом потребовал тишины. Но царевич Мемнон не был приучен сдерживать свои желания или молчать, когда ему не хотелось. Он услышал знакомые звуки.

— Лошади! — звонко закричал он. — Я хочу посмотреть на лошадей!

Тут же раздался резкий выкрик. Гиксосы отдавали приказы. Мы услышали звон оружия. Потом тяжелые шаги простучали по ступенькам каменной лестницы, и небольшой отряд врага помчался вверх.

Сначала из-за каменной балюстрады впереди нас появились только высокие шлемы, а

потом и воины гиксосов в чешуйчатых кольчугах встали перед нами во весь рост. Их было пятеро, и они неслись на нас с обнаженными мечами, все — рослые мужчины с черными бородами, заплетенными красными ленточками. Один из них был выше остальных. Сначала я не узнал его, так как он по обычаю гиксосов отрастил бороду и украсил ее ленточками, да и забрало шлема скрывало половину его лица. Потом он вдруг воскликнул голосом, который я никогда не смогу забыть:

— Так это молодой Харраб! Я убил старого пса, а теперь прикончу и щенка.

Мне следовало бы знать, что вельможа Интеф наверняка в числе первых отправится вынюхивать пути к сокровищам фараона. Скорее всего, он мчался впереди основных сил гиксосов, чтобы первым оказаться в погребальном храме. Однако, несмотря на хвастливый крик, не бросился навстречу Тану, а взмахом руки приказал отряду колесничих поработать за него.

Тан снял с плеч царевича Мемнона и бросил его мне, как куклу.

— Беги! Я куплю вам немного времени.

И бросился вперед навстречу гиксосам, пока они не выбежали с каменной лестницы, и им не хватало места для свободных действий мечом. Первого Тан убил одним ударом, тем самым резким колющим ударом в горло, который ему всегда так удавался.

— Не зевай тут, — крикнул он мне через плечо. — Беги! Я не зевал. Однако понимал, что с ребенком на руках не выполню его приказ. С такой ношей мне не добежать до берега впереди преследователей.

Я шагнул на край насыпи и посмотрел вниз. Прямо под собой увидел две колесницы гиксосов. Лошади фыркали и переступали на месте. С колесницами остался только один человек, остальные побежали вверх по лестнице. Он стоял у голов лошадей, и все его внимание было поглощено двумя упряжками. Даже не заметил мою голову над парапетом.

Прижав к себе Мемнона, я перекинул ногу через парапет и спрыгнул вниз. Царевич испуганно вскрикнул, когда мы полетели на дорогу, где стоял колесничий гиксосов. Стена была высотой примерно четыре роста человека. Я наверняка сломал бы себе ногу, если бы не приземлился прямо на ничего не подозревающего гиксосо. Сила удара начисто сломала ему шею. Я услышал, как хрустнули позвонки, и он сложился подо мной, смягчив наше падение.

Я быстро вскочил на ноги. Царевич Мемнон орал что есть мочи от злости, страха и возмущения по поводу такого грубого обращения, но это было только начало. Я бросил его в ближайшую колесницу и посмотрел вверх на госпожу. Лостра глядела на меня с парапета.

— Прыгай! — закричал я. — Ловлю!

Ей и в голову не пришло колебаться. Она перекинула ноги через парапет с такой скоростью, что я даже не успел собраться, чтобы схватить ее. В полете короткая юбка задралась и обнажила длинные стройные бедра. Она ударила меня прямо в грудь и выбила воздух из легких. Мы повалились на землю.

Задышавшись, я вскочил на ноги и помог ей подняться. Потом грубо толкнул ее к колеснице и крикнул:

— Держи Мемнона!

Лостра схватила его в тот самый момент, когда мальчишка собирался спрыгнуть с колесницы. Он все еще орал от злости и страха. Мне пришлось перелезть через обоих, чтобы схватить вожжи.

— Держитесь крепче! — Пара лошадей тут же подчинилась, и я ловко развернул упряжку под стеной. Одно колесо подпрыгнуло, перекатившись через убитого.

— Тан! — заорал я. — Сюда!

Тан вскочил на край парапета прямо надо мной, легко удерживая равновесие и парируя удары колесничих, которые вертелись вокруг него, как гончие вокруг леопарда, забравшегося на дерево.

— Прыгай, прыгай! — завопил я, и он шагнул с края каменной стены. Плащ волной вздулся за его плечами и головой, и Тан рухнул на спину левой лошади. Меч выпал из его руки и зазвенел на твердой земле, а сам он обхватил лошадь за шею и прижался к ней.

— Но! — закричал я лошадям и ударил их вожжами по задкам. Они рванулись вперед полным галопом. Я повел их по проходу через поля, которые протянулись вдоль берега реки. Я видел паруса нашего флота на стрежне и мог даже разглядеть вымпел «Дыхания Гора» в этом лесу мачт. До берега оставалось полмили, и я бросил взгляд назад.

Вельможа Интеф и его люди сбежали вниз по лестнице. На моих глазах они взобрались на другую колесницу. Я выругал себя за то, что не сумел вывести из строя ее упряжь. Достаточно было перерезать несколько ремней, но меня охватил такой панический страх за госпожу и царевича, что я совсем забыл об этом.

Вельможа Интеф погнался за нами. Его колесница не проехала и сотни шагов, как я понял, что она гораздо быстрее той, которой управлял я. Тан висел на спине левой лошади и мешал ей бежать. Он был тяжелым мужчиной и крепко сжимал ее шею обеими руками. Его сковал страх. Казалось, впервые в жизни он по-настоящему испугался. Я видел собственными глазами, как Тан хладнокровно пускал стрелы из лука в несущегося прямо на него льва, но лошадь напугала его до смерти.

Я старался не обращать внимания на преследующую нас колесницу и смотрел вперед, сосредоточившись на езде по пахоте и извилистым дорожкам вдоль оросительных каналов и канавок, которые отделяли нас от берега Нила. Колесница гиксосов была тяжелее и неуклюжее экипажа Таити. Сплошные деревянные колеса с ножами на ободьях глубоко врезались во вспаханную землю, а бронзовые доспехи и украшения на бортах не убавляли вес колесницы. Лошадей, наверное, долго гнали перед тем, как я взялся за вожжи. Их покрывала пена — словно кружева, висела она на ногах и мордах.

Мы не проехали и половины расстояния до берега, когда я услышал за своей спиной приближающиеся крики колесничего гиксосов и цокот копыт. Оглянулся и увидел, что между нами оставалось лишь три длины упряжки. Гиксос погонял лошадей сплетенным из кожи кнутом и орал на них на каком-то грубом, уродливом языке. Рядом с ним из-за передка высовывался вельможа Интеф. Его борода, заплетенная разноцветными ленточками, развевалась по обе стороны от шеи, а красивое лицо горело азартом охотника.

Он крикнул мне, и голос его перекрыл шум двух колесниц:

— Таита, мой милый, ты все еще любишь меня? Я хочу, чтобы ты доказал мне это перед смертью, — и захохотал. — Ты встанешь передо мной на колени и умрешь с полным ртом. — У меня мурашки пошли по коже, когда я представил себе это.

Наш путь пересекала оросительная канава, и я свернул вдоль нее, так как края были слишком крутыми. Колесница гиксосов последовала за нами по внешнему кругу, догоняя с каждым прыжком лошадей.

— А тебя, моя милая дочь, я отдам этим воинам. Они научат тебя кое-каким штукам, которые Харраб забыл тебе показать. Ты мне будешь не нужна, когда я получу твое отродье. — Царица Лостра крепче прижала к груди царевича, лицо ее побледнело и осунулось.

Я мгновенно понял замысел вельможи Интефа. Весь народ Египта останется верен ребенку египетской царской крови, даже если он будет сатрапом гиксосов. Царевич Мемнон должен стать марионеткой, с помощью которой царь Салит и Интеф намеревались править обоими царствами. Захватчики с древнейших времен пользовались этим приемом. Я погонял лошадей что есть силы, но они устали и замедляли ход, а вельможа Интеф приближался так быстро, что ему уже не нужно было кричать, чтобы его слышали.

— А, вельможа Харраб, как давно я жаждал этой встречи. А с тобой что будем делать? Сначала мы с тобой посмотрим, как воины развлекаются с моей дочерью... — Я старался заткнуть свои уши от этих мерзостей, но его голос словно проникал сквозь кости черепа.

Я продолжал смотреть вперед, сосредоточившись на езде по неровной дороге. Однако уголком глаз видел, головы лошадей в упряжке гиксосов, которые поравнялись с моей колесницей. Их гривы развевались, а глаза дико горели, они неслись мимо нас на полном галопе.

Я оглянулся. Коренастый лучник гиксосов, стоявший рядом с Интефом, поставил

стрелу на тетиву и натягивал лук. Расстояние было столь малым, что даже со скачущей колесницы невозможно промахнуться.

Тан вышел из боя. Он выронил меч и все еще висел на шее лошади с дальней от врага стороны. У меня остался лишь маленький кинжал, а царица Лостра сидела на коленях, стараясь прикрыть своим телом царевича.

И тут я понял, какую ошибку совершил возница гиксосов. Он погнал свою упряжку в просвет между моей колесницей и глубокой оросительной канавой. У него не осталось места для маневра.

Лучник поднял свой лук и поднес оперение стрелы к губам. Целился в меня. Я смотрел в его глаза, сверкавшие изза зазубренного кремневого наконечника. Брови его были черными, густыми и кустистыми, а глаза темными и безжалостными, как у ящерицы. Лошади гиксосов бежали вровень со ступицей моего колеса. Я натянул вожжи и повернул в их сторону. Сверкающие бронзовые клинки, торчащие с ободьев моего колеса, с гудением двинулись к ногам лошадей.

Возница гиксосов испуганно закричал, увидев свою ошибку. Его лошади были зажаты между канавой и смертоносными ножами. Клинки свистели всего в ладони от коленей крупного гнедого жеребца, бежавшего с моей стороны.

В этот момент лучник пустил стрелу, но внезапный поворот обманул его. Стрела медленно полетела мне в голову, но это было обманом зрения. На самом деле она пронеслась у меня над плечом, как солнечный зайчик, и только краешком кремневого наконечника задела ухо. Капля крови упала мне на грудь.

Возница попытался было увести лошадей от моих колесных ножей и отвернуть в сторону, но теперь его дальнейшее колесо катилось по краю оросительной канавы. Ее стенки осыпались под бронзовым ободом, и колесница прыгала по неровной земле.

Я натянул вожжи и снова повернул в сторону колесницы гиксосов. Колесные ножи ударили по ногам ближней лошади, и бедняга закричала от боли. Я видел, как обрывки шерсти и кожи полетели в воздух выше борта моей колесницы. Я постарался взять себя в руки и, не обращая внимания на жалобный крик лошади, опять повернул вправо. На этот раз брызги крови и осколки костей струей ударили в воздух, лошадь упала и забилась на земле, повалив своего напарника. Колесница гиксосов полетела в канаву. Я увидел, как двух людей выбросило из нее на дорогу, а возницу задавило тяжелым опрокинувшимся экипажем.

Теперь наша колесница мчалась в опасной близости от края канавы, но я сумел сдержать лошадей и отвернул в сторону.

— Тпру! — Я замедлил ход лошадей и оглянулся. Облако пыли поднялось над канавой, где только что исчезла колесница гиксосов. Я перевел упряжку на рысь. До речного берега оставалось всего двести шагов, и угроза нашей жизни миновала.

Я оглянулся последний раз. Лучник-гиксос, выпустивший в меня стрелу, лежал в неестественной позе там, куда его выкинуло из колесницы. Вельможа Интеф лежал несколько дальше на дороге. Я искренне верю, что оставил бы его, если бы не увидел, как он пошевелился и сел, а потом, шатаясь, поднялся на ноги.

Внезапно ненависть к нему нахлынула на меня с такой силой и ясностью, что ум мой, казалось, закипел от ярости. Будто кровеносный сосудик лопнул у меня в глазах. Все вокруг потемнело и стало багровым, будто залитым кровью. Дикий, нечленораздельный вопль вырвался из моего горла. Я круто развернул лошадей и помчался назад по насыпи.

Вельможа Интеф стоял посреди дороги. Во время падения он потерял шлем и оружие. Казалось, его оглушило, потому что он стоял, шатаясь из стороны в сторону. Я перевел лошадей на галоп, и тяжелая колесница рванулась вперед. Я правил прямо на Интефа. Борода его растрепалась, а на ленточках виднелась грязь. Глаза были мутными и словно задумчивыми, но, когда я погнал на него лошадей, они вдруг прояснились. Он резко вскинул голову.

— Нет, не надо! — вскрикнул и начал отступать назад, выставив перед собой руки, будто хотел отгородиться ими от тяжелых колес. Мы мчались прямо на Интефа, но в

последний момент боги тьмы решили защитить его еще раз. Когда я уже почти на него наехал, он вдруг отпрыгнул в сторону. Я видел собственными глазами: стоял, шатаясь, слабый и беспомощный, однако через мгновение стал быстрым и ловким, как шакал, преследуемый гончими. Колесница была тяжелой и неуклюжей, и я не успел достаточно быстро повернуть в его сторону.

Я промахнулся и промчался мимо. Что есть силы натянул вожжи, но лошади пронеслись еще сотню шагов, прежде чем я совладал с ними и развернул тяжелую повозку. К этому времени вельможа Интеф уже бежал к канаве. Если бы он укрылся в ней, то был бы спасен. Я злобно выругался и погнал на него лошадей.

И вот тут боги окончательно покинули его. Он уже почти добежал до канавы, но на бегу постоянно оглядывался на меня и не смотрел под ноги. Налетел на несколько засохших комьев глины, твердых, как камни, и подвернул ногу. Тяжело повалился на землю, но сумел перекатиться и вскочил на ноги, как акробат. Пытался бежать дальше, но боль в суставе вывернутой ноги мешала ему. Проковылял шаг или два, а потом попробовал прыгать вперед к канаве на одной ноге.

— Наконец-то ты мой! — закричал я, и он повернулся ко мне лицом, стоя на одной ноге. Я мчался прямо. Лицо его побледнело, но леопардовые глаза сверкали злобой и ненавистью, переполнявшими жестокую и коварную душу.

— Он же мой отец! — закричала госпожа, прижимая лицо царевича к груди, чтобы тот не видел. — Оставь его, Таита! Он же со мной одной крови.

Я ни разу не послушался ее за всю свою жизнь. Такое случилось впервые. Я даже не пытался управлять лошадьми. Просто смотрел в глаза Интефу. Смотрел впервые без малейшего страха.

И все-таки он чуть было не увернулся. Прыгнул в сторону так ловко и стремительно, что выскочил из-под лошадей и колес, но не уклонился от колесных ножей. Вращающийся клинок задел чешую кольчуги. Острие пронзило доспехи и зацепилось за плоть в брюшной полости. Нож вращался, кишки намотались на клинок, и теперь нож вытаскивал их из него, как рыбачка потрошит огромного серебристого окуня на рынке.

Интефа потащило за нами на скользких канатах собственных внутренностей, но постепенно он отставал, когда все новые и новые клубки кишок выдергивались из открывшейся брюшной полости. Цеплялся за них обеими руками, но они выскальзывали из пальцев, как чудовищная пуповина, приковавшая к вращающемуся колесу колесницы.

Интеф страшно кричал, и я не пожелал бы еще раз услышать такой крик. Вопли до сих пор эхом отдаются в моих кошмарных снах. Ему все-таки удалось подвергнуть меня последней пытке. Я никогда не смогу забыть этого, как бы мне ни хотелось.

Когда же отвратительный канат, тащивший его за нами по черной земле, оборвался, он рухнул посреди поля. Крики его наконец смолкли, и тело застыло на вспаханной земле.

Я остановил лошадей, и Тан, соскользнув со спины лошади, встал и подошел к колеснице. Помог госпоже и царевичу спуститься и прижал их к своей груди. Госпожа плакала.

— Ах, это было так ужасно. Что бы он ни сделал с нами, он был моим отцом.

— Теперь все в порядке. — Тан обнял ее. — Все кончено.

Царевич Мемнон глядел через плечо матери на распростертую фигуру своего дедушки с тем особым выражением любопытства, с каким дети всегда смотрят на кровавые зрелища. Потом вдруг набрал в легкие воздух и звонко произнес:

— Он был плохим дядей.

— Да, — тихо согласился я. — Он был очень плохим дядей.

— А теперь плохой дядя умер?

— Да, Мем, он умер. Теперь мы можем спать спокойно.

Я погнал лошадей вдоль берега вслед за уходящей флотилией. Когда наконец поравнялся с ладьей Крата, тот узнал нас в чужеземной колеснице. Даже с такого большого расстояния было видно, как он изумлен. Позже рассказал, что думал, будто мы уже давно

находимся на борту одной из передовых ладей.

Покидая колесницу, я распряг лошадей и отпустил их. Потом мы вошли в воду и вброд дошли до маленькой лодки, которую Крат послал за нами.

ГИКСОСЫ не могли так просто отпустить нас. День за днем их колесницы преследовали флотилию по обоим берегам Нила. Оглядываясь назад, мы всякий раз видели за кормой «Дыхания Гора» тучи пыли над отрядами врага. Часто пыль смешивалась с черным дымом над городами и деревнями, расположенными по берегам реки и теперь разграбленными и сожженными гиксосами. Когда мы проходили мимо какого-либо египетского города, небольшая стайка лодок присоединялась к нашей флотилии. С каждым днем она увеличивалась.

Когда ветер становился неблагоприятным, отряды колесниц догоняли нас. Тогда сверкающие экипажи неслись на наших глазах по обоим берегам реки, и мы слышали грубые, но бессильные насмешливые выкрики. Вечный Нил защищал нас, как и многие столетия назад. Потом снова устанавливался северный ветер, и мы уходили вперед, а тучи пыли отставали, уплывая к северному горизонту.

— Лошади не смогут долго преследовать нас, — сказал я Тану утром двенадцатого дня.

— Не надейся на это. Салита влекут сокровища фараона Мамоса и законный наследник престола, — просто ответил Тан. — Золото и власть чудеснейшим образом придают силы и решимость человеку. Мы еще встретимся с этим варваром.

На следующий день ветер переменялся, и колесницы медленно догнали и перегнали первые лодки флотилии, приближающиеся к воротам Хапи, первому из коридоров в отвесных скалах, которые сжимали реку ниже Элефантины. Между высокими стенами скал Нил сужался до ширины не более четырехсот шагов от берега до берега, и черные гранитные утесы вздымались в небо прямо из бурной воды. Течение выталкивало нас из ворот, и скорость ладей начала снижаться. Тан приказал сменить гребцов.

— По-моему, ты прав, Таита. Именно здесь они будут ждать, — мрачно сказал он и почти в тот же момент протянул руку к скалам. — Вон они.

«Дыхание Гора», возглавлявшая флот, уже входила в ворота Хапи, и нам пришлось вскинуть головы, чтоб посмотреть на вершины скал. Снизу фигурки лучников гиксосов на высоких утесах казались коротенькими толстоногими карликами.

— С такой высоты нас достанут стрелой от берега до берега, — пробормотал Тан. — Мы будем легкой добычей большую часть дня. Всем придется трудно, особенно женщинам и детям.

Проход через ворота Хапи оказался гораздо труднее, чем предполагал Тан. Первая же стрела, выпущенная с утесов, описала в воздухе темную дымную дугу и с шипением ушла в воду в какой-то пяди от носа нашей ладьи.

— Зажигательные стрелы, — кивнул Тан. — Ты снова оказался прав, Таита. Этот варвар быстро учится.

— Обезьяны легко усваивают новые штуки. — Я ненавижу гиксосов не меньше самого грубого вояки в нашем флоте.

— Сейчас посмотрим, могут ли твои насосы качать воду на корабли так же, как они выкачивают ее из трюмов, — сказал Тан.

Я ожидал атаки зажигательными стрелами, и последние четыре дня мы переделывали ладьи, которые Тан оборудовал водяными насосами моего изобретения. Теперь перед входом в ворота Хапи каждый из наших кораблей подходил к ним. Тан приказывал кормчим спустить паруса, и моряки начинали качать воду на палубу и снасти. Затем они наполняли кожаные ведра водой и расставляли их по палубе, чтобы те были под рукой. После этого одна из ладей сопровождала корабль в гранитном коридоре реки под дождем зажигательных стрел гиксосов.

Флотилии потребовалось два дня, чтобы пройти через ворота Хапи, так как высокие скалы закрывали ветер. В ущелье было жарко, и каждой ладье приходилось идти на веслах

против сильного течения. Стрелы летели в нас красивыми искрящимися дугами и со стуком впивались в мачты и палубы. Вонзившись, каждая из них вспыхивала, и нам приходилось тушить небольшой пожар, передавая ведра с водой по цепочке или качая воду насосом сопровождающей лодки. Мы ничем не могли ответить гиксосам, потому что лучники сидели на высоких утесах: выше полета стрелы из наших слабых луков. Когда Ремрем попытался высадиться на берег и скинуть их с этих насестов, они без труда остановили его воинов и заставили с большими потерями отступить на ладьи.

Корабли, преодолевшие коридор Хапи, были покрыты темными обгорелыми пятнами. Многие оказались не столь удачливыми. Пламя, вспыхивавшее на борту, побеждало ведра и насосы и пожирало корабль. Его приходилось бросать, и он начинал дрейфовать вниз по течению, причиняя адские муки остальным ладьям флотилии. В большинстве случаев нам удавалось снять команду и пассажиров до того, как пожар охватит корабль, но иногда было уже поздно. Крики женщин и детей, охваченных огнем, до сих пор раздаются в моих ушах, и кровь стынет в жилах. Я никогда не забуду один образ того ужасного дня: молодая женщина прыгнула с палубы горящей барки в воду, а волосы ее полыхали, как брачный венец.

В воротах Хапи мы потеряли пятьдесят кораблей. Черные флаги были подняты на каждой ладье, когда мы подошли к Элефантине, но теперь гиксосы, казалось, устали преследовать нас, скача за флотилией вдоль реки. Тучи пыли, стоявшие на северном горизонте, исчезли, и мы получили передышку. Теперь мы могли оплакать наших мертвых и починить корабли.

Однако никто не верил, что варвары оставят нас в покое. Сокровища фараона — слишком заманчивая добыча. Они не могли отказаться от нее.

ВЫНУЖДЕННЫЕ проводить все время на палубе ладьи, мы с царевичем Мемноном часто сидели вместе под навесом на кормовой надстройке. Мальчуган жадно слушал мои рассказы или смотрел, как я придумывал и вырезал из дерева первую модель нового лука для нашего войска, такого же, как кривой лук гиксосов. Он уже научился старой доброй детской хитрости и постоянно задавал вопросы, чтобы я не отвлекался.

— А теперь что ты делаешь, Тата?

— Я делаю новый лук.

— Лук? А зачем?

— Ладно, сейчас я тебе расскажу. Наши простые дугообразные луки не только слабы, но и плохи. Их нельзя использовать на колесницах. — Он внимательно и серьезно слушал меня. Даже когда царевич был еще совсем ребенком, я не пытался сюсюкать и всегда обращался с ним как с равным. Если мальчик иногда и не понимал моих слов, то хотя бы привыкал к моему голосу. — Теперь я совершенно уверен, что наше будущее связано с лошадьми и колесницами. Ваше царское высочество наверняка согласны со мной. — Я поглядел на него: — Ты ведь любишь лошадей, Мем?

Этот вопрос он прекрасно понял и горячо закивал:

— Я люблю лошадей, особенно Терпение и Клинка.

Я уже заполнил три свитка своими размышлениями и рисунками, посвященными тому, как лучше пользоваться новыми средствами ведения войны. Мне хотелось подробнее обсудить их с Таном, но Великий Лев Египта очень неохотно и поверхностно интересовался вопросами конницы.

— Строй себе эти проклятые штуки, если они тебе нужны, но не болтай о них лишнего, — говорил он.

Царевич гораздо охотнее слушал меня. Пока я работал, мы вели долгие беседы, которые принесли свои плоды много лет спустя. Мемнон всегда предпочитал общество Тана моему, но я не намного отставал от Тана в его глазах, и поэтому мы всегда были счастливы проводить время вместе.

С самого начала Мемнон развивался чрезвычайно быстро и был очень умным ребенком, а под моим влиянием таланты его стали расти гораздо быстрее, чем у кого бы то

ни было из моих прежних учеников. Даже моя госпожа в его возрасте училась не так быстро.

Я сделал Мемнону игрушечный лук новой конструкции. Он почти мгновенно овладел им и скоро научился стрелять на всю длину палубы ладьи, что приводило в замешательство рабынь и нянек, которые обычно и становились его мишенями. Никто из них не смел прятаться, когда царевич брал в руки лук, а он почти без промаха бил по соблазнительной паре ягодиц с расстояния в двадцать шагов.

После лука любимой игрушкой стала миниатюрная колесница и лошади, которых я вырезал из дерева. Я даже сделал маленькую фигурку колесничего, ее можно было поставить в колесницу и вложить ей в руки вожжи.

Царевич сразу назвал куколку Мемом, а лошадей — Терпением и Клинком. Он без устали ползал по палубе лодки, толкая впереди себя колесницу, и изображал соответствующие звуки. Цокал языком и кричал: «Но! », «Тпру! »

Для своего возраста Мемнон был очень наблюдательным. Его темные внимательные глаза ничего не упускали. Поэтому я ничуть не удивился, когда он первым из всей команды «Дыхания Гора» заметил странную фигуру на правом берегу реки.

— Лошади! — закричал мальчик, а через некоторое время добавил: — Смотри, смотри, это Гуи!

Я подбежал к нему, и сердце мое чуть не выскочило из груди. Он был прав. Гуи мчался галопом к нам навстречу верхом на Клинке по берегу реки.

— Гуи провел лошадей к Элефантине. Я прощаю ему за это все его глупости и прегрешения. Гуи спас моих лошадей, — сказал я.

— Я очень горжусь Гуи, — серьезно добавил царевич, точно изобразив мои произношение и интонацию.

Госпожа моя и все окружающие громко рассмеялись.

ДОБРАВШИСЬ до Элефантины, мы получили небольшую передышку. Вот уже много дней не было никаких признаков преследующих нас колесниц, и новая надежда поселилась на флоте и в городе. Люди даже стали говорить, что нужно отказаться от бегства на юг и, оставшись здесь, перед порогами, собрать новое войско, которое сможет противостоять захватчикам. Я не позволил госпоже довериться соблазнительному обману, который пустил корни в столь слабой почве. Я убеждал ее, что видения лабиринтов показали нам истинный путь и что судьба наша ждала нас на юге. Тем временем ни на секунду не замедлял приготовлений к путешествию. Наверное, меня уже охватила жажда странствий и приключений, и она влекла гораздо сильнее, чем необходимость спастись от гиксосов.

Мне хотелось увидеть, что лежит за порогами Нила. После работы на пристанях я целые ночи проводил в дворцовой библиотеке, читая рассказы людей, которые сделали первые шаги в неведомое до нас.

Они писали, что у реки нет конца и что она бежит с самого края земли. Уверяли, что за первым порогом существует еще один, более чудовищный, который не может преодолеть ни человек, ни корабль. Утверждали, что путь от первого порога до следующего занимает целый год, а река продолжается и за этим порогом.

Я хотел увидеть это. Больше всего на свете хотел увидеть, откуда течет великая река, основа нашей жизни.

Когда же я наконец засыпал над свитками при свете ламп, мне снился образ приветствующей нас богини, которая сидит на горе и из влагилица которой текут две струи воды. Хотя спал я мало, на рассвете просыпался бодрым и свежим и снова спешил на пристань, чтобы продолжить приготовления к путешествию.

К счастью, большая часть канатов для флота изготовлялась в мастерских Элефантины. Поэтому я мог выбирать лучшие канаты в стране. Одни были толщиной с палец, другие — с бедро, и я заполнил ими все свободное пространство в трюмах кораблей, еще не занятое припасами. Я понимал, как они нам понадобятся, когда мы пойдем через пороги.

Нет ничего удивительного в том, что на Элефантине подняли головы те из нас, кто был

слаб духом и чья решимость поколебалась. Испытав лишения дальнего путешествия, многие решили, что сдаться на милость гиксосов предпочтительнее путешествию в глубь раскаленной пустыни юга, где их будут подстерегать дикари и невиданные звери.

Когда Тан узнал, что тысячи подданных хотят покинуть флот, то рассвирепел.

— Проклятые предатели и изменники, я знаю, что с ними делать! — криво усмехнулся он и предложил загнать их на корабли войсками.

Сначала моя госпожа поддержала его, но по другой причине. Беспокоилась о благополучии подданных. А кроме того, она дала обет не оставлять никого на милость гиксосов.

Я спорил с ними половину ночи, прежде чем убедил их, что лучше избавиться от тех, кто не хочет следовать за нами.

В конце концов царица Лостра издала указ, в котором говорилось, что каждый, кто хочет остаться в Элефantine, может сделать это. Однако она добавила кое-что к тексту указа от себя. Указ прочли вслух на каждой улице города и на пристанях, где стояли наши корабли.

«Я, царица Лостра, правительница Египта, мать царевича Мемнона, наследника двойной короны обоих царств, даю народу своей страны торжественное обещание. Я клянусь перед всеми богами и призываю их засвидетельствовать мою клятву: я клянусь, что по достижении царевичем совершеннолетия я вернусь с ним в город Элефантину, возведу его на трон Египта и возложу на его голову двойную корону, чтобы он изгнал поработителей и милостиво правил вами всю свою жизнь. Я, царица Лостра, правительница Египта, говорю вам это».

Этот ее указ и клятва умножили стократно любовь и верность простого народа к моей госпоже и царевичу. Я сомневаюсь, чтобы за всю тысячелетнюю историю нашей страны какой-нибудь ее правитель был так обожаем народом.

Когда составили списки тех, кто желает отправиться с нами за пороги, я без малейшего удивления заметил, что в них вошли почти все, чья верность и чьи таланты были особенно ценны.

Тех, кто пожелал остаться в Элефantine, мы могли оставить без особой печали. Прежде всего это касалось жрецов.

Однако время показало, что оставшиеся в Элефantine тоже доказали свою преданность. После долгих лет нашего исхода мы получили от них сведения о состоянии страны, и, что гораздо важнее, они поддерживали пламя надежды в сердцах народа, надежды на возвращение царицы Лостры и царевича Мемнона и хранили память о ней.

Постепенно за долгие и горькие годы тирании гиксосов легенда о возвращении царевича распространилась по обоим царствам, и весь народ Египта от первого порога до семи устьев дельты поверил в возвращение царевича и молился в ожидании этого дня.

ГУИ привел лошадей к Элефantine и держал их в полях на западном берегу под оранжевыми дюнами пустыни. Мы с царевичем ездили туда каждый день, и, хотя Мемнон становился все тяжелее, он по-прежнему сидел у меня на плечах, чтобы дальше видеть.

Теперь Мемнон знал своих любимцев по имени, а Терпение и Клинок подходили к нему и брали из его рук лепешки, когда он подзывал их. Когда же мальчуган в первый раз сам прокатился на спине Терпения, кобыла обращалась с ним так бережно, как будто он был ее собственным жеребенком, а царевич, крича от радости, скакал в первый раз верхом без посторонней помощи.

За время похода Гуи узнал многое об управлении табунами в пути, и теперь пригодились новые навыки, когда мы стали планировать новый этап нашего путешествия. Я объяснил Гуи ту роль, которую лошади должны были сыграть при прохождении порога, и посадил его колесничих и конюхов за изготовление упряжи.

При первой же возможности мы с Таном отправились вверх по реке на разведку порогов. Вода стояла низко, и все скалистые островки торчали наружу. Местами протоки между ними были настолько мелкими, что их можно было перейти вброд, не окунаясь с головой.

Порог тянулся на много миль, представляя собой беспорядочное переплетение протоков, разделенных грудками гранитных скал. Протоки вились между ними, как змеи. Один вид порога лишил меня обычной бодрости и напугал сложностью стоявшей перед нами задачи.

Тан сказал с обычной грубой прямоотой:

— Здесь даже маленькую лодку не провести, не пропоров брюха. А что нам делать с перегруженными кораблями? Тащить их по суше на спинах твоих проклятых лошадей? — Он рассмеялся. Однако веселья я в его смехе не услышал.

Мы отправились обратно в Элефантину, но еще до возвращения в город я решил, что у нас только один выход: придется сойти с кораблей и идти по суше. Разумеется, трудно даже вообразить те трудности, которые нас ожидают. Однако, по моим оценкам, получалось, что мы можем снова собрать флотилию за порогом.

Вернувшись во дворец на Элефантине, мы сразу отправились в покои царицы Лостры, чтобы сообщить ей о результатах разведки. Она выслушала и покачала головой.

— Богиня не могла покинуть нас так скоро, — сказала Лостра и повела нас со всем своим двором в храм Хапи на южном конце острова.

Царица принесла щедрую жертву богине. Мы молились ей всю ночь и просили научить нас.

Я не верю, что благосклонность богов можно купить, перерезав горло несколькими козам или разложив гроздь винограда на каменном алтаре, однако молился не менее ревностно, чем верховный жрец, и к рассвету ягодицы мои ужасно болели от сидения на каменном полу.

Как только лучи восходящего солнца проникли в ворота святилища и осветили алтарь, госпожа послала меня в шахту Ниломера. Не успел я дойти до нижней ступени, как вдруг почувствовал, что стою по колено в воде.

Хапи услышала наши молитвы. Хотя до обычного половодья оставалось еще несколько недель, вода в реке начала подниматься.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, когда начался подъем воды, быстрая разведывательная ладья, посланная Таном на север следить за передвижениями гиксосов, пришла вверх по реке на крыльях северного ветра. Гиксосы снова выступили в поход. Они будут в Элефантине через неделю. Вельможа Тан немедленно отправился с главным войском готовиться к обороне порогов, оставив вельможу Меркесета и меня наблюдать за погрузкой людей. Мне удалось оторвать вельможу Меркесета от его молодой женушки ровно настолько, чтобы он подписал приказы, тщательно подготовленные мной.

На этот раз нам удалось избежать хаоса и паники, охвативших народ в Фивах, и флот наш приготовился к отплытию и ушел из города в полном порядке.

Пятьдесят тысяч египтян стояли по обоим берегам реки, плача и распевая гимны Хапи. Они махали пальмовыми ветвями, прощаясь с нами. Царица Лостра стояла на носу «Дыхания Гора» с маленьким царевичем, и оба махали руками толпам людей на берегах, пока ладья медленно уходила вверх по реке.

В двадцать один год госпожа моя достигла вершины своей красоты, и всеми, кто глядел на нее, овладевало благоговение. Красота ее повторялась в ребенке, стоявшем рядом с ней и державшем посох и плеть Египта в маленьких, но решительных ручках.

— Мы вернемся! — кричала госпожа.

— Мы вернемся, ждите нас! Мы вернемся, — повторял за ней царевич.

Легенда, которая будет поддерживать силы нашей несчастной и поработанной страны в мрачные годы иноземного владычества, родилась в тот день на берегах великой реки.

КОГДА МЫ ДОСТИГЛИ входа в порог к следующему полудню, усеянное скалами дно ущелья покрывал гладкий, стремительный поток. Местами вода бурлила и гремела под саваном белой пены, но половодье еще не достигло вершины своей ужасной мощи.

Именно этот момент в жизненном цикле реки был наиболее благоприятен для нас. Вода стояла достаточно высоко, и корабли могли пройти по протокам, не застряв на отмелях, и в то же время течение было не настолько сильным, чтобы разбить их в щепки на гранитных уступах порогов.

Тан управлял флотом, а мы с Гуи под формальным руководством вельможи Меркесета командовали береговым отрядом. Я усадил веселого старика на вершине холма над ущельем с кувшином вина в одной руке и молодой женой в другой. Там он и оставался под навесом. Я не обращал внимания на те сбивчивые и противоречивые приказы, которые благородный вельможа посылал мне время от времени все эти дни, а продолжал заниматься проводкой кораблей через бурные стремнины.

Самые толстые канаты мы протянули вдоль берега и запрягли в них наших лошадей упряжками по десять. Мы быстро обнаружили, что можем одновременно гнать вперед десять упряжек или сто лошадей, пристегнув их к главным канатам. С большим количеством лошадей трудно было бы управиться.

Помимо лошадей почти две тысячи человек тянули дополнительные и направляющие канаты. Людей и лошадей меняли каждый час, чтобы сил у них хватило надолго. На каждом опасном повороте или изгибе реки мы разместили на берегу группы людей с длинными шестами, которыми они должны были отталкивать ладьи от скал, когда те будут проходить мимо. Такие же команды мы высадили на гранитных островках.

Наш народ был рожден на берегах реки и понимал нрав родного Нила лучше, чем собственных жен. Мы с Таном разработали систему сигналов между ладьями и берегом, которые подавались горном. Она действовала гораздо лучше, чем я ожидал.

На бортах ладей моряков также вооружили шестами, чтобы отталкиваться от скал. Во время работы они пели древние песни корабельщиков. «Дыхание Гора» первой должна была пройти через порог. Под звуки песен и крики погонщиков лошадей, смешивающиеся с гулом воды в ущелье, мы потащили корабль вперед, и его нос направился в первую протоку с гладкой стремительной водой.

Огромная зеленая волна встала под носом ладьи, однако наша решимость пересилила мощь воды, и две тысячи человек и сотня лошадей потащили ее вперед. Мы провели «Дыхание Гора» через первую стремнину, и под наши радостные крики она выскользнула на глубокий спокойный плес.

Однако впереди нас ждали еще шесть миль порогов. Мы сменили людей и лошадей и потащили корабль дальше, по бурному, кипящему потоку, где скалы торчали из воды, как головы гигантских гиппопотамов, готовых расколоть хрупкие борта гранитными клыками. Мы провели судно по шести милям адских стремнин, где каждая скала грозила смертью и разрушением. Но канаты держались, а люди и лошади, меняясь, тянули ладью вверх по течению.

Моя госпожа шла вдоль берега рядом с потными бурлаками. Даже под знойным солнцем пустыни она казалась свежей и прохладной, как цветок, а ее смех и шутки ободряли работников. Она пела вместе с ними рабочие песни, и я временами тоже вступал в этот хор. Иногда мы на ходу придумывали новые слова. Люди смеялись и тянули канаты с новой силой.

Царевич Мемнон ехал на спине Клинка, на первой, ведущей упряжке лошадей. Гуи завязал веревку вокруг груди лошади позади передних ног, чтобы царевичу было за что ухватиться, потому что ножки Мемнона были еще слишком короткими и он не мог держаться ими. Они смешно торчали по бокам широкой спины лошади. Царевич гордо махал рукой отцу, стоявшему на кормовой надстройке ладьи.

Когда же мы наконец вышли на глубокие, спокойные воды Нила выше порога, рабочая

песня корабельщиков сменилась гимном Хапи, которая провела ладью через пороги.

Вернувшись на борт «Дыхания Гора», госпожа вызвала к себе старшего каменщика. Она приказала вырубить обелиск на высокой скале у выхода из порога. Пока все работали над проводкой остальных кораблей, каменщики огнем и резцом поднимали высокую и стройную колонну пятнистого камня, вырубая ее из материковой скалы. Высвободив силуэт стелы, они вырубили на колонне слова, продиктованные моей госпожой. Используя особый иероглиф фараона, объединили имя царицы и ее сына в одном рисунке.

С КАЖДЫМ шагом мы становились все опытнее в проводке лодок через пороги. Нам потребовался целый день, чтобы провести «Дыхание Гора» через все стремнины. К концу следующей недели мы проводили ладьи вдвое быстрее, и одновременно через пороги шло пять или шесть кораблей. Подобно царской свите, ладьи одна за другой нос к корме выходили из порогов на гладкий плес. Десять тысяч человек и почти тысяча лошадей трудились одновременно.

На гладкой воде выше порогов уже стояло на якоре больше сотни ладей, когда гиксосы снова напали на нас.

Царя Салита задержало разграбление города Элефантины. Кроме того, он не сразу понял, что мы ушли вверх по реке с основной частью сокровищ фараона в трюмах наших кораблей. Гиксос знал о реке столько, сколько ему рассказали шпионы и вельможа Интеф, а они убедили его, что пороги представляют собой непроходимый для ладей барьер. Поэтому он позволил себе задержаться в Элефантине, прежде чем снова пуститься за нами в погоню.

Разграбив город и дворец на острове, Салит обещал щедро наградить своих осведомителей и под пыткой пытался вырвать у египтян сведения о сокровищах и царевиче. Граждане Элефантины честно служили своему монарху. Они долго держались под пыткой и дали флотилии время уйти подальше и завершить проводку судов через порог.

Разумеется, это не могло продолжаться вечно. В конце концов какой-то бедняга не выдержал пыток. Царь Салит запряг своих лошадей и снова помчался за нами к ущелью первого порога.

Тан хорошо подготовился к встрече с ним. Под его руководством Крат, Ремрем и Аст тщательно оборудовали позиции наших войск. Каждый, кто не был занят на проводке кораблей, был послан на защиту ущелья.

Пересеченная местность оказалась лучшим нашим союзником. Склоны ущелья были крутыми, а дно усыпано обломками скал. Только узкая тропа вилась вдоль берега между осыпями огромных камней. На каждом повороте реки у берега вздымались высокие изрытые пещерами обрывы, и каждый из них был превосходной природной крепостью.

В узком ущелье колесницам не хватало места для маневра, а отойти от реки и пойти в обход ущелья по пустыне они не могли — там не было ни воды, ни пищи для лошадей. Песчаные равнины коварны. Тяжелые колесницы застревают в сыпучем песке, их потеряли бы среди песчаного бездорожья. У гиксосов не было выбора: им пришлось узкой колонной идти за нами по прибрежной тропе.

У Крата было более чем достаточно времени, чтобы улучшить природные оборонительные свойства местности. Он построил множество каменных стен там, где их легче защищать. На скалах над этими укреплениями разместил лучников и установил кучи камней, которые можно было свалить на головы врага по приказу.

Когда авангард гиксосов пошел вверх по ущелью, его встретил град стрел из обнесенного каменными стенами укрепления на высокой скале. Когда они сошли с колесниц и пошли разбирать завалы, Крат крикнул своим воинам, те выбили клинья из-под кучи огромных камней на краю пропасти, и лавина понеслась вниз.

Камни с грохотом катились на гиксосов, сметая людей, колесницы и лошадей в кипящие стремнины Нила. Стоя на вершине скалы рядом с Кратом, я видел, как их головы то исчезали, то появлялись снова в бурной воде порогов, слышал далекие отчаянные вопли, которые эхо разносило по ущелью, пока тяжелые доспехи не топили несчастных.

Царь Салит был упорен. Он посылал вперед на расчистку дороги новые и новые отряды. Снова и снова карабкались они вверх по скалам, чтобы сбить наших воинов с высот. Гиксосы терпели огромные потери в лошадях и людях, мы же оставались практически неуязвимыми. Когда они под потоком наших стрел взбирались на скалы в тяжелых бронзовых доспехах, Крат приказывал своим людям перейти на другие, заранее подготовленные позиции, прежде чем гиксосы успевали добраться до них.

Конец сражения был ясен. Не пройдя и половины ущелья, царь Салит отказался от преследования.

Тан и моя госпожа стояли вместе с нами на вершине скалы, когда гиксосы начали отступать. Дорога позади них была усеяна обломками колесниц и упряжи — обычным мусором сражения.

— Пусть трубят трубы! — приказал Тан, и эхо разнесло по ущелью насмешливо-торжественные звуки труб, провожающие отряды гиксосов. Последней в жалкой цепочке конницы шла позолоченная, сверкающая колесница самого Салита. С вершины скалы я разглядел рослого варвара в высоком бронзовом шлеме, густая борода потоком спускалась на грудь. Он поднял свой меч в правой руке и потряс им. Лицо искажала бессильная злоба.

Мы смотрели ему вслед, пока он не скрылся из глаз. Затем Тан послал разведчиков проследить за ними до Элефантины. Если это отступление окажется военной хитростью, нас предупредят. В глубине души я знал, что Салит не вернется. Хапи выполнила свое обещание и снова защитила нас.

Потом мы повернулись и пошли по козьей тропе над пропастью туда, где стояла на якоре наша флотилия.

КАМЕНЩИКИ закончили работу над обелиском. Я отметил его пропорции и форму на материковой скале до того, как они сделали первый удар резцом, поэтому линии монумента были столь изящны и приятны глазу. Он представлял собой колонну из цельного гранита в три человеческих роста. И казался намного выше, чем был на самом деле, когда его поставили на вершине утеса над последней стремниной порога в знак нашего торжества. Весь наш народ собрался под ним, и царица Лостра посвятила этот камень богине реки. Она прочла вслух надпись, выбитую каменщиками на полированном камне.

«Я, царица Лостра, правительница Египта и вдова фараона Мамоса, восьмого фараона этого имени, мать наследника короны Мемнона, который будет править обоими царствами после меня, приказала возвести этот монумент.

Этот камень — моя клятва всему народу Египта в том, что я вернусь из неведомых земель в свою страну, откуда меня изгнал варвар.

Обелиск этот поставлен здесь в первый год моего правления, девятисотый год после постройки великой пирамиды фараона Хеопса.

Пусть же камень этот стоит здесь так же прочно и несокрушимо, как и великая пирамида, до тех пор, пока я не вернусь и не выполню свою клятву».

Затем на виду у всего народа она возложила «Золото доблести» на плечи Тана, Крата, Ремрема, Аста и всех тех героев, чьи труды помогли провести корабли через пороги.

Последним она позвала меня, и я опустился перед ней на колени. Она прошептала так, чтобы я один слышал ее:

— Как могла я позабыть тебя, мой милый, верный Таита? Мы бы вряд ли смогли преодолеть столько препятствий без твоей помощи, — и легонько коснулась моей щеки. — Я знаю, как ты обожаешь блестящие безделушки.

И она повесила мне на шею тяжелое «Золото похвалы». Позже я взвесил его — в нем оказалось тридцать дебенов золота, что на пять дебенов больше, чем в цепи, возложенной на меня фараоном.

Мы спускались вниз по склону ущелья. Я шел рядом со своей госпожой и держал

опахало из страусиных перьев над ее головой, прикрывая от солнца, и она много раз улыбнулась мне. Каждая улыбка была для меня дороже самой тяжелой золотой, цепи, когда-либо отягощавшей мои плечи.

На следующее утро мы взошли на борт «Дыхания Гора», и ее нос снова повернул к югу. Долгое путешествие началось.

МЫ ОБНАРУЖИЛИ, что вид и нрав реки изменился. Она больше не текла спокойно и широко, как тот Нил, который кормил нас. Река стала суровой и мощной. В ней было мало нежности и сочувствия. Она стала уже и глубже. Берега ее с обеих сторон стали круче. Ущелья и сухие овраги разрезали каменистые склоны. Мрачные, темные утесы хмуро глядели на нас с высоты. Пойма в некоторых местах сужалась настолько, что лошадям, скоту и овцам приходилось идти в один ряд по грубой козьей тропе вдоль обрывистого, скалистого берега. Кое-где тропа исчезала полностью, и крутые скалы отвесно уходили в глубокие воды Нила. Тогда пути вперед для стад больше не было. Гуи приходилось загонять животных в реку и вплавь переправляться на противоположный берег. Там скалы обычно отступали, и берег оставался проходимым.

Шли недели, а мы почти не встречали признаков человеческого присутствия. Однажды наши разведчики нашли на песчаной косе источенную червями лодку, выдолбленную из цельного ствола дерева. В пойме мы как-то обнаружили маленькое скопление брошенных хижин. Провалившиеся крыши были крыты тростником, а стен не было. Вокруг мы нашли только остатки коптилен для рыбы и пепелища костров. Это было все. Мы не обнаружили ни осколков глиняной посуды, ни бус, по которым можно было определить, что за люди жили там.

Нам не терпелось найти племена Куша, так как мы нуждались в рабах. Наша цивилизация основана на рабовладении, а из Египта нам удалось вывести очень мало рабов. Тан посылал вперед разведчиков, чтобы заблаговременно узнать о поселениях людей и организовать охоту на рабов. Без всякой иронии я много времени уделял планированию захвата рабов, хотя сам был таковым.

Богатство измеряется в четырех видах товаров: земле, золоте, рабах и слоновой кости. Мы считали, что земли, лежащие перед нами, богаты всеми четырьмя. Только эти богатства придадут нам достаточно сил, чтобы вернуться и изгнать гиксосов с родины. Поэтому нам необходимо было найти их в неведомых землях, куда несли нас ладьи.

Царица Лостра посылала своих золотоискателей в холмы, окружающие реку. Они карабкались по сухим руслам и ущельям, скребли скалы и отбивали комья сухой глины во всех подходящих местах, откалывали кусочки камней, размалывали их в порошок и мыли в мелких глиняных блюдах, надеясь обнаружить на дне сверкающий драгоценный осадок.

Царские охотники отправлялись на поиски дичи, которой они кормили множество людей. Они искали также первые следы тех самых огромных серых зверей, в пасти которых растут драгоценные бивни слоновой кости. Я обшарил всю флотилию в поисках человека, который видел бы когда-либо слона живым или мертвым, но тщетно. Хотя зубы слона обычны во всем цивилизованном мире, я не нашел никого, кто мог бы мне помочь. Странное и необъяснимое волнение охватывало меня при мысли о первой встрече с этими сказочными животными.

В диких землях по берегам реки обитало множество живых существ. Одни были знакомы нам, другие — совершенно неизвестны и новы.

Повсюду, где по берегу реки рос камыш, паслись стада гиппопотамов, лежавших на отмелях, подобно круглым гранитным скалам. После долгого и основательного теологического спора мы никак не могли прийти к единому мнению о том, принадлежат ли эти животные богине Хапи здесь, как и в нижнем течении реки, или же они являются царской дичью, принадлежащей короне. Жрецы Хапи придерживались первой точки зрения. Остальные же, кому нравилось жирное, нежное мясо этих животных, отстаивали противоположное мнение.

Так уж случилось, что именно тогда богиня Хапи изволила явиться мне в одном из знаменитых моих снов. Мне приснилось, как она поднимается из зеленых вод Нила и, благосклонно улыбаясь, кладет в руку моей госпожи маленького гиппопотама, размером не больше дикой куропатки. Как только я проснулся, тут же передал суть этого странного и волнующего сна царице. К этому времени госпожа стала безоговорочно принимать мои сны и предсказания как проявления воли богов. Все остальные наши спутники следовали ее примеру.

В тот же вечер мы устроили пир, пожарив сочные куски мяса речных коров на открытых углях костров, разложенных на берегу, у которого стали на якорь наши ладьи. Моя слава и любовь ко мне, уже достаточно высокая во всей флотилии, только увеличились после этого сна. Одни жрецы Хапи не разделяли общих теплых чувств ко мне.

Река кишела рыбой. Ниже порога народ наш ловил ее тысячу лет, а может быть, и больше. Здесь же воды реки оставались нетронутыми людьми и их снастями. Мы ловили огромных голубых окуней толще самого крупного человека и гигантских зубаток с усами длиной с руку; они были так мощны и тяжелы, что сетью их невозможно было поймать. Легким движением громадного хвоста рвали пеньковые веревки, как паутину. Наши рыбаки охотились на них на мелководье с копьями, как на речных коров. Их жарили на вертеле, и жир капал в огонь с желтого мяса, а одна рыба могла накормить пятьдесят человек.

На высоких скалах, нависших над рекой, гнездились орлы и стервятники. Снизу гнезда казались комьями хвороста, застрявшими в расщелинах во время половодья, а испражнения огромных птиц окрашивали скалы под гнездами блестящими белыми полосами. Птицы парили над нами на широких крыльях, кружа и покачиваясь в струях горячего воздуха, поднимающегося от черных скал ущелья.

С высоких скал на нас презрительно и царственно взирали стада диких коз. Тан каждый день отправлялся в скалы охотиться на них, но прошло много недель, прежде чем ему удалось подстрелить хотя бы одну. У коз были зоркие глаза стервятника, а по скалам они карабкались с ловкостью ящериц, без труда взбираясь по вертикальной гранитной стене.

Старый баран ростом доходил до плеча человека. Борода, казалось, мела скалу у ног, а рога мощной дугой вились над головой. Тану удалось подбить его стрелой, пустив ее через глубокую пропасть с одной вершины на другую. Когда баран полетел вниз, он много раз перевернулся в воздухе, прежде чем упал на каменистое дно ущелья.

Зная мой страстный интерес к подобным вещам, Тан разделал тушу, снял шкуру и отдал мне голову и рога. Даже ему едва хватило сил, чтобы принести добычу к лодке с крутых, грозящих смертью утесов. Я вычистил и отделал череп и установил его на носу нашей ладьи, и мы поплыли вперед в неведомую даль.

ШЛИ МЕСЯЦЫ, и вода в реке начала спадать. Когда мы проходили мимо отвесных утесов, то видели, как отступающая вода оставляла на них свои следы, и каждое из предшествующих половодий ставило отметину.

По ночам мы с царевичем Мемноном допоздна изучали небо, освещенное молочным сиянием звезд, если, конечно, его мать разрешала нам. Я рассказывал царевичу об именах и природе каждого из этих яростных огоньков и о том, как они влияют на судьбу человека, родившегося под ними. Изучая небесные тела, я определил, что река больше не ведет нас прямо на юг, а отклоняется к западу. Мои наблюдения вызвали горячий спор среди ученых и мудрецов.

— Река ведет нас прямо к западным полям рая, — предположили жрецы Осириса и Амона-Ра.

— Это уловка Сета. Он хочет смутить и запутать нас, — возражали жрецы Хапи, которые до сего времени пользовались незаслуженно большим влиянием на наших советах. Царица Лостра — дитя Хапи, и теперь все, или по крайней мере большинство из нас, признавали в Хапи покровителя нашего похода. Ее жрецы злились на то, что их позиции ослабляются легкомысленным поведением реки.

— Скоро река снова повернет на юг, — предвещали они. Меня всегда приводит в ужас то, как беспринципные люди манипулируют желаниями богов, чтобы те совпадали с их собственными.

Прежде чем смогли разрешить этот спор, мы подошли ко второму порогу.

Это было последнее место, куда ступала нога цивилизованного человека, и никто не знал, что ожидает нас дальше. Когда разведчики осмотрели пороги, мы поняли, почему никто не преодолел их. Стремнины здесь были длиннее и опаснее тех, которые мы уже прошли.

На обширном участке течение Нила разрезали несколько больших скалистых островов и множество мелких островков. Вода стояла низко, и дно ущелья было обнажено. Впереди нас на многие мили простирался лабиринт усеянных скалами протоков и каналов. С благоговейным страхом взирали мы на грозное величие порога.

— Откуда нам знать, нет ли за этим порогом еще одного, а за ним еще и еще? — спрашивали те, кто слаб духом. — Мы растратим все свои силы, застрянем посередине порога и не сможем ни пойти вперед, ни вернуться назад. На следует повернуть назад, пока не поздно, — говорили они.

— Мы пойдем дальше! — приказала госпожа. — Кто хочет вернуться назад, может отправляться вниз по реке. Однако они не получают ни ладей, на которых смогут плыть, ни лошадей, которые проведут ладьи через первый порог. Им придется возвращаться самим, и я уверена — гиксосы приготовят сердечную встречу.

Никто не принял великодушное предложение госпожи. Вместо этого мы высадились на плодородные земли, которые со всех сторон сжимали узкие протоки на дне ущелья.

Брызги, поднимающиеся в воздух во время половодья, и вода, просачивающаяся в почву из реки в любое время года, превратили многие острова в густые леса, которые сверкали зеленью на фоне сухой и страшной пустыни, обступившей пойму реки. Невиданные доселе деревья выросли на этих островах из семян, занесенных половодьем, а Нил тысячи лет оставлял на их гранитных берегах плодороднейший ил.

Нам не стоило даже пытаться преодолеть порог до начала следующего половодья, пока уровень воды в реке не поднимется настолько, чтобы ладьи наши смогли пройти по мелким протокам, а до половодья оставалось еще много месяцев.

Наши крестьяне сошли на берег, расчистили землю и посадили семена, которые привезли с собой. Через несколько дней появились всходы, и под горячим солнцем пустыни растения, казалось, росли на глазах. Несколько месяцев спустя настала пора сбора урожая, и мы в огромных количествах поглощали сладкие фрукты и овощи, которых нам так не хватало с тех пор, как мы покинули Египет. Ропот, возникший было в народе, постепенно угас.

Острова эти оказались настолько привлекательными, а земля — настолько плодородной, что некоторые из нас захотели поселиться тут постоянно. К царице пришла группа жрецов Амона-Ра и попросила у нее разрешения возвести храм своему богу на одном из островов. Госпожа моя ответила так:

— Здесь мы путники. Все мы в конце концов вернемся в Египет. Таков мой обет, моя клятва, данная моему народу. Мы не будем строить храмы и постоянные жилища. Пока не вернемся в Египет, мы будем жить в шатрах и хижинах, как бедуины.

К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ в моем распоряжении оказалась древесина деревьев, которые росли на островах. У меня появилась возможность исследовать различные ее свойства. Древесина акации — упругая и прочная. Из нее получились самые лучшие спицы для моих колес — по крайней мере из тех сортов древесины, которые я испытал. Я посадил плотников и ткачей за сборку привезенных колесниц и изготовление новых из стволов бамбука, который рос на островах.

Плоская пойма на левом берегу реки ниже порога простиралась на несколько миль. Очень скоро отряды наших колесниц стали проводить учения на этой равнине. Спицы колес

по-прежнему ломались на большой скорости, но случалось это уже не так часто, как раньше. Мне опять удалось уговорить Тана забраться в колесницу. Однако он отказывался ездить с каким-либо другим возницей, кроме меня.

В то же время мне удалось изготовить первый удачный изогнутый лук, над которым я работал с тех самых пор, как мы оставили Элефантину. Как и Ланату, я изготовил его из трех различных материалов: дерева, слоновой кости и рога. Однако форма лука была иной. Со снятой тетивой он распрямлялся, и верхняя и нижняя части выгибались в противоположную от лучника сторону. Только с натянутой тетивой принимал он знакомую форму, но усилие ствола, передающееся на тетиву, было намного больше при меньших размерах дуги.

В ответ на мои мягкие, но настойчивые просьбы Тан в конце концов согласился пострелять из этого лука по мишеням, которые я установил на восточном берегу. Промолчал, выпустив из нового лука двадцать стрел, но я видел, что он поражен точностью и дальностью полета стрелы. Я так хорошо знал Тана. В душе своей это был консерватор и реакционер до мозга костей. Ланата стала его первой любовью: и как женщина, и как оружие. Я знал, как болезненно признает он новую любовь, и не пытался вытягивать из него похвалы. Я позволил ему поразмыслить на досуге.

Именно тогда наши разведчики сообщили о миграции сернобыков. Мы видели множество больших и малых стад этих великолепных животных с тех пор, как прошли первый порог. Обычно они паслись на берегах реки, но скрывались в пустыне, как только ладьи подходили к берегу. Теперь же разведчики сообщали о массовом передвижении сернобыков, которое редко случается в пустыне. Только однажды мне пришлось быть свидетелем подобного явления. По какому-то капризу погоды в глубине пустыни раз в двадцать лет может разразиться гроза и пройти дождь, и там в мокрой земле появляются ростки зеленой травы, которая привлекает разрозненные стада сернобыков с огромных пространств.

По дороге к новым пастбищам сернобыки собираются в один мощный поток, текущий по пустыне. Именно это и происходило сейчас, что давало нам возможность несколько разнообразить пищу и устроить серьезные испытания для наших колесниц.

Тан впервые проявил интерес к колесницам — ведь теперь на них можно было преследовать дичь. Когда он взбирался на колесницу, то взял с собой новый изогнутый лук, а не старую верную Ланату. Я заметил это, но промолчал. Я взбодрил лошадей и направил их вперед по узкой долине между холмами, ведущей от Нила в просторы пустыни.

В нашем отряде было пятьдесят колесниц, за которыми следовало около десятка повозок со сплошными деревянными колесами, нагруженных кормом для лошадей и водой на пять дней. Мы шли рысью в колонне по двое по три длины упряжки между рядами. Такой строй стал обычным для наших войск.

Чтобы снизить нагрузку на колесницы, мы сбросили всю одежду, оставшись в набедренных повязках. Воины наши выглядели превосходно после долгих месяцев работы на веслах. Их мускулистые тела покрывало масло, и они блестели на солнце, как тела молодых богов. Над каждой колесницей на длинном бамбуковом шесте развевался вымпел. Вид у нас был весьма бравый, когда мы катились вперед по козьей тропе между холмами. Когда я оглядывался на колонну колесниц, даже у меня, человека далеко не воинственного, возникало восторженное чувство.

Тогда я еще не сознавал, что гиксосы и исход из Египта пробудили в нашем народе новый, воинственный дух. Раньше мы были страной ученых, торговцев и жрецов, но теперь решимость царицы Лостры изгнать тирана и храбрость командующего всеми войсками фараона изменили настроение народа. Мы становились воинами.

Когда наша маленькая колонна выходила из ущелья между холмами и поднималась на гребень, из-за последней кучи камней на краю пустыни появилась маленькая фигурка, ожидавшая нас в засаде.

— Тпру! — Я остановил лошадей. — Что ты делаешь здесь, так далеко от флотилии?

Я не видел царевича со вчерашнего вечера и считал, что он находится в полной

безопасности под присмотром няnek. Я был поражен, когда увидел его здесь, посреди пустыни, и в голосе у меня чувствовалось возмущение. Царевичу не исполнилось еще и шести лет, но за плечами висел маленький игрушечный лук, а лицо выражало упрямство, которое часто появлялось на лице его отца, когда тот становился неукротимым.

— Я отправляюсь на охоту с вами, — сказал Мемнон.

— Нет, — возразил я. — Я немедленно пошлю тебя назад к матери. Она знает, как поступать с маленькими мальчиками, когда они тайком убегают из лагеря, ничего не говоря своим учителям.

— Я наследник короны Египта, — объявил Мемнон, но губы у него задрожали, несмотря на столь серьезное заявление. — Никто не смеет запрещать мне. Мое священное право и обязанность — вести мой народ в трудное время.

Разговор принял опасный оборот. Царевич знал свои права и обязанности. Я сам научил его. По правде говоря, я не ожидал, что ученик так скоро воспользуется своими знаниями. Он сумел направить наш разговор в русло соблюдения придворных обычаев. Теперь спорить с ним было очень трудно, если вообще возможно. Я стал отчаянно искать выход из создавшейся ситуации.

— Почему ты не попросил меня заранее? — спросил я, чтобы выиграть время.

— Потому что ты пошел бы за разрешением к матери, — честно ответил мальчик, — а она бы поддержала тебя и, как обычно, не пустила меня на охоту.

— Я и сейчас могу отправиться с тобой к царице, — пригрозил я. Но юный охотник поглядел назад, в долину, по которой мы прошли. Ладьи на реке казались игрушечными с такого расстояния, и он тихо улыбнулся. Мы оба понимали, что я не могу послать весь отряд назад.

— Пожалуйста, позволь мне пойти с вами, Таита. — Царевич изменил тон. Маленький чертенок старался изо всех сил. Мне было трудно устоять перед его обаянием. Потом меня вдруг осенило.

— Вельможа Тан командует отрядом — спрашивай у него разрешения.

Отношения между ними были странными. Только три человека — его родители и я — знали, кто настоящий отец Мемнона. Сам же царевич считал Тана своим учителем и командующим всеми войсками. Хотя он и любил Тана, но по-прежнему относился к нему с чувством восторженного почтения. С таким человеком, как Тан, маленькому мальчику, даже царевичу, лучше не шутить.

Теперь они смотрели друг на друга. Я видел, что Мемнон думает, с чего начать наступление, а Тан судорожно пытается сдержать смех.

— Вельможа Харраб, — наконец официально начал Мемнон. — Я хочу пойти с вами. Я думаю, для меня это будет очень полезным уроком. Однажды мне в конце концов придется возглавлять войска. — Я научил его логике и диалектике. Таким учеником можно гордиться.

— Царевич Мемнон, ты приказываешь мне? — Тану удалось скрыть веселье под свирепой ухмылкой, и я заметил, что в глазах у царевича, жалобно покачавшего головой, появились слезы.

— Нет, мой господин.

Он снова стал маленьким мальчиком.

— Но мне очень хочется поехать с вами на охоту. Пожалуйста, возьмите меня с собой.

— Царица велит удавить меня, — сказал Тан. — Ладно, становись сюда, впереди меня, маленький негодник.

Царевич обожал, когда Тан называл его негодником. Это звучало почти как «негодяй», а именно этим словом Тан называл воинов своего любимого отряда синих, и Мемнон чувствовал себя одним из них. С веселым воплем он ринулся к колеснице и второпях чуть не запутался в собственных ногах. Тан протянул руку и схватил его, поднял в колесницу и поставил между нами у передка.

— Но! — закричал Мемнон Терпению и Клинку, и мы покатили в пустыню, однако лишь после того, как я послал гонца к царице с сообщением о том, что царевич цел и

невредим и находится со мной и Таном. Даже львица не защищает так свирепо своих детенышей, как моя госпожа — своего сына.

Потом мы подъехали к тропе, оставленной мигрирующим стадом сернобыков, — широкой полосе песка, перемешанного копытами. Копыта сернобыков широкие, концы их разведены в стороны, чтобы не провалиться на сыпучих песках пустыни. Они оставляют легко узнаваемые следы, похожие на клин колесниц гиксосов. Многие тысячи крупных антилоп прошли здесь.

— Когда? — спросил Тан, и я спустился с колесницы, чтобы осмотреть следы. Я пользовался каждой возможностью научить чему-нибудь Мемнона и позвал его за собой. Показал ему, как ночной ветер разрушил края следов, а маленькие насекомые и ящерицы успели избороздить их.

— Они прошли здесь вчера вечером, на закате, — высказал я свое мнение, и царевич подтвердил его. — Но идут медленно. Если повезет, мы настигнем их до полудня.

Мы подождали, пока грузовые повозки догнали нас. Напоив лошадей, отправились дальше по широкому следу стада сернобыков.

Скоро нам попались тела ослабевших и погибших животных. Это были либо очень молодые, либо старые антилопы, и теперь вороны и стервятники шумно дрались на их останках, а мелкие рыжие шакалы бродили вокруг, пытаясь ухватить кусочек.

Мы шли по широкому следу, пока не обнаружили далеко впереди жидкое облако пыли на горизонте, а потом прибавили ходу. Поднялись на неровную гряду холмов, чьи вершины дрожали в горячем воздухе по обе стороны от нас, и увидели стадо антилоп в широкой долине. Мы подошли туда, где несколько недель назад разразилась гроза. Насколько хватало глаз, повсюду пустыня превратилась в цветущий сад.

Последний дождь выпадал здесь, наверное, лет сто назад. В это трудно поверить, однако семена теперешнего урожая спали в почве долгие годы. Обжигающие лучи солнца и сухой ветер пустыни высушили их, но они ждали дождя. Для всякого, кто сомневается в существовании вечной жизни, это чудо будет лучшим и крепчайшим доказательством. Для каждого чудесное возрождение пустыни было обещанием бессмертия. Если цветы могут выжить в такой суши, тогда и душа человека, нечто куда более удивительное и ценное, тоже должна жить вечно.

Равнина, простиравшаяся перед нами, была окрашена мягкими тонами зеленого, контуры холмов выделялись пятнами темной зелени. На фоне зелени по земле протянулась изумительная радуга цветов. Они росли небольшими группками и полосами. Цветы одного вида, казалось, стремились к обществу себе подобных, как стада антилоп или стаи птиц. Оранжевые маргаритки росли рядышком, подобно маленьким прудам или озерам, а цветы с белыми, словно иней, лепестками покрывали склоны холмов. Поля голубых гладиолусов, алых лилий и желтых эрик цвели здесь.

Даже сухие, как проволока, жесткие растения, торчащие по дну оврагов и сухих русел ручьев, теперь перестали походить на иссохшие мумии тысячелетней давности и оделись в свежие зеленые наряды, увенчанные венками желтых цветов на древних, сморщенных головках. Как бы ни были эти цветы прекрасны, я знал, что красота их мимолетна. Пройдет месяц, и пустыня восторжествует. Цветы завянут на стеблях, трава обратится в пыль и умчится с горячими порывами ветра. Ничего не останется от пышного великолепия, кроме, пожалуй, семян, маленьких, как песчинки, которые многие годы с терпением каменных статуй будут ждать дождя.

— Такую красоту нужно делить с тем, кого любишь. — У Тана перехватило дух от благоговейного чувства. — О, если бы царица была с нами сейчас!

Волнение Тана только лишний раз подтверждало красоту, открывшуюся нашим взорам. Он был воином и охотником, а здесь впервые позабыл о дичи и взирал на цветущую пустыню с восторгом паломника, очутившегося перед святыней.

Крик Крата с одной из колесниц позади нас прервал созерцание великолепия природы.

— Клянусь вонючим дыханием Сета! Их тут не меньше десяти тысяч!

Стадо сернобыков покрывало равнину до зеленых силуэтов холмов. Одинокие старые быки стояли поодаль, отгоняя остальных, но большая часть антилоп держалась группами от десяти до ста голов, а в некоторых стадах им, казалось, не было числа. Они походили на огромные коричневатые пятна, как тени облаков, покрывавшие долину. Мне почудилось, что здесь собрались все сернобыки Африки.

Перед началом охоты мы снова напоили лошадей. У меня появилась возможность пройти вперед и посмотреть на это великое скопление живых существ. Разумеется, я захватил Мемнона с собой, но, когда попытался взять его за руку, он вытащил пальцы из моей ладони.

— Не бери меня за руку перед воинами, Тата, — торжественно произнес царевич. — Они будут считать меня ребенком.

Когда колесницы появились на горизонте, ближайшие животные подняли головы и с легким любопытством посмотрели на нас. Мне вдруг пришло в голову, что они еще ни разу не видели человека, и наше присутствие не говорило им об опасности.

Сернобык — великолепное существо. Ростом он с лошадь, у него такой же густой развевающийся темный хвост, который свисает до самой земли. Его морду бледно-песочной масти покрывает сложный узор переплетающихся черных полос, короткая жесткая грива тянется вдоль всей шеи, придавая антилопе еще больше сходства с лошадью. Но рога сернобыка не похожи на рога ни одного животного, сотворенного богами. Они тонкие и прямые, и каждый заканчивается острием столь же острым, что и мой кинжал. Длиной они в рост самого животного, так что оружие это опаснейшее. В то время как остальные антилопы добродушны и безвредны и предпочитают спастись бегством, сернобык, защищаясь, бросается даже на льва.

Я рассказал Мемнону о мужестве сернобыков и их выносливости. Я объяснил, как им удастся прожить всю жизнь, ни разу не попробовав воды из лужи или реки.

— Они находят воду в виде росы, а также получают ее из собирающих влагу корней и стеблей растений, живущих в пустыне.

Царевич жадно слушал меня, так как унаследовал от отца любовь к охоте, а я научил его уважать всех диких животных.

— Настоящий охотник понимает и уважает птиц и животных, на которых охотится, — сказал я ему, и он серьезно кивнул.

— Я хочу стать настоящим охотником и воином, как вельможа Тан.

— Дар этот человек не получает от рождения. Он должен научиться так же, как учатся быть великими и справедливыми правителями.

С большим сожалением оторвался я от этого разговора, когда Тан позвал меня к колеснице. Лошадей уже напоили, и колесничие занимали свои места. Я предпочел бы провести остаток дня с царевичем, разглядывая равнину. Неохотно занял место возницы и повел колесницу во главе отряда охотников.

Лучники на остальных колесницах уже натянули тетиву на луки, и лихорадка охоты охватила людей. Они вели себя, как гончие на коротком поводке, когда те уже почуяли добычу и рвутся вперед.

— Эй, вельможа Тан! — крикнул нам Крат. — Побьемся об заклад?

Прежде чем Тан успел ответить, я шепнул ему:

— Я тоже поставлю. Старый хвастун еще ни разу не стрелял из лука с мчащейся колесницы.

— Засчитываются только животные, убитые одним лучником, — прокричал ему Тан, — если в антилопе будет стрела другого, она не засчитывается.

Каждый лучник пометил древко своей стрелы особым рисунком, чтобы потом заявить на нее права. Знаком Тана был Ваджет, раненый глаз Гора.

— Ставлю один дебен золота за каждого сернобыка с твоей стрелой.

— Поставь два, — предложил я. — Один за меня.

Я по натуре не игрок, но здесь не было риска. В руках Тана был новый изогнутый лук, а

я был лучшим возницей во всем войске.

Мы по-прежнему оставались новичками в конном деле, но я изучил, как гиксосы используют колесницы. Каждое построение их отрядов в тот страшный день на равнине Абнуба навечно врезалось в мою память. Охота для меня становилась не просто забавой или добычей мяса. Это была тренировка, упражнение в большой игре под названием война. Нам нужно было научиться наилучшим образом держать строй колесниц и управлять этим строем на полном ходу в беспорядке сражения, где обстоятельства меняются с каждым новым передвижением врага и с каждой случайностью войны.

Когда мы рысью вышли на равнину, я дал первый сигнал, и наша колонна разделилась на три части. Они плавно развернулись, как лепестки лилии. Фланги должны были разойтись в стороны, а потом загнуться внутрь, как рога быка, и окружить стадо дичи. Колонна колесниц в центре развернулась в одну линию, грудь к груди по три ширины колесниц между колесами экипажей. Мы были грудью быка. Рога будут удерживать врага, пока мы не подойдем ближе и не раздавим его в жестоких объятиях.

Впереди антилопы в рассеянных стадах вскинули головы и посмотрели на нас, почуяв приближение опасности. Они стали медленно уходить прочь, подбирая по пути своих сородичей, и маленькие группки начали сливаться в большие стада, как камень, пущенный вниз по склону, увлекает за собой лавину. Скоро вся равнина превратилась в поток сернобыков. Они бежали от нас своей характерной покачивающейся походкой, и пыль редким облаком поднималась над их движущимися спинами. Длинными черными хвостами антилопы били себя по бокам.

Я перевел отряд на шаг. Мне не хотелось утомлять лошадей быстрым бегом перед долгой и жестокой охотой. Я следил за более густыми и высокими облаками пыли, которые поднимались над колоннами колесниц, быстро окружавших сернобыков с обеих сторон.

Когда же наконец облака пыли сошлись далеко впереди, кольцо сомкнулось. Стада сернобыков замедлили бег, обнаружив, что путь к спасению отрезан. Они стали беспорядочно метаться взад и вперед, и те, что шли впереди, повернули и побежали против потока спешащих к ним навстречу животных.

По моей команде, как только фланговые колонны закончили окружение, они перешли на легкий шаг и направились к центру стада. Мы зажали огромное скопление сернобыков в кулак, и теперь его пальцы медленно сжимались. Большая часть животных в смятении остановилась, не зная, куда бежать. Со всех сторон на них шли ряды колесниц.

Мы приближались спокойным шагом, и лошади наши были еще бодры и свежи. Они почувствовали волнение и начали вскидывать головы, тянуть поводья, фыркать и показывать белки глаз. Стадо сернобыков снова пришло в движение, но на этот раз животные просто метались тудасюда, и стадо не перемещалось. Антилопы кружились на месте, бросались то в одну сторону, то в другую, останавливались и, повернув, бежали в противоположную сторону.

Я с наслаждением наблюдал, как дисциплинированно ведут себя наши колесницы. Они твердо держали строй, не скапливаясь в одном месте и не оставляя больших просветов в другом. Сигналы, которые я давал, передавались по линии колесниц от одной к другой и немедленно выполнялись. Мы наконец превращались в войско. Очень скоро мы сможем сразиться с любым врагом на достаточно выгодных условиях, даже если это будет опытная конница гиксосов, которые проводят всю свою жизнь в колесницах.

Я потянулся назад и взял царевича за руку. Потом поставил его между передком и собой. Я зажал мальчика своим телом, а он схватился руками за передок. Теперь руки Тана были свободны, и он мог стрелять из лука, а царевич находился в полной безопасности.

— Дай мне вожжи, Тата. Я буду править, — попросил Мемнон. Я и раньше позволял ему править лошадьми, поэтому он говорил вполне уверенно, хотя голова его едва высывалась над передком колесницы. Я не посмел рассмеяться — мальчик очень серьезно относился к себе.

— В следующий раз, Мем. А пока смотри и учись.

Наконец до ближайшего сернобыка осталась только сотня шагов. Стадо не выдержало нашего наступления. Около сотни животных во главе со старой, покрытой шрамами самкой плотной массой двинулись на нас. По моему сигналу мы сомкнули ряды, и колесницы пошли навстречу антилопам сплошной стеной людей и лошадей. В этот момент трубачи протрубили атаку. Я хлестнул лошадей вожжами, и мы галопом помчались навстречу дичи.

Тан пускал стрелы из-за моего правого плеча. Я видел, как они летели в антилоп, которые приближались к нам. Он в первый раз стрелял из движущейся колесницы, и первые три стрелы полетели мимо. Колесница врезалась в стадо сернобыков. Тан был превосходным стрелком и быстро приспособился. Следующая его стрела попала прямо в грудь старой самки, которая возглавляла стадо. Она, наверное, пронзила ей сердце, потому что животное повалилось вперед, упало на голову и перекувырнулось. Бежавшие следом за ней антилопы ринулись в разные стороны, подставив бока Тану. Я, как зачарованный, смотрел, как две следующие стрелы дугой пронесли в воздухе и воткнулись в землю позади бегущих быков.

У стрелка всегда есть искушение стрелять прямо по бегущей мишени, а не куда-то вперед, где она окажется, когда стрела до нее долетит. Точный расчет положения цели довольно сложен, особенно тогда, когда колесница тоже движется относительно дичи. Я постарался облегчить Тану задачу и развернулся в направлении бега животных. Однако меня не удивило, что еще две стрелы Тан послал мимо цели.

Затем, как и подобает настоящему мастеру, приспособился, и следующая его стрела ушла под оперение в грудь сернобыка. Он свалил еще трех антилоп тремя стрелами, и охота вокруг нас превратилась в жестокое побоище. Пыль скрыла происходящее, и только изредка мы видели мелькающие в тучах пыли колесницы и бегущих сернобыков.

Я правил следом за парой сернобыков, медленно нагоняя их, когда из-под копыт одного вылетел острый осколок кремня размером с мой палец. Царевич Мемнон не успел увернуться, и камень попал ему в лоб. Когда он поглядел на меня, я увидел, что из мелкой раны над глазом течет струйка крови.

— Ты ранен, Мем! — закричал я и начал сдерживать лошадей.

— Ничего страшного, — сказал он и отер кровь краем платка. — Не останавливайся, Тата, правь за ними. Крат побьет нас, если мы остановимся.

Я снова направил колесницу в облако пыли, и лук Тана по-прежнему пел за моим плечом свою ужасную песню, а царевич кричал и визжал от восторга, как щенок, впервые погнавшийся за зайцем.

Часть сернобыков прорвалась через наши ряды и спаслась в пустыне. Остальные повернули и побежали в ловушку. Воины кричали от восторга, лошади ржали, сернобыки фыркали и мычали, стрелы вонзались в них, и бьющиеся животные валились на землю. Повсюду вокруг нас раздавался грохот копыт и колес. Мы утонули в желтой тучи пыли.

Даже самая горячая и работающая лошадь не может скакать вечно. Когда я наконец остановил Терпение и Кlinkа и перевел на шаг, пыль лепешками покрывала их потные тела, а пена хлопьями падала на землю. От усталости они опустили головы.

Мало-помалу облака пыли отнесло ветром, и нашим глазам предстало ужасное зрелище.

Отряд наш рассеялся по всей равнине. Я насчитал пять колесниц, колеса которых разлетелись во время охоты. Перевернутые экипажи казались сломанными игрушками непослушного великана. Раненые лежали на песчаной земле у разбитых колесниц, а их товарищи стояли на коленях рядом с ними и обрабатывали раны.

Теперь даже уцелевшие колесницы остановились. Лошади у всех были измотаны. Они тяжело дышали, и белая пена капала с их морд. Лошади обливались потом, как будто переплыли реку.

Убитая дичь без какого-либо подобия порядка усеяла равнину так же, как и остановившиеся колесницы. Большинство подбитых животных было мертво, и тела их лежали на боку. Те же, которые оказались покалечены или ранены, стояли, опустив голову, или, хромя, пытались уйти в дюны.

Таков жалкий конец любой охоты, когда горячка и восторг проходят и приходится собирать раненую дичь и избавлять ее от мучений.

Неподалеку я увидел старого сернобыка, который сидел на парализованных задних ногах, опираясь на прямые передние. Стрела торчала посередине его спины, и я понял, что наконечник перебил хребет. Я взял второй лук с подставки в колеснице и спрыгнул на землю. Когда подошел к покалеченной антилопе, она повернулась и посмотрела мне в глаза. Потом, собрав последние силы, самец пошел на меня, подтягивая за собой парализованные задние ноги. Его огромные черные рога мотались из стороны в сторону, но в глазах стояли слезы предсмертных мучений. Мне пришлось послать две стрелы ему в грудь, прежде чем он наконец застонал, повалился на землю и замер, дернув несколько раз ногами.

Когда я взбирался на колесницу, посмотрел на царевича. По щекам его текли слезы, а перемазанное кровью лицо скривилось от жалости к сернобыку. Он отвернулся от меня, чтобы скрыть слезы, но я гордился им. Тот не охотник, в ком нет жалости к дичи.

Я взял его за кудрявую головку и повернул к себе. Медленно и нежно обработал рану на лбу и повязал голову полоской полотна.

В ТУ НОЧЬ мы стали лагерем на равнине цветов, и их сладостный аромат наполнял темноту, перекрывая запах свежей крови. Луны не было, но звезды усеяли все небо. Холмы купались в их серебряном свете. Мы поздно засиделись у костров, наслаждаясь жареными на углях печенью и сердцем сернобыка. Сначала царевич сидел у костра между мной и Таном, но воины и командиры из всех сил старались привлечь его внимание. Он покорила их сердца, они звали мальчика к себе, и по их приглашению царевич стал переходить от одной группы к другой. Охотники следили за своей речью и шутками, чтобы не оскорблять юных ушей, и Мемнон чувствовал себя свободно в их обществе.

Большой шум подняли вокруг повязки у него на голове.

— Теперь ты настоящий воин, — говорили они, — как и все мы, — и показывали ему свои шрамы.

— Ты правильно сделал, разрешив ему пойти с нами, — сказал я Тану, пока мы с ним гордо следили за малышом от своего костра. — Это лучший урок, который можно дать молодому воину.

— Люди уже полюбили его, — согласился Тан, — а военачальнику нужны только две вещи. Одна — удача, другая — преданность войск.

— Нужно будет разрешать Мемнону участвовать в каждой охотничьей экспедиции, если это будет не слишком опасно, — решил я, и Тан ухмыльнулся.

— Предоставляю тебе возможность убедить в этом его мать. Кое в чем она не слушает даже меня.

На другом конце лагеря Крат учил Мемнона новому прилизанному варианту маршевой песни. У царевича был нежный чистый голос. Воины стали хлопать в ладоши, отбивая ритм, и присоединились к песне. Они громко протестовали, когда я попытался отправить царевича спать под колесницу, даже Тан поддержал их.

— Позволь мальчику остаться с нами подольше. — Только далеко за полночь мне удалось наконец завернуть царевича в одеяло из овчины и уложить спать под колесницу.

— Тата, а я когда-нибудь буду стрелять так же метко, как вельможа Тан? — сонно спросил он.

— Ты станешь одним из величайших военачальников нашей страны. В один прекрасный день мой резец создаст каменные обелиски в честь твоих побед, и весь мир узнает о них.

Малыш задумался, а потом вздохнул:

— Когда ты сделаешь мне настоящий лук? Настоящий, а не игрушечный?

— Как только ты сможешь натянуть его.

— Спасибо, Тата. Мне так хочется этого, — и уснул быстро, будто задули лампу.

МЫ ТОРЖЕСТВЕННО вернулись к флотилии, и повозки наши были доверху загружены соленым и высушенным на солнце мясом сернобыков. Я ожидал, что госпожа моя будет сурово корить меня за похищение царевича. Уже приготовился защищаться и намеревался свалить все на широкие плечи вельможи Харраба. Однако укоры были мягче, чем я ожидал. Она назвала Мемнона плохим, непослушным ребенком за то, что он заставил ее так волноваться, а потом крепко обняла его и чуть было не задушила. Когда повернулась ко мне, я начал долгую речь в свою защиту, в которой объяснял роль Тана во всем происшествии и подробно описывал, насколько полезно для царевича участие в охоте, как много он там узнает и какой полезный опыт приобретает, но она, казалось, уже забыла об этом.

— Ты не помнишь, когда мы вдвоем последний раз ловили рыбу? Принеси свои гарпуны, Таита. Мы возьмем маленькую лодочку и отправимся на реку, как в старые добрые времена.

Я понял, что рыбу мы скорее всего ловить не будем. Царица хотела остаться со мной наедине, чтобы никто не мог нас подслушать. Ее волновало нечто чрезвычайно важное.

Я погреб вниз по течению. Вода стояла низко, и скоро высокий скалистый утес поднялся между нами и флотилией. Все мои попытки завязать разговор окончились неудачей, поэтому я положил весло и взял лютню. Я перебирал струны и тихо напевал ее любимые песни, ожидая, когда она заговорит сама.

Наконец Лостра подняла на меня глаза, и я увидел в них странное выражение, одновременно радостное и взволнованное.

— Таита, по-моему, у меня снова будет ребенок.

Я до сих пор не могу понять, почему ее заявление так поразило меня. Каждую ночь после нашего отплытия с Элефантины Лостра и командующий войсками запирались на тайные совещания, а я охранял двери каюты. Тем не менее новость настолько встревожила меня, что рука моя замерла на струнах лютни и песня замолкла у меня на устах. Прошло довольно много времени, прежде чем я снова обрел дар речи.

— Госпожа, пользовалась ли ты вытяжкой трав, которую я готовил для тебя? — робко спросил я.

— Временами — да, а временами я забывала о ней. — Она смущенно улыбнулась. — Вельможа Тан иногда так нетерпелив. Кроме того, это так неромантично возиться с горшочками и кувшинчиками, когда тебя ожидают более приятные и срочные дела.

— Например, делать детишек, которым трудно найти царственного отца.

— Это довольно серьезно, правда, Таита?

Я начал перебирать струны на лютне, обдумывая ответ.

— Довольно серьезно? По-моему, это не совсем подходящее слово. Если ты родишь незаконнорожденного ребенка или возьмешь себе мужа, тебе придется сложить с себя управление государством. Этого требуют обычаи и закон. Вельможа Меркесет будет ближайшим претендентом на место правителя, но среди знати немедленно начнется тайная война за этот пост. Без твоей защиты в качестве законной царицы Мемнону будет угрожать серьезная опасность. Начнутся междоусобицы... — Я замолчал. Меня передернуло от одной только мысли об этом.

— Тан станет правителем вместо меня, и тогда я смогу выйти за него замуж, — весело предложила она.

— Неужели ты считаешь, что я об этом не подумал? — мрачно спросил я. — Конечно, это решило бы все наши проблемы. Но ты же знаешь Тана.

— Если я попрошу его, он с радостью выполнит мою просьбу, я уверена в этом, — с облегчением улыбнулась Лостра, — и тогда я стану его женой. Нам больше не придется идти на разные хитрости, чтобы остаться наедине.

— Если бы все было так просто. Тан не согласится. Он не может...

— Это еще что за глупости? — Искры гнева зажглись в ее глазах, и я поспешно продолжил:

— Той ночью в Фивах, когда фараон послал своих людей схватить Тана по обвинению в подстрекательстве к мятежу, мы пытались заставить Тана объявить себя царем. Крат и помощники поклялись поддержать его вместе со всем войском. Они хотели маршем отправиться во дворец и посадить Тана на трон.

— Почему же Тан не согласился? Он был бы прекрасным царем, и это избавило бы нас от стольких мучений.

— Тан с презрением отверг наше предложение. Заявил, что не предатель и никогда не взойдет на трон Египта.

— Это было давно. Многое изменилось! — вскричала в отчаянии Лостра.

— Ничего не изменилось. В тот день Тан дал клятву и призвал Гора в свидетели. Поклялся, что никогда не будет претендовать на трон Египта.

— Но эта клятва больше ничего не значит. Он может отказаться от нее.

— Можешь ли ты отказаться от клятвы, данной тобой перед образом великого бога Гора? — гневно спросил я, и она отвернулась и опустила глаза. — Можешь? — настаивал я, и Лостра неохотно покачала головой:

— Нет, не могу.

— Такой же закон чести связывает руки Тану. Ты не можешь требовать от него то, что не смеешь сделать сама, — мягко пояснил я. — Разумеется, мы можем предложить ему это, но мы оба знаем, каков будет ответ.

— Но ты же наверняка можешь что-нибудь сделать? — и посмотрела на меня с таким слепым доверием, что я даже разозлился. Стоило ей по собственной глупости попасть в серьезную переделку, как она просто смотрела мне в глаза и спрашивала: «Но ты же наверняка можешь что-нибудь сделать?»

— Да, кое-что сделать можно, но ты не согласишься на это, так же, как Тан не согласится надеть корону.

— Если ты хоть немного любишь меня, ты не будешь предлагать мне такое. — Лостра сразу поняла меня и отодвинулась, как будто я ударил ее по лицу. — Я скорее умру сама, чем убью это чудо любви, которое Тан вложил в мое чрево. Этот ребенок — плод его и мой, плод нашей любви. Я не могу убить его.

— Тогда, ваше величество, мне больше нечего вам предложить.

Царица улыбнулась мне с таким изощренным выражением полного доверия, что у меня даже дух захватило.

— Я знаю, ты что-нибудь придумаешь, милый Таита. Ты всегда что-нибудь придумываешь.

И вот мне снова был сон.

Я ПОВЕДАЛ свой сон всему государственному совету Египта, созданному царицей Лострой. Царица и царевич Мемнон сидели на высоком троне на кормовой надстройке «Дыхания Гора». Ладья стояла на якоре у западного берега Нила. Члены совета расположились на скамейках у подножия трона.

Вельможа Меркесет и знать представляли светскую власть. Верховные жрецы Амона-Ра, Осириса и Хапи — жречество, а вельможа Харраб и пятьдесят его старших помощников — войско.

Я стоял на палубе у подножия трона лицом к благородному собранию. О своей внешности я позаботился чуть больше обычного. Грим мой был изыщен и коварен, волосы я смазал ароматными маслами и завил по собственному обычаю, который скоро стал очень популярен. На шее у меня сверкали две цепи «Золота похвалы», а управление колесницей развило мышцы груди и рук, сделав их красивыми и сильными. Я предстал перед ними воплощением необычайной красоты, и многие уставились на меня, разинув рты. Я даже заметил страсть в глазах тех из них, чьи наклонности позволяли им это.

— Ваши величества, — низко склонился я перед царицей и царевичем Мемноном, восседавшими на троне. Царевич хитро улыбнулся мне. Голова его еще была повязана, хотя

необходимость в этом отпала. Он так гордился своей боевой раной, что я разрешил ему носить повязку. Я нахмурился, и он придал своему лицу подобающее случаю выражение. — Ваши величества, прошлой ночью мне приснился странный и чудесный сон, который я считаю своим долгом пересказать всем присутствующим. Я прошу у вас позволения сделать это.

Царица Лостра великодушно произнесла:

— Каждый из присутствующих здесь знает о священном даре, которым ты обладаешь. Царевичу и мне известно, что ты способен предвидеть будущее и предсказывать волю и желания богов в своих снах и видениях. Я повелеваю тебе поведать нам свой сон.

Я поклонился еще раз и повернулся к государственному совету.

— Простой ночью, как того требует мой долг, я спал у дверей каюты. Царица Лостра лежала одна на своей постели, а царевич спал в уголке за ее кроватью.

Даже вельможа Меркесет наклонился вперед и приложил ладонь к правому уху — другое у него ничего не слышало. Присутствующие обожали сказки и пророчества.

— Во время третьей ночной стражи я проснулся и увидел странный свет, который исходил от корпуса ладьи. Я почувствовал, как холодок пробежал по моей щеке, как дуновение ветра, хотя дверь каюты и окно были закрыты.

Все присутствующие пришли в движение. Я придал своему рассказу необходимую таинственность.

— Потом я услышал шаги, которые эхом отдавались в корпусе ладьи. Эти медленные и величественные шаги не могли принадлежать смертному, — я сделал театральную паузу. — Странные потусторонние звуки раздавались из трюма ладьи, — я снова сделал паузу, чтобы смысл сказанного дошел до слушателей.

— Да, господа мои, из трюма ладьи, где стоит золотой гроб фараона Мамоса, восьмого фараона этого имени, ожидающего своих похорон.

Некоторые из присутствующих содрогнулись в благоговейном страхе, другие сделали знак от сглаза.

— Шаги эти приближались. Небесное сияние усиливалось, дрожь охватила меня, и передо мной появился он. По очертаниям своим походил на человека, но это был не человек, и сиял, как полная луна, а лицо было божественным олицетворением царя, которого я так хорошо знал, и все же лицо это было несколько другим, так как теперь оно излучало страшную божественную мощь.

Все молчали, захваченные рассказом. Никто не шелохнулся. Я внимательно всматривался в лица, пытаюсь заметить признаки недоверия, но ничего не увидел.

Потом тишину вдруг нарушил детский голос — царевич Мемнон громко и четко произнес:

— Бак-Хер! Это мой отец. Бак-Хер! Это фараон!

— Бак-Хер! Это фараон! Да живет он вечно! — подхватили все.

Я подождал, пока установится тишина, а потом продолжал молчать до тех пор, пока напряжение слушателей не достигло предела.

— Фараон подошел ко мне. Я не мог двинуться с места. Он прошел мимо меня и вошел в каюту ее величества, милостивой царицы Лостры. Хотя я по-прежнему был не в силах двинуться с места или произнести слово, но видел все. Царица спала, божественный фараон оседлал ее во всем своем величии и наслаждался ею как муж. Их тела соединились, как тела мужчины и женщины.

Ни у кого из присутствующих на лице не отразилось недоверия. Я подождал, пока смысл моих слов дойдет до них полностью, а потом продолжил.

— Фараон поднялся со спящей царицы, посмотрел на меня и заговорил.

Я умею подражать голосам людей настолько верно, что другие считают, будто слышат тех, кому я подражаю. Теперь я заговорил голосом фараона Мамоса.

— Я одарил царицу божественной силой. Она стала одним целым со мной и богами. Она беременна от моего божественного семени. Она не знала иного мужчины, кроме меня, и

понесет от меня ребенка царской крови, и ребенок этот будет знамением для всех людей. Пусть знают они, что царица пользуется моим покровительством сейчас и будет пользоваться моим покровительством в будущем.

Я снова поклонился царственной паре на троне.

— Затем царь пошел обратно по палубе ладьи, спустился в трюм и вернулся в свой золотой гроб, где и покоится сейчас. Таково видение, посланное мне этой ночью.

— Да живет фараон вечно! — закричал вельможа Тан, как я научил его, и возглас этот подхватили все.

— Да здравствует царица Лостра! Да живет она вечно! Да здравствует божественное дитя, растущее в ней! Да живут ее дети вечно!

Той ночью, когда я собирался отойти ко сну, госпожа позвала меня и прошептала:

— Твое видение было настолько ярким, и рассказал ты его так хорошо, что я боюсь ложиться спать. Вдруг фараон явится ко мне снова. Сторожи как следует дверь моей каюты.

— Смею ли я предупредить госпожу, что только один человек может отважиться нарушить покой царственной спальни. Правда, я не уверен, будет ли это фараон Мамос. Что мне делать, если какой-нибудь негодяй пожелает воспользоваться твоей добротой и любовью, пока ты спишь?

— Спи крепко, милый Таита, и заткни уши, — и щеки ее расцвели, как розы, в свете лампы.

Мое предсказание опять оказалось точным. В ту ночь мою госпожу вновь посетил таинственный гость, и это не был призрак фараона. Я поступил так, как мне приказала царица Лостра. Я заткнул уши.

ВОДЫ Нила снова поднялись, напоминая о том, что прошел еще один год. Мы сжали зерно, посаженное на полях, и собрали приплод наших стад. Разобрали колесницы и уложили их на палубы ладей. Свернули шатры и убрали их в трюмы. Наконец, когда мы были готовы к отплытию, проложили канаты вдоль берега реки, все здоровые лошади и люди стали трудиться на проводке кораблей через пороги. Нам потребовалось более месяца тяжелейшего труда на проводку ладей по опасным стремнинам. Шестнадцать человек утонуло, клыки черных скал раздробили пять ладей в щепки. Однако мы преодолели порог и поплыли вверх по реке, которая снова текла спокойно и величественно.

Время шло неделя за неделей и месяц за месяцем, и Нил стал медленно и величественно поворачивать под нашими ладьями. Я составлял карту реки с тех пор, как мы оставили Элефантину. Звезды и солнце показывали мне стороны света, но пришлось придумать способ измерения пройденного расстояния. Сначала я приказал одному из рабов идти по берегу и считать шаги, но понимал, что этот способ настолько неточен, что мои расчеты окажутся никуда не годными. В одно прекрасное утро решение этой проблемы нашлось само собой во время маневров колесниц на прибрежной равнине. Я наблюдал, как колесо экипажа плавно поворачивается на ходу, и вдруг понял, что каждый оборот колеса соответствует длине его окружности, а она дает точное расстояние, пройденное колесницей за один оборот. С того самого дня по берегу реки за флотилией следовала колесница. На одном из ее колес закрепили флажок, и надежный человек, сидя в колеснице, отмечал в свитке каждое прохождение флажка через верхнюю точку.

Вечерами я определял направление и подсчитывал пройденное за день расстояние, а затем отмечал их на карте. Мало-помалу форма излучины реки становилась все более ясной для меня. Я понял, что мы описали огромную дугу к западу, и теперь река снова поворачивала на юг, как и предсказывали жрецы Хапи.

Я показал результаты своих вычислений Тану и царице. Много ночей сидели мы допоздна в царской каюте, обсуждая пройденный рекой путь и то, как это может сказаться на нашем возвращении в Египет. Казалось, что каждая пройденная миля не только не ослабляла решимость моей госпожи следовать своей клятве, но и усиливала ее.

— Мы не станем строить ни храмов, ни каменных дворцов в этой пустыне, —

приказала она. — Мы не будем ставить ни памятников, ни обелисков. Мы находимся здесь временно. Мы не будем строить города, а жить будем на ладьях или в шатрах и хижинах, сделанных из травы и камыша. Мы — караван, отправляющийся в далекий путь, и в конце концов дорога приведет нас к моему родному городу, прекрасным Фивам, городу ста ворот.

Наедине советовала мне:

— Веди карты тщательно, Таита. Я доверяю тебе поиск самого легкого пути, по которому мы сможем вернуться домой.

Итак, наш караван шел вверх по реке. Пустыня по обоим берегам реки менялась с каждой милей и в то же время оставалась неизменной.

ВСЕ, КТО ОТПЛЫЛ с нами на ладьях, образовали тесное сообщество. У нас вырос город без стен и постоянных строений. Жизнь в нем зарождалась и угасала. Число наших спутников увеличивалось, потому что большая часть людей, покинувшая с нами Элефантину, была в расцвете сил, а женщины наши были плодовиты. Молодые парочки устраивали свадьбы на речном берегу, разбивая кувшин с нильской водой. Дети рождались и росли на наших глазах. Некоторые из наших стариков умирали, а несчастные случаи и опасности косили молодых. Мы бальзамировали тела и рыли могилы в необитаемых холмах, оставляя их покоиться там, когда отправлялись дальше.

Мы соблюдали праздники и молились нашим богам. Пировали и постились в надлежащее время, плясали, пели и изучали науки. Для детей постарше я проводил уроки на палубе ладьи, и Мемнон был лучшим из моих учеников.

Еще до конца года, следуя вверх по реке, на юг, мы подошли к третьему порогу, оседлавшему реку. Мы снова сошли на берег, расчистили землю и посеяли семена, ожидая, когда воды Нила поднимутся и позволят нам отправиться дальше.

ИМЕННО на третьем пороге в мою жизнь вошла еще одна радость и наполнила мою душу до краев счастьем.

В полотняном шатре на берегу реки я помогал госпоже при родах и принял в этот мир царевну Техути, всеми признанную дочерью давно умершего фараона Мамоса.

На мой взгляд, царевна моя была прекраснее чуда. Всякий раз, когда мне представлялась такая возможность, я садился у ее кровати и со смешанным чувством изумления и восхищения рассматривал маленькие ножки и ручки. Когда она бывала голодна и ждала материнский сосок, я иногда совал в ротик мизинец и наслаждался тем, как сжимают мой палец голые десна.

Река наконец поднялась и пропустила нас через третий порог. Мы поплыли дальше, а Нил незаметно повернул под днищами наших ладей на восток, описывая огромную петлю.

Еще до конца этого года мне опять пришлось поведать народу Египта о чудесном сне, так как госпожа моя опять испытала чудо девственного зачатия, которое можно было объяснить только вмешательством сверхъестественных сил. Призрак покойного фараона бродил по кораблю.

Живот моей госпожи снова стал огромным, когда мы подошли к четвертому великому порогу реки. Этот узкий канал, где пенящиеся струи воды метались между зубами скал, словно в пасти крокодила, казался еще более чудовищным, чем все пройденные ранее стремнины, и в наших рядах появилось отчаяние. Когда люди думали, что их никто не слышит, они жаловались друг другу:

— На нашем пути постоянно встают адские барьеры опаснейших скал. Боги громоздят препятствия на нашем пути. Они не хотят пускать нас на юг.

Я читал эти слова по губам, когда беседующие собирались на берегу реки и не сознавали, что кто-то может узнать их мысли, не слыша слов.

— Мы попадем в ловушку за столькими страшными порогами и никогда не вернемся домой. Нужно поворачивать назад, пока не поздно.

Даже на государственном совете я видел подобные слова на устах знатных вельмож

Египта, которые сидели в задних рядах и переговаривались приглушенными голосами:

— Если мы пойдем дальше, мы погибнем в пустыне, и наши души будут вечно блуждать по земле, не зная покоя.

Среди молодых вельмож оказалось множество надменных и упрямых людей. Они разжигали недовольство и готовились к мятежу. Я понял, что действовать следует быстро и решительно, когда увидел, как вельможа Акер сказал одному из своих подручных:

— Мы все в руках бабы, в руках шлюшки покойного царя. На троне должен быть сильный мужчина. Нам нужно найти способ избавиться от нее.

Сначала с помощью моего друга Атона я узнал имена недовольных и тайных изменников. Меня несколько не удивило, когда я увидел первым в этом списке вельможу Акера, старшего сына вельможи Меркесета, на чьих устах я и прочел недавно предательские мысли. Акер был молод и озлоблен и мнил о себе слишком много. Я подозревал, что у него хватало наглости видеть себя самого на троне обоих царств с двойной короной на голове.

Когда я объяснил Тану и госпоже, что, по моему мнению, нужно было делать, они собрали полное, торжественное заседание государственного совета на берегу Нила, и царица Лостра открыла это заседание так:

— Я понимаю, как народ мой тоскует по родине и как устал он от долгого путешествия. Я разделяю с ним все мечты о Фивах.

Я увидел, как Акер обменялся многозначительными взглядами со своими друзьями, и мои подозрения подтвердились.

— Однако, подданные Египта, дела наши не так плохи, как это может показаться. Хапи благосклонно следила за нашим путешествием, как и обещала. Сейчас мы гораздо ближе к Фивам, чем представляют себе многие из нас. Когда мы вернемся в родной город, нам не придется повторять долгий и тяжелый путь. Нам не нужно будет снова преодолевать опасности и лишения на адских порогах великой реки.

Среди присутствующих началось движение и послышался недоверчивый шепот. Акер рассмеялся. Но смех его был не настолько громок, чтобы нарушать приличия. Однако госпожа моя заметила его.

— Я вижу, вельможа Акер, ты сомневаешься в моих словах?

— Нисколько, ваше величество. Я проклинаю всякую мысль о недоверии царице.

Акер поспешно отступил. Он еще не собрал достаточно сил, и поддержки друзей было недостаточно для открытого противостояния. Я застал его врасплох.

— Мой раб Таита записывал течение реки на карте все эти годы, — продолжила царица Лостра. — Все видели на берегу колесницу с флажком на колесе, которая измеряла расстояние. Таита наблюдал небесные светила и определял по ним направление. Теперь я приказываю ему предстать перед советом и поведать о своих расчетах.

Царевич Мемнон помог мне переписать от руки двадцать карт. В свои девять лет он уже стал прекрасным рисовальщиком. Я передал нарисованные им копии старшим вельможам, чтобы им было легче следить за моим выступлением. Обратил их внимание на почти полную окружность, которую мы описали с тех пор, как покинули Элефантину.

Они не смогли скрыть своего изумления. Только жрецы имели представление о том, что я хочу рассказать, так как тоже наблюдали ночное небо и умели вести ладьи по звездам. Но даже они были потрясены размерами петли. В этом не было ничего удивительного, так как карты, показанные присутствующим, были не совсем точными. Я довольно вольно обошелся с некоторыми вычислениями для блага Акера и его сподвижников, поэтому расстояние между концами дуги оказалось намного короче, чем показывали мои вычисления.

— Благородные господа, вы можете сами убедиться, глядя на эти карты, что с тех пор, как мы прошли второй порог, мы оставили позади почти тысячу миль. Однако от точки отправления нас отделяет сейчас не более нескольких сот миль.

Крат поднялся и задал вопрос, который я сам вложил в его уста перед заседанием совета.

— Значит ли это, что теперь мы можем пройти коротким путем через пустыню и

добраться до второго порога за то же время, которое занимает путешествие от Фив к Красному морю и обратно? Я проходил по этому пути несколько раз.

Я повернулся к нему.

— Один раз я был твоим спутником в таком путешествии. Мы проделали его всего за десять дней, и у нас тогда не было лошадей. Пересечь узкую полосу пустыни будет ненамного труднее. Это значит, что отсюда мы можем добраться до города Элефантина всего за несколько месяцев, и у нас не будет необходимости преодолевать все пороги Нила, за исключением первого, в Асуане.

Присутствующие зашумели, возбужденно обсуждая услышанное. Карты переходили из рук в руки, и люди жадно рассматривали их. Настроение собравшихся менялось на глазах. Во всех чувствовалось тайное желание поверить в мои вычисления. Неожиданная близость дома и родной земли обрадовала.

Только Акер со своими друзьями оказались ненужными. Они лишились лучшей кости в игре. Как я и надеялся, Акер сердито поднялся и задал следующий вопрос:

— Насколько точны писульки этого раба? — В голосе у него чувствовалось надменное презрение. — Не так уж сложно сделать несколько мазков на свитке, но в пустыне каждая миля раскаленного песка и скал значит гораздо больше. Как может этот раб доказать, что его вычисления справедливы?

— Вельможа Акер подошел к самой сути вопроса, — мягко прервала моя госпожа. — Этим он показал нам, насколько хорошо знает те трудности, которые предстоит преодолеть. Я намереваюсь отправить в поход отряд славных воинов, который пересечет пустыню и откроет нам дорогу на север в родной город, прекрасные Фивы.

Я увидел, как выражение лица вельможи внезапно изменилось, когда он понял, куда клонит царица и какую ловушку ему приготовили. Акер поспешно сел на место и попытался принять отрешенный и равнодушный вид. Но госпожа моя безжалостно продолжила:

— Я никак не могла решить, кто лучше всего подходит на пост главы этого отряда. Теперь вельможа Акер своим знанием дела и пониманием трудностей помог мне принять это важное решение, предложив себя в качестве предводителя. Разве это не так, вельможа? — ласково спросила она и быстро продолжила, не оставив ему времени на ответ: — Мы благодарны тебе, вельможа Акер. Ты можешь взять любых людей и снаряжение, которое тебе потребуется в этом путешествии. Я повелеваю тебе отправиться в путь до следующего полнолуния. Луна осветит вам дорогу в пустыне и избавит вас от необходимости идти в жаркие дневные часы. Я пошлю с тобой людей, которые умеют находить дорогу по звездам. Ты пройдешь до второго порога и вернешься назад до конца следующего месяца, и, если тебе это удастся, я возложу на твои плечи «Золото похвалы».

Вельможа Акер уставился на нее, раскрыв рот. И, окаменев от потрясения, оставался на своем месте довольно долгое время после того, как совет закончился и все его спутники разошлись. Я искренне ожидал, что он попытается найти повод отказаться от поручения, возложенного на него обманным путем, но в конце концов Акер, к моему удивлению, сам пришел ко мне за помощью в подготовке разведывательного похода. Мне показалось, что я неправильно оценил его, и теперь, когда появилось достойное задание, он изменится и из разжигателя мятежа превратится в полезного члена нашего сообщества.

Я отобрал для него лучших людей и лучших лошадей и передал ему пять лучших повозок, которые могли увезти воды в бурдюках на тридцать дней, если расходовать ее осторожно. К приближению полнолуния Акер снова стал бодрым и веселым, и я даже чувствовал себя виноватым в том, что преуменьшил расстояние и опасности путешествия.

Когда отряд отправился в поход, я прошел с ним немного, чтобы показать правильное направление, а потом остался один и смотрел, как повозки постепенно сливаются с залитой серебристым светом луны поверхностью пустыни, уходя по звездам туда, где лютня, как мы называем это созвездие, указывает на север.

Пока мы стояли перед четвертым порогом, я вспоминал об Акере каждый день в течение нескольких недель, которые последовали за уходом. Надеялся, что моя карта

окажется не столь неточной, как я опасался. Однако с его уходом на север непосредственная угроза мятежа исчезла.

Ожидая возвращения разведчиков, мы посеяли зерновые на расчищенных островах и равнине по берегам реки. Но берега здесь были выше и круче, чем в местах предыдущих стоянок. На высоту воду поднять трудно, а количество и качество урожая страдают от недостаточного орошения.

Разумеется, мы поставили на полях традиционные журавли, которые на длинных уравновешенных жердях поднимали воду в кувшинах из реки. Журавлем управлял раб: он опускал кувшин в реку, а потом поднимал его и выливал в оросительный канал. Работа была медленной и невероятно тяжелой. Если берег высок, как здесь, у четвертого порога, такой способ подъема воды крайне расточителен.

Каждый вечер мы с Мемноном ездили на колеснице по берегу реки, и меня тревожило состояние полей. Кормить нужно много тысяч ртов, а мука по-прежнему оставалась главным продуктом питания. Я предвидел голод, если мы не сможем поднять на поля воду.

Не знаю, что заставило меня вспомнить о колесе. Может быть, просто наука о нем уже стала главной страстью моей жизни. Меня мучила задача укрепления колес для колесниц. Сны мои заполняли вращающиеся, поворачивающиеся и разлетающиеся на мелкие кусочки колеса с ножами на ободе или с флажками для измерения расстояний. Большие и малые колеса преследовали меня в ночных кошмарах.

Я узнал от одного из жрецов Хапи, что некоторые разновидности древесины твердеют и становятся более упругими, если их достаточно долго мочить в воде, и решил попробовать. Когда мы опускали в реку одно из колес, течение, ударив по ободу, начало поворачивать его вокруг оси. Я бездумно глядел на него. Колесо погрузилось глубже, вращение прекратилось, и я позабыл о нем.

Через несколько дней одна из наших лодок перевернулась, переправляясь на остров, двух людей затянуло в стремнину, и они утонули. Мы с Мемноном видели эту трагедию с берега и тяжело переживали. Я воспользовался случаем, чтобы лишний раз напомнить царевичу об опасной мощи реки.

— Вода настолько сильна, что может даже поворачивать колеса колесниц.

— Я не верю тебе, Тата. Ты хочешь напугать меня. Ты же знаешь, как я люблю плавать.

И тогда я решил показать ему вращающееся колесо. Вдвоем мы поразились еще раз тому, как колесо, казалось, само по себе начало поворачиваться, когда его окунули в речную струю.

— Оно будет вращаться быстрее, Тата, если по ободу закрепить весла или лопатки, — после некоторых размышлений сказал Мемнон, и я в изумлении уставился на юного изобретателя. К тому времени ему не исполнилось и одиннадцати, но глаз у него был свежий и пытливый.

К следующему полнолуннию мы построили колесо, приводимое в движение рекой. Оно поднимало воду во множестве маленьких кувшинов из обожженной глины и выливало ее в канал, выложенный керамической плиткой на высоком берегу Нила. Несмотря на беременность, госпожа моя сошла на берег, чтобы посмотреть на это чудесное сооружение. Она пришла в восторг.

— Ты так ловко обращаешься с водой, Таита, — сказала Лостра. — А помнишь водяной стул, который ты сделал для меня на Элефантине?

— Я с удовольствием сделаю для тебя еще один, если ты позволишь нам жить в приличных домах, как и подобает цивилизованным людям.

На Тана мое водяное колесо тоже произвело большое впечатление, хотя он и скрыл это. Только ухмыльнулся.

— Ловко придумал. А когда оно разлетится на куски, как твои знаменитые колеса для колесниц?

Крат и другие олухи сочли его слова очень смешными. После этого случая, если колесо колесницы ломалось, все говорили, что оно татакнулось, — от того ласкового прозвища,

которое дал мне царевич.

Шутки шутками, а поля пшеницы на жирной почве по берегам Нила скоро зазеленели, и колоски золотого зерна быстро тяжелели на горячем нильском солнце. Однако зерно оказалось не единственным урожаем, снятым у четвертого порога. Царица Лостра родила еще одну царевну. Что бы там ни говорили, а эта девочка оказалась еще прекрасней, чем ее старшая сестра.

Странно только, что царевна Беката родилась с шапкой красно-золотых кудрей. Ее божественный отец, призрак фараона Мамоса, был смуглым, а волосы матери черны, как крыло ворона. Никто не мог найти объяснения этому чудесному явлению, но все соглашались, что волосы очень красивы.

Царевне Бекате исполнилось два месяца, когда воды Нила снова начали подниматься, и мы стали готовиться к проводке ладей через четвертый порог. К этому времени мы приобрели столько опыта в наших ежегодных трудах, что научились множеству хитростей и приемов, которые помогали побеждать прожорливые стремнины.

НЕ УСПЕЛИ мы начать проводку ладей, как в нашем лагере поднялся вдруг невероятный переполох. Я услышал крики и вопли приветствий с дальнего берега реки, где мы с царевичем осматривали лошадей и готовили все необходимое для преодоления порогов.

Мы поспешили к лодкам и переправились на восточный берег, застав лагерь в неописуемом возбуждении. Нам пришлось проталкиваться через толпу кричащих и размахивающих пальмовыми ветвями людей, которые пели приветственные и чествующие песни. В середине шумной толпы мы обнаружили маленький отряд на видавших виды экипажах, запряженных истощенными лошадьми. На повозках стояли худые, закаленные дорогами пустыни путешественники, почерневшие под горячими лучами солнца.

— Проклятие Сета на тебя и на твою карту, Таита! — крикнул мне вельможа Акер с передней повозки. — Я не знаю, кто из вас двоих лжет больше! Расстояние оказалось вдвое больше обещанного.

— А вы в самом деле достигли северного конца петли? — завопил я, прыгая на месте от восторга и пытаясь пробиться к нему через толпу.

— И вернулись обратно! — рассмеялся он, донельзя довольный собой. — Мы стояли лагерем у второго порога и ели свежепойманную рыбу. Дорога в Фивы открыта.

Госпожа моя приказала устроить пир в честь путешественников. Вельможа Акер стал героем дня. В разгар празднества царица Лостра возложила на него «Золото похвалы» и присвоила ему звание лучшего из десяти тысяч. У меня желчь поднялась при виде того, как красуется этот знатный негодяй. А Лостре и того было мало: она отдала под его командование четвертый отряд колесниц и издала указ, по которому ему причиталась сотня федданов лучшей земли на берегу реки, когда мы вернемся в Фивы.

Это мне показалось излишеством — подаренная земля в конце концов должна была отойти ему из личных имений госпожи. Акер был на грани мятежа, но, хотя подвиг его достоин похвалы, поход-то задумал я. По такому случаю, на мой взгляд, не мешало бы возложить еще одну золотую цепь на грудь бедного раба Таиты.

Тем не менее я не мог не одобрить государственную мудрость и хитрость госпожи. Ей удалось изменить вельможу Акера и превратить его из опасного врага в страстного и верного своего сторонника, который в последующие годы не раз сумеет доказать свою ценность царице. Лостра умела обращаться с людьми и с каждым днем правила все более опытной и твердой рукой.

Приручение вельможи Акера и открытие дороги на север через пустыню позволили нам бодро отправиться вверх по реке через четвертый порог.

НЕ ПРОШЛО и месяца с тех пор, как мы преодолели порог, когда мы поняли, что судьба наша повернулась к лучшему, и богиня исполняла свое обещание. С каждым днем становилось ясно, что худшее осталось позади. Пустыню мы прошли, и теперь река текла

спокойно и широко, уводя нас в глубь неведомых доселе земель. Именно здесь большая часть наших спутников узнала чудо дождя. Я, разумеется, видел его в Нижнем царстве, но многие из нас впервые лицезрели, как с неба падает вода. Дождь хлестал по нашим изумленным, заданным к небу лицам, тяжелые раскаты грома заполняли пространство, белые вспышки молнии ослепляли нас.

Обильные и частые дожди питали совершенно иную природу, и мы не переставали поражаться ей. Насколько хватало глаз, с палубы передней ладьи по обоим берегам Нила виднелись просторы травянистой саванны. На этой великолепной равнине с ее богатыми пастбищами ничто не останавливало наши колесницы. Мы могли править, куда угодно ни песчаные дюны, ни скалистые холмы не преграждали нам дорогу.

Однако саванна оказалась не единственным благословением богини. Здесь росли деревья. В узкой речной долине нашей родины, где все мы выросли, когда-то, кто знает, может, и были большие деревья, но многие века тому назад они пали под жадным топором человека. Дерево для нас, египтян, было редкостным, драгоценным товаром. Каждое бревно или дощечку приходилось везти морем, рекой или на спинах вьючных животных из дальних стран.

Теперь, куда бы мы ни посмотрели, повсюду стояли огромные деревья. Росли они не густыми чащобами, подобно зарослям на островах порогов, а высокими просторными рощами, где травянистые поляны разделяли высокие величественные деревья. На этих равнинах хватило бы древесины на постройку флота для всех народов и на всех морях. Более того, ее было достаточно на постройку и перестройку всех городов цивилизованного мира и изготовление мебели для каждого дома и каждой комнаты. И даже после этого здесь хватило бы дров на многие века. Мы привыкли готовить пищу, сжигая в очаге небольшие сушеные лепешки испражнений домашнего скота, и теперь в изумлении смотрели на такое изобилие.

Но древесина оказалась не единственным сокровищем, найденным нами в легендарных землях Куша, которых мы наконец достигли.

Сначала я увидел их издалека и принял за огромные гранитные памятники. Они стояли в желтой траве равнины под сенью раскидистых акаций. Потом перед нашими изумленными взорами громадные скалы пришли в движение.

— Слоны! — Я не видел их раньше, но спутать этих животных невозможно. Мой крик подхватили все, кто стоял на палубе вокруг меня.

— Слоны! Слоновая кость!

Такие богатства не снились даже фараону Мамосу с сокровищами погребального храма. Повсюду, насколько хватало глаз, паслись многочисленные стада слонов.

— Их здесь тысячи — Тан глядел на берег, и в глазах его разгорался огонек охотничьей страсти. — Ты только посмотри на них, Таита. Им нет числа.

На равнине паслось великое множество иных живых существ, помимо слонов. Там были антилопы и газели. Некоторых мы знали, других видели впервые и никогда даже не слышали о них. В будущем мы изучим их повадки и найдем имена для многочисленных и разнообразных животных саванны.

Сернобыки часто стояли рядом со стадами багровых водяных буйволов, чьи рога выгибались назад, как лук, который я сделал для Тана. Под акациями ходили пятнистые жирафы, их шеи доставали до верхних ветвей. Рога на мордах у носорогов достигали роста человека и были остры, как копья. В прибрежной грязи нежились буйволы. Эти огромные звери были черны, как борода Сета, и так же уродливы. Очень скоро мы узнали, какую злобу таит взгляд их задумчивых глаз и как опасны загнутые назад черные рога.

— Собрать колесницы! — нетерпеливо кричал Тан. — Запрячь лошадей! На охоту!

Если бы я знал, какая опасность ожидает нас, то не разрешил бы царевичу Мемнону занять место в колеснице, когда мы в первый раз отправлялись охотиться на слонов. Невежество еще владело нами, и слоны казались миролюбивыми и медлительными, неуклюжими и глупыми. Они наверняка были легкой добычей.

Тан не мог усидеть на месте от нетерпения, так ему хотелось поохотиться на новую

дичь. Он не стал дожидаться, пока будут готовы все четыре отряда. Как только первый из пятидесяти колесниц собрали и запрягли лошадей, он отдал приказ всем занять места и отправляться в путь. Мы поехали по саванне длинной колонной, перекликаясь, подбадривая друг друга и предлагая побиться об заклад на исход охоты. Наши колесницы легко катились по рошам акаций у берега реки.

— Дай мне вожжи, Тата, — потребовал царевич. — Я умею править не хуже тебя!

Хотя он был прирожденным конником и его легкие руки сами, казалось, находили общий язык с упряжкой, а тренировался в езде на колесницах каждый день, хвастовство царевича не было обоснованным. Разумеется, ему было далеко до меня, так как никто в нашей войне не мог сравниться со мной, не говоря уже о каком-то одиннадцатилетнем сорванце.

— Смотри и учись! — строго сказал я, а когда Мемнон обратился за помощью к Тану, тот впервые поддержал меня.

— Таита прав. Никто из нас еще не охотился на этих зверей. Закрой рот и открой глаза, мальчик.

Перед нами небольшое стадо странных серых зверей пирило стручками, упавшими с верхних ветвей акации. С жадным любопытством разглядывал я слонов, пока наши колесницы приближались к ним рысью. Уши у них были чудовищных размеров, и слоны, повернув к нам морды, растопырили их и высоко подняли хоботы. Я понял, что принимаются. Интересно, подумал я, знают ли они запах человека или лошади?

В стаде были маленькие телята, и матери собрали их в середину, чтобы защитить от нападения. Меня тронуло такое проявление материнской заботы, и впервые появилось ощущение, что эти животные вовсе не так медлительны и глупы, как кажется на первый взгляд.

— Здесь только самки, — крикнул я Тану через плечо, — с ними детеныши. Слоновой кости в них мало, и ценится она низко.

— Ты прав. Посмотри вон туда, дальше, — Тан протянул руку. — Те двое должны быть самцами. Смотри, какие они высокие и мощные. Как их бивни сияют на солнце!

Я дал знак колесницам, которые следовали за нами, и мы отвернули от стада слоних со слонятами. Мы покатали дальше, по-прежнему двигаясь строем, к двум крупным самцам, стоявшим в стороне в роще акаций. Пока приближались к ним, нам то и дело приходилось объезжать сломанные ветви и вывернутые с корнем стволы гигантских акаций. Мы еще не имели ни малейшего представления о чудовищной силе этих существ.

— Здесь, наверное, была большая буря, — крикнул я Тану, — вон как деревья поломало.

Мне и в голову не пришло, что такие разрушения могло оставить после себя стадо слонов. Они казались такими кроткими и беззащитными.

Двое старых самцов заметили нас и повернулись в нашу сторону. Только тогда я осознал их истинные размеры. Когда они растопырили свои уши, то, казалось, закрыли небо, как черная грозная туча.

— Ты только посмотри, сколько слоновой кости! — вскричал Тан. Его ничто не тревожило, волновали только трофеи. Лошади наши занервничали — почуяли запах странной дичи. Вскидывали головы и начали сдавать назад. Управлять ими стало трудно, они не хотели бежать вперед.

— Тот, что справа, самый большой! — заверещал Мемнон. — Давай возьмем его, — щенок разгорячился не меньше папаша.

— Ты слышал царский приказ? — засмеялся Тан. — Займемся тем, что справа. Пусть Крат берет другого, с него хватит.

Я поднял левый кулак и дал команду колонне разделиться надвое. Крат поехал влево со своими двадцатью пятью колесницами, которые последовали за ним гуськом, а мы продолжали нестись прямо на огромного серого зверя, ожидавшего нас, выставив вперед бивни, огромные, точно колонны в храме Гора.

— Правь прямо на него! — закричал Тан. — Вперед, пока он не пустился наутек!

— Но! — крикнул я Терпению и Клинку, и они перешли на галоп. Мы оба ожидали, что гигантский зверь побежит от нас, как только почувствует угрозу, — никакая дичь, на которую нам приходилось охотиться, не выдерживала прямого нападения. Даже лев бежит от охотника, пока его не ранят или не загонят в тупик. Как могут эти грузные животные вести себя иначе?

— У него такая огромная голова. Прекрасная мишень! — с восторгом заявил Тан, поставив стрелу на тетиву. — Я убью его одной стрелой, прежде чем он пустится наутек. Правь поближе к его смешному носу.

Позади нас вытянулась цепочкой колонна колесниц. Мы рассчитывали налететь на зверя, разделить надвое и пройти по обе стороны от него, осыпая стрелами. Затем собирались развернуться и повторить атаку по классическим правилам тактики колесниц.

Мы неслись прямо на самца, но он и не думал отступать. Неужели они действительно такие тугодумы? Охота будет легкой, и я услышал разочарование в голосе Тана.

— Давай же, старый дурак, — презрительно крикнул он, — не стой так, защищайся!

Казалось, самец понял его слова и принял вызов. Вскинул хобот и издал такой ужасающий трубный рев, что почти оглушил и лошадей, и нас. Лошади в испуге попятись, меня бросило на передок колесницы с такой силой, что я ушиб себе ребра. На какое-то мгновение я потерял управление упряжкой, лошади потащили нас в сторону.

Потом самец снова заревел и побежал на нас.

— Клянусь Гором! Ты только посмотри на него! — в изумлении заорал Тан, поскольку зверь бежал прямо на нас, свирепо размахивая хоботом. Он мчался быстрее любой лошади, и движения его были ловкими, как у разъяренного леопарда, окруженного стаей гончих. Клубы пыли вылетали из-под ног. Он настиг нас раньше, чем я успел совладать с упряжкой.

Я поднял глаза и увидел, как он, словно гора, вырастает перед нами и тянется к нам хоботом, будто хочет вытащить из колесницы. Глаза мои отказывались воспринять его размеры. Ярость пылала в глазах, но эти глаза не были глазами животного — в них чувствовался ум и сообразительность человека. От медлительности не осталось и следа. Перед нами стоял смелый и страшный противник, которому мы в своем надменном невежестве бросили вызов.

Тан пустил стрелу. Она ударила самца в середину лба, и я ожидал, что он повалится на землю, как только бронзовый наконечник пронзит мозг. Мы еще не знали тогда, что мозг слона находится не там, где у других животных, а далеко в задней части черепа; спереди его защищает целая гора губчатой кости, сквозь которую не может проникнуть никакая стрела.

Рана не остановила самца — он даже не замедлил свой бег. Протянув вверх хобот, схватил древко стрелы его кончиком, как человек рукой. Вытащил окровавленное древко из своей плоти и, отбросив в сторону, снова протянул к нам окровавленный хобот.

Гуи, правивший второй колесницей, спас нас, поскольку мы беспомощно застряли перед разъяренным старым самцом. Он налетел сбоку, с яростными воплями хлеща лошадей. Его лучник выпустил стрелу, которая вошла в щеку слона на ладонь ниже глаза, и новое нападение отвлекло внимание от нас.

Самец развернулся вслед за Гуи, но тот мчался на полном галопе и успел проскочить мимо. Следующая колесница оказалась не столь счастливой. У возницы не хватило ловкости Гуи, он не успел вовремя отвернуть в сторону. Слон поднял вверх хобот, а затем опустил его, как палач опускает топор.

Удар пришелся по спине ближней к нему лошади, чуть сзади холки, и хребет ее сломался начисто — я даже услышал треск разлетающихся позвонков, похожий на хруст ветвей кустарника. Покалеченная лошадь повалилась на землю и увлекла за собой вторую. Колесница перевернулась, людей выбросило на землю. Слон поставил ногу на одного из колесничих и хоботом оторвал ему голову, а потом бросил вверх, как детский мяч. Она полетела, вращаясь в воздухе и разбрызгивая красные перья крови. Потом мимо слона промчался следующий экипаж и отвлек его внимание от несчастных.

Я остановил лошадей на краю рощи, и мы в ужасе оглянулись. Вокруг слонов вся роща была усеяна разбитыми колесницами — Крату на левом фланге посчастливилось не больше нашего.

Оба самца были утыканы стрелами, и блестящие красные полосы крови покрывали тела. Однако раны нисколько не убавили их силы, но, казалось, только разъярили. Они буйствовали в роще, ломая перевернутые колесницы, топча массивными ногами тела лошадей и подбрасывая в воздух вопящих людей. Когда те падали на землю, слоны топтали их, и крики прекращались. Крат подкатил к нам.

— Клянусь вшами у Сета промеж ног! Вот это да! — крикнул он. — Мы потеряли восемь колесниц в первой же атаке.

— Охота оказалась забавнее, чем ты ожидал, сотник Крат, — звонко ответил ему царевич Мемнон. Лучше бы ему помолчать, потому что мы с Таном совсем забыли о его присутствии. Теперь же оба набросились на него.

— А ты, мой мальчик, уже повеселился сегодня, — твердо сказал я.

— Отправляйся на ладьи, и немедленно! — поддержал меня Тан, и в этот момент лошади галопом протащили мимо нас пустую колесницу. Не знаю, что случилось с возницей и лучником, — скорее всего, выбросило на ухабе или разъяренные слоны вытащили их хоботами.

— Поймать лошадей! — распорядился Тан и, когда пустую колесницу подвели к нам, сказал царевичу: — Вылезай. Бери колесницу, отправляйся на берег и жди нашего возвращения.

— Вельможа Тан. — Царевич изо всех сил вытянулся перед ним, но дотянулся лишь до плеча отца. — Я возражаю...

— Оставь царские манеры и возвращайся. Возражай своей матери, если хочешь. — Тан властно поднял его одной рукой и опустил в пустую колесницу.

— Вельможа Тан, я имею полное право... — Мемнон сделал последнюю отчаянную попытку остаться.

— А я имею полное право отшлепать тебя по заднему месту ногами, если ты еще будешь здесь, когда я оглянусь, — сказал Тан и повернулся к нему спиной. Мы оба тут же забыли о мальчике.

— Добыча слоновой кости, оказывается, потруднее сбора грибов, — заметил я. — Нужно придумать способ получше.

— Этим зверям бесполезно стрелять в голову. Так их не убьешь, — проворчал Тан. — Попробуем еще раз. Будем пускать стрелы по ребрам. Даже если у них в черепе нет мозгов, сердце и легкие у них наверняка есть.

Я натянул вожжи и взбудрил лошадей, но чувствовал, что Терпение и Клинок беспокоятся. Как и меня, их тревожила сама мысль о возвращении на место побоища — охота на слонов оказалась нам не по вкусу.

— Я буду править прямо на него, — сказал я Тану, — а потом отверну в сторону и подставлю тебе его ребра.

Я пустил лошадей рысью, а потом, когда мы въехали в рощу акаций, разогнал до галопа. Прямо перед нами огромный самец буйствовал на усеянной обломками колесниц и телами лошадей прогалине. Он увидел нас и издал свой страшный рев, от которого кровь застыла у меня в жилах, а лошади прижали уши и снова попятились. Я натянул вожжи, взбудрил их, и мы помчались дальше.

Самец бросился на нас, как лавина, несущаяся по склону холма. Зрелище это было ужасное. Ярости и мукам его не было предела, но я мужественно правил лошадьми и не спешил разгонять их. Когда мы сблизились, я начал хлестать лошадей вожжами и дикими воплями перевел их на сумасшедший галоп. Одновременно резко свернул налево и открыл Тану бок слона. С расстояния менее двадцати шагов Тан быстро выпустил три стрелы. Все они вошли в просветы между ребрами чуть позади плеча и погрузились в тело на всю длину.

Самец снова заревел, но на этот раз в его реве слышалась смертельная боль. Потянулся

к нам хоботом, но мы успели проскочить и ушли от удара. Я оглянулся. Он стоял в пыли позади нас. Потом снова взревел, и облако крови вырвалось из его хобота, как пар из носика чайника.

— Легкие! — закричал я. — Отлично сработано, Тан. Ты попал ему в легкие.

— Вот мы и нашли к нему ключик, — с восторгом ответил Тан. — Поехали назад. Я хочу пустить ему стрелу в сердце.

Я развернул колесницу, лошади еще были сильны и бодры.

— Давайте, красавицы, — крикнул я. — Еще разок, но! Смертельно раненный слон — еще не мертвый слон.

В будущем я узнаю, как сражаются за свою жизнь эти великолепные звери. Сейчас же он снова величественно и храбро бросился нам навстречу, и я невольно почувствовал к нему уважение. Даже в горячке охоты, в страхе за свою жизнь мне было стыдно причинять ему такие муки.

Может быть, именно поэтому я подвел лошадей слишком близко. Из уважения к противнику мне захотелось противопоставить его мужеству мое собственное. Когда уже было почти поздно, я отвернул лошадей, собираясь проскочить мимо под самым хоботом.

В этот момент внешнее от слона колесо разлетелось на кусочки. У меня засосало под ложечкой, когда я, как акrobat, полетел по воздуху. Я не первый раз падал с колесницы и научился приземляться, как кошка. Ослабил удар, прокатившись по земле. Здесь было мягко, и трава росла густо, как матрац. Невредимый, я вскочил на ноги, ни на секунду не теряя сознания, и сразу увидел, что Тан приземлился совсем не так удачно. Он неподвижно лежал на земле.

Лошади были на ногах, но их мертвым якорем приковывала к себе разбитая колесница. Слон набросился на них. Клинок оказалась ближе к нему, и он сломал шею моей любимой кобылы одним ударом хобота. Она упала на колени. Слон пронзил толстым бивнем грудь Клинки и рывком поднял бьющееся животное в воздух.

Мне следовало бежать, пока самец расправлялся со своей жертвой, но Терпение оставалась невредимой. Я не мог покинуть ее. Слон почти отвернулся, его собственные уши, растопыренные, как паруса ладьи, скрыли меня от него, и он не заметил, как я подбежал. Я выхватил меч Тана из ножен в перевернутой колеснице и подскочил к Терпению.

Громадный самец тянул ее за собой за кожаные ремни упряжи, которые связывали с Клинком, но сама кобыла не пострадала, хотя кровь второй лошади забрызгала шею и холку. Она, разумеется, обезумела от ужаса, визжала и лягалась обеими задними ногами и чуть было не раскроила мне череп, когда я подобрался к ней. Я увернулся, но она задела копытом мою щеку.

Я стал рубить ремни из сыромятной кожи, которые привязывали ее к оглобле колесницы. Меч был острым, как бритва, и кожа легко поддавалась. Тремя добрыми ударами я освободил Терпение. Потом протянул руку, пытаясь ухватиться за гриву и вскочить ей на спину, но ужас настолько овладел лошадью, что она усккала прочь, прежде чем я успел что-то сделать. При этом ударила меня плечом, и я тяжело повалился на землю у разбитой колесницы.

Кое-как встав на четвереньки, я увидел, как Терпение легким, широким галопом мчится прочь по роще, и понял, что она невредима. Потом посмотрел на Тана. Тот лежал в десяти шагах от колесницы лицом к земле, и я даже подумал было, что он мертв, но в этот самый момент он поднял голову и повел вокруг себя глазами. Взгляд у него был бессмысленный и тяжелый. Резкое движение может привлечь внимание слона, и я горячо молил про себя Тана лежать неподвижно. Я не посмел издать ни звука, так как разъяренное животное было рядом.

Я поднял глаза на слона. Бедняжка Клинок застряла у него на бивне, а упряжь запутала хобот. Слон двинулся прочь, потащив за собой разбитую колесницу. Он пытался скинуть тяжелую тушу Клинки. Острие бивня распорол живот лошади, и вонь содержимого кишечника и запах свежей крови смешивались с характерным острым запахом слона. Однако сильнее всего мне ударил в ноздри запах моего собственного пота.

Убедившись, что слон отвернулся, я встал и, пригибаясь, быстрыми прыжками подскочил к Тану.

— Вставай! Вставай же! — хрипло шептал я, стараясь поднять его на ноги, но он был тяжел и еще не пришел в себя от удара. В отчаянии я оглянулся на слона. Тот уходил прочь, волоча за собой колесницу на перепутанной упряжи и труп лошади на бивне.

Я перекинул руку Тана через свою шею и подставил плечо под мышку. Из всех сил уперся в землю и поднял его на ноги; он, шатаясь, грузно навалился на меня. Меня мотало под тяжестью.

— Соберись! — горячо шепнул я. — Слон вот-вот заметит нас.

Я попытался тащить Тана за собой, но тот сделал один шаг, застонал и снова тяжело навалился на меня.

— Нога, — прохрипел он. — Не могу идти. Колено. Вывихнул проклятое колено.

В это самое мгновение я полностью осознал весь ужас нашего положения. Мой старый грех — трусость — снова овладел мною, силы оставили меня, а ноги задрожали.

— Убирайся отсюда, старый дурень, — хрипел мне Тан в ухо. — Брось меня, беги!

Слон поднял голову и замотал ею, как собаки вытряхивают воду из ушей, выбравшись на берег. Огромные уши громко хлопали по его плечам, а разmozженная туша Клинки соскользнула с бивня и отлетела в сторону, как будто была не тяжелее дохлого зайца. Сила старого слона казалась просто невероятной. Если он так легко подбрасывает лошадь и колесницу, что может сотворить с моим собственным хрупким телом?

— Беги, ради любви Гора, беги, дурак! — пробормотал Тан и попытался оттолкнуть меня, но из какого-то странного упрямства я продолжал цепляться за его плечи. Как бы мне ни было страшно, я не мог покинуть друга.

Слон услышал голос Тана и развернулся в нашу сторону, расставив уши, широкие, как главный парус ладьи. Он смотрел прямо на нас с расстояния не более пятидесяти шагов.

Тогда я еще не знал, что зрение у слонов очень слабое и они почти слепы. Слон почти полностью полагается на слух и чутье. Только движение может привлечь его, и, если бы мы стояли неподвижно, он бы нас не увидел.

— Он нас заметил, — выдохнул я и потащил Тана за собой, заставляя прыгать на одной ноге. Самец обнаружил движение и заревел. Я никогда не смогу забыть этот звук. Он оглушил и ошеломил меня, мы зашатались и чуть не упали.

Потом слон помчался прямо на нас.

Он бежал вперед длинными шагами, уши хлопали вокруг головы. Стрелы, как щетина, торчали из морщинистого лба, кровь текла по морде, как слезы. Каждый раз, когда он ревел, облачко легочной крови вырывалось из хобота. Он мчался на нас высокий, как скала, и черный, как смерть. Я мог разглядеть каждую складочку кожи и морщинку вокруг глаз. Ресницы его были густы, как у красивой девушки, а зрачки излучали такую ярость, что сердце тяжелым камнем замирало у меня в груди, а ноги прирастали к земле.

Течение времени замедлилось, и меня вдруг охватило чувство нереальности происходящего, словно я видел все это во сне. Я стоял и смотрел, как смерть несется на меня, медленно и величественно, и не мог двинуться с места.

— Тата! — детский голос раздался в моей голове, и я понял, что ужас обманывает мое сознание. — Тата, я иду!

Не веря своим ушам, я оторвал взгляд от приближающейся ко мне смерти. По ровной прогалине между акациями к нам на полном галопе неслась колесница. Лошади стелились по земле, головы их поднимались и опускались, как молот кузнеца на наковальню. Уши были прижаты, а ноздри раздувались, розовые и влажные. Я не видел возницы, который держал вожжи.

— Приготовься, Тата! — только после этого я заметил маленькую головку, едва возвышавшуюся над передком. Два кулачка, побелев от напряжения, сжимали вожжи.

— Мем, — закричал я, — назад! Поворачивай назад! Ветер раздувал волосы, и они облаком развевались за его головой; солнечный свет высекал рыжие искорки из черных

кудрей. Он мчался к нам, не задерживаясь ни на мгновение.

— Выпорю негодника за непослушание, — прорычал Тан, шатаясь на одной ноге. Мы оба забыли об опасности.

— Тпру! — закричал Мемнон и остановил упряжку на полном галопе. Он так круто сманеврировал, что внутреннее колесо развернулось на ободу. Экипаж на мгновение замер прямо перед нами, загородив от слона. Справился парень великолепно.

Я подхватил Тана под руку и втолкнул в колесницу. В следующее мгновение прыгнул сверху сам. Как только я приземлился на него, Мемнон отпустил вожжи, и лошади рванули вперед так резко, что меня бы выбросило назад, не схватись я за борт.

— Давай, Мемнон! — крикнул я. — Покажи, на что ты способен!

— Но! — заорал царевич. — Ого-го!

Колесница помчалась вперед, так как перепуганные лошади неслись изо всех сил под разъяренный рев слона за нашими спинами.

Мы все втроем оглянулись назад. Голова слона нависала над экипажем и, казалось, закрывала весь горизонт. Хобот тянулся к нам и был настолько близко, что облако кровавых брызг летело на нас с каждым выдохом и ложилось красными пятнышками на лица, как будто их поразила чудовищная болезнь.

Мы не могли оторваться от слона, а он был не в силах догнать нас. Мы мчались по прогалине, пригнувшись к колеснице, а окровавленная голова нависала над нами. Достаточно было вознице ошибиться один раз, наши колеса разбились бы на ухабе или о ствол поваленного дерева, и слон настиг бы нас в тот же момент. Однако царевич правил, как опытный возница, и хладнокровным, наметанным глазом выбирал дорогу. На поворотах колесница неслась на одном колесе на волосок от гибели, но ему удавалось уворачиваться от разъяренного слона. Он не ошибся ни разу, а потом вдруг все кончилось.

Одна из стрел в груди слона прошла глубже от тряски и пронзила сердце. Он широко раскрыл пасть, поток яркокрасной крови хлынул из горла, и великан повалился замертво. Ноги подогнулись, и бежавшее тело рухнуло с такой силой, что земля задрожала. Слон лежал на боку, задрав к небу огромный изогнутый бивень, словно последний раз бросал вызов этому миру.

Мемнон остановил лошадей, мы с Таном выкарабкались из колесницы и встали рядом, глядя на гороподобную тушу. Тан оперся на борт колесницы, чтобы снять вес с поврежденной ноги, и медленно повернулся к мальчику.

— Клянусь Гором, я знал храбрецов, но никто из них не превзошел тебя, парень, — просто сказал он, а потом поднял Мемнона и прижал к своей груди.

Я не могу подробно описать, что произошло дальше, потому что привычные слезы залили мне глаза. Сколько я ни называл себя сентиментальным дураком, не мог остановить их. Мне так давно хотелось увидеть, как отец обнимет своего сына.

Я сумел взять себя в руки и справиться с чувствами, когда услышал далекие крики приветствий. Мы не отдавали себе отчета в том, что охота разворачивалась на виду у всей флотилии. «Дыхание Гора» стояла у берега Нила, и я заметил на кормовой надстройке стройную фигуру царицы. Даже с такого расстояния можно было разглядеть, как побледнело и окаменело ее лицо.

«ЗОЛОТО ДОБЛЕСТИ» — награда воина, и ценится она выше, чем «Золото похвалы». Она присуждается только героям.

Мы собрались на палубе ладьи. Там присутствовали приближенные царицы и командиры всех отрядов ее войска. У мачты стояли бивни слонов, выставленные напоказ как военные трофеи, все воины надели торжественные наряды своих отрядов. Знаменосцы вытянулись по стойке смирно позади трона, а трубачи торжественно трубили, когда царевич преклонил колено перед царицей.

— Возлюбленные подданные! — четко произнесла Лостра. — Благородные командиры войска, мои советники и воины отрядов, я представляю вам царевича Мемнона, наследника

короны Египта, который на моих глазах и на глазах у всех вас завоевал мою благосклонность, — она улыбнулась сверху вниз одиннадцатилетнему мальчику, с которым обращались так, как будто он был военачальником, одержавшим большую победу. — За храбрость на охоте я повелеваю ввести его в состав отряда стражи Синего Крокодила в ранге воина и награждаю «Золотом доблести», дабы награда эта гордо сияла у него на груди в знак заслуг.

Золотую цепь специально для этой цели изготовили царские златокузнецы, и теперь она точно легла на шею одиннадцатилетнего воина. Однако на цепочке висела маленькая золотая фигурка слона, которую я вырезал своей рукой. Эта статуэтка была совершенством во всех отношениях, вместо глаз сияли осколки граната, а бивни были сделаны из настоящей слоновой кости. Она так красиво смотрелась на безупречной коже царевича.

Я почувствовал, что глаза мои снова наполняются слезами, когда услышал приветственные крики, которыми воины встречали царевича, но я проглотил их, сделав над собой усилие. Не я один купался в слезах, как бородавочник в грязи, даже Крат, Ремрем и Аст — эти суровые, испытанные воины, которые всегда держались с наигранной грубостью, — стояли с глупыми улыбками на лицах, и, могу поклясться, у многих воинов на глазах блестели слезы. Так же, как и его родители, мальчик умел пробуждать любовь и верность в окружающих. Под конец каждый командир отряда синих подошел к царевичу и торжественно обнял как нового товарища по оружию.

В тот вечер, когда на закате солнца мы с царевичем катились на колеснице по берегу Нила, Мемнон внезапно остановил лошадей и повернулся ко мне.

— Меня призвали в отряд. Я наконец стал воином, и теперь, Тата, ты должен сделать мне новый лук.

— Я сделаю тебе самый хороший лук, какой только приходилось натягивать лучнику, — пообещал я.

Некоторое время он серьезно смотрел на меня, а потом вздохнул.

— Спасибо, Тата. По-моему, сегодня — счастливейший день в моей жизни, — в свои одиннадцать лет мальчик произнес эти слова, как убежденный сединой старец.

На следующий день, когда флотилия встала на якорь на ночь, я отправился на поиски царевича и обнаружил его в одиночестве на берегу в таком месте, где он был укрыт от посторонних взглядов. Мемнон не заметил меня, и я мог понаблюдать за ним.

Он был совершенно обнаженным. Хотя я и предупреждал его о коварном течении и крокодилах, мальчик, очевидно, только что плавал в реке, так как волосы мокрой волной лежали на плечах. Однако его поведение озадачило меня: он подобрал на берегу два больших круглых камня и теперь, держа по одному в каждой руке, поднимал и опускал их, словно совершал какой-то странный обряд.

— Тата, ты следишь за мной, — сказал Мемнон вдруг, не оборачиваясь. — Тебе что-нибудь нужно?

— Мне интересно, что ты делаешь с этими камнями. Ты поклоняешься какому-то новому богу кушитов?

— Я хочу, чтобы руки мои стали сильными и могли натягивать новый большой лук. Я хочу, чтобы лук этот был по-настоящему тугим. Тебе не удастся отделаться от меня новой игрушкой. Слышишь, Тата?

НА РЕКЕ нам преградил путь еще один порог — пятый и, как оказалось, последний из тех, которые пришлось преодолеть. Однако он не был столь серьезным препятствием для нас, как предыдущие четыре. Земли вокруг изменились, и мы уже не были привязаны к узкой долине реки. Мы снова остановились, ожидая очередного половодья, засеяли поля и стали растить урожай, но теперь могли посылать отряды колесниц по широким просторам саванны в разведывательные походы. И госпожа моя отправила отряды на юг на охоту за слонами и добычу слоновой кости.

Когда мы прибыли в земли Куша, огромные стада великолепных серых зверей

доверчиво встретили нас. Теперь же они бежали и рассеялись по равнине. Мы повсюду безжалостно охотились на них. Однако эти мудрые существа быстро усвоили урок.

У пятого порога мы обнаружили огромные стада слонов по обоим берегам реки. Их были тысячи, и Тан немедленно отправил на охоту колесницы. Мы разработали тактику охоты и научились избегать потерь, как в первой охоте на двух самцов. За первый же день убили сто семь слонов, а потеряли только три колесницы.

На следующий день мы не увидели поблизости ни одного слона. Хотя колесницы отправились вдогонку по широким тропам, проложенным в саванне большими стадами, они нагнали их только через пять дней.

Теперь охотничьи отряды возвращались через много недель, так и не добыв ни одного бивня. Сперва мы решили, будто нашли неисчерпаемый источник слоновой кости. Но, как заметил царевич в первый же день, охота на слонов была не столь простым занятием, как могло показаться на первый взгляд.

И все же отправившиеся на юг колесницы вернулись не с пустыми руками. Они обнаружили нечто куда более ценное, чем слоновая кость. Они обнаружили людей.

Уже несколько месяцев я не покидал лагеря, испытывая колеса для колесниц. Именно в тот день я нашел решение проблемы, которая мучила меня с первых дней работы над колесом и которая так забавляла и смешила Тана и его бравых дружков. Я имею в виду непрочность колес моей конструкции.

Решение оказалось непростым. Мне пришлось применить несколько разных материалов, начиная с материала для ступиц колес. Теперь в моем распоряжении находился практически неограниченный выбор разных сортов древесины, рога сернобыков и носорогов, на которых охотились неподалеку от нашего поселения и которые, в отличие от слонов, не спасались бегством после наших налетов.

Я обнаружил, что, если замочить в воде красную сердцевину жирафьей акации, она становилась настолько твердой, что от нее отскакивало лезвие крепчайшего бронзового топора. Я переложил эту древесину слоями рога и обвязал ступицу бронзовой проволокой тем же способом, каким я изготовил Ланату. В результате мне удалось сделать колесо, которое без опаски можно было использовать в любой местности. Когда нам с Гун удалось построить первые десять колесниц с новыми колесами, я поспорил с Кратом и Ремремом, которые прославились на все войско грубой ездой и разрушением колесниц. Я предложил им разбить новые колеса во время езды на колеснице. Мы побились об заклад на десять дебенов золота, что они не смогут разбить колеса в установленный срок.

Игра пришлось по душе двум мальчишкам-переросткам, которые принялись за нее с юношеским задором. Последующие несколько недель их дикие вопли, грохот копыт и колес разносились по рощам на берегах Нила. Когда время испытания подходило к концу, Гуи пришел ко мне с жалобой: они загнали двадцать упряжек лошадей. Правда, его немножко утешило то, что спор мы выиграли. Наши колеса выдержали самые строгие испытания.

— Если бы ты дал мне еще несколько дней, — без всякого намека на великодушие бурчал Крат, отдавая мне золото, — я бы наверняка заставил их татакнуться! — И он изобразил без слов то, что считал очень смешным, а именно: как разлетается мое колесо и возница летит по воздуху.

— Ты очень талантливый клоун, Крат, но золотишкото твое у меня, — я позвенел у него под носом, — ты только и можешь разыгрывать старые шутки, от которых тебе самому уже тошно.

И вот разведывательный отряд, возглавляемый вельможей Акером, что отправлялся на поиски слонов, вернулся с вестью о том, что обнаружил поселение людей далеко к югу.

Мы ожидали встречи с каким-нибудь племенем после первого же порога. Земли Куша веками снабжали Египет рабами. Как правило, их захватывали в плен сородичи в междоусобной войне, а потом продавали с остальными товарами, подобно слоновой кости и страусиным перьям, на передовых заставах империи, где также покупали рог носорога и золотой песок. Язвительные черные служанки царицы Лостры тоже происходили отсюда, а к

нам они поступили с рабовладельческих рынков Элефантины.

Я до сих пор не могу понять, почему мы не обнаружили людей раньше. Наверное, ушли из-за войн и набегов работорговцев, как стада слонов, когда мы начинали охотиться на них. Людей могли погубить голод или болезни — сейчас трудно сказать, что произошло. Однако до сих пор мы видели лишь скудные следы пребывания человека.

Теперь же, когда мы наконец нашли людей, возбуждение, как поветрие, овладело всеми. В рабах мы нуждались больше, чем в слоновой кости и золоте. Наша цивилизация и образ жизни основывались на рабовладении, одобренном богами и освященном древностью. Мы могли увезти с собой очень мало рабов, и теперь у нас появилась настоятельная необходимость захватить как можно больше пленных, чтобы заменить оставшихся в Египте. Иначе мы бы не выжили.

Тан немедленно приказал отправить большой отряд. Ему пришлось самому возглавить его, так как он не знал, что ожидает нас в верхнем течении Нила. Если не считать военнопленных, мы, египтяне, покупали рабов у иноземных торговцев, и, насколько мне известно, нам впервые за много веков предстояло заняться охотой на людей. В ней мы были такими же новичками, как и в охоте на слонов, но по крайней мере не предполагали, что дичь наша будет робкой и глупой.

Тан по-прежнему не желал ездить с другим возницей, и даже безуспешные попытки Крата и Ремрема разбить новые колеса не убедили его в достоинствах новых колесниц. Мы ехали во главе отряда, а следом за нами второй колесницей правил молодой командир синих, наследник короны Мемнон.

Я выбрал двух лучших колесничих в экипаж Мемнона. Его собственный вес был настолько мал, что колесница легко, вмещала еще одного человека, а у царевича не хватало сил на то, чтобы вдвоем с возницей поднять повозку и перенести через препятствие, когда лошади не могли перетащить ее сами. Ему нужна была помощь еще одного человека.

Первая обнаруженная нами деревня расположилась на берегу реки в трех днях пути от порога. Она представляла собой скопление жалких навесов из травы, слишком примитивных для того, чтобы называть их хижинами. Тан выслал вперед разведчиков, чтобы узнать местность вокруг деревни, а потом мы стремительно, одним броском, окружили ее.

Люди, спотыкаясь, выскакивали из-под навесов. Они были слишком ошеломлены и потрясены и не могли оказать сопротивления. Даже не пытались убежать. Они сбились в кучу и стали болтать что-то друг другу, с изумлением разглядывая кольцо колесниц и щитов, окружившее пленных.

— Отличный улов! — Тан в восторге разглядывал их. Мужчины были рослыми и худыми с длинными стройными руками и ногами. Ростом они превосходили большинство наших воинов, и даже Тан казался коротышкой рядом с ними, когда ходил и осматривал добычу, разделяя на отдельные группы, как крестьянин или скотовод делит свое стадо.

— Некоторые просто великолепны, — восхищался он. — Посмотри на этого красавца, — и вывел вперед молодого человека с развитой мускулатурой. — За него дадут не меньше десяти золотых колец на рынке рабов в Элефантине.

Женщины были здоровыми и сильными. Спины у них прямые, а зубы белые и ровные. У каждой из женщин на руках младенец, а второго ребенка она держала за руку.

И все же более примитивного народа я еще не встречал.

И мужчины, и женщины не носили никакой одежды и бесстыдно ходили, не прикрыв паха, хотя маленькие девочки носили на поясе ожерелья из бусинок, изготовленных из осколков страусиных яиц. Я сразу заметил, что зрелые женщины подверглись жесточайшему обрезанию. Позже я узнал, что для этой операции использовался кремневый нож или бамбуковая щепка. Их влагалища были покрыты шрамами и превратились в огромные открытые колодцы, которые запирались снаружи пряжками из осколков слоновой кости. Молоденькие девочки еще не были изувечены, и я принял решение в будущем запретить этот обычай. Я был абсолютно уверен в том, что госпожа моя поддержит меня.

Кожа этих людей была настолько черной, что их обнаженные тела казались багровыми

в лучах восходящего солнца, словно перезрелые плоды винограда. Некоторые из них измазали себя смесью золы и белой глины, нарисовав кончиками пальцев грубые узоры на своих телах. Волосы свои они собирали в узел на голове и скрепляли их смесью бычьей крови и глины в высокий блестящий шлем, от которого казались еще выше, чем были на самом деле.

Меня сразу поразило то, что среди них не было стариков. Позже я узнал: по обычаю старикам ломали ноги боевыми дубинами и оставляли на берегу реки в жертву крокодилам. Они считали крокодилов воплощением умерших предков и верили, будто превращают стариков в крокодилов, скармливая их речным хищникам. Круг, таким образом, замыкался.

Дикари не изготавливали никаких металлических изделий. Орудиями им служили деревянные дубины и заостренные палки. Горшечного искусства также не знали и вместо посуды пользовались высушенными плодами тыквы. Не сажали никаких растений и жили целиком на рыбе, которую ловили ловушками, или за счет своих стад низкорослого длиннорогого скота, самого ценного своего достояния. Пускали скотине кровь из вены на шее и, смешав эту кровь с только что надоенным парным молоком, пили свернувшуюся массу с невероятным наслаждением.

В последующие несколько месяцев я обнаружил, что они не умеют ни читать, ни писать. Из музыкальных инструментов пользовались только барабаном, выдолбленным из цельного ствола дерева, а песни их походили на хрип и блеяние диких животных. Танцы были грязной пародией полового акта, в которой ряды обнаженных мужчин и женщин приближались друг к другу, виляя бедрами и топая ногами. Когда сходились, подражание прекращалось и пляски кончались настоящей оргией.

Когда царевич Мемнон спросил меня, по какому праву мы захватываем этих людей и их скот, я сказал ему:

— Они — дикари, а мы — люди цивилизованные. Так же, как отец обязан воспитать и вырастить своего сына, мы должны поднять их из звериного состояния и научить вере в настоящих богов. Они же со своей стороны обязаны платить нам за это своим трудом.

Мемнон — мальчик смывленный, и после такого объяснения он больше не сомневался ни в его логичности, ни в нравственной обоснованности.

По моему предложению госпожа моя позволила своим черным служанкам сопровождать наш отряд. Лично у меня отношения с этими двумя вертихвостками были далеко не безупречными, однако теперь они оказали нам бесценную услугу. У обеих девушек сохранились детские воспоминания о жизни до того, как попали в рабство. Они помнили основы языка своего племени. Этого оказалось достаточно, чтобы начать обучение наших пленников. Как и у всех музыкантов, мое ухо чутко воспринимает звуки человеческого голоса, а кроме того, у меня очень хорошие способности к языкам. Через несколько недель я уже мог говорить на языке шилуков, как называли себя эти люди.

Язык их был столь же примитивным, как обряды и образ жизни. Общее число слов в нем не превышало пяти сотен, и я, записав их на свитках, заставил погонщиков рабов и командиров войска выучить, так как Тан назначил последних командовать пойманными рабами. Именно из этого племени он создал свой первый пеший отряд для поддержки колесниц.

Первый набег не показал нам истинной воинственной природы шилуков. Все произошло слишком быстро, поэтому мы не были готовы к тому, что ожидало нас в следующих деревнях. На этот раз шилуки заранее узнали о нашем приближении и сумели подготовиться к встрече.

Угнав свой скот и спрятав женщин и детей, обнаженные и вооруженные только деревянными дубинами, они плотной толпой побежали на наши колесницы и с невероятной стойкостью и мужеством грудью принимали удары стрел и мечей.

— Клянусь вонючей серой в ухе Сета! — весело ругался Крат после того, как мы отбили первое нападение. — Каждый из этих черных дьяволов — прирожденный воин.

— Если обучить и дать бронзовое оружие, эти черные ребята устоят против любой

пехоты в мире, — подтвердил Тан. — Положите луки на подставки, я хочу захватить как можно больше живыми.

В конце концов Тану удалось довести их до полного изнеможения погоней за колесницами, и только тогда они попадали на колени, исчерпав свой, казалось, бесконечный запас выносливости и отчаянного геройства. Погонщики рабов связали усталых воинов.

Лучших пленников Тан отбирал в свои пехотные отряды. Он выучил язык так же быстро, как и я. Шилуки скоро стали почитать его богом вместо своих крокодилов. Тан полюбил их почти столь же сильно, как я полюбил лошадей. Под конец нам уже не приходилось ловить шилуков, как диких зверей. Великолепные рослые воины, вооруженные копьями, сами покидали свои укрытия в камышах и кустарниках в глубине оврагов, подходили к Тану и просили взять в его отряды.

Тан вооружил их длинными пиками с бронзовыми наконечниками и щитами из кожи слона, а затем нарядил в юбки из хвостов дикого кота и в головные уборы со страусиными перьями. Его младшие командиры обучили новичков всем классическим построениям войска, и мы скоро начали сочетать тактику пехоты и действия колесниц.

Однако не все шилуки пошли в войско. Многие стали неумолимыми гребцами на наших ладьях, преданными пастухами и конюхами, потому что были рождены ухаживать за скотом.

Мы скоро узнали, что их кровными врагами были племена динка и мандари, жившие дальше к югу. Эти племена оказались еще более примитивными и не обладали воинственным духом шилуков. Ничто не доставляло шилукам большего наслаждения, чем поход на своих древних врагов под командованием египетского военачальника и при поддержке египетских колесниц. Динка и мандари они захватывали в плен тысячами. Последних мы использовали для тяжелой и нудной работы. Никто из них не пришел к нам по своей воле, как некоторые шилуки.

КОГДА ФЛОТИЛИЯ прошла пятый порог, все земли Куша открылись нам. Теперь шилуки стали нашими проводниками. Ладьи шли вверх по реке, а отряды колесниц отправлялись в далекие походы, возвращаясь с богатой добычей слоновой кости и новыми рабами.

Скоро мы достигли широкого русла реки, которая впадала в Нил с востока. Воды в этой реке почти не было, она высохла и превратилась в цепочку мелких луж. Однако шилуки заверили нас, что в определенное время река, которую они называли Атбара, становится бурным потоком и ее воды вливаются в Нил, поднимая высоту его половодья. Царица Лостра отправила группу золотоискателей с проводниками-шилуками вверх по руслу Атбары. Они должны были пройти как можно выше по ее течению. Флотилия же отправилась дальше на юг, продолжая охотиться и ловить рабов.

Сколько бы я ни тревожился и как ни пытался помешать царевичу, в те дни колесница Мемнона часто оказывалась во главе летучих отрядов. Разумеется, его окружали хорошие воины — об этом я позаботился, но здесь, в дикой Африке, повсюду угрожали опасности, а он по-прежнему оставался мальчишкой.

Я считал, что ему нужно проводить больше времени со мной за изучением свитков. Он должен был учиться на палубе «Дыхания Гора», а не развлекаться с такими разбойниками, как Крат и Ремрем. Эта парочка заботилась о безопасности царевича не больше, чем о своей собственной. Очень скоро он стал таким же сорвиголовой.

Когда я попытался поговорить об этом с Таном, тот только рассмеялся в ответ.

— Если ты хочешь в один прекрасный день увидеть на его голове двойную корону обоих царств, ему нужно научиться презирать опасности и вести за собой людей.

Госпожа моя соглашалась с Таном во всем, что касалось обучения Мемнона, и мне оставалось только полнее использовать те немногие часы, которые я проводил в обществе царевича.

И все же у меня было утешение. Две царевны, Техути и Беката, становились

очаровательнее с каждым днем, и скоро я стал их рабом не только в буквальном смысле этого слова. Из-за особых обстоятельств моей и их жизни я был для них ближе, чем родной отец. Первым словом Бекаты стало Дата», а Техути отказывалась ложиться спать, пока я не расскажу ей сказку. Она очень тосковала, когда мне приходилось оставлять флотилию и уезжать по какому-нибудь делу. Это было, пожалуй, самым счастливым временем моей жизни. Я чувствовал себя центром большой семьи, и любовь ее членов придавала мне силы.

Народ наш был почти столь же счастлив, как и я. Скоро один из наших золотоискателей вернулся из похода вверх по реке Атбаре. Он опустился на колени перед царицей. Построй и положил к ногам маленький кожаный мешочек. Затем по ее просьбе он развязал его, и оттуда потекла струйка блестящих камешков. Одни из них были размером с песчинку, другие — с кончик большого пальца, и все испускали характерное сияние, которое трудно с чем-либо спутать.

Царица призвала златокузнецов. Они разожгли свои горны, приготовили тигли и наконец объявили, что эти самородки — настоящее золото очень высокой чистоты. Мы с Таном снова отправились вверх по Атбаре, туда, где было найдено золото. Я помог придумать способ его добычи и разработки россыпей в русле реки, где накапливался драгоценный металл.

Мы согнали тысячи мандари и динка, и они корзинами таскали гальку и песок вверх по склонам холмов к промывочным желобам, выбитым каменщиками в скалистых склонах над рекой.

Мы оставили горняков за их работой и вернулись к флотилии, унося с собой пятьсот дебенов только что выплавленных золотых колец.

НА СВОЕМ ПУТИ мы встретили еще один порог — шестой. Этот порог оказался последним, и прохождение оказалось более быстрым и простым, чем всех предыдущих. Наши колесницы и повозки спокойно обошли его по равнине, и мы наконец достигли таинственного места слияния двух могучих рек, которые образуют Нил, известный нам и любимый нами с детства. — Вот место, явленное Таите в видении лабиринтов Амона-Ра. Здесь с позволения Хапи смешиваются истекающие из нее воды. Здесь находится священное место пребывания богини, — объявила царица Лостра. — Мы завершили наше путешествие. Именно здесь богиня укрепит наши силы перед возвращением в Египет. Я называю это место Кебуи, или «Место северного ветра», потому что северный ветер привел нас сюда.

— Это благоприятное место. Богиня уже явила нам свою благосклонность, одарив нас рабами и золотом, — подтвердили вельможи верховного государственного совета. — Мы не пойдем дальше.

— Нам осталось лишь найти место упокоения моего мужа, фараона Мамоса, — повелела царица Лостра. — Как только гробница его будет построена и фараон ляжет в нее, обет мой будет выполнен, и настанет время нашего победоносного возвращения в Египет. Только после этого сможем мы выступить против тиранов гиксосов и изгнать их с нашей родины.

По-моему, я был одним из немногих среди пришедших из Египта, кого не обрадовало решение царицы. Всеми остальными членами совета овладела тоска по дому, они устали от долгих лет скитаний. Я же, напротив, заразился болезнью куда более опасной — меня поразила страсть к перемене мест. Мне хотелось узнать, что находится за следующим поворотом реки и за следующим гребнем холма. Мне хотелось идти вперед и вперед до самого края света. Поэтому я был счастлив, когда госпожа поручила мне найти место для царской гробницы и приказала царевичу Мемнону сопровождать меня с отрядом колесниц. Это не только позволило предаться страсти к путешествиям, но и снова подарило радость общения с царевичем.

В возрасте четырнадцати лет царевича Мемнона назначили командиром нашего отряда. В этом не было ничего необычного. В истории Египта бывали фараоны, которые в его возрасте выигрывали сражения во главе своих войск. Царевич очень серьезно отнесся к

своим обязанностям в первом самостоятельном походе. Когда готовили колесницы, Мемнон лично осмотрел каждую лошадь и повозку. У нас было по две запасных упряжки для каждой колесницы, чтобы регулярно менять лошадей, не утомляя их.

Затем мы с царевичем долго и весьма подробно обсуждали, в каком направлении нам отправиться на поиски идеального места для царской гробницы. Хотелось найти необитаемую гористую местность, куда вряд ли нагрянут похитители сокровищ. Там мы выберем скалу, в которой можно будет вырубить усыпальницу и дополнительные коридоры.

Мы не встречали подобной местности с тех пор, как вошли в земли Куша. Мы обсудили все, что знали о землях, лежавших позади нас, и начали строить догадки о том, что ожидало нас впереди. Мы стояли в Кебуи, у слияния двух рек, прекраснейшем из мест, которые мы посетили за время нашего долгого путешествия.

Все птицы небесные слетались сюда: от ярких, как драгоценные камни, зимородков до голубых журавлей, от шелестящих стай уток, тучами поднимавшихся в небо, до ржанок и чибисов, которые бегают по берегу у кромки воды и останавливаются, чтобы жалобно спросить: «Чиво, чиво?» В рощах серебристых акаций в открытых просторах саванны паслись бесчисленные стада антилоп; казалось, что место пребывания богини священо для всех родов жизни.

Воды после слияния двух рек кишели рыбой, а в небе медленно кружили белоголовые речные орлы, время от времени издавая свой потусторонний резкий клич.

Характер и нрав двух рек был совершенно различным, как это часто бывает у двух детей, рожденных одной женщиной. Река, текущая справа, медленно несла свои желтые воды. Хотя она и была полноводней левого притока, но характером мягче. Голубовато-серые воды восточной реки мчались стремительно, ее мощные струи отталкивали сестру в сторону при слиянии и не желали смешиваться с ней, прижимаясь к своему берегу и сохраняя буйный нрав многие мили, прежде чем позволяли наконец более спокойной желтой реке поглотить себя.

— По какой же реке нам пойти, Тата? — спросил Мемнон, и я послал за проводниками-шилукками.

— Желтая река течет из бескрайних болот, населенных страшными болезнями. Ни один человек не может пройти по ним. Это земли крокодилов, гиппопотамов и кусачих насекомых. Это земля лихорадки, где человеку легко заблудиться, и он будет вечно искать дорогу назад, — рассказал нам шилук.

— А другая река? — спросили мы.

— Темная река течет прямо с неба, низвергаясь со скал, вершины которых уходят в облака. Ни один человек не может взобраться по их страшным склонам и крутым ущельям.

— Мы пойдем по темной, левой реке, — решил царевич. — В скалистой местности нам легче будет найти место, где найдет упокоение мой отец.

Итак, мы отправились на восток и шли вверх по течению реки, пока не увидели на горизонте голубые горы. Они возвышались стеной, и размеры этой крепости превосходили все, когда-либо нами виденное. Рядом с этими горами холмы в долине Нила казались следами птичьих лап на песчаном берегу. С благоговейным ужасом смотрели мы на них. Мы приближались к ним, и с каждым днем они уходили все выше и выше в небо, а мир у подножия, казалось, становился все мельче и мельче.

— Никто не может взобраться по их склонам, — с изумлением глядел на них Мемнон. — Там, наверное, живут боги.

Мы видели, как отблески молний освещали склоны. Молнии мерцали в тяжелых тучах, скрывавших от наших взоров вершины гор. Мы слышали раскаты грома, который, подобно львиному рыку, разносился эхом по узким ущельям и долинам, и благоговейный ужас наполнял нас.

Мы не отважились идти дальше подножия этого ужасного горного хребта. Отвесные скалы и крутые ущелья встали на нашем пути и заставили колесницы повернуть назад. У подножия этих гор мы нашли укромную долину, окруженную отвесными скалистыми

склонами. Двадцать дней мы с царевичем изучали это дикое, безлюдное место, пока наконец Мемнон не остановился перед черной отвесной скалой и тихо произнес:

— Здесь тело моего отца будет покоиться вечно, — и поднял глаза на отвесную каменную стену, я увидел в них мечтательное и загадочное выражение. — Мне кажется, я слышу его голос. Он раздастся у меня в голове. Отец будет счастлив здесь.

Тогда я осмотрел местность и разметил скалу, вбивая в трещины бронзовые костыли. Так я показал направление и наклон входного коридора для каменщиков, которые придут сюда работать. Покончив с этим, мы вышли из лабиринта горных долин и крутых ущелий и пошли назад, к Нилу, туда, где сливаются две реки и где оставалась наша флотилия.

НА НОЧЬ мы стали лагерем на великих равнинах в нескольких днях пути от Кебуи. Ночью меня внезапно разбудил потусторонний гнусавый крик и шум движения огромной массы животных, которые, казалось, раздавались повсюду вокруг нас. Мемнон приказал протрубить тревогу, а затем мы вооружились и встали наготове внутри кольца колесниц. Бросили хвороста в сигнальные костры и посмотрели в темноту. Перед нами в мерцающем свете волновалась темная равнина, подобная бурной поверхности Нила, и равнина эта текла мимо. Гнусавые крики и фыркание почти оглушали нас. Животные шли так плотно, что некоторые из них натолкнулись на кольцо колесниц и перевернули часть наших экипажей. Отдохнуть в этом шуме было невозможно, и мы оставались на ногах весь остаток ночи. Поток живых существ не ослабевал.

Когда рассвело, мы увидели необычайное зрелище. Повсюду, насколько хватало глаз, равнину покрывал ковер движущихся животных. Они шли в одном направлении, медленно, со странной решимостью, опустив головы и погрузившись в облака пыли, поднятые их собственными копытами. Изредка они издавали громкие потусторонние крики. Время от времени часть бесконечного стада пугалась без всякого повода, и животные вскидывали головы. Они начинали скакать, фыркать и гоняться друг за другом, бессмысленно кружа в огромном стаде, подобно водоворотам на поверхности спокойной реки. Затем они снова успокаивались и тяжелым шагом шли следом за другими животными, исчезая в утреннем тумане и пыли.

Мы стояли и в изумлении смотрели вокруг. Все живот— «ые принадлежали к одному виду, и каждое из них в точности походило на другое. Все они были темного красноватого окраса, а шерсть на шее, лохматая и спутанная, висела до самой земли. Рога смыкались над головой, подобно месяцу. Головы были бесформенные, носы похожи на раздувшиеся клубни, а тела, мощные спереди, сужались к задку. Бедра были худыми и стройными.

Потом мы наконец запрягли лошадей в колесницы и отправились в путь по живому морю, подобно флотилии кораблей. Животные раздвигались, чтобы пропустить нас, и проходили с обеих сторон так близко, что можно было протянуть руку и коснуться их спин. Они совершенно не боялись и глядели на нас мутными скучными глазами.

Когда настало время обедать, Мемнон натянул тетиву на лук и убил пять антилоп пятью стрелами. Мы сняли с них шкуры и разделали туши на глазах сородичей, проходивших мимо на расстоянии вытянутой руки. Несмотря на странную внешность, мясо этих животных, зажаренное на открытых углях, было не хуже мяса любой дичи, какую мне доводилось пробовать.

— Вот еще один дар богов, — заявил Мемнон. — Как только мы соединимся с главным войском, отправим отряд за этим стадом. Наши охотники смогут накопить столько мяса, что хватит на прокорм всех рабов и всего войска до следующего их прихода.

От проводников-шилуков мы узнали, что эта неведомая нам миграция животных происходит каждый год. Стада покидают одни пастбища и переходят на другие, отделенные от первых сотнями миль. Шилуки называли этих зверей гну, подражая их гнусавым крикам.

— У нас будет неистошимый запас мяса, пополняющийся каждый год, — сообщил я царевичу.

Никто не предвидел катастрофы, которая произойдет из-за посещения нашего лагеря

уродливыми гну. Меня должно было насторожить то, как те вскидывали головы и фыркали без всякой причины, а из ноздрей текла слизь, которую я заметил, когда они проходили мимо. Однако я не задумывался о поведении гну и считал их тихими и безобидными животными, от которых нам, кроме пользы, ждать нечего.

Как только мы достигли слияния двух рек, то сообщили о миграции гну царице Лостре, и она согласилась с предложением царевича Мемнена, назначив ему в помощники Крата, и Ремрема. Отдала под его командование отряд из двухсот колесниц с группой больших грузовых повозок и несколькими тысячами шилуков. Царица приказала забить столько гну, сколько они смогут разделить и закоптить на прокорм войска.

Я не отправился с отрядом, так как роль помощника мясника не приводила меня в восторг. Очень скоро дым от костров, на которых коптили мясо, поплыл по горизонту, и не прошло и нескольких дней, как начали возвращаться большие повозки, доверху груженные кучами почерневших ломтей мяса.

Ровно через двадцать дней после нашей встречи со стадами гну я сидел на берегу Нила под тенистым деревом и играл в бао со своим старым другом Атоном. Я позволил себе и Атону немного отдохнуть. Мы открыли один из драгоценных кувшинов вина высшего качества, которое оставалось в наших запасах со времен ухода из Египта. Мы с Атоном играли и переругивались, как и полагается старым друзьям, потягивая вино и наслаждаясь его букетом.

Мы не имели ни малейшего представления, какая катастрофа приближается к нам с каждой секундой. Напротив, у меня были причины быть довольным собой. За день до этого я закончил чертежи и планы строительства гробницы фараона, где придумал несколько ловушек, которые должны будут остановить похитителей сокровищ. Царица Лостра одобрила мои планы и назначила одного из главных каменщиков наблюдать за строительством. Сказала мне, что я могу требовать любых рабов и любой материал, которые понадобятся. Госпожа моя решила не скупиться на выполнение клятвы, данной покойному мужу. Она построит ему самую изысканную гробницу, какую способен создать мой гений.

Я выиграл подряд третью партию у Атона и наливал себе в чашу великолепное вино из кувшина, когда услышал топот копыт и увидел верхового, который скакал к нам от расположения колесниц на полном галопе. Еще издали я узнал Гуи. Очень немногие рисковали ездить верхом, тем более с такой скоростью. Он мчался к нам. Когда я увидел выражение его лица, так резко вскочил на ноги, что разлил вино и перевернул доску.

— Таита! — закричал Гуи мне с расстояния в сто шагов. — Лошади! О, милостивая Исида, помоги нам! Лошади!

Он остановил лошадь. Я вскочил на ее спину позади Гуи, обхватив его за талию.

— Не трать времени на разговоры, — крикнул я ему. — Гони!

Сначала я отправился к Терпению. Половина табуна уже заболела и лежала на земле, но эта кобыла была моей первой любовью. Она лежала на боку, грудь тяжело вздымалась. Постарела, седина появилась на морде. Я не запрягал ее в колесницу с того самого дня, когда слон убил Клинку. Терпение больше не ходила в упряжке, но стала лучшей племенной кобылой в наших табунах. Ее дети унаследовали крепкое сердце и острый ум. Только что она кончила кормить маленького красивого жеребенка, который стоял сейчас рядом и тревожно смотрел на нее.

Я встал на колени.

— Что с тобой, храбрая моя? — мягко спросил я. Терпение узнала мой голос и открыла глаза.

Веки слиплись от слизи. Состояние ее привело меня в ужас. Шея и горло кобылы раздулись и стали вдвое толще обычного. Вонючий гной струился изо рта и ноздрей. Лихорадка сжигала ее, и я чувствовал, что тело пышет жаром, как костер.

Она попыталась подняться, когда я погладил шею, но была слишком слаба. Голова снова упала на землю, дыхание с бульканьем и хрипом вырывалось из груди. Густой серо-желтый гной пузырился в ноздрях. Горло сжималось, ей приходилось судорожно

бороться за каждый вдох.

Она смотрела на меня почти человеческими глазами, в которых стояла доверчивая мольба. Чувство бессилия охватило меня. Мне еще не приходилось иметь дело с этой болезнью. Я стащил белоснежный платок с плеч и стер гной с ноздрей. Это была жалкая, бессмысленная попытка, потому что свежая струйка вонючего гноя тут же появилась на ее коже.

— Таита! — позвал меня Гуи. — Все лошади поражены этой болезнью.

В душе я был благодарен ему за то, что он отвлек меня. Я оставил Терпение и пошел осматривать табун. Половина лошадей уже лежала, а те, что держались на ногах, шатались, из их ноздрей и ртов на землю текли струйки желтого гноя.

— Что нам делать? — с мольбой в голосе спрашивали Гуи и колесничие. Их доверие тяжелой ношей легло на мои плечи. Они ожидали, что я могу предотвратить ужасную катастрофу, но я понимал, что ничего не в состоянии сделать. Я не знал лекарства от этой болезни и не имел представления, как ее лечить. Здесь нужно было нечто новое, ни на что не похожее.

Спотыкаясь, я побрел обратно к Терпению и снова стал стирать гной с ноздрей. Я видел, что силы ее кончаются. Каждый вздох стоил страшных мучений. Печаль лишала меня сил. Я понял, что скоро расплачусь и стану совершенно слаб и абсолютно бесполезен для кого бы то ни было, будь то лошади или люди.

Кто-то опустил на колени рядом со мной. Я поднял глаза и увидел одного из конюхов шилуков, трудолюбивого и приятного человека, с которым подружился и который считал меня своим хозяином.

— Это болезнь гну, — сказал он мне на своем простом языке. — Многие умрут.

Я смотрел на него, ничего не соображая, а когда слова дошли до моего скованного горем сознания, вспомнил фыркающие, сопливые стада гну, темным ковром покрывавшие равнину, — животных, которых я считал даром благосклонных богов.

— Эта болезнь убивает наш скот, когда приходят гну. Те животные, которые выживут, будут в безопасности. Они больше никогда не заболеют.

— Что нам делать, чтобы спасти их, Хабани? — спросил я, но он покачал головой в ответ.

— Ничего нельзя сделать.

Я держал голову Терпения в руках, когда она умерла. Дыхание будто застряло у нее в горле. Судорога прошла по телу, ноги вскинулись, а потом ослабли. Я издал стон боли, стоя на краю пропасти отчаяния, а когда поднял глаза, сквозь слезы увидел, что и жеребенок Терпения тоже лежит на земле, а желтая слизь пузырится у него в горле.

В этот момент отчаяние мое перешло в жгучую ярость.

— Нет! — закричал я. — Я не позволю тебе умереть!

Я бросился к малышу и крикнул Хабани принести горячей воды в кожаных ведрах. Мочил в горячей воде полотно и прикладывал к горлу лошади, чтобы снизить опухоль, но это не помогало. Гной по-прежнему тек из ноздрей, кожа на шее натягивалась, плоть набухала, как пузырь.

— Он умирает, — покачал головой Хабани. — Многие умрут.

— Я не позволю ему умереть, — мрачно сказал я и отправил Гуи на «Дыхание Гора» за своим медицинским сундучком.

Когда он вернулся, было уже почти поздно. Силы жеребенка были на исходе. Дыхание становилось все более редким и судорожным, и я чувствовал, как жизнь покидает его. Я нащупал пальцем кольца на трахее в том месте, где шея переходит в грудь. Легким ударом скальпеля надрезал кожу и обнажил жилистую трубку, а затем вдавил острие скальпеля в трахею и проткнул ее. Воздух со свистом вошел в отверстие, и я увидел, как грудь лошади поднялась, а легкие наполнились. Она снова задышала ровно и глубоко, но я заметил, что отверстие в трахее начинает затягиваться кровью и слизью.

В лихорадочной спешке я отрезал ножом трубочку из бамбука от корпуса ближайшей

колесницы и вставил ее в отверстие. Она держала отверстие открытым, жеребенок перестал биться и задыхался ровно и спокойно через бамбуковую трубочку.

— Гуи! — закричал я. — Я покажу тебе, как спасти лошадей!

Еще до наступления темноты я научил не меньше сотни конюхов и колесничих выполнять эту грубую, но действенную операцию. Мы работали всю ночь при неровном свете масляных светильников.

К этому времени в царских табунах уже было более тринадцати тысяч лошадей. Мы работали, кровь из разрезанных глоток сворачивалась у нас на руках, и они почернели до самых локтей. Когда силы покидали нас, мы падали на сено и спали около часа, а потом вставали и снова принимались за работу.

Некоторых лошадей болезнь поразила не так сильно. Я назвал эту болезнь «желтым душителем». Те из лошадей, которые перенесли ее легче, казалось, имели врожденную способность противостоять ей: истечение гноя из ноздрей у них было не более обильным, чем у гну, и они оставались на ногах и выздоровели через несколько дней.

Многие лошади умерли еще до того, как мы вскрыли им трахеи. Некоторые, которым мы успели сделать эту операцию, умерли позже от воспаления и осложнений, связанных с нанесенными ранами. Разумеется, часть лошадей оказалась в отрядах, которые ушли на равнины, и там я не мог помочь им. Царевич Мемнон потерял каждые две из трех лошадей. Ему пришлось оставить свои колесницы и вернуться в Кебуи пешком.

Когда мор прошел, мы недосчитались более половины табуна. Умерло семь тысяч голов, а те, что остались, были настолько слабыми и истощенными, что им потребовалось много месяцев, пока они восстановили силы и смогли работать в упряжке. Жеребенок Терпения выжил и заменил в моем сердце свою мать. Он занял правое место в моей упряжке и стал таким сильным и надежным, что я назвал его Утес.

— Как повлияло это поветрие на наше возвращение в Египет? — спросила меня госпожа.

— Оно отбросило нас назад на несколько лет, — сказал я и увидел боль в ее глазах. — Мы потеряли самых лучших и обученных старых лошадей, таких, как Терпение.

Нам придется снова разводить лошадей в царских табунах и обучать молодых работе в упряжке.

В следующем году я с ужасом ожидал миграцию гну, однако, когда они пришли снова и ковром покрыли равнину, Хабани оказался прав. Лишь немногие из наших лошадей заболели желтым душителем; они перенесли его в легкой форме и уже через несколько недель после болезни могли работать в упряжке.

Меня очень удивило то, что жеребята, родившиеся сразу после первого поветрия желтого душителя и сами не перенесшие болезни, тем не менее оказались стойкими к этой болезни, как и их матери, переболевшие в свое время. Казалось, что способность противостоять болезни они получили с молоком матери. Теперь я был уверен, что это поветрие уже не ударит по нашим табунам с такой ужасной силой.

ТЕПЕРЬ моей главной обязанностью стало сооружение гробницы фараона в горах. Мне пришлось проводить много времени в этих диких и грозных краях, и я полюбил горы и их переменчивый нрав. Горы непредсказуемы, как красавица. Иногда кажутся спокойными и отрешенными, прячась в густом покрывале облаков, где то и дело мерцают молнии и грохочет гром. Временами милы и соблазнительны, они манят, предлагая открыть свои тайны и познать опасные наслаждения.

Хотя в моем распоряжении находилось восемь тысяч рабов и лучшие наши ремесленники и художники помогали мне, работа на строительстве шла медленно. Я понимал, что нам понадобится много лет на сооружение изысканного мавзолея, который пожелала моя госпожа, и на украшение гробницы, соответствующее рангу владыки двух царств. По правде говоря, спешить не было необходимости, так как на восстановление царских табунов требовалось время, как и на обучение пеших отрядов шилуков, которые

должны были по боеспособности сравняться с отрядами гиксосов, своих будущих противников.

Когда я был свободен от работы в горах, то проводил время в Кебуи, где меня ожидали мириады забот и удовольствий. Я учил двух маленьких царевен и разрабатывал новую тактику военных действий с вельможей Таном и царевичем.

К этому времени стало ясно, что в один прекрасный день именно Мемнон будет командовать всеми отрядами колесниц. Тан так и не преодолел своего недоверия к лошади. Он остался пехотинцем и моряком до мозга костей, а теперь, старея, становился все более консервативным и все чаще следовал обычаю при выучке своих новых воинов, шилуков.

Царевич был смелым и изобретательным колесничим. Каждый день он приходил поговорить со мной о десятке новых идей. Одни из них были надуманными, другие — совершенно гениальными. Мы испытали их все, даже те, которые я считал невозможными. Ему исполнилось шестнадцать лет, когда царица Лостра возвела его в ранг лучшего из десяти тысяч.

Теперь Тан редко ездил со мной на колеснице, и я малопомалу превратился в главного возницу Мемнона. Между нами установилась почти инстинктивная связь, которая распространялась также на нашу любимую упряжку, Утеса и Цепь. Когда мы шли походом, Мемнон по-прежнему любил править лошадьми, и я стоял в колеснице позади него. Однако, как только мы вступали в бой или начинали охоту, он бросал мне вожжи и хватал с подставки дротики или лук. Я же вел колесницу в самую гущу боя и правил упряжкой, участвуя в построениях колесниц, которые мы с ним придумали.

Мемнон рос и становился все сильнее, скоро мы с ним начали получать все призы на играх и военных состязаниях, которые часто разнообразили нашу жизнь в Кебуи. Сперва мы стали первыми в гонках на колесницах по прямой, где Утес и Цепь могли полностью проявить свою стремительность. Затем выигрывали соревнования по стрельбе из лука и метанию дротиков. Очень скоро мы прославились как колесница, которую нужно победить, чтобы получить ленточку чемпиона из рук царицы Лостры.

Я помню, как наша колесница под приветственные крики толпы летела к последним воротам дистанции. Я правил лошадьми, а Мемнон, стоя за моей спиной, метал налево и направо дротики по набитым соломой чучелам. Потом наша колесница неслась вперед, и царевич вопил за моей спиной, как демон, а его длинные курчавые волосы развевались на ветру, как хвост атакующего льва.

Очень скоро царевич начал преуспевать в состязаниях иного рода, и на этот раз без какой-либо помощи с моей стороны. Всякий раз, когда он проходил мимо молоденьких девушек со сверкающим «Золотом доблести» на груди и ленточкой победителя состязаний в волосах, они начинали хихикать, краснеть и искоса поглядывали на него. Однажды я слишком поспешно зашел в его шатер, так как у меня были важные вести, и тут же остановился, увидев, что мой царевич ничего вокруг себя не замечает, кроме нежного молодого тела и симпатичного личика девушки, которую оседлал. Я молча попятился назад и вышел, слегка опечаленный тем, что возраст невинности царевича уже позади.

И все же ни одна из этих радостей не могла сравниться с драгоценными часами, которые я проводил со своей госпожой. В возрасте тридцати трех лет она достигла расцвета зрелой красоты. Тонкий ум и достоинство излучала даже ее походка. Лостра стала истинной царицей — женщиной, которая правит сама.

Весь народ любил, но вряд ли кто-нибудь любил ее больше, чем я. Даже Тан не мог сравниться со мной по преданности. Я гордился тем, что она по-прежнему нуждалась во мне и продолжала полагаться на меня, на мои суждения и советы, доверяя мне во всем. Сколькими бы радостями ни благословила меня жизнь, госпожа моя навсегда останется величайшей любовью моей жизни.

СЛЕДОВАЛО бы наслаждаться полнотой жизни, однако беспокойство всегда было свойственно мне, а теперь его усиливала страсть к путешествиям, охватившая меня. Всякий

раз, когда я отдыхал от трудов на строительстве гробницы фараона, я поднимал глаза на окружающие скалы, и горы манили меня. Я начал ходить на короткие прогулки по их величественным и пустынным ущельям. Чаще всего я отправлялся один, но иногда Гуи или кто-нибудь другой сопровождал меня.

Гуи был со мной, когда я впервые увидел стадо диких козерогов на крутых скалах высоко в горах. Этой разновидности диких коз я еще не видел. Они были вдвое выше диких коз долины Нила, а у некоторых старых баранов на голове высились такие огромные закрученные рога, что делали их чудищами из сказок.

Гуи принес весть о гигантских козерогах в Кебуи, где у слияния двух рек расположился наш народ. Через месяц вельможа Тан прибыл в долину гробницы фараона вместе с царевичем Мемноном. Царевич стал таким же ярым охотником, как и его отец, и не меньше последнего жаждал поохотиться на небывалую дичь. Что же касается меня, я обрадовался возможности исследовать высокогорье в таком обществе.

Мы собирались подняться только до первой гряды горных вершин. Но стоило нам взобраться на перевал, как перед нами открылся такой простор, что у нас захватило дух. На горизонте мы увидели огромные горы цвета шкуры льва и формы наковальни. По сравнению с ними вершина, на которой мы находились, казалась карликом. Они манили нас к себе.

Нил бежал нам навстречу по крутым долинам и темным ущельям, где воды его бились о скалы в облаках пены. Мы не могли повсюду следовать за руслом реки и временами поднимались высоко в скалы по головокружительным тропам, выющимся вдоль крутых склонов хмурых гор.

Заманив нас в свою пасть, горы обрушили на нас свою ярость.

В нашем отряде было около ста человек и десять вьючных лошадей с припасами. Мы встали лагерем на дне одного из глубочайших ущелий и разложили на камнях свежие трофеи Тана и Мемнона, любуясь ими. Перед нами лежали две головы козерогов, самых крупных из тех, каких нам когда-либо приходилось видеть. Рога были настолько тяжелы, что только двое рабов могли поднять их.

Внезапно пошел дождь.

В долине Египта дождь бывает раз в двадцать лет. Никто из нас и вообразить не мог ничего похожего на тот ливень, который обрушился на нас.

Сначала густые черные тучи скрыли узкую полоску неба, видневшегося далеко вверху между узких стен ущелья, и из солнечного полдня мы мгновенно погрузились в глубокий мрак. Холодный ветер пронесся по ущелью и остудил наши тела и души. В ужасе прижались мы друг к другу, пытаясь согреться.

Затем из мрачной тучи в скалу ударила молния, и грохот прокатился по ущелью. Воздух наполнился запахом серы, искры посыпались со скал. Эхо усиливало раскаты грома, и земля задрожала у нас под ногами.

Потом пошел дождь. Он не падал с неба в виде капель. Казалось, струи Нила, срывающиеся с каменного уступа порогов во время половодья, обрушились на нас. Дышать стало нечем, рот и ноздри заливала вода, и мы почувствовали, что тонем в этих потоках. Дождь лил настолько плотно, что нельзя было разглядеть фигуру человека на расстоянии вытянутой руки. Струи с такой яростью обрушивались на наши плечи, что мы сгибались под их тяжестью и пытались укрыться под нависшими над нашими головами скалами. Но даже под ними шум дождя оглушал нас, а брызги кололи кожу, как рой разъяренных шершней.

Стало холодно. Я никогда не испытывал такого холода. Одежда наша состояла из тонкой полотняной ткани. Холод лишал наши тела силы, и мы задрожали так, что зубы начали стучать в наших ртах, даже изо всех сил сжимая челюсти, мы не могли остановить их.

Затем я услышал иной звук, который перекрывал шум падающего дождя. Это был грохот бурного потока воды. По узкой долине, где мы пытались скрыться от дождя под нависшей скалой, шла серая стена воды. Она протянулась от одного края долины до другого и неслась, сметая все на своем пути.

Меня подхватило и понесло. Я кувыркался в воде, меня било о скалы, и я почувствовал,

что жизнь покидает мое тело, а ледяная вода наполняет внутренности. Тьма опустилась на меня, и я решил, что умер.

Я смутно помню, как чьи-то руки вытащили меня из потока и поволокли на темный далекий берег. Голос царевича позвал меня. Еще не открыв глаз, я почувствовал запах дыма, и бок мой согрело тепло пламени.

— Таита, очнись! Скажи что-нибудь, — голос зазвучал настойчивее, и я открыл глаза. Лицо расплывалось у меня перед глазами, но я заметил, что Мемнон улыбается мне. Потом царевич сказал через плечо: — Он очнулся, вельможа Тан.

Я увидел, что нахожусь в пещере, а снаружи наступила ночь. Тан вышел из-за дымного костра и сел на корточки рядом с царевичем.

— Как ты себя чувствуешь, старина? Кости, по-моему, у тебя целы.

Я судорожно сел и тщательно ощупал свое тело.

— Голова у меня раскалывается, и все тело болит. А кроме того, мне холодно и хочется есть.

— Будет жить, — усмехнулся Тан. — Хотя некоторое время назад я сомневался, что мы уцелеем. Нужно выбираться из этих проклятых гор, пока не стряслось чего-нибудь похуже. Это безумие — отправляться в земли, где реки падают прямо с неба.

— Что с остальными? — спросил я. Тан покачал головой.

— Все утонули. Только тебя удалось вытащить из воды.

— Что с лошадьми?

— Пропали. Все пропали.

— А пища?

— Тоже пропала. Я даже лук потерял в реке. У меня остались только меч на поясе да одежда, в которой был.

НА РАССВЕТЕ мы вышли из своего убежища и отправились вниз по предательской долине. У выхода из ущелья нашли тела некоторых наших людей и трупы лошадей, застрявшие среди скал, когда вода спала.

Мы обыскали скалы и осыпи, пытаюсь найти что-нибудь из припасов или снаряжения. К моей великой радости, я нашел свой сундучок, содержимое которого уцелело, хотя и намокло. Я разложил его на скале и, пока оно сохло, сделал из кожаной упряжи ременные лямки, чтобы нести сундучок на спине.

Тем временем Мемнон срезал полоски мяса с туши лошади и зажарил их на огне костра. Наевшись до отвала, мы захватили с собой остатки мяса и отправились в обратный путь.

Путешествие наше постепенно превращалось в кошмар. Мы карабкались вверх по крутым скалам и опускались в глубокие ущелья. Горам, казалось, не будет конца, и наши ноги в открытых сандалиях отвечали острой болью на каждый шаг. Ночью мы дрожали от холода вокруг дымного костра, сложенного из плавника.

На следующий день мы поняли, что заблудились и бесцельно блуждаем по горам. Я даже решил, что мы обречены умереть на голых скалах. Потом услышали шум реки и, перевалив через хребет, увидели новорожденный Нил, выходящий по ущелью под нашими ногами. Однако это было не все. На берегу реки стояли цветные шатры, между которыми двигались фигурки людей.

— Цивилизованный народ, — сразу определил я. — Шатры наверняка сделаны из тканого материала.

— И у них есть лошади, — горячо поддержал меня Мемнон, показывая на стреноженных лошадей за лагерем.

— Смотри! — показал Тан. — Вон там что-то блеснуло на солнце. Это либо клинок, либо наконечник копья. Они умеют обрабатывать металл.

— Нужно узнать, кто они, — мне не терпелось выяснить, что за племя обитает в таком негостеприимном краю.

— Они глотки нам перережут, — пробурчал Тан. — С чего ты взял, что горцы эти не такие же дикие, как горы, в которых они живут?

Много позже мы узнали, что эти люди называют себя эфиопами.

— А лошади у них великолепные, — прошептал Мемнон. — Наши ниже и не такие крепкие. Нужно спуститься и осмотреть их.

Царевич наш прежде всего лошажник.

— Вельможа Тан прав, — предостережение пробудило мою обычную осторожность, и я стал успокаивать царевича. — Они могут оказаться опасными дикарями, едва надевшими одежду цивилизованных людей.

Мы сидели на склоне горы и довольно долго спорили. В конце концов любопытство одержало верх, и мы спустились вниз по склону крутого ущелья, чтобы последить за незнакомцами.

Когда подошли поближе, увидели, что люди эти высокие и прекрасно сложены, может быть, даже лучше, чем мы, египтяне. Волосы у них густые, черные и курчавые, мужчины носили бороды, в отличие от нас. На них были длинные одежды до земли, сделанные, скорее всего, из шерсти. Одежду свою они раскрашивали ярко. Мы же обычно оставляем грудь обнаженной и носим простые белые юбки. На ногах у них были мягкие кожаные сапоги, а не сандалии, а головы они покрывали яркими платками.

Женщины, которых мы заметили, работали между шатрами. Они не носили покрывала и вели себя весело. Пели и перекликались на языке, которого я раньше не слышал, но голоса звучали мелодично; они переливали воду из кувшина в кувшин, сидели на корточках и разговаривали вокруг костров или терли зерно на зернотерках.

Группа мужчин играла в какую-то игру, которую я издали принял за наше бао. Они делали ставки и спорили по поводу каждого положения камешков. Вдруг двое играющих вскочили на ноги и вытащили из-за поясов кривые кинжалы. Оскалившись, встали друг против друга и зашипели, как пара разъяренных котов.

Тогда третий человек, сидевший в одиночестве, встал, потянулся, как ленивый леопард, и подошел к ним с мечом в руках. Он выбил кинжалы из их рук, двое спорящих сразу успокоились и уныло разошлись.

Миротворец был, очевидно, вождем. Высокий и жилистый, как горный козел, он во многом походил на это животное. Борода была длинная и густая, как у козерога, а лицо грубое и козлиное, с тяжелым загнутым носом и широким жестоким ртом. Мне даже подумалось, что от него несет, как от старого барана, которого Тан сбил стрелой с утеса. Вдруг Тан сжал мою руку и прошептал в ухо:

— Ты только посмотри!

Вождь носил самый богатый наряд. Одежда его была раскрашена в полосы синего и алого цвета, а драгоценные камни в серьгах сверкали, как полная луна. Я не понял, что взволновало Тана.

— Меч, — прошипел он. — Посмотри на меч.

Я в первый раз пригляделся к мечу. Тот был длиннее наших мечей, а рукоять у него была из золота тонкой филигранной работы. Такой превосходной работы мне еще не приходилось встречать. Предохраняющий кисть щиток был усыпан драгоценными камнями. Какой-то безвестный мастер-ремесленник работал над этим шедевром всю свою жизнь.

Однако не рукоять привлекла внимание Тана. Он говорил о клинке. Длинной клинок был с руку вождя и сделан был из металла, который не походил ни на желтую бронзу, ни на красную медь. Это был металл странного серебристо-голубого цвета, похожего на цвет чешуи нильского окуня, только что вынутого из сети. Клинок был инкрустирован золотом, что, очевидно, подчеркивало его ценность.

— Что это? Что это за металл?

— Не знаю.

Вождь снова сел перед своим шатром, но теперь положил меч на колени и стал любовно поглаживать острие клинка осколком вулканической скалы в форме фаллоса.

Металл издавал звон при каждом прикосновении камня. Никакая бронза не дает такого звука. Он походил на мурлыканье отдыхающего льва.

— Я хочу этот меч, — прошептал Тан. — Я не успокоюсь, пока не получу его.

Я испуганно взглянул на Тана. Я никогда еще не слышал в его голосе таких ноток. Он говорил серьезно. Его внезапно охватила всеподавляющая страсть.

— Мы не можем долго оставаться здесь, — мягко сказал я. — Они обнаружат нас. — Я потянул его за руку, но он сопротивлялся. И не мог оторвать глаз от этого меча.

— Пойдем посмотрим лошадей, — настоял я, и Тан наконец позволил утащить себя. Другой рукой я повел за собой Мемнона. Мы обошли вокруг лагеря на безопасном расстоянии и прокрались поближе к лошадям.

Когда я рассмотрел лошадей, мною овладела страсть столь же горячая, как и страсть Тана к голубому мечу. Эти лошади были другой породы, не той, что мы получили от гиксосов. Они были выше ростом, пропорции тел изящнее. Головы их были благороднее, а ноздри шире. Я уже знал, что ноздри — это признак выносливости и сильного дыхания. Глаза у них располагались ближе к носу и казались крупнее, чем глаза наших лошадей. В них светились доброта и ум.

— Они прекрасны, — прошептал Мемнон. — Посмотри, как держат головы и как изгибают шеи.

Тан жаждал получить меч, а мы с Мемноном — лошадей, причем не менее страстно.

— Хоть бы одного-единственного жеребца заполучить и подпустить к нашим кобылам! — молил я всех богов. Я готов был обменять надежду на вечную жизнь на такого жеребца. Один из конюхов взглянул в нашем направлении, потом что-то сказал своему товарищу. Тот поднялся и пошел в нашу сторону. На этот раз мне не пришлось настаивать. Мы быстро спрятались за скалу и уползли прочь. Потом нашли надежное укрытие ниже по течению реки за кучей огромных камней, и тут у нас начался долгий спор, во время которого все говорили одновременно и никто никого не слушал.

— Я пойду и предложу ему тысячу дебенов золота, — поклялся Тан. — Я не могу без этого меча.

— Он убьет тебя, а потом спросит, чего ты хотел. Разве ты не видел, как он поглаживал меч, будто это его первенец?

— А лошади, — восхищался Мемнон, — я даже не мечтал о таких красавцах. Такие звери, наверное, возят колесницу Гора.

— Видел, как те двое налетели друг на друга? — предостерег я его. — Это настоящие дикари, причем кровожадные дикари. Они выпотрошат тебя, прежде чем ты откроешь рот. Да и что вы оба можете им предложить? Вас примут за жалких нищих.

— Мы можем угнать у них трех жеребцов ночью и поехать на них на равнину, — предложил Мемнон. Хотя мысль эта мне понравилась, я строго укорил его:

— Ты же царевич Египта, а не конокрад. Он ухмыльнулся.

— Ради такой лошади я согласен резать глотки, как последний негодяй в Фивах.

Пока мы разговаривали, со стороны неприятельского лагеря слышались голоса. Они приближались к нам по берегу реки.

Мы поискали укрытия и спрятались за камнями. Голоса стали ближе. Небольшая группа женщин появилась на берегу и остановилась прямо под нами у края воды. Женщины носили одежды неопределенного грязного цвета, а волосы замотали черными платками. Я принял их за служанок или нянек, сопровождающих дочь знатного человека. Тогда мне не пришло в голову, что это тюремщицы, поскольку они обращались с девушкой с необычайной почтительностью.

Девушка была высокой и стройной и раскачивалась на ходу, как стебель папируса на легком ветерке. На ней была короткая одежда из толстой шерсти, окрашенная желтыми и небесно-голубыми полосками. Колени оставались обнаженными. Хотя ноги скрывали короткие сапожки из мягкой кожи, не было никакого сомнения, что икры у нее стройные и гладкие.

Женщины остановились прямо под нашим укрытием, и одна из них начала раздевать девушку, пока две другие наполняли водой кувшины, которые принесли на головах. После дождя вода в реке еще стояла высоко. Войти в такой ледяной поток небезопасно. Очевидно, они собирались помыть девушку из кувшинов.

Женщина подняла одежды девушки над ее головой, и та осталась обнаженной у самой воды. Я услышал, как Мемнон судорожно перевел дыхание. Посмотрел на него и понял, что о лошадях он уже забыл.

Две женщины поливали девушку водой из кувшина, а третья терла сложенной тряпкой. Девушка подняла руки над головой и медленно поворачивалась, чтобы они смогли хорошенько помыть все ее тело. Она смеялась и визжала под струйками холодной воды, и я увидел, как гусиная кожа выступает у нее на сосках, которые, как яркие полированные гранаты, увенчивали округлые гладкие груди.

Густые, курчавые волосы были черны, а кожа — цвета сердцевины акации, когда ее смажут маслом и отполируют. Коричневая, чуть красноватая, она сверкала в отвесных лучах солнца.

Черты лица были тонкими, нос — узким и изящным, губы — мягкими и полными, но не слишком чувственными. Глаза большие и темные, чуть раскосые, ресницы — настолько густые, что путались. Девушка была прекрасна. Я знал только одну женщину, которая могла бы сравниться с ней.

Внезапно девушка что-то сказала женщинам. Те отошли, а она быстро вскарабкалась по склону в нашу сторону. Не успев добраться до нашего укрытия, встала за камнем, который скрыл ее от спутниц, но осталась у нас на виду. Быстро оглянулась, но не заметила нас. Наверное, холодная вода повлияла на нее, поэтому она быстро присела, и ее собственные воды зажурчали по камням.

Мемнон тихо застонал. Он издал естественный стон мучительной тоски. Девушка вскочила на ноги и уставилась на него. Мемнон прятался немного в стороне от меня и Тана. Нас она не заметила, а он стоял перед ней во весь рост.

Мемнон и девушка стояли и смотрели друг на друга. Девушка задрожала, глаза ее расширились. Я ожидал, что красавица вот-вот закричит и побежит прочь. Вместо этого она оглянулась с заговорщицким видом, как будто убеждалась, что ее спутницы не последовали за ней. Потом повернулась к Мемнону и спросила его о чем-то тихим, нежным голосом, с мольбой протянув к нему руки.

— Не понимаю, — Мемнон развел руками в недоумении.

Девушка подошла к нему и нетерпеливо повторила вопрос, а когда Мемнон покачал головой, схватила его за руку и потрясла. В возбуждении она заговорила громче, как будто умоляла что-то сделать.

— Масара! — одна из служанок услышала ее голос. — Масара! — Очевидно, так звали девушку, потому что она жестом попросила Мемнона молчать и повернулась, чтобы вернуться к слугам.

Однако все три женщины стали подниматься по склону за Масарой. Они взволнованно болтали о чем-то, когда обогнули скалу и остановились от неожиданности, увидев Мемнона.

На какое-то мгновение все застыли, а потом служанки дружно завизжали. Обнаженная девушка шагнула было в сторону Мемнона, но, как только она двинулась в его сторону, две женщины схватили ее. Теперь они кричали вчетвером, Масара билась в их руках, пытаясь освободиться.

— Нам пора домой, — Тан дернул меня за руку, и я прыжками понесся за ним.

Со стороны лагеря раздались вопли мужчин, встревоженных криками. Когда я оглянулся, то увидел, что они толпой бегут к нам через небольшую горку. Я заметил также, что Мемнон не побежал за нами, а бросился на помощь к девушке.

Женщины были рослыми и крепко держали свою пленницу, а кричали весьма громко. Хотя Масара отчаянно вырывалась, Мемнон не мог вырвать ее из рук тюремщиц.

— Тан! — закричал я. — Мемнон в беде.

Мы повернули назад, вдвоем схватили Мемнона за руки и потащили прочь. Царевич сопротивлялся.

— Я вернусь за тобой, — кричал он девушке через плечо, пока мы тащили его вверх по склону. — Будь храброй, я вернусь за тобой!

Если кто-нибудь говорит мне, что любви с первого взгляда не бывает, я тихо улыбаюсь про себя и вспоминаю тот день, когда Мемнон впервые увидел Масару.

Мы потеряли много времени, пытаюсь утащить Мемнона силой, и теперь преследователи наступали нам на пятки. Мы побежали по козьей тропе к гребню холма. Стрела мелькнула над плечом Мемнона и со стуком покатила по камням у тропинки. Это заставило нас прибавить ходу.

Мы бежали гуськом по тропе. Мемнон был впереди, за ним — Тан, а я бежал последним и, поскольку за спиной у меня висел тяжелый сундучок, начал отставать. Еще одна стрела пролетела у нас над головами, а потом третья с такой силой ударила в сундучок, что я чуть не упал. Однако он остановил стрелу, которая могла пронзить меня насквозь.

— Давай, Таита, — кричал мне Тан. — Брось этот проклятый сундук, иначе они тебя поймают.

Тан с Мемноном обогнали меня шагов на пятьдесят, но я не хотел бросать свой драгоценный сундучок. В это самый момент пролетела четвертая стрела, и тут мне не повезло. Она попала мне в ногу, в мясистую часть бедра, и я тяжело повалился на тропинку.

Я перекатился, сел и с ужасом посмотрел на камышовое древко стрелы, торчащее из ноги. Потом оглянулся на преследователей. Бородатый вождь в полосатой одежде возглавлял их. Он опередил своих людей на сотню шагов и мчался по тропинке огромными упругими прыжками, как козерог, стремительно покрывая пространство.

— Таита! — крикнул Тан. — Что с тобой? — Он остановился на гребне и тревожно оглядывался. Мемнон уже скрылся.

— Я ранен стрелой! — закричал я. — Беги, оставь меня, я не могу идти!

Не колеблясь, Тан бросился назад и прыжками помчался ко мне. Вождь эфиопов увидел его и издал громкий вызывающий вопль. Он вытащил свой сверкающий голубой меч и, размахивая им, несясь вверх по склону.

Тан подбежал ко мне и попытался поднять на ноги.

— Бесполезно. Я тяжело ранен. Спасайся, — сказал я ему, но эфиоп уже почти догнал нас. Тан оставил меня и вытащил меч.

Они сошлись в смертельной схватке. Я не сомневался в исходе поединка, так как Тан был самым сильным и ловким фехтовальщиком Египта. Когда он убьет эфиопа, мы будем обречены, ибо не сможем больше рассчитывать на милость его подручных.

Эфиоп первым, широко размахнувшись, нанес удар, метя клинком в голову Тана. Это глупо — целить в голову врага, когда сражаешься с таким умелым фехтовальщиком, как Тан. Я знал, что Тан отобьет меч, а затем, слегка изменив направление удара, пронзит бороду вождя и его горло. Это был любимейший удар Тана.

Клинки сошлись, но я не услышал звона. Голубой меч начисто перерубил желтую бронзу, как ветку ивы. У Тана в руке осталась лишь рукоять да обломок клинка длиной с палец.

Тан был ошеломлен тем, с какой легкостью эфиоп обезоружил его, и едва успел уклониться от следующего молниеносного удара врага. В последний момент он отскочил назад, и острие голубого клинка оставило мелкую царапину на выпуклых мышцах груди. Потекла струйка крови.

— Беги, Тан! — закричал я. — Иначе он убьет нас обоих.

Эфиоп снова бросился на него, но я лежал посредине тропы, и ему пришлось прыгнуть через меня. Я схватил его за колени, и он повалился на меня, рыча и размахивая руками.

Эфиоп попытался ткнуть меня в живот голубым мечом, но я так резко изогнулся, что мы скатились с тропинки и покатались вниз по крутой осыпи. Мы катились все быстрее, набирая скорость. Я успел только заметить, как Тан посмотрел на нас сверху, и я отчаянно

закричал ему:

— Беги, береги Мемнона!

Сланцевые осыпи так же коварны, как и трясины болот, где трудно найти опору. Меня и эфиопа бросило в разные стороны, но оба мы остановились на самом краю потока. От ударов о камни я чуть не потерял сознание и стонал, пока грубые руки не подняли меня на ноги. На мою голову обрушились проклятья и удары.

Вождь помешал своим людям убить меня и сбросить тело в реку. Меня с ног до головы покрывала пыль, как и его, и одежда наша разорвалась в лохмотья от падения. Он сжимал в правой руке голубой меч и рыча отдавал приказы. Я отчаянно огляделся и увидел свой сундучок среди скал. Кожаные ремни порвались, и он свалился у меня со спины.

— Принесите его, — приказал я эфиопам с таким яростным достоинством, на какое только был способен, и показал на сундучок. Они расхохотались от такой дерзости, но вождь послал одного из них за сундучком.

По дороге к лагерю двум эфиопам приходилось держать меня под руки, потому что стрела в бедре причиняла мне адские мучения. Каждый шаг отзывался невыносимой болью. Когда мы наконец добрались до места, меня бросили посередине круга шатров.

Затем они начали долгий и яростный спор. Очевидно, обсуждали, откуда я пришел, и пытались решить, что со мной делать. Время от времени кто-нибудь подсказывал ко мне и пинал в ребра, а потом выкрикивал какие-то вопросы. Я лежал как можно тише, стараясь не вызывать нового насилия.

Их немного отвлекло возвращение отряда, посланного за Таном и Мемноном. Он вернулся с пустыми руками. Все собравшиеся начали кричать, размахивать руками, обмениваясь оскорблениями и ругательствами. Меня подбодрило то, что двое моих друзей убежали.

Через некоторое время вспомнили обо мне и решили сорвать на пленнике бессильную злобу. На меня снова обрушились пинки и удары. В конце концов вождь отозвал своих людей и приказал не мучить меня. После этого большинство потеряло ко мне всякий интерес. Меня оставили лежать на голой земле в пыли и грязи, а стрела по-прежнему торчала в моем бедре.

Вождь эфиопов уселся возле самого большого шатра, который, очевидно, принадлежал ему, и начал точить свой меч, не сводя с моего лица взгляда ничего не выражающих глаз. Время от времени он бросал несколько слов своим людям. Непосредственная опасность, казалось, миновала.

Я осторожно выбрал момент и обратился прямо к нему. Я показал рукой на свой сундучок, который бросили к одному из шатров, и умоляющим голосом попросил:

— Мне нужен сундучок. Мне нужно обработать рану.

Хотя слов вождь не понимал, жесты он понял. Приказал принести ему сундучок. Тот поставили перед ним, и он приказал открыть его. Тщательно развернул и осмотрел все, что в нем находилось. Ничто его особенно не заинтересовало. Иногда задавал мне вопрос, на который я пытался ответить жестами.

Наконец он убедился, что в сундучке, кроме скальпеля, не было ничего опасного. Не уверен, понял ли эфиоп, что имеет дело с инструментами лекаря, однако я знаками показал ему, что хочу сделать, показывая на свою ногу и разыгрывая сцену вытаскивания стрелы. Он встал надо мной с мечом в руке и показал, что отрубит мне голову при первом намеке на предательство, но разрешил воспользоваться инструментами.

Стрела вошла в рану под таким углом, что мне было очень неудобно до нее дотянуться. Я почти терял сознание от боли, которую сам причинял себе, пока вводил в рану ложки Таиты и накрывал ими зубцы наконечника.

Пот лился с меня ручьями, когда я наконец почувствовал, что могу вытащить наконечник. К этому времени вокруг меня собралось около половины населения лагеря. Они столпились вокруг меня и, болтая, с интересом наблюдали за операцией.

Я ухватился за ложки покрепче, сжал в зубах деревянный клин и крепко его прикусил,

а потом вытащил наконечник. Зрители закричали от удивления. Очевидно, они еще не видели, чтобы наконечник вытащили так просто, без нанесения серьезных повреждений раненому. Однако искусство, с каким я зашил рану и наложил полотняную повязку, произвело на них еще большее впечатление.

У любого народа, при любом уровне развития, даже у самых примитивных племен, лекарь и врач пользуются особым почетом и уважением. Я продемонстрировал свои способности самым убедительным образом, и мое положение среди эфиопов сразу изменилось.

По приказу вождя меня перенесли в один из шатров и положили на соломенный матрас. Сундучок поставили у изголовья моей постели, а одна из женщин принесла мне крупяную похлебку, кусок жареной курицы и густую простоквашу.

В то же утро, когда сняли шатры, меня положили на носилки между двух лошадей и повезли по неровным крутым тропам. К своему ужасу я увидел по положению солнца, что мы направляемся в глубь гор. Я со страхом подумал, что навсегда потерял свой народ и своих близких. Я был врачом, и это спасло мне жизнь, но одновременно сделало столь ценной добычей, что теперь меня никогда не отпустят на волю. Я понял, что стал рабом, и не только в буквальном смысле этого слова.

НЕСМОТЯ НА ТРЯСКУ, нога моя заживала быстро. Это произвело на эфиопов еще большее впечатление, и они стали приводить ко мне всех больных и раненых своей шайки. Я вылечил стригущий лишай у одного и вытащил паразита из-под ногтя другого. Заштопал человека, который слишком много выиграл у своих друзей. У эфиопов есть склонность решать все споры с помощью кинжала. Когда одна из лошадей скинула седока в овраг, я вправил кости сломанной руки. Мне удалось закрепить их прямо, они срослись, и это повысило мою репутацию лекаря. Эфиопский вождь смотрел на меня с большим уважением. Мне предлагали брать пищу с общего блюда сразу после того, как он выберет себе лучшие куски, и только после меня к блюду допускались остальные.

Когда нога моя зажила, я снова смог ходить и мне разрешили прогуливаться по лагерю. Однако не выпускали из вида. Вооруженный воин повсюду следовал за мной, даже если я справлял нужду в скалах.

Меня держали подальше от Масары, и я видел ее только издали в начале дневного перехода и в конце, когда разбивали лагерь. Днем мы находились в разных концах каравана. Я ехал впереди, она же следовала в самом конце. Ее повсюду сопровождали тюремщицы и вооруженная стража.

Во время каждой встречи Масара бросала мне отчаянные, умоляющие взгляды, как будто я мог чем-то помочь ей. Очевидно, она была очень важным пленником. Девушка была столь красива, что я часто думал о ней и пытался понять, почему ее держат в плену. Я решил, что, скорее всего, она отказалась выйти замуж и теперь ее насильно везут к мужу. А может быть, стала пешкой в какой-нибудь политической игре.

Без знания языка у меня не было никакой надежды понять, что происходит вокруг меня, или узнать побольше об эфиопах. Я начал учить язык.

У меня слух музыканта, и я решил сыграть с ними шутку. Я внимательно прислушивался к голосам окружающих и ловил ритм и интонацию их речи. Очень скоро узнал, что вождя зовут Аркоун. Однажды утром перед отправлением каравана Аркоун отдавал приказы своим людям. Все собрались перед ним и внимательно слушали. Я подождал, пока он закончил свою длинную и горячую речь, а потом повторил ее с абсолютно теми же тоном и интонацией.

Все ошеломленно дослушали меня до конца, а потом вдруг загоготали. Они хохотали и хлопали друг друга по спинам, слезы струились у них по щекам, так как все обладали простым, но добротным чувством юмора. Я не имел ни малейшего представления о том, что я сказал, но, очевидно, сказал именно то, что нужно.

Они выкрикивали друг другу отрывки из моей речи, мотали головами и подражали

надменным манерам Аркоуна. Только немного спустя удалось восстановить какое-то подобие порядка, и тогда Аркоун гордо прошествовал ко мне и выкрикнул какой-то вопрос, словно обвинял меня в чемто. Я не понял ни слова и вместо ответа выкрикнул ему слово в слово тот же самый вопрос.

На этот раз вокруг воцарился настоящий ад. Эта шутка оказалась слишком крепкой. Взрослые люди хохотали и цеплялись друг за друга, чтобы не упасть. Они визжали от смеха и вытирали слезы, а один из них даже упал в костер и опалил бороду.

Хотя пошутил я за его счет, Аркоун смеялся вместе со всеми и даже похлопал меня по спине. С этого самого момента мужчины и женщины маленького отряда стали моими учителями. Мне достаточно было указать на какой-нибудь предмет, и они тут же выкрикивали мне слово на языке гиз, которое обозначало его. Когда я начал строить предложения из этих слов, охотно поправляли меня и очень гордились моими успехами.

Мне потребовалось довольно много времени на усвоение грамматики. Глаголы спрягались совсем непохоже на египетское спряжение, а род и множественное число существительных тоже были совершенно иными. Однако через десять дней я уже мог более-менее понятно изъясняться на языке гиз и накопил приличный запас ругательств и проклятий.

Я учил их язык и лечил болезни, а также изучал нравы и обычаи. Узнал, что все они были неисправимыми игроками, и самой большой их страстью была игра, похожая на наше бао. Эту игру называли «дом», и она оказалась проще и примитивнее, чем бао. Хотя количество чашечек на доске и количество фишек или камешков было несколько иным, принципы и цели игры те же самые.

Аркоун был лучшим игроком в дом своей шайки, но когда я начал изучать стиль его игры, то понял, что он не имеет ни малейшего представления о классическом правиле семи камешков. Он также не понимал значения договора четырех быков. Без подробного знания этих двух правил ни один игрок в бао не может надеяться получить даже нижнюю степень мастера. Я долго обсуждал сам с собой риск унизить столь тщеславного и властного тирана, как Аркоун, но в конце концов решил, что это единственный способ получить влияние в шайке.

Когда он в следующий раз сел и поставил перед собой доску, с довольной ухмылкой поглаживая усы, я оттолкнул в сторону первого, кто пожелал играть с ним, и скрестив ноги, сел напротив.

— У меня нет серебра, и мне нечего поставить, — сказал я на своем примитивном еще языке. — Я играю из любви к камешкам.

Аркоун серьезно кивнул. Он сам был ярым приверженцем игры и понимал мои чувства. Весть о том, что я сел играть с вождем, быстро облетела лагерь, и все собрались вокруг нас, смеясь и толкаясь, чтобы посмотреть, как я проиграю.

Когда я позволил Аркоуну провести три камешка в восточный замок, все начали толкаться локтями с разочарованными усмешками на лицах, решив, что игра скоро закончится. Аркоуну достаточно было провести еще один камешек на восток, и он бы выиграл. Они не понимали значения четырех быков, которых я выстроил на юге. Когда я пустил своих быков по доске, те прошли победным маршем и рассекли беззащитные камешки противника, отрезав от главных сил восточный замок. Аркоун был бессилен помешать им. Еще четыре хода, и я выиграл. Мне даже не пришлось демонстрировать правила семи камешков.

Несколько мгновений все потрясенно молчали. По-моему, Аркоун не сразу осознал свое поражение. Затем, когда проигрыш дошел до его сознания, он встал на ноги и вытащил свой ужасный голубой меч. Я решил, что ошибся в нем, и сейчас мне отрубят голову или, по крайней мере, руку.

Он высоко поднял меч, а затем с яростным воплем обрушил его на доску. Десятком ударов раскромсал ее в щепки и разбросал камешки по лагерю. Потом ушел в скалы. Он рвал на себе бороду и выкрикивал смертельные угрозы в мой адрес, отвесные скалы отражали

вопли, а затихающее эхо разносило их по горам.

Прошло три дня, прежде чем Аркоун снова сел играть в дом, и на этот раз он жестом пригласил меня занять место перед собой. Бедняга еще не знал, что его ожидало.

С КАЖДЫМ днем я все лучше овладевал языком гиз и начинал понимать эфиопов; скоро узнал причину, которая заставила их отправиться в дальнейшее путешествие по каньонам и ущельям гор. Я недооценил Аркоуна. Он был не вождем, а царем. Его полное имя звучало так: Аркоун Ганноучи Мариам, Негуса Нагхаст, царь царей и правитель эфиопского царства Аксум. Только много позже я узнал, что в этой горной стране любой разбойник, имеющий сотню лошадей и пятьдесят жен, может объявить себя царем и что по горам шатается по меньшей мере двадцать царя царей в поисках добычи и новых земель.

Ближайшим соседом Аркоуна был Престер Бени-Джон, который также претендовал на звание царя царей и правителя эфиопского государства Аксум. Постоянное соперничество позволило обоим соперникам накопить массу злобных чувств по отношению друг к другу. Оба монарха уже провели множество сражений, которые так и не принесли никакого результата.

Масара была любимой дочерью этого самого Престера Бени-Джона. Ее похитил один из вождей разбойников, который еще не возложил на свою голову корону царя царей. Он продал девушку Аркоуну за выюк серебряных слитков. Аркоун намеревался с ее помощью добиться от любящего отца кое-каких политических уступок. Оказалось, что захват заложников и умение выбить выкуп было главным в искусстве управлять эфиопским государством.

Не доверив никому из своих людей столь ценный товар, Аркоун сам отправился за царевной Масарой. Наш караван возвращался с ней в крепость Аркоуна. Это я понял из рассказов рабынь, которые приносили мне еду, и из случайных разговоров, услышанных за игрой в дом. К тому времени, когда мы достигли Амбы Камары, горной крепости царя Аркоуна Ганноучи Мариама, я стал большим знатоком сложной и переменчивой политической жизни множества эфиопских государств Аксума и бесчисленных претендентов на трон этой империи.

Я почувствовал, как с приближением конца путешествия растет волнение в рядах наших спутников. Наконец мы поднялись по узкой извилистой тропе на вершину еще одной Амбы. Амбы представляют собой горные массивы в центральной Эфиопии, каждая из них — гора с отвесными склонами и плоской вершиной. У ее подножия тянется долина, которая отделяет ее от соседней Амбы.

Стоя на краю пропасти, нетрудно понять, почему эти земли разделены на множество царств и государств. Каждая Амба представляет собой естественную неприступную твердыню. Любой человек, поселившийся на ее вершине, может спокойно называть себя царем и не бояться, что кто-то попытается отнять у него его царство.

Аркоун ехал рядом со мной. Он показал мне горы на южном горизонте.

— Вон где прячется конокрад и разбойник Престер Бени-Джон. Это человек непревзойденного коварства, — он харкнул и сплюнул в пропасть в сторону своего соперника.

Я уже понял, что Аркоун и сам был человеком немалой жестокости и коварства. Если он признавал Престера Бени-Джона выше себя в этой области, отец Масары должен быть просто исчадием ада.

Мы пересекли столовую гору Амба Камара и по дороге прошли через несколько деревень, где крыши домов были крыты соломой, а стены сделаны из камня. В полях росли сорго и ячмень. Крестьяне, работавшие в полях, больше походили на разбойников, чем на мирных земледельцев, настолько страшно выглядели их косматые головы и мускулистые тела. Кроме того, они даже в поле не расставались с мечами и круглыми медными щитами. По свирепости и воинственности они не уступали воинам нашего каравана.

В конце Амбы тропа привела нас к самой необычайной естественной крепости, какую

мне приходилось видеть. Ветер и вода отделили от материнского массива часть столовой горы, и она стояла, подобно огромной башне с отвесными стенами.

Через пропасть, в которую страшно было смотреть, тянулась естественная каменная арка, соединявшая башню и столовую гору. Арка эта была настолько узкой, что две лошади не разошлись бы на ней, а, отправившись через нее, лошадь уже не могла развернуться и пойти назад, пока не дойдет до противоположной стороны.

До земли под этой аркой было не меньше тысячи локтей, и прямо под ней текла река. Переход настолько пугал лошадей, что людям приходилось спешиваться, завязывать им глаза и вести их в поводу по этому естественному мосту. Не пройдя и половины пути, я почувствовал, что у меня дрожат коленки и кружится голова. Я не смел глядеть вниз. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не упасть на скалу плашмя и не вцепиться в камни руками и ногами.

На другом конце арки на высокой скале стояла уродливая перекосившаяся крепость, построенная из каменных плит и крытая соломой. Открытые окна домов были завешаны грубыми, необработанными шкурами, а помои и отбросы вытекали из крепости по канавкам и длинными полосами пачкали отвесные склоны.

Стены крепости и ее бастионы украшали чудовищные подвески, походившие на остатки какого-то отвратительного праздника. Вся крепость была увешана трупами мужчин и женщин. Некоторые из них висели давно, и стаи ворон, кружившие над пропастью или сидевшие на крышах, вычистили кости добела. Некоторые жертвы были еще живы и слабо шевелились, вися вниз головой. Однако большая их часть уже была мертвой и находилась на различных стадиях разложения. Вонь гниющих человеческих трупов была настолько сильна, что даже ветер, вечно свистевший вокруг скалы на этой высоте, не мог ослабить ее.

Царь Аркоун называл ворон своими цыплятами. Иногда он кормил их со стен, а время от времени просто бросал им пищу в пропасть с моста. Удаляющийся вопль несчастной жертвы был привычным звуком для жителей Адбар Сегеда, или «Дома поющего ветра», как называлась эта крепость.

Казнить, выпороть кого-нибудь, отрубить своей жертве голову, руку или ногу, вырвать у нее язык раскаленными щипцами — таковы основные развлечения царя Аркуна, когда он не был занят игрой в дом или не задумывал набег на какого-нибудь соседнего царя царей. Очень часто Аркоун сам брал в руки топор или щипцы, и его хохот раздавался наравне с воплями несчастных.

Как только наш караван пересек мост и вошел во внутренний двор Адбар Сегеда, тюремщицы утащили Масару по лабиринту каменных переходов, а меня отвели в новое жилище, расположенное поблизости от покоев Аркуна.

Мне отвели одну маленькую каменную каморку. В ней было холодно, темно и постоянно дуло. Открытый очаг покрыл стены комнаты копотью, но не мог ее согреть. Хотя я и одевался в местные шерстяные одежды, не помню такого дня, когда мне не было холодно, пока жил в Адбар Сегеде. Как же я тосковал по яркому солнцу Нила, по сверкающему оазису Египта! Я сидел на исхлестанных ветрами бастионах и тосковал по своей семье, по Мемнону и Тану, маленьким царевнам, но больше всего тосковал по моей госпоже. Иногда просыпался ночью в слезах, лицо мое холодело, и мне приходилось накрываться овечьей шкурой, чтобы Аркоун не услышал мои всхлипы из-за каменной стены.

Я часто молил его отпустить меня.

— Но почему ты хочешь покинуть меня, Таита?

— Я хочу вернуться к своей семье.

— Теперь я твоя семья, — смеялся он. — Я твой отец. Я побился с ним об заклад: если выиграю у него подряд сто партий в дом, он отпустит меня и даст мне проводника, который отведет меня к Нилу и дальше на великие равнины. Когда я выиграл сотую партию, он усмехнулся и покачал головой в ответ на мою наивность.

— Разве я сказал сто партий? По-моему, нет. Наверное, я сказал тысячу? — Он

повернулся к своим подручным. — Мы же бились на тысячу?

— На тысячу! — хором закричали они. — Конечно, на тысячу!

Все решили, что это великолепная шутка. Когда же я в отместку отказался играть с ним в дом, Аркоун повесил меня на стене крепости без одежды, и я скоро закричал ему, чтоб он расставлял камешки.

Когда Аркоун увидел меня обнаженным, он рассмеялся и ткнул в меня пальцем.

— Может, ты и умеешь передвигать камешки по доске, египтянин, но свои-то фишки ты давно потерял.

Вот так в первый раз со дня моего пленения обнаружилось мое увечье, и люди снова стали называть меня обидным и позорным словом евнух.

Однако в конце концов это обстоятельство оказалось благоприятным. Если бы я был полноценным мужчиной, меня бы не допустили к царевне Масаре.

ЗА МНОЙ ПРИШЛИ среди ночи, и я, дрожа от холода, пошел по лабиринту каменных переходов. Мы подошли к камерке Масары. Комнату освещала слабая масляная лампа. Пахло рвотой. Девушка свернулась калачиком на соломенной подстилке посередине комнаты, и лужица рвоты виднелась на полу рядом с ней. Ее мучила ужасная боль. Она стонала и плакала, сжимая руками живот. Я немедленно принялся за работу и тщательно осмотрел больную. Я боялся, что живот окажется твердым, как камень: таков признак воспаления брюшной полости, когда пища прорывается из внутренностей и загрязняет внутреннюю часть. Вылечить это состояние организма невозможно. Даже я, несмотря на свое искусство, не смог бы спасти ее, если бы это произошло.

К огромному моему облегчению, живот был теплый и мягкий, лихорадки не было. Я продолжал осмотр и, хотя она жалобно стонала и кричала от боли всякий раз, когда я прикасался к ней, не мог обнаружить причину боли. Это озадачило меня. Я сел и задумался. Потом заметил, что лицо Масары, искаженное страшной болью, повернуто ко мне, а глаза спокойны и доверчивы.

— Дело хуже, чем я предполагал, — сказал я двум служанкам на гизе. — Мне нужен сундучок, чтобы спасти ее. Принесите его немедленно.

Они бросились из комнаты, а я опустил к ней голову и прошептал:

— Ты умница и ловко разыгрываешь боль. Ты пощекотала горло перышком, правда?

Она улыбнулась и прошептала мне в ответ:

— Я не знала, как встретиться с тобой. Когда женщины рассказали, что ты научился говорить на гизе, я поняла, что мы можем помочь друг другу.

— Надеюсь, это так.

— Мне очень одиноко. Так хочется хотя бы время от времени поговорить с другом, — ее доверчивая непосредственность растрогала меня. — Может быть, вдвоем мы найдем способ бежать из этого ужасного места.

Тут я услышал, что женщины возвращаются. Их голоса эхом раздавались в коридоре. Масара схватила меня за руку.

— Ты мне друг, правда? Ты придешь ко мне снова?

— Да, приду.

— Быстрее скажи мне, пока их нет, как его зовут?

— Кого?

— Того, кто был с тобой в первый день на реке. Кто похож на молодого бога!

— Его зовут Мемнон.

— Мемнон! — повторила она с каким-то особым почтением. — Это красивое имя. Оно идет ему.

Служанки ворвались в комнату, и Масара снова схватилась за живот и застонала, как будто вот-вот умрет. Я цокал языком и тряс головой, чтобы растревожить и без того перепуганных женщин, пока смешивал настой из трав, который вряд ли причинил бы ей вред, а затем пообещал вернуться утром.

Утром Масаре стало лучше, и мне удалось посидеть с ней. В комнате находилась одна из женщин, но ей скоро стало скучно, и она отошла в дальний угол. Мы с Масарой обменялись несколькими словами.

— Мемнон что-то говорил мне. Я не могла понять его. Что он сказал?

— Он сказал: «Я вернусь за тобой. Будь храброй. Я вернусь за тобой».

— Этого не может быть. Он же не знает меня. Мы встретились на какое-то мгновение, — она покачала головой, и слезы показались на глазах. — Неужели ты думаешь, что это правда? — спросила таким умоляющим тоном, что я разволновался и не стал расстраивать ее.

— Он наследник короны Египта и человек чести. Мемнон никогда не говорит неправды.

Это единственное, что нам удалось сказать друг другу, но я пришел к ней на следующий день. Она сразу попросила меня:

— Повтори еще раз, что Мемнон сказал мне. — И мне пришлось повторить его обещание.

Аркоуну я сказал, что Масаре стало лучше, но ей надо разрешить ежедневные прогулки на стене крепости, иначе я не отвечаю за ее здоровье.

Царь размышлял об этом целый день. Масара была ценным достоянием: он заплатил за нее целый выюк серебра. Поэтому в конце концов он дал согласие.

Наши прогулки постепенно становились все длиннее и длиннее, и стража привыкла видеть нас рядом. В конце концов нам с Масарой позволили проводить вместе каждое утро, гуляя по стенам Адбар Сегеда и разговаривая.

Масара хотела знать все о царевиче Мемноне, и я судорожно копался в своей памяти и сообщал ей разные истории. Полубившиеся рассказы мне приходилось повторять снова и снова, пока она не заучивала их наизусть и тогда уже поправляла меня, если я ошибался. Больше всего ей понравилось повествование о том, как он спас меня и Тана от раненого слона, а потом получил за это «Золото доблести».

— Расскажи мне о его матери, о царице, — просила Масара. — Расскажи мне о Египте, о ваших богах. Расскажи мне о том времени, когда Мемнон был еще совсем маленьким. — Она всегда возвращалась к нему, а я был рад удовлетворять эти просьбы, так как тосковал о своей семье. Рассказы о ней, казалось, делали ее ближе.

Однажды утром девушка пришла ко мне расстроенная.

— Прошлой ночью мне приснился ужасный сон. Мне приснилось, что Мемнон вернулся за мной, а я не могла понять, что он говорит мне. Ты должен научить меня египетскому языку, Таита. Мы начнем сегодня же, сейчас же!

Она отчаянно хотела выучить египетский, а глупенькой ее назвать было трудно. Учение продвигалось очень быстро. Скоро мы уже могли разговаривать на египетском и получили полезную возможность говорить в присутствии стражи так, чтобы она нас не понимала.

Когда мы не говорили о Мемноне, то обсуждали план побега. Разумеется, я думал об этом с тех пор, как попал в Адбар Сегед, но ее размышления помогали мне. Всегда полезно сравнить свои планы с чужими.

— Даже если тебе удастся бежать из крепости, ты не пройдешь через горы без посторонней помощи, — предупреждала Масара. — Тропы здесь перепутаны, как плохой моток шерсти. Ты не сможешь распутать их. Каждый клан воюет со своими соседями. Незнакомцам никто не доверяет, и тебе тут же перережут горло, как шпиону.

— Что же нам делать?

— Если тебе удастся бежать, тебе нужно отправиться к моему отцу. Он защитит тебя и проводит к твоему народу. Ты скажешь Мемнону, где я, и он придет спасти меня, — когда она произнесла эти слова, ее глаза сияли таким доверием, что я не выдержал и отвернулся.

Я понял, что Масара придумала себе образ Мемнона, который не имел ничего общего с реальностью. Влюбилась в бога, а не в молодого переменчивого человека, такого же, как она.

Вина за это лежала на мне, так как именно я рассказывал ей хорошие и умные сказки о царевиче. Однако теперь я уже не мог причинить боль и разбить надежды, которые помогали ей пережить пленение.

— Если я отправлюсь к Престеру Бени-Джону, он подумает, что я шпион Аркоуна. И отрубят мне голову. — Я попытался сложить с себя те обязательства, которые девушка на меня возлагала.

— Я подскажу тебе, что ему говорить. Ты расскажешь ему нечто такое, о чем знаем только мы — он и я, и докажешь, что пришел от меня.

Она загнала меня в угол, и я попытался вывернуться другим способом.

— А как я найду дорогу в крепость твоего отца? Ты же сама мне сказала, что тропы в горах перепутаны, как в плохом мотке.

— Я расскажу тебе дорогу. Ты очень умен и хорошо все запомнишь.

Разумеется, к этому времени я полюбил ее не меньше моих маленьких царевен. И готов был пойти на любой риск, лишь бы избавить Масару от страданий. Она так напоминала мне мою госпожу в ее возрасте, что я ни в чем не мог ей отказать.

— Хорошо, говори.

Итак, мы начали думать о моем побеге. Для меня все это было игрой, в которую я играл только для того, чтобы поддержать в Масаре надежду на избавление и внушить ей бодрость. Не мог же я всерьез считать, что найду дорогу из каменной башни.

Мы обсудили множество разных способов побега, даже спуск по веревке со скалы, хотя каждый раз, когда я глядел в пропасть, у меня начинались судороги. Масара начала собирать обрывки шерсти и тряпок и прятать их под матрацем. Она решила сплести из них веревки. Я не стал говорить ей, что веревка достаточной прочности и длины займет всю ее комнату от пола до потолка.

Два долгих года томились мы на вершине скалы в Адбар Сегеде, но так и не смогли придумать способ побега. Масара не теряла веры. Каждый день она спрашивала меня:

— Что Мемнон говорил мне? Скажи еще раз, что он мне обещал.

— Он говорил: «Я вернусь за тобой. Будь храброй».

— Я храбрая, правда, Таита?

— Ты самая храбрая девочка на свете.

— Повтори, что ты скажешь отцу, когда увидишь его. Я повторял ее указания, а потом она обычно рассказывала мне новый план побега.

— Я поймаю воробья из тех, которых прикармливаю на террасе, а ты напишешь письмо моему отцу и расскажешь, где я. Мы привяжем письмо к ноге воробья, и он отнесет его отцу.

— Воробей скорее всего полетит прямо к Аркоуну, а он выпорет нас обоих как следует и не разрешит нам видеться.

В конце концов я все-таки бежал из Адбар Сегеда и покинул крепость верхом на прекрасной лошади. Аркоун собирался в очередной поход против царя Престера Бени—Джона. Мне было приказано сопровождать его в качестве личного игрока в дом.

Когда я провел свою лошадь с завязанными глазами по мосту и оглянулся назад, Масара стояла на стене и смотрела на меня. Она казалась такой одинокой и прекрасной. Кричала мне на египетском, и я едва мог слышать слова в свисте ветра.

— Скажи ему, что я жду его. Скажи ему, что я была храброй, — потом девушка заговорила тихо, и я не был уверен, что правильно разобрал ее слова: — Скажи ему, что я люблю его.

От ветра слезы на моих щеках стали холодными, как лед. Я ехал верхом по Амбе Камаре.

НАКАНУНЕ сражения Аркоун заставил меня сидеть с ним допоздна в шатре. Он отдавал последние приказы своим командирам и точил голубой меч. Время от времени сбрасывал лезвием несколько волосинок на руке и удовлетворенно кивал. Под конец натер клинок очищенным бараньим жиром. Этот странный серебристый металл приходилось

хорошо смазывать, иначе на нем появлялся красный налет, словно клинок кровоточил. Голубой меч пленил меня так же, как и Тана. Временами, когда Аркоун находился в особенно благожелательном настроении, он разрешал мне поддерживать его. Металл этот был на удивление тяжелым, а в остроту клинка трудно было поверить. Представить только, какой хаос это оружие будет наводить в бою в руках такого фехтовальщика, как Тан! Если мне суждено с ним встретиться, он захочет узнать историю этого меча, поэтому я расспрашивал Аркоуна, и тот без усталости хвастался передо мной.

Говорил, что клинок его был выкован в сердце вулкана одним из языческих богов Эфиопии. Прапрадед Аркоуна выиграл этот меч у бога во время партии в дом, которая продолжалась двадцать дней и двадцать ночей. Все это казалось вполне вероятным, за исключением игры в дом. Если прапрадед Аркоуна играл так же успешно, как и сам Аркоун, только очень глупый бог мог проиграть ему меч.

Аркоун спросил мое мнение о плане сражения. Он знал, что я изучал тактику военных действий. Разумеется, я сказал, что план у него гениальный. Воюют эфиопы не лучше, чем играют в дом. Разумеется, их местность не позволяет полноценно использовать лошадей, и колесниц у них нет, однако сражение они ведут самым бессмысленным и беспорядочным образом.

Великий план Аркоуна состоял в том, чтобы разделить войско на четыре отряда, которые спрячутся в скалах, а затем по очереди будут бросаться вперед, захватывать заложников, резать глотки и спасаться бегством.

— Ты один из величайших военачальников в истории земли, — сказал я Аркоуну. — Мне хочется написать свиток и восхвалить в нем твой гений.

Мысль эта ему понравилась, и он пообещал снабдить меня всем необходимым по возвращении в Адбар Сегед.

Оказалось, что Престер Бени-Джон был военачальником столь же смелым и прозорливым. На следующий день мы встретили его войско в широкой долине, окруженной крутыми скалами. О месте сражения оба противника договорились за несколько месяцев до этого. Престер Бени— Джон занял позиции еще до нашего прибытия на поле боя. Он сам вышел вперед и начал с безопасного расстояния выкрикивать оскорбления и вызывать Аркоуна на бой.

Престер Бени-Джон был высоким, как жердь, человеком с длинными седыми волосами до пояса. С такого расстояния я не мог разглядеть черты его лица, но женщины говорили, что в молодости он был самым красивым мужчиной Эфиопии, и у него было двести жен. Некоторые женщины даже убивали себя из любви к нему. Судя по всему, в гареме его таланты принесли бы больше пользы, чем на поле боя.

Когда Престер Бени-Джон закончил свою речь, Аркоун вышел вперед и произнес свою. Эхо подхватывало цветастые, витиеватые оскорбления и разносило их по долине. Я даже постарался запомнить кое-какие удачные изречения — их стоило записать.

Я ожидал, что сражение начнется, как только Аркоун закончит, но я был не прав. С обеих сторон нашлось еще несколько охотников поговорить. Я согрелся на солнышке за камнем и заснул, улыбаясь тому, как легко Тан с сотней синих разобрался бы с этими ораторами.

Проснулся я после полудня, разбуженный громом оружия. Аркоун начал первую атаку. Один из его отрядов побежал вперед к позициям Престера Бени-Джона, грохоча мечами по круглым щитам. Очень скоро он вернулся на исходные позиции, не испытав потерь и не нанеся ущерба врагу.

Снова начался обмен оскорблениями, а потом пришел черед атаковать Престеру Бени-Джону. Его войско атаковало и отступило с равной поспешностью и с такими же результатами. Так день и прошел в обмене оскорблениями и атаками. С наступлением темноты оба войска отступили. Мы разбили лагерь у входа в долину, и Аркоун послал за мной.

— Какая битва! — торжественно произнес он, когда я вошел в шатер. — Много

месяцев Престер Бени-Джон не посмеет выступить против нас с оружием в руках!

— А сражение не продолжится завтра? — спросил я.

— Завтра мы вернемся в Адбар Сегед, — сказал он мне, — и ты напишешь подробную повесть о моих победах в своем свитке. После такой битвы Престер Бени-Джон скоро запросит мира.

Семь воинов Аркоуна были ранены в этом свирепом сражении, и всех их поразили стрелы, выпущенные с предельного расстояния. Я вытащил наконечники из ран и наложил повязки. На следующий день я проследил, чтобы раненых положили на носилки, и пошел вслед за ними, когда мы отправились в обратный путь.

Один из воинов был ранен в живот и очень страдал. Я понимал, что он умрет от заражения через неделю, но приложил все усилия, чтобы уменьшить его страдания и ослабить тряску на неровностях дороги.

В тот же день после полудня мы подошли к броду через реку, по которому проходили, когда шли сражаться с Престером Бени-Джоном. Масара описывала мне этот брод как приметное место по дороге к ее отцу. Здесь протекала одна из рек, впадающая в Нил с этих гор. Последние несколько дней шли дожди, и уровень воды был высок.

Я начал переправу рядом с носилками раненого в живот воина. Он уже бредил. На полпути через реку я понял, что мы недооценили высоту воды и силу течения. Поток подхватил край носилок и наклонил их. Течение развернуло лошадь и стащило беднягу на глубокое место, где она не доставала копытами до дна.

Я схватился за ремень седла и через какое-то мгновение вместе с лошадью поплыл по течению. Нас несло вниз по реке в ледяной зеленой воде. Раненый вывалился из носилок, когда я потянулся, чтобы поддержать его, а меня оторвало от лошади и понесло вниз. Мы плыли порознь.

Голова раненого скрылась под водой, но мне уже было не до него. Я перевернулся на спину и развернулся ногами вниз по течению. Так мне удавалось отталкиваться ногами от скал, когда течение бросало меня на них. Некоторое время люди Аркоуна бежали за нами по берегу, но в одном месте они не смогли быстро обогнуть утес. Мы с лошадью остались в реке одни.

За поворотом течение замедлилось, и мне удалось догнать лошадь и обнять ее за шею. На какое-то время я почувствовал себя в безопасности. Только тогда я впервые подумал о побеге и понял, что боги предоставили мне такую возможность. Я пробормотал благодарственную молитву, а потом схватил лошадь за гриву и направил ее на середину реки.

Мы проплыли вниз по течению несколько миль. Стало темнеть, когда я направил лошадь к берегу. Мы выбрались на песчаную отмель. Я решил, что до утра буду в полной безопасности и в плен меня не захватят. Люди Аркоуна не осмелятся ночью пуститься за мной в погоню по ущелью. Однако я так сильно замерз, что все мое тело сотрясала бешеная дрожь.

Я отвел лошадь за скалу, чтобы укрыться от ветра, и прижался к ее боку. В лунном свете пар поднимался с ее мокрой шкуры. Постепенно тепло лошади стало передаваться мне. Наполовину согревшись, я собрал хворост на отмели и с трудом разжег костер, как это делают шилуки. Я растянул на ветках свою одежду, чтобы просушить ее, и провел остаток ночи, сидя у костра.

Как только рассвело и можно было разглядеть дорогу, я оделся, сел верхом на лошадь и отправился прочь от реки, так как понял, что люди Аркоуна будут искать меня на берегу.

Два дня спустя, следуя указаниям Масары, я добрался до укрепленной деревни на вершине горы на краю владений Престера Бени-Джона. Старейшина деревни хотел было перерезать мне глотку и отобрать лошадь. Мне пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы убедить его взять лошадь, а меня отвести в крепость Бени-Джона.

ПРОВОДНИКИ, которые вели меня к Престеру Бени-Джону, говорили о нем тепло и с

любовью. Попадавшиеся нам по пути деревни были чище и казались более процветающими, чем деревни Аркоуна. Стада здесь выглядели более упитанными, поля — ухоженными, а люди — сытыми. Лошади у них водились великолепные. От их красоты слезы наворачивались у меня на глазах. Когда мы наконец увидели крепость, расположенную на вершине столовой горы, она оказалась в лучшем состоянии, чем Адбар Сегед, и мрачные украшения не висели на ее стенах.

Вблизи Престер Бени-Джон был действительно чрезвычайно красив. Седая борода и длинные волосы придавали ему удивительно достойный вид. Кожа у него была светлой, а глаза — темными и умными. Сначала он крайне недоверчиво отнесся к моему рассказу, но отношение ко мне изменилось после того, как я сообщил ему сведения, о которых могли знать только он и Масара.

Его глубоко растрогали послания любви и верности, переданные дочерью, и он горячо расспрашивал о ее здоровье. Затем слуги отвели меня в покои, которые по эфиопским меркам можно было назвать роскошными. Снабдили свежими чистыми одеждами вместо моих лохмотьев.

Когда я поел и отдохнул, они отвели меня в сырую и задымленную комнату, где Престер Бени-Джон проводил аудиенции.

— Ваше величество, Масара уже два года томится в плену у Аркоуна, — поведал я ему. — Она молода и нежна. Она может умереть от тоски в вонючих темницах Адбар Сегеда. — Я немного приукрасил ее страдания, чтобы судьба дочери взволновала отца.

— Я пытался собрать выкуп, который Аркоун хочет за мою дочь, — с сожалением рассказал Престер Бени— Джон. — Но для этого мне пришлось бы расплавить каждую чашу и каждое блюдо в Аксуме — столько серебра он за нее требует. Вдобавок ко всему он хочет получить огромные участки земли и десятки важных деревень. Если я уступлю их, это ослабит царство и десятки тысяч моих подданных станут жертвами его тирании.

— Я могу провести ваше войско к крепости Адбар Сегед. Мы осадим ее и заставим Аркоуна отдать Масару.

Мое предложение перепугало Престера Бени-Джона. По-моему, это ему даже в голову не приходило. Эфиопы так не воюют.

— Я хорошо знаю Адбар Сегед. Крепость неприступна, — кратко сказал он. — У Аркоуна мощное войско. Мы бились с ним много раз. Мои воины сражались, как львы, но не могли победить его.

Я видел львов Престера Бени-Джона в бою и понял, что он правильно оценивает свои возможности. С его войском не было никакой надежды взять штурмом Адбар Сегед и освободить Масару силой оружия.

На следующий день я пришел к нему с новым предложением.

— Великий император Аксума, царь царей, как ты знаешь, я принадлежу к народу Египта. Царица Лостра, правительница Египта, находится сейчас со своим войском у слияния двух рек, где соединяются два близнеца Нила.

Он кивнул.

— Это мне известно. Египтяне без моего позволения вошли на мою территорию. Они роются в земле моей долины. Скоро я нападу на них и смету с лица земли.

Пришел мой черед перепугаться. Престер Бени-Джон знал о строительстве гробницы фараона, и наши люди там подвергались опасности нападения. Я тут же соответствующим образом изменил свое предложение.

— Мой народ искусен в осаде крепостей и сражениях, — пояснил я. — У меня есть влияние на царицу Лостру. Если ты отошлешь меня к ней в полной безопасности, ее дружба распространится и на ваш народ. Ее войска возьмут штурмом крепость и освободят Масару.

Мое предложение понравилось Престеру Бени-Джону, хотя он и попытался скрыть это.

— Что потребует царица в уплату за свою дружбу? — осторожно спросил он. Мы торговались целых пять дней, но в конце концов договорились.

— Ты позволишь царице Лостре копать в земле твоей долины и объявишь земли по

соседству запретными для своего народа. Твоим подданным будет под страхом смерти запрещено ходить туда, — это обещание я выторговал для своей госпожи. Оно обезопасит гробницу фараона от осквернения.

— Я согласен, — сказал Престер Бени-Джон.

— Вы доставите царице Лостре две тысячи лошадей, которых я сам выберу в ваших табунах, — этим я удовлетворил себя.

— Одну тысячу.

— Две тысячи, — твердо повторил я.

— Я согласен, — сказал Престер Бени-Джон.

— Как только царица Масара будет свободна, ты позволишь ей выйти замуж за того, кого она себе выберет. Ты не станешь запрещать ей это, — это условие я припас для Мемнона и девушки.

— Это против наших обычаев, но я согласен.

— Когда мы захватим Адбар Сегед, Аркоуна и его крепость передадут вам, — это условие ему очень понравилось, и он горячо закивал головой.

— И, наконец, египтянам можно будет оставить себе все трофеи, захваченные у Аркоуна во время боевых действий, включая легендарный голубой меч, — это условие я приберег для Тана.

— Я согласен, — сказал Престер Бени-Джон. По его лицу было видно, как царь доволен нашим соглашением.

Он дал мне в сопровождение отряд из пятидесяти человек, и на следующий день мы отправились в Кебуи. Я ехал верхом на прекрасном жеребце, которого царь на прощание подарил мне.

ДО КЕБУИ оставалось пять дней пути, когда я увидел стремительно приближающееся по равнине облако пыли. Затем разглядел колеблющиеся очертания колесниц в струях горячего воздуха. Приблизившись, колесницы выстроились боевым порядком и понеслись на нас полным галопом. Зрелище было величественное. Строй они держали превосходно, а расстояние между колесницами сохранялось настолько точно, что линия конницы казалась ниткой бус. Я спрашивал себя, кто командует отрядом.

Колесницы подошли ближе, я прикрыл глаза от солнца, пригляделся, и — сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди, когда я узнал упряжку первой колесницы. Это были Утес и Цепь, мои любимцы. Однако колесничего я узнал не сразу. Прошло три года с тех пор, как я видел Мемнона в последний раз. За это время семнадцатилетний юноша превратился в двадцатилетнего молодого мужчину.

Я успел привыкнуть к езде верхом с седлом и стремянами и теперь привстал на стремянах и замахал рукой. Колесница отвернула от основного строя, когда Мемнон узнал меня, и помчалась к нам.

— Мем! — вопил я. — Мем! — И ветер донес до меня его ответный крик.

— Тата! Клянусь молоком Исиды, это ты!

Он остановил лошадей, прыгнул с колесницы и стащил меня с лошади. Сначала обнял меня, потом отстранился и стал разглядывать на расстоянии вытянутых рук. Мы жадно смотрели друг на друга.

— Тата, ты побледнел и похудел, из тебя кости торчат. А это что, седина? — и потянул меня за виски.

Мемнон стал выше меня, талия у него была узкой, а плечи широкими, кожа загорела и, смазанная маслом, походила на полированный янтарь; когда он смеялся, мышцы двигались на шее. На руках были защитные кольца из золота, а на голой груди сверкало «Золото доблести». Это кажется невозможным, но он стал еще красивее со времени нашей последней встречи. Напоминал леопарда, гибкого и стремительного.

Мемнон поднял меня в воздух и поставил в свою колесницу.

— Бери вожжи. Я хочу убедиться, не потерял ли ты навык.

— Куда поедем?

— На запад, в Кебуи. Мать рассердится, если я сразу не доставлю тебя к ней.

Ту ночь мы провели у костра в стороне от отряда, чтобы поговорить наедине. Долго сидели молча и глядели на серебристое сияние звезд, а потом Мемнон сказал:

— Когда я думал, что потерял тебя, мне казалось, будто я потерял часть самого себя. С тобой связаны самые первые мои воспоминания.

И я, человек, который так ловко владеет словами, не нашел их для ответа. Мы снова замолчали, а потом он положил мне руку на плечо.

— Ты видел потом эту девушку? — спросил Мемнон, хотя вопрос прозвучал небрежно, рука его крепко держала меня за плечо.

— Какую девушку? — переспросил я, чтобы подразнить его.

— Ту девушку у реки, когда мы расстались.

— А там была девушка? — нахмурился я, как бы пытаюсь припомнить. — А как она выглядела?

— Лицо походило на черную лилию, а кожа была цвета дикого меда. Ее называли Масара, и память о ней до сих пор тревожит меня по ночам.

— Девушку зовут Масара Бени-Джон, — сказал я. — Я провел с ней вместе два года в плену в крепости Адбар Сегед. И полюбил, так как нрав ее еще прекраснее, чем лицо.

Он схватил меня обеими руками и стал безжалостно трясти.

— Расскажи мне о ней, Тата! Расскажи все, все, ничего не забывай!

Вот так мы и просидели всю ночь у костра, разговаривая об этой девушке. Я рассказал ему, что она выучила египетский язык ради него и что его обещание придавало ей силы в мрачные дни одиночества, а под конец передал послание, которое она выкрикнула со стен крепости. «Скажи ему, что я была храброй. Скажи ему, что я люблю его.»

Мемнон долго сидел молча, глядя на языки пламени, а потом тихо сказал:

— Как может она любить меня? Она же меня не знает...

— А ты разве знаешь ее лучше, чем она тебя? — спросил я, и он покачал головой.

— А ты любишь ее?

— Да, — просто ответил он.

— Так и она любит тебя так же.

— Я обещал ей, Тата. Ты поможешь мне выполнить мое обещание?

НИКОГДА в жизни не испытывал я радости подобной той, какая переполняла меня, когда я поднялся на борт «Дыхания Гора». Мемнон послал вперед гонца, чтобы предупредить о моем возвращении, и все ждали меня. — Клянусь вонючими ногами Сета, — заорал Крат. — А я-то думал, мы уже избавились от тебя, старый мошенник! — И он с такой силой прижал меня к груди, что чуть не сломал мне ребра.

Тан схватил меня за плечи и долго, долго смотрел мне в глаза, а потом усмехнулся:

— Если бы не ты, этот косматый эфиоп убил бы меня. Однако ему повезло, когда он захватил тебя в плен. Спасибо, старина.

Я увидел, как постарел Тан — в волосах тоже появилась седина. Под сухими ветрами саванны его лицо почернело, как гранитная скала.

Маленькие царевны уже были не такими уж маленькими, но по-прежнему остались очаровательными. Они смущались: воспоминания обо мне угасли. Таращили на меня глаза, когда я кланялся им. У Бекаты волосы стали цвета темной меди. Мне не терпелось снова завоевать их расположение. Техути наконец узнала меня.

— Тата! — сказала она. — Ты принес мне подарок?

— Да, ваше высочество, — ответил я. — Я принес свое сердце.

Госпожа моя улыбалась мне, пока я шел к ней по палубе ладьи. На голове у нее была легкая корона Немес с золотой головой кобры надо лбом. Я заметил, что она потеряла один зуб, и дырка портила ее улыбку. Талия у нее стала шире, а тяжесть государственных дел избородила морщинами лоб и оставила тонкие птичьи следы в уголках глаз. Однако для

меня она оставалась самой прекрасной женщиной в мире.

Лостра встала с трона, когда я опустился перед ней на колени. Это было знаком высшей благосклонности. Она возложила руку на мою склоненную голову и погладила ее.

— Тебя слишком долго не было, Таита, — сказала так тихо, что только я услышал ее слова. — Сегодня ты снова будешь спать у моей постели.

В ту ночь, выпив чашу настоя трав, которую я приготовил для нее, царица легла, и я укрыл ее меховым одеялом. Пробормотала, не открывая глаз:

— Разве могу я надеяться, что ты не поцелуешь меня украдкой во сне?

— Нет, — сказал я и наклонился над ней. Она улыбнулась, когда мои губы прикоснулись к ее губам.

— Никогда больше не покидай нас надолго, Таита.

МЫ С МЕМНОНОМ тщательно разработали план действий и выполнили его с точностью обученного отряда колесниц.

Тана убедить было легко. Он все еще переживал поражение, нанесенное ему Аркоуном. В его присутствии мы с Мемноном обсудили, с какой легкостью бронзовый меч был перебит голубым клинком и как Аркоун наверняка бы убил вельможу, если бы я не вмешался. Тан во время этого разговора униженно ерзал на месте.

Потом Мемнон поинтересовался таинственным происхождением и свойствами легендарного оружия. Тан забыл о своей обиде и присоединившись к нашему разговору, тоже стал горячо расспрашивать меня.

— Престер Бени-Джон объявил, что голубой меч будет добычей того, кто его сумеет захватить, — сказал я.

— Если мы выступим против Аркоуна, мы не сможем воспользоваться колесницами, — размышлял Мемнон. — Нам придется ограничиться пехотой. Как ты думаешь, вельможа Тан, наши шилуки выстоят против эфиопов? — Мемнон по-прежнему обращался к Тану официально. Очевидно, за время моего отсутствия он так и не узнал, кто его настоящий отец.

Когда мы закончили беседу, Тан так же горел желанием отправиться на поиски приключений, как и мы. Он заключил с нами союз, и мы отправились убеждать царицу Лостру.

С самого начала госпожа моя, в отличие от Тана, прекрасно понимала, как нужны нам для возвращения лошади и колесницы, если мы хотим, чтобы сбылась наша мечта о победе над тираном. Я показал ей жеребца, подаренного мне Престером Бени-Джоном, и указал на признаки превосходной породы.

— Посмотрите на его ноздри, ваше величество, посмотрите, как широка его грудь и как прекрасно сочетаются крепость мышц и костей. Лошади гиксосов не могут сравниться с эфиопскими.

Потом я напомнил ей об обещании, данном покойному фараону, и сказал:

— Престер Бени-Джон уступит нам долину. Его воины будут охранять ее от похитителей сокровищ. Он объявит это место запретным, а эфиопы — суеверный народ, они будут соблюдать запрет спустя много лет после нашего возвращения в Фивы.

Я предупредил Мемнона, чтобы он не упоминал при царице Лостре о своем интересе к девушке, царевне Масаре.

Это вряд ли помогло бы нам. Каждая мать — женщина, и ей не доставляет удовольствия видеть, как молодая соперница уводит ее сына.

Однако никакая женщина, даже царица, не смогла бы устоять против объединенных усилий и хитрости такой троицы, как Тан, Мемнон и я. Царица Лостра отдала приказ послать войска на Адбар Сегед.

МЫ ОСТАВИЛИ грузовые повозки и колесницы в долине гробницы фараона и пошли в горы. Престер Бени-Джон выслал к нам навстречу сотню проводников. Это были лучшие его воины. Тан отобрал для похода отряд самых диких и кровожадных шилуков и пообещал

им, что они захватят столько скота, сколько смогут увести. За спиной каждый из этих черных язычников нес свернутую теплую шкуру шакала, так как все мы прекрасно помнили, какой холодный ветер дует в горах на перевалах.

Пехоту сопровождали три сотни египетских лучников, возглавляемых вельможей Кратом. Старый разбойник стал вельможей за время моего пребывания в Адбар Сегеде. Ему не терпелось ввязаться в подходящую драку. Он и все люди его отряда были вооружены новыми кривыми луками, которые стреляли на двести шагов дальше больших эфиопских луков.

Мемнон подобрал себе маленький отряд лучших фехтовальщиков среди бойцов войска. Разумеется, среди них оказались Ремрем, вельможа Акер и Аст. Я тоже вошел в этот отряд, но не благодаря моим воинским качествам, а потому что я один бывал в крепости Адбар Сегед.

Гуи тоже хотелось отправиться с нами, и он всячески старался уговорить меня. В конце концов я сдался, так как мне был нужен человек, знающий лошадей, чтобы выбрать лучших в табунах Престера Бени-Джона.

Я объяснил и Тану, и царевичу, насколько важно для нас двигаться как можно быстрее, и не только для того, чтобы застать противника врасплох. Скоро в горах начнутся дожди. Во время пребывания в Адбар Сегеде я изучал времена года и погоду в этих краях. Если бы дожди застали нас в горных ущельях, они бы могли оказаться куда более опасным врагом, чем войско эфиопов.

Мы подошли к Амбе Камаре меньше чем за месяц. Наша колонна извивалась по горным тропам, словно длинная смертоносная кобра. Бронзовые наконечники копий шилуков сверкали на солнце, как чешуйки змеи. Никто не попался нам на пути. Деревни, которые мы проходили, были брошены. Их обитатели бежали, увея с собой скот и женщин. Хотя с каждым днем тучи над вершинами гор становились все тяжелее и мрачнее, а по ночам в них виднелись отблески молнии и до нас доносились глухие раскаты грома, дождей пока не было, и уровень воды в реках оставался низким.

Через двадцать пять дней после ухода от гробницы фараона мы вошли в долину перед горным массивом Амба Камара и увидели перед собой крутую извилистую тропу, которая вела на вершину.

Во время предыдущего путешествия по этой тропе я изучил оборонительные средства, используемые здесь Аркоуном. Они состояли из искусственных обвалов и укреплений с каменными стенами. Я показал их Тану. Над стенами можно было разглядеть косматые головы защитников.

— Слабость обвала в том, что его можно спустить вниз только один раз, а шилуки мои быстры. Они могут увернуться даже от нападающего быка, — задумчиво произнес Тан.

Он посылал шилуков вверх по тропе маленькими группами, и, когда защитники вышибали клинья из-под куч камней и лавины неслись вниз по склону, длинноногие копейщики отскакивали в сторону с ловкостью горных коз. Как только камнепады кончились, они полезли вверх прямо по склону горы. Скакали с камня на камень, взбираясь по почти вертикальному склону, и издавали такие ужасные вопли, что даже у меня волосы вставали дыбом. Они отогнали защитников на вершину горы.

Их задержали только лучники Аркоуна, укрывшиеся за каменными стенами. Когда это произошло, Крат повел своих лучников вперед. Дальнобойные луки египтян залпом выпустили в небо тучу стрел.

Я смотрел на это зрелище как замороженный. Рой стрел поднимался почти вертикально в небо, как стая черных птиц, а потом сверху обрушивался на каменные укрепления, и стены не могли защитить воинов. Мы слышали их вопли, а потом увидели, как они дрогнули и бросились бежать вверх по склону; шилуки тут же помчались за ними, вопя, как стая гончих. Даже у подножия горы были слышны их боевые крики: «Каян! Каян! Бей! Бей!»

Хотя ноги мои окрепли и дыхание стало ровным за время долгого марша, я с трудом держал шаг вместе с Мемноном и другими воинами нашего отряда. Годы начали брать свое.

Все мы надели длинные шерстяные эфиопские одежды и вооружились традиционными круглыми щитами наших врагов. Мы не стали одевать на головы парики из конского волоса. Было неразумно маскироваться под эфиопа, когда шилуки буйствуют на склоне горы.

Когда мы наконец поднялись на плоскую вершину Амбы, я увидел, как Тан собирает и перестраивает свою пехоту. В бою у шилуков есть один серьезный недостаток. Стоило им намочить наконечники копий кровью, как они сходили с ума и становились неуправляемыми. Тан ревел, как раненый слон, и обрушивал на плечи воинов золотую плетть лучшего из десяти тысяч. После того как их привели в чувство, шилуки построились и пошли на первую деревню, где эфиопы ждали за каменными стенами. Когда первая волна черных пехотинцев в головных уборах из страусиных перьев хлынула вперед, по ней выпустили тучу стрел из своих длинных луков. Шилуки прикрылись большими щитами.

Во время первой атаки на деревню некоторые эфиопские воины бросились вперед, размахивая мечами. В мужестве у них недостатка не было, но они не были готовы к такому бою. Их никто никогда не заставлял сражаться не на жизнь, а на смерть.

Я подождал, пока не разгорелась битва, а потом крикнул Мемнону и его отряду:

— Надеть парики!

Все натянули на головы парики из конского волоса. Я сам сделал их, подражая эфиопским прическам. Они были кудрявыми и лохматыми. Теперь в длинных полосатых одеждах и париках мы вполне могли сойти за сородичей Аркоуна.

— Сюда! За мной! — закричал я и издал улюлюкающий клич эфиопов. Все заулюлюкали, завопили и последовали за мной. Обойдя деревню, где еще бушевал бой, мы беспорядочной толпой побежали по полям.

Нам нужно было добраться до крепости и оказаться рядом с Масарой раньше, чем Аркоун осознает близость поражения. Он без колебаний убьет девушку, как только увидит, что она ему больше не нужна. Я почему-то представил себе, как он проткнет ее голубым мечом или сбросит с моста в пропасть. Это были его любимые развлечения.

Когда мы пересекали вершину столовой горы, повсюду царил беспорядок. Небольшие группы косматых воинов носились туда и сюда. Женщины тащили за руки детей и несли свои пожитки на головах, вопя от ужаса, как куры, почуявшие запах лисы. Стада коз блеяли, коровы мычали и поднимали пыль копытами — пастухи бросили их. Никто не обращал на нас внимания, и мы трусцой бежали по полям, стараясь обходить деревни стороной.

Вместе со всем населением Амбы Камары мы двигались к Адбар Сегеду на дальнем конце столовой горы, и по мере приближения к мосту толпы беженцев становились все гуще; в конце концов нам пришлось силой прокладывать себе дорогу. У входа на мост стояла стража. Она отгоняла беженцев дубинками и мечами. Женщины просили спрятать их в крепости, поднимали в воздух детей и молили сжалиться над ними. Некоторых в давке сбили с ног и растоптали.

— Построиться черепахой, — тихо приказал Мемнон, и наш отряд, сомкнув ряды, пошел вперед через толпу, как акула проходит через стаю сардин. Кто-то не успел увернуться и свалился в пропасть, когда мы подошли к мосту. Вопли падающих только усилили панику. Стража попыталась остановить нас, но сами стражники были настолько скованы толпой беженцев, что не могли даже взмахнуть мечом. Толпа грозила столкнуть их в пропасть.

— Мы идем по личному приказу царя Аркоуна! Отойдите! — крикнул я на языке гиз.

— Пароль! — завопил в ответ начальник стражи, пытаясь удержаться на ногах. Толпа напирала. — Ты должен сказать пароль, — и ткнул в мою сторону мечом, но Мемнон отбил клинок.

За два года жизни в плену я много раз слышал пароль, так как комната моя находилась над главными воротами, однако с тех пор он мог измениться. Я уже собирался дать приказ убить начальника стражи, но все же прокричал старый пароль:

— Гора высока!

— Проходите! — Начальник стражи отошел в сторону, и мы, выйдя из толпы и

отбросив назад тех, кто пытался следовать за нами, побежали по перемышке. Я так спешил оказаться рядом с Масарой, что не заметил глубокую пропасть по обеим сторонам моста и без малейшего страха провел отряд к воротам.

— Где царь Аркоун? — закричал я стражам, загородившим нам дорогу. Они колебались, и я выкрикнул: — Гора высока! У меня срочное сообщение для царя! В сторону! Дайте пройти! — Мы прорвались через открытые ворота раньше, чем они успели сообразить, что произошло, и я помчался по лестнице на верхнюю террасу во главе двенадцати воинов.

У дверей в покои Масары стояли два стражника, и это обрадовало меня. Я беспокоился, как бы девушку не перевели в другую часть крепости. Если охрана на месте, девушка тоже здесь.

— Кто ты? — крикнул один из стражников и обнажил меч. — Кто приказал... — он не закончил вопроса. Я отступил в сторону и пропустил вперед Мемнона и Ремрема. Они налетели на стражников и убили их раньше, чем те успели пустить в ход оружие.

Дверь в комнату Масары была заперта изнутри, и как только мы нажали на нее втроем, там раздались вопли женщин. С третьей попытки дверь поддалась, и я влетел в комнату. Внутри царили глубокие сумерки, и я с трудом разглядел кучку женщин в дальнем конце комнаты.

— Масара! — окликнул я девушку и сорвал с головы парик. Мои волосы рассыпались по плечам. Красавица сразу узнала меня.

— Таита! — Она укусила за руку женщину, которая пыталась удержать ее, и подбежала ко мне. Обхватила за шею и обняла, а потом, когда увидела, кто стоит у меня за спиной, объятия ослабли, черные глаза широко раскрылись, краска залила ее щеки.

Мемнон тоже сорвал парик. Без парика его царскую природу невозможно было скрыть. Я отступил в сторону и оставил Масару одну. Они смотрели друг на друга. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем молодые люди смогли пошевелиться и произнести хоть слово. Масара тихо сказала по-египетски:

— Ты пришел. Ты сдержал обещание. Я знала, что так и будет.

Кажется, я в первый и единственный раз в жизни увидел Мемнона растерянным. Он только кивнул головой, а потом произошло нечто поразительное: кровь залила его шею и распространилась по лицу так, что в темной комнате словно посветлело. Наследник короны Египта, сын фараона, командир первого отряда колесниц, лучший из десяти тысяч, награжденный «Золотом доблести», стоял и смотрел на девушку, не в силах произнести ни слова, как последний батрак.

За моей спиной одна из женщин закудаhtала, как испуганная курица, и, прежде чем я успел схватить ее, вывернулась и выскочила наружу по крутой лестнице. Вопли эхом разнеслись по каменным коридорам.

— Стража! Враги прорвались в восточное крыло! Быстрее! — И почти сразу же за ее криком по лестнице застучали тяжелые кожаные сапоги.

В одно мгновение Мемнон из краснеющего юнца превратился в сурового воина.

— Позаботься о ней, Таита. Ни один волос не должен упасть с ее головы! — приказал он и прошел мимо меня к вершине лестницы. Первого врага убил классическим колющим ударом в горло, которому его научил Тан. Потом уперся ногой в грудь убитого, выдернул меч и пинком сбросил труп по лестнице. Падающее тело очистило ее.

Мемнон оглянулся на меня.

— Как ты думаешь, успеем мы добежать до ворот раньше, чем их закроют?

— Должны добежать, — ответил я. — Лучше пройти по внешней лестнице.

— Ремрем, вперед. Таита и царевна пойдут в середине. Я останусь в арьергарде, — коротко приказал царевич и ткнул мечом в глаз следующего воина.

Эфиоп уронил оружие и обеими руками схватился за лицо. Мемнон пронзил его грудь мечом и снова столкнул вниз, очистив лестницу от преследователей.

— Иди за Ремремом, — крикнул он мне. — Не стой здесь, беги!

Я схватил Масару за руку, и мне не пришлось тащить ее за собой. Она бежала за мной

так легко и быстро, что сама тащила меня вперед.

Свет больно ударил по глазам, когда мы выбежали на террасу. После сумерек в комнате я на некоторое время ослеп. Я проморгался, а потом посмотрел на ту сторону крепости, за которой простиралась ровная вершина столовой горы. Шилуки Тана уже подходили к мосту, их перья плясали, а щиты высоко поднимались в воздух.

— Каян! Бей! Бей! — кричали они, и наконечники их копий были влажны от свежей крови. Охваченные паникой крестьяне разбежались в разные стороны. Шилуки уже подошли ко входу на мост.

Там находилось две или три сотни воинов Аркоуна. За спиной у них была пропасть, и смертельная опасность превратила их в героев. Теперь они действительно дрались как львы, и, хотя несколько десятков свалилось вниз, с воплем падая на дно долины, живые сумели отбить первую атаку шилуков.

Потом я увидел Тана именно там, где и ожидал увидеть, в самом центре. Его шлем сверкал, как маяк, в черном море шилуков. На моих глазах он вскинул голову и запел.

Дикари шилуки подхватили слова песни, и ветер донес их через пропасть. С боевым гимном на устах они бросились вперед, и теперь ничто не могло устоять перед ними. Кололи и рубили защитников моста, и Тан первым пробился на каменную перемышку. Не переставая петь, он побежал по ней с неожиданной для его роста легкостью. Шилуки гуськом последовали за ним по узкому проходу.

Тан уже пробежал половину пути, когда песня вдруг замерла у него на устах, и он остановился.

От ворот Адбар Сегеда, прямо из-под моих ног, навстречу ему выступил другой воин. Сверху я не мог разглядеть его лица, но оружие в правой руке ни с чем нельзя было спутать. Голубой меч молнией сверкнул на солнце.

— Аркоун! — взревел Тан. — Я искал тебя!

Эфиоп не знал слов, но смысл их трудно было не понять. Он захохотал, и борода его, как облако, окутала лицо на ветру.

— Я знаю тебя! — Аркоун взмахнул серебристым клинком над головой, и тот просвистел в воздухе. — На этот раз я тебя убью! — И длинными упругими шагами пошел вперед по узкой перемышке.

Тан перехватил бронзовый щит и спрятал за ним голову, ибо знал мощь сверкающего клинка. Я понял, что теперь он не собирается отражать его удар мягкой бронзой своего меча. Аркоун также не забыл их первой встречи и действовал более осторожно. И, судя по тому, как он держал серебристо-голубой меч, не собирался легкомысленно рубить сплеча.

Они сблизились, и я увидел, как Аркоун подобрался. Плечи его поднялись, он перенес центр тяжести вперед. Хотел с разгона ударить Тана в голову. Тан поднял щит и принял удар голубого клинка его серединой. Меч из другого материала сломался бы от такого удара, но серебряный клинок пронзил бронзовый щит, словно козью шкуру. Вошел в него наполовину длины.

И тут я понял намерение Тана. Он повернул щит, и клинок застрял в нем. Аркоун пытался вытащить свой меч, он тянул и выкручивал его, налегая изо всей силы, однако Тан крепко держал голубой металл в бронзовых тисках.

Аркоун собрался с силами и еще раз рванул меч на себя. Однако на этот раз Тан не сопротивлялся. Прыгнул туда, куда тянул Аркоун, и неожиданное движение заставило эфиопа потерять равновесие.

Споткнувшись, он отскочил назад и закачался на краю пропасти. Чтобы удержать равновесие, ему пришлось выпустить из рук застрявший в щите голубой меч.

Аркоун замахал руками, раскачиваясь на краю перемышки, и тогда Тан переступил, уперся в щит плечом и резко шагнул вперед. Щит ударил противника в грудь, а рукоять голубого меча попала в середину живота.

Аркоуна отбросило назад в пустоту, он медленно перевернулся в воздухе и полетел вниз. Одежды волной поднимались вокруг него, а борода развевалась, как вымпел над

колесницей.

Со своего места на стене я видел, как царь царей совершил последнее путешествие, в которое собственной рукой отправил столько несчастных. От самого каменного моста до дна ущелья он кричал, и крик его медленно удалялся, пока вдруг не замолк.

Тан стоял один посредине перемычки. И по-прежнему высоко держал в руках щит с застрявшим в нем мечом.

Постепенно шум боя улегся. Эфиопы видели, как был побежден царь, и их боевой дух угас. Они побросали оружие и молили о пощаде. Египетским командирам удалось спасти некоторых из них от обезумевших при виде крови шилуков, и теперь их тащили к погонщикам рабов и связывали руки за спиной.

Я следил за Таном, не обращая внимания на происходящее. Он пошел к воротам крепости, и наши воины громкими криками приветствовали его, поднимая к небу оружие.

— Старый бык еще не забыл, как надо драться, — восхищенно рассмеялся Мемнон, но я не смеялся вместе с ним. Холодок дурного предчувствия пробежал у меня по коже, как будто в воздухе надо мной пронесли крылья стервятников, усаживающихся в ожидании новой жертвы.

— Тан, — прошептал я. Он шел медленно, его слегка пошатывало. Опустил щит, и я увидел увеличивающееся красное пятно на нагруднике.

Я толкнул Масару в руки Мемнона и сбежал вниз по лестнице. Эфиопская стража у ворот попыталась сдаться мне в плен, но я оттолкнул их и выбежал на каменный мост.

Тан увидел меня и улыбнулся, но улыбка получилась кривой. Он остановился, и ноги медленно подогнулись. Тяжело опустился на середину перемычки. Я сел рядом с ним на колени и увидел дыру в нагруднике крокодиловой кожи. Из нее сочилась кровь. Я понял, что голубой меч проник гораздо глубже, чем можно было ожидать. Аркоун сумел рассечь мечом и бронзовый щит, и крепкий кожаный нагрудник. Острие клинка пронзило грудь Тана.

Я осторожно развязал ремни доспехов и снял нагрудник. Мы с Таном осмотрели рану. Это был узкий глубокий порез шириной, точно соответствующей размерам клинка, похожий на маленький рот с красными губами. С каждым вздохом розовая пена появлялась на ране. Клинок пронзил легкие, но я не мог сказать это вслух. Никто не способен выжить после проникающей раны в легкие.

— Ты ранен, — слова мои прозвучали глупо. Я сам почувствовал это и не смог поднять глаза на друга.

— Нет, старина, я не ранен, — тихо сказал он. — Я убит.

ШИЛУК И сделали для Тана носилки из своих копий и постелили на них овчину. Они подняли командира и мягко, не спеша, внесли в крепость Адбар Сегед.

Мы положили его на постель царя Аркоуна, а затем я выслал их из комнаты. Когда все вышли, я положил голубой меч на постель рядом с ним. Он улыбнулся и опустил руку на золотую, украшенную драгоценными камнями рукоять. — Я дорого заплатил за это сокровище, — прошептал он. — Как бы мне хотелось хоть раз пойти с ним в бой. Я не стал ни утешать, ни обнадеживать. Как и всякий бывалый воин, Тан видел слишком много легочных ран. Я не смог бы обмануть его относительно исхода. Я завязал рану полотняной полосой и заткнул прокладкой из шерсти. Пока обрабатывал ее, читал заклинания против кровотечения:

— Изыди, творенье Сета...

Тан медленно отдалялся от меня. Каждый новый вдох требовал все больших усилий, и я слышал, как кровь бурлит у него в легких, словно прячущееся в трясине чудовище.

Я смешал для него настой сонного цветка, но он не захотел выпить.

— Я хочу прожить каждую минуту своей жизни. Даже самую последнюю.

— Что еще я могу для тебя сделать?

— Ты уже слишком много сделал для нас. Но нашим просьбам, кажется, не будет конца.

Я покачал головой.

— Я все готов отдать вам.

— У меня есть к тебе последняя просьба. Во-первых, я хочу, чтобы ты никогда не говорил Мемнону, кто его настоящий отец. Он должен верить, что в его жилах течет кровь фараона. Ему предстоят великие дела, и ничто не должно мешать ему.

— Он гордился бы твоей кровью не меньше, чем кровью фараона.

— Поклянись, что никогда не расскажешь ему.

— Клянусь, — сказал я, и Тан замолчал на некоторое время, собираясь с силами.

— У меня есть еще одна просьба.

— Я заранее обещаю выполнить ее.

— Береги мою женщину, ту, которая никогда не сможет стать моей женой. Береги и храни так, как делал ты все эти годы.

— Ты же знаешь, я буду беречь ее.

— Да, я знаю, потому что ты всегда любил ее так же сильно, как и я. Береги Лостру и детей. Я отдаю их в твои руки.

Он закрыл глаза, и я подумал, что конец близок, но силы его превосходили силы обычных людей. Через некоторое время Тан открыл глаза.

— Я хочу видеть царевича.

— Он ждет тебя на террасе, — ответил я и вышел из-за занавески наружу.

Я увидел Мемнона у дальнего конца террасы. Масара была рядом с ним, они стояли, не касаясь друг друга. Лица их были серьезны, говорили приглушенными голосами. Оба обернулись, когда я вышел.

Мемнон сразу направился ко мне, оставив девушку одну. Он прошел прямо к постели Тана и остановился над ним. Тан улыбнулся, но улыбка получилась неуверенной. Я знал, каких усилий она ему стоила.

— Ваше высочество, я научил вас всему, что знаю о войне, но я не могу научить вас жизни. Каждый человек должен учиться сам. Больше мне нечего сказать вам перед тем, как я отправлюсь в свое последнее путешествие. Я должен сказать только одно: я благодарен вам за счастье жить с вами рядом, знать вас все эти годы и верно служить вам.

— Вы всегда были для меня больше, чем учителем, — тихо ответил Мемнон. — Вы были для меня отцом, которого я не знал.

Тан закрыл глаза, и по его лицу прошла гримаса боли. Мемнон наклонился и пожал его руку.

— Боль такой же враг, как и все остальные, и ей нужно противостоять. Ты сам учил меня этому, вельможа Тан.

Царевич решил, что гримаса боли вызвана раной, но я понимал, какие муки испытывает Тан, когда слышит слово «отец» в устах Мемнона.

Тан открыл глаза.

— Спасибо, ваше высочество. В вашем присутствии мне легче переносить последние страдания.

— Называй меня другом, а не высочеством. — Мемнон опустился перед ним на колени, не выпуская руки.

— Я хочу сделать тебе подарок, друг, — от сворачивающейся в легких крови голос Тана начал слабеть. Он нащупал рукоять голубого меча на постели, но не хватило сил поднять его.

Тан поднял руку Мемнона со своей руки и положил ее на рукоять меча.

— Он теперь твой.

— Я буду вспоминать о тебе всякий раз, когда вытащу его из ножен. Всякий раз, когда мне придется обнажить его в бою, я буду произносить твое имя. — Мемнон взял меч в руки. — Ты оказываешь мне великую честь.

Мемнон поднялся, отошел на середину комнаты с мечом в руке и встал в классическую позу фехтовальщика. Прикоснулся клинком к губам, приветствуя человека, лежащего на

постели.

— Так ты учил меня.

Потом начал выполнять упражнения с мечом, которым Тан научил его с раннего детства. Он показал двенадцать оборонительных движений, а потом перешел к колющим и рубящим ударам, безупречно выполняя их. Серебристый клинок кружился в воздухе, как атакующий орел, пел и свистел в руках, и пляшущие лучи света освещали сумерки комнаты.

Мемнон закончил упражнения прямым колющим ударом в горло воображаемого врага. Потом опустил меч вниз и оперся на клинок, поставив обе руки на рукоять.

— Ты хорошо научился владеть клинком, — кивнул ему Тан. — Мне больше нечему учить тебя. Скоро настанет время моего ухода.

— Я побуду с тобой.

— Нет, — Тан усталым жестом остановил его. — Судьба ждет тебя под открытым небом, а не в этой темной комнате. Ты должен выйти к ней навстречу, не оглядываясь. Таита побудет со мной. Бери девушку, отправляйся к царице Лостре и приготовь ее к вести о моей смерти.

— Уходи с миром, вельможа Тан. — Мемнон не стал нарушать торжественность момента бессмысленными спорами. Он подошел к постели и поцеловал отца в губы. Потом повернулся и, не оглядываясь, вышел из комнаты с голубым мечом в руках.

— Иди навстречу славе, сын мой, — прошептал Тан и отвернулся к стене. Я сидел у его ног и смотрел на грязный каменный пол. Мне не хотелось видеть слезы человека такой породы, как Тан.

НОЧЬЮ меня разбудил бой грубых деревянных барабанов шилуков, раздававшийся в темноте. Их печальные голоса пели похоронную песню, от которой дрожь прошла по моему телу. Светильник у постели Тана почти погас и начал шипеть. По стенам двигались чудовищные тени, словно стервятники, хлопая крыльями, усаживались вокруг трупа. Я медленно, нехотя подошел к Тану. Я знал, что шилуки не ошиблись: чутье редко обманывает их в подобных делах.

Тан лежал в той же позе, лицом к стене, но когда я прикоснулся к плечу, оно уже было холодным. Непреклонный дух покинул тело.

Я сидел рядом с ним весь остаток ночи и оплакивал его вместе с шилуками.

На рассвете я послал за бальзамировщиками.

Я НЕ МОГ ПОЗВОЛИТЬ грубым рукам низких мясников потрошить моего друга. Я сам сделал разрез в левом боку, и разрез этот, выполненный рукой хирурга, был ровным и аккуратным, не то что огромная рваная рана, нанесенная рукой гробовщика.

Через этот надрез я вынул внутренности. Трепет охватил меня, когда великое сердце Тана легло в мои ладони. Мне казалось, будто я чувствую мощное биение души в этом телесном сосуде. С любовью и почтением поместил я его обратно в грудную клетку и со всем искусством, на какое способен, зашил надрез в боку и рану на груди, оставленную голубым клинком.

Я взял бронзовую ложечку и вводил ее в ноздри до тех пор, пока она не уперлась в тонкую перегородку. Затем одним сильным толчком я пронзил тонкую кость и вычерпал мякоть из полости черепа. Только после этого смог передать тело бальзамировщикам.

Хотя делать мне больше было нечего, я оставался с телом Тана все последующие сорок дней мумификации, которые прошли в холодном и сумрачном Адбар Сегеде. Сейчас, вспоминая об этом, я считаю, что проявил слабость. Я не мог вынести горя своей госпожи, когда до нее дойдет весть о смерти Тана. Я позволил Мемнону выполнить долг, который по праву был моим. Я прятался с мертвым телом тогда, когда мне следовало быть с живыми, которым я обязан гораздо больше. Я всегда был трусом.

Гроба для мумифицированного тела Тана не было. Я собирался сделать его, когда мы достигнем Кебуи. Пока же приказал эфиопским женщинам сплести для него длинную

корзину. Плетение было настолько плотным, что напоминало полотно. Такая корзина держит воду, как горшок из обожженной глины.

МЫ СПУСКАЛИСЬ с горных вершин. Шилуки без труда несли высохшее тело. Они готовы были драться друг с другом за эту честь. Иногда принимались петь свои дикие похоронные песни, когда наша колонна шла по извилистым тропам через ущелья и исхлестанные ветром горные перевалы. Чаще всего пели боевые песни, которым научил их Тан.

Все это время я усталое шел за носилками. Дожди обрушивались на нас с горных пиков, и мы промокали до нитки. Реки взбухли, и нам приходилось вплавь переправляться через них, чтобы натянуть канаты и перетащить по ним свой груз. Ночью камышовый гроб стоял рядом с моей постелью. Я говорил с Таном вслух в темноте, будто он мог слышать меня и отвечать мне, как это бывало в старые добрые времена.

Наконец мы прошли последний перевал, и нашим взорам открылись великие равнины. Когда мы подходили к Кебуи, госпожа моя вышла навстречу печальному каравану. Она ехала в колеснице позади царевича Мемнона.

Когда они приблизились к нам по травянистой равнине, я приказал шилукам поставить камышовый гроб с телом Тана под раскидистыми ветвями гигантской акации. Госпожа моя сошла с колесницы и подошла к гробу. Положила на него руку и молча склонила голову.

Я был потрясен тем, как горе состарило ее. В волосах появились серебристые пряди, блеск в глазах пропал. Я понял: дни молодости и великой красоты прошли навсегда. Одинокая и горестная, сидела она у гроба. Царица Лостра настолько явно переживала потерю, что теперь любой без колебаний назвал бы ее вдовой.

Я решил предупредить ее, чтобы она не выдавала своих чувств.

— Госпожа, тебе нужно скрыть свою печаль от окружающих. Никто не должен знать, что он был для тебя не только другом и командующим твоими войсками. Ради памяти о нем, ради его чести, которой он так дорожил, спрячь слезы.

— У меня больше нет слез, — тихо ответила она. — Горе иссушило мои глаза. Только я и ты будем знать правду.

Мы поместили скромный камышовый гроб с телом Тана в трюм «Дыхания Гора», рядом с роскошным гробом фараона. Я оставался с моей госпожой, как и обещал Тану, пока горе не начало затихать и не превратилось в тупую, непроходящую боль, которая навсегда поселилась в сердце. Затем по ее приказу я отправился в долину гробницы, чтобы наблюдать за завершением строительства усыпальницы фараона.

Послушный приказу госпожи, в той же долине я выбрал место для гробницы Тана. Как ни старался я использовать все доступные мне материалы и труд ремесленников, место упокоения Тана казалось хижинкой крестьянина рядом с роскошным дворцом — посмертным жилищем фараона Мамоса.

Целое войско ремесленников и художников строило этот дворец и украшало великолепными фресками подземные коридоры и камеры царской усыпальницы. Хранилище усыпальницы было заполнено сокровищами, вывезенными нами из Фив.

Гробницу Тана строили в спешке. Он не сумел накопить сокровищ за всю свою жизнь, отданную службе государству и короне. Я нарисовал на стенах усыпальницы события его земной жизни: охоты на могучих зверей, сражения с войсками красного самозванца и гиксосов и даже последний бой у крепости Адбар Сегед. Однако я не посмел изобразить на фресках подвиги его благородной души, такие, как любовь к моей госпоже и крепкая дружба со мной. Они должны были остаться в тайне. Любовь к царице — измена, а крепкая дружба с рабом — позор для благородного человека.

Когда наконец усыпальница была построена, я остался один в скромном помещении, где Тан должен будет провести вечность, и внезапно меня охватила ярость при мысли о том, что я уже больше ничего не смогу для него сделать. В моих глазах он был куда более достойным человеком, чем фараон, носивший двойную корону. Корона вполне могла бы

увенчать его голову, если бы Тан с презрением не отверг ее. Для меня он был царем больше, чем сам фараон.

И вот тогда в мою голову впервые пришла одна мысль. Она показалась мне настолько позорной и неприличной, что я тут же отбросил ее, поскольку даже размышления по этому поводу были бы страшной изменой и оскорблением людей и богов.

Однако в последующие недели мысль эта то и дело снова появлялась у меня в голове. Я столь многим был обязан Тану, а фараону — столь малым. Даже если боги осудят меня на вечную погибель, плата будет справедливой. Тан за всю мою жизнь дал мне гораздо больше.

Один я не в силах совершить такое. Мне нужна была помощь. Но к кому мне обратиться? Нельзя было просить об этом ни царицу Лостру, ни царевича. Госпожу мою связывала клятва, данная фараону, а Мемнон не знал, кто был его настоящим отцом. Я не мог сказать ему об этом, не нарушив своей клятвы Тану.

В конце концов я вспомнил об одном человеке, который любил Тана почти так же сильно, как и я, и не боялся ни богов, ни людей и у которого хватило бы звериной силы, необходимой мне для задуманного предприятия.

— Клянусь сраной задницей Сета! — загоготал вельможа Крат, когда я поделился с ним своими мыслями. — Такое никому бы в голову не пришло! Ты самый большой мошенник на свете, Таита. Но я благодарен тебе за то, что ты даешь мне последнюю возможность оказать честь Тану.

Мы тщательно обдумали наши действия. Я даже послал страже у входа в трюм «Дыхания Гора» кувшин с вином, крепко приправленным настоем сонного цветка.

Когда мы с Кратом вошли в трюм корабля, где покоились два гроба, моя решимость поколебалась. Я почувствовал, что Ка фараона Мамоса наблюдает за мной из потустороннего мира и что его оскорбленный дух будет преследовать меня всю жизнь и искать возможности отомстить мне за это святотатство.

Могучего, добродушного Крата совесть не мучила, и он принялся за работу с таким усердием, что мне несколько раз пришлось предостерегать его, чтобы он не шумел слишком сильно, когда мы открывали золотые крышки царского гроба и вынимали оттуда мумию царя.

Тан был крупнее фараона, но, к счастью, изготовители гробов сделали их с запасом, да и тело Тана усохло во время бальзамирования. Несмотря на это, нам пришлось снять с него несколько слоев бинтов, прежде чем он поместился в огромном золотом гробу.

Я пробормотал извинения фараону Мамосу, когда мы переложили его в скромный деревянный гроб, раскрашенный изнутри и снаружи изображениями Великого Льва Египта. Места в гробу осталось более чем достаточно, и прежде чем запечатывать его, нам пришлось забить пустоты бинтами, снятыми с Тана.

ДОЖДИ прошли, наступило прохладное время года. Госпожа моя приказала погребальной процессии отправиться из Кебуи в долину гробницы.

Во главе шествия шел первый отряд колесниц под командованием царевича Мемнона. За ним следовали пятьдесят повозок, нагруженных погребальным сокровищем фараона Мамоса. Царственная вдова, правительница Лостра, ехала на повозке рядом с золотым гробом. Я с радостью наблюдал, как она проделывает это путешествие в обществе того, кого любила, хотя сама об этом не подозревала. Я видел, как часто Лостра оглядывалась назад, в конец длинного каравана, печально протянувшегося по равнине на целых пять миль.

Там повозка везла легкий, деревянный гроб в сопровождении отряда шилуков. Они пели прощальные песни, и их великолепные мелодичные голоса ясно доносились до середины каравана. Я знал, что Тан услышит их и поймет, для кого его воины поют свои песни.

КОГДА МЫ ДОСТИГЛИ наконец долины гробницы, золотой саркофаг поместили в шатер перед входом в царский мавзолей. Полотняную крышу шатра украшали тексты и

сцены из Книги Мертвых.

В долине провели два обряда похорон. Первый, менее торжественный, был похоронами Великого Льва Египта. Вторым должно было стать роскошное и церемонное погребение царя. И вот через три дня после нашего прибытия в долину деревянный гроб был помещен в гробницу, которую я приготовил для Тана. Жрецы Гора, покровителя Тана, освятили его могилу и запечатали ее.

Во время этого обряда и после него госпожа моя сумела скрыть свое горе. Казалось, она испытывает лишь приличествующую царице печаль по поводу кончины верного слуги, хотя я понимал, что в душе ее умирает нечто такое, чему уже никогда не возродиться.

Всю ночь в долине раздавались песни отряда шилуков, оплакивавших человека, который скоро станет для них богом. По сей день они кричат его имя в бою.

Через десять дней после первых похорон золотой саркофаг фараона поставили на деревянную волокушу и втащили в огромную царскую гробницу. Потребовались усилия трех сотен рабов, чтобы протащить саркофаг по многочисленным коридорам. Я так точно рассчитал все проходы, что повсюду между стенками коридоров и стенками гроба оставалось пространство не шире одной ладони. Чтобы сорвать попытки похитить сокровища фараона и осквернить его прах, в царской усыпальнице построили лабиринт тоннелей, пронизывающих все подножие горы. От входа в усыпальницу в отвесном склоне скалы шел широкий коридор прямо в роскошную погребальную камеру, украшенную чудесными фресками. Посредине погребальной камеры стоял пустой гранитный саркофаг со сдвинутой в сторону крышкой. Первый вошедший сюда грабитель сразу поймет, что он опоздал и кто-то другой успел обчистить усыпальницу до него.

На самом же деле от этого коридора под прямым углом шел другой проход. Его начало было замаскировано под хранилище погребальных сокровищ. Здесь саркофаг надо было развернуть и внести в другой коридор. Оттуда гроб начинал движение по целому лабиринту разветвленных ложных проходов и пустых усыпальниц. Чем дальше уходили они в глубь горы, тем более извилистыми и коварными становились.

Всего под горой было выбито четыре погребальных камеры, и во всех должны были остаться пустые гробы. Кроме них, там было три скрытых двери и два вертикальных ствола. По одному из них саркофаг нужно было поднять, по второму — опустить.

Прошло пятнадцать дней, пока саркофаг, пядь за пядью продвигаясь по этому лабиринту, занял наконец место последнего упокоения. Крыша и стены усыпальницы были расписаны мною со всем искусством и изобретательностью, какими боги наградили меня. На стенах вокруг царского гроба не было ни кусочка, который бы не сверкал красками и движением.

В разные стороны от усыпальницы уходили коридоры к пяти хранилищам сокровищ. Именно в этих хранилищах разместили мы погребальные сокровища, накопленные фараоном Мамосом за всю его жизнь и чуть было не разорившие Египет. Я часто спорил со своей госпожой и просил ее не зарывать эти богатства в землю, а пустить их на оплату расходов на войско, которое понадобится нам, чтобы изгнать тирана гиксосу и освободить народ нашей страны.

— Эти сокровища принадлежат фараону, — отвечала она. — Мы накопили здесь, в землях Куша, другие богатства. У нас много золота, рабов и слоновой кости. Этого будет достаточно. Пусть божественный Мамос получит свои драгоценности и золото. Я дала ему клятву.

Итак, на пятнадцатый день золотой саркофаг поместили в каменный, выбитый из цельного куска той же скалы. С помощью канатов и блоков мы подняли тяжелую крышку саркофага и опустили ее на место.

Царская семья, жрецы и вельможи вошли в усыпальницу, чтобы выполнить последние обряды.

Моя госпожа и царевич стояли во главе свиты у изголовья саркофага, а жрецы монотонно читали молитвы, заклинания и стихи из Книги Мертвых. От коптящего дыма

светильников и дыхания множества людей в гробнице стало душно.

Затем я увидел в желтом свете светильников, как госпожа моя побледнела, и пот выступил у нее на лбу. Я протолкался через толпу придворных и подошел к ней в тот самый момент, когда она покачнулась и упала. Мне удалось поймать ее, и голова не ударилась о гранитную крышку саркофага.

Мы вынесли царицу из усыпальницы на носилках. На свежем горном воздухе она быстро пришла в себя, но я заставил ее провести остаток дня в постели.

В тот вечер, когда я готовил ей укрепляющий настой трав, Лостра тихо, задумчиво лежала в постели. Потом, выпив настой, шепнула мне:

— У меня было совершенно невероятное ощущение. Когда я стояла в усыпальнице фараона, я вдруг почувствовала, будто Тан находится где-то совсем рядом. Его рука, казалось, коснулась моего лица, а голос прошептал что-то. Тогда я и упала в обморок.

— Он навсегда останется рядом с тобой.

. — Да, я верю в это, — просто ответила она.

Хотя тогда я и не заметил этого, теперь понимаю, что именно в тот день, когда мы положили Тана в гроб, жизнь начала угасать в Лостре; радость словно покинула ее, ей больше не хотелось жить.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день я вернулся в царскую усыпальницу с каменщиками и отрядом рабов для того, чтобы запечатать двери и проходы и поставить ловушки, которые будут охранять погребальную камеру.

Удаляясь от усыпальницы по лабиринту коридоров, мы хитроумно замуровывали тайные двери каменной кладкой и штукатуркой и рисовали фрески на свежих стенах. Мы запечатали отверстия вертикальных стволов, чтобы они не отличались от пола или потолка.

Я наладил камнепады, которые приводились в действие качающейся каменной плитой, и забил вертикальные стволы древесиной. За столетия дерево сгниет, плесень пожрет его, распространяя ядовитые испарения, которые удушат всякого, кто вторгнется в лабиринт и станет приближаться к потайной двери.

Однако прежде чем приступить к этой работе, я вошел в погребальную камеру, чтобы попрощаться с Таном.

В руках я нес длинный сверток. В последний раз пришел я к царскому саркофагу; отослав рабочих, я должен был последним оставить гробницу. После меня вход в погребальную камеру будет запечатан.

Когда я остался один, развернул сверток. Из него достал длинный лук, Ланату. Тан назвал его в честь моей госпожи, и я сам сделал для него этот лук. Это будет последний подарок от нас обоих. Я положил его на запечатанную крышку гроба.

В свертке остался еще один небольшой предмет. Это была деревянная статуэтка ушабти, которую я вырезал своими руками. Я поставил ее у подножия саркофага. Когда я работал над ней, то расставил вокруг себя три медных зеркала, чтобы как следует изучить свою внешность и верно ее изобразить. Эта миниатюрная кукла была маленьким Таитой.

На ее основании я написал: «Мое имя Таита, я врач и поэт. Я архитектор и философ. Я твой друг. Я отвечу за твои проступки».

Покидая усыпальницу, я остановился в последний раз у входа и оглянулся на саркофаг.

— Прощай, старина. Я стал богаче благодаря тому, что знал тебя. Жди нас по ту сторону мира.

НА ЗАВЕРШЕНИЕ работ в царской гробнице потребовалось много месяцев. Мы постепенно отступали по лабиринту каменных коридоров, и я лично осматривал каждую запечатанную дверь и каждую ловушку, установленную позади нас.

Я остался один, так как госпожа моя и царевич отправились в горы, в крепость Престера Бени— Джона. Они пошли туда со всем двором, чтобы подготовиться к свадьбе Мемнона и Масары. Гуи тоже отправился с ними выбирать лошадей в эфиопских табунах,

которые причитались нам за взятие Адбар Сегеда и освобождение Масары.

Когда же работы в гробнице завершились и работники мои запечатали внешний вход в склоне скалы, я тоже отправился в горы по холодным и ветреным перевалам. Мне не хотелось пропустить свадебный пир, а в путь я пустился с опозданием. Работы потребовали больше времени, чем я ожидал. Я ехал верхом по тропам и гнал лошадей так быстро, как только позволяли горы.

Я прибыл во дворец Престера Бени-Джона за пять дней до свадьбы и направился прямо в ту часть крепости, где остановились моя госпожа и ее свита.

— Я не улыбалась с тех пор, как видела тебя в последний раз, Таита, — вместо приветствия сказала она. — Спой мне. Расскажи мне сказку. Рассмеши меня.

Задача оказалась не из легких, так как печаль глубоко проникла в ее душу. Да и я, по правде говоря, не мог похвастаться весельем и беззаботностью. Я почувствовал, что не только горе мучает ее. Очень скоро мы оставили попытки развеселиться и стали обсуждать государственные дела.

Брак этот, возможно, и был браком по любви, встречей двух душ, благословленной богами, однако для всех союз Мемнона и Масары был царской свадьбой и, соответственно, союзом двух народов. Нужно было подготовить и подписать подходящие соглашения, принять решения о размерах приданого и торговле между царем царей и правителем Аксума и царем Египта, увенчанным двойной короной обоих царств.

Как я и предвидел, госпожу мою не радовало то, что сын берет в жены женщину другого народа, другой расы.

— Они во всем отличаются от нас, Таита! Каким богам поклоняются? На каком языке говорят? А какой у них цвет кожи, ох! Как бы мне хотелось, чтобы он выбрал невесту из наших девушек.

— Еще выберет, — заверил я ее. — У него будет, пожалуй, пятьдесят или сто египтянок. Кроме того, он возьмет в жены ливиек, хурриток и гиксосок. Женщины всех народов и рас, которые он покорит в будущем, дадут ему жен, и среди них будут кушиты, хетты, ассирийки...

— Перестань меня дразнить! — Лостра топнула ножкой с подобием прежней ярости. — Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Все последующие браки будут союзами между государствами. Этот же брак — первый. Это соединение двух сердец.

Она была права. Обещание любви, которым Мемнон и Масара обменялись во время короткой встречи на берегу реки, расцветало теперь великолепным бутонem.

Я был удостоен чести находиться с ними в те бурные времена. Оба признавали это и были благодарны мне за помощь в соединении их сердец и рук. Для обоих я остался лучшим другом, человеком, которому они безоговорочно доверяли.

Я не разделял дурных предчувствий моей госпожи. Хотя жених и невеста, действительно, отличались друг от друга, сердца их словно вышли из одной формы. Оба были преданы своим устремлениям. В обоих жили яростный дух и безжалостная жестокость, свойственные правителям. Они стали превосходной парой, как сокол и соколица. Я знал: Масара не будет отвлекать Мемнона от дел, предписанных ему судьбой, она скорее придаст ему новые силы и вдохновит его на свершение великих подвигов. Я был очень доволен своим сводничеством.

И вот в один прекрасный солнечный день в горах Эфиопии на глазах двадцати тысяч мужчин и женщин Эфиопии и Египта, стоявших на склонах, Мемнон и Масара встали рядом на берегу реки и разлили кувшин с водой, который верховный жрец Осириса зачерпнул из новорожденного Нила.

ЖЕНИХ и невеста ехали во главе каравана, спускавшегося с гор. Кроме новобрачных, он вез тяжелый груз — приданое царевны и множество договоров и соглашений, заключенных между двумя народами.

Гун со своими конюхами гнал позади нас табун в пять тысяч голов. Часть этих лошадей

причиталась нам за военные победы, а остальные составляли приданое Масары. Однако не успели мы достигнуть слияния двух рек, как равнины потемнели, будто тень огромной тучи легла на саванну, хотя небо оставалось безоблачным.

Начиналась ежегодная миграция гну. Через несколько недель после прихода гну желтый душитель поразил табун эфиопских лошадей, и волна смерти прокатилась по нему, как половодье в долине горной реки.

Разумеется, мы с Гуи ожидали этого поветрия, когда появятся гну. Мы научили каждого конюха и колесничего делать надрез на трахее и обрабатывать рану горячей смолой, чтобы предотвратить омертвление ткани, которое может погубить животное, даже если оно выживет после желтого душителя.

Много недель мы не высыпались, но в конце концов болезнь унесла менее двух тысяч новых лошадей, и еще до следующего половодья Нила оправившиеся лошади окрепли и стали учиться работать в упряжке.

КОГДА НАЧИНАЛОСЬ половодье, жрецы совершали жертвоприношение своим богам на берегу Нила и советовались с пророками о том, что ожидает нас в будущем году. Одни изучали внутренности жертвенных овец, другие наблюдали за полетом диких птиц, а третьи смотрели в сосуды, наполненные водой из Нила. И все они, каждый по своему, предсказывали будущее. Царица Лостра принесла жертву Хапи. Хотя я и присутствовал с ней на богослужении и участвовал в пении молитв со всеми собравшимися, сердце мое витало в другом месте. Я — человек Гора, как вельможа Крат и царевич Мемнон. Мы принесли в жертву богу золото и слоновую кость и молили его о покровительстве.

Боги соглашаются друг с другом не чаще, чем люди. Однако этот год отличался от всех прочих. За исключением богов Анубиса, Тота и богини Нут, все небесное воинство говорило будто одним голосом. Последние же три божества — Анубис, Тот и Нут — божества незначительные, и их советами можно без всякой опаски пренебречь. Однако великие боги: Амон-Ра, Осирис, Гор, Хапи, Исида и две сотни других больших и малых божеств сказали одно и то же: «Пора возвращаться на священную черную землю Кемита».

Вельможа Крат всегда в душе оставался циничным язычником — он предположил, что жрецы сговорились и вложили эти слова в уста своих богов. Хотя я шумно выразил негодование по поводу такого богохульства, втайне был склонен согласиться с ним.

Жрецы — люди изнеженные и привыкшие к роскоши, а последние двадцать лет нам приходилось вести суровую жизнь путешественников и воинов в диких землях Куша. Они, по-моему, тосковали о прекрасных Фивах даже больше моей госпожи. Так что, наверное, люди, а не боги дали совет возвращаться на север.

Царица Лостра созвала верховный совет государства, где она объявила, что принимает совет богов, и все присутствующие — знать, жрецы и воины — как один приветствовали ее решение. Я кричал вместе со всеми, и, как и у всех остальных, мои сны в ту ночь заполнили видения Фив и тех далеких дней, когда Тан, Лостра и я были молоды и счастливы.

СО ВРЕМЕНИ смерти Тана верховного командующего всеми войсками не было, и военный совет собрался на тайное совещание. Разумеется, я не был допущен на него, однако госпожа моя повторила мне каждое слово. После долгих и горячих споров командовать войсками предложили Крату. Он встал перед присутствующими, наш седовласый и покрытый шрамами ветеран, и громко рассмеялся, сказав: — Я простой воин, я привык следовать, а не вести за собой. Отдайте мне под командование шилуков, и я назову вам человека, за которым пойду и на жизнь, и на смерть. — Он обнажил меч и показал на царевича. — Вот человек, за которым я пойду. Да здравствует Мемнон! Да живет он вечно!

— Да живет он вечно! — закричали все, и госпожа моя улыбнулась. Мы с ней заранее организовали заседание совета так, чтобы оно дало нужный результат.

В возрасте двадцати двух лет царевича Мемнона возвели в звание Великого Льва Египта и командующего всеми войсками. Он сразу принялся за подготовку Возвращения.

ХОТЯ ПО ЗВАНИЮ я был всего лишь царским конюшим, царевич назначил меня в свой военный совет. Он часто обращался ко мне за помощью в разрешении сложных проблем, которые вставали перед нами. Днем я правил его колесницей. Синие вымпелы развевались над нами, когда мы катились вдоль построившихся отрядов и выполняли с ними различные боевые построения. Много ночей мы с царевичем и Кратом засиживались за кувшином вина, обсуждая Возвращение. Иногда в эти ночи царевна Масара прислуживала нам; она налиwała в чаши вино своей грациозной темной ручкой. Потом садилась у ног Мемнона и слушала каждое слово, а когда наши глаза встречались, улыбалась мне.

Нашей главной заботой было избежать опасной и трудной проводки судов через пороги Нила. Преодолеть их можно было только во время половодья, а это затягивало наше путешествие.

Я предложил построить за пятым порогом новую флотилию барок. С их помощью мы перевезем войско на то место, откуда оно отправится по короткому пути в обход великой излучины реки. Когда мы придем на берег выше первого порога, построим новый отряд быстрых боевых ладей и барок, которые отвезут нас к Элефантине.

Я был уверен, что, точно рассчитав время, мы сможем быстро пройти порог и застанем гиксосов врасплох на якорных стоянках у Элефантины. Мы нанесем врагу серьезный удар и захватим корабли, усилив наш собственный боевой флот. Как только мы закрепимся на реке ниже первого порога, проведем через порог пехоту и колесницы и сразимся с гиксосами на освободившихся от воды полях.

Первый этап Возвращения начался в первый день половодья. В Кебуи, который был нашей столицей уже много лет, мы решили оставить небольшой отряд. Кебуи становился пограничным торговым городком империи. Богатства Куша и Эфиопии текут на север через его ворота.

Когда основная часть флота отправилась на север, мы с Гуи и пятьюстами конюхов и отрядом в сотню колесниц остались, чтобы дожидаться возвращения гну. Они, как обычно, появились совершенно неожиданно, словно большая черная туча накрыла золотую травянистую саванну. Мы выехали к ним навстречу на колесницах.

Поймать этих некрасивых животных — дело простое. Мы догоняли их на колесницах и набрасывали петли на уродливые головы. Гну не могут сравниться с лошадьми в беге, и нрав у них не столь непокорный. Они недолго бьются на веревке и быстро смиряются со своей участью. За десять дней мы загнали в ограды на берегу Нила более шести тысяч гну.

Именно тогда мы убедились, насколько слабы эти животные. Они умирали сотнями без всякой причины. Обращались мы с ними ласково. Кормили и поили, и все же казалось, будто их бродячий нрав не выдерживал пленения, и они медленно угасали в наших загонах.

Мы потеряли более половины пойманных животных еще до начала путешествия, и многие из них умерли в пути.

РОВНО через два года после того, как Лостра приказала начинать Возвращение, наш народ собрался на восточном берегу Нила выше четвертого порога. Перед нами лежали пустыня и путь через великую излучину реки. В течение всего предшествующего года караваны повозок отправлялись в пустыню. Каждая из них везла глиняные кувшины, по горлышко заполненные нильской водой и запечатанные наглухо пробками, залитыми горячей смолой. Через каждые десять миль мы устраивали место водопоя на тропе. На каждом из них зарыли в песок тридцать тысяч кувшинов с водой, чтобы они не потрескались и не лопнули под горячими лучами солнца.

Нас было пятьдесят тысяч человек и почти столько же животных, включая уменьшающееся стадо гну. Повозки с водой покидали берег реки каждый вечер, и трудам их, казалось, не будет конца.

На берегу реки мы дождались новолуния, чтобы растущая луна освещала нам путь в пустыне. Хотя мы и решили отправиться в путь в самое холодное время года, жара и горячее

солнце будут нести смерть и людям, и животным. Мы сможем идти только по ночам.

За два дня до начала похода госпожа моя сказала:

— Таита, когда мы с тобой в последний раз ловили рыбу? Приготовь свои гарпуны.

Я понял, что она хочет обсудить со мной нечто важное. Мы спустились вниз по течению, и я привязал лодку к склонившейся над водой иве у противоположного берега реки, где любопытные не могли подслушать нас.

Сначала мы говорили о приближающемся переходе через пустыню и о возвращении в Фивы.

— Когда я снова увижу сверкающие стены родного города, Таита? — вздохнула моя госпожа. Я не мог точно сказать ей, когда это произойдет.

— Если боги будут добры к нам, мы достигнем Фив ровно через год, когда половодье Нила пронесет наши ладьи через порог. После этого судьба начнет играть нами, как шаловливые струйки реки играют легкой щепкой.

Однако, судя по всему, Лостра пригласила меня на реку не для этого разговора. Глаза ее наполнились слезами, и она спросила меня:

— Как давно Тана нет с нами, Таита?

— Он отправился в путешествие к западным полям рая более трех лет назад, госпожа моя, — голос мой прервался, когда я ответил ей.

— А в объятиях его я не лежала на много месяцев больше, — удивленно и задумчиво произнесла она. Я кивнул, не понимая, куда госпожа клонит.

— Он снился мне почти каждую ночь с тех пор, Таита. Мог ли он вернуться и оставить свое семя в моем чреве, пока я спала?

— Все возможно под небесами, — осторожно ответил я. — Мы же рассказали народу, каким образом были зачаты Техути и Беката. Однако, по правде говоря, мне о таком слышать не приходилось.

Некоторое время мы сидели молча. Лостра подставила руку под струю воды. Потом подняла ее и смотрела, как капли срываются с кончиков пальцев. И вдруг заговорила, отвернувшись.

— По-моему, у меня опять будет ребенок. Красный цветок моих месячных увял и засох.

— Госпожа, — тихо и мягко ответил я, — ты приближаешься к тому времени в своей жизни, когда воды твоего чрева начнут пересыхать. Наши египетские женщины расцветают быстро, как цветы пустыни, и так же быстро увядают.

Она покачала головой.

— Нет, Таита, я говорю о другом. Я чувствую, как ребенок растет во мне.

Я молча посмотрел на нее и вдруг снова почувствовал, как крылья несчастья скользнули надо мной, и холодок от их взмаха коснулся моих рук.

— Ты можешь не спрашивать меня, знала ли я другого мужчину после того, — на этот раз Лостра смотрела мне в глаза. — Тебе известно, что другого мужчины у меня не было.

— Да, мне это хорошо известно. И все же я не могу поверить в зачатие от призрака. Каким бы желанным и любимым ни было это привидение, желание иметь еще одного ребенка могло подействовать на твое воображение.

— Пощупай мое чрево, Таита. Там живое существо. Оно растет с каждым днем.

— Я сделаю это сегодня вечером в твоей каюте. Здесь, на реке, чужие глаза могут заметить нас.

МОЯ ГОСПОЖА лежала обнаженной на простынях. Я сначала осмотрел ее лицо, а потом перешел к телу. Пока я смотрел на нее глазами мужчины, она по-прежнему оставалась для меня красавицей, но стоило мне взглянуть глазами врача, и я увидел, как годы и испытания в чужих краях состарили ее. В волосах было больше серебра, чем черноты, а годы и заботы царствования глубокими морщинами избороздили ее лоб.

Сосуд её тела дал жизнь трем другим жизням. Однако груди теперь были пусты, их не

наполняло молоко новой беременности. Лостра была худая. Мне следовало бы раньше заметить эту худобу, эту неестественную худобу, граничащую с истощением. Но живот ее торчал, словно бледный шар слоновой кости, такой большой по сравнению с худыми и стройными руками и ногами.

Я нежно положил руки на живот, на серебряные линии, оставшиеся на коже, когда она освободилась от радостной ноши. Я ощупал существо, поселившееся в ней, и понял, что это была не жизнь. Это была смерть.

Я не мог найти подходящих слов. Отвернулся и вышел на палубу ладьи. Я поднял глаза к небу и посмотрел на звезды. Их холодный свет лился с далекого неба. Как и богам, им не было до нас дела. Молить их было бесполезно, как и богам.

Я знал, что росло в чреве моей госпожи. Я ощупывал это в телах других женщин, а когда они умирали, вскрывал мертвые матки и видел, что убило их. Это было страшное бесформенное существо, не имеющее ничего общего ни с человеком, ни с животным. Это бесформенный шар красной и свирепой плоти. Это творение Сета.

Прошло много времени, прежде чем я набрался мужества и вернулся в каюту.

Госпожа моя успела одеться. Она сидела на постели и смотрела на меня огромными темно-зелеными глазами, которые совсем не постарели. Глядела на меня, как маленькая девочка, которую я знал много лет назад.

— Госпожа, почему ты не говорила мне о боли? — нежно спросил я.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она. — Я пыталась скрыть ее от тебя.

НАШ КАРАВАН отправился в пустыню при свете луны. Мы шли по серебряным пескам. Иногда госпожа моя шла рядом со мной, а обе принцессы играли вокруг нас и смеялись, радуясь новым приключениям. Временами, когда боли оказывались слишком сильными, госпожа моя ехала в повозке, которую я снабдил всем необходимым. Тогда я садился с ней рядом и держал ее за руку, пока порошок сонного цветка не начинал действовать и не приносил облегчения.

Каждую ночь мы переходили к следующему месту водопоя по дороге, пробитой тысячами повозок. В дневное время пережидали жару, дремля под навесами в иссушающем зное пустыни.

Мы шли тридцать дней и ночей, когда увидели на рассвете необычайное зрелище. Бестелесный парус плыл над пустыней, тихо перемещаясь к югу. Только пройдя много миль, мы поняли, в чем состоял обман зрения. Корпус ладьи скрывали берега Нила, а за песчаными дюнами река продолжала свой бесконечный бег. Мы пересекли излучину.

Царевич Мемнон со своими приближенными вышел к нам навстречу. Заканчивалось оснащение первой флотилии ладей. По дороге к реке мы видели парус одной из них. Каждую доску и каждую мачту для нашей флотилии изготовили на великих равнинах Куша и привезли сюда на повозках. Все колесницы были собраны. Гуи перегнал лошадей через пустыню и привез на повозках фураж. Даже мои гну ожидали меня в загонах на берегу. Хотя повозки и караваны с женщинами и детьми еще долго прибывали из пустыни, основная часть нашего народа уже завершила переход. Предприятие это казалось невероятным, а необходимые труды были поистине божественными по размерам. Только люди, подобные Крату, Ремрему и Мемнону, могли совершить их за столь короткое время.

Теперь только первый порог отделял нас от священной земли нашей родины.

МЫ СНОВА отправились на север. Госпожа моя плыла в новой барке, построенной специально для нее и царевен. Для Лостры сделали просторную каюту, которую я обставил со всей доступной для нас роскошью. Стены покрывало расшитое шерстяное полотно из Эфиопии, а мебель была изготовлена из черной древесины акации, инкрустированной слоновой костью. Выступающие части я украсил изображениями цветов, птиц и прочих прекрасных вещей.

Как обычно, я спал у подножия постели моей госпожи. Через три ночи после отплытия

я вдруг проснулся. Она молча плакала. Хотя подушка заглушала всхлипы, меня разбудило движение в постели. Я сразу проснулся и подошел к ней.

— Боли вернулись?

— Я не хотела будить тебя, но боль, словно меч, пронзает мой живот.

Я сделал для нее настой сонного цветка крепче, чем когда бы то ни было. Боль начинала побеждать цветок. Она лежала немного, а потом вдруг сказала:

— Ты мог бы вырезать эту штуку из моего тела?

— Нет, госпожа. Не могу.

— Тогда возьми меня на руки. Возьми меня на руки, как тогда, когда я была совсем маленькой.

Я взобрался на постель и взял Лостру на руки. Прижал к себе — худую и легкую, как ребенок. Я нежно укачивал ее, и через некоторое время она уснула.

ФЛОТИЛИЯ подошла ко входу в первый порог над Элефантиной и встала на якорь на широком плесе, где спокойные воды Нила еще не знали свирепой мощи стремнин и перепадов высот. Мы подождали, пока все войско не нагонит нас с лошадьми, колесницами и языческими отрядами шилуков под командованием вельможи Крата. Мы ожидали также, когда поднимется вода и откроет нам путь через порог. В ожидании половодья мы решили послать шпионов вниз по течению реки. Они нарядились крестьянами, жрецами, торговцами товаром и ушли в Египет. Вместе с Кратом я обошел ущелье порога и разметил пути через стремнины. Теперь, когда вода стояла низко, каждый камень был на виду. Мы разметили скалы намного выше уровня подъема воды, чтобы потом по этим знакам видеть, где прячутся опасные камни.

На эти труды ушло много недель. Когда мы вернулись на стоянку флотилии, там уже собралось все наше войско. Мы послали несколько разведывательных отрядов, чтобы найти путь для колесниц через каменистую пустыню. Нам не хотелось рисковать столь ценным грузом в бурных водах порогов.

Наши шпионы стали возвращаться из Элефантины. Приходили тайно, как правило, по одному, ночью. Они принесли нам первые вести с родины за многие годы изгнания.

Царь Салит по-прежнему правил страной, но он сильно постарел, борода стала совсем седой. Два его сына были самыми влиятельными людьми среди воинов гиксосов. Царевич Беон командовал пехотой, а царевич Апачан возглавлял отряды колесниц.

Могущество гиксосов превосходило наши предположения. Шпионы сообщали, что Апачан имеет в своем распоряжении двенадцать тысяч колесниц. Мы же смогли вывести из Куша только четыре тысячи. У Беона было сорок тысяч лучников и пехоты. Даже с шилуками Крата у нас набиралось не более пятнадцати тысяч. Количественно враг намного превосходил нас.

Были, правда, и хорошие вести. Большая часть войска гиксосов находилась в дельте, где Салит устроил в Мемфисе свою столицу. На перемещение войск к югу, к Элефантине и Фивам, потребуется много месяцев. Он не сможет провести колесницы вверх по течению, пока не спадет вода и не просохнет прибрежная равнина. Город Элефантину охранял небольшой отряд из ста колесниц. Все они были старого типа, со сплошными колесами. Оказалось, что гиксосы еще не успели усовершенствовать конструкцию колеса.

Царевич Мемнон изложил нам свой план действий. Мы пройдем через порог и захватим Элефантину, а затем, когда Салит выйдет к нам навстречу, пойдем на Фивы и поднимем народ Египта на восстание против захватчиков.

Следовало ожидать, что Салит со всем своим войском даст нам сражение на равнине у Фив, когда спадут воды Нила. К тому времени у нас будет возможность снизить превосходство врага за счет египетских войск, которые соберутся под наши флаги.

Мы узнали от шпионов, что гиксосы не подозревают о присутствии нашего освободительного войска в непосредственной близости от границы и что нам удастся застать врага врасплох. Мы узнали также, что Салит принял египетский образ жизни. Сегодня

гиксосы жили в наших дворцах и поклонялись нашим богам. Даже их старый бог Сутех изменил свою внешность и имя и теперь звался Сетом, но оставался, как и прежде, главным богом.

Хотя все старшие командиры войска были гиксосами, многие сотники идесятники были набраны из египтян, половина простых воинов также были нашими соотечественниками. Большинство из них либо не успели родиться ко времени нашего ухода, либо были еще совсем младенцами. Интересно, кому будут верны они, когда царевич Мемнон поведет свое войско в Египет?

Теперь все было готово. Разведчики наметили дорогу по западному берегу, и повозки оставили воду в кувшинах и фураж по всей дороге для наших колесниц, чтобы они без труда прошли в плодородные земли Египта. Ладьи наши были оснащены, снабжены командами и готовы к бою. Когда поднимется вода в Ниле, мы пойдем вниз по течению, а пока нам оставалось совершить последний обряд.

Мы поднялись на вершину утеса, где высился обелиск, возведенный моей госпожой более двадцати лет назад. Стройный каменный палец, казалось, устремлялся в безоблачное голубое небо Африки.

Госпожа моя была слишком слаба и не могла сама взойти на вершину. Десять рабов несли ее в носилках, которые поставили перед обелиском. Тяжело опираясь на руку царевича Мемнона, она медленно подошла к колонне и подняла глаза на надпись, высеченную в граните. Весь наш народ смотрел на нее, все, кто пришел обратно, туда, откуда мы начали свое путешествие столько лет назад.

Госпожа прочла надпись вслух. Голос ее звучал тихо, но настолько мелодично, что я отчетливо слышал его со своего места за спинами знатных вельмож и военачальников.

«Я, царица Лостра, правительница Египта и вдова фараона Мамоса, восьмого фараона этого имени, и мать наследника короны, царевича Мемнона, который будет править обоими царствами после меня, приказала возвести этот монумент...»

Когда она закончила чтение, то повернулась к своему народу и простерла к нему руки.

— Я сделала то, что требовал от меня долг, — сказала царица, и в голосе ее зазвучало подобие былой силы. — Я снова привела вас на границу вашей земли. Мой долг выполнен, и я слагаю с себя бразды правления, — она сделала паузу, и на какое-то мгновение ее глаза встретились с моими над головами вельмож. Я подбодрил кивком, и царица продолжила. — Народ Египта! Тебе нужен истинный фараон, который возглавит египтян на пороге родного дома. Я даю вам божественного фараона Тамоса, того, кто был когда-то наследником короны Мемноном. Да живет он вечно!

— Да живет он вечно! — закричал народ, как один человек. — Да живет он вечно!

Фараон Тамос вышел вперед и повернулся к своему народу.

— Да живет он вечно! — крикнули все в третий раз. Фараон вынул из ножен голубой меч с украшенной драгоценными камнями рукоятью и приветствовал им свой народ.

В последовавшей тишине голос Мемнона зазвенел, как металл, эхо подхватило его и понесло по ущелью, отражаясь от безводных красных скал.

— Я принимаю на себя этот священный долг. Я клянусь надеждой на вечную жизнь, что буду служить Египту и его народу до дня моей смерти. Я не пренебрегу своими обязанностями и призываю всех богов стать свидетелями моей клятвы.

ПРИШЛО половодье. Вода стала покрывать скалы, охранявшие вход в ущелье, и цвет воды в Ниле из зеленого стал серым. Порог зарычал, как потревоженный в берлоге зверь, туча брызг поднялась в небо над холмами. Я поднялся на борт передовой ладьи с вельможей Кратом. Мы снялись с якоря и пошли по течению. Гребцы на скамейках разделись до набедренных повязок и не отрываясь глядели на Крата, стоявшего на высокой кормовой надстройке и сжимавшего в огромных медведеподобных лапах рулевое весло.

На носу ладьи две команды моряков стояли с тяжелыми веслами наготове, чтобы под руководством царя отталкиваться от скал. Я разложил рядом с Кратом на палубе карту порога и приготовился показывать повороты и изгибы фарватера. В этой карте не было необходимости, потому что я прекрасно помнил каждую линию на ней. Кроме того, я поставил надежных людей по краям ущелья и на островках посреди реки. Они будут показывать флажками, когда нужно поворачивать.

Течение ускорилося, я оглянулся в последний раз и увидел, как остальные ладьи нашей флотилии выстроились в кильватерную колонну и приготовились последовать за нами в порог. Когда я снова поглядел вперед, то вдруг почувствовал, что живот у меня скрутило, как будто кто-то схватил мои кишки в кулак, и мне пришлось с усилием сжать ягодицы. Ущелье впереди нас дымилося на солнце, как врата ада.

С обманчивой медлительностью мы набирали ход вместе со струей воды. Гребцы едва касались воды веслами, чтобы направлять нос ладьи по течению. Мы шли ровно и мягко, словно стояли на месте. Только взглянув на берега, несущиеся мимо нас, я понял, с какой скоростью мы мчимся вперед. Прямо по носу поднимались скалистые врата ущелья. Тем не менее, только взглянув на ухмыляющуюся рожу Крата, я понял, насколько опасно наше предприятие. Такая ухмылка появлялась у него на лице тогда, когда смерть костлявым пальцем манила его за собой.

— Давайте, разбойники! — крикнул он гребцам. — Сегодня ваши матери будут гордиться вами. А если нет, у бальзамировщиков прибавится работы.

Три острова разрезали течение реки на узкие протоки.

— Возьми левее и правь на синий крест, — объяснил я Крату, стараясь говорить спокойно, и тут же почувствовал, как палуба наклонилась под моими ногами. Я вцепился в борт ладьи.

Мы понеслись вниз по стремительной струе, и нос ладьи тошнотворно накренился. Мне почудилось, будто мы уже потеряли управление, и я стал ждать страшного треска ломающейся палубы. Казалось, доски вот-вот разойдутся под моими ногами. Потом нос выпрямился, и синий крест возник перед нами на отвесной каменной скале.

— Круто бери вправо, как только поравняешься с флагом! — заверещал я и заметил человека на острове посредине реки, который сигнализировал нам флажками. Крат круто повернул рулевое колесо и закричал гребцам:

— Правая сторона — назад, левая — вперед!

Палуба резко накренилась, и мы вошли в поворот. Отвесная скала пронеслась мимо. Теперь мы мчались со скоростью галопирующей лошади. Еще один поворот, и мы увидели первую стремнину. Черные скалы встали впереди, вода горбом поднималась между ними. Поверхность воды повторяла форму каменистого дна, огромные стоячие волны пенились на нашем пути. За подводными камнями неожиданно открывались гладкие ровные протоки. Здесь воду закручивало вокруг подводных камней, и она взрывалась, поднимая в воздух белый шлейф пены, сквозь который скалы рычали на нас, обнажив черные клыки. У меня засосало под ложечкой, когда мы перепрыгнули через уступ и понеслись вниз по наклонному потоку. В конце перепада мы закружились, как стебелек травы в водовороте.

— Левая — вперед! — рычал Крат. — Вперед, пока яйца не лопнут!

Ладья выровнялась и вошла в следующий просвет между скалами. Белая пена брызнула на палубу и залила мне глаза. Вода шипела за бортом, устремляясь вместе с нами вниз по узкой стремнине, а стоячие волны у берега поднимались выше кормовой надстройки.

— Клянусь запаршивевшим брюхом Сета! Я не веселился так с тех пор, как впервые опрокинул чашу пива! — хохотал Крат. Скала бросилась на нас, как раненый слон.

Мы коснулись ее, и камни закричали по нашему днищу. Палуба задрожала под нашими ногами. От страха я потерял дар речи. Потом моряки Мемнона оттолкнули ладью от скалы, и мы помчались дальше.

Сзади я слышал оглушительный треск: одна из ладей налетела на скалу. Я не посмел оглядываться, выбирая путь по следующему проходу, но скоро обломки ладьи и головы

тонущих усеяли поверхность воды. Они кричали нам что-то, но вода уносила их и била о скалы, а мы не могли спасти их. Смерть наступала нам на пятки, и мы мчались вперед, вдыхая ее запах.

За этот час я прожил сотню жизней и умер в каждой из них. Наконец нас выбросило из порога в главное русло. Из двадцати трех боевых ладей, вошедших в ущелье, только восемнадцать вышло вслед за нами. Остальные разбило в щепки, и трупы утонувших моряков плыли рядом с нами в серой воде Нила.

У нас не было времени праздновать спасение. Прямо перед нами лежал остров Элефантина, а на обоих берегах реки сверкали знакомые стены дворцов и храмов родного города.

— Лучникам натянуть тетиву! — приказал фараон Тамос с носа ладьи. — Поднять синий вымпел! Барабанщик, увеличить ритм до скорости атаки!

Наша маленькая флотилия врезалась в стаю кораблей, забивших реку вокруг Элефантины. Большинство из них были торговыми барками или транспортными ладьями. Мы миновали их, направляясь к боевым ладьям гиксосов. Захватчики набрали команды своих судов из египетских моряков, так как никто лучше них не знал реки. Только командиры ладей были гиксосами. Большинство из них сейчас находилось на берегу, они кутили в притонах у пристаней.

Шпионы сообщили нам, что флаг командующего флотилией — ало-золотой ласточкин хвост, такой длинный, что концы его свисают до воды. Мы направились прямо к ладье под этим флагом, и Мемнон ворвался на ее борт с двадцатью воинами.

— Долой тирана гиксосу! — орали они. — Вставай за Египет!

Команда ладьи глазела на них, разинув рот от удивления. Мы застали их врасплох, и большая часть моряков оставалась без оружия. Оружие было заперто в помещении под палубой, потому что командиры гиксосы не доверяли своей команде.

Каждая ладья нашей флотилии атаковала вражеское судно и захватила его. На всех реакция команд была одинаковой. Оправившись от изумления, они спрашивали, кто мы такие.

— Египтяне! — отвечали мы. — Мы войско истинного фараона Тамоса! Присоединяйтесь к нам, соотечественники. Долой тирана!

Они набросились на своих командиров гиксосов и перерезали их раньше, чем мы успели опомниться. Потом кинулись обниматься с нашими моряками.

— За Египет! — кричали они. — За Тамоса! За Тамоса и за Египет!

Приветственные крики перекидывались с ладьи на ладью. Матросы плясали на бортах кораблей и лезли на мачты срывать вымпелы гиксосов. Сломали запоры на трюмах и раздавали друг другу луки и мечи.

Потом хлынули на берег. Вытаскивали гиксосов из кабаков и рубили их на мелкие кусочки так, что из придорожных канав в Нил потекла красная жижа. Побежали по улицам города к казармам и там напали на городскую стражу.

— За Египет и Тамоса! — кричали они. Некоторые командиры гиксосов сумели собрать своих людей и некоторое время держались в окружении этого сброда. Потом Крат и Мемнон вышли на берег со своими бывалыми воинами, и через два часа город был у нас в руках.

Гиксосы бросили большую часть своих колесниц, но около половины отряда спаслось через восточные ворота, и теперь они скакали по насыпи, соединявшей город с сухой каменистой пустыней.

Я сошел на берег и побежал по знакомым переулкам к северной башне на стенах города. Я знал, что оттуда лучше всего виден город и окружающие равнины. С горечью смотрел я на бегство отряда колесниц. С каждым из убежавших придется сражаться, а мне были нужны лошади. Я уже хотел отвернуться и поглядеть на город, когда увидел маленький столбик пыли у южных холмов.

Я загородил глаза от солнца и пригляделся. Сердце мое забилося быстрее от радости.

Столбик пыли быстро приближался. Я разглядел темные силуэты под ним.

— Клянусь Гором! Это Ремрем! — с восхищением прошептал я. Старый воин сумел невероятно быстро провести отряд колесниц по тяжелой дороге через каменистую пустыню. Мы расстались с ним всего два дня назад.

С профессиональной гордостью я увидел, как первый отряд, двигавшийся колонной по четыре колесницы, начал выстраиваться в боевой порядок. Мы с Гуи хорошо обучили их. Они превосходно выполнили построение, и теперь Ремрем мчался во фланг гиксосов. Половина вражеских колесниц еще не спустилась с насыпи. Командир отряда врага, казалось, не заметил атаки боевых колесниц, и фланг его остался без защиты. Похоже, все время оглядывался назад.

В последний момент он попытался развернуть отряд и грудь к груди встретить Ремрема, но было поздно. Лучше бы попытался бежать. Колесницы Ремрема могучей волной хлынули на гиксосов и смели отряд врага, как половодье Нила смывает мусор с его берегов. Я наблюдал за боем, пока не убедился, что Ремрем поймал большую часть лошадей гиксосов, и только тогда вздохнул с облегчением и повернулся к городу.

Горожане обезумели от радости. Люди плясали на улицах и размахивали первыми попавшимися тряпками синего цвета. Синий цвет — цвет фараона Тамоса. Женщины вплетали в волосы синие ленты, а мужчины надевали синие пояса и повязывали синие браслеты на запястья.

Кое-где еще продолжался бой, но постепенно последних гиксосов перерезали или стащили со зданий, которые они пытались защищать. Только в казарме несколько сот воинов заперлось изнутри. Их пришлось поджечь. Я слышал вопли горящих людей, и скоро запах жженого мяса донесся до меня. Казалось, где-то жарят свинину.

Разумеется, в городе начались грабежи, и некоторые еще державшиеся на ногах горожане стали врываться в кабаки и винные лавки и вытаскивать прямо на улицы кувшины с вином. Когда случайно кувшин с вином проливали, люди становились на четвереньки и лакали из луж, как собаки.

Внизу трое мужчин погнались за девушкой по переулку. Когда они поймали ее, бросили на землю и сорвали юбку. Двое прижали к земле плечи, а третий оседлал. Я не стал смотреть, чем это кончится.

Как только Мемнон и Крат уничтожили последние очаги сопротивления гиксосов, они стали наводить порядок в городе. Отряды дисциплинированных войск трусцой бегали по улицам и древками боевых копий, как дубинами, приводили в чувство пьяных и бредящих горожан.

Мемнон приказал повесить на месте преступления горстку пойманных мародеров, грабивших дома и насилующих женщин, а затем их трупы прибили ногами кверху у городских ворот. К наступлению ночи в городе восстановился порядок, и приличные люди снова могли без опаски ходить по улицам.

МЕМНОН разместился во дворце фараона Мамоса, который был когда-то нашим домом на Элефантине. Как только я ступил на берег острова, то поспешил в наши старые покои в гареме.

Комнаты были по-прежнему роскошно обставлены и избежали разграбления. Человек, который занимал их, с уважением отнесся к моим фрескам. Водный садик весь зарос великолепными растениями, а пруды были полны рыбы и лотосов. Египетский садовник сказал, что здесь жил командир отряда стражи гиксосов. Он восхищался образом жизни египтян и пытался подражать нам. Я благодарен ему за это.

За несколько дней я привел покои и сад в необходимое состояние, и теперь они снова могли принять мою госпожу. После этого я отправился к Мемнону за разрешением привести царицу домой.

Царь был поглощен заботами по управлению царством. Тысячи разных проблем требовали решения, но он оставил их на некоторое время и обнял меня.

— Все идет хорошо, Тата.

— Со счастливым возвращением, ваше величество, — ответил я. — Но у нас еще столько дел.

— По моему царскому повелению, когда мы с тобой будем оставаться наедине, как сейчас, ты будешь попрежнему называть меня Мем, — улыбнулся он мне. — Однако ты прав, дел у нас очень много, а времени — мало. Скоро Салит со своим войском направится сюда из дельты. Мы победили в первой маленькой стычке. Нас еще ожидают великие сражения.

— Мем, мне хотелось бы выполнить одну обязанность, которая доставит мне огромную радость. Я приготовил покои для царицы-матери. Могу ли я отправиться вверх по реке и привести ее домой в Элефантину? Царица так давно ожидала мгновения, когда она снова ступит на землю Египта!

— Отправляйся немедленно, Тата. И приведи с собой царицу Масару.

Вода в реке еще стояла высоко, а дорога по пустыне была слишком трудна. Около сотни рабов несли носилки двух цариц по узким тропам вдоль берега Нила через ущелье порога и дальше по долине.

Это не было совпадением, когда первым египетским зданием, встретившимся нам на пути, оказался маленький храм. Я специально выбрал эту дорогу.

— Что это за святилище, Таита? — спросила госпожа, отодвинув занавеску на носилках.

— Это храм бога Ак Гора, госпожа. Не желаешь ли ты помолиться здесь?

— Благодарю тебя, — прошептала Лостра. Она поняла, что я задумал. Я помог ей сойти с носилок, и, тяжело опираясь на мою руку, госпожа вошла со мной в прохладные сумерки каменного храма.

Мы молились вместе, и я был уверен, что Тан слышит голоса двух людей, которые любили его больше всех на этом свете. Прежде чем покинуть храм, госпожа приказала отдать жрецам все золото, которое было у нас с собой, и обещала прислать еще на содержание и украшение святилища.

Силы ее иссякли, когда мы наконец добрались до дворца на Элефантине. С каждым днем существо в утробе становилось все больше, высасывая силы из тела. Я уложил госпожу на ложе в беседке в водяном садике. Она закрыла глаза и некоторое время лежала молча. Потом открыла их и нежно улыбнулась мне.

— Когда-то мы были здесь счастливы. Но увижу ли я Фивы до своей смерти?

Я не смог ответить ей. Что толку давать обещания, которые не мне придется выполнять.

— Если я умру раньше, обещаешь ли ты отвезти меня туда и построить мне гробницу в холмах, откуда мне будут видны прекрасные Фивы?

— От всей души обещаю тебе выполнить это.

В ПОСЛЕДУЮЩИЕ дни мы с Атоном восстановили старую сеть шпионов и осведомителей в Верхнем царстве. Многие из тех, кто работал на нас раньше, умерли, но многие остались живы. Обещанием золота и патриотическими речами мы смогли завербовать более молодых осведомителей в каждом городе и в каждой деревушке Египта.

Очень скоро у нас появились шпионы во дворце сатрапа гиксоса в Фивах и в других городах к северу до самой дельты и Нижнего царства. От них мы узнали, где размещаются отряды гиксосов и каково их боевое снаряжение, куда и каким образом они отправляются. Мы узнали о численности врага, об именах и грешках его командиров. Получили точные сведения о количестве боевых ладей и колесниц. Как только воды Нила начнут спадать, мы сможем проследить за продвижением на юг и на Фивы огромного войска и армады боевых колесниц царя Салита.

Я отправлял тайные послания от имени фараона Тамоса египтянам, завербованным в войско врага, и подстрекал их к мятежу. Они начали тоненькими струйками просачиваться

по тропкам вдоль реки и приносили с собой более свежие и ценные сведения. Скоро тоненькая струйка дезертирства из войска гиксосов превратилась в полноводную реку. Два отряда лучников пришли под синими знаменами при полном вооружении. Они кричали: — За Египет и Тамоса!

Команды сотни боевых ладей подняли мятеж и перебили своих командиров гиксосов. А когда пошли вверх по реке, чтобы соединиться с нами, то пригнали с собой целый флот торговых барок, захваченных в портах Фив. Барки эти были доверху нагружены зерном, маслом, солью, вином и деревом — товарами, которые кормят войну. К этому времени все наши войска преодолели пороги и разместились в городе, за исключением маленького стада домашних гну. Их я оставил напоследок. Со своего наблюдательного поста на вершине северной башни я видел лагерь наших конных отрядов, протянувшиеся на многие мили по обоим берегам реки. Дым, поднимавшийся от костров, на которых готовили пищу, окрашивал воздух в голубой цвет.

С каждым днем силы наши росли, а по всему Египту распространялось бурное брожение. Пьяный аромат свободы наполнял грудь египтян. Кемит как страна словно переживала второе рождение. На улицах и в кабаках пели патриотические песни, а блудницы и виноторговцы жирели.

Мы с Атоном разглядывали карты и читали тайные донесения, и постепенно перед нашими глазами начала появляться несколько иная картина. Гигант-гиксос стряхнул с себя дремоту и протянул в нашу сторону вооруженный кулак. Его отряды двигались на нас из Мемфиса и каждого города Нижнего царства. Дороги были запружены колесницами Салита, а река заполнена ладьями, и все это гигантское войско шло на юг, к Фивам.

Я дождался, пока вельможа Апачан, командующий колесницами гиксосов, дошел до Фив и встал лагерем за городскими стенами со всеми своими колесницами и лошадьми. Потом отправился на заседание верховного совета к фараону Тамосу.

— Ваше величество, я пришел сообщить вам, что враг собрал у Фив сто двадцать тысяч лошадей и двенадцать тысяч колесниц. Через два месяца вода в реке спадет, и Апачан отправится в поход против нас.

Даже у Крата лицо стало серьезным.

— Попадали мы и в худшие переделки... — начал было он, но царь оборвал его.

— Я вижу по лицу царского конюшего, что он еще не все поведал нам. Я прав, Таита?

— Фараон всегда прав, — подтвердил я. — Я прошу вашего позволения привести своих гну из-за порога.

Крат рассмеялся.

— Клянусь лысиной Сета, Таита, не собираешься ли ты запрячь своих забавных зверюшек в колесницы и пойти воевать с гиксосами?

Я вежливо посмеялся вместе с ним — его чувство юмора недалеко ушло от шилуков, которыми он командовал.

Следующим утром мы с Гуи отправились вверх по реке за нашими гну. К этому времени из стада в шесть тысяч голов осталось только три сотни несчастных животных, и они стали совсем ручными. Их можно было кормить с рук. Мы неторопливо погнали их на север, чтобы не загнать до смерти.

Лошади, которых Ремрем захватил в первом коротком бою с колесницами гиксосов, содержались по моему приказу отдельно от других лошадей, пригнанных нами из Куша. Мы с Гуи привели гну на одно пастбище с этими лошадьми, и после первых беспокойных минут животные стали мирно пастись рядом. Той же ночью мы загнали лошадей гиксосов и гну в один загон. Я оставил Гуи наблюдать за ними, а сам отправился во дворец на острове Элефантина.

Должен признаться, что все последующие дни чувство неуверенности и беспокойства не оставляло меня. Я верил в успех своей хитрости, но зависела-то она от природного явления, которое я до конца не понимал. Если бы хитрость нам удалась, мы могли бы не бояться мощного удара конницы врага, которая вчетверо превосходила нашу.

Я засиделся допоздна с Атоном и уснул за своими свитками в библиотеке, когда вдруг почувствовал, что чьи-то руки трясут меня, и голос Гуи раздался в ушах.

— Просыпайся, ленивый мошенник! Просыпайся, у меня есть новости для тебя.

Лошади ждали нас у пристани. Мы поспешили к ним и вскочили в седла, как только ступили на берег. Мы мчались галопом по освещенной луной дороге, и лошади в пене принесли нас в лагерь. Конюхи зажгли светильники и работали в загонах при их слабом свете.

Семь лошадей гиксосов уже лежали на земле, и густой гной тек у них изо рта и ноздрей. Конюхи делали надрезы и вставляли камышовые трубки, чтобы спасти лошадей от удушья.

— Сработало! — закричал Гуи, грубо обнял меня и начал плясать вместе со мной. — Желтый душитель! Сработало! Сработало!

— Я же говорил, что так и будет! — со всем достоинством, на какое был способен в такой дикой пляске, ответил я. — Разумеется, сработало!

Много недель назад мы приготовили барки и поставили их у берега. Сразу погрузили на них лошадей, тех, что еще держались на ногах. Гну мы оставили в загоне. Было бы трудно объяснить их присутствие там, куда мы направлялись.

Захваченные у гиксосов боевые ладьи тащили на буксире наши барки. Мы вышли на стрежень и повернули на север. С каждого борта ладьи пятьдесят весел пенили воду — мы спешили в Фивы с подарком для вельможи Апачана.

КАК ТОЛЬКО мы прошли Ком Омбо, спустили синий флаг и подняли знамена, захваченные у гиксосов. Большинство моряков ладей, которые буксировали барки, родились уже в правление гиксосов, а некоторые даже происходили из смешанных семей и бегло говорили на языке чужеземцев.

Через две ночи к северу от Ком Омбо нас остановила ладья гиксосов. Они подошли к борту и послали небольшой отряд для осмотра груза.

— Лошади для колесниц вельможи Апачана, — объяснил им кормчий. Его отец был гиксосом, а мать — знатной египтянкой. Вел он себя естественно и убедительно. После беглого осмотра нас пропустили. Прежде чем мы достигли Фив, нас еще два раза останавливали и осматривали, но каждый раз кормчему удавалось обмануть гиксосов.

Больше всего меня тревожило состояние наших лошадей. Несмотря на наши отчаянные усилия, они начали умирать, а половина живых были в плачевном состоянии. Трупы лошадей мы выбрасывали за борт и спешили на север.

Первоначально я собирался продать лошадей гиксосам в порту, но ни один человек, разбирающийся в лошадях, не станет даже глядеть на таких жалких тварей. Мы с Гуи решили действовать иначе.

Мы так подгадали время прибытия в Фивы, что солнце уже садилось. Сердце мое отзывалось болью всякий раз, когда я узнавал знакомые места. Стены цитадели светились розовым светом в последних лучах солнца. Три стройных башни, построенных мною для вельможи Интефа, по-прежнему указывали в небо — недаром их прозвали «Пальцы Гора».

Дворец Мемнона стоял на западном берегу. Он не был достроен, и гиксосы переделали его. Даже мне пришлось признать, что азиатское влияние может быть благотворным. В закатном свете шпили и дозорные башни придавали дворцу таинственное и экзотическое настроение. Как бы мне хотелось, чтобы госпожа моя могла разделить со мной этот момент возвращения домой. Мы оба так давно мечтали об этом — больше половины ее жизни.

Темнело быстро, но в сгущающихся сумерках мы разглядели огромное скопление лошадей, колесниц и повозок за стенами города. Хотя я и получил точные сведения о количестве гиксосов, глаза мои отказывались верить тому, что было перед нами. Сердце мое дрогнуло при виде гигантского стана — я вспомнил маленькое храброе войско, оставшееся в Элефантине.

Да, нам потребуется благосклонность богов и большая удача, чтобы одержать победу

над такой армадой. Когда последние лучи солнца затерялись в ночи, костры гиксосов расцвели и мерцали на равнине, как огромное поле звезд. Им не было конца. Они простирались насколько хватало глаз.

Когда мы подплыли поближе, почувствовали их запах. Стоящее войско распространяет вокруг себя специфический аромат. Он состоит из множества отдельных запахов: от дыма костров, на которых готовится пища, до свежего запаха сена, аммиачного запаха лошадей, вони человеческих отбросов и испражнений, кожи, смолы, лошадиного пота, древесных опилок и прокисшего пива, и над всем этим витает запах десятков тысяч людей, которые живут бок о бок в хижинах или землянках.

Мы плыли дальше, и звуки доносились до нас с берега по гладкой, отражающей звезды воде. Мы молчали и слушали фыркание и ржание лошадей, звон кузнечных молотов, оклики часовых, пение, ругань и смех множества людей.

Я стоял рядом с кормчим передней ладьи и показал ему небольшой причал на восточном берегу, где когда-то торговали деревом у самых городских стен. Если пристань была на месте, там удобнее всего выгрузить на берег наш табун.

Я нашел проход к пристани, и мы на веслах подошли к ней. Здесь все осталось по-прежнему. Как только мы причалили, начальник пристани суетливо взобрался на борт ладьи и потребовал разрешения на торговлю.

Я завертелся вокруг него с льстивой, раболепной улыбкой.

— Ваше высокопревосходительство, случилось нечто ужасное. Мое разрешение на торговлю унес ветер. Это все проделки Сета, без всякого сомнения.

Начальник надулся, как расквирепевшая жаба, и снова сдулся, когда ощутил тяжесть золотого кольца в своей ладони. Он попробовал металл на зуб и с улыбкой ушел.

Я послал одного из конюхов на берег пригасить факелы, освещавшие пристань. Мне не хотелось, чтобы любопытные зеваки разглядели, в каком состоянии наши лошади. Некоторые из них оказались настолько слабы, что не могли встать, другие спотыкались и хрипели, а вонючий гной и слизь текли из их ртов и ноздрей. Нам пришлось надеть уздечки на всех лошадей и долго уговаривать их сойти с барки на пристань. В конце концов лишь сотня лошадей отправилась на берег вместе с нами.

Мы повели их по выбитой повозками дороге высоко над рекой, где, по сообщениям наших шпионов, располагались основные силы конницы гиксосов. Шпионы снабдили нас также паролем первого отряда колесниц, а знатоки языка среди наших отвечали на оклики стражи.

Мы провели лошадей вдоль всего лагеря врага. По дороге начали отпускать животных по одному или маленькими группами, и они уходили к лошадям каждого из двадцати отрядов гиксосов. Мы шли так спокойно и естественно, что никто не заподозрил дурного: даже болтали и шутили с конюхами и погонщиками гиксосов.

Когда небо на востоке загорелось первыми лучами рассвета, мы, усталые, вернулись к пристани, где сошли на берег. Только одна ладья ожидала нас, так как остальные ушли обратно на юг, как только избавились от своего груза.

Мы поднялись на борт ладьи. Гун и остальные конюхи повалились спать прямо на палубе, а я остался стоять на корме и смотрел, как стены прекрасных Фив удаляются от меня, омытые чистым утренним светом.

Десять дней спустя мы вошли в порт Элефантины, сообщив обо всем фараону Тамосу, я поспешил в водяной сад гарема. Госпожа моя лежала в тени беседки. Она была так бледна и худа, что руки мои едва не задрожали, когда я кланялся ей. Лостра заплакала, когда увидела меня.

— Мне не хватало тебя, Таита. У нас осталось так мало времени.

ВОДА начала спадать, и Нил постепенно возвращался в русло. Поля освобождались от воды, покрывшись свежей черной грязью. Дороги начали просыхать, открывая путь на север. Скоро настанет пора пахоты и войны. Мы с Атоном беспокойно ждали сообщений из стана

врага, тщательно изучая послания наших шпионов. Наконец получили нужные вести, которых так ждали и о которых молили богов. Быстрая ладья принесла их на крыльях северного ветра. Она причалила к пристани в третью ночную стражу, но мы с Атоном засиделись при свете светильников, и гонец застал нас в его покоях.

Я поспешил к царю с грязным кусочком папируса в руках. Стража получила приказ пропускать меня в любое время, но царица Масара остановила меня у занавешенной двери в спальню царя.

— Я не позволю тебе разбудить его. Царь устал. Он впервые за весь месяц лег поспать.

— Ваше величество, я должен видеть его. У меня строжайший приказ...

Пока мы спорили, низкий молодой голос позвал меня из-за занавески.

— Это ты, Таита? — занавеска отодвинулась, и царь встал передо мной во всей своей величественной наготе. Мужчина он был красивее многих, стройный и крепкий, как клинок голубого меча, и все части его мужского тела были настолько величественны, что я в его присутствии еще больше чувствовал свое убожество.

— Что случилось, Тата?

— Сообщение с севера, из лагеря гиксосов. Ужасное поветрие обрушилось на ряды конницы гиксосов. Половина лошадей уже пала, тысячи других заболели страшной болезнью и умирают каждый день.

— Ты колдун, Тата. Как могли мы смеяться над тобой и твоими гну! — он схватил меня за плечи и посмотрел мне в глаза. — Ты готов ехать со мной навстречу славе?

— Готов, фараон!

— Так запрягай Утеса и Цепь и поднимай синий выпел над нашей колесницей. Мы возвращаемся домой, в Фивы.

И ВОТ МЫ ВСТАЛИ перед городом ста ворот с четырьмя отрядами колесниц и тридцатью тысячами пехоты. Орда царя Салита расположилась перед нами, однако из-за спин множества врагов «Палец Гора» манили нас, и стены Фив сияли перламутром в лучах рассвета. Огромное войско гиксосов лежало перед нами, как чудовищная свернувшаяся змея, где колонна стояла за колонной, ряд за рядом. Наконечники копий блестели на солнце, золотые шлемы командиров сверкали в утренних лучах.

— Где же Апачан и его колесницы? — спросил фараон, и я посмотрел на тот «палец Гора», который стоял ближе к реке. Мне пришлось напрячь зрение, чтобы различить маленькие цветные лоскутки, двигавшиеся на башне.

— Апачан разместил пять отрядов в центре и шесть в резерве. Они прячутся за стенами города.

Я прочел сигналы шпиона, которого поставил на самую высокую из трех башен. Оттуда он сможет наблюдать за ходом сражения с высоты птичьего полета.

— Пять отрядов и шесть отрядов. Получается одиннадцать, Тата, — проворчал царь.

— А желтый душитель? — откликнулся я. — Он вывел на поле боя всех лошадей, какие еще держатся на ногах.

— Клянусь Гором, было бы хорошо, если бы ты оказался прав. Надеюсь, Апачан не приготовил нам какойнибудь сюрприз, — он коснулся моего плеча. — Однако кости брошены, их уже поздно менять. Мы должны сыграть эту партию так, как позволили боги. Поехали на смотр.

Я взял вожжи и выкатил свою колесницу перед войском. Царь показывал себя воинам. Его присутствие придаст им силы и бодрость. Я быстрой рысью вел колесницу вдоль передних рядов. Утеса и Цепь вычистили и расчесали им гривы, их шкуры блестели при солнечном свете, как полированная медь. Царскую колесницу украсили тонким золотым листом. Это была единственная уступка, на которую я согласился в своем стремлении к легкости.

Кузнецы молотками выковали лист тоньше папируса, и колесница потяжелела всего на сотню дебен, однако вид у нее был ошеломляющий. Враг ли, друг ли смотрел на нее, у

него не возникало сомнений, что перед ним колесница фараона, и в одних это вселяло мужество, а на других наводило страх. На высоком и гибком бамбуковом древке развевался синий вымпел, и воины приветствовали нас, когда мы проезжали мимо них.

В тот день, когда мы оставили Кебуи и началось Возвращение, я дал обет не стричь волос до тех пор, пока не принесу жертву в храме Гора в центре Фив. Теперь волосы мои отросли до пояса, седые пряди я закрасил хной, завезенной из земель, расположенных за рекой Инд. Огненно-золотая грива оттеняла мою красоту до совершенства. Я надел простую накрахмаленную юбку из белейшего полотна, а на груди у меня сверкало «Золото похвалы». Я не хотел отвлекать внимание от молодого фараона, поэтому не использовал грима и других украшений.

Мы проехали мимо отряда шилуков-копейщиков. Великолепные кровожадные язычники, как скала, держали центр нашего войска. Они приветствовали нас криками: «Каян! Тан! Каян! Тамос!» Страусиные перья их головных уборов волновались, как буруны порогов, когда они поднимали к небу копыя, приветствуя нас. В самой гуще черных воинов я увидел Крата, он что-то кричал. Его слова потонули в реве десятков тысяч голосов, но я прочел по губам: «Мы с тобой еще напьемся до рвоты в Фивах, старый хулиган».

Шилуки расположились в глубину ряд за рядом и отряд за отрядом. Крат неустанно обучал их борьбе с колесницами — я помог ему разработать приемы. Помимо длинных пик, у каждого черного воина была связка дротиков и палка с кожаной петлей для их метания. Перед собой они вставили в землю заостренные деревянные колья, которыми ошетинились передние ряды. Колесницам гиксосов придется прорываться через этот колючий барьер, чтобы добраться до них.

Египетские лучники расположились позади, готовые пробежать вперед между их рядами или отступить назад, как того потребует ход сражения. Они высоко подняли свои изогнутые луки и закричали фараону:

— Тамос! За Египет и Тамоса!

Фараон надел синюю военную корону с золотым кольцом уреи надо лбом и золотыми головами стервятника и кобры, знаками союза двух царств, глаза которых были выполнены из драгоценных камней. Он отвечал на приветствия, поднимая голубой меч.

Мы развернулись перед левым флангом, но, прежде чем отправиться обратно, Мемнон остановил меня, положив руку на плечо. Некоторое время мы вместе осматривали поле боя. Гиксосы уже двинулись вперед. Их передние ряды были вдвое длиннее наших.

— Как гласит твой трактат, Тата, — процитировал он, — осторожно обороняйся, пока враг не увязнет в сражении, а затем стремительно и смело атакуй.

— Ты хорошо запомнил урок, господин.

— Без всякого сомнения, нас охватят с флангов, и Апачан сразу бросит в бой пять отрядов колесниц.

— Я согласен с тобой, Мем.

— Но мы знаем, что нужно делать, правда, Тата? — Он хлопнул меня по плечу, и мы отправились назад, туда, где позади пехоты стояли наши отряды колесниц.

Ремрем возглавлял первый отряд, Аст — второй, а вельможа Акер — третий. Гун только что присвоили звание лучшего из десяти тысяч, и теперь бывший сотник командовал четвертым. Два отряда шилуков охраняли наш обоз и запасных лошадей.

— Посмотри-ка на этого старого гончего пса, — Мемнон кивнул в сторону Ремрема. — Так и рвется вперед. Клянусь Гором, еще до заката я научу его терпению.

Мы услышали звуки труб в центре наших войск.

— Начинается, — Мемнон протянул руку вперед, и мы увидели темные ряды колесниц гиксосов, приближающиеся к нам в туче пыли. — Да, Апачан пустил на нас свои колесницы.

Он поглядел на наши отряды. Ремрем поднял меч.

— Я готов, ваше величество! — горячо воскликнул заслуженный воин, но Мемнон словно не заметил его и дал знак вельможе Акеру. Третий отряд пошел следом за нами колонной по четыре колесницы. Сам фараон вел его.

Колесницы гиксосов тяжело и величественно катились на нас, нацеленные на центр наших войск. Мемнон повел отряд наперерез врагу, и тонкая колонна протянулась между ордой и нашей пехотой. Потом по его знаку все развернулись грудью к врагу и понеслись вперед. Маневр казался самоубийственным и бессмысленным, как нападение хрупкой деревянной лодки на скалу в порогах Нила.

Когда мы сошлись, лучники стали пускать стрелы в лошадей гиксосов. В их рядах образовывались просветы, когда подбитые животные валились на землю, опрокидывая колесницы. В самый последний момент линия наших колесниц рассеялась, как дымок. Наши возницы воспользовались превосходством в маневренности и скорости и, избежав столкновения с гиксосами, свернули в появившиеся бреши. Они пронеслись сквозь строй врага. Однако не все наши колесницы спаслись, некоторые были разбиты и перевернулись. Вельможа Акер вывел из боя четыре колесницы из каждых пяти.

Наш отряд прошел сквозь строй гиксосов, развернулся, снова построился в одну линию и галопом понесся за врагом, догоняя его сзади и пуская стрелы с сокращающегося расстояния.

Колесницы гиксосов защищали воинов только спереди, а наши лучники пускали в них стрелы сзади. В рядах врага воцарился хаос, когда его колесничие попытались отбить нападение с тыла. Пытаясь развернуться, в плотном строю некоторые возницы сталкивались с соседями. Ужасные колесные ножи рубили ноги упряжек, и те с криком и визгом валились на землю.

Их охватила паника, и именно в этот момент египетские лучники в первый раз выпустили стрелы из-за спин шилуков; они тучей поднялись в небо и обрушились на врагов. Как только это произошло, мы отвернули в сторону по приказу Мемнона, не дожидаясь, пока налетим вместе с гиксосами на заостренные колья. Половина вражеских лошадей была покалечена их страшными остриями. Тех же, кто сумел пробиться через ограду из заостренных кольев, встретил рой дротиков из рядов шилуков. Напарываясь на колья под градом стрел и дротиков, лошади пугались, начинали биться в упряжках и вставать на дыбы.

Сохранившие управление колесницы ринулись на ряды шилуков, но не встретили никакого сопротивления. Черные воины разошлись, пропуская их, и снова сомкнули ряды.

Черные стройные дьяволы были прирожденными акробатами. Они прыгали на подножки несущихся колесниц сзади и убивали колесничих кинжалами и копьями. Их ряды проглотили первую атаку колесниц, как медуза поглощает серебристую сардинку тысячей рук своего аморфного тела.

Копейщики гиксосов двинулись было вслед за колесницами, однако теперь остались без защиты. Вырвавшиеся из упряжек лошади и уцелевшие колесницы отступали через их ряды, и им приходилось расступаться, чтобы пропустить своих. На какое-то время они беспорядочно столпились в середине поля, и Мемнон умело воспользовался моментом.

Лошади вельможи Акера устали, и Мемнон отвел его отряд в резерв. Мы с ним сменили упряжку. Конюхи за несколько мгновений высвободили из упряжи Утеса и Цепь и привели запасных лошадей. В тылу у нас оставалось еще шесть тысяч свежих лошадей. Интересно, сколько лошадей гиксосов уцелело от желтого душителя, сколько свежих упряжек сохранили они, подумал я.

Когда мы снова выкатились к передним рядам, Ремрем отчаянно заорал:

— Ваше величество! Первый! Пустите первый отряд! Фараон не обратил на него внимания и дал знак Асту.

Второй отряд на рысях пошел в бой за нашей колесницей. Пехота гиксосов все еще в беспорядке толпилась посередине поля. Ряды растянулись широко, чтобы охватить наши войска, но строй их теперь уже не был плотным и ровным. Они изогнулись и кое-где разошлись. Опытным глазом воина Мемнон выбрал самое слабое место в расположении: выступ на левом фланге.

— Второй отряд! Рысью, вперед! Колоннами по восемь! Марш!

Мы обрушились на выступ в расположении гиксосов. Колонна за колонной по восемь

колесниц в ряд налетали на пехоту, сметая ее на своем пути. Левый фланг врага изогнулся, отступая, а правый по-прежнему двигался вперед. Ряды растягивались. Центр грозил разорваться надвое в любую минуту, и Мемнон, перегруппировав третий отряд на полном галопе, послал его на центр.

Когда мы приближались к рядам врага, я поглядел на город. Облако пыли почти скрывало «Пальцы Гора», но я успел разглядеть два белых флажка на вершине башни. Это был предупредительный сигнал — я обернулся и посмотрел на восточные ворота города.

— Господин! — крикнул я и показал рукой назад. Царь посмотрел, куда я показывал, и увидел, как первый отряд колесниц гиксосов выходит из-за городских стен. Остальные последовали за ним, как колонна черных муравьев.

— Апачан бросает в бой резервы, чтобы спасти пехоту, — крикнул Мемнон, стараясь перекрыть шум боя. — Еще мгновение, и он ударил бы нам во фланг. Отлично, Таита.

Нам пришлось оставить в покое пехоту, и мы, развернувшись грудью к врагу, понеслись на колесницы Апачана. Мы мчались на них по полю боя, усеянному разбитыми и перевернутыми колесницами, брошенными стрелами и дротиками, мертвыми и умирающими людьми и лошадьми. Когда мы начали сходитьсь, я привстал на подножке и посмотрел вперед. В движении вражеских колесниц было что-то необычное, и я не сразу понял, в чем дело.

— Господин! — закричал я. — Посмотри на лошадей! Они запрягли больных животных!

Грудь передних упряжек покрывал блестящий слой желтого гноя, струившегося изо рта и ноздрей. На моих глазах одна лошадь споткнулась и повалилась на землю, потянув за собой вторую.

— Сладчайшая Исида! Ты прав. Их лошади падут, так и не доскакав до нас, — ответил Мемнон. Он сразу увидел, что нужно делать, и с природной проницательностью воина и умением управлять войском развернул атакующие колесницы и в последний момент ушел от прямого столкновения с врагом.

Наш строй развернулся, подобно лепесткам распускающегося цветка, и помчался назад, к своей пехоте, уводя за собой колесницы врага и заставляя больных, задыхающихся лошадей скакать за нами из последних сил.

Мы неслись перед ними плотным строем. Их же ряды начали извиваться и распадаться на части. Более слабые лошади падали на землю, словно сраженные стрелами. Некоторые упряжки просто замедляли бег и останавливались, опустив головы, и гной тек на землю из лошадиных ртов блестящими желтыми жгутами.

К этому времени лошади отряда вельможи Акера уже выдохлись. Они выдержали две атаки подряд. Все еще преследуемый остатками отряда Апачана, Мемнон отвел их к расположению четвертого отряда Гуи, который стоял рядом с первым.

— Фараон! Первый отряд готов! Веди нас в бой! Во имя всех богов, веди нас в бой! — бессильно буйствовал Ремрем.

Мемнон даже не взглянул в его сторону. Я развернул колесницу рядом с Гуи. Несколько конюхов освободили из упряжи обливающихся потом лошадей и привели свежую пару. Пока уставший отряд вельможи Акера проходил мимо нас, мы развернулись в сторону приближающихся гиксосов.

— Ты готов, сотник Гуи? — крикнул ему Мемнон, и Гуи вместо ответа поднял лук.

— За Египет и Тамоса! — закричал он.

— Вперед, в атаку! — смеясь, крикнул Мемнон, и наши лошади рванулись с места.

Все шесть отрядов колесниц Апачана рассеялись по широкому полю. Половина колесниц вышла из строя, лошади либо пали, либо бессильно стояли, задыхаясь от гноя. Большинство упряжек едва передвигало ноги, спотыкаясь и хрипя. Однако многие колесницы еще могли вести бой.

Мы встретили их грудь к груди. В центре строя гиксосов мчалась высокая колесница, украшенная сверкающей бронзой. В колеснице стоял мужчина такого роста, что он, словно

башня, возвышался за спиной возницы. На голове у него был высокий золотой шлем царского рода гиксосов, а черная борода, заплетенная цветными ленточками, развевалась по ветру, как стая красивых бабочек над цветущим кустом.

— Апачан! — окликнул его Мемнон. — Ты покойник.

Апачан услышал его и нашел глазами золотую колесницу в строю египтян. Он повернул в нашу сторону и понесся навстречу. Мемнон коснулся моего плеча.

— Подвези меня к этому бородатому борову. Пора поработать мечом.

Пока мы сближались, Апачан выпустил в нас две стрелы. Одну Мемнон отбил щитом, а от другой я увернулся, ни на секунду не отвлекаясь от управления упряжкой. Я внимательно следил за ужасными вращающимися ножами на колесах Апачана. Они могли перерубить ноги моим лошадям.

Мемнон с легким скрежетом вынул голубой меч из ножен у меня за спиной, и уголком глаза я заметил блеск клинка, когда он приготовился к бою.

Я повернул головы лошадей направо, чтобы сбить с толку возницу гиксосу, но как только они начали поворачивать, мгновенно рванул их в другую сторону. Я сумел объехать колесные косы совсем близко, а затем резко свернул к колеснице врага. Свободной рукой схватил абордажный крюк и перебросил его через борт вражеской колесницы. Теперь наши колесницы сцепились в одно целое, но я добился преимущества, так как мы стояли сзади гиксосу.

Апачан развернулся и попытался рубануть меня мечом, но я упал на колени и уклонился от удара, а Мемнон отбил удар своим щитом и взмахнул голубым клинком. Бронзовая стружка полетела от клинка Апачана, он, не веря своим глазам, сердито заорал и закрылся щитом от следующего удара голубого клинка.

Апачан был превосходным фехтовальщиком, но и ему было далеко до моего царя и голубого меча. Мемнон разрубил его щит на мелкие кусочки, а потом сильно рубанул по бронзовому клинку, когда Апачан попытался прикрыть им голову. Голубой клинок перерубил бронзу начисто, и у Апачана в руке осталась одна рукоять.

Он широко раскрыл рот и заревел. Задние зубы его были черными и гнилыми, слюна облаком полетела мне в лицо. Мемнон классическим колющим ударом закончил бой. Он вонзил острие голубого меча в открытый рот Апачана. Сердитый рев врага захлебнулся в потоке алой крови, хлынувшей из заросшей пасти.

Я обрубил веревку на абордажном крюке, и колесница гиксосу рванулась прочь. Лошадьми никто не правил, они понеслись, виляя из стороны в сторону, вдоль рядов бьющихся колесниц. Апачан вцепился в передок колесницы и продолжал стоять, умирая. Поток крови лился у него изо рта, заливая доспехи на груди.

Это зрелище вселило ужас в сердца вражеской конницы. Она попыталась выйти из боя на своих больных, спотыкающихся лошадях, но наши воины ехали рядом на своих колесницах и швыряли дротики. Мы преследовали врагов по всему полю, пока они не подошли на расстояние полета стрелы к своим лучникам, град стрел вынудил нас отвернуть.

— Битва еще не окончена, — предупредил я Мемнона, когда мы шагом поехали назад. — Мы разгромили колесницы Апачана, но пехота Беона еще цела.

— Отвези меня к Крату, — приказал фараон.

Я остановил колесницу перед плотным строем отряда шилуков, и Мемнон окликнул Крата:

— Бодр ли ты, вельможа?

— Боюсь, мой господин, что ребята мои уснут на поле боя, если для них скоро не найдется работы.

— Так пусть же споют нам песню и пойдут поищут себе забаву.

Шилуки двинулись вперед. Шли строенным шаркающим шагом и через каждый третий шаг с такой силой одновременно ударяли мозолистыми пятками по земле, что она дрожала. Запели своими глубокими и мелодичными голосами, и песня их напоминала гул разозленного роя черных пчел. Приближаясь к врагу, стучали копьями по кожаным щитам.

Пехота у гиксосов была дисциплинированной и храброй — они не смогли бы захватить полмира, если бы у них не было таких войск. Мы разгромили колесницы, но пехота стойко ждала отряд Крата за стеной бронзовых щитов.

Два войска сошлись, как бойцовые быки в храме. Черные и белые быки сцепились рогами и начали сражение грудь к груди, копьё к копыю.

Пока два войска пехоты дубасили друг друга, фараон отвел свои колесницы в сторону и время от времени, выбрав момент, смело бросал их в бой, как только видел слабое место в расположении врага. Едва справа от нас образовался отсеченный от основного войска очаг сопротивления гиксосов, он послал на него отряд Акера, который уничтожил пехоту двумя стремительными атаками. Когда вельможа Беон попытался подвести подкрепление своему войску, фараон направил Аста с пятьюстами колесницами, чтобы остановить его.

Гиксосы собрали все уцелевшие колесницы и всех держащихся на ногах лошадей и бросили их против нашего правого фланга. Мемнон отправил им навстречу отряды Гуи и Аста, и атака захлебнулась. Ремрем по-прежнему стоял на месте, проклиная все на свете, умолял фараона и топал ногами около колесницы, но Мемнон не обращал на него никакого внимания.

Мы с фараоном кружили по полю боя и следили за каждым изменением в ходе сражения. Он вводил запасные части именно туда, где они были больше всего нужны, и настолько точно угадывал момент, что было видно: такому искусству нельзя научиться. Казалось, кровь сражения пульсировала в его жилах, и жизнь его текла с ней.

В самые горячие моменты сражения я пытался отыскать Крата глазами. Много раз терял его и боялся, что он пал в бою, но потом шлем его снова появлялся, правда, страусиных перьев на нем поубавилось, а на бронзе появились брызги крови.

Именно там, в центре, где Крат бился с гиксосами, враги начали поддаваться. Сначала их отступление походило на тоненькую струйку воды, прорывающуюся сквозь земляную плотину, потом строй растянулся и стал выпячиваться в сторону Фив. Задние ряды воинов валились с ног под давлением передних.

— Клянусь любовью Гора и сочувствием всех богов, Тата. Вот мгновенье нашей победы! — Мемнон увидел это раньше меня.

Мы помчались туда, где все еще ждал своего часа Ремрем, и фараон окликнул его:

— Ты готов, вельможа Ремрем?

— Я готов с самого утра, но я не вельможа.

— Ты смеешь спорить со своим царем? Теперь ты вельможа. Центр врага сломен, бери колесницы и гони его до самого Мемфиса!

— Да живешь ты вечно, фараон! — взревел вельможа Ремрем и прыгнул в свою колесницу. Он повел за собой отряд. Лошади у них были свежие и сильные, а от долгого ожидания боевой дух бил через край.

Они обрушились на правый фланг гиксосов. Колесницы разрезали строй пехоты без малейшей задержки, развернулись и понеслись на центр врага с тыла. Именно в этот момент наша чаша весов окончательно перевесила, и гиксосы были сломлены. Еще несколько мгновений, и побежали.

Они потекли к воротам города, но даже шилуки Крата слишком устали и не могли преследовать их. Стояли по колено в горах убитых и смертельно раненных, опершись на копья, и смотрели вслед гиксосам. Вот тогда и проявился гений Мемнона. Он специально держал в запасе первый отряд колесниц. Свежий отряд помчался за бегущими врагами, и я увидел, как меч Ремрема поднимается и опускается с ужасающей ритмичностью.

Когда первые гиксосы достигли ворот города, те захлопнулись перед их носом. Мои шпионы и агенты сделали свое дело. Население Фив подняло мятеж, и город был наш. Его население закрыло ворота перед разбитыми войсками гиксосов.

Ремрем преследовал отступающих до самой ночи, пока не устали его лошади. Он гнал их тридцать миль, и каждая пядь дороги на север была усеяна брошенным оружием, обломками доспехов и телами убитых врагов.

Я НАПРАВИЛ золотую колесницу фараона к главным воротам города, и он, привстав, крикнул часовым на башне:

— Открывайте ворота, пропустите меня!

— Кто требует пропустить его в Фивы?

— Я, Тамос, правитель обоих царств Египта.

— Да здравствует фараон! Да живешь ты вечно!

Ворота распахнулись, и Мемнон сказал мне: — Правь в город, Таита. Я повернулся к нему.

— Простите, ваше величество. Я дал обет, что не вступлю в город без своей госпожи, царицы Лостры. Я должен отдать вам вожжи.

— Сойди с колесницы, — мягко приказал он. — Иди! Привези свою госпожу и выполни свой обет.

Он взял вожжи из моих рук, и я спустился на пыльную дорогу. Я видел, как он въехал на колеснице в ворота, и приветственные крики толпы зарокотали по ту сторону стены, как бурные воды Нила, прорывающиеся через пороги в половодье. Народ Фив приветствовал своего царя.

Я стоял у дороги и смотрел, как наше войско, изможденное и обескровленное битвой, входило в город вслед за фараоном. Я увидел, какой дорогой ценой мы заплатили за нашу победу. Мы не сможем преследовать гиксосов до тех пор, пока не восстановим войско. К этому времени царь Салит снова соберется с силами, а его лошади оправятся от желтого душителя. Мы выиграли первый бой, и я понимал, что нам предстоит множество кровопролитных сражений перед тем, как тиран будет изгнан с нашей земли.

Я поискал Крата в рядах шилуков, но его там не было.

ГУИ приготовил мне свежих лошадей и колесницу.

— Я поеду с тобой, — предложил он, но я покачал головой.

— Один я поеду быстрее, — сказал я. — Отправляйся в Фивы и празднуй наше торжество. Тысяча хорошеньких девушек ждет тебя в родном городе.

Прежде чем отправиться на юг, я поехал на папе битвы. Шакалы и гиены уже начали свой пир, приготовленный нашими руками, и их рычание и вой сливались со стонами умирающих. Мертвые тела лежали грудami, как мусор, остающийся на берегу реки после спада воды.

Я повел колесницу туда, где видел Крата в последний раз. Эта часть поля ужасала больше всех остальных. Груды трупов поднимались до высоты колеса. Я увидел его шлем на размокшей от крови земле. Я сошел с колесницы и поднял. Гребень с него сбил, а медь была измята и продырявлена тяжелыми ударами.

Я отбросил шлем и начал искать тело Крата. Увидел его ногу, которая торчала, как ветвь гигантской акации, в куче мертвых тел. Шилуки и гиксосы лежали здесь вместе, заключив перемирие смерти. Я растащил трупы и увидел наконец Крата. Он лежал на спине. Черная свернувшаяся кровь пропитала одежду и доспехи, волосы слиплись, а лицо походило на черную засохшую маску.

Я встал с ним рядом на колени и тихо прошептал:

— Неужели им всем суждено умереть? Неужели всем, кого я по-настоящему люблю, суждено умереть? — Я наклонился и поцеловал окровавленные губы.

Он вдруг сел и уставился на меня. Потом губы растянулись в широкой мальчишеской ухмылке.

— Клянусь козавкой в ноздре Сета! Вот была драка! — заявил старый воин вместо приветствия.

— Крат! — обрадовался я. — Ты и правда будешь жить вечно.

— И не сомневайся в этом, парень. А сейчас мне нужно смочить горло.

Я побежал к колеснице и принес фляжку с вином. Он поднял ее на расстоянии

вытянутой руки и вылил красное вино прямо себе в глотку. Когда фляжка опустела, отбросил ее в сторону и рыгнул.

— Ну вот, для начала хватит, — и подмигнул мне, — а теперь покажи мне, где тут ближайший кабачок, старый развратник!

Я НЕС весть о победе на Элефантину быстрее любой ладьи, идущей против течения. Я ехал в колеснице один, и лошади легко мчали меня. На каждой станции менял лошадей и скакал вперед без малейшей задержки. Пока конюхи меняли упряжку, я брал у них фляжку вина, корку хлеба и кусок сыра и ни разу не остановился поспать или передохнуть. Ночью звезды и луна освещали дорогу, и Гор держал вожжи в моих усталых руках, поэтому со мной ничего не случилось, хотя все тело болело и меня шатало от усталости.

У каждой деревни по дороге я кричал радостную весть.

— Победа! Большая победа! Фараон восторжествовал у Фив! Гиксосы побеждены!

— Хвала всем богам! — кричали мне в ответ. — За Египет!

Так я мчался вперед. До сих пор на дороге рассказывают о моей поездке. Люди говорят о худом ездоке с налитыми кровью глазами, в запыленной одежде, покрытой пятнами засохшей крови, и длинными волосами, развевающимися по ветру. Это был вестник победы, который мчался к Элефантине. Битва у Фив была первой на пути Египта к свободе.

Я проехал из Фив до Элефантины за два дня и две ночи, и, когда добрался до дворца, у меня едва хватило сил добрести до беседки в водном саду, где возлежала моя госпожа. Я бросился на землю у ее ложа и прохрипел:

— Госпожа, — губы мои растрескались от жажды и пыли. — Фараон одержал большую победу. Я вернулся, чтобы отвести тебя домой.

МЫ ПЛЫЛИ вниз по течению к Фивам. Царевны плыли с нами, чтобы матери было веселее. Они сидели на палубе, сочиняли стишки, загадки и смеялись, но в смехе их слышалась печаль, а в глазах появлялась глубокая тревога, когда смотрели на госпожу.

Царица Лостра была слабой, как раненая птица. На костях ее, казалось, не осталось плоти, а кожа стала прозрачной, как перламутр. Я мог поднять ее на руки и косить так же легко, как носил когда-то десятилетнюю девочку. Порошок сонного цветка больше не успокаивал боль, которая будто клещами гигантского краба разрывала живот.

Я отнес ее на нос ладьи, когда из-за поворота появились наконец прекрасные Фивы. Придерживал рукой за плечи. Мы стояли и смотрели на знакомые места, с радостью вспоминая тысячи веселых случаев из нашей юности.

Однако это скоро утомило ее. Когда мы причалили у пристани дворца Мемнона, добрая половина жителей Фив пришла встретить царицу. Во главе огромной толпы стоял фараон Тамос.

Когда рабы вынесли ее на берег на носилках, люди приветствовали криками. Хотя большинство присутствующих не видело Лостру раньше, легенда о доброй царице жила в их сердцах долгие годы изгнания. Матери поднимали детей на руках и тянулись за благословением к бледной руке, бессильно свисавшей с носилок.

— Помолись за нас Хапи, — умоляли они. — Помолись за нас, Мать Египта.

Фараон Тамос шел рядом с носилками, как сын простолюдина, а Техути и Беката шли следом за ним. Обе царевны радостно улыбались, но слезы алмазами блестели на их ресницах.

Атон приготовил царице покои. У дверей я отослал всех прочь, даже царя. Я положил госпожу на ложе под густой виноградной лозой, откуда она могла смотреть через реку на сверкающие стены ее возлюбленных Фив. Когда опустилась темнота, я отнес Лостру в спальню. Лежа на полотняных простынях, она посмотрела на меня.

— Таита, можешь ли ты в последний раз обратиться к лабиринтам Амона-Ра ради меня?

— Госпожа, я ни в чем не могу отказать тебе.

Я почтительно склонил голову и вышел, чтобы принести сундучок.

Я примостился на каменном полу у ее кровати, скрестив ноги. Она смотрела, как я готовил травы. Я размолот их в алебастровой ступке и подогрел воду в медном кувшине.

Я поднял дымящуюся чашу с настоем и выпил в честь госпожи.

— Благодарю тебя, — прошептала она. Я осушил чашу и закрыл глаза, ожидая появления такого знакомого ужасного ощущения, будто я падаю в нереальный мир снов и видений.

Когда я вернулся, лампы шипели и дымились, а во дворце стояла тишина. Ни звука не доносилось с реки и из спящего города на том берегу. Только сладкая трель соловья в саду да легкое дыхание госпожи, возлежавшей на шелковых подушках, слышались в комнате.

Мне почудилось, что она спит, но как только я поднял дрожащую руку и вытер отвратительный холодный пот со своего лица, Лостра открыла глаза.

— Бедный Таита, неужели тебе было так плохо?

Мне было хуже, чем когда бы то ни было. Голова раскалывалась, а окружающие предметы плыли перед глазами. Я понял, что больше никогда не смогу обратиться к лабиринтам. Это случилось в последний раз, и сделал я это только для нее.

— Я видел, как стервятник и кобра стояли по разные стороны реки, разделенные ее водами. Я видел, как вода поднялась и опустилась сто раз. Я видел сто снопов хлеба, и сто раз птицы пролетели над рекой. Под ними я видел пыль сражений и блеск мечей. Я видел, как дым горящих городов смешивался с пылью, поднимаемой колесницами.

Я видел, как кобра и стервятник сошлись на совет. Они совокупились и свернулись в одно целое на полотне чистейшего синего шелка. Над городскими стенами развевались синие знамена.

Я видел синие знамена над колесницами, которые мчались по всему миру. Я видел памятники, такие высокие и могучие, что они будут стоять десять тысяч лет. Я видел, как народы пятидесяти стран склонялись перед ними. — Я вздохнул и потер виски, чтобы успокоить бьющуюся в них боль. — Таково было мое видение.

Мы оба довольно долго молчали, а потом госпожа моя сказала:

— Сто лет пройдет, прежде чем оба царства объединятся. Сто лет войн и трудов ожидают страну, прежде чем гиксосы будут изгнаны с ее священной земли. Это будет тяжелое время для моего народа.

— Но народ наш объединится под синим знаменем, и цари твоей династии завоюют весь мир. Все страны земли будут поклоняться им, — истолковал я для нее вторую часть видения.

— Я рада этому, — вздохнула она и уснула. Я не спал, потому что знал: я еще нужен ей. Лостра проснулась снова за час до рассвета в самое темное время ночи.

— Какая боль! Милостивая Исида, какая боль!

Я приготовил чашу настоя сонного цветка. Через некоторое время она сказала:

— Боль ушла, но теперь мне холодно. Возьми меня на руки, согрей меня.

Я взял ее на руки и прижал к себе. Она уснула. Проснулась еще раз, когда первые робкие лучи рассвета проникли в спальню с террасы.

— Я любила только двух человек в своей жизни, — прошептала Лостра, — и ты был одним из них. Может быть, в следующей жизни боги будут добрее к нашей любви.

Я не нашелся, что ответить ей. Она закрыла глаза в последний раз. Ушла тихо, оставив меня одного. Последний вздох был не громче предыдущего, но я почувствовал, как губы моей госпожи похолодели, когда я поцеловал их.

— Прощай, госпожа моя, — прошептал я. — Прощай, душа моя.

Я НАПИСАЛ эти свитки за семьдесят дней и ночей обряда бальзамирования царицы. Это моя последняя дань госпоже.

Прежде чем гробовщики забрали Лостру у меня, я сам сделал ей надрез в левом боку, как и Тану. Я вскрыл чрево и вынул из него того страшного демона, который убил ее. Это

была тварь из плоти и крови, но в ней не было ничего человеческого. Когда я бросил ее в огонь, я проклял эту тварь и поганого бога Сета, который вложил смерть в чрево моей госпожи.

Я приготовил десять кувшинов из алебастра для этих свитков. Я оставлю их с ней. Я сам, своей собственной рукой пишу фрески в ее гробнице. Это лучшее из всего, что когда-либо выходило из-под моей кисти. Каждый мазок исполнен любви.

Как бы мне хотелось остаться с Лострой навеки в этой гробнице. Я устал и от горя не хочу больше жить. Но у меня остались две царевны и царь. Я нужен им.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Пятого января 1988 года Дураид ибн Аль-Симма из департамента древностей Египта вскрыл гробницу на западном берегу Нила в Долине Знати. Ранее в этой гробнице раскопки не проводились по той причине, что в седьмом веке над ней была построена мусульманская мечеть. Только после долгих и сложных переговоров религиозные власти разрешили провести раскопки

Уже войдя в коридор, который вел к погребальной камере, доктор Аль-Симма увидел чудеснейшие фрески, покрывавшие стены и потолок. Фрески эти оказались самыми изысканными и красочными из всех, какие ему приходилось встречать за долгие годы исследования древних памятников.

По его словам, он сразу понял, что сделал значительную находку, так как среди иероглифов на стенах выделялось имя египетской царицы, еще не зафиксированное в истории Египта.

Волнение и острое чувство предвкушения удачи усиливались по мере приближения к погребальной камере. Однако надежды, рассыпались в прах, как только он увидел, что печати на входе повреждены и кто-то уже взламывал его. В древние времена могилу ограбили, саркофаг и все сокровища исчезли.

Тем не менее доктору Аль-Симме удалось достаточно точно датировать гробницу. Ее запечатали в смутные для Египта времена, когда вся страна примерно в 1780 году до н. э. попала под власть кочевников. В последующие сто лет оба царства постоянно воевали друг с другом. Документов этого периода почти не сохранилось, но в конце столетнего хаоса появилась династия царевичей и фараонов, которые в конце концов изгнали гиксосов и правили Египтом в период величайшей его славы. Мне доставляет радость мысль о том, что кровь Лостры, Тана и Мемнона текла в их жилах.

Почти через год после вскрытия гробницы, когда помощники доктора Аль-Симмы копировали и фотографировали фрески на стенах, отвалился кусок штукатурки, и их взглядам открылась тайная ниша, в которой стояли десять запечатанных алебастровых ваз. Когда доктор Аль-Симма обратился ко мне за помощью в обработке свитков, содержащихся в вазах, меня охватило смешанное чувство. С одной стороны, я был польщен, с другой — его просьба вызывала у меня некоторые опасения. Я, разумеется, не обладаю достаточными профессиональными знаниями для чтения подлинных манускриптов, написанных иератическим письмом. Эту работу в каирском музее проделала международная группа египтологов.

Доктор Аль-Симма попросил меня переписать манускрипт так, чтобы он был доступен для современного читателя. Именно с этой целью я включил в книгу некоторые анахронизмы. Местами, например, я использовал сравнительно современные меры длины и веса — мили и унции, а также воинские звания. Я позволил своим героям употреблять такие слова, как «джин», «гурия», «хулиган», которых Таита не мог знать, но которые, по моему убеждению, могли бы появиться в речи, если бы были частью его словарного запаса.

Вскоре после начала работы над текстами опасения мои улетучились, и я с увлечением начал следить за судьбами людей, описанных древним автором. Хотя нас и разделяют тысячелетия, я очень привязался к рабу Таите, несмотря на все его хвастовство и

тицеславие.

Меня до сих пор не оставляет мысль о том, насколько постоянны оказались чувства и надежды людей, так мало изменившиеся за прошедшие века. В глубине души у меня горит искорка страсти кладоискателя, потому что где-то в горах Абиссинии у истоков Голубого Нила скрывается неизвестная и не вскрытая еще гробница египетского фараона.